ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

9834
1886
9181
1866.

ТОМЪ III.

ІЮНЬ — КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ленинградск... ...ударственных
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 22-го 1852.

Цензоръ *Н. Пейкеръ.*

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

Оглавление третьего тома.

Книжка шестая, июнь.

I. Изящная словесность.

Семейная драма. В пяти действиях. Перевод с французского Е. Серчевского. (С. 3-64).
Брак, каких мало. Роман в двух частях. Соч. Евг. Лунского. Часть вторая. (С. 1-82).

II. История и теория искусства.

Письмо о музыке. К А. Д. Улыбышеву, по случаю толков о Моцарте и Бетховене. А. Серова. (С. 1-20).
Жуковский и романтизм. М. М. Достоевского. (С. 21-43).
А. Е. Мартынов. Гр. Данилевского. (С. 44-64).

III. Мемуары.

Записки Августа-Вильгельма Ифланда.(С. 1-18).

IV. Театральная летопись.

Русский театр в Петербурге.
Московский комик г. Шумский. Появление его на петербургской сцене и характеристика его игры.

1. «Две камелии»Комедия в одном действии. Сочинение кн. Г. В. Кугушева.
2. «Вести, или Убитый живой». Комедия графа Ф. В. Растопчина.
3. «Двумужница». Водевиль, переделанный с французского г. Аничковым.
4. «Диллетант пятого яруса». Шутка в одном действии. (Бенефис вдовы Третьякова). (С. 1-8).

V. Обозрение иностранных театров.

Письмо из Парижа от 1/13 июня.
Бал в Париже. Бал у генерала д'Опу. – Спектакли в Тюильрийском дворце. История Тюильрийского театра. – Госпожа Вольнис на сцене Драматической гимназии. – Пианист Габербир. – Эмиграция актеров. – Скриб. – Ясновидящий актер. – Первый Французский театр: «Старик Жадис», комедия в одном действии, соч. Генриха Мирже. – Театр Большой Оперы: «Странствующий жид», опера в пяти действиях и десяти картинах, слова Скриба и Сен-Жоржа, музыка Галеви. – ТеатраКомической оперы: «Галатея», опера в двух действиях, слова Жюля Барбье и Мишеля Карре, музыка Виктора Массе. Новая опера Мейербера и госпожа Вагнер. – Пьесы из истории Наполеона. – Театр водевиля: «До полуночи», водевиль в одном действии, г. Ашиля Дортуа, Бессельевра и Ровиго. – Театр веселости:

«Нищая», драма в пяти действиях, гг. Анисе Буржуа и Мишеля массона. – Палерояльский театр: «Подуйте мне в злаза», водевиль в одном действии, гг. Лабаша и Марка Мишеля. «Бедовый брат», водевиль в одном действии, гг. Дюпети и П. Вермона. «Семь жен Синей бороды», трагикомическая легенда с пением, г. Барбаруссы. – Театр Сен-Мартенских ворот: «Право осмотра», водевиль в одном действии, гг. Альбера Монье и Эдуарда Мартена. – Ипподром: дебют госпожи саки. – Некролог: Полина Кюзан, Евгения Фоа, Форетти. (С. 1-22).

V. Смесь.

«Индийское притиранье» (С. 1-30).
«Наслаждение в Неаполе». Из записок путешественника. (С. 30-50).
«Мавры в Испании и в Африке». (С. 50-65).
Разные разности.
«Сельская жизнь в Англии». (С. 66-70).
«Томас Гейвуд, английский драматург. (С. 70-71).
«Скрипач Франкенштейн во дворце султана». (С. 71-73).
«Правнучка Корнеля». (С. 73).
«Ссора из-за пустяков». (С. 73-74).
«История одной комедии». (С. 74-75).
«Соперник Германна». (С. 76).
«Путеводные звезды провинциалов». (С. 76-78).

VI. Московский вестник.

О выходе второго тома «Истории России» г. Соловьева. – «Русская поэзия в XVII веке», г. Буслаева, и другие статьи «Московских ведомостей». – Новые книги специального содержания и беллетрического. – Первая майская книжка «Москвитянина». – Вторая майская книжка того-же журнала. Статьи той и другой книжек. – Новости театральные. – Гулянья городские и загородные. Тиволи г. Раппо. – Новый фабрикант папирос. – Просьба к читателям. (С. 1-14).

VII. Петербургский вестник.

Последние номера «Отечественных записок». – Г. Вонлярлярский и его «Ночь на 28-е сентября». – Романы в письмах. – Чудесное и естественное. – Науки и библиография. – Статья о Н. В. Гоголе и сказака г. Данилевского. – «Библиотека для чтения». – Иногородний Подписчик уезжает. Приятное и тяжелое чувство, остающееся после его письма. – Критика в новом роде. – Г. Арбузов, поэт «Сына Отечества». – Г-жа Тальцева и ее повесть. – Эпиграфы, посвящения и ошибки против русского языка. – Цитата Демутье. – Странное сходство двух произведенийразных авторов, в двух разных журналах. – «Село Михайловское-Прискухино», «Львы в провинции» и «Евгений Онегин». – Ничто не ново под луною. – «Кружевница», г. Михайлова. – «Энеида», Котляревского-Шершеневича. – Кто она? Любопытный вопрос, в котором можно раскаяться. – Новый поэт не выдержал. – Отчего мы не

разбираем газет? Ответ г. Ф. – Несколько слов о «Музыкальном свете». – Моды. (С. 1-24).

VIII. Репертуар русской сцены № 6.

Богатый холостяк и двое женатых. Оригинальная комедия в одном действии, в прозе. Сочинение П. И. Григорьева. (С. 1-34).

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Е. Сергѣевскаго.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТЕАТРѢ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
ГРАФЪ ДЕ-ВЕРЬЕРЪ, генералъ	*Г. Каратыгинъ 1.*
ГАСТОНЪ, поручикъ африканскаго егерскаго полка, сирота усыновленный графомъ	*Г. Максимовъ.*
ФРЕДЕРИКЪ БЕРНЕ, докторъ	*Г. Самойловъ.*
АМАЛІЯ, жена генерала	*Г-жа Лилѣева.*
ЮЛІЯ, сестра Фредерика	*Г-жа Душкина.*
ГОСПОЖА ДЕ-ВАЛОРИ	*Г-жа Самойлова 2*
АНАТОЛЬ ДЕ-СРЕЗИ, ея двоюродный братъ	*Г. Мартыновъ.*
АНТОНЪ, отставной солдатъ, въ услуженіи у генерала	*Г. Григорьевъ.*
РОЗА	*Гжа Васильева.*

Крестьяне и крестьянки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ, направо бесѣдка, налѣво скамья подъ навѣсомъ, вдали виднѣъ замокъ.

I.

ГАСТОНЪ, ЮЛІЯ, АМАЛІЯ, ГРАФЪ. Они сидятъ за столомъ, близъ бесѣдки, **АНТОНЪ** подаетъ послѣ завтрака кофе и уходитъ въ бесѣдку.

ГРАФЪ. Ну, Гастонъ, ступай, отдохни мой милый; проскакавъ двѣсти миль нужно отдохнуть, дамы извинятъ тебя ... иди спать, до свиданія.

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, батюшка, я еще никогда не былъ такъ бодръ, какъ сегодня; напротивъ, я хочу дождаться моего друга Фредерика; время незамѣтно пройдетъ въ разговорѣ съ дамами и и съ вами. Да такія-ли поѣздки случалось мнѣ дѣлать въ Африкѣ, и я, какъ вы видите, совершенно здоровъ. Снѣгъ, дождь, распутица, за обѣдомъ и ужиномъ рисовая каша да мѣткій выстрѣлъ бедуина изъ-за куста, вотъ какова была наша обычная жизнь, и по возвращеніи, мы не имѣли въ виду роднаго крова, а теперь у насъ въ домѣ веселѣе, пріятнѣе и лучше, чѣмъ было до моего отъѣзда (*Амаліи*). Да, графиня, вы оживили наше семейство вашею молодостію и красотою; съ вами, съ Юліей, съ Фредерикомъ я буду счасливѣйшимъ изъ людей. Рѣшено, мнѣ здѣсь хорошо — и я остаюсь (*пожимаетъ руку Юліи*).

ГРАФЪ. Лѣнтяй! что-бы ты сказалъ въ наше время, когда случалось намъ дѣлать переходы отъ востока до запада и отъ сѣвера до юга. Ты думаешь, что я въ наслажденіяхъ и нѣгѣ выслужилъ себѣ эти

эполеты? Правду сказать, нынѣшняя молодежъ не стоитъ насъ, въ ея жилахъ течетъ не кровь, а вода.

ЮЛІЯ. Ахъ! что вы это.

АМАЛІЯ. Вы совсѣмъ не любезны; взгляните на бѣдную Юлію, какъ она покраснѣла. Вы утомились ... такъ и отдыхайте ... не такъ – ли?

ГРАФЪ. Ну, Гастонъ, какіе у тебя защитники!.. мнѣ приходится молчать (*въ полголоса*). Какъ ты ее находишь?

ГАСТОНЪ (*въ полголоса*). Прелесть!

АМАЛІЯ. Что̀ вы говорите?

ГРАФЪ. Мы говоримъ, что вы прелестны!

АМАЛІЯ. А!..

ГАСТОНЪ. Кстати! Я даже не успѣлъ спросить у васъ: ка̀къ вы располагаете вашимъ временемъ, есть–ли здѣсь охота, сосѣди, билліардъ?

АМАЛІЯ. Какъ-же, все есть, а хотите знать, ка̀къ мы проводимъ время, такъ слушайте.

ГРАФЪ. Начинается съ того, что утромъ встаютъ рано.

АМАЛІЯ. Позвольте, я здѣсь хозяйка и по этому предоставляю себѣ право занимать мосьё Гастона: онъ мой гость...

ГРАФЪ. Правда!

АМАЛІЯ. У насъ, какъ говоритъ мужъ, встаютъ или рано, или поздно, кому какъ нравится; въ одинадцать часовъ завтракаютъ, въ шесть обѣдаютъ. До обѣда полная свобода. Юлія занимается музыкою, я рисую, графъ читаетъ газеты, а вы будете охотиться, ловить рыбу, читать, писать и никто вамъ не помѣшаетъ. За это вы обязаны удѣлить намъ весь вечеръ. Развѣ этого много?

ГАСТОНЪ. Напротивъ, слишкомъ мало.

АМАЛІЯ. Опять комплиментъ!

ГАСТОНЪ. Совсѣмъ нѣтъ! Я вамъ говорю всю правду.

ГРАФЪ (*къ Амаліи*). А! дружокъ мой, каково я воспиталъ молодца?

ГАСТОНЪ. А кстати, кто̀ ваши сосѣди?... Вы мнѣ про нихъ еще не сказали ни слова!

АМАЛІЯ. Наши сосѣди, — меръ и приходскій священникъ; но мой мужъ въ своихъ мнѣніяхъ съ ними не сходится, и потому у нихъ постоянные споры.

ГАСТОНЪ. Кто̀-же у васъ бываетъ?

АМАЛІЯ. Мадамъ де-Валори, съ которой я вмѣстѣ во питывалась, двоюродный ея братъ, Анатоль де-Срези.

ГАСТОНЪ. Чѣмъ онъ занимается?

ГРАФЪ (*вставая*). Поетъ романсы!

ГАСТОНЪ. Полезно.

АМАЛІЯ. Вотъ наши знакомые; признаюсь вамъ, я очень рада, что ихъ мало. Мнѣ нравится уединенная жизнь, она нравится также мужу, нравится Юліи, и мы живемъ здѣсь спокойно, не заботясь о свѣтѣ.

ЮЛІЯ. Любите-ли вы выѣзжать?

ГАСТОНЪ. А вы?

ЮЛІЯ. Я? нѣтъ ...

ГАСТОНЪ. И я терпѣть не могу.

ЮЛІЯ (*улыбаясь*). А!

ГРАФЪ. Добрый знакъ, мы васъ скоро женимъ.

ГАСТОНЪ. А гдѣ Фредерикъ? Мы о немъ и забыли. Что онъ, подѣлываетъ?

АМАЛІЯ. Мг. Берне?.. я полагаю, что онъ занятъ своими книгами.

ГАСТОНЪ. Добрый другъ, неужели онъ лишился всей своей практики, что переѣхалъ къ вамъ?

ГРАФЪ. Совсѣмъ нѣтъ, я его насильно затащилъ...я ему обязанъ болѣе, чѣмъ жизнію: я обязанъ ему жизнію моей жены, и съ этого времени, Гастонъ, твой другъ и его сестра — мнѣ родные, а притомъ и уединеніе наше не безполезно для него. Берне приготовляется къ экзамену на профессора медицины.

ГАСТОНЪ. И хорошо дѣлаетъ; Фредерикъ достойный молодой человѣкъ, при всей своей веселости, онъ очень ученъ. Какъ-бы мнѣ хотѣлось поскорѣй его видѣть ... Да зачѣмъ-же онъ поѣхалъ въ Парижъ?...

ГРАФЪ. Хлопочетъ, кажется, по какой-то запутанной тяжбѣ; впрочемъ, онъ скоро воротится ... да вотъ ... чуть-ли и не онъ идетъ... кажется онъ ... такъ и есть!..

АМАЛІЯ (*всторону*). Боже мой!

II.

ГРАФЪ, ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ, ЮЛІЯ и АМАЛІЯ.

ГАСТОНЪ. Это ты ... Фредерикъ! какъ я радъ тебя видѣтъ ... (*обнимаетъ его*).

ФРЕДЕРИКЪ. Здравствуй, Гастонъ!.. ты загорѣлъ отъ африканскаго солнца и похорошѣлъ.

ГРАФЪ. Не правда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Да, графъ: (*жметъ ему руку, кланяясь Амаліи*). Графиня!... (*Юліи*) Здравствуй, сестра ... (*цѣлуетъ Юлію въ лобъ*).

ЮЛІЯ (*въ полголоса*). Какъ я счастлива, Фредерикъ!

ФРЕДЕРИКЪ (*такъ-же, улыбаясь*). Что меня видишь?

ЮЛІЯ (*также*) Да, тебя и другаго ..

ГАСТОНЪ (*Фредерику*). Знаешь-ли что ... я нахожу, что ты очень похудѣлъ ...

ФРЕДЕРИКЪ. Можетъ быть; я очень занятъ.

ГАСТОНЪ. А я, братецъ, совсѣмъ одурѣлъ въ Африкѣ.

ФРЕДЕРИКЪ. Что ты говоришь!

ГАСТОНЪ. А знаешь ... ты очень хорошо сдѣлалъ, что поселился здѣсь ... я беру на себя половину признательности и мы не разстанемся, не правда–ли?.. Я женюсь, ты женишся, мы женимся, и будемъ себѣ жить такъ счастливо, какъ никто на свѣтѣ.

ФРЕДЕРИКЪ. Съ ума ты сошелъ?

ГАСТОНЪ. Совсѣмъ нѣтъ ... а вы, графиня, что на это скажете?

АМАЛІЯ (*въ замѣтательствѣ*). Разумѣется ...

ГРАФЪ. Гастонъ правъ, любезный докторъ ... истинное счастіе заключается только въ семейной жизни; взгляните на мою жизнь. (*Амалія дѣлаетъ движеніе*).

ФРЕДЕРИКЪ (*въ полголоса*). Правда! ваша супруга выше совершенства.

ГРАФЪ. Хорошо. Мы объ этомъ подумаемъ. (*Идетъ съ Гастономъ къ среднему выходу, Юлія приближается къ столу*).

ФРЕДЕРИКЪ (*тихо Амаліи*). Будьте осторожны!

АМАЛІЯ. Зачѣмъ вы воротились, Фредерикъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Я не могу жить безъ васъ!

АМАЛІЯ. Вы меня погубите!..

ГРАФЪ (*со смѣхомъ*). Что вы, докторъ ... за моей женой ухаживаете?

ФРЕДЕРИКЪ. Почему нѣтъ, графъ.

АМАЛІЯ. Юлія! кажется, мы собирались дѣлать визиты.

ЮЛІЯ. Точно ... я и забыла.

ГАСТОНЪ. А позвольте спросить, куда вы изволите ѣхать?

ГРАФЪ. Къ бѣднымъ, которые всѣ ее благословляютъ; жена объ этомъ не говоритъ, но посвящаетъ на это большую часть своего времени. Пойдемъ, милая Амалія, и я прибавлю отъ себя къ твоему подаянію. Сынъ мой возвратился, я счастливъ ... хочу, чтобъ всѣ радовались!

ГАСТОНЪ. Мой благодѣтель!

ГРАФЪ (*пожимая ему руку*). Гастонъ, я скоро приду, подожди меня ... (*Поклоны съ той и другой стороны. Графъ, Амалія и Юлія входятъ въ бесьдку*).

III.

ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ.

ГАСТОНЪ (*закуриваетъ сигару, Фредерикъ садится*). Скажи мнѣ, Фредерикъ: видѣлъ-ли ты когда - нибудь человѣка благороднѣе графа, человѣка, который, въ его лѣта, былъ-бы такъ молодъ умомъ и сердцемъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Точно, онъ похожъ на молодаго человѣка.

ГАСТОНЪ. Знаешь-ли, мнѣ не разъ приходило въ голову, что онъ моложе меня.

ФРЕДЕРИКЪ. Что за вздоръ?... Развѣ ты такъ состарѣлся?...

ГАСТОНЪ. Совсѣмъ нѣтъ!.. Да вотъ какъ: сегодня, при свиданіи съ нимъ, съ Юліею и съ тобою, я сталъ совершенный ребенокъ!.. Мнѣ кажется, я только-что вышелъ изъ училища и пріѣхалъ домой на ваканціи ... Бѣда, еслибъ это узнали въ полку! Но, по совѣсти, я такъ радъ, что готовъ ловить бабочекъ въ саду.

ФРЕДЕРИКЪ. Безумная голова!

ГАСТОНЪ. Разумная голова! Развѣ настоящая мудрость не заключается въ томъ, чтобъ быть счастливымъ?.. Но потолкуемъ о тебѣ ... Доволенъ-ли ты своей судьбой? Какія у тебя намѣренія? Есть-ли у тебя зазнобушка? Любишь-ли шампанское, какъ прежде? Ну, говори скорѣй, у меня бездна вопросовъ послѣ пятилѣтней разлуки.

ФРЕДЕРИКЪ (*вставая*). Ахъ, другъ мой, я теперь уже не тотъ, чѣмъ былъ пять лѣтъ назадъ. Я опорожнилъ послѣднюю бутылку шампанскаго въ день твоего отъѣзда.

ГАСТОНЪ. Боже мой! да ты меня удивляешь!.. въ-самомъ-дѣлѣ, во всей твоей осанкѣ какая-то важность, которой я прежде не замѣчалъ.

ФРЕДЕРИКЪ. А что, я похожъ на важнаго человѣка?

ГАСТОНЪ (*взявъ Фредерика подъ руку, прохаживается съ нимъ.*) Бѣдный другъ! ты былъ такой весельчакъ; бывало, такъ мастерски билъ стаканы, пѣвалъ такія пѣсни, что хоть кого заставишь разсмѣяться.

ФРЕДЕРИКЪ. Да, на все есть свое время .. есть время на труды, есть и на честолюбіе!..

ГАСТОНЪ. Какъ! ты честолюбивъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Разумѣется; однако не взирая на всѣ мои усилія, цѣль, къ которой я стремлюсь, всегда бѣжитъ отъ меня; я знаю, что во мнѣ есть способности и энергія, но этого мало! Чтобъ была удача, Гастонъ, надо отказаться отъ всѣхъ людскихъ слабостей, надо обуздать свою молодость, свое сердце, надо быть холоднымъ, равнодушнымъ, всегда владѣть собою, словомъ сказать, почти не быть человѣкомъ: я еще не дошелъ до этого!

ГАСТОНЪ. Стало быть, ты недоволенъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Да, потому-что я страдаю, потому – что ... напрасно стараюсь обуздать страсти, которыя бушуютъ во мнѣ, безпрестанно волнуютъ мой разсудокъ и сталкиваютъ съ того пути, по которому я хотѣлъ-бы идти. Эти страсти мучатъ меня; однимъ словомъ, я созрѣлъ лѣтами, но все еще слишкомъ молодъ душою; разсудокъ влечетъ меня впередъ, а страсти тянутъ назадъ, и у меня нѣтъ силъ съ ними бороться ... я не умѣю быть ни молодымъ, ни старымъ, и моя жизнь, мои труды, мое поприще пропадаютъ въ этой борьбѣ.

ГАСТОНЪ. Чортъ возьми, въ какомъ печальномъ видѣ ты себя описываешь, мой другъ!.. Но послушай, если уже серьозно говорить съ тобой, на что ты жалуешся? Ты не богатъ, но у тебя есть чѣмъ жить, занимаешь почетное мѣсто въ обществѣ и въ наукѣ; будущность въ твоихъ рукахъ; ты не чужой въ моемъ семействѣ и можешь, кажется, спокойно выжидать, чтобъ какая-нибудь богатая наслѣдница принесла тебѣ за собою порядочное состояніе. Чего-же тебѣ еще надо?..

ФРЕДЕРИКЪ. Все это пустыя мечтанья!

ГАСТОНЪ. Отъ тебя зависитъ осуществить ихъ. Что до меня, такъ семейная жизнь, которою ты какъ-будто пренебрегаешь, моя единственная мечта ... и этого счастія я хочу просить у твоей сестры.

ФРЕДЕРИКЪ Стало, ты ее любишь по-прежнему?

ГАСТОНЪ. Люблю-ли?... Разлука не охладила моей любви; я не боялся непріятельской пули, но боялся умереть, не увидавъ ее еще разъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Ты говоришь объ Юліи, Гастонъ, и коснулся самой чувствительной струны моего сердца: это доброе созданіе достойно тебя ... Вы будете счастливы, я въ этомъ увѣренъ; я поручаю тебѣ это неоцѣненное сокровище.

ГАСТОНЪ. Опять скажу, что отъ тебя зависитъ быть такъ-же счастливымъ, какъ и я; на свѣтѣ не одна достойная дѣвушка.

ФРЕДЕРИКЪ. Что дѣлать; я вѣрю въ Юлію, а въ другихъ женщинъ мало ...

ГАСТОНЪ. Это не комплиментъ для графини.

ФРЕДЕРИКЪ. Это шутка!.. я очень уважаю графиню де-Верьеръ.

ГАСТОНЪ. Она очаровательна, неправда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Въ этомъ я съ тобою совершенно согласенъ.

ГАСТОНЪ. Въ ней столько кротости, столько доброты, что я плѣнился ею съ первой встрѣчи; она разсѣяла всѣ мои опасенія.

ФРЕДЕРИКЪ. Твои опасенія?

ГАСТОНЪ. Да, признаться тебѣ, я несовсѣмъ былъ покоенъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Это почему?

ГАСТОНЪ. Женитьба весьма важное дѣло, Фредерикъ, а графъ, казалось мнѣ, старенекъ для молодой жены.

ФРЕДЕРИКЪ Что за мысль?

ГАСТОНЪ. Но лицо графини де-Верьеръ дышетъ такимъ прямодушіемъ, что въ ней ошибаться нельзя; я увѣренъ, что мой благодѣтель на старости будетъ спокоенъ и счастливъ. Но вотъ и наши дамы!..

IV.

ТѢ-ЖЕ, АМАЛІЯ, ЮЛІЯ, ГРАФЪ выходитъ изъ бесѣдки.

ГРАФЪ. Докторъ, подайте руку дамамъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Съ большимъ удовольствіемъ.

АМАЛІЯ. Какъ, а вы съ нами не пойдете?

ГРАФЪ. Я, другъ мой, останусь; мнѣ надо поговорить съ Гастономъ.

АМАЛІЯ. До свиданія, мосьё Гастонъ!

ГАСТОНЪ (*тихо Юліи*). Приходите скорѣй назадъ, Юлія.

ЮЛІЯ (*такъ-же*). Хорошо. (*Фредерикъ, Амалія и Юлія выходятъ съ лѣвой стороны сцены*).

V.

ГАСТОНЪ, ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Наконецъ, мы одни, мой другъ, и я этому очень радъ мнѣ надо поговорить съ тобой.

ГАСТОНЪ. Я весь къ вашимъ услугамъ, батюшка (*садится къ столу; графъ стоитъ передъ нимъ*).

ГРАФЪ. Знаешь-ли, Гастонъ, мнѣ что-то неловко передъ тобою?

ГАСТОНЪ. Почему-же, батюшка?

ГРАФЪ. Скажи мнѣ откровенно, нравится-ли тебѣ моя жена?

ГАСТОНЪ. Очень.

ГРАФЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ГАСТОНЪ. Увѣряю васъ.

ГРАФЪ. Ну, слава Богу; а я боялся, что̀ ты скажешь другое.

ГАСТОНЪ. Помилуйте, батюшка, мнѣ-ли, осыпанному вашими благодѣяніями, быть вашимъ судьей? Все, что̀ вы дѣлаете, прекрасно: я матери моей не зналъ, и мѣсто, которое въ вашемъ домѣ занимаетъ новая супруга ваша, не можетъ оскорбить меня. Будьте счастливы—вотъ все, чего я желаю...

ГРАФЪ. Благодарю тебя, Гастонъ: ты снялъ съ меня тяжкое бремя!.. Впрочемъ, моя свадьба устроилась очень просто. Ты согласишся, что романическія лѣта для меня уже прошли; ты уѣхалъ; дома казалось мнѣ пусто, я былъ одинъ, скучалъ, тосковалъ; случилось мнѣ встрѣтить Амалію... Ты знаешь, что я всегда любилъ хорошенькихъ женщинъ... Я наговорилъ ей нѣсколько любезностей, она приняла ихъ съ улыбкой; это ободрило меня. Я старался узнать ее поближе и нашелъ въ ней столько здраваго ума, что безъ страха ей довѣрился; наконецъ, я спросилъ захочетъ-ли она выдти за меня за-мужъ; она не отвергнула моего предложенія, родные уладили остальное и она сдѣлалася моей женою. Съ этого дня, Гастонъ, мнѣ кажется, что я сбросилъ двадцать лѣтъ съ костей; Амалія молода и прекрасна, а я при сѣдыхъ волосахъ, веселъ и счастливъ!..

ГАСТОНЪ (*вставая*). Правда, по вашему лицу видно, что вы веселы и здоровы.

ГРАФЪ (*садясь*). Теперь поговоримъ о тебѣ. Ты рѣшительно хочешь выдти въ отставку?

ГАСТОНЪ. Да, батюшка.

ГРАФЪ. Жалко бросить такую блестящую каррьеру. Ну, что̀ ты здѣсь будешь дѣлать?

ГАСТОНЪ (*приблизясь къ нему*). Да что̀: «жену ласкать, съ дѣтьми играть», имъ строить домики и жизнью наслаждаться.

ГРАФЪ. Впрочемъ, и это занятіе... Такъ ты все еще любишь Юлію?

ГАСТОНЪ. Больше, чѣмъ когда-нибудь.

ГРАФЪ. Такъ женись на ней, если она тебѣ по сердцу. Твоя Юлія мнѣ очень нравится; она не богата, за то у тебя есть состояніе (*Вставая*). Что̀ ни говори, а мнѣ будетъ досадно видѣть тебя поручикомъ въ отставкѣ.

ГАСТОНЪ (*указывая на свой орденъ*). А это, батюшка!

ГРАФЪ. Это славно; ленточка въ петлицѣ тебѣ очень къ лицу.

VI.

ТѢ-ЖЕ и **АНТОНЪ** входитъ съ лѣвой стороны.

АНТОНЪ. Вотъ ваша трубка, ваше сіятельство. Если графу угодно отдохнуть, его комната готова.

ГАСТОНЪ. Отнесены–ли туда мои вещи?

АНТОНЪ. Отнесены ...

ГАСТОНЪ. Вы мнѣ позволите переодѣться до возвращенія нашихъ дамъ?

ГРАФЪ. Иди, братецъ, я подожду тебя, а пока буду курить мою старую трубку; Амалія такъ добра, что и этого мнѣ не запрещаетъ.

ГАСТОНЪ. Такъ до свиданія! (*Гастонъ уходитъ направо*).

VII.

ГРАФЪ и **ГАСТОНЪ.**

ГРАФЪ (*садится подъ навѣсъ*). Послушай, Антонъ!

АНТОНЪ (*подойдя къ графу съ зажженной бумажкой, даетъ ему закурить трубку*). Что́ прикажете!

ГРАФЪ. Ты слышалъ, Гастонъ выходитъ въ отставку.

АНТОНЪ. Можетъ–ли быть?...

ГРАФЪ. Задумалъ жениться. Что̀ ты на это скажешь?

АНТОНЪ. Напрасно.

ГРАФЪ. Что выходитъ въ отставку или что̀ женится?...

АНТОНЪ. Незнаю-съ.

ГРАФЪ. Ка́къ не знаешь?

АНТОНЪ. Изволите видѣть: женщины то–же, что крѣпости, а крѣпость лучше брать приступомъ, нежели сидѣть въ ней, потому–что рано или, поздно, а придется сдаться.

ГРАФЪ. Чортъ возьми, какая метафора! Стало, по твоему мнѣнію, я дурно сдѣлалъ, что женился?

АНТОНЪ. Я этого не говорю, но на вашемъ мѣстѣ я-бы не женился.

ГРАФЪ. Ну, такъ на тебя трудно угодить, Антонъ; что-же дѣлать, если жена моя тебѣ не нравится? Что-же ты ничего не говоришь?

АНТОНЪ. Что мнѣ вамъ сказать?

ГРАФЪ. Да коротко и ясно, олухъ: что она прелестна.

АНТОНЪ. Положимъ, ну, прелестна.

ГРАФЪ. Чтобъ тебя черти взяли! *(Идетъ къ двери и опять возвращается).* Ну, что ты про нее скажешь?

АНТОНЪ. Еслибъ я не боялся...

ГРАФЪ. Говори, что такое?

АНТОНЪ. А вотъ что: меня безпокоитъ мосьё Берне.

ГРАФЪ. Чѣмъ?

АНТОНЪ. А тѣмъ ... чортъ возьми!... трудно сказать вамъ. Мнѣ кажется, что ... или мнѣ уже такъ показалось ... впрочемъ, легко и ошибиться.

ГРАФЪ. Будешь-ли ты говорить, наконецъ?

АНТОНЪ. Ну, уже если вы этого непремѣнно хотите, дѣло другое: мнѣ кажется, что онъ подъѣзжаетъ къ вашей барынѣ.

ГРАФЪ. Оселъ!

АНТОНЪ. А какъ всѣ женщины болѣе или менѣе походятъ на свою...

ГРАФЪ. Какъ!

АНТОНЪ. Я не хочу разсердить васъ!

ГРАФЪ. Что ты говоришь?

АНТОНЪ. Я говорю ... я говорю ...

ГРАФЪ. Вздоръ ... ни слова болѣе ... Ну, гдѣ найти такого дурака?... Признаюсь ... не знаю, что и подумать ... Ну, вотъ такъ-то трубку сломалъ!.. Убирайся къ чорту! *(бросаетъ трубкою въ Антона и выходитъ въ дверь направо).*

VIII.

АНТОНЪ, потомъ **ГАСТОНЪ.**

АНТОНЪ *(подбирая осколки).* Экая славная трубка была!... Надо же несчастіе!... А я все-таки останусь при своемъ. Докторъ изъ головы моей не выходитъ и мнѣ привелось подсмотрѣть, какъ они перестрѣливались глазами. Это до добра не доведетъ. Ну, со временемъ все узнается *(Гастонъ входитъ съ лѣвой стороны).*

ГАСТОНЪ. Что съ тобой, старина, о чемъ задумался?

АНТОНЪ. Генералъ бросилъ въ меня эту трубку, извольте видѣть.

ГАСТОНЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ это значитъ?

АНТОНЪ. А такъ ... разныя исторіи!..

ГАСТОНЪ. Исторіи?..

АНТОНЪ. Изволите видѣть, сударь: хоть онъ и другъ вашъ, но на меня еще не нашла слѣпота. Онъ васъ не сто́итъ.

ГАСТОНЪ. Кто?

АНТОНЪ. Вашъ докторъ.

ГАСТОНЪ. Фредерикъ?

АНТОНЪ. Да, г. Фредерикъ; тамъ что̀ ни говори генералъ, а дѣло не ладное.

ГАСТОНЪ. Гдѣ?

АНТОНЪ. Знаемъ-мы (*убираетъ со стола*).

ГАСТОНЪ. Хорошо, что знаешь, а я ровно ничего не понимаю.

АНТОНЪ. Будьте покойны, старый Антонъ тутъ, и при первой тревогѣ ...

ГАСТОНЪ. Ты, кажется, съ ума сошелъ!

АНТОНЪ. Нисколько, вы сами увидите.

ГАСТОНЪ. Что?...

АНТОНЪ (*съ подносомъ въ рукѣ*). Я не дуракъ и честь графа мнѣ такъ-же дорога̀, какъ вамъ самимъ ...

ГАСТОНЪ. Честь графа!

АНТОНЪ. Не говорите никому объ этомъ.

ГАСТОНЪ. Да о чемъ стану я говорить?

АНТОНЪ. Довольно!... (*входитъ въ бесѣдку*).

IX.

ГАСТОНЪ, потомъ **ЮЛІЯ.**

ГАСТОНЪ. Вотъ чудакъ, вздумалъ говорить загадками ... Вѣрно онъ рѣхнулся на старости ... (*вбѣгаетъ Юлія*) Юлія!..

ЮЛІЯ. А, Гастонъ!

ГАСТОНЪ. Ка̀къ, Юлія, вы бѣгаете по-прежнему?

ЮЛІЯ. Да, чтобъ скорѣй васъ видѣть!..

ГАСТОНЪ. Вы всегда милы и любезны ... (*Указывая на свою сигару*) Это не побезпокоитъ васъ?.. Нѣтъ?.. Прелестная женщина!..

Я спокойно буду курить у себя дома!.. Но какъ вы покраснѣли; вы, вѣрно, устали?.. Угодно вамъ сѣсть!..

ЮЛІЯ (*указывая на стулъ напьво*). Да подойдите сюда.

ГАСТОНЪ (*указывая на бесѣдку направо*). Нѣтъ, сюда.

ЮЛІЯ. Какъ вамъ угодно! (*Идутъ къ бесѣдкѣ; музыка играетъ подъ сурдиной до окончанія дѣйствія*).

ГАСТОНЪ (*садясь*). Юлія, любите-ли вы меня?

ЮЛІЯ. А я хотѣла васъ спросить, любите-ли вы меня?

ГАСТОНЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ЮЛІЯ. Точно.

ГАСТОНЪ. Милое дитя ... Знаете-ли, я нахожу, что вы выросли.

ЮЛІЯ. Какъ этотъ мундиръ вамъ къ лицу!

ГАСТОНЪ. Неужели? Гдѣ-же графиня?

ЮЛІЯ. Я ее оставила при входѣ въ паркъ съ Фредерикомъ ... Часто вы вспоминали обо мнѣ въ Африкѣ?

ГАСТОНЪ. О, я васъ не забывалъ ни на одну минуту, и что было-бы со мною безъ воспоминанія о васъ? Измученный, мокрый насквозь, оледенѣвъ и тѣломъ и душой, я произнесу ваше имя, Юлія—и все забыто.

ЮЛІЯ. Бѣдняжка!.. И я также очень часто вспоминала о васъ!.. Какъ вы находите, перемѣнилась я?

ГАСТОНЪ. Да, вы перемѣнились. Ваши глазки нѣжнѣе прежняго, волосы чернѣе, голосъ тверже, и все это такъ идетъ къ вамъ ... Ну, а я? (*встаетъ, Юлія садится*).

ЮЛІЯ (*смѣясь*). Вы? У васъ хорошенькіе усики.

ГАСТОНЪ. Да, порядочные ...

ЮЛІЯ. Взгляните на эти васильки, я собрала ихъ на полѣ ... хотите, мы съ вами будемъ вѣнки плести?

ГАСТОНЪ. Съ удовольствіемъ! (*Встороиу*) Вѣнки плести поручику африканскихъ стрѣлковъ! Еслибъ увидѣли это мои товарищи, они-бы поднесли мнѣ пастушескую свирѣль.

ЮЛІЯ. Что-же вы?

ГАСТОНЪ. Съ большимъ удовольствіемъ (*подходитъ къ Юліи и разбираетъ съ нею цвѣты, разговаривая въ полголоса*).

X.

ТѢ-ЖЕ, ФРЕДЕРИКЪ, АМАЛІЯ.

Фредерикъ и Амалія входятъ подъ руку, съ лѣвой стороны, такъ-что Гастонъ и Юлія не замѣчаютъ ихъ.

АМАЛІЯ. Повторяю вамъ, Фредерикъ, мнѣ страшно!...

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь, ради Бога!

АМАЛІЯ. Что-же мнѣ дѣлать?.. Я не имѣю вашей твердости ... я чувствую, что я преступна и дрожу (*Гастонъ приподнимаетъ голову и, увидѣвъ ихъ, подслушиваетъ*).

ФРЕДЕРИКЪ. Старайтесь владѣть собою, Амалія, иначе вы сами себя погубите.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, это свыше силъ моихъ, уѣзжайте!... (*Гастонъ дѣлаетъ шагъ*).

ФРЕДЕРИКЪ. Развѣ это возможно?

АМАЛІЯ. Я этого хочу (*Фредерикъ и Амалія входятъ въ бесѣдку*).

XI.

ЮЛІЯ, ГАСТОНЪ, потомъ **ГРАФЪ.**

ГАСТОНЪ (*роняетъ изъ рукъ цвѣты*). Я этого хочу!

ЮЛІЯ. Что-же вы дѣлаете? вы бросаете мои цвѣты (*поднимаетъ ихъ*).

ГРАФЪ (*входя съ правой стороны*). А! ты здѣсь, Гастонъ! Видѣлъ мою жену?

ГАСТОНЪ. Кажется, она сію-минуту возвратилась, батюшка!..

ГРАФЪ. Что съ тобою? Какъ ты блѣденъ!

ГАСТОНЪ. Я, ничего.

ЮЛІЯ. Ахъ! Боже мой, что съ вами? Вы нездоровы?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, здоровъ ...

ГРАФЪ. Я шелъ ей сказать, что г-жа де-Валори сейчасъ пріѣхала съ своимъ двоюроднымъ братомъ; пойдемъ со мною, я тебя представлю ей.

Э834.

БИБЛІОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ГАСТОНЪ. Иду, батюшка!

ГРАФЪ. Видишь, Гастонъ, какъ мы счастливы?

ГАСТОНЪ. Да! очень счастливы.

ЮЛІЯ. Да, идите-же!

ГАСТОНЪ Иду! иду! (*Графъ, Гастонъ и Юлія выходятъ въ бесѣдку, занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная; въ глубинѣ дверь, боковыя двери.

I.

ФРЕДЕРИКЪ, ДЕ-ВАЛОРИ, АМАЛІЯ, ГРАФЪ, АНАТОЛЬ. Амалія и г-жа де-Валори сидятъ на правомъ планѣ, за рабочимъ столикомъ; Амалія вышиваетъ по канвѣ, Фредерикъ стоитъ за нею; на лѣвой сторонѣ сидитъ графъ и держитъ журналъ; налѣво, на второмъ планѣ, Анатоль поетъ, акомпанируя себѣ на фортепьяно, возлѣ него стоитъ Юлія.

ДЕ-ВАЛОРИ (*обращаясь къ Анатолю*). Прекрасно! (*Амаліи*) Что вы скажете моя милая? Придерживаясь мнѣнія Мольера, старинные стихи лучше новыхъ... (*Анатолю*). Вы поете съ большимъ чувствомъ. Это ваше сочиненіе?

АНАТОЛЬ (*вставая*). А что вы скажете?...

ДЕ-ВАЛОРИ. Жаль, музыка очень миленькая.

АНАТОЛЬ. Слова мои. (*Юлія садится за фортепьяно и тихо разговариваетъ съ Анатолемъ, который стоитъ возлѣ нее*).

ДЕ-ВАЛОРИ (*Фредерику*). А вы поете, докторъ?

ФРЕДЕРИКЪ (*разсѣянно*). Какъ-съ?

ДЕ-ВАЛОРИ. А! прекрасно ... вы мечтали ... извините, что потревожила. (*Анатолю*) Вы не поете, cousin? Пойте-же ...

«Что нужно мнѣ, о другъ мой черноокій?»

Ей также нуженъ кто-нибудь, только не онъ; мы это всякой день видимъ ... Жалкая исторія всего человѣческаго рода ... (*Фредерику*).

Неправда-ли? Ахъ! виновата ... я забыла, что вы погружены въ мечтанія. (*Графу*) Графъ, гдѣ-же мосьё Гастонъ? ... Ахъ! да ... знаю; вы уже сказали мнѣ ... только я не помню ... впрочемъ, это все равно... его здѣсь недостаетъ.

ГРАФЪ. Онъ, вѣроятно, будетъ къ нашему вечернему празднику.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ахъ да!.. вы даете балъ ...

ГРАФЪ. Сельскій праздникъ ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Чтобъ отпраздновать возвращеніе вашего сына ... я и забыла ... А меня позовете?

ГРАФЪ. Если вамъ угодно, милости просимъ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Я никогда не отказываюсь отъ случая повеселиться ... жизнь наша такъ коротка!... Такъ-ли, докторъ? (*смѣется*). Рѣшительно, всѣ вы сегодня веселы до безумія.

АНАТОЛЬ (*Юліи*). Да, я въ прошломъ году издалъ собраніе стихотвореній подъ названіемъ *Сѣверное сіяніе*; вы вѣрно слышали о нихъ?

ЮЛІЯ. Нѣтъ, не слыхала.

АНАТОЛЬ. Удивительно, какъ это могло случиться?

ДЕ-ВАЛОРИ. Приподнимите же ваши прекрасные глаза и посмотрите на людей, которые говорятъ съ вами ... Хотите, я избавлю васъ отъ моего посѣщенія и дамъ знакъ Анатолю, чтобъ онъ подалъ мнѣ шляпку и шаль, или нѣтъ? Я не мѣшаю вамъ? ... Ну, тѣмъ лучше ... останусь ... только бросьте, пожалуйста, ваше вышиваніе; оно раздражаетъ мнѣ нервы ... Будемъ лучше говорить ...

АНАТОЛЬ (*улыбаясь*). Извольте!...

ДЕ-ВАЛОРИ. А, это дѣло другое!.. Вы очаровательны (*Фредерику*) Вамъ все равно мечтать здѣсь или подальше?... О чемъ мы переговорить хотимъ — до васъ не касается.

ФРЕДЕРИКЪ (*кланяясь*). А! (*беретъ книгу и садится возлѣ двери въ глубинѣ сцены.*)

ДЕ-ВАЛОРИ (*Амаліи.*) Мы съ вами старинные друзья, такъ-ли?... Это само собою разумѣется ... друзья съ дѣтства, пансіонныя подруги; вы теперь за-мужемъ, я вдова ... стало, намъ не трудно будетъ понять другъ друга ... Счастливы-ли вы?

АМАЛІЯ. Счастлива-ли!... разумѣется, счастлива...

ДЕ-ВАЛОРИ. Я васъ спрашиваю объ этомъ, потому-что знаю, что такое, старый мужъ ... Не безпокойтесь; онъ читаетъ газеты и ничего не слышитъ ... Моему было подъ пятьдесятъ, вашему и того болѣе; мой былъ довольно дуренъ собой, сварливъ и ужасно ревновалъ ... вашъ...

АМАЛІЯ. Мой благороденъ и добръ ... вполнѣ довѣрчивъ и великодушенъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Да, это видно по его лицу... но видны также и лѣта... а это портитъ все дѣло.

АМАЛІЯ. Почему-же?

ДЕ-ВАЛОРИ. Вспомните наши прежніе разговоры ... мы говорили не о лысыхъ головахъ и не объ сѣдыхъ бородахъ; мы тогда только мечтали, и охотно заглядѣлись-бы на всякаго встрѣчнаго... будь онъ только молодъ, красивъ и уменъ. Мнѣ нуженъ былъ не г. Валори ... однако на это не посмотрѣли, выдали меня за него за-мужъ... и я боюсь, чтобъ ваша исторія не была похожа на мою ... за исключеніемъ развязки. Не знаю, счастливы-ли вы, но только это не тотъ мужъ, о которомъ вы мечтали.

АМАЛІЯ. Ни слова болѣе, Каролина, если вы меня любите.

ДЕ-ВАЛОРИ. Какъ вамъ угодно, моя милая ... будемъ говорить о чемъ – нибудь другомъ .. (*Амалія пожимаетъ ей руку, вполголоса*). Вы можете занять ваше прежнее мѣсто, докторъ, мы кончили. (*Анатолю*) Cousin! (*дѣлаетъ ему знакъ чтобъ онъ подошелъ*), Если вы не поете, то скажите намъ что-нибудь изъ вашихъ прелестныхъ сочиненій, чтобъ насъ позабавить ... Амаліи хочется познакомиться съ вашимъ поэтическимъ талантомъ ... а также и графъ ... я въ этомъ увѣрена ... Не такъ-ли, графъ?

ГРАФЪ. Разумѣется ... о чемъ идетъ дѣло?

ДЕ-ВАЛОРИ. Mon cousin будете читать намъ свои стихи.

ГРАФЪ. А, вы стихи пишете?

ДЕ-ВАЛОРИ (*смѣясь*). Да, теперь вы предупреждены ... и заранѣе примете ваши мѣры.

ГРАФЪ. Какъ-же ... очень радъ буду послушать ... я очень люблю хорошіе стихи...

ДЕ-ВАЛОРИ. О! да вы приводите его въ смущеніе .. я васъ предупреждаю, что его стихи .. какъ-бы вамъ сказать?..

ГРАФЪ. Романтическіе?

АНАТОЛЬ. Позвольте, графъ: что вы называете романтическими? Это слово весьма многими было употреблено во зло ... ни класицизма, ни романтизма не существуетъ; есть искусство въ истинѣ и истина въ искусствѣ ... истина эта фантазія... фантазія—лучезарная тишина мысли на челѣ поэта; что касается до здраваго смысла, не говорите мнѣ о немъ... У кого его нѣтъ? У моего лавочника есть здравый смыслъ! Я его не имѣю, потому-что я поэтъ! Вы смѣетесь!... кажется, тутъ нечему смѣяться ... искусство не котелъ ... искусство похоже на эолову арфу, по струнамъ которой играетъ вѣтеръ; арфа — искусство, струны — поэтъ,

вѣтеръ — вдохновеніе! дубъ не зонтикъ; Шекспиръ — арфа, Расинъ вѣтеръ; я изъ этихъ предѣловъ не выхожу ... понимаете?...

ГРАФЪ. Хе! хе!

ДЕ-ВАЛОРИ. Онъ безподобенъ! Такъ говоритъ, что я ни слова не понимаю, и это именно меня и забавляетъ.

АНАТОЛЬ. Какъ, вы не понимаете? однако это очень ясно ... я вамъ докажу ...

ДЕ-ВАЛОРИ (*вставая и приближаясь къ Анатолю*). Ахъ, Боже мой! что вы опять затѣваете?..

АМАЛІЯ (*тихо Фредерику*). Мнѣ надо поговорить съ вами.

ДЕ-ВАЛОРИ. Прежде всего, дѣло не въ теоріи, а въ собственныхъ вашихъ стихахъ ... ну, начинайте, васъ слушаютъ...

АНАТОЛЬ. Я уже, право, не знаю долженъ-ли ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Полноте!.. Вы хотите, чтобъ васъ упрашивали; васъ не принуждаютъ ... (*идетъ къ своему мѣсту*).

АНАТОЛЬ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Я вамъ прочту что-нибудь изъ моихъ легкихъ стихотвореній, на-примѣръ, описаніе *бури*.

Грозно шумящимъ потокомъ
Дождикъ стремится съ небесъ;
Мракъ не проникнешь ты окомъ;
Бурей одѣлся Зевесъ.
Молнія въ тучѣ сверкаетъ,
Съ трескомъ на землю падетъ.
Страшнымъ пожаромъ пылаетъ
Неба разгнѣванный сводъ.
Громче ста пушекъ, раскатомъ
Громъ надъ землею бѣжитъ
И надъ сердитымъ Ефратомъ
Пѣна клубами летитъ.

ГРАФЪ. Тьфу, чортъ возьми!

АНАТОЛЬ. Теперь—трагедія.

ГРАФЪ. Какъ! цѣлая трагедія?

АНАТОЛЬ. Нѣтъ, это также мелкое стихотвореніе, оно объясняетъ первое ...

ГРАФЪ. А! прекрасно ... продолжайте (*опять садится*).

ДЕ-ВАЛОРИ (*смѣясь*). Бѣдный графъ!

АНАТОЛЪ.

Пожаръ погасъ
И грома гласъ
Затихъ!...
Завиденъ міръ...
Опять эфиръ
И вѣтеръ тихъ!...
Но кто-же тамъ
По всѣмъ полямъ
Оставилъ слѣдъ?
То былъ Зевесъ:
Послалъ съ небесъ
Онъ кучу бѣдъ!..

ГРАФЪ. Фу, ты пропасть!..

ДЕ-ВАЛОРИ. Можетъ быть, вамъ угодно третье стихотвореніе, которое пояснило-бы второе.

ГРАФЪ. Нѣтъ, за чѣмъ-же?.. (*Вставая*) Признаюсь вамъ, слово трагедія испугало меня... Я было-подумалъ, что г. Анатоль угоститъ насъ цѣлою трагедіею ... въ стихахъ.

АНАТОЛЬ. Не правда-ли?

ГРАФЪ. Я-бы не въ состояніи былъ написать такіе стихи.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ни я! (*Амаліи*) Что-же вы не смѣетесь?

АНАТОЛЬ. Ахъ! я опять забылъ! Напомните мнѣ, графъ, чтобъ прислать вамъ мою статуэтку.

ГРАФЪ. Какъ-же, непремѣнно! Mes dames, предлагаю вамъ пройтись въ паркѣ, погода прекрасная.

ДЕ-ВАЛОРИ (*вставая*). Съ удовольствіемъ (*Амаліи*). Вы пойдете?

АМАЛІЯ. Я только отдамъ нѣкоторыя приказанія и догоню васъ.

ГРАФЪ (*подходя къ Амаліи*). Ты здорова, мой другъ, да?

АМАЛІЯ. Я совершенно здорова.

ГРАФЪ. Ну, слава Богу, а мнѣ показалось, что ты что-то разстроена. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

ДЕ-ВАЛОРИ. Графъ, вашу руку.

ФРЕДЕРИКЪ (*тихо Амаліи*). Я сію-минуту возвращусь (*беретъ шляпу и идетъ въ дверь направо*).

ГРАФЪ. А вы не идете съ нами, докторъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Мнѣ нужно навѣстить нѣсколькихъ больныхъ въ сосѣдствѣ.

ГРАФЪ (*протягивая ему руку*). До свиданія! (*Подаетъ руку г-жѣ де-Валори.*

АНАТОЛЬ (*подавая руку Юліи*). Смѣю предложить вамъ?

ЮЛІЯ. Съ удовольствіемъ ... Скажите, вы наизусть знаете всѣ ваши стихи?

АНАТОЛЬ. Какъ-же!

ЮЛІЯ. У васъ прекрасная память.

АНАТОЛЬ. Да, порядочная. (*Юлія подаетъ руку Анатолю, они идутъ въ садъ, вслѣдъ за графомъ и г-жей де Валори*).

II.

ТѢ-ЖЕ, АНТОНЪ, Амалія встаетъ.

АНТОНЪ (*на порогѣ двери*). Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, графъ.

ГРАФЪ. Теперь мнѣ некогда тебя слушать.

АНТОНЪ. А нужно-бы.

ГРАФЪ. Хорошо, мы это увидимъ, немного погодя. (*Выходитъ съ г-жей де-Валори, Анатоль и Юлія слѣдуютъ за ними; Антонъ смотритъ имъ вслѣдъ, показываетъ знакъ нетерпѣнія и скрывается, притворивъ за собою дверь*).

III.

ФРЕДЕРИКЪ, АМАЛІЯ только-что дверь въ серединѣ сцены затворилась, показывается Фредерикъ и бѣжитъ къ Амаліи.

ФРЕДЕРИКЪ. Амалія!

АМАЛІЯ. Тише! тише!

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь ... никто насъ не слышитъ.

АМАЛІЯ. Ради Бога ... Фредерикъ, если вы когда-нибудь любили меня, если еще любите ... не губите ... спасите меня...

ФРЕДЕРИКЪ. Васъ спасти!.. да чего вы боитесь?.. какая опасность?

АМАЛІЯ. Какая опасность? Вамъ-ли объ этомъ спрашивать... Одно слово, одно движеніе, одинъ взглядъ ... все можетъ выдать насъ!.. или вы не видите, что я уже никакой власти не имѣю надъ собою, что я не въ силахъ больше притворяться и сто разъ готова была измѣнить себѣ!..

ФРЕДЕРИКЪ. Что́ за ребячество!

АМАЛІЯ. Выслушайте меня ... это ежедневное, ежеминутное притворство свыше силъ моихъ, повторяю вамъ. Разстанемся сегодня-же, или завтра я могу погубить себя.

ФРЕДЕРИКЪ. Намъ разстаться!

АМАЛІЯ. Необходимо!.. Вотъ уже недѣля, какъ я постоянно думаю объ этомъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Недѣля!

АМАЛІЯ. Сочтите сами ... вотъ уже недѣля какъ Гастонъ здѣсь, между вами и мной; недѣля, какъ я дрожу подъ его недовѣрчивымъ взглядомъ!.. Этотъ взглядъ убиваетъ меня!.. Я готова бѣжать на край свѣта, чтобъ только избавиться отъ него.

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь... Какой безумный страхъ овладѣлъ вами? Гастонъ ничего не знаетъ, ничего не подозрѣваетъ.

АМАЛІЯ. А если напротивъ...

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ?

АМАЛІЯ. Нынѣшнюю ночь, мнѣ показалось, что онъ ходитъ подъ моими окнами.

ФРЕДЕРИКЪ. Гастонъ?

АМАЛІЯ. Неправда-ли, что это странно?

ФРЕДЕРИКЪ. Полноте! можетъ быть, это Антонъ дѣлалъ свой обычный обходъ ночью ... а потомъ, что́ тутъ страннаго?.. Комната Юліи рядомъ съ вашей, не удивительно, что Гастонъ проходилъ вздыхать подъ ея окнами.

АМАЛІЯ. Не смѣйтесь, Фредерикъ; мои опасенія слишкомъ основательны! ... Надѣюсь, что онъ еще ничего не знаетъ, но онъ все можетъ угадать, и тогда, что́ мнѣ сказать Гастону, который будетъ требовать отъ меня отчета за честь своего благодѣтеля? Скажу-ли я въ оправданіе себѣ, что этотъ старикъ, безбожно мною обманутый, любилъ меня, какъ дочь; что, покорный всѣмъ моимъ желаніямъ, всѣмъ прихотямъ, онъ тогда только былъ счастливъ и веселъ, когда могъ оживлять радостію каждый часъ моей жизни ... и за все это онъ просилъ только улыбки, только пожатія руки? Сказать-ли мнѣ, что этотъ человѣкъ, котораго мы такъ обидѣли, до-сихъ-поръ вашъ искренній другъ, вашъ великодушный покровитель и любитъ Юлію, какъ родную дочь! ... Что-же я скажу ему, если не это? (*садится*).

ФРЕДЕРИКЪ. Признаюсь, что я васъ не понимаю, Амалія. Вы привыкли преувеличивать, и этотъ страхъ ничто иное, какъ игра воображенія; повторяю, Гастонъ имѣетъ къ вамъ неограниченное довѣріе; что касается до графа, онъ ничего не знаетъ и спокойно

прогуливается съ вашей, пріятельницей, которую я отсюда слышу. Вы не знаете, что придумать, чтобъ возмутить наше счастіе.

АМАЛІЯ. Безразсудный! вы говорите о счастіи, да взгляните на меня! ... Развѣ вы не видите, что я болѣе ему не вѣрю, что и вы сами въ немъ сомнѣваетесь?

ФРЕДЕРИКЪ. Нѣтъ, я въ немъ не сомнѣваюсь; мнѣ нужна эта вѣра, потому-что безъ нея мнѣ ничего не остается! ... Слушайте, Амалія: я васъ люблю страстно, я вамъ принесъ въ жертву мое честолюбіе, мою гордость, всѣ мои лучшія надежды, мое поприще, мое состояніе; это не упрекъ, вы мнѣ все это замѣнили ... Пусть моя жизнь проходитъ въ безвѣстности, безъ пользы; но я проведу ее у вашихъ ногъ ... Не лишайте меня счастія, Амалія: оно мнѣ необходимо, я его требую!

АМАЛІЯ (*закрывая лицо руками*). Боже мой!

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойтесь ... кто-то идетъ.

IV.

АМАЛІЯ, ГАСТОНЪ, ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ (*на встрѣчу Гастону*). А! вотъ и ты! (*Протягиваетъ ему руку; Гастонъ, будто-бы не замѣчаетъ его*). Тебя здѣсь не доставало; г-жа де-Валори уже цѣлый часъ оглашаетъ окрестность твоимъ именемъ, да и графиня съ нетерпѣніемъ ждала тебя.

АМАЛІЯ. Да, это правда ... (*Гастонъ кланяется*) Вы гуляли, мосьё Гастонъ?

ГАСТОНЪ. Я выходилъ двѣ или три мили по окрестностямъ, не переводя духа.

ФРЕДЕРИКЪ. И возвратился съ африканскимъ апетитомъ?

АМАЛІЯ. Я велю подать вамъ завтракать.

ГАСТОНЪ. Благодарю, я не голоденъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Стало, ты боленъ?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ...

АМАЛІЯ (*всторону*). Какая холодность! (*громко*) Г-жа де-Валори въ саду?

ГАСТОНЪ. Я видѣлъ ее издали.

АМАЛІЯ. Позвольте васъ оставить на минуту; до свиданія. (*Выходитъ въ среднюю дверь*).

V.

ГАСТОНЪ, ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Выдержу! (*садится направо*).

ГАСТОНЪ (*садится напьво и съ досадою мнетъ свои перчатки, потомъ встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери, возвращается и останавливается передъ Фредерикомъ*). Фредерикъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Рѣшительно, любезный другъ, ты боленъ.

ГАСТОНЪ. Шутки всторону, Фредерикъ, онѣ здѣсь неумѣстны, мнѣ серьозно нужно переговорить съ тобой. Дней съ десять тому, ты говорилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, о своихъ мечтаніяхъ, о будущемъ .. помнится, ты говорилъ, что не созданъ для мирныхъ наслажденій семейной жизни, что ты честолюбивъ.

ФРЕДЕРИКЪ (*вставая*). Такъ что́-же?

ГАСТОНЪ. Я думалъ о тебѣ и занялся твоею будущностію.

ФРЕДЕРИКЪ. Какимъ-образомъ?

ГАСТОНЪ. Я не гулялъ въ окрестностяхъ, я былъ въ Парижѣ.

ФРЕДЕРИКЪ. Сегодня по утру?

ГАСТОНЪ. Сегодня по утру я видѣлъ министра, давнишняго пріятеля моего отца, говорилъ съ нимъ о тебѣ; твое имя ему уже извѣстно. Я испросилъ у него для тебя какое-нибудь порученіе въ Египетъ, на Востокъ, онъ мнѣ обѣщалъ ... Согласенъ-ли ты на это?

ФРЕДЕРИКЪ. Послушай, Гастонъ, это безрасудно. Какъ не предупредить меня?.. Что́ это за выдумка?

ГАСТОНЪ. Какая тутъ выдумка! Увѣряю тебя, что я взялся за это очень обдуманно, повѣрь мнѣ, этимъ пренебрегать не должно ... тебѣ открывается блестящее поприще ... Послушайся меня, Фредерикъ, не отказывайся.

ФРЕДЕРИКЪ. Благодарю тебя, Гастонъ, за доброе намѣреніе, но оно безполезно ... у меня теперь другіе виды, другія предположенія ... притомъ-же я не могу оставить Юлію.

ГАСТОНЪ. Развѣ она не обезпечена въ нашемъ семействѣ?

ФРЕДЕРИКЪ. Оно такъ, но...

ГАСТОНЪ. Надѣюсь, что ты не боишься дурнаго примѣра.

ФРЕДЕРИКЪ. Это что́ значитъ?

ГАСТОНЪ (*простодушно*). Ничего, графиня любитъ твою сестру, какъ родную и вполнѣ можетъ замѣнить тебя...

ФРЕДЕРИКЪ. Разумѣется, но есть еще другія причины, по которымъ мнѣ нельзя ѣхать. Не убѣждай меня... это невозможно...

ГАСТОНЪ. Невозможно?

ФРЕДЕРИКЪ. Да, невозможно! Что за охота одолжать меня противъ воли; да и то сказать, прилично-ли мнѣ ѣхать въ то время, когда дѣло идетъ о твоей свадьбѣ съ сестрой? Или ты раздумалъ?

ГАСТОНЪ (*подходя къ столу и перелистывая альбомъ*). Можетъ быть!

ФРЕДЕРИКЪ. Это почему?

ГАСТОНЪ. Кто можетъ отвѣчать за завтрешній день? Кто можетъ знать, не ждетъ-ли насъ несчастіе, которое разрушитъ всѣ наши надежды? (*Молчаніе*).

ФРЕДЕРИКЪ. Что за мрачныя предчувствія?

ГАСТОНЪ. Прошу тебя, Фредерикъ, согласись...

ФРЕДЕРИКЪ. Еще разъ, нѣтъ...

ГАСТОНЪ. Въ такомъ случаѣ...

ФРЕДЕРИКЪ. Что!

ГАСТОНЪ (*съ прежнимъ равнодушіемъ*). Тѣмъ хуже для тебя, самъ теряешь свое счастіе ... ты воленъ ... мнѣ все равно ... объ Юліи мы поговоримъ послѣ...

ФРЕДЕРИКЪ (*протягивая ему руку*). Мы разстаемся друзьями?

ГАСТОНЪ (*беретъ свою шляпу*). Друзьями!

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Амалія не ошиблась ... онъ все знаетъ. (*Выходитъ въ среднюю дверь*).

VI

ГАСТОНЪ, одинъ.

Нѣтъ средствъ побѣдить его упрямство!.. Что дѣлать? Она любитъ его... Какое несчастіе! ... Я пріѣхалъ сюда въ полной надеждѣ на семейныя радости, я думалъ отдохнуть — и нахожу въ домѣ стыдъ! ... Я все сдѣлалъ, чтобъ избѣжать огласки... Если онъ останется, могу-ли я быть нѣмымъ свидѣтелемъ любви, которая позоритъ имя для меня слишкомъ драгоцѣнное? ... Я убью его! ... (*вставая*). Убить Фредерика, сдѣлать несчастіе Юліи ... разрушить всѣ

надежды нашего семейства?.. А что будетъ съ старикомъ?... Не долженъ-ли я всего болѣе заботиться о его спокойствіи и счастіи? Не лучше-ли уѣхать въ Африку? Нѣтъ, невозможно! ... Поговоримъ съ Амаліей ... можетъ быть ... Тысяча мыслей тѣснится въ головѣ моей ... какое ужасное положеніе! ...

VII.

ГАСТОНЪ, ЮЛІЯ.

ГАСТОНЪ. Юлія!

ЮЛІЯ. Извините, я вамъ помѣшала. (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобъ удалиться*).

ГАСТОНЪ (*тихо удерживая ее за руку*). Что вы говорите! Развѣ вы не та-же милая, обожаемая мною Юлія, моя сестра? (*Заставляетъ ее сѣсть напьво и становится передъ нею*).

ЮЛІЯ. Ваша сестра?

ГАСТОНЪ. Этимъ именемъ я когда-то называлъ васъ ... Помните, Юлія?

ЮЛІЯ. Помню ... тогда мнѣ это имя было очень пріятно.

ГАСТОНЪ. А теперь?

ЮЛІЯ. Теперь, не знаю отчего, мнѣ грустно его слышать.

ГАСТОНЪ. Что это, слезы? ...

ЮЛІЯ. Да, вы видите, я плачу ... вы правы, я дитя ... но ... я все поняла, все угадала.

ГАСТОНЪ. Что-же вы поняли, что угадали?

ЮЛІЯ. Я поняла, мосьё Гастонъ, что Богъ не создалъ меня для васъ ... я поняла, я угадала, что, по вашемъ возвращеніи, вы нашли меня неловкою, необразованной дѣвочкой; вы раскаялись въ прежнихъ клятвахъ ... можетъ быть, полюбили другую ... Не оправдывайтесь, я васъ ни въ чемъ не упрекаю, вы меня несовсѣмъ забыли, и помните еще то имя, которымъ называли меня въ дѣтствѣ !.. Вы хотите, чтобъ я осталась вашей сестрой ... благодарю.

ГАСТОНЪ. Юлія! милая Юлія! ваши слова раздираютъ мнѣ душу... не голосъ вашъ осуждаетъ меня ... а слезы въ вашихъ глазахъ ... Клянусь вамъ, что люблю васъ всѣми силами души, люблю васъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь! (*Взявъ ее за руки и заставивъ встать*) Юлія, взгляните на меня ... вѣрите-ли вы мнѣ?

ЮЛІЯ. Я вѣрю вамъ.

ГАСТОНЪ. Благодарю! я въ отчаяніи, Юлія, ... я въ отчаяніи! (*въ глубинѣ показывается г-жа де-Валори; Гастонъ беретъ Юлію за руку. Юлія провожаетъ его глазами и рыдаетъ*).

VIII

ЮЛІЯ, Г-ЖА ДЕ ВАЛОРИ.

ДЕ-ВАЛОРИ (*поспѣшно приближается къ Юліи*). Что съ вами, мое милое дитя? Мосьё Гастонъ только-что оставилъ васъ и вы такъ горько плачете! ... Это непостижимо! ... Скажите мнѣ, что васъ такъ огорчаетъ?.. Не ужели вы поссорились?

ЮЛІЯ (*съ живостью*). О! нѣтъ, нисколько!

ДЕ-ВАЛОРИ. Онъ, вѣрно, несправедливо упрекнулъ васъ ... ревнивъ, можетъ быть ... или холодность его васъ тревожитъ?.. Да, и я замѣтила съ нѣкотораго времени, что онъ не такъ любезенъ съ вами ... что онъ какъ-то равнодушнѣе ... Не скрывайте отъ меня ... я все понимаю ... это еще только цвѣточки въ любви ... мнѣ эта азбука знакома ... вѣдь я вдова.

ЮЛІЯ. Я ни въ чемъ не могу упрекнуть Гастона, совершенно ни въ чемъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Какъ-же! какъ-же! что ни говорите, а ему всегда можно сдѣлать упрекъ ... Вы думаете, что я этого не знаю? ... Что, молчите?.. Скажите, за что это чудовище перестало васъ любить?

ЮЛІЯ. Я не вѣрю, чтобъ онъ пересталъ любить меня, это невозможно!

ДЕ-ВАЛОРИ. Не скажу, чтобъ это было возможно, но можетъ быть, по слабости ... мы это всякой день видимъ ... Признайтесь, что и вы въ этомъ немного виноваты.

ЮЛІЯ. Я виновата?

ДЕ-ВАЛОРИ. Разумѣется, вы слишкомъ кротки, слишкомъ откровенны, чистосердечны ... вы скоро высказываетесь, я еще теперь вижу у васъ слезу на рѣсницѣ ... Эту слезу, моя душечка, надо скрыть подъ улыбкой, хоть-бы она стоила многихъ тайныхъ слезъ. Мои слова кажутся вамъ очень странными, не правда-ли? Но что-же дѣлать, такова жизнь. Еще то-ли вы узнаете!

ЮЛІЯ. Нѣтъ, я люблю Гастона, мнѣ грустно и я не умѣю притворяться веселой.

ДЕ-ВАЛОРИ. Какой-же вы ребенокъ! Да для того именно, чтобъ опять овладѣть Гастономъ, чтобъ привести его къ ногамъ вашимъ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, надо дѣлать то, что я вамъ говорю. Да возьмемъ въ примѣръ хотъ-бы моего кузена, Анатоля, который не такъ дуренъ собой и вовсе не простъ; я вамъ уступаю его на время ... онъ будетъ ухаживать за вами ... будьте съ нимъ обходительны; онъ станетъ вамъ писать стихи—читайте ихъ ... или покажите видъ, что вы ихъ читаете, однимъ словомъ, сведите его съ ума: ревность овладѣетъ Гастономъ, за это я отвѣчаю вамъ, и прежде окончанія вечера, онъ будетъ въ вашихъ рукахъ ... тогда вы возвратите мнѣ Анатоля ... Согласны? Средство не новое, но испытанное; оно всегда удается.

ЮЛІЯ. Что ни говорите, я не повѣрю, чтобъ Гастонъ разлюбилъ меня! Если онъ и удаляется отъ меня, такъ вѣрно у него важныя причины; мнѣ это больно, но я не жалуюсь.

IX.

ТѢ-ЖЕ, АМАЛІЯ, ГРАФЪ, потомъ **АНТОНЪ.**

ДЕ-ВАЛОРИ. Подите сюда, моя милая Амалія, и вы также, графъ ... надо сдѣлать строгій выговоръ мосьё Гастону.

ГРАФЪ. Гастону? Что-же онъ сдѣлалъ?

ЮЛІЯ. Прошу васъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Развѣ не знаютъ, что онъ долженъ быть вашимъ мужемъ? (*Графу*) Вашъ Гастонъ, просто, дикарь — вотъ и все.

ГРАФЪ Какъ это?

ЮЛІЯ. Умоляю васъ!

ДЕ-ВАЛОРИ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не выдержу, не позволю, чтобъ этотъ негодный африканецъ обманулъ такое милое созданіе, какъ вы, и остался безъ наказанія.

ГРАФЪ. Обманулъ?

ДЕ-ВАЛОРИ. Разумѣется; развѣ вы не замѣтили, какъ этотъ красавецъ перемѣнился въ обхожденіи съ Юліей? Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ совсѣмъ не тотъ ... А что за причина? ... прошу сказать ... (*Тихо графу*). Еслибъ вы принимали много гостей, такъ можно-бы еще предположить ... мужчины такъ своенравны! ... А то,

кромѣ Амаліи и меня здѣсь нѣтъ никого изъ женщинъ. (*Смѣясь*) Развѣ допустить, что онъ влюбился въ кого-нибудь изъ насъ.

ГРАФЪ. Что такое?

ДЕ-ВАЛОРИ (*со смѣхомъ*). Почему-же не такъ?.. Я любезна... Амалія очаровательна ... Что-же тутъ мудренаго?

ГРАФЪ (*серьозно*). Какой вздоръ!

ДЕ-ВАЛОРИ. Вы въ-самомъ-дѣлѣ не примите этого въ трагическомъ видѣ... и не вбейте себѣ чего-нибудь въ голову ... (*Тихо Амаліи*) Графъ вообразилъ, что Гастонъ влюбился въ васъ, моя милая; совѣтую вамъ быть осторожнѣе...

АМАЛІЯ (*въ смущеніи*). Каролина!

ГРАФЪ. Что-же такое? (*При послѣднихъ словахъ этой сцены, Юлія стоитъ всторонѣ; Анатоль только-что вошелъ и подходитъ къ ней.*)

АНАТОЛЬ. Ахъ! еслибъ суждено было другому, вмѣсто Гастона...

ЮЛІЯ. Покорно васъ благодарю.

X.

ТѢ-ЖЕ, ФРЕДЕРИКЪ, потомъ **АНТОНЪ.**

ГРАФЪ. А вотъ и ты здѣсь, Фредерикъ!.. ты только-что поспѣлъ къ обѣду ... вотъ уже Антонъ идетъ за тобой...

АНТОНЪ (*на порогѣ*). Кушанье подано!

ГРАФЪ. Всегда съ добрыми вѣстями этотъ плутъ!.. (*Фредерику*) Фредерикъ, подайте вашу руку Амаліи (*г-жѣ де-Валори, подавая ей свою*) Госпожа насмѣшница...

ДЕ-ВАЛОРИ (*со смѣхомъ*). Признайтесь, графъ, что вамъ сдѣлалось страшно?

ГРАФЪ. Страшно? Спросите у Антона, случалось-ли это когда-нибудь?

ДЕ-ВАЛОРИ. Мы здѣсь не на полѣ сраженія.

ГРАФЪ (*Антону*). Не видалъ-ли ты Гастона?

АНТОНЪ. Сейчасъ видѣлъ въ саду.

ГРАФЪ. Поди, скажи, что мы садимся за столъ.

АНТОНЪ. Слушаю-съ, но прежде...

ГРАФЪ. Что такое?

АНТОНЪ. Хотѣлось сказать вамъ два слова.

ГРАФЪ. Опять!

АНТОНЪ. Вы обѣщали выслушать меня.

ГРАФЪ. Хорошо, сейчасъ. Позвольте..

ДЕ-ВАЛОРИ. Извольте, извольте, графъ ... мы васъ подождемъ въ столовой. (*Фредерику*) Вашу другую руку, докторъ (*беретъ руку Фредерика. Всѣ выходятъ, кромѣ графа и Антона*).

XI.

АНТОНЪ и ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Ну, что такое? говори скорѣй...

АНТОНЪ. Вотъ что: сегодня утромъ, обходя садъ (*вынимаетъ изъ кармана бумажникъ*) я нашелъ...

ГРАФЪ (*беретъ бумажникъ*). Подай (*разсматривая*). Славная находка ... чортъ возьми !.. Больше ничего?

АНТОНЪ. Еще хотѣлъ вамъ сказать: въ прошлую ночь, Доминикъ видѣлъ барина, который крался вдоль стѣны, подъ окнами...

ГРАФЪ. Подъ чьими окнами?

АНТОНЪ. Графини.

ГРАФЪ. Моей жены?

АНТОНЪ. Да, и бумажникъ поднялъ подъ ея окнами... Вотъ почему я не хотѣлъ отдать его никому кромѣ васъ.

ГРАФЪ. И прекрасно сдѣлалъ. (*Положивъ бумажникъ къ карманъ*) я думалъ, что онъ уже не отыщется?

АНТОНЪ. Такъ онъ вашъ?

ГРАФЪ. Чей-же? не твой-ли?

АНТОНЪ. Послѣ того, что я вамъ разъ говорилъ, я думалъ...

ГРАФЪ. Кто тебѣ велитъ думать?

АНТОНЪ. А этотъ баринъ, который крался у стѣны—это были вы?

ГРАФЪ. Ты глупъ, братецъ; убирайся и держи языкъ за зубами.

АНТОНЪ (*всторону*). А все-таки графъ не спокоенъ.

ГРАФЪ (*топнувъ ногою*). Пошелъ вонъ! (*Антонъ уходитъ*).

ГРАФЪ (*остается одинъ, вынимаетъ изъ кармана бумажникъ и нетерпѣливой рукой открываетъ его*). Боже! Гастонъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Небольшая гостиная; три двери въ глубинѣ выходящія въ теплицы; дверь направо. Зажжены свѣчи.

I.

РОЗА и **АНТОНЪ**, приготовляютъ подносы съ напитками; въ продолженіе всей сцены оркестръ играетъ кадриль.

РОЗА. Что ты тутъ дѣлаешь, Антонъ? еужѣли Нне пойдешь посмотрѣть, какъ люди веселятся?

АНТОНЪ. Спасибо, мнѣ и безъ того есть чѣмъ заняться.

РОЗА. Прелесть смотрѣть, какъ они разодѣты: у кого ленты, у кого букеты; подумаешь, что свадьба.

АНТОНЪ. Оттого-то мнѣ и не нравится ... терпѣть не могу свадебъ.

РОЗА. Тебѣ это легко говорить, ты ужъ изъ лѣтъ выжилъ.

АНТОНЪ. Какъ?

РОЗА. Если женитьба не въ твоемъ вкусѣ, то зачѣмъ-же другихъ отговаривать?

АНТОНЪ. Знаемъ мы это изъ опыта.

РОЗА. Стало быть, ты былъ женатъ въ свое время?

АНТОНЪ. Никогда!

РОЗА. Жаль, ты былъ-бы славнымъ мужемъ.

АНТОНЪ. Можетъ быть ... да не таковскій... довольно... имѣемъ честь кланяться.

РОЗА. Прощай, Антонъ. (*Выходитъ въ среднія двери*).

II.

АНАТОЛЬ, ФРЕДЕРИКЪ.

АНАТОЛЬ. Что ни говорите, любезнѣйшій Фредерикъ, а я замѣтилъ сегодня утромъ, что мои стихи не понравились вамъ ... Не

думайте однако, что я имѣю намѣреніе затѣять съ вами ссору изъ этакой бездѣлицы ... Нѣтъ ... я не изъ числа упрямыхъ рифмоплетовъ, которые изъ всѣхъ силъ бьются, чтобъ ими восхищались; напротивъ, я люблю встрѣчать людей, которые говорятъ вамъ въ глаза, что ваши стихи негодны ... это меня забавляетъ.

ФРЕДЕРИКЪ (*садясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ?

АНАТОЛЬ. По чести скажу, что я никогда не ощущалъ болѣе удовольствія, какъ въ тотъ день, когда на одномъ изъ парижскихъ театровъ въ первый разъ давали мою драму. Я сидѣлъ съ своими пріятелями въ углубленіи ложи, у сцены. Представьте себѣ (*Фредерикъ всталъ съ намѣреніемъ уйти, Анатоль, замѣтивъ это, подхватываетъ его подъ руку и продолжаетъ*), представьте себѣ, любезнѣйшій Фредерикъ, что съ перваго стиха по залѣ единогласно раздался крикъ; со всѣхъ сторонъ театра слышенъ былъ свистъ ... свистали, кажется, и за кулисами ... Прелесть и только, такъ-что пріятели мои и я надрывали себѣ бока со смѣху ... и теперь, какъ вспомнишь, такъ разсмѣешся ...

ФРЕДЕРИКЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ это должн обыть забавно.

АНАТОЛЬ. Уморительно, клянусь вамъ ... Передо мною сидѣлъ какой-то толстякъ, который выходилъ изъ себя ... потъ градомъ и кричитъ: «авторъ этой пьесы оселъ! я требую, чтобъ мнѣ принесли уши автора!» Уморительный человѣкъ, до-нельзя насмѣшилъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Вѣрю ... позвольте мнѣ васъ оставить?..

АНАТОЛЬ (*удерживая его*). Припоминаю, между прочимъ, одинъ стихъ ... который ...

ФРЕДЕРИКЪ (*стараясь освободиться*). Извините, я желалъ-бы.

АНАТОЛЬ. Впрочемъ, стихъ довольно удачный ... подождите ... какъ бишь ... да ... нѣтъ ... ну, забылъ ...

ФРЕДЕРИКЪ (*уходя*). Меня ждутъ.

АНАТОЛЬ. Я иду за вами ... мнѣ непремѣнно надо сказать вамъ этотъ стихъ ... я его припомню ... (*слѣдуя за Фредерикомъ*). Послушайте, любезнѣйшій, позвольте ... (*выходитъ влѣво*).

III.

АМАЛІЯ (*входитъ въ дверь съ правой стороны*).

Веселье этихъ людей утомляетъ меня ... разломило голову! (*садится*) Какія у нихъ шутки, какихъ комплиментовъ они мнѣ наго-

ворили. Вѣрно, они сочли меня холодной ... гордой, можетъ быть; это не моя вина... я употребляла сверхъ-естественныя усилія, чтобъ смѣяться, какъ они ... танцовать ... но улыбка замирала у меня на губахъ, ноги подкашивались подо мною... тысяча мучительныхъ мыслей тѣснились въ моей головѣ посреди всего этого шума. (*Прохаживаясь съ волненіемъ*) Суровость Гастона при встрѣчѣ со мною, его молчаніе, упорство, съ которымъ онъ избѣгаетъ меня ... все это терзаетъ и наполняетъ страхомъ мою душу... Я хочу его видѣть ... я хочу, чтобъ онъ объяснился ... я этого требую (*въ глубинѣ показывается Гастонъ*). Вотъ онъ, я едва стою на ногахъ (*она упирается о кресло*).

IV.

АМАЛІЯ, ГАСТОНЪ.

ГАСТОНЪ (*замѣтивъ Амалію*). Боже мой! (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, хочетъ уйти*).

АМАЛІЯ (*всторону*). Ободрюсь. (*Громко*) Это вы, мосьё Гастонъ! (*Онъ останавливается въ недоумѣніи*). Вы искали здѣсь уединенія и присутствіе мое испугало васъ ... успокойтесь, я уступлю вамъ мѣсто, если это нужно...

ГАСТОНЪ. Останьтесь, умоляю!.. Я поступилъ неосторожно, и ухожу.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, нѣтъ ... я беру васъ въ плѣнъ: вотъ вамъ наказаніе за вашу страсть къ уединенію, а притомъ мнѣ надо упрекнуть васъ во многомъ.

ГАСТОНЪ. Меня?

АМАЛІЯ. Да ... Почему хотите вы быть недоступнымъ?

ГАСТОНЪ. Я?.. Но я нисколько не имѣю на это притязанія.

АМАЛІЯ. Это дѣло другое!.. хотите меня выслушать?

ГАСТОНЪ (*подвигая ей стулъ*). Слушаю.

АМАЛІЯ. Въ первый разъ еще вы въ моей власти; предупреждаю, что вамъ помилованья не будетъ... Почему вы всегда избѣгаете меня? или я не понравилась вамъ?

ГАСТОНЪ. Вы, графиня?

АМАЛІЯ. Будемъ откровенны ... Я только часа два или три видѣла васъ въ добромъ расположеніи духа, это въ самый день вашего пріѣзда ... и въ тотъ-же вечеръ вы вдругъ стали холодны со мною...

Что должна я думать о такой внезапной перемѣнѣ? Могу-ли я упрекнуть себя въ чемъ-нибудь? Скажите.

ГАСТОНЪ. Вы, графиня? Нѣтъ, не будемъ никого обвинять, кромѣ моего характера; достаточно иногда бездѣлицы, чтобы заставить меня цѣлый день хмуриться.

АМАЛІЯ. Какая-же бездѣлица могла васъ такъ разстроить?

ГАСТОНЪ. Прошу, избавьте меня отъ объясненія, которое мнѣ слишкомъ тягостно.

АМАЛІЯ (*вставая и взявъ его за руку*). Нѣтъ, еще разъ скажу вамъ, я хочу возвратить вамъ ту веселость, которая вамъ такъ къ лицу ... хочу похвастать успѣхомъ ... вы подстрекнули мое самолюбіе... Скажите, наконецъ, чего бы вы хотѣли?..

ГАСТОНЪ (*строго*). Я желалъ-бы, чтобъ Фредерикъ Берне оставилъ нашъ домъ.

АМАЛІЯ. Гастонъ!

V.

ТѢ-ЖЕ, АНАТОЛЬ.

АНАТОЛЬ. Проклятый стихъ! никакъ не могу припомнить. (*Увидѣвъ Амалію*). Графиня, вы изволили обѣщать мнѣ кадриль и я явился. Но, что съ вами? Боже мой, какъ вы блѣдны!

АМАЛІЯ. Ничего, ничего ... я готова.

АНАТОЛЬ. Ваши руки дрожатъ... Вы нездоровы!.. Я сію-минуту позову Берне.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, прошу васъ не безпокойтесь; я немного разстроена, вотъ и все; это пройдетъ ... Пойдемте...

АНАТОЛЬ. Графиня (*выходитъ вмѣстѣ съ Амаліей*).

ГАСТОНЪ (*одинъ*). Я переговорю съ нею ... это необходимо; но какъ это сдѣлать, посреди народа, который всюду слѣдитъ за нами? Нелучше ли написать къ ней?.. (*садится къ столу налѣво и располагается писать*) Бѣдная женщина! и она также достойна сожалѣнія... Какъ ей должно быть тяжело въ этомъ нарядѣ и въ цвѣтахъ!..

VI.

ГАСТОНЪ, ДЕ-ВАЛОРИ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ну, что вы тутъ дѣлаете, прекрасный мечтатель?.. вы не танцуете? эта молодежъ удивительна!.. Съ кѣмъ-же прикажете намъ танцовать, если вы всѣ степенничаете?.. Что до меня, признаюсь, я никогда не была такъ весела ... я танцую съ Полемъ, съ Домиником ... перехожу изъ рукъ Жака къ Батисту... Прелесть ... Они вертятъ мной и заставляютъ прыгать до потолка ... такъ-что до-сихъ-поръ не могу опомниться! Ужъ нечего сказать, молодцы крестьяне на пляску ... только они и умѣютъ веселиться, какъ должно ... (*подойдя къ Гастону и коснувшись его руки*) Что-же вы не слушаете меня?.. Гдѣ у васъ голова?.. (*Гастонъ встаетъ, г-жа Валори замѣчаетъ цвѣтокъ въ его рукѣ*). Это что? Мнѣ знакомъ этотъ цвѣтокъ!.. Вамъ дала его Амалія?

ГАСТОНЪ. Не знаю, что вы этимъ хотите сказать? (*бросаетъ цвѣтокъ*).

ДЕ-ВАЛОРИ. Ну, что съ вами сдѣлалось? зачѣмъ-же бросать? (*Поднимая*) Бѣдненькій!.. (*Гастонъ протягиваетъ руку, чтобъ взять его*). Нѣтъ, я его возьму себѣ.

ГАСТОНЪ. Что вы съ нимъ будете дѣлать?

ДЕ-ВАЛОРИ. Я нахожу вашъ вопросъ очень нескромнымъ. Вамъ даютъ цвѣтокъ, вы его бросаете на полъ, я случайно нахожусь тутъ и поднимаю его ... остальное до васъ не касается. Еслибъ вы дорожили этимъ цвѣткомъ, то напрасно не бросили его ... еслибъ вы его не бросили — я бы не подняла, это ясно ...

ГАСТОНЪ. Умоляю васъ, отдайте.

ДЕ-ВАЛОРИ. А я васъ умоляю оставить.

ГАСТОНЪ. Это невозможно.

ДЕ-ВАЛОРИ. Въ такомъ случаѣ, я вижу себя въ необходимости сохранить его у себя противъ вашей воли. (*Пришпиливаетъ его къ груди*) Возьмите его теперь, если осмѣлитесь!.. онъ вамъ достанется только съ моею жизнію!

ГАСТОНЪ. Серьозно, я дорожу этимъ цвѣткомъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. И я также; если вы жалѣете о немъ, тѣмъ хуже для васъ ... а что я сдѣлаю изъ него — это моё дѣло, и я не обязана давать вамъ отчета ... я имѣю право сказать той, которая подарила вамъ

цвѣтокъ, какое вы сдѣлали употребленіе изъ ея подарка — я даже имѣю право показать его бѣдной Юліи, которую вы такъ жестоко покидаете!..

ГАСТОНЪ. Сударыня!..

ДЕ-ВАЛОРИ. Вашъ поступокъ ужасенъ, слышите-ли!.. Юлія любитъ васъ ... и ваше равнодушіе приводитъ ее въ отчаяніе... Да, сударь, ваше равнодушіе... Бѣдняжка! всякой день видишь, какъ она таетъ ... Я рѣшилась высказать вамъ всѣ мои мысли на этотъ счетъ; теперь я болѣе не смѣюсь ... поговоримте серьозно... Въ чемъ вы можете упрекнуть Юлію?

ГАСТОНЪ. Кчему всѣ эти вопросы? по какому праву?

ДЕ-ВАЛОРИ. Если вы такъ принимаете вещи, то честь имѣю вамъ кланяться... Не удостоите-ли вы проводить меня?

ГАСТОНЪ. Извините, если я откажусь отъ этой чести: я не пойду на балъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Очень хорошо. (*Гастонъ идетъ къ двери направо*).

VII.

ДЕ-ВАЛОРИ.

Странный человѣкъ!.. Не влюбленъ-ли онъ въ самомъ-дѣлѣ въ Амалію? Неужели то, что́ смѣясь говорила я сегодня утромъ, справедливо? Но, кчему Амалія дала ему этотъ цвѣтокъ?.. Теряюсь въ догадкахъ! (*стоитъ задумавшись въ глубинѣ сцены*).

VIII.

ФРЕДЕРИКЪ, АНАТОЛЬ, ДЕ-ВАЛОРИ.

(*Фредерикъ и Анатоль встрѣчаются на порогѣ и входятъ, не замѣчая г-жи Валори*).

АНАТОЛЬ. Ну что́, не говорилъ я вамъ, что припомню этотъ проклятый стихъ? Вотъ онъ: *цвѣтокъ любви цвѣтетъ зимой и лѣтомъ!* Повѣрите-ли и его освистали олухи, я боялся даже за этого толстаго господина, чтобъ его не ударилъ параличъ... А согласитесь, вѣдь очень мило сказано.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ-же, восхитительно!.. (*встороиу*) Задушилъ меня!..

АНАТОЛЬ. Кстати, позвольте мнѣ приступить къ предмету, болѣе серьозному и который мнѣ очень близокъ къ сердцу.

ФРЕДЕРИКЪ. Говорите, что̀ такое?

АНАТОЛЬ. Цвѣтокъ любви ... естественно приводитъ меня къ тому, что я влюбленъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Что́ вы говорите?

АНАТОЛЬ. Я вамъ говорю, что я влюбленъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Благодарю васъ за довѣріе; но что́ мнѣ до этого?...

АНАТОЛЬ. Позвольте ... я влюбленъ въ вашу сестрицу!

ФРЕДЕРИКЪ. А!

АНАТОЛЬ (*очень спокойно*). Да, сударь, я люблю неистовою любовью ... а какъ я имѣю состояніе, довольно ловокъ и достаточно уменъ... Видѣли вы мою статуэтку?

ФРЕДЕРИКЪ. Извините, если я васъ перебью; можетъ быть, вамъ неизвѣстно, что моя сестра уже невѣста графа Гастона де-Верьеръ?

ДЕ-ВАЛОРИ (*вступаясь*). Онъ это знаетъ; но какъ графъ Гастонъ обходится не такъ, ка́къ слѣдуетъ съ вашей сестрицей, вы позвольте мнѣ поддержать предложеніе моего двоюроднаго брата.

ФРЕДЕРИКЪ. Ка̀къ, Гастонъ сказалъ вамъ?

ДЕ-ВАЛОРИ. Ничего, но поступки доказываютъ болѣе, нежели слова. Графъ Гастонъ де-Верьеръ ухаживаетъ за всѣми женщинами (*графъ показывается въ отдаленіи и останавливается*).

IX.

ТѢ-ЖЕ и ГРАФЪ.

ФРЕДЕРИКЪ. Гастонъ и за вами ухаживаетъ?

ДЕ-ВАЛОРИ. Нѣтъ, не за мною, а за другими ... Видите этотъ цвѣтокъ?.. Я его взяла у него ... здѣсь-же ... онъ только-что получилъ его; еслибъ вы видѣли, ка̀къ онъ былъ взволнованъ ... онъ съ досады бросилъ этотъ бѣдный цвѣтокъ на полъ, я подняла... Скажите, натурально-ли все это?

АНАТОЛЬ. Покажите, что́ за цвѣтокъ; знаю, это амарилисъ грандифлора... онъ держалъ его въ рукахъ, когда я пришелъ за графиней...

ДЕ-ВАЛОРИ. Видите! Я говорила я вамъ, что онъ влюбленъ въ графиню?

ФРЕДЕРИКЪ. Помилуйте, что́ вы говорите... Можетъ-ли Гастонъ, влюбиться въ свою мачиху?

ДЕ-ВАЛОРИ. Почему-же нѣтъ?

АНАТОЛЬ. Это было-бы очень забавно. (*Увидѣвъ графа*) Чортъ возьми! графъ! (*всѣ молчатъ*).

ГРАФЪ (*съ принужденной улыбкой*). Что́-же вы удалились отъ праздника, сударыня?

ДЕ-ВАЛОРИ. Помилуйте, графъ!

ГРАФЪ. Неужели вы будете такъ жестоки ко всѣмъ, которые ждутъ васъ съ петерпѣніемъ ... графиня вездѣ васъ ищетъ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Пойду къ ней на встрѣчу; вашъ вечеръ очарователенъ!

ГРАФЪ. Не правда-ли?

ДЕ-ВАЛОРИ (*всторону*). Онъ ничего не слышалъ. (*Громко*) Вашу руку, Анатоль ...

АНАТОЛЬ. Съ удовольствіемъ, кузина.

ГРАФЪ. Останьтесь, докторъ; мнѣ нужно сказать вамъ два слова. (*Анатоль и г-жа Валори уходятъ*).

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Чего хочетъ онъ отъ меня?

X.

ГРАФЪ, ФРЕДЕРИКЪ, молчаніе, **ГРАФЪ** смотритъ вслѣдъ **Г-ЖѢ ВАЛОРИ** и физіономія его принимаетъ выраженіе грусти; **ФРЕДЕРИКЪ** смотритъ на него съ безпокойствомъ.

ГРАФЪ (*обращаясь снова къ Фредерику*). Докторъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ!

ГРАФЪ. Вы другъ нашего дома, вы мой другъ, я всегда обращался съ вами, какъ съ сыномъ и пришелъ къ вамъ просить совѣта.

ФРЕДЕРИКЪ. Совѣта?

ГРАФЪ. Да, одно существо, которое я любилъ болѣе всего въ мірѣ, употребило во зло мое довѣріе и отравило мою жизнь.

ФРЕДЕРИКЪ. Что́ вы хотите сказать?

ГРАФЪ. Этотъ человѣкъ вошелъ въ мой домъ, чтобы похитить у меня жену!

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ!

ГРАФЪ. Этотъ человѣкъ, который обязанъ былъ имѣть ко мнѣ уваженіе, нанесъ безчестіе моему имени.

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ!

ГРАФЪ. И этотъ человѣкъ — Гастонъ!

ФРЕДЕРИКЪ (*встороиу*). Боже мой!

ГРАФЪ. Да, докторъ! теперь скажите, что мнѣ дѣлать?

ФРЕДЕРИКЪ. Увѣрены-ли вы, графъ?

ГРАФЪ. Увѣренъ. Замѣтили вы, съ недѣлю тому, странную перемѣну въ характерѣ Гастона, его внезапную холодность къ Юліи ... а сейчасъ слышали-ли вы, что говорила г-жа Валори, и что всѣ будутъ повторять по ея милости?

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, графъ: неужели вы повѣрите глупымъ предположеніямъ этой суетной женщины?

ГРАФЪ. Въ этомъ случаѣ она вполнѣ права, и исторія цвѣтка доказываетъ, что дѣло уже дошло до любовныхъ ссоръ!.. Въ добавокъ, не въ этомъ одномъ доказательство ... Видите-ли вы этотъ бумажникъ?. Онъ принадлежитъ Гастону и потерянъ имъ нынѣшнею ночью, подъ окнами моей жены.

ФРЕДЕРИКЪ (*встороиу*). Амалія угадала.

ГРАФЪ. Если я прибавлю ко всему этому непонятное поведеніе его со всѣми нами, съ Юліей, что прикажете мнѣ думать?.. А!.. вы не отвѣчаете, вы убѣждены, не правда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Нѣтъ, графъ... что-бы вы ни сказали, я не повѣрю, Гастонъ не можетъ увлечься подобной любовью. Я его знаю и могу васъ увѣрить, что мысль о коварной измѣнѣ не можетъ проникнуть въ его благородное сердце.

ГРАФЪ (*успьвшись*). А какъ знать, докторъ?.. Амалія молода, прекрасна, очаровательна, а Гастонъ влюбленъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Что-же вы ходите дѣлать, графъ?

ГРАФЪ. Разстаться съ нимъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ! вы хотите...

ГРАФЪ. Что-же мнѣ остается?.. я надѣюсь, что любовь ихъ не далеко зашла ... Но кто можетъ мнѣ отвѣчать за сердца двухъ молодыхъ людей, которымъ суждено быть безпрестанно вмѣстѣ!.. Я на это рѣшаюсь изъ одной предосторожности (*встаетъ*). Вы молчите ... вы сами видите, что нѣтъ другаго спасенія.

ФРЕДЕРИКЪ. На вашемъ мѣстѣ, графъ, я-бы не рѣшился; я-бы подождалъ еще въ избѣжаніе огласки.

ГРАФЪ. А между-тѣмъ, я дамъ разнестись глупымъ пересудамъ г-жи Валори, не правда-ли! Нѣтъ, докторъ ... это невозможно ... огласки я не хочу; переговорю съ Гастономъ ... и тогда все рѣшится.

ФРЕДЕРИКЪ (*встороиу*). Мы погибли!

ГРАФЪ. Что касается до моей жены, она не узнаетъ причины его отъѣзда, я не хочу нарушать ея спокойствіе; не хочу въ мои лѣта навлекать на себя смѣшное названіе ревнивца... А какъ я жестоко страдаю, докторъ!.. Растаться съ Гастономъ, котораго я пять лѣтъ не видалъ... Что съ вами?.. вы отворачиваетесь ... вы плачете?.. благодарю... (*Фредерикъ живо отнимаетъ руку и хочетъ уйти*).

ФРЕДЕРИКЪ. Прощайте, графъ!...

ГРАФЪ. Куда вы?

ФРЕДЕРИКЪ. Вотъ Гастонъ.

ГРАФЪ. А! вы правы; идите, идите! (*Фредерикъ и Гастонъ встрѣчаются на порогѣ двери и долго смотрятъ другъ на друга*).

XI.

ГАСТОНЪ, ГРАФЪ. Графъ сѣлъ, Гастонъ держитъ письмо.

ГРАФЪ (*показывая Гастону знакомъ, чтобъ онъ подошелъ*). Гастонъ!

ГАСТОНЪ. Я здѣсь, батюшка!

ГРАФЪ. Ты знаешь, какъ я тебя любилъ, какъ заботился о твоемъ дѣтствѣ, о твоей молодости.

ГАСТОНЪ. Точно, батюшка!

ГРАФЪ. Я былъ для тебя больше, чѣмъ отецъ: я былъ тебѣ другомъ!

ГАСТОНЪ. Это правда!

ГРАФЪ. Ты никогда не могъ жаловаться на меня, не правда-ли?

ГАСТОНЪ. Никогда!

ГРАФЪ. И теперь, по возвращеніи, ты нашелъ меня такимъ-же, какъ я былъ и прежде

ГАСТОНЪ. Разумѣется... Но кчему все это, батюшка!..

ГРАФЪ (*вставая*). Итакъ, если я всегда исполнялъ свою обязанность въ отношеніи къ тебѣ, то, сынъ мой, исполнялъ-ли свои обязанности въ отношеніи ко мнѣ?

ГАСТОНЪ. Какъ!

ГРАФЪ. Выслушай, Гастонъ, ты ужасно измѣнился въ продолженіе недѣли!

ГАСТОНЪ. Я?

ГРАФЪ. Да, ты. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, скажи, что съ тобою?

(*Молчаніе Гастона*). Знаешь-ли, что ты почти грубъ съ бѣдняжкой Юліей. Когда ты женишся?

ГАСТОНЪ. Мы успѣемъ подумать объ этомъ, батюшка.

ГРАФЪ. Нѣтъ, я не люблю, чтобы дѣла откладывались въ длинный ящикъ; такъ-какъ этотъ бракъ рѣшенъ, то надо привести его къ концу.

ГАСТОНЪ. Да развѣ нельзя намъ отложить его на-время?

ГРАФЪ. Кчему-же откладывать?.. Я не узнаю тебя; ты былъ такъ нетерпѣливъ недѣлю тому назадъ!..

ГАСТОНЪ. Это потому ... Словомъ, батюшка ... я не могу жениться теперь.

ГРАФЪ. Послушай, неужели ты думаешь, что я способенъ выносить твои капризы?.. Сказывай: какая у тебя причина на это?

ГАСТОНЪ. Извините, я не могу сказать вамъ этого.

ГРАФЪ. Хорошо, я не хочу проникать твою тайну (*Гастонъ хочетъ идти*). Еще слово. (*Онъ возвращается*). Знаешь-ли ты этотъ бумажникъ?

ГАСТОНЪ. Это мой.

ГРАФЪ. Сегодня ночью его нашли подъ окнами Амаліи; тамъ-ли ты потерялъ его?

ГАСТОНЪ. Тамъ, батюшка.

ГРАФЪ. А что я долженъ думать объ этомъ?..

ГАСТОНЪ. Ничего для меня безчестнаго!..

ГРАФЪ. Однако, ваше присутствіе тамъ, въ такіе часы, довольно странно... Объясните-ли вы мнѣ это?..

ГАСТОНЪ. Нѣтъ!

ГРАФЪ. Нѣтъ!... Знаете-ли, это еще добрый знакъ съ вашей стороны ... вы опустили голову и молчите... Да и что можете вы сказать въ свое оправданіе ... кромѣ лжи?

ГАСТОНЪ. Батюшка!

ГРАФЪ. Ни слова болѣе!

ГАСТОНЪ. Клянусь вамъ.

ГРАФЪ. Ни слова, говорю я тебѣ ... не заставляй меня сомнѣваться въ твоей чести.

ГАСТОНЪ. О, Боже мой! выслушайте меня, графъ! Ужели вы могли подумать, хотя одно мгновеніе, что я вашъ соперникъ? Я обронилъ, этотъ бумажникъ, прогуливаясь въ паркѣ Что касается до Юліи, развѣ я не могу имѣть другія причины разстаться съ нею? Боже мой! вы мнѣ не вѣрите!.. Что-же я могу сказать, чтобъ вырвать изъ вашего сердца это ужасное подозрѣніе?

ГРАФЪ. Что́ ты можешь сказать? Скажи мнѣ, кому адресовано письмо, которое ты держишь въ рукѣ?

ГАСТОНЪ. Это письмо?

ГРАФЪ. Да, это письмо. (*Вырываетъ его*).

ГАСТОНЪ (*пораженный*). Батюшка!..

ГРАФЪ. «Графинѣ де-Верьеръ!» (*Гастону*). Да говори-же, докажи мнѣ, что ты невиненъ, что я напрасно обвиняю тебя; оправдайся, наконецъ!.. Или ты не видишь, что я жду, что твое молчаніе убиваетъ меня? А, теперь ты молчишь, ты стоишь неподвижно. По-крайней-мѣрѣ, чтобъ я не имѣлъ въ рукахъ доказательства твоего преступленія. (*Онъ раздираетъ письмо*). Завтра ты уѣдешь отсюда.

ГАСТОНЪ. Вы меня изгоняете.

ГРАФЪ. Не самъ-ли ты этого захотѣлъ, несчастный?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, это невозможно ... прощайте, графъ... (*Идетъ и садится нальво*).

ГРАФЪ. Прощай!.. (*Послѣ нѣкоторой нерѣшительности, онъ возвращается къ Гастону и протягиваетъ ему руку черезъ плечо, которую послѣдній сжимаетъ въ своихъ*). Ты не уѣдешь, не повидавшись со мною, такъ-ли? (*Выходитъ въ дверь нальво*).

XII.

ГАСТОНЪ, потомъ **ФРЕДЕРИКЪ.**

ГАСТОНЪ. Да, я уѣду, но не оставлю за собою безчестія въ домѣ родительскомъ... Кончено! ... жребій брошенъ — или онъ убьетъ меня, или я его убью!.. и я ничего не могъ сказать, ничего не могъ отвѣчать... Надо было оставить это ужасное подозрѣніе въ сердцѣ графа!.. Я влюбленъ въ его жену, какое безумство!.. О! я отомщу за себя!..

ФРЕДЕРИКЪ (*подходя къ нему прямо*). Гастонъ!

ГАСТОНЪ. Это вы?

ФРЕДЕРИКЪ. Отецъ вашъ сказалъ вамъ...

ГАСТОНЪ. Да, все, все сказалъ ... но я нахожу весьма страннымъ, что онъ васъ избралъ своимъ повѣреннымъ ... Если онъ просилъ у васъ совѣта, то позвольте и мнѣ сдѣлать то-же. Какъ мнѣ вести себя, по вашему мнѣнію, съ тѣмъ, кто́ пришелъ въ домъ мой, чтобъ нанести ему безчестіе и, забывъ всѣ связи дружбы и признательности, безчеловѣчно отравить жизнь моего благодѣтеля и мою?.. Что́ мнѣ остается дѣлать, отвѣчайте!

ФРЕДЕРИКЪ. И вы спрашиваете, Гастонъ?

ГАСТОНЪ. Я долженъ васъ убить, не правда-ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Я къ вашимъ услугамъ.

ГАСТОНЪ. Да, вы храбры, я это знаю; но когда я васъ убью, кто мнѣ возвратитъ мое счастье, скажите? Возвратитъ-ли мнѣ это довѣріе графа, который сталъ подозрѣвать меня ... возвратитъ-ли мнѣ Юлію, которую я люблю и лишаюсь навсегда?.. Вѣдь вы ее убили.

ФРЕДЕРИКЪ. О, замолчите!

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, не замолчу, нѣтъ, я довольно выстрадалъ, чтобъ въ свою очередь заставить и васъ страдать. Вы думаете, что тѣмъ только и раздѣлаетесь, что храбро примете пулю въ лобъ. Такъ нѣтъ-же, я хочу быть вашимъ мучителемъ. Да, сударь, вы убійца вашей сестры! Она любитъ меня и умретъ отъ отчаянія. Вы поступили... подло ... да ...

ФРЕДЕРИКЪ. Милостивый государь!

ГАСТОНЪ. Слышите-ли вы, подло!.. Я хотѣлъ избѣжать огласки, вы это знаете; я думалъ удалить васъ, вы отказались!.. теперь я ѣду, но хочу ѣхать съ полнымъ мщеніемъ, а самъ я найду пулю въ Африкѣ, если не вамъ удастся убить меня завтра. (*Идетъ и садится направо*).

ФРЕДЕРИКЪ. Завтра утромъ — согласенъ!.. Одно слово, Гастонъ: были-ли вы довольно великодушны, чтобъ спасти честь графини де-Верьеръ?

ГАСТОНЪ. Да, сударь.

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ не полагаетъ, что она преступна?

ГАСТОНЪ. Нѣтъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Разрушите-ли вы его заблужденіе?

ГАСТОНЪ. Это уже было-бы сдѣлано, еслибъ зависѣло отъ меня.

ФРЕДЕРИКЪ. Благодарю васъ. Завтра увидимся...

ГАСТОНЪ (*вставая*). Рано утромъ.

(*Фредерикъ уходитъ*).

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Будуаръ графини де-Верьеръ. Двѣ двери въ глубинѣ сцены. Направо спальня Амаліи, налѣво кабинетъ, направо окно. Двѣ свѣчи освѣщаютъ сцену.

I.

АМАЛІЯ и **РОЗА**. Амаліа входитъ въ середнюю дверь за нею Роза.

АМАЛІЯ. Тутъ въ моей спальнѣ, на каминѣ (*указываетъ на дверь съ правой стороны и опускается въ кресла. Роза входитъ въ спальню и въ ту-же минуту возвращается съ флакономъ въ рукѣ*). Мнѣ измѣняютъ силы (*беретъ флаконъ изъ рукъ Розы*) Хорошо ... оставь меня.

РОЗА. Если прикажете, можно послать за господиномъ Фредерикомъ.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, ненужно ... не безпокой никого ... мнѣ лучше ... ступай! (*Роза входитъ въ спальню Амаліи*).

II.

АМАЛІЯ, потомъ **ФРЕДЕРИКЪ**.

АМАЛІЯ Наконецъ, я одна и могу плакать ... (*закрываетъ лицо руками; минута молчанія; Фредерикъ показывается въ отдаленіи*.

ФРЕДЕРИКЪ. Амалія.

АМАЛІЯ (*вставая*). Это вы. О, ради Бога, изъ сожалѣнія, оставьте меня! Чего вы отъ меня хотите?

ФРЕДЕРИКЪ. Тише, Амалія, тише!

АМАЛІЯ. Нѣтъ!.. все кончено ... прощайте!

ФРЕДЕРИКЪ. Мнѣ нужно поговорить съ вами ... вы должны меня выслушать!

АМАЛІЯ. Взгляните на меня: развѣ я не довольно блѣдна, развѣ мало изнурена стыдомъ и страданіемъ? Вы меня обманывали, вы мнѣ лгали, когда говорили, что можно быть измѣнницею и при этомъ не терять семейнаго счастія, уваженія свѣта и почтенія къ самой себѣ; вы лгали, когда обѣщали мнѣ счастіе! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я слушаю ваши увѣренія, я только знаю слезы и страданія; вы нисколько не имѣли ко мнѣ жалости, вы меня погубили ... растерзали мое сердце, вы меня уничтожили!..

ФРЕДЕРИКЪ (*схвативъ ее за руки*). Амалія! Амалія! (*Амалія вырывается и садится направо*).

АМАЛІЯ. Знаете-ли: Гастонъ все угадалъ, все понялъ ... теперь я увѣрена ... Можетъ быть завтра, можетъ-быть сію-минуту, онъ все скажетъ графу.

ФРЕДЕРИКЪ. Нѣтъ, успокойтесь ... Гастонъ ничего не скажетъ ... онъ мнѣ обѣщалъ.

АМАЛІЯ. Обѣщалъ? Гастонъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Онъ рѣшился лучше сносить подозрѣніе графа, чѣмъ открыть тайну, которая можетъ васъ погубить.

АМАЛІЯ. Подозрѣніе графа ... что это значитъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Графъ думаетъ, что онъ влюбленъ въ васъ.

АМАЛІЯ. Что Гастонъ влюбленъ въ меня?

ФРЕДЕРИКЪ. Прошлую ночь, подъ вашими, окнами нашли бумажникъ Гастона; г-жа де-Валори шутя сказала нѣсколько словъ; вы подарили Гастону цвѣтокъ, Гастонъ, сталъ равнодушенъ къ Юліи, графъ это узналъ, и все это возбудило подозрѣніе.

АМАЛІЯ. Боже мой!

ФРЕДЕРИКЪ. Гастонъ будетъ молчать, я въ немъ увѣренъ; но сегодня, можетъ быть, сейчасъ, графъ станетъ васъ допрашивать. Что вы ему скажете?

АМАЛІЯ (*вставая*). Всю правду!

ФРЕДЕРИКЪ. Онъ васъ убьетъ.

АМАЛІЯ. Можетъ быть.

ФРЕДЕРИКЪ. Я этого не хочу, я васъ люблю и хочу, чтобъ вы жили ... Надо бѣжать.

АМАЛІЯ. Бѣжать?

ФРЕДЕРИКЪ. Необходимо, вашъ балъ еще въ разгарѣ; мы можемъ бѣжать, не возбудивъ никакихъ подозрѣній; у калитки парка насъ будетъ ждать карета ... завтра мы въ Парижѣ, послѣ-завтра въ Лондонѣ.

АМАЛІЯ. Что вы предлагаете?

ФРЕДЕРИКЪ. Единственное средство къ спасенію.

АМАЛІЯ. Лучше смерть, чѣмъ это униженіе!

ФРЕДЕРИКЪ. Я вамъ не все сказалъ. Если вы не хотите бѣжать со мною, я черезъ нѣсколько часовъ долженъ стрѣляться съ Гастономъ.

АМАЛІЯ. Боже мой! Дуэль... между вами?

ФРЕДЕРИКЪ. Теперь вы поняли? Если мы вмѣстѣ уѣдемъ сейчасъ, я завтра не явлюсь на свиданіе къ Гастону; это низость, но что̀ дѣлать: ваше спасеніе мнѣ дороже чести, послѣ я отыщу ее. (*Тихо*). Тише! вотъ сестра моя ... (*громко*). Успокойтесь, все это пройдетъ. Вотъ Юлія; я увѣренъ, что она пришла освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. Оставляю васъ съ нею ... (*тихо*) Ни слова болѣе ... ждите меня (*уходитъ*).

III.

ЮЛІЯ. АМАЛІЯ.

ЮЛІЯ. Я боялась ...

АМАЛІЯ (*всторону*). Да, допустить эту дуэль... это ужасно! (*Увидѣвъ передъ собою Юлію*). А! это ты Юлія ... извини меня, мое дитя ... я забыла; что ты здѣсь.

ЮЛІЯ. Роза сказала мнѣ, что вы нездоровы и я прибѣжала.

АМАЛІЯ. Благодарю тебя! (*жметъ ей руку*). Теперь все прошло, ты видишь, я смѣюсь.

ЮЛІЯ. Какъ ваши руки холодны!

АМАЛІЯ. Холодны?.. Тебѣ кажется.

ЮЛІЯ. А на глазахъ слезы.

АМАЛІЯ. Нѣтъ, ты ошибаешся (*утираетъ себѣ глаза*)... о чемъ стану я плакать? Сядь вотъ сюда. (*Юлія садится возлѣ Амаліи, которая беретъ ее за руку*). Весело–ли тебѣ было на праздникѣ, много–ли ты танцовала?.. Разскажи мнѣ ... я все хочу знать ... мнѣ кажется, Анатоль ухаживалъ за тобой; смотри, берегись: поэты — люди опасные! Долго-ли прельститься хорошими стихами?.. Правда, что стихи его ... Бѣдняжка, онъ не виноватъ ... Да говори-же ... скажи мнѣ что-нибудь ... повтори мнѣ все, что̀ ты слышала ... Былъ-ли разговоръ обо мнѣ? что̀ говорили? ужъ вѣрно что-нибудь дурное?

ЮЛІЯ. Напротивъ.

АМАЛІЯ. Ты боишься огорчить меня?

ЮЛІЯ. Нѣтъ, увѣряю васъ.

АМАЛІЯ. Вѣрю, вѣрю! (*всматриваясь въ нее съ нѣжностію*). Знаете-ли, сударыня, что вы очаровательны съ вашими большими голубыми глазами, которые смотрятъ такъ томно, съ этой милой блѣдностью, которая покрываетъ ваши щечки ... Много-ли наговорили вамъ комплиментовъ?

ЮЛІЯ. У меня есть просьба до васъ, графиня; вы такъ ко мнѣ добры.

АМАЛІЯ. Говори ... говори скорѣй ... чего ты хочешь?..

ЮЛІЯ. Я хотѣла просить васъ поговорить обо мнѣ съ братомъ.

АМАЛІЯ. Съ Фредерикомъ?

ЮЛІЯ. Да.

АМАЛІЯ. Что-же сказать ему?

ЮЛІЯ. Что я прошу его отвезти меня въ монастырь, изъ котораго я недавно выпущена.

АМАЛІЯ (*вставая съ Юліей*). Въ монастырь?.. Ты опять хочешь въ монастырь!.. Развѣ тебѣ скучно съ нами, мое милое дитя? Ты здѣсь несчастлива у насъ?

ЮЛІЯ. Я не жалуюсь ... я никого не обвиняю (*со слезами*). Если я не могу принадлежать ему, то вѣрно какое-нибудь непреодолимое препятствіе разлучаетъ насъ. Онъ мнѣ такъ сказалъ и я ему вѣрю.

АМАЛІЯ. Кто? Гастонъ! (*встороиу*). О! теперь понимаю ... бѣдное дитя ... я разрушила и ея счастье. (*Вслухъ*). Утри слезы, Юлія, я увижусь съ Гастономъ и поговорю съ нимъ.

ЮЛІЯ. Прошу васъ, не говорите ему.

АМАЛІЯ. Будь покойна. Я хочу вывѣдать у него эту тайну, я хочу знать, что это за препятствіе, понимаешь?.. Можетъ быть, мы напрасно тревожимся.

ЮЛІЯ (*съ радостію*). Вы думаете?

АМАЛІЯ. Ступай къ гостямъ, отыщи его и скажи, что я его здѣсь ожидаю; онъ вѣрно не откажется придти.

ЮЛІЯ. Что вы ему скажете?

АМАЛІЯ. Обѣщаю тебѣ, что не скажу ни слова о нашемъ разговорѣ. Я распрошу его отъ себя и передамъ тебѣ слово въ слово все, что онъ мнѣ скажетъ.

ЮЛІЯ. Какъ вы добры!

АМАЛІЯ. Ступай, мой другъ исполни мое порученіе ... скажи ему,

что я хочу поговорить съ нимъ. (*Она цѣлуетъ Юлію въ лобъ и возвращается въ свою спальню. Юлія хочетъ идти, въ боковой двери показался графъ*).

IV.

ЮЛІЯ, ГРАФЪ

ГРАФЪ. Это вы, Юлія ... Я думалъ найти здѣсь Амалію.

ЮЛІЯ. Графиня только-что оставила меня, она пошла въ свою комнату.

ГРАФЪ. Вы не знаете, отчего Амалія такъ рано оставила гостиную?

ЮЛІЯ. Она чувствовала себя не совсѣмъ здоровой, какъ мнѣ кажется ... Успокойтесь, теперь ей лучше.

ГРАФЪ. Я васъ не удерживаю, мое милое дитя. Вы вѣрно спѣшите на праздникъ?

ЮЛІЯ. Графиня поручила мнѣ попросить къ себѣ господина Гастона.

ГРАФЪ. А! (*Удерживаясь*) Хорошо, идите ... (*Юлія уходитъ*).

V.

ГРАФЪ одинъ.

Она ждетъ его! (*минута молчанія, онъ прохаживается съ волненіемъ*). Кчему это свиданіе? Что она хочетъ сказать ему?.. (*Садясь*). О! этого быть не можетъ ... Амалія не способна ... Этотъ послѣдній ударъ убьетъ меня. (*Молчаніе. Онъ встаетъ*). Вѣрно она угадала его преступную страсть и хочетъ вразумить его ... но я не могу повѣрить ... Нѣтъ, нѣтъ; это было-бы слишкомъ коварно!.. Она тутъ! (*Приподнимаетъ занавѣсъ двери, которая ведетъ въ спальню*). На колѣнахъ ... Она молится ... Не проситъ-ли она прощенія у Бога? (*Опускаетъ занавѣсъ*). Прощенія ... о! я буду неумолимъ... Я не прощу!.. Горе ему и ей, если они обманули меня ... (*Подходя къ окну*). Антонъ, Антонъ! Здѣсь-ли ты?

АНТОНЪ (*снаружи*). Здѣсь, ваше сіятельство!

ГРАФЪ. Дай мнѣ пистолеты.

АНТОНЪ. Вотъ они.

ГРАФЪ Хорошо! Не отходи далеко (*Беретъ пистолеты, кладетъ ихъ въ карманы и запираетъ окно*). Кто-то идетъ ... это онъ! Я буду здѣсь. О! Боже мой, сжалься надо мной! (*Входитъ въ кабинетъ*).

VI.

ГАСТОНЪ, потомъ **АМАЛІЯ.**

ГАСТОНЪ Никого нѣтъ! Она вѣрно въ своей спальнѣ, подожду здѣсь ... Что она хочетъ мнѣ сказать?... Теперь уже поздно!...

АМАЛІЯ (*входитъ и видитъ Гастона*). Боже! (*Колеблется*).

ГАСТОНЪ (*поддерживая ее*). Графиня! (*ведетъ ее къ дивану и усаживаетъ*).

АМАЛІЯ. Гастонъ ... стыдъ и страданія терзаютъ меня!.. Вы меня презираете и имѣете полное право, я не смѣю прямо взглянуть на васъ ... мнѣ хотѣлось поговорить съ вами, я должна вымолить у васъ прощеніе.

ГАСТОНЪ. У меня, графиня?

АМАЛІЯ (*сажая его возлѣ себя*). Да, у васъ; вы позволили обвинить себя за мой проступокъ, вы не хотѣли обезчестить меня въ глазахъ графа, вы были великодушны къ несчастной женщинѣ, которая и безъ того убита.

ГАСТОНЪ. Какъ, графиня, вы знаете ...

АМАЛІЯ. Да, я все знаю. Я знаю, что вы благороднѣйшій изъ людей ... Какъ я несчастлива! Я не имѣю даже права благодарить васъ!.. Я не хочу этой жертвы ... Не хочу, чтобъ графъ подозрѣвалъ васъ ... Не хочу прибавить еще одно угрызеніе къ тому, которое терзаетъ меня ... Не прерывайте меня, Гастонъ ... Я не хочу, чтобъ вы лишились за меня отеческой дружбы и любви. Истина должна быть открыта, хотя-бы это стоило мнѣ жизни, и если вы не выскажете ея, то я сама ее открою. (*Она встаетъ. Гастонъ удерживаетъ ее за руку*).

ГАСТОНЪ. Обдумали-ли вы, что хотите дѣлать? (*Заставляетъ ее сѣсть возлѣ себя*).

АМАЛІЯ. Да, я объ этомъ безпрестанно думаю и не хочу, чтобъ вы когда-нибудь проклинали меня, чтобъ вы говорили: у этой женщины не было души, она покрыла стыдомъ имя моего отца ... Я не хочу, чтобъ вы могли сказать это — и тогда, можетъ быть, вы пожалѣете обо мнѣ, можетъ быть, вы въ глубинѣ души вашей сохраните нѣсколько состраданія къ несчастной женщинѣ, которая была слаба, но не лишилась всякаго благороднаго чувства.

ГАСТОНЪ (*вставая*). Графиня!

АМАЛІЯ. Еслибъ вы знали, Гастонъ, какъ преступленіе мало-помалу завладѣло мною, какъ я была невольно увлечена въ пропасть ... какими мольбами, какими страшными угрозами этотъ человѣкъ овладѣлъ моею совѣстію ... Я не оправдываю себя ... Нѣтъ!.. я должна была сопротивляться!.. Но я такъ страдала . . Гастонъ, умоляю васъ на колѣнахъ, простите меня!..

ГАСТОНЪ (*поднимая ее*). Графиня!.. О ... Фредерикъ! (*Шумъ въ кабинетѣ*).

АМАЛІЯ. Боже мой!

ГАСТОНЪ. Что такое?

АМАЛІЯ. Мнѣ послышалось...

ГАСТОНЪ. Успокойтесь, мы одни. Выслушайте меня: графъ счастливъ вами ... открыть ему истину — значитъ убить его! Я васъ прошу, не дѣлайте этого; въ свою очередь, я умоляю васъ: заботьтесь о спокойствіи, осчастливьте его старость и тогда ... я васъ прощу!.. Что-же до меня, я уѣду ... Черезъ нѣсколько лѣтъ грустное подозрѣніе, которое зародилось въ немъ, изгладится изъ его памяти; тогда я возвращусь и займу опять мое мѣсто въ нашемъ семействѣ.

АМАЛІЯ. Но ... Фредерикъ.

ГАСТОНЪ. О! не говорите мнѣ о Фредерикѣ, графиня! Онъ или я...

АМАЛІЯ. Онъ или вы не будете существовать завтра, такъ-ли?.. И вы думаете, что я соглашусь, и приму этотъ грѣхъ на душу?... Графъ будетъ въ правѣ требовать у меня отчета за жизнь своего сына!... Нѣтъ, скорѣе смерть!.. А Юлія, Юлія, которую вы такъ любите,... Ахъ, Гастонъ! Вѣдь вы и ее также погубите, Гастонъ, изъ любви къ Юліи ...

ГАСТОНЪ. Довольно! Вы раздираете мое сердце, но я не отступлю отъ своего долга ... Я не больше цѣню свое счастіе, чѣмъ счастіе отца ... И по этому не старайтесь отклонять меня отъ моего намѣренія: оно неизмѣнно.

АМАЛІЯ (*всторону*). Нѣтъ, это невозможно! Онъ стрѣляться не будетъ ... Я бѣгу!

ГАСТОНЪ. А теперь, графиня, утрите ваши слезы, принудьте себя улыбнуться и покажитесь на праздникѣ, гдѣ отсутствіе ваше можетъ обезпокоить моего отца.

АМАЛІЯ. Да, вы правы, надо улыбаться ... (*она рыдаетъ*). Какъ вы думаете, Гастонъ, довольно-ли я наказана?.. Теперь будьте и вы добры ... Гастонъ ... Не проклинайте меня ... Прощайте. *(Выходитъ въ дверь налѣво).*

VII.

ГРАФЪ, ГАСТОНЪ. Графъ показывается на порогѣ кабинетной двери.

ГАСТОНЪ. Графъ! *(Графъ тихо подходитъ къ нему и, ни слова ни говоря, падаетъ передъ нимъ на колѣни).* Батюшка! Что вы дѣлаете?

ГРАФЪ. И я его осуждалъ!.. Гастонъ! Благородная душа! *(Гастонъ поднимаетъ графа, который прижимаетъ его къ груди).*

ГАСТОНЪ. Вы были тутъ...

ГРАФЪ. Да, и все слышалъ ... Кончено ... я убитъ ... видишь... но ты ... ты простишь меня ... неправда-ли?

ГАСТОНЪ. Ахъ! Батюшка ...

ГРАФЪ. Посмотри!.. Я плачу въ первый разъ въ жизни ... Я такъ любилъ тебя!.. Ахъ! я безумецъ!.. Я обвинялъ тебя ... они изверги ... О! я за все отмщу!

ГАСТОНЪ. Ей?

ГРАФЪ. Нѣтъ, кчему мнѣ скрывать отъ тебя мою слабость? Гастонъ, я чувствую, что еще люблю ее ... Нѣтъ, не ей, *(бросается къ нему въ объятія и плачетъ)* а ему.

ГАСТОНЪ. Это мое дѣло, батюшка; такъ-какъ вы слышали...

ГРАФЪ. Да, вы должны стрѣляться, я это знаю, но я не хочу!.. Это моя обида, а не твоя... Я хочу, чтобъ ты жилъ, Гастонъ . . Если онъ меня убьетъ, такъ только нѣсколькими днями ускоритъ мою смерть.

ГАСТОНЪ. Нѣтъ, батюшка, не наносите мнѣ этого оскорбленія!.. Я вызвалъ Фредерика и долженъ стрѣляться. Захотите-ли вы, чтобъ на меня пала, хоть тѣнь низости?

ГРАФЪ. Ну, согласенъ. Когда вы стрѣляетесь?

ГАСТОНЪ. Завтра утромъ.

ГРАФЪ. Хорошо ... теперь ступай, отдохни, Гастонъ.

ГАСТОНЪ. А Амалія?

ГРАФЪ. Амалія! О, неблагодарная! Неблагодарная!.. Какъ она заставила меня страдать!... Зачѣмъ она вышла за меня, если не могла меня любить?... Но ты простилъ ей, Гастонъ ... Я ей прощаю!.. О, нѣтъ, нѣтъ, она не узнаетъ, что мнѣ извѣстенъ ея проступокъ и тогда, можетъ быть ... можетъ быть ... она еще будетъ меня любить...

ГАСТОНЪ. Батюшка!

ГРАФЪ. Ну, теперь довольно ... Ты видишь, что я спокоенъ ... Я хочу ее видѣть и поговорить съ нею ...

ГАСТОНЪ. Прощайте, батюшка.

ГРАФЪ. Гастонъ, другъ мой! Обними меня!.. *(Они обнимаются, Гастонъ выходитъ направо).*

VIII.

ГРАФЪ, потомъ **ФРЕДЕРИКЪ**.

ГРАФЪ одинъ.

Нѣтъ! ты стрѣляться не будешь! Какъ!.. Чтобъ я подвергнулъ тебя опасности ... Чтобъ я видѣлъ, какъ тебя убьетъ этотъ презрѣнный!.. Нѣтъ!.. Я предупрежу тебя ... Дуэль назначена завтра, я буду съ нимъ стрѣляться сегодня-же ... Иду. (*Фредерикъ входитъ въ потаенную дверь и поспѣшно идетъ къ комнатѣ Амаліи, не замѣчая графа*).

ГРАФЪ. Это онъ!..

ФРЕДЕРИКЪ (*приподнимая занавѣсъ*). Амалія!..

ГРАФЪ (*приблизясь и схвативъ его за руку*). Что вы пришли здѣсь дѣлать и въ такое время?

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). Боже мой! (*Громко*). Развѣ вамъ не сказали, что графиня внезапно занемогла и принуждена была оставить балъ?

ГРАФЪ. А вы пришли, въ качествѣ домашняго врача, великодушно предложить ваши услуги?

ФРЕДЕРИКЪ. Точно такъ.

ГРАФЪ. Да, оно и натурально!..

ФРЕДЕРИКЪ. Да что съ вами?

ГРАФЪ. Со мною, докторъ?.. Мнѣ хочется убить васъ, какъ мошенника ... Мнѣ хочется раздробить вамъ черепъ ... Вотъ этимъ ... (*Приставляетъ ему ко лбу дуло пистолета*). Что ... поблѣднѣлъ негодяй!..

ФРЕДЕРИКЪ (*упираясь о диванъ*). Графъ!

ГРАФЪ (*томнымъ голосомъ*). Тише, сударь, тише!.. Если, я васъ еще не застрѣлилъ, такъ это потому только, что при всей вашей подлости, удостоиваю васъ права защищаться; но прежде всего, хочу сказать вамъ, до какой степени я васъ презираю и ненавижу ... Вы допустили меня подозрѣвать Гастона, вы внесли стыдъ въ домъ мой ... Давно-ли вы пожимали мою руку; а теперь подкрались сюда, какъ разбойникъ, чтобы похитить у меня честь ...

ФРЕДЕРИКЪ. Вы можете убить меня, но не оскорблять.

ГРАФЪ. Вы уже давно лежали-бы у моихъ ногъ, еслибъ моему мщенію достаточно было вашей смерти; теперь я высказалъ вамъ все, что было нужно ... я не хочу, чтобъ вы стрѣлялись съ Гастономъ. Ступайте и дожидайтесь меня у себя, черезъ часъ я приду за вами.

ФРЕДЕРИКЪ. Черезъ часъ!

ГРАФЪ. Предупреждаю васъ, что Гастону неизвѣстно мое намѣреніе и надѣюсь, что вы ему не скажете ни слова.

ФРЕДЕРИКЪ. Довольно, графъ.

ГРАФЪ. Идите ...

ФРЕДЕРИКЪ (*увидѣвъ Амалію, которая входитъ съ Юліей изъ правой двери*). Амалія.

ГРАФЪ. Идите вонъ, сударь, идите ...

ФРЕДЕРИКЪ (*выходитъ бросивъ взглядъ на Амалію*).

IX.

ГРАФЪ, АМАЛІЯ, ЮЛІЯ.

ГРАФЪ (*идетъ на встрѣчу Амаліи*). Ну, кажется, праздникъ кончился и вы простились съ вашими гостями; я ждалъ васъ ...

АМАЛІЯ. Вы меня ждали?

ГРАФЪ. Разумѣется ... Развѣ я не привыкъ прощаться съ вами

всякой вечеръ ... (*беретъ ее за руку и цѣлуетъ въ лобъ*). Спокойной ночи, Амалія, до завтра.

АМАЛІЯ. До завтра ... (*всторону*) завтра!..

ЮЛІЯ. Прощайте, графиня; послѣднія ваши слова нѣсколько меня обнадежили ... но мнѣ все кажется, что надъ нами готово разразиться какое-то несчастіе. Я буду молиться Богу, чтобъ Онъ помиловалъ!..

АМАЛІЯ. Иди, душа моя, да услышитъ Богъ твои молитвы! . (*цѣлуетъ ее и направляетъ шаги къ своей спальной*).

ГРАФЪ (*Амаліи*). До завтра.

АМАЛІЯ. До завтра! (*уходитъ*).

X.

ГРАФЪ, ЮЛІЯ, потомъ **РОЗА.**

ЮЛІЯ. Прощайте, графъ!..

ГРАФЪ. Доброй ночи!.. Ахъ! Юлія, одно слово ... простились-ли вы съ братомъ?

ЮЛІЯ. Нѣтъ, графъ; онъ ушелъ, не сказавъ мнѣ ни слова.

ГРАФЪ. Ему надо васъ видѣть ... сходите къ нему, Роза проводитъ васъ (*звонитъ*).

ЮЛІЯ. Такъ поздно!

ГРАФЪ (*Розѣ*). Роза проводи Юлію до дверей г. Берне ... Доброй ночи, Юлія! (*идетъ, чтобъ поцѣловать ее и останавливается*) Что-бы ни случилось, вы во мнѣ всегда найдете отца.

ЮЛІЯ. Боже мой! что это значитъ? (*выходитъ съ Розой*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Отдаленная часть парка. Открытая бесѣдка съ дверью въ сторонѣ; въ бесѣдкѣ два стула и столъ. Близъ бесѣдки столъ. Ночь.

I.

При поднятіи занавѣса, слышны звуки веселой музыки. Крестьяне возвращаются изъ замка домой. За ними идутъ **ФРЕДЕРИКЪ, АНАТОЛЬ** и **Г-ЖА ВАЛОРИ**.

ДЕ-ВАЛОРИ. Ну, любезный Фредерикъ, вы теперь дома, прощайте.

АНАТОЛЬ. А! такъ вотъ ваша бесѣдка! Да здѣсь очень мило, совершенная, тишина, полное уединеніе ... да это гнѣздышко, созданное для поэта ...

ДЕ-ВАЛОРИ. Безъ птички.

АНАТОЛЬ. Кстати, я все еще люблю вашу сестрицу, подумайте объ этомъ.

ДЕ-ВАЛОРИ. Полноте, cousin, теперь не время говорить о любви!..

АНАТОЛЬ. Напротивъ, теперь-то и время ... при лунномъ свѣтѣ.

ДЕ-ВАЛОРИ. При лунномъ свѣтѣ надо ложиться спать.

АНАТОЛЬ. Подождите.

ДЕ-ВАЛОРИ. Чего-же?

АНАТОЛЬ. Не мѣшайте ... мнѣ пришла ...

ДЕ-ВАЛОРИ Мысль?.. быть не можетъ ...

АНАТОЛЬ. Тише ... слушайте.

«Вотъ луна сквозь вѣтви
«Бросила съ небесъ ...

ДЕ-ВАЛОРИ Любопытно, что̀ луна бросила съ небесъ?

АНАТОЛЬ. Сегодня, я чувствую въ себѣ призваніе къ поэзіи, и скажу вамъ остальное дорогой.

ДЕ-ВАЛОРИ. Съ удовольствіемъ ... въ моей каретѣ такъ ловко спать.

АНАТОЛЬ (*кланяясь Фредерику*). Любезнѣйшій докторъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Что вамъ угодно?

ДЕ-ВАЛОРИ. Желаю вамъ доброй ночи. (*Фредерикъ подходитъ къ бесѣдкѣ*).

АНАТОЛЬ (*возвращаясь*). Кстати, завтра я пришлю вамъ мою статуэтку.

(*Г-жа Валори беретъ Анатоля подъ руку и уводитъ.*)

II.

ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ. Гастонъ входитъ съ правой стороны.

ГАСТОНЪ (*Фредерику*). Извините, милостивый государь, что безпокою васъ въ это позднее время; мнѣ необходимо переговорить съ вами ... графъ все знаетъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Такъ что-же?

ГАСТОНЪ. Боюсь, чтобъ онъ не вызвалъ васъ на дуэль ... не забудьте, что вы прежде всего должны со мною стрѣляться.

ФРЕДЕРИКЪ. Помню!

ГАСТОНЪ. Прошу васъ дать мнѣ слово, что вы не будете стрѣляться съ графомъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Хорошо, даю вамъ это слово ...

ГАСТОНЪ. И такъ, до завтра.

ФРЕДЕРИКЪ. Я васъ буду ждать (*входитъ въ бесѣдку и скрывается въ другой ея комнатѣ*).

III.

ГАСТОНЪ, ЮЛІЯ, РОЗА.

ГАСТОНЪ Кто тамъ? Юлія?

ЮЛІЯ. Это вы, Гастонъ? — откуда?

ГАСТОНЪ. Сію-минуту провожалъ г-жу Валори и возвращаюсь въ замокъ; а вы куда?

ЮЛІЯ. Къ брату ... графъ сказалъ, что ему нужно меня видѣть.

ГАСТОНЪ. А! хорошо ... Прощайте, Юлія!

ЮЛІЯ. Доброй ночи, Гастонъ. (*Выходитъ направо*).

IV.

ЮЛІЯ, РОЗА, ФРЕДЕРИКЪ.

ЮЛІЯ. Фредерикъ вѣрно еще не легъ спать, Роза? (*стучится въ дверь. Въ продолженіе слѣдующей сцены, Роза прохаживается въ глубинѣ, Фредерикъ выходитъ со свѣчкою и ставитъ ее на столъ*). Кто тутъ? (*отворяетъ; Роза входитъ въ бесѣдку*). Мнѣ хотѣлось обнять тебя (*цѣлуетъ Юлію и сажаетъ*). Зачѣмъ пришла ты такъ поздно?

ЮЛІЯ. Меня послалъ къ тебѣ графъ.

ФРЕДЕРИКЪ. А!..

ЮЛІЯ. Фредерикъ, знаешь-ли ... мнѣ что-то страшно... Что здѣсь дѣлается?

ФРЕДЕРИКЪ (*садясь*). Ничего, моя милая, успокойся!.. Можетъ быть, мнѣ придется ѣхать ... поэтому я хотѣлъ тебя видѣть ... очень радъ, что графъ тебя прислалъ.

ЮЛІЯ. Ѣхать ... зачѣмъ-же это?

ФРЕДЕРИКЪ. Есть дѣло, котораго я не могу тебѣ объяснить.

ЮЛІЯ. А на долго ты уѣдешь?

ФРЕДЕРИКЪ. Самъ не знаю; какъ случится...

ЮЛІЯ. Фредерикъ, зачѣмъ ты оставляешь меня?

ФРЕДЕРИКЪ. Что́ дѣлать, необходимо.

ЮЛІЯ. Какъ я несчастлива!.. Я любила только Гастона и тебя, и вдругъ лишаюсь васъ обоихъ. Что-нибудь да есть ... Я увѣрена, что Гастонъ отказывается отъ меня, ты ѣдешь ... что́ это значитъ?

ФРЕДЕРИКЪ. Не плачь, сестра, Гастонъ опять возвратится къ тебѣ, будь увѣрена.

ЮЛІЯ. Я его такъ любила!

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону, вставая*). Боже мой! какое мученіе ...

ЮЛІЯ. Что́ съ тобою?

ФРЕДЕРИКЪ. Ничего! Ты меня очень любишь, Юлія?

ЮЛІЯ. Очень.

ФРЕДЕРИКЪ. Ты всегда будешь меня любить?

ЮЛІЯ. Всегда!

ФРЕДЕРИКЪ. Иди-же, мой другъ, Господь съ тобою!.. (*Юлія выходитъ изъ бесьдки, Фредерикъ провожаетъ ее*) Кстати, помолись за меня ... твои молитвы дойдутъ до Бога...

ЮЛІЯ. Но я еще увижу тебя завтра; вѣдь ты не въ ночь поѣдешь?

ФРЕДЕРИКЪ. Не знаю.

ЮЛІЯ. Неужели такъ скоро?

ФРЕДЕРИКЪ. Успокойся. Я тебѣ сказалъ, что это необходимо ... до свиданія!

ЮЛІЯ. А ты далеко ѣдешь?

ФРЕДЕРИКЪ. Далеко.

ЮЛІЯ. Какое несчастіе!.. Прощай, Фредерикъ!..

ФРЕДЕРИКЪ. Прощай Юлія ... прощай милая сестра ... безцѣнный другъ мой ... дай мнѣ обнять тебя ... долго ... долго ... иди ... иди!.. (*Юлія посылаетъ ему послѣдній прощальный поцѣлуй и уходитъ съ Розой*).

V.

ФРЕДЕРИКЪ одинъ.

Все кончено! я видѣлъ ее въ послѣдній разъ!.. нѣтъ болѣе надежды ... прощай моя жизнь ... Теперь буду ждать графа!.. Какая темнота! . На небѣ нѣтъ ни одной звѣздочки ... (*садится и погружается въ раздумье*). Мнѣ холодно ... ужъ не боюсь-ли я?.. Нѣтъ ... я дерусь на смерть ... а сколько разъ гладѣлъ я ей въ глаза не блѣднѣя! Раньше-ли, позже-ли, все надобно обратиться въ прахъ. (*встаетъ*). Я далъ слово Гастону не стрѣляться съ графомъ ... пусть-же онъ убьетъ меня (*опять садится*). Но какой несчастный случай открылъ графу нашу тайну? Всему конецъ! мнѣ даже не удастся привести дѣла мои въ порядокъ ... а на это мнѣ нужно-бы недѣли двѣ ... не болѣе. Нѣтъ! жребій брошенъ!.. Напишу Амаліи (*идетъ къ бесьдкѣ и ногою ищетъ порога*). Странно! теперь я полонъ жизни—и черезъ нѣсколько минутъ все, все исчезнетъ (*пробуя себѣ пульсъ*). Пульсъ покоенъ!.. (*возвращается въ свою комнату*).

VI.

ФРЕДЕРИКЪ, въ бесѣдкѣ, **ГРАФЪ**, **АНТОНЪ**. Фредерикъ садится и пишетъ. Графъ и Антонъ входятъ съ правой стороны.

ГРАФЪ. Пистолеты съ тобою?

АНТОНЪ. Со мною.

ГРАФЪ. Ты меня понялъ, Антонъ: если меня убьютъ, ты ни кому ни слова не скажешь.

АНТОНЪ. Ни слова.

ГРАФЪ. Онъ у себя ... хорошо (*стучится въ дверь*). Г. Берне.

ФРЕДЕРИКЪ (*отворяя дверь*). Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ.

ГРАФЪ. Вы пишете, хорошо ... я подожду...

ФРЕДЕРИКЪ. Только двѣ минуты (*продолжаетъ писать*).

ГРАФЪ (*встороиу*). Я увѣренъ, что онъ пишетъ къ ней ... представляетъ себя несчастною жертвой, а меня палачемъ ... бездѣльникомъ!

ФРЕДЕРИКЪ. Я готовъ, графъ. (*выходитъ изъ бесѣдки со свѣчей*). Здѣсь очень темно ... не прикажете–ли поставить свѣчку?

ГРАФЪ. Какъ угодно. (*Фредерикъ ставитъ свѣчку на столъ въ бесѣдкѣ*) Но чтобъ она не понадобились, я предлагаю вамъ ... зарядить одинъ изъ двухъ пистолетовъ и стрѣлять обоимъ другъ, въ упоръ.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, графъ!..

ГРАФЪ. Что, вы боитесь что–ли?

ФРЕДЕРИКЪ. Нисколько, я не о себѣ хлопочу.

ГРАФЪ. Избавьте меня отъ вашего великодушія... Еще слово. Я въ отчаяніи буду, если имя графини де–Верьеръ будетъ замѣшано въ этой исторіи... Кажется, и вамъ это не совсѣмъ будетъ пріятно ... Сдѣлаемъ такъ, чтобъ свѣтъ у зналъ только то, что мы сами захотимъ открыть ему.

ФРЕДЕРИКЪ. А графиня?..

ГРАФЪ. Послушайте, вы мнѣ такъ жалки, что я и это скажу вамъ. Графиня ничего не узнаетъ; вотъ что я написалъ «Гастонъ! жизнь мнѣ въ тягость, разстаюсь съ нею безъ сожалѣнія... Сохрани память о твоемъ отцѣ ... прощай.» Если я умру, то эту записку найдутъ у меня въ карманѣ. Я-бы желалъ, чтобъ и вы то-же самое сдѣлали.

ФРЕДЕРИКЪ. Согласенъ ...

ГРАФЪ. Но письмо, которое вы сейчасъ написали...

ФРЕДЕРИКЪ. Въ этомъ письмѣ и помину нѣтъ о дуэли.

ГРАФЪ. Хорошо ... такъ пишите (*Фредерикъ беретъ свой бумажникъ и располагается написать нѣсколько словъ карандашемъ, графъ прерываетъ его*). Позвольте мнѣ продиктовать вамъ нѣсколько словъ.

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ вамъ угодно.

ГРАФЪ. «Не обвиняйте никого въ моей смерти; я добровольно разстаюсь съ жизнію и поручаю сестру мою вѣрной и испытанной дружбѣ графа де-Верьера.»

ФРЕДЕРИКЪ. Какъ, графъ!

ГРАФЪ. Пишите.

ФРЕДЕРИКЪ (*всторону*). И я не смѣю пожать ему руки.

ГРАФЪ. Готово?

ФРЕДЕРИКЪ. Готово!

ГГРАФЪ. Хорошо, теперь Антонъ заряди одинъ пистолетъ. Потрудитесь взглянуть... Эти пистолеты я также мало знаю, какъ вы.

ФРЕДЕРИКЪ (*дѣлаетъ знакъ согласія*). Вѣтеръ загаситъ свѣчку ... такъ и есть... (*Свѣча гаснетъ*).

ГРАФЪ. Она безполезна. Вотъ платокъ, вы будете держаться за одинъ конецъ, я за другой. Антонъ ... пистолеты.

ГРАФЪ. Вотъ они.

ГРАФЪ. Выбирайте. (*Фредерикъ беретъ пистолетъ, графъ беретъ другой; каждый изъ нихъ держится за конецъ платка*).

ФРЕДЕРИКЪ. Простите меня, графъ?

ГРАФЪ. Нѣтъ, сударь... Подай намъ знакъ, Антонъ! (*Антонъ ударяетъ три раза въ ладоши, оба противника спускаютъ курки, графъ выстрѣлилъ, капсюлька лопнула*). Ваша очередь, стрѣляйте.

(*Фредерикъ выпускаетъ конецъ платка, оборачиваетъ.*

дуло пистолета къ своей груди, спускаетъ курокъ, и падаетъ).

ГРАФЪ. Что вы сдѣлали?

ФРЕДЕРИКЪ. А теперь, простите-ли вы меня, графъ?

ГРАФЪ. Фредерикъ!.. Онъ умеръ!.. я исполнилъ свой долгъ. Такъ-ли, Антонъ?

АНТОНЪ. Исполнили, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. Я велъ себя, какъ честный человѣкъ?

АНТОНЪ. Какъ честный человѣкъ, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. Пойдемъ-же, и ни кому ни слова! Да что это такое?.. тамъ слышенъ шумъ. (*Изъ-за кулисъ слышенъ голосъ.* Сюда, сюда! здѣсь!..) Спрячься за эти деревья ... (*Графъ и Антонъ исчезаютъ; голоса приближаются, наконецъ Гастонъ бросается на сцену, за нимъ слуги съ факелами и наконецъ Амалія и Юлія*).

VII.

ФРЕДЕРИКЪ, ГАСТОНЪ, АМАЛІЯ, ЮЛІЯ, слуги, потомъ **ГРАФЪ** и **АНТОНЪ.**

ГАСТОНЪ (*бросается къ трупу Фредерика*). Фредерикъ! убитъ!..

АМАЛІЯ. Боже!

ЮЛІЯ. Мой братъ! (*падаетъ на колѣни возлѣ Фредерика. Графъ и Антонъ показываются*).

ГРАФЪ. Г. Берне! (*Гастонъ пристально смотритъ на отца*).

АНТОНЪ (*наклонясь къ трупу*). Сердце не бьется!. а!.. Что-же это за бумага у него въ рукѣ?

ГРАФЪ. Бумага! Подай сюда! (*Читаетъ*).

«Не обвиняйте никого въ моей смерти: я добровольно разстаюсь съ жизнію и поручаю сестру мою вѣрной и испытанной дружбѣ графа де-Верьера.»

«*Фредерикъ Берне.*»

ЮЛІЯ. Ахъ, Графъ! (*Бросается къ его рукѣ*).

ГРАФЪ (*отнимаетъ руку*). Что вы! Гастонъ, поддержи ее!.. Амалія, вы ей будете матерью ... Не такъ-ли?

АМАЛІЯ. О, клянусь ...

ГРАФЪ. Подозрѣвали-ли вы когда-нибудь, что̀ могло довести Фредерика до этого поступка?

АМАЛІЯ. Нѣтъ, не могу ничего придумать!.. (*Всторону*). Онъ ничего не знаетъ ... (*Подходятъ слуги, чтобъ убрать трупъ Фредерика; занавѣсъ опускается*).

II.

БРАКЪ, КАКИХЪ МАЛО.

РОМАНЪ

ЕВГЕНІЯ ЛУНСКАГО.

(С. К.)

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

ПОХОЖДЕНІЯ НА СТАНЦІИ.

Ровно черезъ день послѣ описаннаго нами происшествія, то-есть 28 августа, около вечера, легкая почтовая карета, или malle-poste, какъ называютъ ее путешественники, весьма удобная и уютная, запряженная четверкою въ рядъ, летѣла стремглавъ по рижскому шоссе. Мы не будемъ слѣдовать за нею на всѣ станціи; это былъ-бы только лишній трудъ, потому-что тамъ не случилось съ нею никакихъ особенныхъ приключеній, и кромѣ того, чтобъ поспѣть за нею всюду вò-время, надо было-бы имѣть крылья орла, или даже птицы рòко, потому-что она неслась съ такою быстротой, что при всей прочности и солидности рессоръ, можно было ожидать, что она непремѣнно разлетится въ дребезги. Останавливалась-же она не надолго, всего какихъ-нибудь минутъ на десять, чтобъ перемѣнить лошадей, послѣ чего снова

пускалась въ путь и летѣла не останавливаясь, летѣла до-тѣхъ-поръ, покамѣсть лошади, въ пѣнѣ и въ мылѣ, не достигали цѣли своего утомительнаго бѣга, то-есть станціоннаго дома. Итакъ повторяемъ, что останавливаться намъ всюду вмѣстѣ съ этою каретой, нѣзачѣмъ и нѣ для чего. Скажемъ только, что она благополучно миновала Ригу, Митаву, Полангенъ, Мемель, Варшаву, запасаясь въ каждомъ изъ этихъ городовъ свѣжими лошадьми, и наконецъ, на утро десятаго дня, прискакала въ Берлинъ, совершивъ такимъ-образомъ ровно сто девяносто девять миль и три четверти. Когда карета остановилась передъ почтовымъ домомъ, почтальонъ поспѣшно выпрягъ лошадей, и повелъ ихъ во дворъ, чтобы какъ можно скорѣе вытребовать другихъ. Путешественникъ не вышелъ, но остался въ каретѣ, и сидя запахнувшись въ широкій плащъ, опершись головою на пуховую шелковую подушку, и прислонясь всѣмъ корпусомъ въ глубину кареты, спокойно курилъ, не обращая никакого вниманія на улицу, гдѣ голубоглазые ребятишки, столпясь въ кучку около запыленныхъ колесъ, съ любопытствомъ на него заглядывали, приподнимаясь на цыпочки, и толкая другъ друга локтями. Два большихъ дилижанса выѣхали изъ воротъ, и когда кондукторы, протрубивъ три раза въ мѣдный рогъ, вскочили на козлы, то оба плавно покатились по дорогѣ въ Потсдамъ. Вслѣдъ за ними отправилась крытая вѣнская коляска, набитая биткомъ пассажирами, которые, высунувшись изъ окна, также оглядывали карету и внутри и снаружи, послѣ чего все скрылось за клубомъ пыли, а дорожная карета все еще стояла на мѣстѣ. Завѣтныя десять минутъ давно уже прошли, но ни почтальонъ, ни лошади не являлись. Это вывело путешественника изъ терпѣнія; онъприподнялся съ своихъ подушекъ, съ твердымъ намѣреніемъ кликнуть камердинера, который возсѣдалъ на крытыхъ запяткахъ съ видомъ истиннаго лорда; но разсудивъ, что гораздо спокойнѣе подозвать его знакомъ, онъ высунулъ изъ дверцы руку свою, вооруженную для этого случая фуляровымъ платкомъ золотаго цвѣта, и махнулъ имъ съ довольно явною досадой. Однакожъ камердинера не оказалось на-лицо; путешественникъ махалъ и кликалъ, не щадя ни рукъ, ни легкихъ, ничтó не помогало. Онъ рѣшился наконецъ отворить дверцу и выдти вонъ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ справиться самому, чтó все это значитъ? Но не успѣлъ онъ повернуть еще ручку, какъ камердинеръ его показался въ воротахъ, и подойдя почтительно къ дверцѣ, снялъ вопросительно фуражку.

— Ульрихъ, чтó это значитъ? спросилъ путешественникъ. Отчего мы не ѣдемъ?

— Лошадей нѣтъ, ваше сіятельство.

— Какъ, лошадей нѣтъ? Что это за новость!

— Всѣ разобраны, ваше сіятельство. Раньше какъ черезъ шесть часовъ, свѣжихъ не будетъ.

— Что за вздоръ! Этого быть не можетъ! Ждать шесть часовъ! Гдѣ почтальонъ?

— На дворѣ, ваше сіятельство; хлопочетъ на счетъ лошадей.

— Позови его сюда.

Камердинеръ со всѣхъ ногъ пустился опять въ ворота, отыскалъ почтальона и, минуту спустя, привелъ его къ каретѣ.

— Отчего лошадей нѣтъ? спросилъ опять Штейнбургъ, видимо разсерженный неожиданнымъ препятствіемъ.

— Лошади есть, ваше сіятельство, отвѣчалъ почтальонъ, снявъ картузъ свой, и предупрежденный уже камердинеромъ, какъ долженъ титуловать своего пассажира: только все заказныя.

— Ну, такъ что-же?

— Онѣ назначены уже для пассажировъ, которые прибыли сюда прежде вашего сіятельства.

— Пассажиры могутъ подождать.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство. Кто прежде пріѣхалъ, тотъ прежде и уѣзжаетъ; здѣсь ужъ порядокъ такой, сами изволите знать.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Я требую лошадей, и чтобъ лошади были!

Почтальонъ почесалъ въ затылкѣ.

— Невозможно, ваше сіятельство, сказалъ онъ подумавъ: вы не изволили предупредить, что вамъ лошади нужны будутъ; надо было предупредить шестью часами раньше черезъ курьера, тогда-бы ихъ приготовили для вашего сіятельства. Теперь-же ихъ нѣгдѣ взять, рѣшительно нѣгдѣ.

— Однако, послушай, любезный, сказалъ графъ, начинавшій выходить изъ терпѣнія: вѣдь не ждать-же мнѣ тутъ въ-самомъ-дѣлѣ! Во-первыхъ, я не привыкъ къ этому; во-вторыхъ, я спѣшу, а въ третьихъ — это какъ-то не приходится. Мнѣ надо лошадей не черезъ шесть часовъ, но сію-минуту. Ульрихъ, распорядись! прибавилъ онъ, обратившись къ камердинеру, и снова облокотился на подушки, бросивъ презрительный взглядъ на почтальона, который вертѣлъ съ замѣшательствомъ свой клеончатый картузъ.

Ульрихъ молча повиновался. Онъ кивнулъ головой почтальону, чтобъ тотъ слѣдовалъ за нимъ, и, не распространяясь съ нимъ ни о чемъ, отправился прямо къ почтмейстеру. На дворѣ увидѣлъ онъ другаго почтальона, который въ большую запыленную карету впрягъ четверку лошадей. Ульрихъ далъ себѣ слово непремѣнно завоевать ихъ. Войдя

черезъ узкія сѣни въ большую желтую комнату, обвѣшанную сверху до низу какими-то картинками и наполненную простыми соломенными стульями и единственнымъ чернымъ столомъ, съ чернильницей, песочницей и бумагами, за которыми сидѣлъ низенькій и худенькій человѣчекъ, совершенно плѣшивый, съ сладкою физіономіей, и въ круглыхъ очкахъ, сжимавшихъ виски, на которыхъ уцѣлѣли только два сѣдыхъ клочка, — войдя въ эту комнату, гдѣ кромѣ человѣчка въ очкахъ, сидѣлъ еще, въ сторонѣ, толстый, краснолицый нѣмецъ съ супругою, и съ молоденькою дочкою въ папильоткахъ, Ульрихъ подошелъ къ столу, и спросилъ почтмейстера.

Человѣчекъ, рывшійся въ счетахъ и прилежно вписывавшій что-то въ толстую книгу, поспѣшно всталъ, поглядѣлъ на вопросителя зоркими, сѣрыми глазами и, вѣроятно, пораженный величавою фигурой камердинера, очень низко поклонился ему, и тотчасъ-же, заткнувъ перо за ухо, скрылся за дверью.

Почтальонъ остался въ сѣняхъ. Ульрихъ покосился на трехъ путешественниковъ, разговаривавшихъ довольно громко, и догадался, что карета принадлежитъ имъ, и что лошадей они нетолько скоро, и даже вовсе не уступятъ. Но такъ-какъ графъ отдалъ ему формальное приказаніе достать ихъ, то надобно было исполнить это во что-бы ни стало, и Ульрихъ, какъ ловкій и умный камердинеръ, рѣшился употребить для этого хитрость.

Онъ дожидался недолго. Въ комнату вошелъ почтмейстеръ, высокій, плотный мужчина съ плоскимъ лицомъ и рыжеватыми бакенбардами. Маленькій человѣчекъ униженно слѣдовалъ за нимъ.

— Милостивый государь, сказалъ камердинеръ сухо отвѣтивъ на поклонъ его и принявъ на себя недовольный видъ: позвольте сказать, что на вашей станціи удивительный порядокъ. Сюда присланъ изъ Варшавы курьеръ, съ порученіемъ приготовить на сегодняшнее утро лошадей для одного знатнаго путешественника, которому, по прибытіи его, объявляютъ, что для него лошадей нѣтъ; между-тѣмъ у васъ на дворѣ стоитъ цѣлая четверка, не знаю для кого.

Почтмейстеръ остолбенѣлъ.

— Я долженъ предупредить васъ, что для кого-бы онѣ не были, вы обязаны отдать ихъ тому, кто заказалъ ихъ прежде. У васъ назначенъ срокъ не менѣе шести часовъ, а курьеръ пріѣзжалъ вчера; стало быть, вы не можете пожаловаться, что вамъ дано знать слишкомъ поздно. И потому, повторяю вамъ, потрудитесь приказать впречь ихъ немедленно въ дорожный экипажъ, который стоитъ у воротъ, потому-

что благородный господинъ мой, графъ фонъ-Штейнбургъ фонъ-Шёнгаузъ не намѣренъ дожидаться цѣлый часъ посреди улицы.

Трудно представить себѣ удивленіе почтмейстера. Онъ вытаращилъ глаза съ такимъ комизмомъ, что Ульрихъ едва могъ удержаться отъ смѣха. Путешественники перестали разговаривать, и начали внимательно слушать, твердо рѣшившись въ случаѣ нужды защищать своихъ лошадей.

— Его сіятельство приказалъ поторопиться, продолжалъ рѣзко камердинеръ: его задержали здѣсь такъ, какъ не задерживали нигдѣ. Это весьма непріятно!

— Клянусь честью! вскричалъ почтмейстеръ, вышедшій наконецъ изъ онѣмѣнія. Вы ошибаетесь; я не видалъ никакого курьера, неслыхалъ ни о какомъ знатномъ путешественникѣ, иначе, увѣряю васъ, не вышло-бы подобнаго упущенія!

— Все это отговорки, милостивый государь. Вы все очень хорошо знаете и понимаете, только говорите такъ, потому - что шутить съ такимъ лицомъ не приходится. Онъ какъ-разъ доведетъ о томъ до свѣдѣнія начальства, и тогда ужъ пеняйте на себя, если съ васъ потребуютъ отчета за вашу неаккуратность. Саксонскій первѣйшей фамиліи графъ принужденъ ждать лошадей, ждать битый часъ, сидя у воротъ въ распряженной каретѣ! вскричалъ онъ, пожавъ презрительно плечами: это просто неслыханная вещь!

И обернувшись спиною къ почтмейстеру, который стоялъ какъ пораженный громомъ, онъ хлопнулъ за собою дверью, и вышелъ вонъ.

Несчастный почтмейстеръ кинулся за нимъ какъ безумный, не переставая кричать ему вслѣдъ отчаяннымъ голосомъ:

— Милостивый государь, остановитесь! Я не виноватъ! Подождите немного! Тутъ ей-Богу, вышло недоразумѣніе!

Камердинеръ остановился съ явною досадой. Оба находились на дворѣ, гдѣ одинъ почтальонъ доканчивалъ запрягать карету и смазывалъ колесы, а другой, прислонясь къ периламъ крыльца, курилъ коротенькую трубку, глядя изъ - подъ козырька широкой фуражки на суетившагося товарища. Камердинеръ посмотрѣлъ на нихъ, потомъ вдругъ обернувшись къ почтмейстеру, отвелъ его въ сторону.

— Послушайте, сказалъ онъ: вы можете еще поправить бѣду, уступивъ этихъ лошадей его сіятельству.

— Помилуйте! Да какъ-же это возможно? сказалъ плачевнымъ голосомъ почтмейстеръ. Эти лошади уже назначены для тѣхъ господъ, которыхъ вы видѣли; они ни за что не уступятъ ихъ.

— Это отъ васъ зависитъ. Вы можете сказать, что назначили ихъ по ошибкѣ, но что онѣ по праву принадлежатъ его сіятельству,

который также съ своей стороны не намѣренъ уступать ихъ. Вы скажете, что не могли иначе сдѣлать, какъ отдавъ ихъ его сіятельству, потому—что онъ присылалъ за ними прежде, слѣдовательно путешественники не могутъ имѣть никакого права быть въ претензіи. Они обязаны дожидаться.

— Я душевно радъ-бы исполнить желаніе его сіятельства, который останавливается у меня не въ первый разъ; но я божусь вамъ, что курьеръ не пріѣзжалъ сюда! Я готовъ побожиться сто разъ, тысячу разъ, какъ хотите и чѣмъ хотите, но я не видалъ его, ни вчера, ни сегодня!

Камердинеръ съ нетерпѣніемъ топнулъ ногой.

— Былъ онъ, или не былъ, это все равно, сказалъ онъ торопливо. Время, которое мы проводимъ въ пустыхъ разговорахъ, уходитъ, а его сіятельство все-таки ждетъ! Надо покончить скорѣе, потому-что, если онъ выйдетъ изъ терпѣнія, будетъ худо. Сколько вы кладете на лошадь съ каждой мили?

— Десять серебряныхъ грошей.

— Это составляетъ талеръ за три мили. Я даю вамъ талеръ за каждую милю, если вы согласитесь доставить лошадей немедленно. Отсюда до Дрездена двадцать четыре мили и три четверти, стало быть, ѣзды всего одни сутки. Но такъ—какъ до Дрездена еще двѣнадцать станцій, то чтобъ увеличить вашу выгоду, вамъ будетъ заплачено за всю дорогу, какъ будто-бы его сіятельство нигдѣ не останавливался. Значитъ, вы получите, вмѣсто восьми талеровъ за двѣ мили — что и безъ того уже составляетъ втрое больше противъ таксы — вы получите тридцать червонцевъ Согласны-ли?

Почтмейстеръ чуть не упалъ въ обморокъ, услышавъ, что такая огромная сумма можетъ сію—минуту перепасть въ его руки. Онъ тронулъ себя за голову, потомъ наступилъ себѣ на ногу, которую придавилъ такъ сильно, что чуть не вскрикнулъ отъ боли; потомъ хрустнулъ пальцами, потомъ сморкнулся, словомъ пробовалъ, всѣ-ли его члены живы и здоровы.

— Мейнъ геръ! сказалъ онъ очнувшись: я всѣми силами готовъ стараться услужить его сіятельству, только, право, не знаю какъ-бы это лучше устроить.

— Устройте такъ, какъ я говорю вамъ.

— А если вдругъ путешественники вздумаютъ придраться?

— Э, Боже мой! вскричалъ камердинеръ, который видѣлъ, что почтмейстеръ, падкій до денегъ, начиналъ мало-по-малу сдаваться. Развѣ можно затрудняться въ такой бездѣлицѣ? Присылали они курьера?

— Нѣтъ.

— Стало быть, они не въ правѣ и взыскивать съ васъ. Они не предувѣдомили, и потому если-бъ даже имъ вздумалось принесть жалобу, такъ все-таки доказательства на вашей сторонѣ. Распорядитесь-же скорѣй, а я отсчитаю вамъ покамѣсть деньги.

Почтмейстеръ поколебался еще съ минуту, но потомъ корыстолюбіе превозмогло въ немъ всѣ прочія чувства, и онъ бодро и важно подошелъ къ почтальону, которому громко велѣлъ отпречь лошадей, и заложить ихъ какъ можно скорѣе въ другую карету, въ ту самую, гдѣ графъ все еще сидѣлъ, удивляясь, отчего камердинеръ его такъ долго остался въ почтовомъ домѣ.

Ульрихъ отсчиталъ тридцать червонцевъ, которые сунулъ въ руку почтмейстера, и оба вмѣстѣ вышли за вороты, чтобъ поторопить обезумѣвшаго почтальона, который, дожидаясь сѣдоковъ своихъ, взобрался уже на козлы, откуда ему такъ неожиданно пришлось слѣзать.

Въ Германіи упряжь не то, что у насъ. Тамъ нѣтъ ни дуги, ни оглобли, ни всѣхъ этихъ ремней и ремешковъ, которые въ Россіи считаются необходимостью; но одинъ только легкій хомутъ, съ глянцовитыми шарами и съ тонкою петлей, которая одна и протягивается вдоль спины, а потомъ накидывается на хвостъ; такъ-что нѣмецкія лошади, сильныя и хорошо сохраненныя, не смотря на безпрерывную ѣзду, вольно и свободно запрягаются въ минуту, что̀ очень удобно и сподручно.

Такъ случилось и теперь: гнѣдая четверка была впряжена въ одно мгновеніе ока въ щегольскую карету графа, а почтальонъ взялся за длинную плеть и за мѣдный рогъ, въ который принялся трубить изо всей мочи.

Между-тѣмъ, краснолицый нѣмецъ съ супругою и съ дочкою въ папильоткахъ, соскучившись сидѣть такъ долго въ комнатѣ, и главное озабоченные случившимся передъ глазами ихъ приключеніемъ, и не постигая, отчего почтальонъ ихъ такъ долго не трубитъ, вышли изъ дому, чтобъ справиться о причинѣ подобнаго замедленія. Каково-же было удивленіе ихъ, когда, вступивъ на дворъ со всѣми узелками, мѣшками, картонами и пакетами въ рукахъ, и съ твердымъ намѣреніемъ сѣсть въ свою колымагу, чтобъ отправляться такимъ-образомъ въ дальнѣйшій путь, они увидѣли ее одиноко и неподвижно стоящею посреди обширнаго почтоваго двора, а въ немъ ни одного человѣка, къ которому можно было-бы обратиться съ вопросомъ, на счетъ такого дерзкаго невниманія къ ихъ особамъ. Краснолицый нѣмецъ поднялъ страшный крикъ, разсыпаясь бранью и неистовствуя самымъ оскорби-

тельнымъ образомъ; дражайшая половина его принялась, разумѣется, вторить ему, а бѣлокурая фрейлейнъ въ папильоткахъ чуть не ударилась въ слезы, увѣряя разсерженнаго папеньку, что готова лучше умереть тутъ-же на мѣстѣ, чѣмъ оставаться еще въ этомъ противномъ домѣ, гдѣ такъ мало уважили ихъ приказаніе, и даже, какъ кажется, просто вздумали издѣваться надъ ними, чего впрочемъ съ его стороны не должно ни позволять, ни терпѣть. Изъ всѣхъ этихъ восклицаній и продолжительныхъ жалобъ, вышелъ такой терцетъ, что просто хоть вонъ бѣги. Почтмейстеръ услыхалъ его первый, и догадавшись въ чемъ дѣло, прибѣжалъ опрометью изъ-за воротъ, гдѣ съ особеннымъ усердіемъ продолжалъ хлопотать около экипажа, совсѣмъ уже готоваго къ отъѣзду, и въ ту самую минуту, какъ раздался звукъ рога.

— Мейнъ геръ!!! заревѣлъ густымъ басомъ нѣмецъ, который все понялъ. Мейнъ геръ!!! Что́ это значитъ? Гдѣ лошади? Куда вы ихъ дѣвали? А! Небось отдали другимъ? Да говорите-жъ! отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ!!

— Мейнъ геръ, отвѣчалъ учтиво почтмейстеръ: вы меня извините, но я долженъ предувѣдомить васъ, что не имѣю желанія попасть въ немилость правительства, и потому поспѣшилъ загладить ошибку, которую сдѣлалъ по неусмотрѣнію.

— Какъ? Что́? Какую ошибку? Я васъ не понимаю! Потрудитесь объясниться!

— Такую ошибку, что еслибъ я не имѣлъ возможности исправитс ее во́-время, такъ мнѣ пришлось-бы дорого поплатиться, а можетъ быть, даже и отказаться отъ должности, которую я занимаю уже много лѣтъ. Наши законы строги, но справедливы; они не терпятъ неисправности.

— Все это не отвѣты! закричалъ опять нѣмецъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь и взбѣшенный до крайности хладнокровіемъ почтмейстера. Я васъ не спрашиваю ни о правительствѣ, ни о должности вашей, ни о законахъ! Я спрашиваю, куда вы дѣвали лошадей моихъ?

Почтмейстеръ улыбнулся. Нѣмецъ до того разозлился и дѣлалъ такія страшныя гримасы, что походилъ на самую безобразную карикатуру.

— Куда-же вы дѣвали ихъ? повторялъ онъ въ изступленіи. Я заплатилъ вамъ за нихъ деньги, я велѣлъ тотчасъ-же заложить ихъ, а онѣ вдругъ исчезли! Какъ понимать подобную дерзость?

— Позвольте вамъ замѣтить, мейнъ геръ, что люди изъ благороднаго званія не говорятъ такимъ тономъ съ равными себѣ. Я такой-же дворянинъ, какъ и вы, и потому вы не имѣете права оскорблять меня.

Что-жъ касается до лошадей, то я ихъ отдалъ тому, кому слѣдовало, то-есть тому, кто присылалъ за ними. А вы потрудитесь подождать, пока приведутъ свѣжихъ; теперь ихъ приведутъ уже скоро; часа черезъ четыре, или даже меньше.

При этихъ словахъ нѣмецъ побагровѣлъ. Потомъ изъ краснаго превратился въ малиновый, а изъ малиноваго въ фіолетовый. Супруга его ограничивалась тѣмъ, что бросала гнѣвные взгляды на почтмейстера, а фрейлейнъ въ папильоткахъ неутомимо пожимала плечами.

Карета графа все еще стояла, потому-что у нее забыли смазать колеса.

— А, такъ вы ихъ отдали! Нельзя-ли узнать по-крайней-мѣрѣ, на чью долю выпало такое преимущество? спросилъ нѣмецъ, который по-видимому рѣшился въ свою очередь взбѣсить его. У васъ нанимаютъ лошадей, *платятъ* вамъ за нихъ, а вы вдругъ отдаете ихъ другимъ, увѣряя, что за ними присылали! Это вѣдь непостижимо, невѣроятно, неслыханно!

— Что-жъ дѣлать, мейнъ геръ! Мнѣ самому непріятно, что такъ случилось, продолжалъ лаконически почтмейстеръ. Представьте себѣ, что вчера, въ восьмомъ часу вечера, пріѣзжаетъ вдругъ курьеръ, съ приказаніемъ отъ какого-то знатнаго лица, приготовить для него лошадей на сегодняшнее утро. Я въ хлопотахъ какъ нарочно все перезабылъ, а расходъ былъ такъ великъ, что къ утру всѣ лошади были разобраны. Осталась только одна четверка, которую и назначилъ я для васъ, но въ это самое время явился путешественникъ. Дѣлать было нечего, пришлось отдать ее, а вамъ дожидаться, потому-что, вы сами видѣли, съ какими угрозами ее у меня вытребовали. Я не могъ отказать; на это нѣтъ правилъ, потому-что она заказана наканунѣ, да и кромѣ того, согласитесь, что спорить съ такимъ лицомъ не приходится. Его сіятельство графъ фонъ-Штейнбургъ вѣдь не свой братъ, съ нимъ нельзя шутить, а не то какъ разъ слетишь съ мѣста, а на старости лѣтъ остаться безъ куска хлѣба — совсѣмъ не весело. Не знаю какъ вамъ, мейнъ геръ, а у меня такъ нѣтъ охоты испытать на себѣ подобную участь. Я человѣхъ семейный.

— Это все однѣ басни! отвѣчалъ нѣмецъ раздраженный до крайности: это вы все выдумали, потому-что я самъ слышалъ собственными ушами, какъ удивлялись вы, когда этотъ высокій господинъ съ бакенбардами вздумалъ объявлять вамъ при мнѣ, что присылалъ сюда курьера. Если онъ въ-самомъ-дѣлѣ присылалъ его, какъ вы утверждаете, такъ позвольте спросить: чему вы такъ безмѣрно удивлялись?

И онъ гнѣвно и пытливо глядѣлъ на него блѣдными неопредѣ-

ленными глазами, которые сверкали и свѣтились какъ разкаленные угли, не смотря на свою объятую безжизненность.

Но лицо почтмейстера выдержало совершенно хладнокровно этотъ грозный взглядъ, и ни одинъ мускулъ его не пошевельнулся.

— Помилуйте, сказалъ онъ: это очень натурально; я захлопотался, и въ своихъ вѣчныхъ попыхахъ, не понялъ хорошенько въ чемъ дѣло? Неужели вы думаете, что природный дворянинъ и одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ Германіи согласился-бы на подобный съ моей стороны поступокъ? И для чего? Развѣ для того только, чтобъ достать себѣ лошадей нѣсколькими часами прежде? Нѣтъ, ужъ повѣрьте мнѣ, что онъ на это не способенъ.

Нѣмецъ по-видимому удовольствовался, наконецъ, изложенными доказательствами. Съ минуту простоялъ онъ въ раздумьи, обтирая лоснящійся лобъ свой носовымъ клѣтчатымъ платкомъ, потомъ вдругъ обернувшись къ дражайшей половинѣ своей и къ раздасадованцой дочкѣ, сказалъ торопливо:

— Ступайте за мной!

И вслѣдъ за этимъ, опрометью кинулся за ворота, куда всѣ, не исключая и почтмейстера, послѣдовали за нимъ съ явнымъ любопытствомъ.

Карета въ это время была совсѣмъ уже готова къ отъѣзду. Почтальонъ и камердинеръ, послѣ столькихъ хлопотъ и затрудненій, взбирались одинъ на козлы, другой на запятки, а Штейнбургъ, протянувъ ноги не переднюю скамью, также щедро обремененную подушками, закурилъ папироску, приготовляясь выбраться изъ несноснаго почтоваго двора, гдѣ пропало у него столько времени.

Нѣмецъ со всѣхъ ногъ подбѣжалъ къ каретѣ, просунулъ голову въ опущенное стекло, оглядѣлъ старательно всѣ четыре угла; потомъ, нѣсколько приподнявъ необыкновенно высокую соломенную шляпку свою, онъ вдругъ обратился къ графу, и всѣмъ на удивленье спросилъ его:

— Позвольте васъ спросить, куда вы изволите ѣхать?

— Въ Дрезденъ, отвѣчалъ Штейнбургъ, не постигавшій, что ему нужно отъ него и пренорядочно озадаченный появленіемъ этой круглой, низенькой фигуры около кареты его.

— Въ Дрезденъ? А, тѣмъ лучше! Я съ семейстсомъ моимъ также ѣду въ Дрезденъ, стало быть, намъ по дорогѣ. У васъ карета четверо-мѣстная; не потрудитесь-ли вы очистить для насъ три мѣста?

Графъ вопросительно посмотрѣлъ на него. Онъ подумалъ, что ему грезилось.

— Я не имѣю обыкновенія путешествовать въ обществѣ чужихъ, отвѣчалъ онъ: мнѣ очень жаль, что я принужденъ отказать вамъ.

— Отказать, повторилъ нѣмецъ: но развѣ вы можете отказать мейнъ геръ? Гм! это довольно странно! У васъ три незанятыхъ мѣста, которыя могутъ занять всѣ, кому угодно. У насъ въ Германіи такъ ужъ заведено, и потому я прошу васъ убрать все лишнее, чтобъ мы могли сѣсть.

При этомъ дерзкомъ требованіи, Штейнбургъ подумалъ, что передъ нимъ стоитъ безумный. Онъ презрительно улыбнулся, и желая скорѣе отвязаться отъ него, сказалъ надменно:

— Ни вы, ни кто другой не будетъ имѣть удовольствія ѣхать со мною и надоѣдать мнѣ, потому-что я плачу за четверыхъ, въ избѣжаніе сценъ подобнаго рода.

Нѣмецъ опѣшилъ. И тутъ, обманутый въ ожиданіи своемъ, онъ внутренно проклиналъ свою неудачу: оставаться тутъ ему не хотѣлось.

— Но, мейнъ геръ, возразилъ онъ, продолжая настаивать: если вы и платите за четверыхъ, то все-таки можете дать намъ три мѣста, которыя у васъ пропадаютъ даромъ; мы отравимся на половинныхъ издержкахъ, что гораздо выгоднѣе и для васъ и для насъ.

Штейнбургъ улыбнулся еще презрительнѣе, и выведенный изъ терпѣнія его упорствомъ, отвѣчалъ:

— Мейнъ геръ, оставьте меня въ покоѣ. Я въ выгодахъ не нуждаюсь, а васъ не имѣю чести знать. Мнѣ нѣкогда разговаривать съ вами о пустякахъ.

Но нѣмецъ и не думалъ, кажется, отстать отъ него. Онъ уцѣпился рукою за дверцу, и стараясь придать тону своему какъ можно болѣе важности, прокричалъ скороговоркой:

— Мое сообщество никого не унизитъ! Я столбовой дворянинъ и докторъ медицины фонъ-Ратценшванцъ, ѣду въ Дрезденъ для практики. Теперь, когда вы узнали мое имя и званіе, то, надѣюсь не будете болѣе затрудняться. Прикажите-жъ людямъ вашимъ убрать всѣ эти подушки, и перетаскать сюда наши вещи.

— Ульрихъ! крикнулъ Штейнбургъ, наклонившись къ дверцѣ.

Камердинеръ соскочилъ съ запятокъ, и бросился прямо къ почтенному доктору, котораго безъ церемоніи оттащилъ въ сторону. Нѣмецъ барахтался и злился, и наконецъ кончилъ тѣмъ, что опять таки напалъ на прежнюю тему, крича изо всей силы, что непремѣнно хочетъ ѣхать, и что поѣдетъ сейчасъ-же.

— Да что́ вы въ-самомъ-дѣлѣ, съ ума сошли? говорилъ Ульрихъ, снова отталкивая его. Что́ вы пристали къ его сіятельству? Знаете-ли

вы, что еслибъ вы были теперь въ Штейнбургѣ, такъ васъ на три дня посадили-бы за это въ Башню, потомъ посадили-бы на хлѣбъ и на воду.

И гордясь достоинствами и могуществомъ господина своего, онъ взглянулъ на нѣмца съ такимъ пренебреженіемъ, что уши мейнъ гера Ратценшванца сдѣлались пунцоваго цвѣта, а спесивый камердинеръ, повинуясь знаку сдѣланному ему графомъ, вскочилъ на запятки и закричалъ почтальону:

— Пошелъ!

Лошади помчались по широкой миттенвальдской дорогѣ, усаженной фруктовыми деревьями, и карета вскорѣ скрылась изъ виду, не смотря на отчаянье и проклятія нѣмца, на угрожающіе жесты супруги его и горькія слезы бѣлокурой фрейлейнъ.

Штейнбургъ долго не могъ забыть анекдота, случившагося съ нимъ такъ не кстати въ почтовомъ домѣ Берлина. Ему было и досадно и смѣшно. Утро было пасмурное и довольно свѣжее; мелкій дождь моросилъ, не переставая, и нагонялъ на графа, и безъ того уже расположеннаго къ меланхоліи, мрачныя мысли и страшную зѣвоту. Онъ былъ не въ духѣ; ему крѣпко досадили на станціи, гдѣ онъ принужденъ былъ потерять около двухъ часовъ времени, а холодная погода и сѣрое небо съ нависшими тучами еще болѣе способствовали къ дурному расположенію его идей и къ не измѣнной скукѣ, или какъ говорятъ англичане, къ сплину. Онъ запахнулъ одна на другую полы черной альмавивы, подбитой бархатомъ, и склонившись головою въ уголъ кареты, закрылъ глаза съ твердымъ намѣреніемъ заснуть.

Карета снова летѣлз какъ стрѣла, точно также какъ прежде; города, мѣстечки, горы, такія крутыя и высокія, что невозможно было иначе взбираться на нихъ, какъ подложивъ подъ переднее колесо желѣзный тормазъ, всѣ эти города, мѣстечки и горы, говоримъ мы, миновали быстро и поочередно оставались назади. Почтальонъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, потому-что Ульрихъ обѣщалъ ему хорошую на-водку, такъ-что къ вечеру, благодаря его стараніямъ, карета миновала двѣ главныхъ станціи — Траденбритценъ и Герцбергъ, а на другое утро, къ восьми часамъ, прибыла благополучно на предпослѣднюю, называемую Гроссенгеймъ, откуда до Дрездена оставалось всего четыре мили. Ихъ проѣхали также скоро: графъ какъ-разъ поспѣлъ къ обѣду, къ одному изъ пріятелей своихъ, сардинскому посланнику, дону Діего да Легра-Манделли, чему былъ очень радъ, потому-что терпѣть не могъ обѣдать на станціяхъ, а въ пятомъ часу снова

усѣлся въ экипажъ свой, чтобъ отправиться далѣе, достигнуть скорѣе цѣли своего длиннаго путешествія.

ГЛАВА II.

ЗАМОКЪ ШТЕЙНБУРГЪ.

На самомъ югѣ Саксоніи, который вдается мысомъ, и граничитъ съ одной стороны съ Австріею, съ другой съ Баваріею, на той сторонѣ, которая граничитъ съ Баваріею, лежатъ рядомъ города Штейнбургъ, Эльмицъ и Фалькенштейнъ, составляшіе знаменитое штейнбургское графство. Рѣка Эльстеръ, узкая и извилистая, вливающаяся въ Эльбу, шумно омываетъ кремнистые берега Эльсница, и голубыя воды ея, чистыя, прозрачныя и вѣчно журчащія, отражаютъ въ себѣ лазурный сводъ неба, порою легкія облака, а чаще всего шумный полетъ крикливыхъ чаекъ, которыя летаютъ тутъ подъ вечеръ, долго носятся и кружатся надъ водою, дружно перекликаясь другъ съ дружкой, и исчезаютъ не прежде, какъ сумерки мрачнымъ покровомъ своимъ растелятся по окрестностямъ, и блѣдный, величественный мѣсяцъ, взойдя на высокой тверди, устремитъ серебристые и томные на шумящія струйки Эльстера, гдѣ они и перебѣгаютъ безчисленными искрами. Высокій, узкій и покатый мостъ, сдѣланный въ новѣйшія времена, потому-что прежде переправлялись черезъ рѣку въ челнокѣ, былъ перекинутъ теперь съ одной стороны на другую, и служилъ исключительно для пѣшеходовъ; а если случалась необходимость перевезть какой-нибудь грузъ, или даже экипажъ съ лошадьми, то для этого устроенъ былъ огромный плотъ, окруженный съ трехъ сторонъ крѣпкими желѣзными перилами, образовавшими узорчатую рѣшетку. Это было довольно неудобно, но иначе не возможно было ничего придумать, потому-что нѣсколько разъ пытались уже выстроить мостъ, который годенъ былъ-бы и для ѣзды, однако всѣ усилія оказались тщетны. Быстрое теченіе Эльстера упорно противилось смѣлому предпріятію жителей и постоянно смывало всѣ сваи, которыя они вколачивали; такъ-что, видя наконецъ невозможность попытки, они принуждены были отказаться отъ нея, и гигантскій плотъ остался по-прежнему въ употребленіи. Вправо чернѣется лѣсъ, такой высокій, густой и длинный, что, кажется, ему и конца нѣтъ; кедры, тополи, дубы и каштаны, широко раскинувъ пышныя вѣтви не допускаютъ лучъ солнечный проникнуть туда; тамъ всегда темно, всегда

дико и угрюмо, и если какой-нибудь пылкій мечтатель вздумаетъ пробраться въ него по узкой тропинкѣ, протоптанной зигзагомъ, то услышитъ затѣйливую пѣсню тысячи соловьевъ, раздающуюся хоромъ въ этихъ дремучихъ сводахъ, а вечеромъ, когда наступаетъ ночная мгла, увидитъ блудящіе огоньки, которые лукаво мелькаютъ между ползучими подъ ногами вѣтвями жимолости, вереска и дикаго плюща. Суевѣрные простолюдины не рѣшились-бы однакожъ переступить въ неровный часъ завѣтную опушку, потому-что, по ихъ мнѣнію, въ этомъ лѣсу гнѣздились хитрыя русалки, которыя, заманивъ къ себѣ неопытнаго земледѣльца, превращали его въ крылатую лошадь, и въ этомъ видѣ онъ долженъ былъ возить ихъ всюду, возить долго и безъ отдыха, послѣ чего, лишенный смерти, онъ сопровождалъ ихъ туда, гдѣ духи тьмы карали преступниковъ, и служилъ имъ вмѣстѣ съ госпожею своею, у которой отнималось тамъ все ея могущество. Вотъ какіе толки ходили на счетъ лѣса. Неизвѣстно на чемъ они основывались: бывали-ли примѣры чтобъ обитатели штейнбургскаго графства дѣйствительно исчезали и потомъ никогда уже не являлись, или только, по суевѣрію своему и врожденной страсти ко всему сверхъ-естественному, они выдумывали небывалыя истины — то до-сихъ-поръ еще осталось неизвѣстнымъ; вѣрно только то, что ни одинъ крестьянинъ, не покусился-бы пройти въ полночь мимо страшнаго лѣса, и даже въ сумерки, когда необходимость заставляла его держать тутъ путь свой, онъ старался своротить на другую дорогу. Много лѣтъ тому назадъ, когда еще люди образованные вѣрили во всевозможныя преданія и небылицы, его прозвали Гешпенстваль̀дъ, то-есть, «лѣсъ привидѣнія», и это названіе онъ сохранилъ и понынѣ. Съ полмили тянется онъ гладко и однообразно, пересѣкаемый безчисленнымъ множествомъ тропинокъ, представлявшихъ съ перваго взгляда на нихъ безконечный лабиринтъ, такъ-что непривычный всадникъ навѣрно заблудился-бы тутъ; но когда проѣдешь эти пол-мили, то удивленнымъ взорамъ, представятся выси горъ, разбросанныхъ съ удивительнымъ разнообразіемъ и поросшихъ столѣтними деревьями, горъ до того крутыхъ и почти неприступныхъ, что надо взбираться на нихъ съ величайшимъ трудомъ по скользкой покатости, съ которой, того и гляди, оробѣвшій конь оступится, и покатится мертвый къ подошвѣ ся, вмѣстѣ съ неосторожнымъ и смѣлымъ всадникомъ. Самая высокая гора съ обнаженною вершиной находится, такъ сказать, въ центрѣ прочихъ, и извѣстна подъ именемъ Цауберинъ-бергъ, или «гора вѣдьмъ», потому-что окрестные жители утверждали, что каждый годъ за три дня до праздника Вильгельмины, вѣдьмы слетаются сюда на шабашъ со всѣхъ концевъ свѣта, и пляшутъ при свѣтѣ луны кабалистическіе танцы. Всѣ

эти разсказы покажутся довольно странными и неправдоподобными; но надо знать пламенную натуру нѣмца, всегда жаждущую сверхъ-естественнаго и помѣшанную на легендахъ, которыя встрѣчаешь у нихъ на каждомъ шагу; надо знать ихъ суевѣріе и постоянную страсть ко всему чудесному и непонятному, надо наконецъ слышать ихъ самихъ, когда увлеченные поэзіей родины своей, они примутся разсказывать ея мнимыя событія, разсказывать такъ краснорѣчиво, такъ простосердечно и наивно, что самый недовѣрчивый слушатель невольно забудется въ эту минуту; ему покажется, что все это онъ видѣлъ самъ, и что тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго и непостижимаго. Итакъ мы сказали уже, что ужасныя крутизны пересѣкаютъ безпрестанно путь любопытнаго странника; но это еще не все: онѣ постепенно смѣняются другими крайностями, болѣе неожиданными, болѣе опасными. Страшные обрывы, глубокія пропасти и громадныя ущелья, заваленныя камнями, въ которыя можно пробраться не иначе, какъ по крутой, безмѣрной узкой и поросшей мхомъ лѣсенкѣ, вдѣланной тутъ, какъ говоритъ преданіе, разбойниками, которые грабили прежде на большихъ дорогахъ и потомъ скрывались въ этихъ ущельяхъ; только входъ въ нихъ такъ затруднителенъ, что надо пролѣзать въ нихъ бокомъ и съ величайшей осторожностью, потому-что огромные каменья расположены такъ, что угрожаютъ задавить того, кто покусится пройти между ними. А оставить ихъ безъ вниманія невозможно: мракъ сгущавшійся по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ нимъ, смѣняется вдругъ внезапнымъ просвѣтомъ, котораго яркій проблескъ такъ и манитъ заглянуть туда, и посмотрѣть, что такое скрыкается за этой громадной стѣной? И каждый, побѣждая робость и забывъ угрожающую опасность, крадется осторожно по неровнымъ гранитнымъ ступенькамъ и достигаетъ, едва переводя дыханіе, отважной попытки своей. Тамъ снова ожидаетъ его нечаянность и новизна предметовъ, тамъ снова удивляется онъ капризной игрѣ природы, которая такъ чудно украсила это дикое мѣсто. Но при всемъ томъ, въ немъ рѣдко встрѣтишь кого-нибудь, кто также наслаждался-бы подобною прогулкой и согласился-бы продолжать ее вмѣстѣ. Это почти невозможно: лѣсъ такъ великъ, что подобная встрѣча, если не невѣроятна, то по-крайней-мѣрѣ очень рѣдка; одни только фазаны и бекасы нарушаютъ безпрестанно уединеніе, перелетая хлопотливо съ вѣтки на вѣтку, да дикая коза или лань, испуганная шорохомъ, пробѣжитъ мимо, навостривъ уши.

Влѣво отъ лѣса, стелется большая, покатая равнина, усѣянная полосами лазуреваго льна, золотистыми колосьями ржи и пшеницы, и продолговатыми, трепещущими на тонкихъ стебляхъ зернами овса, перемѣшаннаго съ синими, какъ знойное небо, васильками. И все это ко-

лышется при малѣйшемъ дыханіи вѣтра, и волнуется какъ пестрое море, изъ котораго выпорхнетъ, по временамъ, боязливый жаворонокъ или неосторожная перепелка, пренебрегавшая роковымъ ружьемъ охотника. Невольно заглядишься на эту истинно изящную картину, когда въ исходѣ іюля приходятъ жать сюда миловидныя крестьянки, въ своихъ коротенькихъ полосатыхъ юбкахъ, въ темныхъ, окоймленныхъ самыми яркими лентами корсажахъ, изъ-подъ которыхъ выпущены коротенькіе и бѣлые какъ снѣгъ рукава, обнажавшіе загорѣлыя, но прекрасно округленныя руки, и въ своихъ кисейныхъ головныхъ уборахъ, самаго страннаго и кокетливаго покроя. Невольно остановишься чтобъ полюбоваться какъ искусно владѣютъ онѣ серпомъ, и какъ ловко помогаютъ мужьямъ своимъ вязать толстые снопы, которые тѣ разставляютъ тутъ сушиться на солнцѣ. Большая проселочная дорога примыкаетъ къ упомянутой нами равнинѣ; иногда тянется по ней тяжелая фура, запряженная дюжими волами, возлѣ которыхъ мѣрными шагами идетъ восторженный саксонецъ, въ широкой соломенной шляпѣ, въ суконномъ камзолѣ, тяжелыхъ башмакахъ съ мѣдными пряжками, и держа лѣниво возжи въ опущенной рукѣ, съ самымъ флегматическимъ видомъ куритъ, коротенькую пенковую трубку. Иногда видишь толпу кочующихъ цыганъ, растрепанныхъ, одѣтыхъ во всевозможные лохмотья, которое нося за спиною грязныхъ ребятишекъ, направляютъ шумный таборъ свой въ иную, неизвѣстную для нихъ страну, испрашивая подаянія у проходящихъ. Иногда юный, любознательный студентъ, только-что вышедшій изъ университета, отправляется съ котомкою за плечами, осматривать дивное мѣстоположеніе, и искать приключеній, которыхъ жаждетъ давно уже и спѣшитъ теперь воспользоваться случаемъ, очутившись на свободѣ. Въ самой серединѣ, между лѣсомъ и равниной, находится глубокая, поросшая дерномъ яма, версты въ двѣ длиною. Она такъ глубока, что издали невозможно увидѣть дна ея, и чтобъ заглянуть въ нее, надо подойти на самый край; голова закружится при бѣгломъ взглядѣ внизъ, но вмѣсто воображаемой бездны, готовой поглотить того, кто нечаянно оступится, увидишь красивую деревушку, расположенную въ этой неимовѣрной глубинѣ самымъ прихотливымъ образомъ; ея бѣлые, каменные домики съ черепичными кровлями кажутся сверху до того миніатюрными, что невольно спрашиваешь себя: какъ люди могутъ помѣщаться въ нихъ? Однако, когда спустишься въ эту пропасть, по крутой, безконечно-длинной лѣстницѣ, вдѣланной съ боку, то тотчасъ-же удостовѣришься, что домики, походившіе съ высоты на игрушку, совсѣмъ не такъ малы, и даже весьма помѣстительны; по ослѣпительно бѣлымъ стѣнамъ ихъ, на которыхъ не найдешь ни одного пятнышка, вьются до самой крыши виноградныя лозы, а между

изумрудной зеленью ихъ, глянцовитой и свѣтящейся, точно только-что омытой росою, проглядываютъ тамъ и сямъ тяжелыя кисти плодовъ. Жизнь постоянно кипитъ тутъ. Днемъ многіе уходятъ, правда, на работу, но за то подъ вечеръ любо посмотрѣть, какъ веселятся бѣлокурыя дѣти, рѣзвясь и играя каждый по-своему; какъ молодые парни играютъ въ горѣлки съ хорошенькими *юнгфрау*, которыя, раскраснѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, стараются увернуться отъ удалыхъ молодцовъ и отбѣжать отъ нихъ подальше, не допуская поймать себя; какъ любуются на нихъ старики, сидя у дверей своихъ съ неизмѣнной трубкой, и даже хлопотливыя хозяйки-нѣмки, также вышедшія на порогъ съ завѣтнымъ чулкомъ въ рукахъ, или съ обремененною льномъ или шерстью прялкой. На противоположной сторонѣ виднѣются обширные луга, поросшіе, мѣстами, низкимъ кустарникомъ, испещренные полевыми цвѣтами и душистыми фіалками. Тутъ также нельзя не остановиться, потому-что хочется взглянуть на молоденькую пастушку, которая, положивъ около себя свой посохъ, и усѣвшись на траву, поджавъ ноги, прилежно плететъ вѣнки, между-тѣмъ какъ тучное стадо овецъ, покорно улегшись вокругъ нея, спокойно жуетъ свою обычную жвачку. Когда подойдешь къ пропасти, въ которой лежитъ деревушка, съ той стороны, откуда проведенъ спускъ въ нее, то обернувшись къ ней спиною и пройдя шаговъ двѣсти, увидишь предъ собою громадную гору, заслонявшую путь и на которую ведетъ только одна дорога, неимовѣрно крутая и ухабистая, недавно, впрочемъ, замѣненная шоссе и сдѣланная съ бо̀льшей отлогостью. Эта гора, гордо и величественно высится надъ кудрявыми макушками вѣковыхъ каштановъ, которые въ изобиліи растутъ у подошвы, а вскарабкавшись на вершину ея, увидишь прозрачныя облака, быстро несущіяся подъ ногами.

Вдали, на самой высотѣ ея, стоитъ старинный, древней архитектуры за̀мокъ, съ узорчатыми окнами рыцарскихъ временъ, съ чугунными воротами, надъ которыми красуется чугунный-же вызолоченный гербъ, изображающій коршуна, прикрывающаго крыломъ своимъ графскую корону, которую онъ защищаетъ отъ нападеній кабана, протянувшаго за нею хищную лапу свою, а внизу, подъ проведенною полосою, острый мечъ, съ крестообразной рукоятью, вокругъ которой начерченъ строгій девизъ: «Ich bestrafe die Feinde» (я караю враговъ).

Семь зубчатыхъ башенъ гигантской вышины, просѣченныя рѣдкими окнами, со стрѣльчатыми сводами, упираются подножіемъ въ ровъ, наполненный водою, который въ сумерки кажется бездоннымъ. Ихъ мрачные шпили грозно и таинственно глядятъ на прохожихъ, рѣзко обозначаясь на голубомъ сводѣ неба, иногда блѣднаго и томнаго, иногда

знойнаго, темно-голубаго, и отражаются уныло въ черной водѣ рва, который окружаетъ массивныя стѣны замка.

Одна изъ башень, превосходящая величиной своей всѣ прочія и выдавшаяся угломъ въ то мѣсто рва, гдѣ ширина его увеличивалась, извѣстна была подъ именемъ «чортовой башни», и если вѣрить легендѣ, то въ ней творились непостижимыя вещи. Въ ней жилъ и умеръ, еще во времена тридцати-лѣтней войны, когда вся Европа ополчилась за религію и когда католики и протестанты неутомимо преслѣдовали другъ друга, графъ Осмондъ фонъ-Гогенштауфенъ, злѣйшій врагъ тогдашняго владѣтельнаго графа, ревностнаго католика, который, захвативъ его въ плѣнъ на полѣ битвы, обрекъ на вѣчное заточеніе.

Графъ Осмондъ, молодой и прекрасный рыцарь среднихъ вѣковъ, лишенный такимъ-образомъ навсегда свободы, предлагалъ, какъ говорятъ, за себя огромный выкупъ; но непреклонный предокъ графа фонъ-Штейнбурга предпочелъ, для собственнаго спокойствія, не выпускать своего врага, который, снѣдаемый скукой и отвращеніемъ къ подобной жизни, не видавъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, ничего кромѣ мрачныхъ стѣнъ тюрьмы своей, освѣщенной однимъ только слуховымъ окномъ, тюрьмы, находившейся на самой верхушкѣ башни, наконецъ умеръ, посѣдѣвъ какъ лунь и исхудавъ, какъ скелетъ.

Онъ умеръ въ полночь наканунѣ дня св. Франциска, и когда донесли объ этомъ владѣтелю замка, тотъ немедленно отправился по крутой, потаенной лѣстницѣ, удостовѣриться въ дѣйствительности столь важнаго для него событія; но войдя въ башню въ сопровожденіи своихъ вассаловъ, всѣ увидѣли необыкновенный свѣтъ въ сырой и холодной комнатѣ плѣнника, которую никогда не освѣщали, а покойникъ, весь закованный въ латы, съ копьемъ и щитомъ въ рукахъ, лежалъ ничкомъ на израсцовомъ полу. Графъ подошелъ къ нему, приподнялъ забрало его шлема, все еще сомнѣваясь въ его смерти; но блѣдныя, фіолетовыя губы несчастнаго не обнаруживали ни малѣйшаго признака дыханія, а морщинистый лобъ, съежившійся прежде времени не отъ лѣтъ, но отъ горя, былъ холоденъ какъ мраморъ.

Въ эту самую минуту, отдаленные часы простучали двѣнадцать разъ, а испуганные вассалы отскочили проворно къ растворенной желѣзной двери, которая вела на лѣстницу. Графъ также отступилъ, потому-что увидѣлъ вдругъ явившуюся, Богъ вѣсть откуда, длинную фигуру женщины, въ черномъ креповомъ покрывалѣ, которая протянула ему свою руку, а другою коснулась усопшаго, который тотчасъ-же всталъ, устремивъ на врага своего взглядъ, полный угрозы и отвращенія.

Черная женщина положила руку графа въ холодную руку мертвеца,

и обращаясь къ обоимъ, сказала повелительнымъ, но нечеловѣческимъ голосомъ: «помиритесь; это для васъ необходимо теперь, потому-что васъ ожидаетъ наказаніе за вашу ненависть другъ къ другу — и съ этой минуты вы будете всегда вмѣстѣ». Сказавъ эти слова, она начертила ногою на полу небольшой треугольникъ и земля тотчасъ-же разверзлась подъ ними, поглотивъ въ одно мгновеніе всѣхъ троихъ. Свѣтъ исчезъ; низкая, желѣзная дверь глухо захлопнулась, а вассалы, не помня себя отъ страха, пустились бѣжать, чтобъ увѣдомить о случившемся жену и сына похищеннаго.

Съ-этихъ-поръ ни одна человѣческая душа не осмѣливалась пробраться на вершину башни, въ которой, какъ увѣряютъ жаждущіе грезъ жители этой поэтической части Германіи, каждыя тридцать лѣтъ, наканунѣ дня св. Франциска, показывается огонь, и вслѣдъ за этимъ бьетъ полночь, неизвѣстно на какихъ часахъ, потому-что звуки несутся прямо изъ слуховаго окна, гдѣ никогда не бывало никакихъ часовъ. Говорятъ, что именно по этому случаю (лживому или истинному — неизвѣстно), башню прозвали «чортовой», и это названіе она сохранила и понынѣ. На верхъ никто не заглядываетъ; только въ нижней части ея содержатся иногда преступники или уличенные въ какой-нибудь винѣ, которыхъ и приговариваютъ къ бо́льшему или меньшему заключенію.

Замокъ былъ перестроенъ и подновленъ при графѣ Гюнтерѣ, а во внутренности его все замѣнено роскошью, которую еще увеличилъ Эдуардъ фонъ-Штейнбургъ, любившій комфортъ и постоянную перемѣну. Въ него нельзя попасть иначе, какъ черезъ подъемный мостъ, который только въ случаѣ нужды перебрасывается съ одного конца на другой и укрѣпляется на толстыхъ цѣпяхъ; на дворѣ вырыта яма, сажень въ тридцать глубиною, а на днѣ ея торчатъ, остріемъ вверхъ, толстые гвозди, насаженные очень часто. Она закрывается желѣзною крышкой, но когда она открыта, то въ ней, не смотря на день, царствуетъ все-таки вѣчная мгла. Въ болѣе отдаленныя времена, сюда заключали преступниковъ. Позади замка устроенъ великолѣпный, тѣнистый паркъ, съ бьющимъ фонтаномъ и самыми дорогими тропическими растеніями; прежде тутъ былъ непроходимый дремучій лѣсъ, гдѣ хищныя птицы вили гнѣзда. Тутъ все почти измѣнено, все преобразовано на новый ладъ, кромѣ самой наружности древняго замка. Ее, по-видимому, уважали, быть можетъ, потому-что нынче античныя зданія становятся очень рѣдки; между-тѣмъ какъ каждый съ наслажденіемъ отправляется осматривать ихъ постепенно уничтожающіяся руины и непритворно сожалѣетъ, что ихъ не могли сохранить.

Въ этомъ замкѣ никто не живетъ теперь; онъ предоставленъ ис-

ключительно любопытству путешественниковъ, которые никогда не проѣдутъ мимо. Онъ былъ извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ, а теперь, когда въ немъ было собрано безчисленное множество рѣдкостей изъ всевозможныхъ странъ; когда онъ со всѣми своими залами, отдѣланными бронзою, мрамором, картинами и статуями знаменитѣйшихъ мастеровъ, походилъ скорѣе на самый богатый дворецъ, теперь любопытные стекались сюда безпрестанно, и старый дворецкій, на котораго возложена была обязанность водить и показывать все достопримѣчательное, не разъ проклиналъ свою участь, потому-что шестидесяти-лѣтнія ноги его невыносимо разбаливались къ вечеру отъ излишняго моціона. Правда, у него была на подмогу старая знакомая наша и неутомимая болтунья — киндерфрау, но она сопровождала посѣтителей только въ фамильную портретную галлерею, гдѣ и ограничивалась тѣмъ, что принималась пересчитывать по пальцамъ всю родословную благородныхъ господъ своихъ и всѣ великіе подвиги ихъ, начиная обыкновенно съ пролога, самаго пространнаго и во всѣхъ отношеніяхъ даже слишкомъ удовлетворительнаго, а оканчивала исторію каждаго поочередно блистательнымъ эпилогомъ; послѣ чего, отвѣсивъ присутствующимъ церемонный книксенъ, отправлялась во-свояси, въ полномъ убѣжденіи, что исполнила все, что отъ нея зависѣло.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ описаннаго нами замка, находится другой, выстроенный въ новѣйшемъ вкусѣ, только гораздо меньше перваго. Оригинальный, неправильный фасадъ его невольно бросается въ глаза; четыре бѣлыя статуи, поставленныя на высокомъ, рѣзномъ пьедесталѣ изъ бѣлаго-же мрамора, поддерживаютъ на склоненныхъ нѣсколько головахъ своихъ переднюю часть верхняго этажа, которая опирается на нихъ широкими, свѣтлыми окнами изъ цѣльнаго зеркальнаго стекла. Тотъ-же самый гербъ, который мы видѣли уже надъ чугунными воротами феодальнаго замка, красуется и здѣсь, только онъ весь мраморный и, вмѣсто воротъ, придѣланъ къ плоской крышѣ, между множествомъ статуй, которыя украшаютъ все зданіе, и также изображенъ самыми яркими красками на флагѣ, который развѣвается на готической ротондѣ, гдѣ окна, напротивъ, очень узки и высоки и испещрены круглыми разноцвѣтными стеклами.

Этотъ замокъ, новенькій и прелестный какъ игрушка, выкрашенъ ослѣпительно бѣлою краскою. Не видѣвъ его, однакожъ, невозможно представить себѣ всѣхъ его достоинствъ, потому-что никакое описаніе далеко не изобразитъ ихъ какъ слѣдуетъ; но довольно сказать только, что его строилъ знаменитый баварскій архитекторъ К**, и тогда, быть можетъ, составишь кое-какъ идею, довольно близкую къ подлиннику.

Тутъ нѣтъ ни рва, ни пропасти, ни подъемнаго моста; но къ главному подъѣзду, самой аристократической наружности и на которомъ всегда стоитъ рослый швейцаръ, весь въ галунахъ и гербахъ, точно такой, какой обыкновенно парадируетъ на подъѣздахъ первѣйшихъ петербургскихъ домовъ, съ тою только разницею, что вмѣсто шерстяныхъ басоновъ, какъ то встрѣчается за-частую, у него они серебряные и нашиты такъ часто, что сукна почти не видать, къ этому подъѣзду, говоримъ мы, ведетъ густая каштановая аллея, хорошо утоптанная и посыпанная краснымъ пескомъ, а съ другой стороны устроенъ роскошный садъ, представляющій цѣлый цвѣтникъ и соединяющійся съ паркомъ.

Былъ вечеръ. Погода бушевала, вѣтеръ неистово выл въ горахъ, походя скорѣе на ревъ хищнаго звѣря; Эльстеръ шумѣлъ болѣе обыкновеннаго и глухой плескъ его струй шумно разбивался у прибрежья.

Въ одной изъ великолѣпно убранныхъ комнатъ нижняго этажа, которой стѣны были обиты оранжевымъ штофомъ, равно какъ и чернаго дерева мебель, съ мягкими эластическими пружинами, сидѣли три женщины передъ овальнымъ, рѣзнымъ столомъ, покрытымъ одною изъ тѣхъ пестрыхъ и изящныхъ салфетокъ, которыми Лондонъ и Парижъ неутомимо снабжаютъ всю Европу. Одна изъ этихъ женщинъ, по-видимому обладавшая передъ прочими значительнымъ преимуществомъ, сидѣла на диванѣ, опершись локтемъ на вышитую подушку. Ей было лѣтъ около пятидесяти; но не смотря на то, лицо ея сохранило всю свѣжесть молодости и неоспоримые слѣды красоты; большіе, темно-голубые глаза ея, осѣненные длинными рѣсницами, обнаруживали съ перваго взгляда нѣкоторую томность; но если начать всматриваться въ нихъ пристальнѣе, то замѣтишь какой-то странный блескъ, который пробѣгаетъ по чернымъ зрачкамъ, то спокойнымъ, то свѣтящимся, то вдругъ подернутымъ непреклоннымъ пренебреженіемъ; тонкія черты лица ея и прямыя, характерныя брови — два наслѣдственные признака Эйхштадтской фамиліи — согласовались вполнѣ съ ея надменной наружностью, полною, однако, невыразимаго очарованія и внушающею каждому, кто находился передъ нею, безусловное уваженіе. Голова ея не была обременена чепцомъ, безъ котораго, въ нашемъ вѣкѣ, не можетъ обойтись ни одна женщина, или лучше сказать *дама*, которая, обрадовавшись давно желаемой привиллегіи, спѣшитъ воспользоваться ею по возможности; но густые, бѣлокурые волосы ея, пепельнаго цвѣта, были свиты на затылкѣ въ упругую косу, представлявшую большой бантъ въ двѣ петли, приколотыя черепаховымъ гребнемъ, а спереди распадались по плечамъ мелкими, безчисленными локонами, начинавшимися съ самаго лба. На ней было черное атласное платье, сшитое по послѣдней па-

рижской модѣ и обрисовывавшее станъ, который, не смотря на годы, нисколько не потерялъ своей стройности, и до-сихъ-поръ еще остался чудно хорошъ; рукава, довольно широкіе внизу, спускавшіеся немного ниже локтя и обшитые въ два ряда черными кружевами, образовавшими два густыхъ, прозрачныхъ волана, были чрезвычайно эффектны и увеличивали матовую бѣлизну рукъ, изъ которыхъ правую украшалъ одинъ только браслетъ изъ массивнаго золота и съ мужскимъ портретомъ, осыпаннымъ крупными алмазами.

Двѣ другія женщины сидѣли напротивъ, на довольно низкихъ табуретахъ, обитыхъ такимъ-же оранжевымъ штофомъ, какъ и прочая мебель. Первая изъ нихъ, довольно пожилая, представлявшая наружностью своей, худощавою и нѣсколько натянутою, совершенно германскій типъ, читала вслухъ, переведенный на нѣмецкій языкъ, романъ Вальтеръ-Скотта, между-тѣмъ какъ другая, гораздо моложе, хорошенькая нѣмочка съ каштановою головкой, вязала тамбурною иглой красивый коврикъ подъ лампу, изъ толстаго шелка, на который былъ нанизанъ крупный, стальной бисеръ. Передъ нею лежалъ узоръ, на который она по временамъ поглядывала, слушая, однакоже, внимательно похожденія рыцаря *Айвенго* и *Леди Ровены*. Обѣ сидѣли прямо и въ почтительной позѣ.

На пушистомъ коврѣ, положивъ морду на покоившіяся на немъ складки чернаго атласнаго платья, дремала, растянувшись во всю длину, большая борзая собака. На серебряномъ ошейникѣ ея съ звенящими гремушками было вырѣзано фигурными буквами: *Паллада*; *принадлежитъ Г. Э. ф. Ш. ф. Ш.*

На столѣ горѣла солнечная лампа, на прочихъ, въ простѣнкахъ около зеркалъ, четыре бронзовые канделабра, бросавшіе яркій свѣтъ на все окружавшее, въ особенности на мраморный каминъ, въ которомъ пылалъ огонь, и на золоченные карнизы рококо, сіявшіе между потолкомъ и богатою матеріей. Въ ближнемъ покоѣ, два молодыхъ человѣка — одинъ лѣтъ пятнадцати, другой семнадцати—играли въ шахматы, разговаривая между собою такъ тихо, что съ трудомъ могли разслушать другъ друга. У насъ, подобное препровожденіе времени въ какомъ-нибудь высокомъ домѣ показалось-бы непристойнымъ, но нѣмцы, люди дѣятельные и во всемъ черезъ-чуръ причудливые, думаютъ на-оборотъ: у нихъ праздность считается преступленіемъ, и потому гдѣ-бы они ни находились, они всегда должны быть чѣмъ-нибудь заняты. Молодые люди находились въ амбразурѣ окна, въ довольно замѣтномъ полумракѣ, потому-что тяжелыя бархатныя занавѣсы съ золотою бахрамой, заслояли свѣтъ и допускали его проникнуть туда весьма въ небольшомъ

количествѣ, такъ-что еслибъ кто-нибудь вздумалъ войти въ эту комнату, то не замѣтилъ-бы въ ней играющихъ, скрытыхъ такимъ-образомъ отъ всѣхъ взоровъ.

Въ оранжевой комнатѣ пробило девять часовъ. Взоры женщины въ черномъ атласномъ платьѣ устремились на бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ, передъ зеркаломъ въ золоченной рамѣ; серьозное лице ея, приняло выраженіе неудовольствія.

— Довольно на сегодня, сказала она вдругъ, и прервавъ чтеніе повелительнымъ жестомъ. Можно слушать эти сказки, когда находишься въ спокойномъ расположеніи духа и когда ни что не возмущаетъ его. Не знаю, право, о чемъ думаетъ графъ? Вотъ уже около мѣсяца, какъ я не получала отъ него извѣстій.

— Его сіятельство, вѣрно, находится гдѣ-нибудь въ дорогѣ, отвѣчала лектриса закрывъ книгу, и по-видимому ограничившись этимъ кроткимъ возраженіемъ.

— Тѣмъ болѣе; онъ долженъ былъ-бы написать мнѣ, что съ нимъ дѣлается, и какъ онъ проводитъ свое время, продолжала Маргарита съ непреклоннымъ упорст.омъ. Никогда еще не велъ онъ переписки своей съ такимъ нерадѣніемъ, и не оставлялъ меня такъ долго въ подобной неизвѣстности. Положимъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, ему часто бываетъ нельзя заняться перомъ, и отослать письма на почту; но пріѣхавъ на мѣсто, какъ не улучить минуту, чтобъ набросать нѣсколько строкъ? Какъ не вздумать извѣстить о себѣ тѣхъ, которые безпрестанно думаютъ о немъ, и обречены напрасно теряться въ догадкахъ? Рѣшительно, эта неакуратность непростительна.

Маргарита слегка пожала плечами, и выпрямивъ стройный станъ свой, положивъ подбородокъ на ладонь, спросила подавляя досаду:

— Фрау фонъ-Линзефельдъ, сколько главъ намъ осталась еще прочесть?

Лектриса начала поспѣшно перелистывать книгу.

— Четыре, ваше сіятельство, отвѣчала она.

— Хорошо. Мы докончимъ ихъ завтра; спѣшить-же не для чего, потому-что эти длинные, темные вечера, которые только-что наступили, продолжатся долго; слѣдовательно, надо пріискать средство какъ-нибудь убивать ихъ. А вы, фрейленъ Адольфина, прибавила она обращаясь къ дѣвушкѣ, покажите мнѣ вашу работу. Что она, подвигается впередъ? Вы слишкомъ рѣзко кладете тѣни, надо болѣе сливать ихъ, говорила графиня, взявъ коврикъ изъ рукъ ея, и внимательно разсматривая. — На рисунокъ не должно глядѣть; тутъ тѣни всегда дурно подобраны, и часто расположены безъ всякаго вкуса. Однако я не совѣтую вамъ

низать по вечерамъ стальной бисеръ; во-первыхъ вы испортите глаза; а во-вторыхъ не кчему торопиться: что дѣлается скоро, то выходитъ дурно, и вмѣсто того, чтобы ...

Маргарита вдругъ остановилась.

Въ отдаленіи, между завываніемъ вѣтра и неистовымъ свистомъ бунтующихъ стихій, послышался звукъ рога, который, казалось, приближался и постепенно становился явственнѣе.

Графиня взялась за колокольчикъ и поспѣшно позвонила.

Вошелъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Пошлите узнать, что̀ это тамъ за шумъ? сказала она. — Кто̀ пріѣхалъ сюда въ такую позднюю пору?

Молодой человѣкъ почтительно поклонился, и быстро скрылся за портьерой.

— Неужели это графъ? сказала съ недоумѣніемъ Маргарита. Не можетъ быть. Онъ написалъ-бы мнѣ, что сбирается въ Штейнбургъ, и назначилъ-бы день, въ который возвратится въ него, потому-что первая обязанность германскаго дворянина, въ особенности вельможи, есть аккуратность и точность во всѣхъ поступкахъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что онъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ, и явиться неожиданно; въ такомъ случаѣ, это намѣреніе изглаживаетъ его неаккуратность и ее можно извинить. Но нѣтъ, прибавила она недовѣрчиво: онъ хотѣлъ быть не раньше какъ въ исходѣ октября, а теперь только еще сентябрь въ началѣ.

Графиня прислонилась спиною къ отвальной подушкѣ дивана и, совершенно убѣжденная въ предположеніи своемъ, взяла со стола опахало изъ марабу, и начала небрежно обмахиваться имъ, а спустя минуту заговорила о другомъ.

Вдругъ Паллада, все еще лежавшая у ногъ ея, быстро поднялась на тонкія ноги свои, оборотила морду къ двери, раздула ноздри, стала втягивать въ себя воздухъ, и простоявъ въ этомъ положеніи не болѣе какъ мгновенье, съ громкимъ лаемъ убѣжала изъ комнаты, брянча и звеня металлическимъ ошейникомъ. Вслѣдъ за этимъ два придверника руспахнули обѣ полы портьеры и къ всеобщему удивленію, одинъ изъ нихъ громко произнесъ:

— Его сіятельство!

На порогѣ показался Штейнбургъ.

ГЛАВА III.

СВИДАНІЕ.

При этомъ неожиданномъ докладѣ, Маргарита выпрямилась, и бѣгло взглянувъ на вошедшаго, какъ-бы сомнѣваясь въ дѣйствительности подобнаго событія, встала съ своего мѣста, и подошла къ сыну на встрѣчу, до средины комнаты.

Щегольской, дорожный костюмъ графа, состоявшій изъ темно-синей венгерки и довольно широкихъ панталонъ безъ штрипокъ, изъ сѣраго трико, съ черными лампасами, не былъ замѣненъ еще другимъ; въ рукахъ его была черная бархатная фуражка, которую онъ бросилъ на первый стулъ, а во всѣхъ движеніяхъ его замѣтна была поспѣшность, тѣмъ болѣе, что вошелъ онъ очень быстро.

Маргарита, никогда не отступавшая ни на шагъ отъ этикета, особенно при постороннихъ, наклонилась слегка, чтобы поцѣловать сына въ голову, когда онъ почтительно подошелъ къ ея рукѣ.

Паллада бѣгала вокругъ обоихъ точно угорѣлая, изъявляя всевозможными прыжками свою радость.

— Случай именно непредвидимый, графиня, отвѣчалъ съ улыбкою Штейнбургъ. Есть вещи, которыя принуждаютъ насъ иногда отступать отъ нашихъ правилъ, и дѣлать вопреки нашей волѣ совершенно на-оборотъ, нежели мы предполагаемъ.

Маргарита вопросительно посмотрѣла на него. Онъ подалъ ей руку и подвелъ къ дивану.

— Вы можете удалиться; я желаю остаться наединѣ съ сыномъ моимъ, сказала графиня, обращаясь къ фрау фонъ-Лензефельдъ, и фрейленъ Адольфинѣ, которыя стояли теперь въ нѣкоторомъ отдаленіи, и низко присѣдая передъ графомъ, когда онъ прошелъ мимо ихъ.

Обѣ, при этомъ формальномъ отпускѣ, взяли со стола, одна книгу, другая работу свою, и не возражая ни слова, вышли въ боковую дверь.

Маргарита обождала, покамѣсть тяжелая, штофная занавѣска не опустилась, за ними, потомъ, указавъ сыну на ближнее кресло, она снова наклонилась къ нему когда онъ сѣлъ, и взявъ его голову въ обѣ руки свои, нѣсколько разъ поцѣловала его въ лобъ.

— Теперь, графъ, сказала, она опустившись на диванъ и принявъ прежній холодный и надменный видъ свой: потрудитесь объяснить мнѣ тотъ *непредвидимый случай*, который такъ неожиданно доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ? Но нѣтъ; объ этомъ послѣ. Прежде скажите,

какъ долго вы намѣрены пробыть здѣсь? Надѣюсь, что вы не откажете наконецъ подарить мнѣ годикъ или два?

Штейнбургъ погладилъ Палладу, которая, удовлетворенная наконецъ вниманіемъ господина своего, улеглась возлѣ него на коврѣ, растянувшись на подобіе сфинкса.

— Извините, графиня, вы ошибатесь, отвѣчалъ онъ. Я пріѣхалъ, напротивъ, на весьма короткое время, потому-что завтра на разсвѣтѣ уѣзжаю отсюда.

— Боже милосердый! сказала Маргарита, всплеснувъ невольно руками. Кчему такая поспѣшность? Можно подумать, что графъ фонъ-Штейнбургъ фонъ-Шенгауэъ изгнанъ изъ замка предковъ своихъ какимъ-нибудь самозванцемъ, который намѣренъ воспользоваться его правами, потому-что это постоянное отсутствіе невозможно истолковать иначе. Жители графства и то уже распускаютъ слухи, основываясь на старинной легендѣ, что появившійся вдругъ потомокъ графа Ремонда фонъ-Гогенштауфенъ, хочетъ присвоить себѣ всѣ три города, и отомстить за смерть покойнаго рыцаря. Но оставя всѣ эти пустяки, я должна сказать вамъ, что баронъ фонъ-Вейскопфъ, повѣренный въ дѣлахъ вашихъ, давно ожидаетъ васъ, чтобъ показать вамъ весьма важныя бумаги, а вы уѣзжаете, не видавъ ихъ. Бумаги эти такъ спѣшны, что онъ думалъ послать ихъ къ вамъ; но не зная положительно, гдѣ вы находитесь, и боясь чтобы курьеръ не разъѣхался съ вами, онъ принужденъ былъ отложить ихъ и ждать покамѣсть вы сами не вернетесь сюда. Совѣтую вамъ для вашей собственной пользы, сперва разсмотрѣть ихъ какъ слѣдуетъ, подписать, если надо, и потомъ уже заняться другимъ. Обязанности должно исполнять прежде всего, особенно если встрѣчается дѣло нетерпящее отлагательства, и если не заняться имъ во-время, то изъ этого можетъ выдти большая непріятность.

— Но, графиня, позвольте спросить васъ: такъ-какъ меня не было здѣсь, отчего вы не заступили въ этомъ случаѣ мое мѣсто?

— Я охотно-бы заступила его, возразила Маргарита: но согласитесь, что я не могу и даже не имѣю права вступаться въ дѣла ваши, когда вы давно уже достигли совершеннолѣтія. Я управляла владѣніями вашими, когда необходимость заставляла меня управлять ими, и когда вы сами не были еще въ состояніи дѣлать этого; но теперь время это прошло, и долгъ этотъ лежитъ исключительно на васъ. Положимъ, что въ отсутствіе ваше вы можете поручить мнѣ, по необходимости, дѣла графства, но поручить не надолго; что-жъ касается до бумагъ, то я не беру на себя такой отвѣтственности: люди опытные и проводившіе за ними всю жизнь свою не рѣдко дѣлаютъ промахи, по-

тому-что тутъ надо имѣть большой навыкъ и мужское хладнокровіе, а кромѣ-того, вы знаете, что есть такія бумаги, въ которыхъ рука женщины не имѣетъ никакой силы. Тѣ, которыя приготовилъ для васъ баронъ фонъ-Вейскопфъ, именно такого рода, такъ-что онъ находится въ большомъ затрудненіи. Вы должны разсмотрѣть ихъ; я желаю и, если это необходимо, даже требую, чтобъ вы повиновались мнѣ.

Графиня, въ продолженіе рѣчи всей своей, не переставала внимательно смотрѣть на него. Послѣднія слова произнесла она съ особенною твердостью, и дожидаясь отвѣта, выпрямила еще болѣе гордый сталъ свой, который любимому скульптору могъ-бы служить моделью.

Штейнбургъ слушалъ не прерывая ее, но видно было, что разговоръ этотъ не нравился ему. Онъ медленно придвинулъ къ ней еще ближе свое кресло, и окрестивъ на груди руки, принявъ ту безпечную позу, которая такъ шла къ нему, отвѣчалъ съ такою-же твердостью:

— Я употребилъ двѣнадцать дней на поѣздку мою изъ Россіи въ Саксонію вовсе не для того, чтобъ имѣть удовольствіе провесть ночь за какими-нибудь бездѣльными бумагами, которыми сбирается угостить меня на новосельѣ баронъ фонъ-Вейскопфъ. Для этого не было никакой надобности такъ торопиться, и я прошу васъ, графиня, сказать ему отъ моего имени, что такими пустяками онъ можетъ заниматься самъ.

— Однако, графъ, если онъ настаиваетъ чтобъ вы просмотрѣли ихъ, значитъ, онъ имѣетъ на то причину, и надо удовлетворить желаніе его безъ отговорокъ. Что-жъ касается до меня, то ваше постоянное бездѣйствіе, никогда не прекращающееся, и эта жалкая безпечность, которая не покидаетъ васъ, но до-сихъ-поръ еще невиданная въ фамиліи Штейнбурговъ, для меня просто непостижимы. Всему есть мѣра. Вамъ давно пора уже начать дѣйствовать самимъ, а не поручать всѣ касающіяся васъ заботы постороннимъ. Это довольно опасно, и даже неприлично. Графъ фонъ-Штейнбургъ фонъ-Шенгаузъ, имѣющій подвластныхъ ему три города, долженъ господствовать надъ ними самъ, долженъ входить во все, а не утруждать этимъ подчиненныхъ своихъ. О, еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, прибавила энергически Маргарита: еслибъ отъ меня зависѣло все то, что зависитъ отъ васъ, и чѣмъ вы такъ упорно пренебрегаете — я распорядилась-бы иначе! Я доказала-бы на дѣлѣ, что и женщина умѣетъ управлять такими огромными владѣніями, но управлять гораздо лучше и разсудительнѣе!

Графъ едва замѣтно пожалъ плечами. Безконечный монологъ начиналъ надоѣдать ему.

— Графиня, сказалъ онъ помолчавъ: я совершенно готовъ слѣдовать совѣтамъ вашимъ, готовъ во многихъ отношеніяхъ, но все

это со временемъ и когда обстоятельства будутъ благопріятнѣе. Теперь-же позвольте мнѣ объяснить вамъ причину, которая заставила меня сократить срокъ, назначенный мнѣ на пребываніе внѣ Штейнбурскаго графства. Удостойте выслушать меня внимательно, потому-что я желалъ-бы отдохнуть нѣсколько часовъ послѣ такой дальней и тягостной дороги, чтобъ завтра, какъ можно раньше, пуститься въ обратный путь.

— Сдѣлайте милость, объясните мнѣ поскорѣе загадку, побудившую васъ вспомнишь о Маргаритѣ фонъ-Эйхштадтъ, отвѣчала графиня нѣсколько саркастически. Должно быть, если я только не ошибаюсь, тутъ есть что-нибудь весьма необыкновенное; иначе вы не рѣшились-бы на подобный подвигъ.

Графъ улыбнулся.

— Можно позавидовать вашей проницательности, сказалъ онъ полу-шутя, полу-серьозно. Но знаете-ли, что не смотря на эту проницательность, вы никакъ не отгадаете настоящей причины?

— Это довольно трудно. Хотя странности ваши каждому извѣстны, но порою въ нихъ проглядываютъ такія фантазіи, что сама киндерфрау, всѣми признанная ворожея Эльсница, Штейнбурга и Фалькенштейна, призадумалась-бы надъ случившмися чудомъ. Говорите; я слушаю васъ.

Графъ провелъ кончиками пальцевъ по темнымъ усамъ своимъ, прислонился локтемъ на ручку кресла, потомъ, поглядѣвъ нѣсколько времени на строгое лицо матери, съ которымъ многія черты его имѣли поразительное сходство, сказалъ:

— Когда человѣкъ молодъ и обязанъ по необходимости жить безвыѣздно въ скучныхъ стѣнахъ родоваго замка предковъ своихъ; когда онъ не достигъ еще того возраста, съ которымъ получаетъ привилегію не отдавать никому отчета въ поступкахъ своихъ — онъ стремится къ жизни болѣе свободной, спѣшитъ насытиться удовольствіями, которыя открываются тогда передъ нимъ, и видитъ все дурное съ хорошей стороны. Когда первая молодость его проходитъ, когда онъ наглядится на все вдоволь, удостовѣрится, что всѣ его прежніе поступки, всѣ предположенія, всѣ восторженныя идеи, всѣ задушевныя мечты, были не иное что, какъ химера; когда онъ убѣдится, какъ все непрочно и обманчиво, какъ люди фальшивы и измѣнчивы, онъ начинаетъ глядѣть на все иными глазами, и тогда напротивъ все хорошее кажется ему дурнымъ; чувства деревенѣютъ, воображеніе притупляется, прежнія занятія и удовольствія надоѣдаютъ, жизнь становится нестерпимою, а самъ онъ изъ порядочнаго человѣка становится самымъ несноснѣйшимъ существомъ. Вотъ послѣдствія, которыя происходятъ отъ излишней поспѣш-

ности изучать свѣтъ, и потомъ анализировать его безъ пристрастія, съ самой холодной точки зрѣнія. Быть можетъ, частію тутъ также вмѣшивается и богатство, котораго иногда некуда дѣвать и не съ кѣмъ раздѣлить, и которое принуждаетъ человѣка удовлетворять немедленно самымъ нелѣпымъ прихотямъ, не допуская его ни до какихъ затрудненій, что иногда необходимо для пользы его, потому-что каждая вещь, каждое желаніе сопряженное съ неудобствами, гораздо пріятнѣе видѣть приведенными въ исполненіе, когда имѣешь время и возможность подумать о нихъ.

Графъ остановился и, казалось, ждалъ отвѣта.

— Продолжайте, сказала Маргарита, не постигавшая къ чему ведетъ это предисловіе.

— Когда онъ насмотрится на все вдоволь, узнаетъ на перечетъ всѣ мелкія дрязги, господствующія всюду съ одинаковымъ постоянствомъ, когда наконецъ овладѣетъ имъ неопреодолимое отвращеніе ко всему, что онъ видѣлъ, слышалъ и испыталъ, то начинаетъ удивляться, какъ могъ онъ такъ долго жить въ подобномъ чаду? Страсти его замираютъ при этомъ открытіи, всѣ воспоминанія изглаживаются, онъ становится жалокъ въ собственныхъ глазахъ своихъ. Что тогда остается дѣлать ему? спросилъ въ заключеніе Штейнбургъ, съ тою грустною и ироническою улыбкой, которая такъ часто появлялась на задумчивомъ лицѣ его.

— Заняться чѣмъ-нибудь порядочнымъ, какъ я уже не разъ совѣтывала вамъ, возразила лаконически графиня: перестать тратить время въ безполезныхъ разъѣздахъ, которые, какъ вы сами говорите, надоѣли вамъ — что весьма натурально — и остаться въ отечествѣ, гдѣ вы можете быть полезны. Но есть еще средство для прекращенія вашей скуки и одиночества, на которое вы обрекли себя. Средство это я также часто предлагала вамъ, только вы сочли не нужнымъ воспользоваться имъ: отчего вы не хотите жениться?

Графъ ожидалъ этого вопроса. Онъ желалъ навесть мать на разговоръ этотъ, который, впрочемъ, въ другое время не понравился-бы ему, но теперь противъ всякаго ожиданія послѣдней, онъ отвѣчалъ на него весьма благосклонно:

— Графиня, сказалъ онъ: я не прочь отъ вашего предложенія, потому-что вовсе не желаю, чтобъ со мною умеръ родъ графовъ фонъ-Штейнбурговъ, которые съ такою честью занимали мѣсто мое и служили отечеству. Я пріѣхалъ сюда именно затѣмъ, что объявить вамъ, что я нашелъ себѣ невѣсту, и испросить у васъ согласія на будущій мой бракъ.

— А! сказала Маргарита, которая едва вѣрила ушамъ своимъ. — Такъ вы намѣрены наконецъ послѣдовать совѣту моему, и совершить подвигъ необходимый для вашего счастья, для фамиліи нашей и для свѣта? Чему приписать такое чудо? И кто успѣлъ расположить васъ къ нему?

— Правда, отвѣчалъ графъ: что оно до-сихъ-поръ казалось мнѣ почти несбыточнымъ, и я самъ себѣ дивлюсь и не вѣрю, чтобъ со мной могла случиться подобная нечаянность, потому-что женщины внушаютъ мнѣ какую-то антипатію, которую, не взирая на старанія мои, я не могу побѣдить. Но вообразите, что противъ всякаго ожиданія съ моей стороны, я нашелъ вдругъ дѣвушку, которой необыкновенная красота и рѣдкія качества, произвели на меня такое впечатлѣніе, что я далъ себѣ слово исключить ее изъ общаго списка, и просить руки ея, потому-что только она одна и достойна быть графинею фонъ-Штейнбургъ, и носить мое имя.

— Это похвальное намѣреніе примиряетъ меня съ вами, сказала благосклонно графиня: и если званіе ея равняется съ вашимъ, то я заранѣе одобряю вашъ выборъ.

Штейнбургъ молчалъ.

— Вы знаете, какъ много значатъ въ свѣтѣ связи, продолжала Маргарита: и какъ многое основывается на нихъ. Стало быть, надо чтобъ у невѣсты вашей была большая родня, принадлежащая къ высшей аристократіи, хорошее приданое, соотвѣтствующее сану, который она будетъ занимать, состояніе, пожалуй, хоть небольшое, потому-что для васъ оно совершенно лишнее; но за то громкая фамилія, которая могла-бы имѣть притязаніе на союзъ съ нашей. Если вы отыскали всѣ эти преимущества вмѣстѣ, то согласіе мое дается вамъ съ удовольствіемъ.

— Вы ошибаетесь, графиня, отвѣчалъ Штейнбургъ: я сказалъ вамъ, что будущая жена моя добра, умна и прекрасна, но объ остальномъ не упоминалъ ни слова. Первое — она сирота, и родныхъ у нее нѣтъ; второе — хотя она и принадлежитъ къ среднему классу, но фамилія ея скорѣе скромная, нежели звучная; третье — если я женюсь на ней, то не позволю, чтобы кто другой сдѣлалъ ей приданое: забота эта касается одного меня; и четвертое — состоянія у нее нѣтъ никакого, потому-что она очень бѣдна и живетъ въ гувернанткахъ.

Если-бъ молнія разразилась въ эту минуту надъ головою Маргариты, молнія съ громомъ, ураганомъ и прочими ужасами, не поразила-бы ея такъ, какъ поразили слова сына.

Графиня быстро поднялась съ дивана, отошла отъ него на нѣсколь-

ко шаговъ, тронула обѣими руками лобъ свой, отворила окно, точно будто бы для дыханія ея не хватало воздуху, и, простоявъ съ минуту въ амбразурѣ, подошла снова къ графу, передъ которымъ остановилась со всѣми признаками негодованія и глубоко уязвленнаго самолюбія. Потрудитесь повторить мнѣ, сказала она сложивъ крестообразно руки, и склонивъ немного на сторону свѣтлую голову свою, полную благородства и величія: потрудитесь повторять то, что вы сейчасъ сказали, и увѣрьте меня, что годы ослабили слухъ мой до такой степени, что онъ обманываетъ меня на каждомъ шагу, и что я не должна болѣе надѣяться на него.

— Вы очень хорошо знаете, графиня, отвѣчалъ хладнокровно Штейнбургъ: что всѣ ваши чувства, какъ физическія, такъ и моральныя, находятся въ наилучшемъ порядкѣ. Въ доказательство я повторяю вамъ, что все, что́ вы слышали — истина, которую я прошу васъ удостоить бо́льшаго снисхожденія.

— И вы могли до того унизить себя, до того обезчестить имя, которое носите, до того опозорить благороднѣйшую изъ фамилій, что рѣшились сдѣлать однимъ изъ главныхъ членовъ его какую-то бродягу, скорѣе годную въ горничныя! И вы осмѣлились объявить мнѣ это, не краснѣя; предложить мнѣ въ невѣстки *гувернантку*, мнѣ, герцогинѣ фонъ-Эйхштадтъ, графинѣ фонъ-Штейнбургъ фонъ-Шенгаузъ, съ которой ни одинъ княжескій домъ не погнушается заключить союзъ! Право, графъ, мнѣ все еще не вѣрится, что я слышу изъ устъ вашихъ такую жалкую рѣчь!

— Послушайте, графиня: вы можете дѣлать мнѣ какіе вамъ угодно выговоры; можете отказать мнѣ прямо въ просьбѣ моей; можете запретить мнѣ находиться долѣе въ присутствіи вашемъ — все это въ вашей волѣ. Но не говорите никогда, не думайте никогда, что, та которую я избралъ себѣ въ подруги жизни, и особенно если придется ей жить вмѣстѣ съ вами, позволитъ принять вамъ этотъ оскорбительный тонъ, котораго ни она, ни я не стерпимъ. Не смотря на то, что она живетъ въ гувернанткахъ, она такъ горда и такъ благородна, что всѣ, кто только знаетъ ее, отзываются о ней съ такимъ уваженіемъ, которому, могу васъ увѣрить, можетъ позавидовать женщина самая тщеславная. Что-жъ касается до того отзыва, какимъ вы сейчасъ отнеслись о ней, то прошу васъ не повторять его въ моемъ присутствіи, если вы не хотите изгнать меня изъ собственнаго дома моего. Мнѣ больно слышать сарказмы на счетъ тѣхъ, кого я уважаю, тѣмъ болѣе, что, какъ вамъ извѣстно, такихъ людей немного.

— Прекрасно! Чѣмъ-бы вамъ стараться поддержать честь дома

вашего, вы хотите уронить ее, замѣтила съ горечью Маргарита. Вы хотите запятнать ее неравнымъ бракомъ; но будьте увѣрены, что никогда женщина инаго сословія не переступитъ черезъ порогъ древняго замка, жилища благороднѣйшихъ дворянъ Саксоніи, которыхъ короли почтили своей дружбой.

Она отошла отъ него, и неровными шагами начала ходить по комнатѣ. Большіе голубые глаза ея, до того томные и спокойные, сверкали мрачнымъ огнемъ, а разгнѣванный взоръ сыпалъ искры. Волненіе, безпокойство, удивленіе, изображались попеременно на лицѣ ея, но вскорѣ смѣнились глубокою думой.

— Отчего вы не хотите вступить въ союзъ съ одною изъ тѣхъ фамилій, которыя я сама избрала для васъ? сказала она остановившись передъ нимъ снова. По-крайней-мѣрѣ это было-бы прилично, и никто не могъ-бы тогда порицать васъ.

— Оттого, что ни одна изъ нихъ не пришлась мнѣ по сердцу, отвѣчалъ спокойно Штейнбургъ: и никогда женщина, которая не нравится мнѣ, не будетъ моею женою.

— Боже мой! вскричала графиня. Въ первый разъ въ жизни вижу человѣка, которой такъ мало цѣнилъ-бы себя, который-бы съ такою настойчивостью пренебрегалъ собственными достоинствами, и отказывался отъ блестящей и выгодной партіи, для того, чтобъ замѣнить ее позоромъ и униженіемъ! Да, продолжала она, возвышая постепенно голосъ: вашего намѣренія нельзя назвать иначе. Что скажутъ въ свѣтѣ, когда узнаютъ, что вы возвели на эту высокую и завидную степень простую гувернантку, привыкшую не приказывать, но исполнять приказанія? Что скажутъ при дворѣ, когда вы представите жену вашу, вышедшую не изъ знатнаго круга, но изъ какого-то мелкаго сословія, и которую вы, по своей обыкновенной привычкѣ противодѣйствовать и другимъ и самому себѣ, вздумали сдѣлать графинею? А еслибъ даже я и была столь малодушна, что согласилась-бы на это, то осужденіе, которому вы обрекаете себя, пало-бы на собственную мою голову. Но нѣтъ! этого не будетъ, никогда, никогда! Я не потерплю униженія, не допущу до него ни себя, ни сына моего! Гувернантка должна остаться гувернанткой, а если она мѣтить выше, такъ это дерзость, которой нельзя простить!

Она произнесла послѣднія слова съ особеннымъ пренебреженіемъ, проглядывавшемъ неумолимо на выразительныхъ губахъ ея, и каждое слово, вылетавшее быстро одно за другимъ, казалось, глубоко оскорбляло ее.

Графу надоѣли наконецъ всѣ эти колкости и доводы, которыми

надменная графиня не переставала осыпать его. Онъ привыкъ говорить коротко, не распространяясь много ни о какомъ предметѣ, и избѣгать, по возможности, лишнихъ фразъ, а она мучила его не вѣсть сколько времени, не переставая напѣвать все на одну и ту-же тему. Онъ рѣшился кончить съ нею какъ можно скорѣе, чтобъ потомъ отправиться на свою половину, гдѣ желалъ предаться покою, послѣ дальняго путешествія.

— Графиня, сказалъ онъ, помолчавъ и принявъ на себя снова тотъ холодный, непоколебимый тонъ, который былъ такъ свойственъ ему: есть люди до того благородные, до того отдѣляющіеся отъ прочихъ, до того лучше и выше ихъ, что никакое униженіе не можетъ унизить ихъ. Пусть говорятъ, что̀ хотятъ, пусть думаютъ, что̀ хотятъ— мнѣ совершенно все равно. Нынче-же вѣкъ такой, что отъ клеветы не убережешься; слѣдовательно, что̀-бы человѣкъ ни сдѣлалъ, все истолкуютъ въ худую сторону. Но вы знаете, что я смотрю на это съ той-же самой точки зрѣнія, съ какой смотритъ орелъ на стаю галокъ? И потому никакіе толки не остановятъ меня, если я разъ что-нибудь задумалъ, а графиню фонъ Штейнбургъ, кто́-бы она ни была прежде, все-таки примутъ вездѣ съ тѣми почестями, которыя будутъ принадлежать ей по нраву и которыхъ никто не можетъ отнять у нея, точно такъ-же, какъ воспрепятствовать браку моему. Вы однѣ имѣете вліяніе на судьбу мою, но отъ излишней разборчивости, и крайней страсти къ приличіямъ, которыя доходятъ у васъ до излишества, и подавлаютъ всѣ прочія чувства, отказываете мнѣ въ единственномъ желаніи, проявившемся наконецъ во мнѣ послѣ такого долгаго безчувствія. Это отъ васъ зависитъ; позвольте только упомянуть вамъ, что человѣкъ моихъ лѣтъ можетъ поступать по собственной волѣ и не обязанъ никому отчетомъ въ поступкахъ своихъ; но я отступилъ отъ этого правила, и вамъ-бы слѣдовало быть снисходительнѣе ко мнѣ. Впрочемъ, такъ-какъ вы сочли нужнымъ распорядиться иначе, то я повинуюсь вамъ безпрекословно. Знайте только, что вы видите меня въ послѣдній разъ, и что никогда нога моя не будетъ болѣе въ домѣ моемъ, гдѣ моя воля имѣетъ такъ мало силы. Пусть вмѣстѣ со мною умретъ родъ нашъ, продолжавшійся въ теченіе столькихъ столѣтій; и когда вы увидите въ капеллѣ послѣдній памятникъ, на которомъ изображенъ будетъ опрокинутый гербъ, то упрекайте тогда одну себя.

Онъ замолчалъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, мертвая тишина воцарилась въ комнатѣ. Маргарита, стоявшая передъ нимъ точно судья, медленно сѣла на прежнее мѣсто и опершись локтемъ на колѣно, закрыла свое лицо рукою. Она знала непоколебимый характеръ сына, знала, что каждое слово свое онъ исполнялъ съ без

мѣрною точностью, и что съ его причудливымъ образомъ мыслей, онъ не преминетъ дѣйствительно удалиться навсегда изъ отечества, и бросить все на произволъ судьбы. Тогда прощай ея тщеславіе и надежды на блестящую будущность, которую она предуготовляла потомкамъ своимъ; прощай ея громкое, знаменитое имя, пользующееся всеобщимъ уваженіемъ и народною славою, пріобрѣтенною издавна благородными предками ея мужа, который, умирая, завѣщалъ ей никогда ни въ чемъ не прекословить единственному сыну, котораго она горячо любила, не смотря на высокомѣріе свое и многочисленныя претензіи. Еслибъ старый графъ былъ живъ теперь, то ужъ конечно не сталъ-бы противорѣчить ему, и даже счелъ-бы это за преступленіе, а она, забывъ послѣднюю просьбу старика и поддавшись исключительно эгоизму, обрекала сына на одиночество и изгнаніе. Маргарита была женщина. Она принуждена была уступить необходимости, но не хотѣла слишкомъ скоро сдаться.

Графъ сидѣлъ неподвижно и спокойно, ничто не обнаруживало въ немъ неудовольствія. Немного погодя онъ позвонилъ.

— Спросить у Ульриха малиновый сафьянный портфель со стальнымъ замкомъ, сказалъ онъ вошедшему лакею, и потомъ обратясь къ графинѣ прибавилъ: я покажу вамъ портретъ, набросанный мною изъ памяти, и хотя онъ далеко не близокъ къ оригиналу, потому-что не всякому живописцу удастся схватить эти черты, но я даю вамъ слово, что въ портретной галлереѣ нашей вы не найдете ни одного лица, которое могло-бы состязаться съ этимъ.

Маргарита недовѣрчиво покачала головой. Портретная галлерея замка пріобрѣла европейскую извѣстность красотою предшественницъ ея, и со многихъ изъ нихъ были сняты копіи для дрезденской картинной галлереи.

Въ это время лакей принесъ портфель.

Штейнбургъ отворилъ его, досталъ большой листъ довольно толстой бѣлой бумаги, на которой акварелью изображена была дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, прелестная блондинка въ бѣломъ платьѣ, и съ большими, продолговатыми черными глазами. Онъ положилъ его на столѣ передъ графинею, сказавъ тѣмъ меланхолическимъ голосомъ, который такъ часто проявлялся у него, и невольно трогалъ слушателя:

— Вотъ дѣвушка, которой назначено было жить въ роскоши и богатствѣ, потому-что отецъ ея былъ милліонеръ. Но судьбѣ угодно было опредѣлить иначе, и вмѣсто того чтобъ *приказывать другимъ*— прибавилъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднихъ словахъ—она сама исполняетъ приказанія, и повинуется людямъ, которые унижаютъ ее на каж-

домъ шагу. Отецъ и мать ничего не оставили ей; они предпочли чтобъ дочь ихъ скиталась по свѣту, и получала уголъ и содержаніе отъ постороннихъ.

Маргарита взяла листъ, и долго глядѣла на него пристально и внимательно, не скрывая удивленія, которое изобразилось на строгомъ лицѣ ея. Слова графа, казалось, тронули ее.

Она нѣсколько минутъ хранила молчаніе, не отрывая глазъ отъ портрета, и непреклонное чело ея уступило мѣсто умиленію.

— Нѣтъ, сказала она: не хочу вѣрить, чтобъ было на свѣтѣ существо, соединяющее въ себѣ столько совершенства. Вы слишкомъ польстили, графъ, оригиналу; онъ долженъ быть очень благодаренъ вамъ.

— Напрасно такъ думаете, отвѣчалъ Штейнбургъ: я вѣдь говорилъ вамъ, что оригиналъ въ тысячу разъ лучше, и еслибъ случилось вамъ увидѣть его, то вы были-бы точто также поражены, какъ я.

Онъ спряталъ листъ въ портфель и, замкнувъ его, велѣлъ отнести обратно къ себѣ.

Когда лакей вышелъ, то оба встали.

— Графъ, сказала Маргарита: я соглашаюсь на бракъ вашъ; если невѣста ваша бѣдна, то вы сами богаты; если имя ея не довольно звучно, вы замѣните его своимъ: такой красавицѣ можно многое простить.

Штейнбургъ взялъ руку матери и съ чувствомъ поцѣловалъ.

— Надѣюсь, что въ награду за мое снисхожденіе, вы пробудете со мною нѣсколько дней, продолжала она ласково.—Вспомните, какъ долго мы не видались съ вами, и пожалѣйте меня хоть сколько-нибудь.

— Съ этой минуты я ставлю себѣ въ обязанность быть всегда около васъ, отвѣчалъ онъ: но простите, если я не могу теперь исполнить приказаніе ваше; я долженъ ѣхать отсюда какъ можно скорѣе, ѣхать завтра-же, чтобъ вырвать Вѣру изъ хаоса, въ которомъ она такъ несправедливо находится.

— Вѣра, повторила графиня: это русское имя; какъ жаль, что она не нѣмка. Впрочемъ — прибавила она съ нѣкоторою гордостью — въ семействѣ нашемъ были женщины изъ всевозможныхъ странъ; онѣ также выбирались по красотѣ; многія были знаменитыя принцессы ... но ... вы сказали правду: будущая графиня фонъ-Штейнбургъ побѣдила всѣхъ ихъ.

Графъ улыбнулся.

— Я не хочу задерживать васъ, продолжала Маргарита. Поѣз-

жайте завтра, если это необходимо; невѣста ваша, вѣрно, ждетъ васъ съ петерпѣніемъ.

— Напротивъ, она ничего не подозрѣваетъ. Она такъ скромна и такъ наивна, такъ мало цѣнитъ себя, что никогда и не ожидала съ моей стороны какого-либо вниманія. Это такой ребенокъ, такая прелестная игрушка, что обворожаетъ всѣхъ, кто только видитъ ее, и я удивляюсь, какъ она умѣетъ держать себя въ этомъ вихрѣ молодежи, которая безпрестанно окружаетъ ее? Четверо влюблены въ нее безъ памяти, но въ замѣнъ не получили ни одного взгляда; она избѣгаетъ и не любитъ свѣта. О, я увѣренъ, что вы полюбите ее.

— Что она не любитъ свѣта, это къ лучшему, замѣтила графиня. Вы не будете такъ часто оставлять меня, потому-что жена отобьетъ у васъ охоту разъѣзжать безпрестанно во всѣ концы. Но шутки въ сторону: такъ какъ она русская, то свадьба ваша, вѣроятно, будетъ совершена въ Россіи; это также очень жаль: я желала-бы, чтобъ ее можно было отпраздновать въ замкѣ; отправиться съ вами я не могу: не съ моими лѣтами и характеромъ проѣхать слишкомъ двѣсти семдесять шесть миль въ двѣнадцать дней. Еслибъ вы не такъ торопились, тогда другое дѣло. Но Богъ съ вами! Я утѣшаю себя тѣмъ, что скоро увижу васъ, и тогда вы останетесь со мною.

Часы пробили одиннадцать.

— Прощайте, матушка, сказалъ графъ: уже поздно, завтра мы съ вами не увидимся.

— Прощай, сынъ мой, отвѣчала Маргарита, прижимая его къ сердцу и цѣлуя раздушенные, темные волосы его, щегольски причесанные и окружавшіе высокій лобъ его, всегда подернутый думой.

Она сняла съ руки своей золотой браслетъ съ портретомъ графа, браслетъ, который всегда носила, который, въ отсутствіе его, составлялъ единственно утѣшеніе ея, и отдавая Штейнбургу, сказала:

— Отвези отъ меня этотъ подарокъ невѣстѣ твоей. Она будетъ очень рада ему и, вѣрно, не откажется принять его; скажи ей, что только для нея я соглашаюсь разстаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ, старухѣ, пора уже перестать носить такія кокетливыя бездѣлушки.

Графъ взялъ браслетъ, поцѣловалъ еще разъ руку, которая держала его, и когда онъ сбирался выдти, графиня прибавила:

— Я пришлю тебѣ футляръ отъ него. Пожалуйста, вели позвать барона фонъ-Вейскопфа, и просмотри съ нимъ бумаги.

Штейнбургъ обѣщалъ, и, вышедъ изъ комнаты, отдалъ приказаніе прислать барона на его половину; потомъ обратясь къ бѣлокурому мальчику, лѣтъ пятнадцати, сказалъ:

— Приготовьтесь. Завтра вы поѣдете со мною.

Онъ пошелъ далѣе, между-тѣмъ какъ стройная величественная фигура Маргариты скрылась за оранжевою портьерой.

ГЛАВА XIII.

ПРЕДСКАЗАНІЕ МАВРЫ АГАФОНОВНЫ СБЫВАЕТСЯ.

Теперь, пользуясь неотъемлемымъ правомъ романиста, мы сдѣлаемъ скачокъ прямо въ Петербургъ. Тамъ была глубокая осень; желтые листья немилосердно сыпались на землю при малѣйшемъ дыханіи вѣтра; макушки липъ и березъ постепенно обнажались, и голые сучья ихъ то и дѣло высовывались наружу, какъ-будто стыдясь неуклюжаго вида своего, и неохотно покачиваясь отъ внезапнаго прикосновенія какой-нибудь птицы, не могшей укрыться отъ непогоды на обычномъ мѣстѣ своемъ; утренніе морозы истребили всѣ цвѣты Каменнаго-острова; однѣ только даліи кое-какъ уцѣлѣли и спаслись, не знаемъ какимъ чудомъ, отъ всеобщаго бича Флоры. Сентябрь свирѣпствовалъ съ своею невыносимо измѣнчивою погодой, съ холоднымъ дождемъ, съ сѣрыми тучами, съ блѣднымъ, остывшимъ уже солнцемъ и съ прочими непріятностями, неминуемыми и весьма обыкновенными въ подобнымъ случаѣ. Правда, что августъ былъ за то нетерпимо жаркій и удушливый, какъ не бываетъ иногда іюль мѣсяцъ. Но это не диковина: нашъ русскій климатъ кидается изъ крайности въ крайность, къ нему привыкли всѣ безъ исключенія. Дачи замѣтно опустѣли; всѣ мало-по-малу перебрались въ городъ; даже Зеленцовы послѣдовали благоразумному примѣру, потому-что, судя по необыкновенно теплому лѣту, столь обильному ясными днями, на осень была плохая надежда. Надина-же захворала довольно опасно, такъ-что надо было поторопиться, чтобъ доктору ближе было навѣщать ее; она съ недѣлю пролежала въ постели, въ какомъ-то изнуреніи и въ лихорадочномъ бреду, говоря иногда такія рѣчи, что всѣ опасались умственнаго разстройства, и поврежденія мозга, и допускали къ ней только горничную и домашняго доктора. Выздоровленіе ея подвигалось очень медленно; когда она могла выходить изъ своей комнаты, то генеральша старалась какъ можно болѣе развлекать ее, и нарочно намѣревалась устроить для того вечера, на которые собира-

лись-бы многочисленныя знакомыя, а по пятницамъ назначены были танцы. Генералъ по-прежнему оказывалъ вниманіе къ Вѣрѣ, и надоѣдалъ до невѣроятія своими любезностями, что принудило ее показываться еще рѣже въ пышныхъ чертогахъ, всегда наполненныхъ блестящимъ обществомъ, и гдѣ бдительное око Зеленцовой слѣдило за всѣми ея движеніями. Вѣра главное старалась укрыться отъ неотвязчивыхъ поклонниковъ своихъ, которые не оставляли ее въ покоѣ. Ей давно уже надоѣли ихъ преслѣдованія и неминуемые комплименты, отъ которыхъ она краснѣла и приходила въ замѣшательство. Они продолжали сыпаться на нее щедро, но она, по врожденному самолюбію и застѣнчивому характеру своему, никакъ не могла привыкнуть къ нимъ. Благородная, возвышенная душа ея часто удивлялась той пустотѣ, съ какою выражаются модные львы, имѣющіе желаніе нравиться; удивлялась той претензіи, которая проглядывала въ манерѣ ихъ, въ самодовольной наружности, въ каждой фразѣ, выходившей изъ устъ ихъ, и говорила сама себѣ, что эти люди не могутъ любить никого, кромѣ себя.

Только сдѣлавъ это заключеніе, она порою спрашивала себя: отчего не имѣя на нее серьозныхъ видовъ, они не оставляютъ ее въ покоѣ? и что́ за нужда имъ до нее? съ какою цѣлью они ухаживаютъ за нею, когда она сама не подавала имъ къ тому никакого повода? Во всякомъ случаѣ, имъ нечего было ожидать отъ нея: она не понимала ихъ намѣреній, избѣгала ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ; всѣ ея мысли принадлежали отсутствующему и были теперь далеко. Вѣра, въ свободное время, предавалась одному только занятію: она открывала шкатулку свою, и сѣвъ передъ столомъ, на которомъ стояла ваза, доставала высохшій цвѣтокъ алоэ, лоскутокъ газеты, на которомъ напечатано было имя и всѣ титулы графа, и, положивъ ихъ передъ собою, долго не сводила глазъ съ дорогихъ воспоминаній; между-тѣмъ губы ея съ невыразимымъ наслажденіемъ произносили по нѣскольку разъ каждое слово, заключающееся на этомъ маленькомъ лоскуткѣ, который она не промѣняла-бы на неисчислимое богатство. Тогда воображенію ея живо представлялся тотъ вечеръ, когда, опираясь на руку Штейнбурга, она шла *вмѣстѣ съ нимъ* въ волшебномъ саду Каменнаго-острова, и съ замирающимъ сердцемъ слушала его ласковую рѣчь, полную участія и неподдѣльной искренности, и наконецъ послѣднія слова его, въ которыхъ изображалось болѣе, нежели участіе.

Она не смѣла разбирать истинный смыслъ ихъ: для этого надо было имѣть болѣе проницательности, а съ ея неопытностью она весьма легко могла и ошибиться. Итакъ Вѣра предпочла лучше заучить ихъ наизусть, и въ досужные часы свои повторять ихъ безъ счету. Вспомнитъ-ли онъ

объ ней когда-нибудь—она не задавала себѣ этого вопроса, потому-что также боялась сдѣлать предположеніе не въ свою пользу. Онъ былъ такъ измѣнчивъ, что могъ забыть все въ ту-же минуту, забыть и намѣреніе пріѣхать сюда снова. Въ послѣднемъ мнѣніи своемъ Вѣра была почти увѣрена, потому-что зима наступала, и графъ не любилъ этого сезона; а послѣ, со-временемъ, если онъ и вздумаетъ заглянуть сюда, то Богъ знаетъ, будетъ-ли она тогда жить тутъ, и куда зиброситъ ее судьба? Вѣра тяжело вздыхала, когда эта непрошенная мысль самовольно пробиралась въ ея голову; по взглянувъ на вазу свою, на изсохшій цвѣтокъ и на лоскутокъ газеты, она тотчасъ-же утѣшала себя слѣдующими словами: «я не должна роптать; у меня есть отъ него три воспоминанія, и еслибъ узналъ кто-нибудь, что я обладаю такимъ богатствомъ, то многіе позавидовали-бы мнѣ». Она говорила правду: съ того дня какъ графъ прислалъ ей фарфоровую вазу съ букетомъ, она потеряла навсегда расположеніе Надины, которая сдѣлалась теперь врагомъ ея; чаще прежняго получала выговоры отъ генеральши, и безпрестанно слышала оскорбительныя эпиграммы, которыя адресовали на ея счетъ молодыя львицы.

Вѣра, по обыкновенію, молчала, но съ Надиной старалась встрѣчаться какъ можно рѣже; генеральшу выслушивала по необходимости съ покорностью, а эпиграммы оставляла безъ вниманія, за что львицы чуть не задыхались отъ досады. Мавра Агафоновна навѣщала часто питомицу свою, особенно съ-тѣхъ-поръ какъ она переѣхала въ городъ. Почтенная ключница съ горестью замѣтила, что Вѣра похудѣла и что матовая блѣдность покрыла ея лицо. На всѣ вопросы и распросы свои, она получала отвѣты весьма неудовлетворительные, что заставляло ее сдѣлать на счетъ Зеленцовой весьма невыгодное заключеніе. Ей больно было видѣть перемѣну въ дѣвушкѣ, которую необходимость заставляла терпѣть всевозможныя несправедливости, и кромѣ, того Мавра Агафоновна смекнула, что тутъ должно быть замѣшалось и сердце. Богатая ваза, явившаяся вдругъ въ комнатѣ Вѣры, ваза, которую она такъ очевидно берегла, служила тому достаточнымъ доказательствомъ. Мавра Агафоновна кое-какъ повывѣдала, кто прислалъ ее и какъ она очутилась тутъ; но узнавъ также, что графъ уѣхалъ, и уѣхалъ чуть-ли не навсегда, она немного поуспокоилась, рѣшивъ положительно, что въ этомъ случаѣ опасаться нечего. Вѣрѣ-же она дала, между прочимъ, совѣтъ—не слишкомъ много спускать генеральшѣ, потому-что Богъ намъ на то языкъ далъ, чтобъ, въ случаѣ необходимости, мы употребляли его въ дѣло, то-есть порядкомъ отщелкивали тѣхъ, кто вздумаетъ зазнаться, и что если она, то-есть Зеленцова станетъ очень притѣснять ее, такъ въ Петер-

бургѣ мѣстъ много. А что если Вѣра не хочетъ сама объявить ей, что̀ слѣдуетъ, такъ чтобъ она препоручила это ей. Маврѣ Агафоновнѣ, которая отнюдь не преминетъ отдѣлать ее по-свòему, и даже, въ случаѣ нужды, нарочно для этого явится. Дѣвушка, разумѣется, обѣщала, чтобъ успокоить ее, но въ сущности старалась превозмогать себя сколько возможно, старалась глядѣть хладнокровно на безпрестанныя козни и отстранять ихъ отъ себя какъ можно чаще, или принимать тихо и безмолвно съ своимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ, готовымъ всегда переносить охотно. Какъ ни было ей тутъ худо, она все-таки желала ужиться со всѣми, единственно для того, чтобъ не покидать этого дома: *онъ* могъ вздумать вернуться сюда, а ее вдругъ не будетъ! Она лишена будетъ тогда единственнаго счастья видѣть его, и, что очень можетъ быть, нигдѣ уже не встрѣтится съ нимъ. Все прочее ей было ни по чемъ, а на подобный подвигъ, или лучше сказать жертву, она не могла рѣшиться. Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла, около мѣсяца спустя послѣ описаннаго нами происшествія на дачѣ Каменнаго-острова.

Однажды, это было въ субботу, по тротуару Фурштадской-улицы шла торопливо старуха, въ темно-зеленой сборчатой шляпкѣ и въ черномъ крашенномъ солопѣ. Въ рукахъ ея былъ огромный дождевой зонтикъ, на который она опиралась съ озабоченнымъ видомъ, и глядя старательно себѣ подъ ноги, какъ-бы опасаясь споткнуться, бодро и проворно миновала встрѣчавшіяся лужи, испещрявшія дорогу. Тучи покрывали небо, сгущаясь все болѣе и болѣе, такъ-что, не смотря на полдень, пасмурный видъ ихъ походилъ скорѣе на вечернія сумерки. Не вдалекѣ ѣхалъ шагомъ извощикъ, и развалившись на дребезжащихъ дрожкахъ, мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ. Подойдя къ перекрестку, гдѣ надо было повернуть за уголъ, старуха остановилась, подняла голову кверху, и посмотрѣвъ на всѣ стороны съ видимымъ удовольствіемъ, проговорила скороговоркой, разсуждая сама съ собою:

— Эка досада! Вѣдь мнѣ до дождя не уйти! Онъ какъ-разъ теперь пригрянетъ и смочитъ меня, какъ курицу! Что̀ теперь дѣлать? не идти-же назадъ какъ отъ чумы какой! Мѣшкать не приходится; пожалуй, еще все дѣло испортишь! Надо-же тутъ какъ на грѣхъ какой дождю собраться. Досадно! Право досадно! хоть плакать такъ въ пору!

Трагическій конецъ монолога, заставилъ болтунью испустить довольно-протяжный вздохъ, и какъ нарочно, точно желая посмѣяться надъ нею, крупные капли дождя начали падать на мостовую, а черезъ минуту обратились въ проливной дождь.

Старуха раскрыла зонтикъ, и пустившись снова въ путь, кликнула извощика.

Послѣдній ударилъ клячу свою, подъѣхалъ къ тротуару и, соскочивъ съ дрожекъ, сдѣлалъ неминуемый въ этомъ случаѣ вопросъ:

— Куда изволите?

— Къ Полицейскому-мосту.

— Которое мѣсто?

— Въ Морскую.

— Да Морскихъ, сударыня, двѣ.

— Ну, разумѣется, въ Большую, сказала съ нетерпѣніемъ старуха.

— Два двугривенничка положте.

— Что ты, голубчикъ! Въ Морскую два двугривенныхъ! Да далеко-ль тутъ? Я лучше пѣшкомъ дойду.

— Извольте за тридцать копѣекъ серебра.

— Нѣтъ, любезный, богатъ будешь, если столько слупишь разомъ.

— Да вѣдь тутъ мѣсто не близко, сами изволите знать. Цѣпной мостъ сломанъ; надо кругомъ объѣхать.

Старуха, не останавливаясь, шла впередъ, высоко поднявъ шерстяное платье.

— Сколько-жъ пожалуете? спросилъ извощикъ, не отставая отъ нея.

— Пятиалтынный.

— Что вы, барыня! За пятиалтынный этакую даль никто не поѣдетъ. Положте хоть четвертачокъ.

— За четвертакъ я достану пролетки.

— Гмъ!.. пролетки!.. въ этакую погоду пролетки меньше полтинника не поѣдутъ. Прикажите подать за двугривенный!

Но старуха, вѣрно, предпочла лучше дѣйствительно идти пѣшкомъ, нежели передать лишній пятачекъ, и потому запахнувшись салопомъ и держа надъ шляпкою зонтикъ, пошла еще скорѣе прежняго.

Извощикъ почесалъ въ затылкѣ, посмотрѣлъ на нее съ нерѣшительнымъ видомъ, потомъ вскочилъ на дрожки, проворно собралъ возжи и, прищелкнувъ по тощей лошаденкѣ своей, подкатилъ къ удалявшейся старухѣ, примолвя сквозь зубы:

— Садитесь что-ли.

— Давно-бы такъ, чѣмъ пустяки-то молоть, отвѣчала послѣдняя, ступая на подножку, и усаживаясь бокомъ на незатѣйливый экипажъ. Да пошелъ скорѣе, а не то на мнѣ не останется сухой нитки.

Дрожки покатились трясясь и прискакивая, а пѣгая лошадь безпрестанно понукаемая плетью, пустилась неровнымъ галопомъ, на подобіе

верховой. Выѣхавъ на мостовую Невскаго–проспекта, извощикъ удвоилъ свои побои, отчего лошадь принялась такъ сильно выкидывать ногами, что дрожки рисковали перекувыркнуться, еслибъ старуха не объявила, что не имѣетъ желанія совершить путешествіе въ грязь и сломать себѣ шею; а что если лошадь впряжена верховая, такъ онъ долженъ предупредить ее, и отнюдь не ѣхать съ помощію кнута. Повернувъ въ Морскую, старуха велѣла остановиться у большаго трехъ-этажнаго дома съ балкономъ, слѣзла съ дрожекъ, отдала извощику деньги и, взобравшись на самый верхъ, позвонила у правой двери, на которой прибита была мѣдная доска съ именемъ и фамиліей постояльца. Высокій деньщикъ пустилъ ее въ прихожую, гдѣ она, снявъ съ себя салопъ, собственноручно стряхнула его, повѣсила на вѣшалку рядомъ съ военной шинелью, и отдавая деньщику мокрый зонтикъ, съ котораго вода текла ручьями, сказала, снимая, между прочимъ, галоши и оправляя платье:

— Здравствуй, Селантьичъ. Дома баринъ?

— Пожалуйте, отвѣчалъ слуга, отворяя дверь въ комнату.

Это была пріемная, довольно большая, убранная щеголевато и изысканно; далѣе слѣдовала гостиная, обвѣшанная коллекціею масляныхъ картинъ, въ золотыхъ рамахъ, потомъ еще какая-то комната, потомъ кабинетъ, наполненяый зеленою триповою мебелью, разными бюстами и статуэтками, разставленными на рѣзныхъ этажеркахъ, и наконецъ ружьями и пистолетами, которые развѣшаны были по стѣнамъ Деньщикъ пошелъ дальше, а старуха, усѣвшись на стулъ и поводя вокругъ себя глазами, не могла удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія:

— Чего тутъ только нѣтъ? кажись, умирать не надо! А какъ посмотришь, такъ все въ долгъ! Я всегда говорю, что это къ хорошему не поведетъ. Что за молодежь нынче, прости Господи!

Только-что она успѣла проговорить это, какъ дверь снова отворилась и къ ней вышелъ статный офицеръ, въ военномъ сюртукѣ и съ каскою въ рукахъ.

— Мавра Агаѳоновна! сказалъ онъ: васъ–ли я вижу?

— Чему-же вы удивляетесь? Развѣ я рѣдко бываю у васъ? Кажется, не можете пожаловаться; впрочемъ, знайте батюшка, что еслибъ не нужда, такъ я и не заглянула-бы къ вамъ.

Вольдемаръ засмѣялся.

— Я въ томъ увѣренъ, сказалъ онъ, садясь противъ нее и положивъ въ каску перчатки, которыя приготовился–было надѣвать. Какая-же у васъ нужда до меня? Вѣрно важная, если вы въ эдакую погоду вздумали навѣстить меня?

— Погодите ... Дайте духъ перевесть ... совсѣмъ я задохлась ... уморилъ меня проклятый извощикъ .. всю душу вытрясъ ... чуть не сшибъ съ своихъ анаѳемскихъ дрожекъ .. Что это вы, куда собрались? прибавила она, указывая на костюмъ его, потому-что Вольдемаръ у себя дома не любилъ подвергать свою особу излишней щепетильности, и не носилъ ничего кромѣ архалука.

— Сперва къ парикмахеру, а потомъ къ вамъ.

— Ко мнѣ? повторила Мавра Агаѳоновна. Что это значитъ? Вѣдь вы недавно были у меня, и часто ѣздить ко мнѣ не любите, нечего грѣха таить. Что-же это за диковина? Признаться, я ужъ тутъ и ума не приложу. Да что тутъ изъ пустаго въ порожнее переливать, перебила она развязавъ свою шляпку. — Ну ужъ новости я привезла вамъ, Владиміръ Александрычъ! Нечего сказать!

— Это неудивительно; у васъ новости всегда на – готовѣ, отвѣчалъ Вольдемаръ. Но знаете-ли, что я также собрался сдѣлать вамъ визитъ собственно для того, чтобъ передать вамъ большую новость, такую новость, какой вы вовсе не ожидаете, которая обрадуетъ и удивитъ васъ.

Мавра Агаѳоновна съ недовѣрчивостію посмотрѣла на него, желая увидѣть на лицѣ его подтвержденіе этихъ словъ: Вольдемаръ любилъ подтрунивать надъ нею, и даже обманывалъ ее за-частую.

На этотъ разъ однако-же, голосъ его былъ полонъ истины, и ни что не обнаруживало въ немъ обыкновенной привычки.

— Велика важность! Есть мнѣ нужда теперь до вашей новости! Вотъ моя такъ такая, что вашихъ десять ей въ подметки не годятся, сказала она тономъ ясно изобличавшимъ увѣренность, что побѣда останется на ея сторонѣ.

— О, что касается до вашей, то на этотъ разъ я протестую, возразилъ Вольдемаръ улыбнувшись: и даю вамъ честное слово, что, въ сравненіи съ моею, ваша новость — ничто.

Тутъ ужъ Мавра Агаѳоновна не утерпѣла. При столь положительномъ увѣреніи, поспѣшность ея отвесть душу разсказомъ мгновенно исчезла, и любопытство взяло верхъ.

— Неужто? Ахъ, мой родной! сказала она, сгарая отъ нетерпѣнія услышать скорѣе то, что по словамъ молодаго человѣка, должно было такъ сильно интересовась ее. Такъ говорите-жъ прежде вы, а я разскажу вамъ послѣ.

— А-а, вотъ то-то и есть; стало-быть, побѣда все-таки за мною. Рѣшительно, Мавра Агаѳоновна, вы никогда не исправитесь. Но скорѣе къ дѣлу, потому-что мнѣ некогда, прибавилъ онъ, отстегнувъ

пуговицу сюртука и взглянувъ на часы. Счастье еще, что вы явились ко мнѣ сами: мнѣ надо до обѣда поспѣть еще въ три мѣста, не считая парикмахера.

— Вѣчно вамъ некогда, замѣтила старуха: мечетесь, мечетесь изъ угла въ уголъ, и все толку нѣтъ. Нут-ко, батюшка, что-же новость-то?

— Слушайте. Во-первыхъ надо вамъ знать, что мнѣ совсѣмъ не нравится, что наша Вѣра живетъ въ гувернанткахъ, и еще у этихъ чопорныхъ Зеленцовыхъ, которые смотрятъ на нее какъ на какую-нибудь мелкую мѣщанку. Я, признаться, часто думалъ объ ней, и первое мое желаніе было избавить ее какъ-нибудь отъ этого щекотливаго положенія. Но взять ее оттуда, не имѣя для нея въ виду другаго мѣста, было-бы безразсудно и невозможно. Оставаться тамъ дольше также не приходится, потому-что я знаю, что ей тамъ худо; она не разъ проговаривалась въ этомъ; кромѣ того извѣстная вещь, какъ иные бездушные люди обходятся съ гувернанткой, и какими глазами смотрятъ на нее. Будь она благороднѣйшая изъ благородныхъ, будь даже по рожденію своему выше ихъ, до этого никому нѣтъ дѣла: ее у такихъ людей ожидаетъ одинъ и тотъ-же пріемъ и одинаковое обращеніе. Не разъ мнѣ случалось быть свидѣтелемъ того тона, который принимаютъ съ Вѣрой, нисколько не церемонясь, въ присутствіи постороннихъ. Еслибъ кузина знала, что такая участь достанется дочери ея, то прахъ ея перевернулся-бы въ могилѣ, и это большое счастье, что она не дожила до этого времени. Умирая, она поручила мнѣ Вѣру, просила имѣть попеченіе о ней меня и батюшку, но онъ также умеръ и одинъ я обязанъ теперь заботиться о ней. Я далъ себѣ обѣщаніе исполнить послѣднюю волю Зинаиды, но растроенное состояніе мое не позволило мнѣ обезпечить Вѣру, такъ-что я принужденъ былъ помѣстить ее къ Зеленцовымъ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно уже, она подвержена столькимъ непріятностямъ. Однако-же, до-тѣхъ-поръ, покаона будетъ жить такимъ-образомъ—участь ея не перемѣнится; слѣдовательно, надо подумать какъ-бы лучше ее пристроить, или говоря проще, выдать за-мужъ. Теперь, противъ всякаго ожиданія моего, — потому-что не смотря на необыкновенную красоту свою Вѣра все-таки дѣвушка бѣдная, а въ девятнадцатомъ вѣкѣ это порокъ непростительный, — теперь представился прекрасный случай освободить ее отъ труднаго званія гувернантки, и объ этомъ-то именно я и хотѣлъ поговорить съ вами. Нашелся женихъ богатый, имѣющій большое положеніе въ свѣтѣ, который проситъ руки ея. Что́ вы скажете на это? спросилъ онъ, перемѣнивъ вдругъ

голосъ, и перейдя отъ серьознаго къ шутливому, съ какимъ онъ обыкновенно изъяснялся съ Маврой Агаѳоновной.

Послѣдняя такъ поражена была неожиданнымъ извѣстіемъ, что въ первую минуту не нашлась, что́ отвѣчать, и устремивъ на Вольдемара огненные глаза, казалось, не понимала хорошенько, что̀ съ нею происходило.

— Что̀, какова моя новость? сказалъ опять Вольдемаръ, внутренно смѣясь надъ изумленіемъ старухи. Бьюсь объ закладъ, что вы не ожидали ничего подобнаго.

— Что и говорить! Велика ваша новость, отвѣчала Мавра Агаѳоновна, опомнившись. Не я–ли всегда говорила вамъ, что Вѣра выйдетъ за богача, и что такой невѣсты ищи хоть днемъ съ огнемъ, такъ все–таки не сыщешь? Однако, батюшка, сердитесь не сердитесь, а все-таки ваша новость въ сравненіи съ моею — ничто.

— Ка́къ? Вы все еще настаиваете? Полноте шутить, Мавра Агаѳоновна, ваше упорство никуда не годится. Признайтесь, что вы говорите это съ досады, что не вамъ пришлось объявить мнѣ ее, а на оборотъ, и потому–что вы любите разглашать все первыя?

— А вотъ увидимъ, продолжала рѣзко старуха: чья вышла правда. Что̀, когда онъ у васъ былъ, женихъ-то?

— Сегодня утромъ.

— Что̀–же онъ говорилъ вамъ?

— Обыкновенно, что́ говорятъ въ подобномъ случаѣ: что увидѣвъ Вѣру, онъ полюбилъ ее съ перваго взгляда, что не можетъ жить безъ нее, что не смотря на всѣ свои старанія заслужить расположеніе ея, онъ не могъ успѣть въ томъ, и что, предлагая ей руку, сердце и богатство, онъ не осмѣливается самъ сказать ей объ этомъ, но проситъ меня поговорить въ его пользу.

— Вотъ то-то и есть! Подивитесь, ка̀къ она ведетъ-то себя: живетъ въ постороннемъ домѣ, а ни одинъ мужчина подступиться къ ней не смѣетъ. Да еще не забудьте, что окружена-то она все чужими, и посовѣтовать ей даже не́кому. Родная моя! Не даромъ я такъ люблю ее! А вы еще вздумали говорить, что она не выйдетъ за-мужъ оттого, что бѣдна. Какъ–бы не такъ! Этакое сокровище съ руками оторвутъ! Небось, всякому лестно взять за себя, только-бы пошла. Тамъ вы что̀ себѣ ни говорите, а все-таки вышло по–мо̀ему. Что̀-же вы ему сказали?

— Я сказалъ, что постараюсь исполнить какъ можно лучше порученіе его и что заранѣе обѣщаю ему успѣхъ.

— А зачѣмъ вы ему сказали это? Вдругъ Вѣра не согласится выдти за него, что́ тогда?

— Вѣра должна согласиться, потому-что здравый разсудокъ этого требуетъ: продолжать жить въ гувернанткахъ у ней вѣрно нѣтъ охоты, а сверхъ-того, это партія выгодная, и въ ея положеніи выбирать не приходится.

— Не приходится? повторила съ сердцемъ Мавра Агаѳоновна. Позвольте-жъ узнать, отчего не приходится? Что̀ за напасть такая?

— Оттого не приходится, возразилъ Вольдемаръ, котораго забавляла ея запальчивость: что когда въ карманахъ пусто и даже не на что сдѣлать приданаго, такъ всякій женихъ находка, и не должно упускать его.

— Не должно упускать его! Всякій женихъ находка! говорила отрывисто старуха: ну ужъ, кажется, по-вашему–то не бывать, потому-что у Вѣры моей въ женихахъ не будетъ недостатка. Знайте-жъ, прибавила она торжествующимъ голосомъ: что у васъ былъ сегодня одинъ, а у меня было два!

Тутъ ужъ пришла очередь Вольдемара раскрыть глаза свои во всю ихъ величину, и устремить ихъ недовѣрчиво на Мавру Агаѳоновну, точно такъ, какъ за нѣсколько минутъ она устремила на него свои.

— Что̀? Чья новость лучше? Небось, вы и въ умѣ не держали этакой диковины?

— Да, признаюсь, вы немало удивили меня, отвѣчалъ съ сомнѣніемъ молодой человѣкъ. У бѣдной дѣвушки, содержащей себя трудами, три жениха вдругъ ... Это почти невѣроятно. Но скажите, Бога ради, кто̀ они и есть-ли у нихъ состояніе?

— А неужели-жъ вы думаете, что я отдамъ Вѣру за кого ни попало? И пріѣхала-бы я къ вамъ въ этакое ненастье по пустякамъ? Какъ бы не такъ! Нѣтъ, извините, меня изъ-за какой-нибудь бездѣлицы съ мѣста не сдвинешь. А про жениховъ я скажу вамъ, что на мой взглядъ оба молодцы, такіе тонные, что хоть куда. Одинъ штатскій, только нигдѣ не служитъ; я разумѣется, разспросила будетъ-ли у него столько, чтобъ содержать жену, и узнала, что у него пять сотъ душъ, а что отецъ даетъ ему три тысячи рублей въ годъ. Онъ одинъ только у него сынъ и есть, стало быть, какъ старикъ помретъ, такъ ему все оставитъ. И фамилію-то его узнала ... какъ бишь его ... Неме ... Неге ... Ну вотъ у Зеленцовыхъ-то часто бываетъ, модникъ такой, да прическа еще такая длинная, да косматая.

— Невегинъ? спросилъ съ изумленіемъ Вольдемаръ.

— Ну вотъ, онъ и есть.

— Не можетъ быть! Невегинъ извѣстенъ своимъ фанфаронствомъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ безпечныхъ франтовъ, которые никогда не думаютъ о женитьбѣ.

— Ей–Богу онъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойти. Я вѣдь ужъ хорошо запомнила, и въ этихъ случаяхъ никогда не ошибалась.

— Странно! Я тутъ ничего не понимаю: Невегинъ хочетъ женить ся! Кто̀–бы могъ подумать? повторялъ Вольдемаръ, не переставая удивляться. Невегинъ, который всегда смѣялся надъ этимъ. Ну, а другой кто̀?

— Другой какой-то драгунскій офицеръ, также съ порядочнымъ состояніемъ, и хорошей фамиліи. Я также узнала ее, чтобъ разсказать вамъ все подробно. Вотъ такъ на языкѣ и вертится ... дай Богъ память ... ну, да это все равно. Вы, вѣрно, также видывали его у Зеленцовыхъ; такой завитой да распомаженный, еще ногти такіе длинные, что хоть лодку пригребутъ.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Вольдемаръ, невольно засмѣявшись при этомъ сравненіи. И онъ также, скажите пожалуйста! Рѣшительно, не знаю вѣрить мнѣ вамъ, или нѣтъ; три жениха вдругъ у бѣдной дѣвушки! Это такая рѣдкость, такое чудо, какихъ нынче и не видано!

Мавра Агаѳоновна съ сожалѣніемъ посмотрѣла на него.

— Не всѣ–же такіе пустомели, какъ вы, сказала она: что женятся на деньгахъ, а тамъ хоть пропадай все остальное. Есть и добрые люди; я ужъ, признаться вамъ сказать, смерть не люблю вашу братью: все–то вы форсите, да за другими пялитесь, а какъ промотаетесь въ пухъ, такъ и берете за себя купчиху, или разбираете, что вотъ та не хороша, другая не хороша, а эта-бы и получше да денегъ мало. Добро-бы еще сами были маленько посмазливѣй; только что усы-то подсурмите, да въ мундиръ стянетесь, а одѣнь-ко васъ по штатскому, такъ не на что будетъ и поглядѣть.

— Послушайте, Мавра Агаѳоновна, сказалъ Вольдемаръ не перестававшій смѣяться въ продолженіе всей тирады, и котораго всегда потѣшалъ ея способъ выражаться: вѣдь вы говорите просто личности. Чѣмъ бранить меня, скажите лучше, какой отвѣтъ вы дали имъ?

— Какой–же я могла имъ отвѣтъ дать, не спросивъ напередъ Вѣру? Я вѣдь, батюшка, не то, что вы; этакъ не сбухну, что̀ только на умъ не придетъ, первому встрѣчному. Еще захочетъ-ли она, моя голубушка? Захочетъ—такъ ладно, а нѣтъ—такъ не зачѣмъ ее и приневоливать: не насильно-же къ вѣнцу тащить. Ну, а что-же вы про своего-то жениха ничего не говорите: кто̀ онъ таковъ? богатъ-ли? хорошъ-ли собой?

— Я думаю, что этотъ чуть-ли не лучше вашихъ, и еще обоихъ вмѣстѣ, и потому я счелъ нужнымъ обнадежить его. Онъ не такъ богатъ, но за то занимаетъ значительное мѣсто и имѣетъ пятнадцать тысячь жалованья.

— Ахъ, мои матушки! Неужели правда? Вотъ ужъ это въ-самомъ-дѣлѣ жечихъ, такъ женихъ! Просто мое почтенье! Ужъ и я скажу, что находка! восклицала Мавра Агаѳоновна, не помня себя отъ радости. За этакого хоть какая гордячка такъ пойдетъ, а если Вѣрѣ онъ даже и не приглянется, да я попрошу ее хорошенько подумать, такъ ужъ она вѣрно согласится. А какой-же у него чинъ, и какъ его зовутъ?

— Князь д'Эпервьé, повѣренный въ дѣлахъ французскаго посольства.

— Царица небесная! Пресвятая Богородица! Вотъ аказія-то! Да это не тотъ-ли повѣренный въ дѣлахъ, что часто ѣздитъ къ Зеленцовымъ? Еще я разъ шла къ Вѣрѣ, а онъ садился въ карету; кучеръ весь въ галунахъ, точно у посланника какого?

— Именно. Онъ давно уже ухаживаетъ за нею, а она, представьте себѣ, всегда избѣгаетъ его; я самъ это сколько разъ замѣчалъ. Эти молодыя дѣвушки ничего не понимаютъ; не всѣ впрочемъ: иныя понимаютъ слишкомъ много, но есть такія, которыхъ рѣшительно надо перевоспитать. Вотъ хоть-бы Вѣра на-примѣръ: другая на ея мѣстѣ старалась-бы напротивъ завлечь такого человѣка и быть благодарной за его расположеніе, а она порядочно, я думаю, не сказала съ нимъ двухъ словъ. По-мòему, такого жениха не должно упускать, тѣмъ болѣе, что она въ виду ничего не имѣетъ. Надо постараться уговорить ее, если она вздумаетъ отказать ему.

Мавра Агаѳоновна задумалась.

— Вы говорите правду, сказала она. Ужъ конечно, если выдавать ее, такъ выдавать за этого; хоть сначала она и не полюбитъ его, да потомъ привыкнетъ, онъ-же недуренъ собой. У Зеленцовыхъ ей не слѣдъ оставаться: эта генеральша, говорятъ, воплощенный дьяволъ, ужъ чего только она не терпитъ отъ нея, моя бѣдная? А генералъ ей также проходу не даетъ: такъ-таки какъ тѣнь все сзади и ходитъ; надо ее скорѣе вырвать изъ этого омута, а не то ее совсѣмъ тамъ съ ума сведутъ.

— Главное, тутъ надо дѣйствовать, не теряя времени, и ни подъ какимъ видомъ не успускать этого князя. Впрочемъ, Вѣра такъ разсудительна, что сама пойметъ всю необходимость этого брака; а между-тѣмъ имѣетъ также случай хорошенько проучить генеральшу, которая, узнавъ эту новость, непремѣнно захвораетъ желчью, потому-что всѣхъ троихъ,

и еще одного саксонскаго графа, милліонера, обладателя трехъ городовъ, и извѣстнаго красавца, прочила своей возлюбленной дочкѣ. Такимъ образомъ мы славно отомстимъ ей за обращеніе съ Вѣрой, которая отбила у этой куклы, Надины, всѣхъ жениховъ, не исключая даже графа, который впрочемъ никогда, кажется, ни о комъ и не думалъ, не смотря на то, что генеральша крѣпко мѣтила на его милліоны, прибавилъ Вольдемаръ сардонически улыбнувшись.

Старуха вздохнула и покачала головой.

— Знаете-ли что, Владиміръ Александрычъ, сказала она, помолчавъ: конечно, быть можетъ, я и ошибаюсь, только мнѣ кажется, что Вѣра неравнодушна къ этому графу. На дачѣ, какъ бывало заговорю я объ немъ, такъ она вся и вспыхнетъ и смѣшается; а какъ уѣхалъ-то онъ за границу, такъ она, моя сердечная и похудѣла и поблѣднѣла, и глаза-то часто заплаканы. А вѣдь сама виду никогда не подаетъ въ томъ, все сидитъ себѣ съ дѣтьми, либо одна одинехонька въ своей комнатѣ. Оттого-то мнѣ и кажется, что она не пойдетъ ни за одного изъ нашихъ жениховъ, хоть-бы онъ былъ разкнязь; да и графъ-то чуть-ли не наговорилъ ей чего? Мнѣ чудится, что между ними что-то было.

— На чемъ вы это основываете?

— А ваза-то? А цвѣты-то?

— Полноте; графъ такой человѣкъ, что не займется такими пустяками; это такой эгоистъ, который никогда, ни о комъ и ни о чемъ не думалъ, кромѣ развѣ того, какъ-бы удивить всѣхъ своими странностями. Ваза и букетъ служатъ тому доказательствомъ, потому-что я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ говорилъ съ Вѣрой, кромѣ послѣдняго раза, и то о вздорѣ.,. Сверхъ-того его нѣтъ тутъ, а если-бы даже онъ и былъ здѣсь, то неужели вы думаете, что онъ могъ-бы имѣть какіе либо виды на Вѣру?

— Его положеніе въ свѣтѣ такъ высоко, и онъ до того гордится имъ, что никогда не позволитъ себѣ даже замѣтить простую гувернантку. Слѣдовательно, нашъ долгъ уговорить ее и устроить эту свадьбу, какъ можно скорѣе.

— Я сегодня-же поѣду къ ней прямо отъ васъ, отвѣчала Мавра Агаѳоновна, убѣжденная вполнѣ этими доводами: и постараюсь всѣми силами, чтобъ она послушалась моего совѣта.

— Раньше завтрашняго дня, мы не можемъ приняться за это, сказалъ Вольдемаръ. Сегодня двадцать-второе число, рожденье генерала; у нихъ большой балъ, и Вѣра, по обыкновенію, занята всевозможными распоряженіями. Вечеромъ я увижу ее, и если улучу минуту, въ ко-

торую она будетъ свободна, то постараюсь поговорить съ ней, а вы отправитесь туда завтра утромъ.

— Я всегда говорила, что Вѣра моя сдѣлаетъ изумительную партію. Насилу-то я дождалась, что она будетъ княгиней.

Оба вмѣстѣ вышли изъ дому. Вольдемаръ сѣлъ въ карету, и отправился къ парикмахеру, стричься и завиваться къ предстоящему балу, а старуха поплелась по грязному тротуару, къ одной изъ ріятельницъ, живущихъ по сосѣдству, чтобъ отвести у ней душу кофеемъ, и разсказать ей по секрету свою радость.

ГЛАВА III.

БАЛЪ.

Въ этотъ самый день большія приготовленія происходили въ домѣ Зеленцовыхъ. Съ утра еще вся прислуга поднята была на ноги и хлопотала неутомимо во всѣхъ комнатахъ, назначенныхъ для танцевъ, для музыки, для буфета, для карточныхъ столовъ; всѣ безъ исключенія были заняты: одни снимали съ мебели чахлы, которыми она была еще покрыта, другіе вставляли свѣчи въ люстры и канделабры, третьи наполняли масломъ карсельскія лампы, четвертые раставляли цвѣты по угламъ, по окнамъ въ амбразурахъ и на лѣстницѣ, пятые перетирали хрусталь и серебро—словомъ, всѣ хлопотали безъ отдыха, не исключая даже, во-первыхъ, генеральши, которая все утро провела въ примѣриваніи наколокъ, утверждая, что ни одна изъ нихъ ей не къ лицу и что всѣ онѣ не довольно нарядны; во-вторыхъ, Надины, у которой точно таже исторія происходила съ платьемъ, которое, по словамъ ея, никуда не годилось. Оно было принесено къ ней портнихой съ десятаго часа, и было розовое атласное съ бѣлыми цвѣтами; но когда она примѣрила его, то оказалось, что лифъ слишкомъ широкъ въ таліи, а бѣлые цвѣты совсѣмъ не идутъ къ смуглой ея кожѣ, въ слѣдствіе чего портниху усадили перешивать платье, а горничная отправлена была къ цвѣточницѣ, съ порученіемъ привезти немедленно другихъ цвѣтовъ, состоящихъ преимущественно изъ зелени, или изъ какихъ-нибудь плодовъ, только чтобъ бѣлаго не было въ нихъ ни одного бутона. Надина такъ разсердилась на неудачу съ платьемъ, что съ ней чуть не сдѣлался истерическій припадокъ; послѣ-же болѣзни своей, она сдѣлалась чрез-

вычайно раздражительна, и каждый вздоръ выводилъ ее изъ себя. Что-же касается до нарядовъ, то въ этомъ отношеніи она была вся въ маменьку свою, и не смотря на то, что въ этотъ вечеръ совсѣмъ не намѣревалась танцовать, потому–что лишній моціонъ сй былъ еще запрещенъ, она разсудила что должна–же превзойти въ чемъ–нибудь другихъ, и если превзойти, такъ ужъ конечно нарядомъ. Способъ-же былъ вѣрный и легкій; но, какъ нарочно, платье не удалось, а въ широкій лифъ кому есть охота одѣть себя, чтобъ изуродовать на–время талію? Такого плятья другая дѣвушка не наденетъ; она готова скорѣй лишить себѣ всякаго удовольствія, чѣмъ показаться въ немъ кому–либо.

Часу въ шестомъ, около сумерекъ, когда во внутреннія комнаты поданы были свѣчи, Вѣра хлопотала въ своей, раскладывая фрукты и конфеты. Нсредъ нею стояло нѣсколько горокъ и подносовъ, которые она наполняла то тѣмъ то другимъ, безпрестанно отталкивая въ сторону пустые пакеты и корзины. На кушеткѣ лежало голубое креповое платье, очень свѣтлое и воздушное, на голубомъ–же шелковомъ чахлѣ. На немъ не было никакихъ украшеній, кромѣ одного тюника и небольшаго букета ландышей, приколотаго къ широкой драпировкѣ лифа. Оно было принесено сюда также рано, какъ и платье Надины, но Вѣра не имѣла времени взглянуть на него: она спѣшила управиться съ многочисленными дѣлами своими, чтобъ въ девять часовъ начать одѣваться, потому–что должна была быть готова раньше всѣхъ, и потомъ удостовѣриться вездѣ–ли все въ порядкѣ. Когда всѣ подносы и горки были наполнены, Вѣра позвонила горничную свою и, приказавъ ей убрать корзины, а прочія вещи отнести въ буфетъ, сказала, чтобъ она пришла потомъ чесать ей голову; сама-же, умывъ холодною водою разгорѣвшееся отъ безпрестаннаго движенія и заботъ лицо свое, придвинула къ зеркалу стулъ, и накинувъ на плечи бѣлый кембриковый пеньуаръ, сѣла передъ зеркаломъ, въ ожиданіи горничной, которая вскорѣ возвратилась.

— Какъ прикажете убрать волосы? спросила послѣдняя, распустивъ длинную косу ея, которая распались по плечамъ дѣвушки, почти до полу.

— Какъ хочешь, Лиза, отвѣчала Вѣра раскрывъ книгу, которою вооружилась, чтобы читать въ продолженіе своего туалета. Ты мастерица чесать, и всѣ твои прически бываютъ къ лицу.

— Немудрено, сударыня, вы такія хорошенькія. На васъ надѣть хоть рогожку, къ вамъ и та пойдетъ.

— Лиза, ты знаешь, что я не люблю, когда ты говоришь мнѣ это.

Причеши меня попроще, и подбери волосы повыше, чтобы не было жарко.

Лиза изъявила готовность свою стараться угодить *доброй барышнѣ*, и не возражая болѣе ни слова, принялась проворно дѣйствовать гребенкой, между-тѣмъ какъ Вѣра устремила глаза въ книгу, которую увы! не имѣла времени читать часто. Черезъ нѣсколько минутъ голова ея была готова; Лиза зачесала ей передніе волосы назадъ à la Valois, какъ говорятъ неутомимые послѣдователи модныхъ журналовъ, и эта прическа, образовавшая вокругъ лица ея нѣчто въ родѣ полей, прическа, производившая въ настоящее время фуроръ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ, но которая идетъ къ весьма немногимъ, напротивъ до такой степени увеличивала античную красоту лица ея, что Лиза не переставала испускать различныя восклицанія на всевозможные тоны. Вѣра встала, положила книгу и начала одѣваться. Окончательный туалетъ ея продолжался не болѣе получаса; голубое креповое платье, которое она не успѣла еще примѣрить, сидѣло на ней такъ ловко и граціозно; нѣжный, точно незабудка, цвѣтъ его такъ поразительно согласовался съ ослѣпительною бѣлизною ея плечъ, шеи и рукъ; букетъ ландышей съ дрожащими на тонкихъ стебляхъ цвѣтами такъ неоспоримо возвышалъ эту необыкновенную бѣлизну, такъ превосходно сливался съ нею, что Вѣру можно было-бы принять за водяную нимфу, еслибъ блескъ большихъ черныхъ глазъ ея не составлялъ такого страннаго, но чуднаго контраста съ ея бѣлокурою головкой, и вообще со всей ея фигурой, тонкой, стройной и невыразимо увлекательной, но томной и воздухообразной, столь свойственной блондинкамъ. Она бросила бѣглый взглядъ въ зеркало, взяла бѣлыя перчатки и, ласково кивнувъ горничной за исправность ея, пошла сдѣлать послѣднія распоряженія.

— Вотъ ужъ милая-то барышня, сказала Лиза, глядя ей вслѣдъ и разсуждая сама съ собою: что ни сдѣлай ей, все ладно; не то, что наша Надежда Львовна: та вся стала въ мать. Давича Аннушку разбранила за то, что она не скоро подала ей капотъ, да еще чуть по рожѣ не съѣздила, а эта слова худаго ни кому не скажетъ. Дай Богъ ей хорошаго жениха.

И прибравъ старательно все лишнее, она отправилась въ дѣвичью, чтобъ принарядиться получше, и подговорить всю братью свою смотрѣть потомъ въ щелку.

Въ это самое время двѣ горничныхъ суетились въ комнатѣ Надины, которая начала наряжаться съ седьмаго часа. На черныхъ волосахъ ея, причесанныхъ ловкимъ французомъ со всевозможнымъ кокетствомъ, покоилась широкая гирлянда изъ плюща, покрытаго росою.

Розовое атласное платье ея, обшитое тремя кружевными воланами, приподнятыми съ обѣихъ сторонъ большими вѣнками зелени, и такая-же берта, на которую падали напереди три нитки жемчуга съ брилліантовымъ фермуаромъ, модныя серьги пуговицами, въ которыхъ блестѣли два огромныхъ солитера, и множество браслетовъ, украшавшихъ руки почти до локтя, все это вмѣстѣ составляло костюмъ великолѣпный. Но Надинѣ онъ пришелся все-таки не по вкусу. Она была не въ духѣ и безпрестанно нападала на горничныхъ, хлопотавшихъ около нее до пота лица, и увѣряла, что никогда еще не была одѣта такъ дурно.

Два канделабра горѣли передъ трюмо, около котораго она стояла; два такіе-же были поставлены на полъ, чтобъ она удобнѣе могла видѣть низъ платья, и Надина, держа въ рукѣ круглое зеркало, оправленное въ серебрѣ, и съ такою-же ручкой, вертѣлась и становилась во всѣ позы, оглядывая себя кругомъ; наконецъ, послѣ безсчетныхъ выговоровъ и неудовольствій, напрыскала духами вышитый платокъ и, взявъ въ руки букетъ живыхъ цвѣтовъ, вышла изъ своей комнаты.

Проходя черезъ столовую въ длинную анфиладу покоевъ, освѣщенныхъ уже множествомъ огней, она встрѣтилась съ Вѣрой, которая шла въ буфетъ. Обѣ столкнулись у самаго зеркала, и Надина, не будучи въ состояніи пройти мимо безъ того, чтобы, по обыкновенію, не взглянуть въ него, увидѣла въ немъ себя, въ своемъ пышномъ уборѣ, блиставшемъ кружевами, цвѣтами и каменьями, но съ блѣднымъ, изнуреннымъ отъ недавней болѣзни лицомъ, и съ мутными глазами; и когда взоръ ея упалъ на приближавшуюся Вѣру, свѣжую, прекрасную, но одѣтую съ строгою простотой — потому-что даже въ волосахъ ея не было ни одного цвѣточка — когда она сравнила себя съ нею, то увидѣла, что возлѣ этой дѣвушки, одаренной всѣми совершенствами природы, она сама есть ничто иное какъ призракъ, грустный, мрачный и изнеможенный, который въ богатомъ нарядѣ ея былъ еще болѣе разителенъ, то крикъ негодованія невольно вырвался изъ груди ея.

Вѣра посторонилась, чтобъ дать ей пройти и самой идти далѣе, но Надина, остановивъ ее повелительнымъ жестомъ и заслонивъ ей дорогу, спросила дрожавшимъ отъ гнѣва, изумленія и досады голосомъ:

— Кто шилъ ваше платье?

— Не могу отвѣчать вамъ положительно, сказала дѣвушка, оглядывая ее въ свою очередь съ любопытствомъ: мнѣ рекомендовали эту портниху какъ самую дешевую, и я не знаю даже ея имени.

— Право! вскричала Надина съ горькою усмѣшкой. Однакоже довольно странно, отдавать свое платье, не зная кому. Но я совсѣмъ не

такъ легковѣрна, чтобы повѣрить такой небылицѣ; вы не хотите, чтобъ кто-нибудь узналъ эту тайну, изъ опасенія, чтобъ другіе не вздумали воспользоваться ею? Успокойтесь, она передъ вами!

И обернувшись къ ней спиною, окинувъ ее съ ногъ до головы взглядомъ полнымъ ненависти, она пошла назадъ.

— Боже мой! За что она такъ сердится на меня? подумала Вѣра, нѣсколько озадаченная этою выходкой. За что она такъ не любитъ меня? Впрочемъ, я здѣсь чужая, меня никто не любитъ!

И вздохнувъ глубоко и протяжно, она тихо удалилась.

Гости стали съѣзжаться часу въ одинадцатомъ. Оркестръ давно уже дожидался въ смежной съ заломъ комнатѣ и приготовлялся, по первому знаку, начать бальную музыку.

Генеральша была въ синемъ бархатномъ платьѣ и въ бѣлой газовой наколкѣ съ золотымъ овсомъ. Руки и шея ея были, такъ сказать, скованы бриллiантами, которые горѣли на ней такъ ослѣпительно, что больно было глазамъ. Она и Надина встрѣчали поочередно безпрестанно входившихъ дамъ и кавалеровъ; генералъ также суетился, усаживая мужчинъ за карты. Танцы вскорѣ начались. Chargé d'affaires подошелъ къ Надинѣ, которая, какъ хозяйка, должна была первая подать примѣръ, но кромѣ кадрилей ей запрещено было танцовать все прочее, и она учтиво поблагодарила его. Князь д'Эпервьѐ отошелъ отъ нея, ища глазами Вѣру, но та, предвидя эту честь и опасаясь подвергнуться снова какой-нибудь непріятности, скрылась въ эту минуту, и не показывалась дотѣхъ-поръ, пока пары одна за другой не замелькали въ центрѣ залы. Chargé d'affaires, досадуя на неудачу свою, но все-таки не отчаяваясь, воткнулъ въ глазъ лорнетъ и отправился искать ее по всѣмъ комнатамъ. Но Вѣры не оказалось на лицо. Проискавъ ее безуспѣшно въ продолженіе всего вальса, онъ возвратился снова въ залу, когда музыка уже умолкла, и наконецъ увидѣлъ ее, сидящую съ двумя лицами, которыхъ она занимала разговоромъ. Онъ поспѣшно подошелъ къ ней, и послѣ нѣсколькихъ фразъ, которыми не успѣлъ еще обмѣняться съ нею, спросилъ почтительно:

— Me fairez l'honneur de la première contredanse?

— Avec plaisir, Monsieur, отвѣчала Вѣра, слегка склонивъ свой граціозный корпусъ.

— Merçi, Mademoiselle, сказалъ д'Эпервьѐ, и удалился съ этими словами. Но отойдя отъ нея, онъ сталъ на такомъ мѣстѣ, откуда могъ удобно видѣть ее, не будучи однакоже замѣченъ ею, потому-что его скрывала толпа мужчинъ. Взоръ его устремился на Вѣру и, казалось, наслаждался неизмѣнной ясностью ея черныхъ глазъ, которые бѣгло

скользили вокругъ залы и неподдѣльно восхищались находившимся передъ нею зрѣлищемъ; но князь замѣтилъ, что по временамъ облако печали смѣняло на мгновенье любопытство, изображавшееся на этихъ античныхъ чертахъ, но тотчасъ-же исчезало, и всегдашнее спокойствіе ихъ снова появлялось, только какъ-то нѐ-хотя и съ замѣтнымъ усиліемъ. Однакожъ онъ не обратилъ на это вниманія и занятый исключительно мыслью о предстоящемъ кадрилѣ, который на нѣсколько минутъ долженъ былъ сблизить его съ нею, онъ дожидался съ нетерпѣніемъ сигнала, и внутренно поздравлялъ себя съ давно желаннымъ удовольствіемъ. Онъ видѣлъ, какъ кавалеры безпрестанно подходили къ ней одинъ за другимъ, приглашая ее на слѣдующіе контрдансы; какъ она мило и просто благодарила ихъ, наклоняя каждый разъ свою прекрасную, греческую головку. Въ числѣ ихъ само собою разумѣется, находились драгунъ и Невегинъ, которые приблизились къ ней изъ первыхъ. Оба отошли отъ нее съ довольною миной и также помѣстились недалеко отъ князя, не спуская глазъ съ очаровательной дѣвушки. Каждый изъ нихъ утопалъ въ блаженствѣ и всѣ трое думали слѣдующее:

— Не долго уже мнѣ быть съ нею въ этихъ холодныхъ отношеніяхъ; быть можетъ, завтра-же я буду ея женихомъ, а мѣсяцъ спустя у меня будетъ жена, первѣйшая красавица, не только въ Петербургѣ, но даже въ цѣлой Европѣ.

Покамѣстъ они мечтали такимъ-образомъ, раздались звуки оркестра, и chargé d'affaires, которому судьба благопріятствовала болѣе другихъ, снова подошелъ къ Вѣрѣ и подалъ ей руку. Дѣвушка встала, и молча послѣдовала за нимъ на середину залы, гдѣ становились уже прочія пары. Минуту спустя, кадриль начался къ неописанному счастію молоденькихъ дѣвушекъ, которыя сгорали отъ нетерпѣнія, воспользоваться скорѣе случаемъ потанцовать.

— Какъ мила ваша гувернантка, сказала какая-то пожилая дама, сидѣвшая возлѣ генеральши и внимательно глядѣвшая на танцующихъ.

— Это единственное изъ ея достоинствъ, отвѣчала Зеленцова, сдѣлавъ презрительную мину: она очень занята собою и мало занимается дѣтьми, такъ-что если это продолжится, то я принуждена буду отпустить ее.

— Скажите, пожалуйста, какъ это непріятно. Кто́-бы могъ подумать, что она такого дурнаго характера? Однакожъ удивительно, что, при всей молодости своей, она такъ хорошо умѣетъ скрыть свои недостатки. Посмотрите, какъ прилично и степенно она держитъ себя и съ какимъ уваженіемъ разговариваетъ съ нею князь. Можно подумать, что передъ нимъ стоитъ какая-нибудь графиня.

— Это оттого, что она величайшая кокетка, и вообразите, что этотъ дурной примѣръ такъ сильно подѣйствовалъ на старшую дочь мою, что я рѣшительно не узнала ее. Вѣра съ своими претензіями начинаетъ надоѣдать мнѣ; надо будетъ отдѣлаться отъ нея.

И улыбнувшись съ пренебреженіемъ, точно будто-бы дѣло шло о какой-нибудь служанкѣ, генеральша заговорила о другомъ.

Въ это самое время, на противоположномъ концѣ зала, происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Посмотри-ко, братецъ, говорилъ смуглый гусарскій офицеръ, обращаясь къ стоявшему тутъ-же улану: посмотри, что за талія у ней! Честное слово, я подобной не видывалъ.

— А каковы плечи? замѣтилъ уланъ, покручивая старательно усы, выставивъ одну ногу впередъ и глядя въ ту сторону, куда указывалъ ему товарищъ. Каковъ бюстъ, какова ножка, которая выглядываетъ изъ-подъ голубаго платья, и которую удобно можно спрятать въ ладони?

— Дай только имъ кончить, я ужъ такъ и быть, хоть не танцую, а слѣдующій кадриль рискну съ нею.

— Ты только истратишь напрасный трудъ; я было самъ пытался попробовать счастья, да не успѣлъ: всѣ вакансіи уже заняты.

— Неужели? Вотъ досадно! Знаешь-ли, братецъ: еслибъ у ней было хоть сколько-нибудь прилагательнаго, я-бы въ состояніи былъ влюбиться въ нее.

— И тутъ опоздалъ. Носятся слухи, что нѣтъ человѣка, который не былъ бы влюбленъ въ нее, и признаюсь тебѣ, я этому вѣрю. Да вотъ, для примѣра, посмотри только на князя, и взгляни какъ онъ увивается около нее.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Я даже слышалъ стороною, будто-бы онъ хочетъ жениться на ней. Однакожъ я, признаться тебѣ, не вѣрю этому.

— Отчего?

— Оттого, что все-таки она гувернантка и безъ всякаго состоянія, а онъ князь, и еще служитъ при французскомъ посольствѣ. Это вѣдь не бездѣлица.

— Оно отчасти справедливо, замѣтилъ гусаръ: только не удивляйся, пожалуйста, если скажу тебѣ, что на мѣстѣ д'Эпервьѣ я поступилъ-бы точно такъ же.

— Пожалуй, для рѣдкости и я-бы не прочь, подхватилъ уланъ, прищурившись, и тономъ вполнѣ убѣжденнымъ въ справедливости сужденія.

Мы передали только то, что говорилось около двухъ противоположныхъ стѣнъ на триповомъ диванѣ и въ толпѣ зрителей; теперь считаемъ долгомъ передать также то, что происходило около оконъ, и около за-

навѣшенной портьерой двери, выходившей въ проходную комнату смежную съ буфетомъ.

— Я удивляюсь, какъ m-me Зеленцова позволяетъ гувернанткѣ своей танцовать, сказала молодая дама въ розовомъ вѣнкѣ сосѣдкѣ своей, необыкновенно надушенной пачулей: посмотрите, какую роль она разыгрываетъ, и какое вниманіе обращаетъ на себя. Это ни на что не похоже!

— Не говорите. Я сама всегда удивляюсь этому, и не понимаю, какъ позволяютъ ей принимать участіе въ такомъ избранномъ обществѣ. Дѣйствительно, ей слишкомъ много дано воли, а она употребляетъ ее во зло.

— Она не должна забывать, что она ничто иное какъ гувернантка, и что никогда не должна мѣшаться туда, гдѣ ей совсѣмъ не мѣсто, продолжала неумолимо дама въ розовомъ вѣнкѣ. Передъ началомъ этого кадриля, я сидѣла недалеко отъ нее, и просто вышла изъ терпѣнія, слушая безпрестанныя приглашенія на слѣдующіе танцы, которые не переставали ей дѣлать всѣ, одинъ передъ другимъ.

— А она что-же?

— Она принимала ихъ съ такимъ достоинствомъ или отказывала съ такимъ величіемъ, что мнѣ даже стало досадно. И какъ смѣть такъ забываться?

— Что-жъ тутъ удивительнаго? возразила сосѣдка: эти люди никогда не пропустятъ случая выказать себя съ эффектомъ, при первой возможности, а какъ придется получить отказъ отъ мѣста, гдѣ они столько важничаютъ, такъ куда дѣнется вся спѣсь? Тогда по неволѣ присмирѣютъ.

Прямо противъ двухъ собесѣдницъ, принимавшихъ столь сильное участіе, или лучше сказать такъ жестоко нападавшихъ на Вѣру, за упомянутой дверью, не совсѣмъ плотно затворенной и образовавшей въ серединѣ довольно большую щель, въ которую если вглядѣлся-бы кто-нибудь хорошенько, то замѣтилъ-бы въ ней несчетное число глазъ, за этой дверью можно было услышать не менѣе любопытное совѣщаніе, происходившее впрочемъ почти шопотомъ.

— Гляди-тко, Ивановна, говорила Лиза прачкѣ, также явившейся сюда со всѣмъ причетомъ женскаго пола, принадлежащимъ къ комнатамъ и такъ далѣе: гляди-тко, какъ наша-то мамзель отличается! Такъ и летаетъ себѣ какъ ласточка; просто, любо посмотрѣть.

— Ништо, возразила прачка, присѣвъ на корточки, чтобъ ей лучше было видно, и чуть не прищемивъ себѣ носъ, потому-что стоявшая возлѣ нея Аннушка, толкнула нечаянно дверь, которая почти захлопну-

лась, такъ-что еслибъ Лиза, которая замѣтила къ счастью эту неловкость, не успѣла отдернуть ее во-время, то любопытная прачка, безъ сомѣнія, лишилась-бы центральной части своего лица.

— А что, вѣдь надо правду сказать, подхватила дородная Марья Андреевна, главная горничная генеральши: хоть здѣсь и много господъ набралось, и ужъ есть на кого посмотрѣть, а все-таки наша Вѣра Михайловна изъ всѣхъ лучше. Вишь, зала-то полнымъ-полнехонька; сколько барынь, сколько барышень, а этакой складной ни одной нѣтъ.

— За то сама-то ее и не любитъ, сказала опять Лиза, неугомонная болтунья, и страстная любительница выводить заключенія: такъ вотъ и наровитъ, какъ-бы сдѣлать ей все напротивъ; я ужъ сколько примѣчаю; какъ-бы вы думали, ни разу вѣдь не слыхала, чтобы она сказала ей что нибудь порядкомъ, все ворчитъ, да бранится; она хоть-бы слово когда-нибудь въ отвѣтъ ей сказала; такъ нѣтъ вишь, выслушаетъ себѣ все до-чиста, да потомъ и пойдетъ прочь, не пикнувъ ни разу. А самой-то то и на руку, она-же охотница у насъ браниться. Небось, другая-бы такъ славно отпѣла ей, да такого форсу задала, что та не стала-бы этакъ павлиниться, и пріутихла-бы какъ-разъ, нужды нѣтъ что генеральша. А наша-та мамзель и не умѣетъ прикрикнуть на нее, али не хочетъ что-ли — кто ее знаетъ? Только, не повѣришь, какъ жаль мнѣ ее бѣдняжку, когда наша-то примется нападать на нее; такъ вотъ сердце и ноетъ: сиротка вѣдь, и вступиться-то за нее некому. Ужъ она-ли, кажись, не угождаетъ ей, анъ все-таки не потрафитъ. Сама, знай себѣ точитъ ее.

— Да какъ-же ей не точить ее? отвѣчала Марья Андреевна. посуди сама; вѣдь Вѣра-то Михайловна у нашей барышни всѣхъ жениховъ отбила. Шутка-ли, сколько ихъ было у ней; то и ждали, что просватаютъ за котораго-нибудь, а теперь, поди-тко, и глядѣть на нее не хотятъ.

— Ну ужъ этакой причудницѣ не дай Богъ хорожему человѣку Попасться; она его, чего добраго, уморитъ еще своими капризами, замѣтила утвердительнымъ тономъ Лиза. Вотъ Вѣра Михайловна такъ другое дѣло; ужъ кабы къ ней присватался кто-нибудь, такъ я-бы сейчасъ за нею въ приданое пошла, ни за что-бы здѣсь не осталась, хоть насули мнѣ золотыя горы. Только вѣдь и живу-то для нее; а ужъ еслибы мнѣ пришлось ходить за самой, либо за Надеждой Львовной, такъ ужъ вотъ ей-ей, не осталась бы здѣсь и минуты.

— Полно тебѣ пустяки-то молоть, возразила Ивановна, толкнувъ ее локтемъ. Посмотри лучше, какъ ее черномазой-то ведетъ подъ руку?

Кто онъ такой? французъ что-ли, я ужъ и позабыла; вишь какъ около ее увивается. А что, вѣдь парочка-то хоть куда!

Въ-самомъ-дѣлѣ кадриль въ это время кончился, и chargé d'affaires, приведя Вѣру на мѣсто, не безъ сожалѣнія разстался съ нею, поблагодаривъ ее, однакоже, со всѣми знаками глубокаго уваженія.

Вскорѣ послѣ него, настала очередь Невегина, который спѣшилъ воспользоваться ею съ одинаковымъ рвеніемъ.

Стоя въ дверяхъ между прочими зрителями, Вольдемаръ прилежно наблюдалъ за Вѣрой, и старался разгадать, въ чью пользу долженъ онъ возвратить голосъ свой. Но всѣ его попытки узнать что-нибудь остались тщетны, потому-что дѣвушка была со всѣми одинаково учтива; но совершенная холодность и равнодушіе постоянно царствовали во всѣхъ ея движеніяхъ. Итакъ Вольдемаръ остался при первомъ мнѣніи своемъ, то-есть, что объявивъ ей о предложеніи троихъ претендентовъ, онъ постарается склонить ее на сторону chargé d'affaires, который во всѣхъ отношеніяхъ можетъ соперничать съ прочими. Съ этимъ намѣреніемъ, онъ выждалъ минуту, въ которую она была одна, или лучше сказать вышла въ другую комнату, чтобы немного прохладиться, и проскользнувъ незамѣтно вслѣдъ за нею, объявилъ, что желаетъ сказать ей нѣсколько словъ безъ свидѣтелей.

Вѣра, немного удивленная озабоченнымъ видомъ его, и желавшая удовлетворить его просьбѣ, потому-что всегда была откровенна съ нимъ и знала какое участіе онъ принимаетъ въ ней, отвѣчала однакоже, что въ настоящее время не можетъ исполнить его желаніе, и на вопросительный взглядъ Вольдемаръ, прибавила указывая взоромъ вокругъ себя, что теперь невозможно избѣжать свидѣтелей, и что кромѣ того Зеленцова хватится ее.

Дѣйствительно такъ и случилось: только что она успѣла сказать это, какъ вошла генеральша, и отыскавъ ее глазами, сказала съ недовольнымъ видомъ:

— Que faites-vous donc ici? Faites servir les raffaichissements; да смотрите, чтобы поторопились.

Она вышла съ этими словами.

— Вы видите, сказала Вѣра: что я не могу располагать собою. Пріѣзжайте завтра утромъ; въ воскресенье я свободна, а генеральши не будетъ дома.

И кивнувъ ему головкой, она поспѣшно удалилась.

Вольдемаръ возвратился въ залу, проклиная въ душѣ своей генеральшу, которая преспокойно усѣлась любезничать съ двумя почтенными стариками. Было невыносимо жарко; шумный говоръ перелеталъ отъ

одного конца до другаго и походилъ на жужжаніе милліона пчелъ, когда онѣ хлопочутъ около ульевъ. Дѣвицы парами расхаживали взадъ и впередъ, обмахиваясь вѣеромъ или букетомъ и разсуждая между собою обо всякомъ вздорѣ, иногда подсмѣивались надъ какимъ-нибудь нарядомъ, въ которомъ проглядывало слишкомъ много претензій. Мужчины, собравшись въ нѣсколько кружковъ, толковали объ оперѣ, которая вскорѣ должна была начаться, потому-что зимній сезонъ приближался гигантскими шагами.

Вдругъ говоръ замолкъ и всѣ взоры съ удивленіемъ обратились къ главному выходу залы, въ которомъ показался никто иной, какъ графъ фонъ-Штейнбургъ, котораго всѣ считали отсутствующимъ и даже вовсе не предполагали, что онъ когда-либо вернется сюда. За нимъ слѣдовалъ молодой человѣкъ, лѣтъ пятнадцати, одѣтый въ красный мундиръ съ гербовыми пуговицами, въ высокіе ботфорты, досягавшіе напереди немного выше колѣнъ, которыя обтягивала бѣлая замша; къ таліи его была прицѣплена, золотою тесьмой, небольшая шпага, съ особеннаго фасона рукоятью; на правомъ плечѣ его, въ видѣ эполета, красовалась массивная золотая бляха, на которой изображенъ былъ эмалевый гербъ графа. Молодой человѣкъ этотъ, или лучше сказать, мальчикъ, былъ бѣлокурый, небольшаго роста, съ смѣлымъ и открытымъ лицомъ; въ рукѣ держалъ онъ трех-угольную шляпу, окоймленную бѣлымъ плюмажемъ. Войдя въ залу, онъ остановился около двери, между-тѣмъ какъ графъ, едва успѣвая отвѣчать на щедрые поклоны и привѣтствія, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ, отправился отыскивать хозяйку.

Штейнбургъ былъ въ бальномъ костюмѣ, весь въ черномъ, въ лакированныхъ ботинкакъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Увидя его, Зеленцова не знала, вѣрить-ли ей глазамъ своимъ? Она встала, чтобы встрѣтить его, и не могла удержаться отъ восклицанія:

— Боже мой! вотъ нечаянность! Какими судьбами, графъ, вы очутились здѣсь въ эту пору?

— Вы не ждали меня? спросилъ Штейнбургъ, не отвѣчая на вопросъ ея: но... сегодня, кажется, рожденіе генерала, и я хотѣлъ поздравить васъ.

— Такъ *только* для этого вы и явились въ Петербургъ! вскричала генеральша, внѣ себя отъ изумленія. Полноте, хотя я знаю, что вы способны на такой поступокъ, потому-что странности ваши превышаютъ все на свѣтѣ и не имѣютъ рѣшительно никакихъ границъ; однако, сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ для такихъ пустяковъ — это вѣдь невѣроятно.

— Есть еще одна причина, побудившая меня къ этому вояжу, возразилъ графъ, двусмысленно улыбнувшись: но вы узнаете ее послѣ. Quant à présent, je suis charmé de me trouver ici, et permettez-moi de vous assurer, qu'en ce moment j'aurais eu tort de regretter les murs du château de Steinbourg, прибавилъ онъ съ своею неизмѣнной вѣжливостью и указывая взоромъ на богатую залу и на изящные уборы дамъ, которые, при безчисленныхъ огняхъ, казались еще великолѣпнѣе.

— Какова-бы ни была эта причина, я все-таки благословляю ее, сказала, смѣясь, Зеленцова: потому-что она доставляетъ намъ удовольствіе видѣть васъ. Et je vous remercie infiniment, de ne pas avoir oublié une maison, où vous êtes toujours le bienvenu.

Графъ молча поклонился, а она, подойдя къ дивану, снова сѣла, и указывая ему на пустое возлѣ себя мѣсто, спросила:

— Давно вы пріѣхали?

— Вчера' вечеромъ.

— Вы шутите! Это невозможно.

— Отчего вы такъ думаете?

— Оттого, что еслибъ это было дѣйствительно такъ, то вы не подумали-бы явиться сегодня на балъ, потому-что надо имѣть желѣзное здоровье, чтобы послѣ такой дальней дороги пользоваться отдыхомъ одни только сутки.

— Желѣзное здоровье? повторилъ графъ вопросительно: не скажу этого. Желѣзную волю — съ этимъ я согласенъ; вамъ извѣстно, что я постоянно руководствуюсь ею, и потому, не смотря ни на что, первый визитъ мой принадлежитъ вамъ.

— Вы, кажется, имѣли намѣреніе отправиться въ Штейнбургъ, сказала генеральша, не постигавшая, что-бы значила эта излишняя учтивость. Неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ были тамъ?

— Былъ, отвѣчалъ графъ.

— Не вѣрю.

— Décidement j'ai du malheur aujourd'hui, сказалъ онъ: каждое слово мое подвержено сомнѣнію. Позвольте-же узнать, по-крайней-мѣрѣ, отчего вы не хотите вѣрить мнѣ?

— Оттого, что это довольно трудно: вы уѣхали отсюда двадцать-восьмаго августа, а сегодня у насъ только двадцать-второе сентября; съ-тѣхъ-поръ не прошло еще и мѣсяца.

— Время, отвѣчалъ небрежно Штейнбургъ, вещь такая ничтожная, что на него должно обращать вниманія меньше, чѣмъ на все прочее. Но случается, что иногда оно бываетъ дорого, и тогда должно умѣть пользоваться имъ. На этотъ разъ, со мною случилась та-же самая

крайность, и потому я употребилъ на поѣздку мою всего двадцать четыре дня, то-есть ѣхалъ, не останавливаясь безъ необходимости ни днемъ, ни ночью; въ замкѣ я пробылъ не болѣе восьми часовъ, послѣ чего тотчасъ-же пустился въ обратный путь, точно тѣмъ-же порядкомъ, и теперь, какъ видите, я къ вашимъ услугамъ.

— О, въ такомъ случаѣ, вы подстрекаете мое любопытство, отвѣчала Зеленцова. Нельзя-ли узнать знать причину столь необыкновенной быстроты?

— Пока это моя тайна, но со временемъ, какъ я уже имѣлъ удовольствіе говорить вамъ, вы, конечно, узнаете.

— Браво! сказала засмѣявшись генеральша. Какова загадка, господа? продолжала она, обращаясь къ гостямъ, которыхъ неожиданное появленіе графа привлекло во множествѣ на эту сторону и которые окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Какова загадка? Его сіятельство графъ фонъ-Штейнбургъ фонъ-Шенгаузъ, отправляется на самый югъ Саксоніи, куда прибываетъ въ двѣнадцать дней; въ родовомъ замкѣ предковъ своихъ, послѣ годовой отлучки, проводитъ восемь часовъ и, наконецъ, является снова сюда въ двѣнадцать-же дней, увѣряя, что желалъ поздравить мужа моего со днемъ его рожденія. Какъ вамъ это покажется?

Всѣ засмѣялись.

— Графъ, конечно, выдумалъ этотъ предлогъ, но очень можетъ быть, что онъ хотѣлъ удивить насъ, сказалъ одинъ изъ стариковъ. Каждому извѣстно, какія фантазіи проявляются у него иногда и какъ упорно онъ исполняетъ ихъ.

— Однакожъ, пріѣхать такъ издалека собственно для такой бездѣлицы и подвергнуть себя для нея всѣмъ неудобствамъ такой исполинской дороги, сказалъ, смѣясь, молодой гусаръ: воля ваша, это что-то сомнительно.

— Но вѣдь графъ говоритъ, что у него есть еще и другая причина, сказала стоявшая тутъ брюнетка, въ желтомъ креповомъ платьѣ и въ красныхъ цвѣтахъ. Veuillez donc nous la dire, comte. Ne nous faites par languir.

— Графъ говоритъ, что это тайна, сказала опять генеральша, принявъ на себя необходимость отвѣтить вмѣсто Штейнбурга, который спокойно слушалъ всѣ эти толки, не покидая, однакоже, своей насмѣшливой улыбки.

— У графа тайна! Ah! par exemple, voilà du nouveau! сказалъ подошедшій Вольдемаръ. Только я предупреждаю васъ, что это *фамёзная* тайна, и если вы когда-нибудь узнаете ее, то она, я увѣренъ, пора-

зитъ каждаго. Пари на что хотите, что графъ затѣялъ что-нибудь необыкновенное.

Штейнбургъ бѣгло взглянулъ на него.

— C'est selon, сказалъ онъ: судя по нынѣшнему взгляду на вещи, вы почти угадали; но вѣдь нѣкоторые смотрятъ на нихъ совсѣмъ иначе.

Въ это время заиграли кадриль.

Кавалеры засуетились, и вооружась неизмѣнными лорнетками, принялись отыскивать дамъ своихъ. Генеральша осталась въ сообществѣ графа, двухъ стариковъ и еще нѣсколькихъ пожилыхъ дамъ, давно уже отказавшихся отъ танцевъ. Вскорѣ присоединился къ нимъ генералъ, явившійся съ той половины, гдѣ играли въ преферансъ, и при видѣ Штейнбурга, этого рѣдкаго въ осеннюю пору и совершенно нечаяннаго гостя, удивленію его не было конца, въ особенности, когда супруга его передала ему, съ рѣдкою точностію, слова графа, возбудившія, за нѣсколько минутъ до этого, столько догадокъ. Генеральша подозвала Надину, которая, при видѣ графа, поблѣднѣла еще болѣе. Штейнбургъ не могъ не замѣтить быстрой перемѣны, происшедшей въ ней въ такое короткое время, но она не возбудила въ немъ состраданія, и посмотрѣвъ пристально на исхудалое лицо ея, носившее отпечатокъ недавней болѣзни и тяжкихъ думъ, въ головѣ его скользнула только эта мысль:

— Если она въ-самомъ-дѣлѣ любитъ меня, то это еще не бѣда: женщины съ ея характеромъ все переносятъ и она, со временемъ, забудетъ меня.

Генеральша усадила дочь возлѣ себя и сказала, чтобъ она не танцовала болѣе. Разговоръ сдѣлался общимъ. Штейнбургъ машинально взглянулъ на танцующихъ и увидѣлъ Вѣру съ высокимъ франтомъ, повидимому разсыпавшимся предъ нею въ комплиментахъ, котораго она слушала разсѣянно и какъ-то нѐ-хотя. Графъ посмотрѣлъ на нее и также нашелъ, что она замѣтно перемѣнилась: лицо ея было подернуто грустью и также немного блѣдновато.

— Какъ она хороша! подумалъ Штейнбургъ, продолжая глядѣть на нее. Въ первый разъ я видѣлъ ее въ зеленомъ платьѣ — она была прекрасна; потомъ въ бѣломъ, когда, наканунѣ отъѣзда моего, я шелъ съ нею по саду, она показалась мнѣ чѣмъ-то сверхъестественнымъ; а сегодня, въ прозрачно-голубомъ — она поразительна. О, ослибъ я уѣхалъ отсюда навсегда, она не перенесла-бы этого!

Въ это время Вѣра доканчивала пятую фигуру и когда кавалеръ ея, сдѣлавъ соло, взялъ ее за руку, чтобъ отдѣлить отъ другой пары, которая отправилась на противоположную сторону, она оборотила нечаянно голову къ дивану, увидѣла графа и взоры ихъ встрѣтились. Отъ этой

неожиданности, дѣвушка едва устояла на ногахъ, и возвратившись на свое мѣсто, поспѣшно опустилась на стулъ. Вѣра была такъ поражена, появленіе графа такъ озадачило ее, что она сомнѣвалась, на яву-ли она видитъ его.

Когда кадриль кончилась, Штейнбургъ подошелъ къ ней.

— Mademoiselle Véra, я давно не танцовалъ, сказалъ онъ: но надѣюсь, что если время и отбило у меня прежнюю ловкость, то не изгладило еще изъ памяти этой привычки. Вы позволите мнѣ въ слѣдующую кадриль служить вамъ кавалеромъ?

— О, еслибъ я знала это прежде, отвѣчала дѣвушка съ видимымъ сожалѣніемъ: но теперь, извините меня, графъ, я не могу исполнить желаніе ваше: остались только двѣ кадрили, и обѣ уже обѣщаны.

Аккорды одного изъ вальсовъ Штрауса раздались въ опустѣвшей на мгновеніе залѣ, которая тотчасъ-же наполнилась и пары снова замелькали на скользкомъ паркетѣ.

— По-крайней-мѣрѣ вы не откажете подарить мнѣ нѣсколько туровъ вальса, сказалъ Штейнбургъ, настаивая: afin de réparer l'injustice du hasard.

Не возражая ни слова, Вѣра встала; онъ поблагодарилъ ее взоромъ и взялъ за талію. Она положила руку свою на плечо его и оба пустились кружиться вслѣдъ за прочими парами, то перегоняя ихъ, то обрисовывая, во всѣхъ направленіяхъ, капризные зигзаги; словомъ, танцуя по-своему, живо, бойко и граціозно, нисколько не слѣдуя монотонному правилу, выдѣлывать однообразные круги, такъ-что всеобщее вниманіе устремилось исключительно на нихъ.

— Съ кѣмъ вы танцуете мазурку? спросилъ графъ, когда они отдалились на такое разстояніе, что никто не могъ разслышать ихъ.

— Ни съ кѣмъ, отвѣчала дѣвушка: я мазурку никогда не танцую.

— Я самъ не люблю ея. Но, Mademoiselle Véra, чтобъ не быть намъ въ бездѣйствіи, пока другіе будутъ забавляться, я прошу васъ пожертвовать мнѣ этими минутами, потому-что я имѣю нѣчто сказать вамъ и долженъ поговорить съ вами наединѣ.

Вѣра съ недоумѣніемъ поглядѣла на него, и отказъ готовъ уже былъ сорваться съ устъ ея.

— Я *именно* затѣмъ только и пріѣхалъ сюда, сказалъ Штейнбургъ, дѣлая удареніе на словѣ «именно»: я долженъ объясниться съ вами сегодня-же. Удостойте чести выслушать меня.

Онъ возвратился съ нею на мѣсто, и опуская ее на стулъ спросилъ тихо:

— Да, или нѣтъ?

— Да, сказала шопотомъ Вѣра, и отвернулась, чтобы скрыть смущеніе.

Онъ отошелъ въ сторону и вмѣшался въ разговоръ мужчинъ, которые съ любопытствомъ поглядывали на молодаго человѣка въ красномъ мундирѣ, гордо и безмолвно стоящаго около двери. Женообразная наружность его, иностранный костюмъ и продолжительная неподвижность, которую сохранялъ онъ, все это крѣпко подстрекало каждаго.

Музыка замолкла. Былъ третій часъ утра, и потому польки, вальсы и кадрили пошли гораздо живѣе, смѣняясь одни другими, и вскорѣ началась мазурка.

Графъ видѣлъ какъ, незадолго до этого, Вѣра ускользнула въ боковую дверь и какъ все хлынуло въ залу, одни, чтобъ участвовать въ танцахъ, другіе, чтобъ просто присутствовать при нихъ и ограничиться названіемъ зрителя, что̀, между нами будь сказано, и спокойнѣе и удобнѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые до того подвержены фанфаронству, что предпочитаютъ лучше пускать въ ходъ языкъ, нежели ноги, а невинное удовольствіе молодости считаютъ чѣмъ-то жалкимъ.

Пользуясь всеобщей суматохой, Штейнбургъ незамѣтно отдѣлился отъ толпы и вышелъ изъ залы, только съ другой стороны откуда былъ выходъ въ гостиную. Комнаты были пусты. Вдали, облитая яркимъ свѣтомъ, точно слетѣвшая съ облаковъ фея, показалась Вѣра, которая тихо и боязливо шла къ нему на встрѣчу. Онъ ускорилъ шаги, поспѣшно миновалъ покои, отдѣлявшіе ихъ другъ отъ друга, и приблизившись къ ней, онъ медленно взялъ ее за руку, увелъ въ глубину комнаты, и указалъ знакомъ на одинъ изъ низенькихъ диванов, стоящихъ симетрически одинъ противъ другого. Не помня себя отъ смущенія, и вмѣстѣ счастія видѣть его, она повиновалась безмолвно, не понимая, что̀ такое могъ онъ сказать ей. Она была очень взволнована, но безпокойство и удивленіе смѣнялись на ея лицѣ. Графъ сѣлъ возлѣ нея, снялъ перчатку не спуская съ нее глазъ и, казалось, любовался замѣшательствомъ дѣвушки. Комната эта была проходная, и примыкала къ кабинету генеральши; до нее долетали неясные звуки музыки, почти заглушаемые неистовымъ шарканьемъ танцующихъ.

— Mademoiselle Véra, сказалъ Штейнбургъ, прервавъ первый молчаніе: вы не думали увидѣть меня такъ скоро; не правда-ли?

Вѣра сдѣлала отрицательный знакъ, не постигая, къ чему ведетъ этотъ вопросъ.

— Если сказать правду, то я надѣялся на это еще меньше вашего, продолжалъ онъ. Но у русскихъ есть поговорка — «челоѣкъ пред

полагаетъ, а Богъ располагаетъ»: такъ случилось и со мною. Окончивъ благополучно предпріятіе мое, я спѣшилъ сюда, желая скорѣе увидѣть васъ, и удостовѣриться въ улучшеніи участи вашей; но я съ прискорбіемъ замѣчаю, что здѣсь все по-прежнему.

— Графъ, меня окружаютъ чужіе, отвѣчала дѣвушка послѣ минутнаго размышленія: я здѣсь послѣднее лицо, и потому должна соображаться съ положеніемъ моимъ, котораго, къ несчастію, нельзя измѣнить. Впрочемъ, прибавила она, стараясь вооружиться хладнокровіемъ и казаться спокойною: я получаю только то, что мнѣ слѣдуетъ по праву: я живу у людей постороннихъ, которые хотя порою и слишкомъ взыскательны, но за то справедливы и не злопамятны. Каковы-бы ни были ихъ правила, они не обязаны любить меня.

— И вы говорите это мнѣ! возразилъ Штейнбургъ съ видомъ легкаго упрека: мнѣ, который принимаетъ въ васъ такое участіе! И вамъ это не грѣшно?

Голосъ его дышалъ искренностью; въ немъ не было ни малѣйшей тѣни сарказма, который господствовалъ въ немъ почти всегда; онъ также былъ ласковъ и привѣтливъ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, и Вѣра признательная и довѣрчивая, была и теперь точно также тронута имъ.

— Простите, сказала она сложивъ крестообразно руки и поднявъ на него съ невыразимой благодарностію черные глаза. Но... мнѣ здѣсь совсѣмъ не такъ худо, какъ вы думаете.

— Mademoiselle Véra, продолжалъ съ нѣкоторою строгостію Штейнбургъ: зачѣмъ вы меня обманываете? Въ послѣдній разъ, когда я прощался съ вами, вы имѣли болѣе довѣренности ко мнѣ, зачѣмъ-же теперь вы хотите скрыть отъ меня настоящее? Или вы думаете, что тотъ, который не щадилъ себя въ продолженіе столькихъ дней, чтобъ поспѣть на сегодняшній балъ, спрашивалъ васъ изъ пустаго любопытства?

Руки Вѣры упали на колѣни при столь неожиданномъ обвиненіи, голова опустилась на грудь. Она съ минуту просидѣла неподвижно, храня глубокое молчаніе.

— Вѣра, отвѣчайте-же мнѣ, сказалъ графъ, наклонившись къ ней, и поднявъ съ полу батистовый платокъ ея, который упалъ на коверъ, онъ тихо положилъ его къ ней на колѣни.

Дѣвушка вздрогнула. Такая короткость удивила ее, но на этотъ разъ онъ произнесъ имя ея съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, которое не обнаруживалось въ немъ прежде. Еслибъ кто другой осмѣлился объясниться съ ней этимъ тономъ, она глубоко оскорбилась-бы; но теперь, когда она находилась въ присутствіи и слушала человѣка,

котораго любила болѣе всего на свѣтѣ, Вѣра, напротивъ, мысленно радовалась этой неожиданной благосклонности, и говорила себѣ, что такъ много счастья вдругъ она совсѣмъ не заслужила.

— Отвѣчайте мнѣ, повторилъ Штейнбургъ: отчего вы не хотите сказать мнѣ истины? Отчего вы избѣгаете этого предмета?

Вѣра вздохнула.

— Еслибъ я и сказала вамъ, что мнѣ здѣсь все не нравится, что меня никто не понимаетъ, никто не хочетъ понять, что я желала-бы уйти отсюда, и укрыться подальше, то какая въ томъ польза? Я только опечалю васъ, вы будете жалѣть меня, а пособить вы мнѣ не можете.

— Отчего-же?

— Оттого, что нельзя избѣжать того, что̀ назначено судьбою, особенно когда мы не имѣемъ никого, кто могъ-бы вступиться за насъ.

— А еслибы нашелся человѣкъ, который понималъ-бы васъ, который-бы душевно страдалъ, видя, что̀ вы переносите здѣсь; который давно уже, желая скрыть васъ отсюда, предложилъ-бы вамъ слѣдовать за нимъ, согласились-ли-бы вы уступить его убѣдительной просьбѣ и, ввѣривъ себя ему совершенно, оставить Россію навсегда?

Дѣвушка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, и легкая краска показалась на ея щекахъ.

— Я не знаю, о комъ вы говорите, сказала она. Я одна на свѣтѣ, обо мнѣ нѣкому заботиться.

— Вы не поняли меня, сказалъ Штейнбургъ, я постараюсь выразиться яснѣе. — Mademoiselle Véra, продолжалъ онъ, вперивъ въ нее проницательный взоръ: повторяю вамъ, что есть человѣкъ, который понялъ васъ съ перваго взгляда, который далъ себѣ слово вырвать васъ изъ этого хаоса, но котораго люди, жаждущіе клеветы и злословія, прозвали сумазбродомъ и эгоистомъ. Онъ, впрочемъ, до-сихъ-поръ оправдывалъ это мнѣніе, потому-что жилъ для себя, а не для другихъ, но съ этой минуты будетъ жить только для васъ. Вы будете его идоломъ, его единственнымъ утѣшеніемъ, будете обладательницею одного изъ величайшихъ графствъ Европы, будете носить одну изъ знаменитѣйшихъ фамилій, будете лучшимъ украшеніемъ саксонскаго двора, богатою и знатною графиней, которую всѣ будутъ уважать, потому-что высокое званіе ваше, а главное, всѣ достоинство, которыхъ здѣсь никто не замѣчаетъ, доставятъ вамъ всѣ почести, огромное богатство, и мужа, для котораго малѣйшій знакъ вашъ будетъ закономъ. Этотъ сумасбродъ, этотъ эгоистъ — передъ вами; онъ любитъ васъ, любитъ не такъ, какъ любятъ нынче, но со всею силою, со всею горячностію

сердца, которое не билось еще ни для кого. Онъ предлагаетъ вамъ его, и проситъ руки вашей.

Еслибъ всѣ люстры и всѣ лампы, находившіяся тутъ, полетѣли на голову Вѣры, она не удивилась-бы такъ ихъ внезапному паденію, какъ этой вовсе непредвидимой рѣчи. Она вскрикнула, всплеснула руками и поспѣшно прислонилась къ спинкѣ дивана. Лобъ и щеки ея пылали; казалось, она не понимала хорошенько, гдѣ она и что съ нею происходитъ.

— Вѣра, наше общее счастье зависитъ отъ васъ, сказалъ графъ, поддерживая ее, и встревоженный продолжительной ея неподвижностью. Вѣра, дайте скорѣе согласіе ваше, и тотчасъ-же въ отношеніи къ вамъ все измѣнится, а черезъ мѣсяцъ мы будемъ уже далеко. Скажите только *да*, и графъ фонъ-Штейнбургъ превратится въ самаго преданнаго вашего слугу.

Дѣвушка выпрямилась, оттолкнула тихонько руки его, нѣжно и заботливо поддерживавшія станъ ея, и посмотрѣвъ на него съ невыразимымъ чувствомъ благодарности, любви и сомнѣнія, отвѣчала въ полголоса, какъ-бы опасаясь, чтобы кто не услышалъ ее:

— Графъ, взвѣсили-ли вы хорошенько то предложеніе, которое дѣлаете мнѣ, и предвидѣли-ли то послѣдствіе, которое не приминетъ случиться, если вы исполните намѣреніе ваше?

— Какое послѣдствіе?

— Что скажутъ въ свѣтѣ, когда узнаютъ, что *вы, вы* избрали и до того возвысили дѣвушку изъ такого скромнаго званія? Что скажетъ матушка ваша, которая такъ строго наблюдаетъ приличія, и смотритъ на низшихъ себя съ такимъ пренебреженіемъ?

— Въ свѣтѣ? повторилъ съ внезапною иронією Штейнбургъ, и презрительная улыбка еще недавно отсутствующая, появилась снова на устахъ его. — Какое мнѣ дѣло до него? Пусть онъ удивляется и клевещетъ, пусть возстаетъ противъ меня безсильной ненавистью: это ему свойственно и пріятно, но на меня не можетъ имѣть никакого вліянія; мнѣ даже это не смѣшно и не жалко, но рѣшительно все равно. Что-жъ касается до матушки, то я предувѣдомилъ ее, и она не только соглашается на нашъ союзъ, но даже одобряетъ его.

— О, не можетъ быть, не можетъ быть! вскричала Вѣра, качая сомнительно головкой и не вѣря возможности такого чуда. Я никогда не видала графини, не слыхала ея сужденій, но знаю по наслышкѣ, до чего простирается ея гордость. Если она и дала даже согла-

сіе свое, то все-таки я никогда не заслужу расположеніе ея. Это слишкомъ несбыточно.

— А если я докажу вамъ противное? если я докажу вамъ, что вы несправедливо судите о ней, и что вы ошибаетесь? отвѣчалъ графъ, и опустивъ руку въ карманъ чернаго фрака своего, досталъ оттуда футляръ изъ зеленаго сафьяна, вынулъ изъ него богатый золотой браслетъ съ миніатюрой, и надѣлъ на правую руку ея.

При видѣ его Вѣра ахнула и принялась разсматривать его съ непритворною радостью. Глаза ея сверкали отъ удовольствія и переносились поперемѣнно съ браслета на графа.

— Чей это портретъ? спросилъ онъ улыбнувшись и самъ восхищаясь точно ребенокъ.

— Вашъ, отвѣчала Вѣра, не отрывая глазъ отъ дорогой бездѣлки. О, какъ онъ похожъ!

— Теперь вы не можете сказать, что графиня откажетъ вамъ въ расположеніи своемъ: этотъ браслетъ принадлежалъ ей; она прислала вамъ его въ подарокъ, и поручила сказать, что только для васъ рѣшилась разстаться съ нимъ.

— Я желала-бы скорѣе увидѣть ее, и сама выразить ей признательность мою, сказала съ чувствомъ дѣвушка. Жаль только, что портретъ этотъ вдѣланъ въ браслетъ, а не въ медальонъ; тогда было-бы удобнѣе носить его.

— Можно отдать передѣлать его; нѣтъ ничего легче, сказалъ Штейнбургъ, подавая ей снова футляръ, чтобъ она положила его туда. Завтра-же онъ будетъ готовъ, и я возвращу вамъ его въ томъ видѣ, какъ вы желаете.

Вѣра оттолкнула футляръ, и быстро отняла руку свою.

— Нѣтъ, сказала она: пусть онъ останется такимъ, какъ вы мнѣ дали его. Впрочемъ, прибавила дѣвушка со вздохомъ, и сдѣлавъ движеніе, чтобы снять его: возьмите его назадъ. Я не могу оставить его у себя, я не могу согласиться на желаніе ваше.

Казалось, что какая-то внезапная идея мелькнула въ умѣ ея; она произнесла эти слова съ невыразимою грустью и съ замѣтнымъ усиліемъ. Радость мгновенно исчезла, на длинной рѣсницѣ дрожала слезинка.

— Вѣра, что это значитъ? спросилъ Штейнбургъ, останавливая ее. Отчего вы отказываетесь отъ предложенія моего? Или я имѣлъ несчастіе чѣмъ-нибудь не понравиться вамъ? Въ такомъ случаѣ научите меня, что долженъ я дѣлать, чтобъ заслужить прощеніе.

Дѣвушка молчала.

— Вѣра, въ чемъ я провинился передъ вами? Или вы дали уже слово кому-нибудь другому?

— Я не пойду ни за васъ, и ни за кого, повторила она, закрывъ лицо руками.

— Но отчего, скажите Бога ради! вскричалъ графъ, озадаченный такою перемѣной.

— Оттого, что не стою васъ, оттого, что никто, никто не стоитъ васъ! отвѣчала Вѣра сквозь слезы.

Сомнѣніе закралось въ душу Штейнбурга, но при этомъ наивномъ восклицаніи, обнаружившемъ столь ясно чувства дѣвушки, оно въ минуту разсѣялось.

Онъ наклонился къ ней, застегнулъ снова браслетъ, который она хотѣла снять, потомъ показалъ ей часы свои. Стрѣлка стояла на четырехъ.

— Выслушайте меня, Вѣра, сказалъ онъ: покамѣсть любопытные не проникли еще въ эту комнату. Вамъ извѣстенъ мой характеръ, мои правила, и моя непреклонная воля, которая руководствуетъ всѣми періодами жизни моей? Этотъ характеръ, эти правила, эта воля привыкли никогда и ни въ чемъ не знать преградъ; они росли и развились вмѣстѣ со мною подъ палящимъ солнцемъ Германіи; они сопутствовали мнѣ всюду, и никогда воображенію моему не представлялось даже тѣни помѣхи. Въ дѣтствѣ меня не могли пріучить къ нимъ, а теперь, когда первая молодость моя миновала, теперь, когда страсти обнаруживаются въ человѣкѣ во всей силѣ своей, теперь слишкомъ поздно переиначивать свою натуру. Для меня-же это почти невозможно; я много жилъ, много испыталъ, много боролся съ людьми; мнѣ нужны отдыхъ и спокойствіе, а не труды и безполезная борьба съ самимъ собою. И этому-то человѣку вы отказываете въ единственномъ счастьи, на которое онъ такъ крѣпко надѣялся, и которое могло-бы доставить ему то давно желаемое спокойствіе, котораго до-сихъ-поръ еще не имѣлъ онъ. Этого-то человѣка такъ долго страдавшаго, вы отвергаете холодно и безжалостно; васъ не трогаетъ ни бурное прошедшее его, ни пустое настоящее, ни печальное будущее. Но подумайте о послѣдствіяхъ: иногда самая твердая, самая сильная натура утомляется, и наконецъ равнодушіе ея исчезаетъ. Что тогда? Разсмотрите хорошенько вопросъ этотъ, разсмотрите его со всѣхъ сторонъ и вы убѣдитесь тогда, какъ здѣсь все непрочно и какъ часто надо имѣть снисхожденіе къ тѣмъ, кто въ особенности нуждается въ немъ. Вѣра, Вѣра! пожа-

лѣйте меня, будьте снисходительны ко мнѣ! прибавилъ Штейнбургъ, простирая къ ней свою руку.

Голосъ его былъ такъ грустенъ, такъ убѣдителенъ, такъ полонъ мольбы, движеніе его такъ краснорѣчиво, что дѣвушка не помня себя отъ волненія, и сама не зная, что̀ дѣлаетъ, поспѣшно сняла перчатку свою, и рука ея упала въ руку графа.

Онъ прижалъ ее къ губамъ своимъ, и покрывая горячими поцѣлуями, казалось, не могъ оторваться отъ нея.

Вѣра смущенная до крайности хотѣла освободить ее.

— О, теперь это уже моя собственность, сказалъ онъ удерживая ее: вы не въ правѣ болѣе располагать ею.

Трудно выразить, что̀ чувствовали оба.

Музыка умолкла, и въ залѣ все зашевелилось.

Штейнбургъ всталъ, подалъ руку Вѣрѣ, которая оперлась на нее, и оба пошли туда.

Зеленцова нѣсколько разъ спрашивала ихъ, не постигая, куда могли они скрыться во время мазурки.

Каково-же было удивленіе ея, когда она увидѣла ихъ вмѣстѣ, медленно выходящихъ изъ гостиной? Въ походкѣ графа было что-то торжественное; Вѣра шла возлѣ него съ потупленными глазами, не смѣя поднять ихъ, и ступая боязливо, какъ-бы опасаясь поскользнуться. На правой рукѣ ея, опущенной внизъ, надѣтъ былъ браслетъ съ портретомъ графа. Всѣ разступились, чтобы дать имъ дорогу, и съ любопытствомъ послѣдовали за ними. Мертвая тишина воцарилась въ залѣ; каждый предвидѣлъ что-то необыкновенное.

Штейнбургъ, не обращая ни на кого вниманія, подошелъ къ генеральшѣ, и невольно улыбнувшись при видѣ вопросительной позы ея, сказалъ тономъ свѣтской вѣжливости, точно также какъ-будто-бы дѣло шло о ея здоровьѣ:

— Позвольте мнѣ представить вамъ невѣсту мою.

Эти слова какъ громъ поразили высокомѣрную генеральшу; не такой развязки ожидала она; въ этотъ мигъ всѣ планы ея рушились; но какъ опытный политикъ, она подавила досаду свою, и, притворно улыбнувшись, отвѣчала съ обыкновенной любезностью:

— Поздравляю васъ. Очень рада, что выборъ вашъ палъ на особу, находившуюся въ домѣ моемъ; это такая честь, которой я считаю должнымъ гордиться.

Вѣру она не удостоила взглядомъ.

Графъ, точно желая загладить ошибку ея, подозвалъ знакомъ мальчика въ красномъ мундирѣ, и обращаясь къ дѣвушкѣ, сказалъ ей:

— Такъ-какъ будущая графиня фонъ-Штейнбургъ должна имѣть прислугу сообразную съ саномъ ея, то желая исполнить какъ можно скорѣе эту необходимость, я привезъ вамъ вотъ этого молодаго человѣка, который можетъ замѣнить вамъ пажа.

Мальчикъ поклонился.

Поздравленія посыпались со всѣхъ сторонъ, каждый спѣшилъ привѣтствовать Вѣру залпомъ всевозможныхъ учтивостей, и одинъ передъ другимъ увѣряли ее, что она *одна* достойна столь неожиданнаго счастья. Мужчины наперерывъ старались выказать ей радость свою, иные превозносили ее въ восторженныхъ фразахъ, другіе кланялись ей съ подобострастіемъ. Дамы кусали до крови губы, и пожимали плечами, разумѣется такъ, чтобы никто не замѣтилъ; онѣ слишкомъ уважали графа, чтобы показать ему негодованіе свое. Надинѣ сдѣлалось дурно; ее вынесли изъ залы; предусмотрительная матушка ея поспѣшила, впрочемъ, объявить, что это случается съ ней часто и что истерическіе припадки не совсѣмъ еще прекратились послѣ болѣзни. Невегинъ, chargé d'affaires и драгунъ поспѣшно уѣхали. Генеральша, волнуемая злобой, пригласила всѣхъ въ столовую, гдѣ накрытъ былъ ужинъ на четыреста персонъ. Графъ сѣлъ около Вѣры, и въ продолженіе всего ужина занимался только ею; молодой человѣкъ стоялъ позади стула ея, готовый повиноваться малѣйшему ея приказанію. За десертомъ генералъ предложилъ тостъ, за здоровье жениха и невѣсты; всѣ бокалы поднялись единодушно, и Вольдемаръ, поднеся свой ко рту съ нѣкоторою нажностью, осушилъ его усерднѣе прочихъ; постоянная мысль его, пристроить Вѣру, наконецъ осуществилась, и еще сверхъ всякаго ожиданія, самымъ блестящимъ образомъ, а затруднительная обязанность, возложенная на него Зинаидой, теперь отстранялась отъ него. Вѣра будетъ графиня и обладательница трехъ городовъ и замка съ поцземельями! Вѣра, изъ такого ничтожнаго состоянія, вдругъ возвысится до такого могущества, и будетъ играть такую баснословную роль! А онъ, Вольдемаръ, все-таки имѣетъ честь быть родственникомъ ея! Ему казалось, что такой переворотъ невозможенъ и что онъ просто перепуталъ настоящее съ одной изъ сказокъ «Тысяча и одной Ночи.» Онъ заранѣе наслаждался мыслью, какъ славно угоститъ завтра этой вѣстью Мавру Агафоновну, которая конечно, при столь удобномъ и непостижимомъ случаѣ, не преминетъ воспѣть, на подобіе Гомера, всѣ качества и несчет-

ныя достоинства своей питомицы. Генералъ былъ скученъ и говорилъ мало. На слѣдующее утро, только-что Зеленцовы успѣли проснуться, бѣлокурый мальчикъ прискакалъ съ огромнымъ пакетомъ, адресованнымъ на имя Вѣры. Въ немъ находилось письмо отъ графа и толстый бумажникъ, заключавшій въ себѣ триста тысячъ рублей серебромъ.

ГЛАВА XV.

ОПЯТЬ ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Новость о предстоящей женитьбѣ графа надѣлала много шума. Во всѣхъ петербургскихъ гостиныхъ, только о томъ и говорили, удивлялись, разсуждали на тысячу ладовъ, и не постигали, что могло заставить его измѣнить холостой жизни своей, и въ особенности сдѣлать партію, вовсе не согласующуюся съ его званіемъ? Толкамъ и спорамъ не было конца. Вѣсть эта такъ озадачила всѣхъ, что, то и дѣло, перелетала изъ однихъ устъ въ другія, вездѣ только и твердили на всевозможныя темы, что графъ женится на гувернанткѣ. Мавра Агафоновна хлопотала съ утра до вечера, и разъѣзжала за покупками; въ продолженіе двухъ недѣль, она жила почти на улицѣ, и въ то-же время трубила по всему городу объ этакой *оказіи*, говоря, между прочимъ, что «у родной ея, будетъ въ немѣчинѣ цѣлый штатъ, не исключая камеръ-юнферъ и секретаря, а что теперь женихъ прислалъ ей столько денегъ, что и куры не клюютъ.» Пріятельницы, разумѣется, ахали и отправлялись немедленно разносить это дальше. Мавра Агафоновна не могла довольно нарадоваться участи своей любимицы, и не переставала твердить, что женихъ ея такой красавецъ, какого не только она сама, Мавра Агафоновна, но даже никто и во снѣ не видывалъ. Одна только близость разлуки огорчала старушку, и она заранѣе проливала уже обильное количество слезъ.

Вѣра сама стала часто задумываться, и съ горестью считала часы, которые оставалось ей провесть вмѣстѣ съ нею. Ей жаль было разстаться съ этой женщиной, которая, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, такъ неутомимо заботилась о ней и замѣняла съ рѣдкой преданностью всѣхъ, кого она потеряла. А взять ее съ собою не было рѣшительно

никакой возможности; Мавра Агафоновна, ни за какія блага въ мірѣ, не согласилась-бы оставить родину, и «забиться въ немѣчину», гдѣ ей не съ кѣмъ молвить слова. При всей любви своей къ Вѣрѣ, любви, которая доходила чуть-ли не до ослѣпленія, она не въ силахъ была совершить подобный подвигъ, хоть насули ей золотыя горы. Вѣра не знала, что̀ дѣлать? Она сказала объ этомъ графу, который, призвавъ старуху, старался всевозможными доводами склонить ее на сторону дѣвушки, но все было тщетно. Итакъ, послѣ долгихъ и безполезныхъ увѣщаній, было рѣшено въ общемъ совѣтѣ, что Мавра Агафоновна каждую весну будетъ навѣщать Вѣру, которая беретъ на себя издержки дороги, и проводить у ней лѣто. На такія условія старуха, разумѣется, согласилась, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ уже было отчаявалась увидѣть когда-либо *родную* свою.

Приданое было готово въ двѣ недѣли; оно превосходило роскошью, богатствомъ и вкусомъ все до-сихъ-поръ виданное, и многія щеголихи ѣздили смотрѣть его. Для принятія молодыхъ была приготовлена великолѣпная квартира, меблированная во вкусѣ Людовика-пятнадцатаго. Денегъ не щадили, ими сыпали щедро. Ульрихъ каждое утро являлся освѣдомляться о здоровьѣ Вѣры, и привозилъ ей подарокъ, а вслѣдъ за нимъ являлся и господинъ его. Свадьба была великолѣпная. Ее устроили очень скоро, потому-что графъ спѣшилъ домой. Вѣру обвѣнчали; Вольдемаръ былъ тафероМъ, необыкновенно раздушенъ, завитъ, и очень авантаженъ въ своихъ высокихъ ботфортахъ и въ бѣломъ мундирѣ. Князь д'Эпервье, драгунъ и Невегинъ, присутствовали только въ церкви, но въ домъ не поѣхали; всѣ трое были такъ блѣдны, что, казалось, только что вышли изъ могилы. Надины не было на свадьбѣ; она не показывалась весь вечеръ, за то генеральша нарядилась, такъ сказать, за двоихъ, и превзошла всѣхъ своимъ уборомъ; въ особенности была достойна замѣчанія наколка ея изъ махровыхъ розъ и съ сѣткою изъ мелкихъ брилліантовъ, прикрывавшихъ косу. Генералъ былъ также молчаливъ какъ и на балѣ, и весь вечеръ не отходилъ отъ новобрачной. Мавра Агафоновна не спускала глазъ съ нея, и казалось не могла на нее довольно наглядѣться; впрочемъ не она одна, но весьма многіе слѣдовали примѣру ея, потому-что, дѣйствительно, въ бѣломъ штофномъ платьѣ своемъ, съ дѣвственнымъ букетомъ померанцовыхъ цвѣтовъ, приколотыхъ къ груди, съ обнаженными плечами, на которыя безчисленными складками падала длинная вуаль изъ брюссельскихъ кружевъ, томная блондинка съ сверкающими черными глазами — Вѣра была прелестна.

Генеральша прекрасно владѣла собою; она, по обыкновенію, была

весела и любезна и обворожала всѣхъ колкостью ума своего; а если-бы заглянулъ кто-нибудь въ глубину ея сердца, то увидѣлъ-бы въ немъ ненависть, безсильную злобу и самое черное коварство. Но кто можетъ разгадать и постигнуть когда-нибудь коварную женщину, кто можетъ узнать ея чувства? Довольная или раздосадованная, привѣтливая или угрожающая, она всегда одинакова, и непроницаемая маска все прикрываетъ, все сглаживаетъ. Когда, по старинному русскому обычаю, дамы, принадлежащія къ числу поѣзжанъ, вошли въ уборную графини, чтобы раздѣть ее, она вынула изъ косы своей шпильку, и подавая ее генеральшѣ, просила отдать Надинѣ, въ знакъ памяти отъ нея, и искреннаго желанія послѣдовать также ея примѣру. Зеленцова поблагодарила ее, но садясь въ карету, выбросила шпильку за окошко. Экипажей было множество. Мавра Агафоновна уѣхала послѣдняя; она была въ восхищеніи, и блаженство ея достигло-бы еще высшей степени, если-бы съ нею не случилось передъ концомъ торжества небольшое несчастіе: осушая четвертый бокалъ шампанскаго за здоровье новобрачныхъ, она заглядѣлась на Вѣру, когда та подошла къ мужу, и нечаянно облила шелковое платье свое, подарокъ Вѣры. При видѣ бѣды, Мавра Агафоновна чуть не возопила и, выбѣжавъ опрометью въ буфетъ, принялась затирать пятно холодною водой. Впрочемъ дѣло обошлось благополучно, потому-что, узнавъ отъ Вѣры о приключившемся, графъ утѣшилъ старуху, объявивъ ей, что завтра-же она получитъ кусокъ матеріи на новое платье. Такимъ-образомъ Мавра Агафовна была не только не въ накладѣ, но еще завоевала совсѣмъ неожиданно обновку, что не мало способствовало къ возвращенію веселости ея.

Вотъ какимъ-образомъ совершился «Бракъ, какихъ мало», чудное, непостижимое событіе въ холодномъ девятнадцатомъ вѣкѣ!

На слѣдующій день, часу въ третьемъ по-полудни, сидѣла генеральша въ кабинетѣ своемъ. Она была одна, и потому вчерашняя маска сброшена была съ лица ея, которое ясно отражало теперь всю бурю души, весь гнѣвъ, всю непримиримую вражду ея къ ничтожному существу, разрушившему всѣ ея намѣренія и давнишніе расчеты. Она, столь искусная въ интригахъ, не могла побѣдить неопытной и безсильной соперницы своей, которая такъ внезапно, такъ нечаянно, и притомъ безъ всякаго умысла, уничтожила разомъ все, что она предприняла еще до вступленія ея въ домъ свой. А дочь ея, для которой она подготовляла титулъ графини, которой былъ теперь двадцать второй годъ, осталась не при чемъ, и даже всѣ прочіе на которыхъ она, въ случаѣ нужды, имѣла виды, всѣ разсѣялись и отдалились. Положеніе было критическое,

потому–что женихи являются не часто, а главная надежда ея, самая выгодная и преимущественная, отнималась отъ нея навсегда. Быть можетъ, ей удалось-бы заманить какъ-нибудь въ свои сѣти графа, еслибъ судьба не поставила между ними гувернантку, непрошенную и непредвидимую преграду, которой жребій такъ разительно благопріятствовалъ, между-тѣмъ какъ всѣ ея попытки, болѣе или менѣе успѣшныя, остались не при чемъ, и ровно ни къ чему не послужили.

Долго еще подобныя мысли смѣнялись въ умѣ ея и приводили ее въ ярость, которая то увеличивалась, то утихала, и уступала мѣсто свое какому–то лихорадочному состоянію. Ей не зачѣмъ было скрываться теперь, никто не глядѣлъ на нее, никто не видѣлъ ея, слѣдовательно она могла на просторѣ излить душевшую ненависть и облегчить себя полнымъ сознаніемъ возмутившейся совѣсти своей, равно какъ и обманутыхъ ожиданій. Различныя струны ея сердца, всегда хитро скрытыя и непроницаемыя, всѣ задрожали и откликнулись, и оглушительные звуки ихъ поразили разомъ честолюбивую женщину.

Мало–по–малу, она начала однако–же приходить въ себя, увидѣла всю безполезность запоздалаго гнѣва своего, потому–что невозможно было измѣнить роковой дѣйствительности, признала неумѣстность слабости своей въ настоящую минуту, и язвительная улыбка бѣгло проскользнула по ея губамъ.

Передъ нею лежала раскрытая книга; она придвинула ее къ себѣ и, стараясь разогнать мрачное расположеніе духа, принялась читать. Но вскорѣ оказалось, что потрясеніе нервовъ и моральное разстройство слишкомъ сильно овладѣли ею, и изъ нѣсколькихъ страницъ, прочитанныхъ съ напряженнымъ вниманіемъ, она не поняла ни одного слова.

Зеленцова съ досадой оттолкнула книгу, убѣдившись, что усиліе разсѣять себя чѣмъ–нибудь — тщетно, и что толчокъ, который получила она, пересилилъ волю ея. Она отбросила назадъ длинныя ленты чепца и снова впала въ прежнее положеніе, походившее почти на изступленіе. Вдругъ въ ближней комнатѣ послышались чьи–то неровные, торопливые шаги и портьера заколыхалась. Генеральша поспѣшно оправилась, и призвавъ на помощь все умѣнье владѣть собою, кое-какъ успѣла принять обыкновенный видъ свой. Въ кабинетъ вошла Надина. Не смотря не довольно поздній часъ, она была еще въ утреннемъ капотѣ и причесана съ замѣтной небрежностью; она была очень блѣдна, и поблеклыя черты лица ея выражали страданіе, горесть и отчаяніе; глаза ея были заплаканы и блестѣли мрачнымъ огнемъ надъ синеватой каймою, рѣзко обозначавшеюся подъ нижнею вѣкой. Трудно

было узнать ее: такая страшная перемѣна произошла въ ней въ одну ночь, которую, судя по всѣмъ признакамъ, она провела безъ сна; въ походкѣ и движеніяхъ ея было что-то странное и рѣшительное, но вмѣстѣ покорное и унылое, вовсе не согласовавшееся одно съ другимъ, но невольно трогающее и возбуждающее участія. Она остановилась на порогѣ, окинула взглядомъ всю комнату, и удостовѣрившись, что кромѣ матери, въ ней нѣтъ никого, плотно завторила за собою дверь и задернула задвижку; потомъ пошла на другой конецъ комнаты, и повторила то-же самое. Генеральша молча слѣдила за всѣми ея движеніями, не понимая, къ чему ведетъ эта предосторожность, и ожидая, что будетъ далѣе. Надина дикимъ, сверкающимъ взоромъ провела вокругъ себя, все еще опасаясь, нѣтъ-ли тутъ кого-нибудь лишняго, но потомъ медленно и шатаясь подошла къ Зеленцовой, упала передъ нею на колѣни, въ которыя скрыла лицо свое, и раздирающій вопль вырвался изъ ея груди.

Изумленіе генеральши было такъ велико, что въ первую минуту она не нашлась, и глядя въ остолбенѣніи на дочь, казалось, сомнѣвалась въ здравомъ состояніи ума ея.

Она наклонилась, взяла ее за плечи, и стараясь поднять, вскричала голосомъ, въ которомъ выражалась скорѣе неожиданность, нежели участіе:

— Надина, что съ тобой?

Дѣвушка, казалось, не слыхала этого восклицанія; она нисколько не измѣнила положенія своего и, неподвижная какъ статуя, хранила глубокое молчаніе; одни только громкія, отрывистыя рыданія ея нарушали по временамъ обоюдное безмолвіе.

— Боже мой! не больна-ли ты? вскричала опять генеральша, невольно тронутая этой безмѣрной скорбью, которая обнаружилась съ такою ужасною быстротой, и развивалась все болѣе и болѣе. Встань, Надина. Перестань ребячиться! Скажи мнѣ лучше, что случилось съ тобой?

Но дѣвушка не трогалась съ мѣста, и только приподнявъ нѣсколько голову устремивъ на нее влажные, истомленные слезами глаза, проговорила наконецъ прерывающимся голосомъ:

— Maman, chère maman, позвольте мнѣ въ монастырь итти!

Генеральша озадаченная и встревоженная столь странною и непостижимою просьбой, почти онѣмѣла, услышавъ ее изъ устъ Надины. Она еще разъ сомнительно посмотрѣла на нее и, сдвинувъ брови, спросила съ сердцемъ:

— Въ монастырь! Что̀ это за фантазія?

При видѣ суроваго взгляда, брошеннаго на нее матерью вслѣдъ за вопросомъ, Надина оробѣла, и остальная бодрость покинула ее.

— Кто́ могъ внушить тебѣ подобную мысль? продолжала неумолимо Зеленцова. Откуда вдругъ появилась у тебя такая экзальтація? И къ чему она послужитъ? Развѣ къ тому только, чтобы сдѣлаться предметомъ всевозможныхъ толковъ и подать поводъ къ насмѣшкамъ.

Она старалась казаться равнодушною и обуздать различныя ощущенія этого бѣдственнаго утра, ощущенія, которыя такъ быстро оспаривали очередь свою, и бѣшено сталкивались другъ съ другомъ. Власть ея надъ собою была такъ велика, что, не смотря на теперешній толчокъ, совсѣмъ нечаянно присоединившійся къ прочимъ, она успѣла по мѣрѣ того, какъ дочь ея впала въ глубокую задумчивость, вооружиться снова обычнымъ хладнокровіемъ, съ тою только разницею, что лицо ея, всегда улыбающееся и удивительно сообразное съ настоящимъ въ присутствіи постороннихъ, было теперь жестко и безстрастно.

— Maman, продолжала Надина съ бо̀льшимъ спокойствіемъ, и успѣвъ немного оправиться послѣ ѣдкаго отвѣта ея: я не могу болѣе оставаться здѣсь! Мнѣ слишкомъ все напоминаетъ ...

Она остановилась, и глухой, протяжный стонъ докончилъ несвязную фразу.

— Тебѣ слишкомъ все напоминаетъ человѣка, который никогда и не думалъ о тебѣ, возразила генеральша съ притворнымъ хладнокровіемъ. И ты до того малодушна, что рѣшилась на такой шагъ? Сто̀итъ онъ того, нечего сказать!

— Я любила его, я люблю его, я вѣчно буду любить его! вскричала Надина, закрывъ лицо руками. Позвольте мнѣ удалиться отъ свѣта, гдѣ я буду лишняя, жалкая для каждаго, въ тягость вамъ и самой себѣ; гдѣ вся остальная жизнь моя будетъ ни что иное, какъ длинный, безконечный рядъ огорченій; гдѣ безпрестанно, на каждомъ шагу, я должна буду терпѣть самыя жестокія страданія. О, не откажите мнѣ, будьте снисходительны!

Зеленцова громко захохотала. Однакожъ если бы наблюдатель болѣе опытный, нежели Надина, услышалъ этотъ рѣзкій, пронзительный хохотъ, то, конечно, не преминулъ-бы сравнить его съ зловѣщимъ карканьемъ во́рона.

— Я вижу, что ты слишкомъ много начиталась романовъ, сказала она, принявъ снова непроницаемый, почти отталкивающій видъ: и оттого именно и происходитъ твоя неумѣстная восторженность. Толь-

ко подобныя вещи хороши въ романахъ, и нынче такихъ примѣровъ стараются избѣгать, чтобы не подвергнуться насмѣшкамъ. Это такая ошибка, или вѣрнѣе такой порокъ, который въ свѣтѣ не прощается никогда. Слѣдовательно, выбрось изъ головы эту мысль, а я съ своей стороны приму свои мѣры, чтобы впредь ты всякаго вздора не читала.

— Что̀ нужды въ томъ, если люди несправедливые и чуждые состраданія будутъ осуждать меня, и подвергнутъ неминуемому злословію? возразила грустно Надина, увлекаемая однообразною нитью горестныхъ мыслей. Я буду отдалена отъ нихъ, и не услышу ихъ острыхъ эпиграммъ. Быть можетъ, со временемъ они забудутъ ихъ, потому-что все забывается.

— Тѣмъ болѣе, я не должна поощрять твоей безмѣрной прихоти: все забывается, а въ твои лѣта, скорѣе чѣмъ когда-либо. Ты также забудешь бурное прошедшее, равно какъ и послѣдствія его, и тогда опрометчивость твоя, явившаяся въ первую минуту поразившаго тебя удара, покажется тебѣ смѣшною. Когда ты будешь старше и опытнѣе, то удостовѣришься что нѣтъ вещи, которая-бы не забывалась.

Дѣвушка тяжело вздохнула и сомнительно покачала головой.

— Все забывается, повторила она: но подобное злополучіе ... никогда. Я знаю, я чувствую, что воспоминаніе его будетъ преслѣдовать меня всюду, и пока я не оставлю этихъ мѣстъ, оно не изгладится изъ моей памяти. Позвольте, позвольте мнѣ удалиться отсюда.

— А, вскричала Зеленцова, раздраженная настойчивостью ея: давно-ли ты вознамѣрилась итти наперекоръ моей волѣ! Что̀ это значитъ? Право, твое поведеніе въ отношеніи ко мнѣ, становится непростительно. И что̀ это за театральная поза? Если-бы кто-нибудь увидѣлъ тебя на колѣняхъ передо мною, то подумалъ-бы, что ты готовишься въ актрисы. Встань сейчасъ!

При этомъ сухомъ, не терпящемъ возраженій приказаніи, Надина быстро поднялась на ноги, провела рукою по лбу, какъ-будто желая собраться съ мыслями, и боязливо, почти шопотомъ, произнесла:

— Maman, я умру здѣсь, я не переживу этого испытанія. Избавьте меня ...

— Довольно! прервала повелительно генеральша: ты знаешь, я не люблю, чтобы мнѣ противорѣчили. Отвори двери и оставь меня.

Надина машинально, безсознательно повиновалась, отдернула задвижки, отерла платкомъ слезы, струившіяся по лицу, и медленно, точно привидѣніе, вышла изъ комнаты, не произнеся болѣе ни слова.

Почти вслѣдъ за нею вошелъ въ кабинетъ лакей и остановился на порогѣ.

— Что тебѣ надо? спросила Зеленцова.

— Молодые пріѣхали, ваше превосходительство!

— Не принимаю! вскричала генеральша, топнувъ ногою, вскочивъ какъ ошеломленная съ дивана, и забывъ всякое приличіе въ эту критическую минуту.

Лакей вышелъ, а она, кинувшись къ окну, увидѣла, какъ мгновенье спустя, вороная четверка, запряженная въ двух-мѣстную карету, откатила отъ крыльца и какъ прохожіе оборачивались на нее. Изъ опущеннаго стекла кареты, она могла замѣтить счастливую чету и богатый уборъ новобрачной, которая была вся въ розовомъ. Когда стукъ колесъ отдалился, лакей вошелъ снова и положилъ въ хрустальную вазу три визитныхъ билета. Оставшись одна, генеральша схватила ихъ, и на одномъ прочла слѣдующее: Madame Véra de Schoenhaus comtesse de Steinbourg, d'Oelsting et de Falkenstein.

Зеленцова бросила его опять въ вазу съ такою поспѣшностью, точно онъ обжогъ ее.

— Comtesse! вскричала она въ изступленіи, почти бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ: comtesse! О, это уже слишкомъ!

Въ тотъ-же самый день, въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, напечатано было объявленіе, что требуется къ малолѣтнимъ дѣтямъ гувернантка *пожилыхъ лѣтъ* и преимущественно замужняя. Объ условіяхъ можно справиться въ Милліонной въ домѣ генерала Зеленцова, въ квартирѣ подъ номеромъ двѣнадцатымъ. Въ тотъ-же самый день, въ павловскомъ воксалѣ, нѣсколько офицеровъ, остановившись около бесѣдки, въ которой отличался оркестръ Іосифа Гунгля, разсуждали между собою, слушая въ то-же время блестящій финалъ изъ Лючіи.

— Ты слышалъ, братецъ, новость, говорилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ сосѣду своему: вѣдь графъ-то женился.

— Не можетъ быть!

— Честное слово. Я былъ вчера на свадьбѣ.

— На комъ-же онъ женился?

— На комъ? вотъ вопросъ! Разумѣется, на гувернантѣ Зеленцовыхъ.

— Ты шутишь!

— Спроси у кого хочешь.

— Впрочемъ что-жъ тутъ удивительнаго! Графъ чудеситъ на каждомъ шагу! было восклицаніе слушателя, сорвавшееся съ устъ его вмѣсто отвѣта.

Въ тотъ-же самый день изъ воротъ богатаго дома выѣзжалъ дорожный экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми; въ немъ были Штейнбургъ и Вѣра; на запяткахъ, съ особенно самодовольною миной, сидѣлъ Ульрихъ, и бросалъ вокругъ себя торжественные взгляды. Сзади ѣхалъ огромный тарантасъ, весь набитый и навьюченный чемоданами; въ немъ сидѣли молоденькій нѣмецъ привезенный графомъ и Лиза.

Вскорѣ послѣ этого, chargé d'affaires, или князь д'Эпервье, уѣхалъ въ Парижъ; драгунъ и Невегинъ стали очень рѣдко навѣщать Зеленцовыхъ, и наконецъ визиты ихъ совершенно прекратились.

Что́-же сталось съ Надиной? Пошлали— она въ монастырь, излечила-ли продолжительную болѣзнь сердца своего, или холодная могила скрываетъ теперь прахъ ея? Сомнѣніе это можно рѣшить вопросомъ: умираетъ-ли отъ любви свѣтская дѣвушка? Быть можетъ, и умираетъ; что-жъ касается до насъ, то мы еще не видывали такимъ примѣровъ, и въ доказательство этого скажемъ, что Надина—невѣста, и невѣста одного изъ тѣхъ важныхъ стариковъ, съ которыми мы познакомили читателя на балѣ. Судя по всѣмъ признакамъ, болѣе или менѣе благопріятнымъ, Надина выходитъ за него, по совѣту маменьки, не слишкомъ не охотно, только остерегается разговора о *неравныхъ бракахъ*, въ слѣдствіе которыхъ съ нею дѣлается истерика. Женихъ-же человѣкъ очень почтенный: у него двѣ звѣзды и двѣсти душъ. Надина, также будетъ генеральша, и ея титулъ превосходительства останется при ней. Она будетъ наряжаться вдоволь, разъѣзжать въ каретѣ на низкихъ рессорахъ, будетъ задавать вечера, на которыхъ прекрасно сумѣетъ разыгрывать роль хозяйки, и покамѣстъ мужъ ея займется со стариками, ее будетъ

занимать молодежь. Все это довольно заманчиво, и потому можно рискнуть, отложивъ воспоминанія и сердце.

Вольдемаръ увеличилъ кругъ своего знакомства; онъ бываетъ на всѣхъ увеселеніяхъ, на всѣхъ маскерадахъ, на всѣхъ балахъ, концертахъ и гуляньяхъ, и все по-прежнему ищетъ случая *жениться на богатой!*

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ПИСЬМА О МУЗЫКѢ.

КЪ А. Д. УЛЫБЫШЕВУ, ПО СЛУЧАЮ ТОЛКОВЪ О МОЦАРТѢ И БЕТХОВЕНѢ.

II.

Прежде всего, Александръ Дмитріевичъ, позвольте вамъ выразить нѣкоторыя опасенія касательно предстоящихъ строчекъ. Я боюсь, что вы найдете черезъ-чуръ странною мою смѣлость: адресовать къ вамъ *печатное письмо*, безъ всякаго повода съ вашей стороны. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и воспользовался счастливымъ случаемъ лично познакомиться съ вами — прошло цѣлыхъ девять лѣтъ, и вы, конечно, успѣли совершенно забыть молодаго любителя музыки, который, по порученію М. И. Глинки, привезъ вамъ въ 1843 году, партитуру «Жизни за Царя», музицировалъ у васъ, въ обществѣ тогдашняго учителя, К. Шуберта, и много бесѣдовалъ съ вами о Моцартѣ и разныхъ предметахъ музыкальнаго міра. Въ эти девять лѣтъ я не переставалъ прилежно заниматься музыкой, серьозно изучалъ, обдумывалъ, обсуживалъ многія изъ знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ партитуръ, работалъ надъ ними съ разныхъ сторонъ, составилъ

себѣ свои убѣжденія, сравнивалъ, повѣрялъ ихъ безпрестанно съ мнѣніями вашими (высказанными въ Біографіи Моцарта) и мнѣніями другихъ критиковъ (особенно нѣмцевъ), — однимъ словомъ, учился, какъ учусь и теперь, все больше и больше пристращаясь къ искусству звуковъ и его философіи.

Съ прошлаго (1851) года, я отважился съ своими музыкальными замѣтками выступить въ публику: сперва въ «Современникѣ» (разборы итальянскихъ спектаклей), а потомъ въ «Пантеонѣ» (отдѣльныя статьи по части музыкальной критики). Занимаясь въ настоящее время, по порученію редакціи «Пантеона», переводомъ мастерскаго «очерка исторіи музыки», помѣщеннаго вами во второмъ томѣ вашего превосходнаго труда о Моцартѣ, я долженъ былъ, въ сотый разъ, быть можетъ, съ особенною внимательностью пройти всю вашу книгу, которую вообще изучалъ долго и знаю довольно твердо. Есть нѣсколько пунктовъ во взглядѣ на искусство и на главныхъ его дѣятелей, гдѣ мы съ вами не сходимся. Такъ-какъ, при избранной мною дѣятельности, мнѣ случится не одинъ разъ касаться этихъ спорныхъ пунктовъ и, значитъ, не одинъ разъ затрогивать ваши мнѣнія — выраженныя въ книгѣ, давно пользующейся вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ — то, мнѣ кажется, не совсѣмъ неумѣстно будетъ, если я, въ отдѣльныхъ письмахъ, лично къ вамъ адресованныхъ, постараюсь изложить вамъ свой взглядъ, свою «profession de foi» въ отношеніи тѣхъ сторонъ музыкальной критики, гдѣ я, по крайнему своему убѣжденію, не могу быть согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Такимъ-образомъ я останусь вѣренъ разъ на всегда принятому мною правилу: въ дѣлѣ искусства высказывать только истину, какъ я ее разумѣю, не стѣсняясь никакими личными отношеніями, не руководясь никакими отдѣльными симпатіями или антипатіями, и, между-тѣмъ, ставъ передъ вами лицомъ къ лицу, я избѣгну упрека, что запосчиво задѣваю музыкальнаго критика съ такимъ авторитетомъ, какъ вашъ, что дѣлаю противъ признаннаго знатока выходки изъ-за угла.

Дѣло критика искусства я считаю слишкомъ серьознымъ дѣломъ, чтобъ осмѣлиться трактовать его слегка, какъ трактуютъ его иные; а потому для меня былъ-бы особенно чувствителенъ упрекъ въ *поверхностномъ перетолкованіи* чужаго мнѣнія о предметахъ, которые постоянно меня занимаютъ. Признаюсь откровенно, что именно такого рода упрекъ, которому я недавно подвергся (безъ всякой вины съ моей стороны) заставляетъ меня приняться за это письмо скорѣе, чѣмъ я думалъ. Дѣло въ томъ, что по случаю разбора книги г. Ленца «Бетховенъ и три его стиля», мнѣ довелось коснуться вашего сочиненія о Моцартѣ

и высказаннаго вами мнѣнія о Бетховенѣ. Нашлись люди, которые стали увѣрять печатно, что вы нигдѣ въ своей книгѣ не выразили мнѣнія о Бетховенѣ такъ, какъ приведено это мнѣніе въ моемъ разборѣ книги г. Ленца. Кромѣ стремленія въ правдѣ и серьозности въ дѣлѣ искусства, я лично слишкомъ много васъ уважаю и цѣню, чтобъ позволилъ себѣ съ умысломъ или отъ недосмотра перетолковывать ваши слова о Бетховенѣ вкось и вкривь. Напротивъ, еслибъ я замѣтилъ хоть въ чемъ-нибудь такой кривой толкъ, относительно васъ, въ книгѣ г. Ленца, я непремѣнно указалъ-бы на этотъ промахъ, очистилъ-бы васъ отъ напраслины.

Но г. Ленцъ, вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о вашей книгѣ, выписываетъ слова ваши съ дипломатическою точностью и съ указаніемъ страницъ оригинала. Такъ сдѣлалъ и я въ отношеніи словъ г. Ленца, вездѣ гдѣ мнѣ надобно было соглашаться съ нимъ или опровергать его; такъ сдѣлаю и теперь въ отношеніи вашего мнѣнія о Бетховенѣ и о симфонической музыкѣ вообще, — пункты, въ которыхъ, вмѣстѣ съ Ленцомъ, я не могу съ вами согласиться.

При всемъ, что на стр. 454 послѣдняго тома своей книги, вы сказали о расположеніи вашемъ принять благосклонно критическія замѣтки, касательно вашего труда о Моцартѣ, вы, конечно, въ полномъ правѣ не обратить ни малѣйшаго вниманія на возвраженія какого-то безвѣстнаго музыкальнаго критика, только-что выступающаго на публичную арену — и мнѣ, по всей вѣроятности, придется довольствоваться только тѣмъ, что я очистилъ себя передъ вами; но, если хоть одна изъ моихъ строчекъ покажется вамъ стоющею отвѣта, и вы полемической ареной изберете страницы этого-же журнала — тогда я буду счастливъ вдвойнѣ: и за себя, и за читателей «Пантеона».

«Безкорыстное и глубокое убѣжденіе, энтузіазмъ все болѣе и болѣе питаемый и просвѣтляемый пристальнымъ изученіемъ (de plus en plus éclairé et fortifié par l'étude) руководили перо мое. Мнѣ хотѣлось передать читателямъ моимъ то вѣрованіе, которое сдѣлалось однимъ изъ условій моего личнаго счастія; мнѣ хотѣлось доказать, сколько можно осязательнѣе и для всѣхъ вообще, (pour tout le monde) высшее, первѣйшее мѣсто (le rang suprême et unique) навсегда (à jamais), занятное Моцартомъ на музыкальномъ Парнассѣ»: такъ говорите вы на стр. 455 III тома вашей книги, въ эпилогѣ. Въ этихъ немногихъ словахъ, вы, прощаясь съ читателями, повторили мысль, къ которой стремится цѣлое ваше сочиненіе, отъ первой его страницы до послѣдней. Эта основная мысль, одушевлявшая васъ во время вашего труда, безъ всякаго сомнѣнія, принесла самому труду много пользы, сдѣлала «Біографію Моцарта», вами написанную, замѣчательнѣйшимъ критическимъ сочиненіемъ

о призваніи Моцарта и значеніи его въ исторіи искусства звуковъ. Но эта мысль, то-есть, что Моцартъ первѣйшій изъ всѣхъ композиторовъ, со всѣхъ возможныхъ сторонъ музыкальнаго творчества (Tondichtung), должна-ли имѣть значеніе «абсолютной истины» въ наше время — въ этомъ еще можно усомниться, даже и послѣ всѣхъ приведенныхъ вами превосходныхъ доказательствъ о высшемъ предназначеніи вашего героя. Вы, конечно, не скажете, что я «криво перетолковалъ» смыслъ вашего вѣрованія: подтвержденія приведенной мною главной мысли, кромѣ уже выписанныхъ, заключительныхъ словъ вашихъ, встрѣчаются на любой страницѣ вашей книги, значитъ, какъ «pièce justificative» мнѣ пришлось-бы списать ее здѣсь всю отъ A до Z. Теперь, по образцу иныхъ математическихъ доказательствъ, допустимъ, что «задача уже рѣшена», допустимъ *аксіомою*, что, при нынѣшнемъ состояніи музыки, творенія Моцарта во всѣхъ родахъ занимаютъ ея апогей: но и при этомъ предположеніи понятіе *навсегда* (à jamais) окажется черезъ-чуръ *гиперболическимъ*. Можемъ-ли мы сколько-нибудь вѣрно судить о будущности музыки, этого столь юнаго искусства? Кто знаетъ, черезъ какія измѣненія пройдетъ будущее ея развитіе? Въ какомъ отношеніи къ этому развитію станетъ все, что сдѣлано въ музыкѣ до-сихъ-поръ? Можно-ли, значитъ, рѣшительно сказать, что музыкальныя произведенія, въ наше время занимающія апогей музыки, навсегда останутся въ этомъ апогеѣ? Самое развитіе отдѣльныхъ геніальныхъ художниковъ отчасти этому противорѣчитъ. Если, на-примѣръ, согласиться съ вами, что лучше «Донъ-Жуана» Моцартъ ничего не произвелъ, значитъ все, что было имъ создано раньше «Донъ-Жуана», еще не заключаетъ въ себѣ всѣхъ условій геніальной моцартовской музыки въ полномъ ея развитіи, которое оказалось только въ «Донъ-Жуанѣ». Теперь представьте себѣ, что Моцартъ умеръ, еще не написавъ «Донъ-Жуана», на-примѣръ, умеръ тотчасъ послѣ Nozze di Figaro: за отсутствіемъ на свѣтѣ оперы «Донъ-Жуанъ», апогеемъ театральной музыки остались-бы «Идоменей», «Похищеніе изъ сераля» и «Свадьба Фигаро» (я все держусь вашего убѣжденія, что «Донъ-Жуанъ» неизмѣнно выше всѣхъ возможныхъ оперъ, а Моцартъ вообще неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ творцовъ музыки). Новыя стороны драматической музыки, новыя формы музыкальнаго сочиненія вообще и въ частностяхъ, созданныя Моцартомъ въ «Донъ-Жуанѣ», и въ наше время еще не существовали-бы въ искусствѣ, и вы, разбирая Идоменея, Похищеніе и Nozze сказали-бы: «вотъ nec plus ultra, геркулесовы столбы театральной музыки — дальше въ ней нельзя идти», въ родѣ того, какъ вы сказали на 424 стр. III тома «что-бы онъ могъ еще создать послѣ «Донъ-Жуана», увертюры

«Волшебной Флейты», послѣ «Реквіема?» Самъ Моцартъ между-тѣмъ пошелъ дальше «Фигаро», значитъ—было куда идти, было возможно идти дальше? А есть мнѣніе, что и «Донъ-Жуанъ» еще не крайній предѣлъ формъ драматической музыки; что, на-примѣръ, въ «Волшебной Флейтѣ» являются совсѣмъ новыя, неслыханныя дотолѣ формы, во многомъ еще менѣе условныя, еще болѣе поэтическія и между-тѣмъ еще ближайшія къ «правдѣ», чѣмъ музыка «Донъ-Жуана». Почему-жъ не представить себѣ, что, еслибъ Моцартъ жилъ очень долго и создалъ-бы послѣ «Волшебной Флейты» еще множество оперъ—формы самого сочиненія, пріемы оркестровки, речитативы и проч. употребленные имъ въ «Донъ-Жуанѣ», не показались-бы нѣсколько устарѣвшими, нѣсколько псевдо-классическими, противъ новыхъ свободныхъ формъ позднѣйшей сценической музыки Моцарта, которой представительница теперь только «Волшебная Флейта»? Припомните, что самъ Моцартъ, на смертномъ одрѣ выражалъ свою глубокую печаль, что ему пришлось разстаться съ жизнію именно въ то время, когда онъ дошелъ до новаго взгляда на искусство *: Подробно о самомъ развитіи Моцарта я могъ-бы еще много говорить — и долженъ говорить, потому-что и тутъ мы значительно съ вами будемъ разногласить. Вы (на стр. 204 III т. на-примѣръ, и во многихъ другихъ мѣстахъ книги) прямо высказываете мысль, что вся жизнь Моцарта была возрастаніемъ (une marche ascendante) для произведенія «Донъ-Жуана» — le chef-d'oeuvre des chefs-d'oeuvres. (p. 204) — и что съ 1787 г. (годъ созданія «Донъ-Жуана») силы Моцарта начали ослабѣвать, такъ-что позднѣйшія его драматическія произведенія («Cosi fan tutte», «Волшебная Флейта» и Clemenza di Tito) свидѣтельствуютъ объ этомъ пониженіи, упадкѣ творческихъ силъ (cette décadence, p. 204). Мнѣ придется въ своемъ мѣстѣ жарко оспоривать такое мнѣніе о дѣятельности Моцарта; я не вѣрю упадку силъ въ изумительномъ геніи, котораго смерть скосила почти въ юношескомъ возрастѣ, тогда какъ Гендель, Глукъ и Гайднъ не переставали производить чудеса искусства до глубокой старости, не переставали развиваться въ своемъ дѣлѣ со всѣхъ возможныхъ сторонъ! Объ этомъ предметѣ я долженъ буду еще много бесѣдовать съ вами, по случаю «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты»; теперь я упомянулъ объ этомъ, только для того, чтобъ показать невозможность стѣснять развитіе искусства тѣмъ, что уже въ немъ су-

---

* «Когда я, ничѣмъ не стѣсняясь, могу писать совсѣмъ такъ, какъ мнѣ Богъ велѣлъ». Слова самого Моцарта, приведенныя вами на 424 стр. III тома.

ществуетъ. Искусство создается геніальными художниками; въ нихъ вся судьба искусства; отъ индивидуальныхъ свойствъ будущихъ музыкальныхъ геніевъ, продолжателей Моцарта и Бетховена, будетъ зависѣть все направленіе музыки. Никакія критическія изслѣдованія надъ «прошедшимъ» и «настоящимъ» не позволяютъ взглянуть въ его будущее. Явится новое свѣтило на горизонтѣ театральной музыки, быть можетъ, черезъ сто, двѣсти лѣтъ, пойдетъ по новымъ, и Моцарту еще невѣдомымъ путямъ сценической музыкальной поэзіи—и передъ сіяніемъ новыхъ чудесъ драматической музыки, формы оперъ моцартовскихъ нѣсколько потускнѣютъ, окажутся не совсѣмъ удовлетворительными, сойдутъ съ своего первѣйшаго мѣста на музыкальномъ Парнассѣ, какъ формы симфоній гайдно-моцартовскихъ уже должны были уступить первенство симфоніямъ *Бетховена*. Вы, впрочемъ, съ этимъ несогласны и я виноватъ, что немножко «забѣгаю впередъ»; вамъ уже теперь довольно ясна моя исходная точка; но еще нѣсколько разъ я долженъ буду возвратиться къ такой мысли: идея красоты вѣчна, всегда присуща человѣчеству, значитъ, и истинно изящное во всѣхъ искусствахъ заключаетъ въ себѣ залогъ безсмертія; но искусство служитъ отраженіемъ идей, а идеи измѣняются вмѣстѣ съ жизнію человѣчества, въ этомъ и весь результатъ его жизни, значитъ и искусство—отраженіе жизни—должно безпрерывно измѣняться въ своемъ направленіи. Красота искусства древне-греческаго, конечно, и для насъ красота, но кто̀ не знаетъ, что мы ей несравненно меньше сочувствуемъ, чѣмъ сочувствовали сами Эллины, и наконецъ у древнихъ грековъ не было музыки, въ нашемъ смыслѣ, а въ наше время всѣ усилія отдѣльныхъ даровитыхъ художниковъ не могутъ воскресить ваяніе. Вамъ, конечно, достаточно этихъ короткихъ намековъ на обще-извѣстныя истины, чтобы понять, что̀ я желалъ-бы выразить. Говорить объ этомъ обстоятельнѣе, значило-бы писать философскій курсъ исторіи искусства; я хотѣлъ только пояснить, почему ваше словечко «à jamais» для меня казалось преувеличеніемъ. Теперь коснемся самаго первенства (le rang suprême et unique) Моцарта на музыкальномъ Парнассѣ. Вы говорите (стр. 456 III тома): «нужно ли доказывать мое убѣжденіе? не сдѣлалось-ли оно уже всеобщимъ вѣрованіемъ, гораздо прежде изданія моей книги? Не по напрасну-ли я трудился? Безна музыкантовъ, въ числѣ которыхъ, къ нашему счастію, всѣ ученѣйшіе теоретики и лучшіе изъ композиторовъ нашего времени, безъ всякаго сомнѣнія отдаютъ Моцарту должное поклоненіе (rendent à Mozart le culte qui lui est dû); почти всѣ дилетанты высшаго круга, по-крайней-мѣрѣ, у насъ въ Россіи, гордятся тѣмъ, что ставятъ Моцарта на то-же недосягаемо высокое мѣсто, какое отведено ему въ сужденіяхъ какого-нибудь Ке

рубини, Маркса, Фетиса; все это мнѣ извѣстно; но я знаю также, что такое мнѣніе, основанное на доводахъ чувства изящнаго и пониманья искусства (preuves de sentiment et d'art), доводахъ всегда подлежащихъ спорамъ, еще не получило такого неколебимаго владычества, чтобы наперекоръ этому мнѣнію, мода не возвышала на ряду съ Моцартомъ своихъ кумировъ; чтобы разныя партіи музыкальныхъ критиковъ не созидали противъ Моцарта своихъ диктаторскихъ приговоровъ; чтобы невѣжество въ спорахъ о достоинствѣ Моцарта не прибѣгало въ общимъ мѣстамъ неопредѣленной музыкальной критики. Даже до такой степени истинное понятіе о Моцартѣ еще не вкоренилось, что на каждомъ шагу можно встрѣтить сравненія не въ пользу Моцарта, тогда какъ, по всей справедливости, его нельзя сравнивать ни съ кѣмъ иначе, какъ въ томъ или другомъ спеціальномъ отношеніи (sous tel rapport spécial) или въ такой-то именно отрасли музыки (dans telle branche dénommée de la musique)». Въ послѣднихъ словахъ вы сами уполномочиваете сравнивать Моцарта съ другими композиторами съ той или другой спеціальной стороны: для меня это очень важный пунктъ. Не подумайте, что я, бывши когда-то однихъ съ вами вѣрованій въ искусствѣ, примкнулъ теперь къ противникамъ Моцарта! Можетъ-ли быть его противникомъ кто сколько-нибудь серьозно любитъ искусство и прилежно имъ занимался?! Вы превосходно сказали въ самыхъ послѣднихъ строчкахъ своей книги: «любить Моцарта во всѣхъ лучшихъ его твореніяхъ значитъ—не принадлежать ни въ какой партіи въ музыкѣ, оградить себя отъ всякой фанатической исключительности; значитъ, объявить себя приверженцемъ всего истинно изящнаго; значитъ, наконецъ, любить самую музыку (purement, simplement, absolument).»

Такъ-какъ въ Моцартѣ дѣйствительно отразилась всесторонность музыки, то приведенный мною заключительный вашъ силлогизмъ будетъ справедливъ и въ обратномъ порядкѣ (renversant l'ordre des prémisses). О себѣ я могу сказать, что люблю музыку фанатически, значитъ, не могу не любить Моцарта также фанатически. Подъ словомъ «фанатическая любовь» я здѣсь не разумѣю только одного изъ свойствъ любви, почти неразрывнаго съ фанатизмомъ, именно ослѣпленія на счетъ своего кумира въ невыгоду всѣмъ, кто можетъ съ нимъ соперничать.

По моему мнѣнію, эклектизмъ въ искусствѣ слишкомъ хорошая вещь, чтобъ отъ нея отступиться въ пользу кого-нибудь одного, хотя-бы этотъ одинъ и былъ, какъ вы прекрасно выразились, (стр. 45) «художникъ, соединившій въ себѣ всѣ школы, существовавшія въ музыкѣ до него, и потому сдѣлавшійся полнымъ представителемъ всей музыки до начала

XIX вѣка». Ничто не можетъ быть справедливѣе именно такого сужденія о Моцартѣ; но эта «всесторонность его генія равнозначительна-ли рѣшительному превосходству его передъ всѣми прочими музыкальными геніями со всѣхъ возможныхъ сторонъ искусства звуковъ»? — Это вопросъ не совсѣмъ разрѣшенный, хотя вы очень часто въ своей книгѣ и принимаете его положительное рѣшеніе за неоспоримую истину. Есть мнѣніе, котораго и я буду постояннымъ приверженцемъ, что главное дѣло Моцарта была музыка оперная, а какъ этотъ родъ музыки, въ своемъ идеальномъ совершенствѣ, требуетъ соединенія въ композиторѣ всѣхъ самыхъ разнообразныхъ стилей музыкальныхъ, требуетъ почти всѣхъ формъ искусства, то генію Моцарта и дана была изумительная способность къ этой всесторонности, дано было и стремленіе къ эклектизму. Вы сами приводите слова Моцарта, что не было ни одного замѣчательнаго композитора изъ его предшественниковъ и современниковъ, котораго-бы онъ не изучалъ пристально; можно сказать больше: не было ни одного изъ великихъ композиторовъ, которому-бы онъ не подражалъ. Но, подражая, стремясь подойти какъ можно ближе къ избранному образцу въ томъ или другомъ родѣ, Моцартъ по своей геніальности, вносилъ въ свои произведенія, быть можетъ, безсознательно для самого-себя, свою индивидуальность, налагалъ на всѣ свои произведенія печать *моцартовскаго* творчества. Искусство безгранично, какъ сама природа, какъ душа человѣческая, въ которой вся природа отражается будто въ зеркалѣ. Отдѣльные геніи, хотя-бы это были такіе *всеобъемлющіе* художники, какъ Шекспиръ, Гёте или Моцартъ, не перестаютъ быть отдѣльными личностями съ печатью индивидуальности; оттого нѣтъ и не можетъ быть ни одного художника, который вмѣстилъ-бы въ себѣ *фактически* все искусство, обхватилъ-бы весь *космосъ* со всѣхъ возможныхъ сторонъ поэтическаго воззрѣнія и могъ-бы сдѣлаться *первѣйшимъ* передъ *всѣми* и во всемъ! Да и для чего такое первенство? Тѣ геніи — Бахъ, Гендель, Глукъ, Гайднъ — у которыхъ учился Моцартъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свою «науку», и для насъ не перестаютъ быть неисчерпаемыми родниками науки и наслажденія. Мы дивимся и любуемся, какъ въ твореніяхъ Моцарта чудно сливаются красоты геніевъ, столько другъ отъ друга отличныхъ, и въ сліяніи своемъ проникаются еще особенною красотою — рафаэлевскою въ области звуковъ; но мы не можемъ не видѣть, что въ каждомъ изъ великихъ предшественниковъ и современниковъ Моцарта есть свои, ни съ чѣмъ несравнимыя красоты, свои поэтическія стороны, которыя могли только частію отразиться въ произведеніяхъ Моцарта; а для

полнаго имъ сочувствія требуютъ ближайшаго знакомства съ оригинальными твореніями этихъ великихъ мастеровъ, полнаго погруженія въ ихъ отдѣльныя сферы, съ которыми сфера моцартовская иногда вовсе не совпадаетъ. Предоставляя себѣ впослѣдствіи, при случаѣ, заняться характеристикою великихъ музыкальныхъ творцевъ, я ограничусь здѣсь самыми короткими указаніями, что даже въ общемъ ареопагѣ музыкальной критики, въ Германіи, нисколько не считаютъ Моцарта несравненнымъ и непревзойденнымъ (unübertroffen und unübertrefflich) во всѣхъ отрасляхъ музыки. Есть очень много ученыхъ музыкантовъ (особенно въ Германіи), которые апогеемъ искусства и до-сихъ-поръ считаютъ творенія Баха и Генделя, и до-сихъ-поръ не перестаютъ открывать въ нихъ новыя красоты. И это очень понятно: строгій контрапунктическій стиль этихъ великихъ мастеровъ, столь далекій отъ современныхъ намъ погремушекъ и отъ балалайнаго направленія искусства, заключаетъ въ себѣ, для истинныхъ музыкантовъ, такой запасъ живительной силы, который они найдутъ только въ весьма немногихъ произведеніяхъ Моцарта, и то уже для каждаго музыканта черезъчуръ знакомыхъ отъ нотки до нотки, а потому нѣсколько утратившихъ прелесть свѣжаго впечатлѣнія. А Бахъ и Гендель, къ счастію серьозныхъ музыкантовъ, написали страшно много, и по самому свойству своего стиля, нисколько не старѣютъ. Для музыкантовъ съ такимъ направленіемъ, которое, на-примѣръ, очень выразилось въ Мендельсонѣ, Моцартъ никакъ не первый на музыкальномъ Парнассѣ. Съ другой стороны, поклонники глубоко-патетическаго генія Глука, какъ-будто воссоздавшаго въ своихъ операхъ величіе древне-греческой трагедіи, никогда не согласятся съ вами, что Моцартъ побѣдилъ Глука въ области патетическаго на оперной сценѣ. Съ этой стороны Моцартъ является только счастливымъ подражателемъ и продолжателемъ Глука (въ «Идоменеѣ» и нѣкоторыхъ сценахъ «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты»); значитъ, уже одна оригинальность, самобытность широкихъ формъ глуковой лирической трагедіи не позволяетъ признать Моцарта побѣдителемъ Глука. Моцартъ достойно состязался съ нимъ въ области патетическаго — и это изумительно много, потому-что Глукъ великъ почти въ этой одной области; бездна другихъ сторонъ драматической музыки, ярко блестящихъ въ геніи Моцарта, для Глука остались невѣдомыми. Но своей пальмы въ «патетической музыкѣ» Глукъ не уступитъ никому на свѣтѣ. Въ соперничествѣ съ Гайдномъ побѣда также не всегда на сторонѣ Моцарта. Творецъ квартета и симфоніи и послѣ моцартовыхъ твореній ничего не утратилъ для насъ изъ очаровательной поэзіи, ему одному свойственной и разлитой во всемъ, что вышло изъ-подъ его

плодовитаго пера. Мнѣ какъ-то уже случилось высказать печатно, что, по моему мнѣнію, нѣкоторыя симфоніи и почти всѣ квартеты Гайдна не только не уступаютъ моцартовымъ симфоніямъ и квартетамъ, но даже пересиливаютъ ихъ богатствомъ фантазіи и изумительнымъ совершенствомъ развитія мыслей, на первый взглядъ чрезвычайно незатѣйливыхъ. Особенно въ обработкѣ среднихъ частей первыхъ аллегро (la composition du milieu), по окончаніи первой половины аллегро съ обычнымъ репризомъ (dans la grande coupe binaire), Гайднъ блеститъ передъ Моцартомъ, всегда нѣсколько «однообразнымъ» въ этой части своихъ квартетовъ, и даже симфоній. Вы скажете, что это придирки съ технической стороны, а симфонія и квартетъ судятся по впечатлѣнію цѣлаго, по идеѣ — совершенно такъ; но тогда рѣчь должна зайти непремѣнно о томъ разрядѣ поэтическихъ мыслей, идей (l'ordre d'idées), которыя вызываетъ въ васъ такой-то квартетъ или такая-то симфонія. Съ этой стороны, по моему понятію, Гайднъ чрезвычайно разнится отъ Моцарта, такъ, какъ отъ обоихъ еще болѣе отличается Бетховенъ. О Бетховенѣ рѣчь впереди; но что касается до квартетовъ и симфоній Гайдна и Моцарта, то, согласно съ вами и съ большинствомъ критиковъ, нельзя въ квартетахъ и симфоніяхъ не видѣть лирическихъ изліяній души композитора. Души Гайдна и Моцарта были не одинакого настроенія, значитъ, и лирическая поэзія ихъ была въ каждомъ совсѣмъ другая. Но которая лучше, кто-же это рѣшитъ? Гайднъ, безъ сомнѣнія, не могъ создать ничего похожаго на «Фигаро» или «Донъ-Жуана», за то и Моцартъ врядъ-ли могъ-бы написать такія ораторіи, какъ «Сотвореніе міра» и «Четыре времени года». Это совсѣмъ другаго рода поэзія; но въ томъ-то и все дѣло. Симфонія (по гайднову образцу, которому отчасти и Моцартъ и Бетховенъ слѣдовали) только внѣшняя форма; содержаніе симфонической музыки, лирическое настроеніе души поэта каждый разъ различно; какъ-же не быть ему различнымъ въ двухъ различныхъ геніяхъ, хотя-бы и родственныхъ между собою по многому? Только различіе это никакъ не даетъ права предпочитать одну поэзію другой. Однако и здѣсь, какъ по случаю лирической трагедіи, нельзя не замѣтить, что Моцартъ и въ квартетѣ и въ симфоніи не былъ начинателемъ, а шелъ только по стопамъ Гайдна, котораго постоянно считалъ своимъ образцомъ. Въ чисто-квартетномъ стилѣ, даже и теперь, послѣ Бетховена, первенство со многихъ сторонъ остается за Гайдномъ. Такое мнѣніе рѣзко противорѣчитъ вашимъ страницамъ 11, 13 и 14 III тома, гдѣ вы излагаете рѣшительное превосходство квартетовъ Моцарта надъ квартетами Гайдна и Бетховена. По моему мнѣнію, споръ о первенствѣ между Гайдномъ и

Моцартомъ въ ихъ квартетахъ едва-ли можетъ быть разрѣшенъ даже самымъ подробнымъ техническимъ и эстетическимъ разборомъ всѣхъ квартетовъ Гайдна и всѣхъ квартетовъ Моцарта. Многое и тогда-бы осталось на долю индивидуальнаго вкуса, отдѣльной симпатіи къ тѣмъ или другимъ поэтическимъ идеямъ; но въ справедливости замѣчанія моего о большемъ богатствѣ фантазіи у Гайдна, особенно въ разработкѣ идей, такого рода анализъ могъ-бы легко убѣдить всякаго. Со временемъ можно будетъ возвратиться къ этому предмету, чтобы доказать свое убѣжденіе фактами. Тогда, быть можетъ, придется разъяснить вліяніе другъ на друга такихъ двухъ современниковъ, какъ Гайднъ и Моцартъ. Что это взаимное вліяніе было, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но безъ ясныхъ доводовъ трудно принять на слово ваше убѣжденіе, что Гайднъ совершенно измѣнилъ свой стиль, въ слѣдствіе Моцартовыхъ произведеній; что Гайднъ, авторъ «Сотворенія», ученикъ (?) Моцарта, совсѣмъ другой художникъ, чѣмъ прежній, *до-моцартовскій* Гайднъ (стр. 190 и 210 II тома).

Но вы, быть можетъ, скажете, что я, наговоривъ столько, въ сущности еще ничего для васъ новаго не сказалъ, потому-что вы сами опредѣляете призваніе Моцарта (sa mission) тѣмъ, что «ему было предназначено соединить въ себѣ всѣ прежнія школы музыки, всѣ отдѣльныя ея вѣтви, которыя до 1780 года принесли уже зрѣлые плоды; «установить будущность музыки — на союзѣ ея прошедшаго съ ея настоящимъ» и такъ далѣе (стр. 210 и 211 II тома). Въ этомъ убѣжденіи, то-есть, въ чрезвычайномъ вліяніи Моцарта на все искусство, мы нисколько не разногласимъ: всѣ возраженія мои направляются только противъ «рѣшительнаго первенства» (supériorite absolue) Моцарта надъ всѣми другими музыкальными геніями. Вы производите такое его первенство прямо изъ «всесторонности» его генія. Но мнѣ кажется, что тутъ нѣсколько смѣшиваются двѣ разныя сферы мышленія: *качество* и *количество*. А именно въ критикѣ искусства надо, какъ можно точнѣе разграничивать эти двѣ категоріи. Одно вполнѣ превосходное созданіе искусства на вѣсахъ эстетической критики перетянетъ десять почти-превосходныхъ въ разныхъ родахъ поэзіи, хотя-бы эти десять принадлежали одному художнику. Исчисляя (на стр. 214 II тома), чѣмъ былъ Моцартъ, припоминая изумительную многосторонность его генія (поэтъ религіозный, трагическій, комическій, эпическій и лирическій, эротическій и вакхическій, и такъ далѣе), вы прибавляете: «вездѣ удивительно-совершенный (admirable), вездѣ образецъ, высшій «изъ всѣхъ (le supérieur) или по-крайней-мѣрѣ равный (égal) наболѣе даровитымъ (le mieux dotés ou les plus habiles) во всѣхъ возмо-

«жныхъ отношеніяхъ (sous quelque rapport et en quelque chose que ce «puisse être) прежде, и послѣ него, однимъ словомъ, величайшій компо- «зиторъ всѣхъ временъ и первый виртуозъ своей эпохи». Отстранивъ всякое заглядыванье въ будущее, потому-что кто можетъ поручиться, что на свѣтѣ не явится еще разъ такой-же всеобъемлющій художникъ— по моему мнѣнію, и выраженіе «величайшій композиторъ» надо измѣнить такъ: величайшій «оперный» компонистъ и одинъ изъ первѣйшихъ вообще по громадному своему значенію въ исторіи искусства. Изумительная многосторонность его эклектическаго генія должна будетъ подразумѣваться въ этомъ окончательномъ выводѣ по самымъ свойствамъ идеально-совершеннаго оперпаго стиля; точно такъ-же какъ, на-примѣръ, въ выраженіи «величайшій драматическій поэтъ» (Шекспиръ) необходимо заключаются понятія о «глубочайшемъ» знаніи сердца человѣческаго и о «всеобъемлющемъ» умѣ. Вашаже результатная сентенція о Моцартѣ была-бы совсѣмъ справедлива, еслибъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ ни въ чемъ не уступалъ Глуку, со стороны патетическаго въ оперѣ; Генделю — въ громадной широкости ораторнаго стиля; Гайдну — въ чисто-квартетномъ стилѣ и Бетховену — въ сонатахъ, квартетахъ и симфоніяхъ. Сами-же вы уполномочили сравнивать дѣятельность Моцарта съ дѣятельностью другихъ музыкальныхъ геніевъ, каждаго въ своей области искусства. (456 стр. III тома). Такимъ-образомъ позвольте мнѣ не согласиться и съ слѣдующей сентенціей: «Донъ-Жуанъ, Реквіемъ, увертюры оперъ, «симфоніи, квинтеты и квартеты Моцарта рѣзко выставляются (tran- «chent encore) и теперь, какъ въ день ихъ созданія — изъ ряду всѣхъ «музыкальныхъ произведеній прежнихъ и новыхъ»,—выставляются рѣзко, въ томъ смыслѣ, что на всемъ печать моцартова генія — съ его индивидуальными чертами и его изумительнымъ усвоеніемъ себѣ всѣхъ возможныхъ стилей, но никакъ не въ томъ смыслѣ, что всѣ эти произведенія неизмѣримо выше всего остальнаго богатства музыки! Этого никакъ нельзя сказать ни о «Донъ-Жуанѣ», ни даже о «Реквіемѣ», тѣмъ менѣе объ увертюрахъ моцартовыхъ оперъ, о его квартетахъ, квинтетахъ и симфоніяхъ. И въ XVIII вѣкѣ были соперники Моцарту съ разныхъ сторонъ (какъ я старался указать), и въ нашемъ столѣтіи былъ — Бетховенъ, исполинъ въ симфонической музыкѣ (le géant de la symphonie, стр. 206, III тома), по вашему-же собственному выраженію. Понявъ и изложивъ, какъ нельзя лучше, призваніе Моцарта въ отношеніи искусства вообще, всю великость его значенія въ исторіи музыки, великость его, какъ полнаго представителя всей музыки до начала XIX вѣка, вы, какъ ревностный біографъ, увлеклись нѣсколько

исключительнымъ энтузіазмомъ къ своему герою. Никогда, и особенно въ наше время, нельзя согласиться, что Моцартъ такъ-же исполински великъ въ каждой изъ отдѣльныхъ сферъ музыки, какъ исполински геніаленъ по своей всесторонности и по своему историческому значенію, то-есть, по своему чрезвычайному вліянію на современное и позднѣйшее искусство. Фанатическое убѣжденіе въ превосходствѣ лучшихъ твореній Моцарта предъ всѣмъ, что есть въ музыкѣ, заставило васъ быть несправедливымъ отчасти къ Гайдну, Генделю и Глуку, — и особенно, къ Бетховену. Несправедливость ваша къ величайшему изъ симфонистовъ, при всей серьозности и вѣрности направленія вашей критики, вообще больше всего прочаго заставляетъ меня вступить въ состязаніе съ вами на полемической аренѣ. Въ наше время, сужденія, высказанныя вами о Бетховенѣ, въ очень многихъ музыкантахъ и музыкальныхъ критикахъ найдутъ сильный отпоръ. Постараюсь изложить вамъ, какъ можно проще, всѣ доводы такой оппозиціи, на сторонѣ которой и мое личное убѣжденіе. Я буду выписывать по порядку всѣ мѣста вашего сочиненія, гдѣ вы касаетесь Бетховена въ ущербъ его достоинству, въ сравненіи съ Моцартомъ. Принявъ такой порядокъ, я, конечно, рискую не избѣжать иногда нѣкоторой несвязности, разбросанности въ изложеніи, потому-что буду приводить отдѣльныя ваши сентенціи о Бетховенѣ изъ разныхъ мѣстъ вашей книги; за то освобожу себя отъ сухости методическаго изложенія. Оставимъ пока въ сторонѣ тѣ странички II тома вашей Біографіи Моцарта, гдѣ (въ главѣ о призваніи Моцарта) вы излагаете психологическія данныя его характера, его души, и при этомъ раза два задѣваете личный характеръ Бетховена, для контраста, можетъ быть, довольно вѣрно, а по моимъ понятіямъ, не особенно важнаго для критики музыкальной. По моему убѣжденію, творческій талантъ, геніальность, конечно, въ очень близкой связи съ цѣлой психической основой художника, его характеромъ, его личностью, но я никакъ не допускаю неразрывности творчества поэтическаго съ личностью поэта, въ такой степени, въ какой ее допускаете вы. Предоставляя себѣ побесѣдовать съ вами объ этомъ пунктѣ, по случаю вашего разбора «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты», я здѣсь ограничусь замѣчаніемъ, что для меня — произведенія художника вовсе не представляютъ отраженія его личности, его жизни, и мелкіе біографическіе факты не всегда могутъ служить поясненіемъ характера художника, какъ мы его понимаетъ изъ его произведеній. Настоящія нападки ваши на Бетховена начинаются, значитъ, съ III тома вашей книги. На первыхъ страницахъ этого тома вы превосходно говорите объ условіяхъ истинно-изящнаго квартета (въ серьозно-обработанномъ стилѣ, quatuor travaillé, das bearbeitete Quartett).

«Истинно-квартетный стиль долженъ составлять отдѣльную независимую «отрасль высшей инструментальной музыки; долженъ существовать са-«мобытно для самого себя, абсолютно (à cause de lui-même et par lui-«même), а не для того, чтобъ служить замѣною музыки лучшей и «полнѣйшей», (то-есть, никакъ не быть арранжировкою произведеній симфоническаго или оперпаго стиля). «Въ такомъ смыслѣ квартетъ не «допускаетъ исключительно мелодическаго стиля — не можетъ обойтись «безъ стиля контрапунктнаго (style thématique et fugué)... Но, съ дру-«гой стороны и одного контрапункта тутъ недовольно. Въ стилѣ квар-«тетномъ, какъ его установили Гайднъ и Моцартъ, выразительная ме-«лодія постоянно неразлучна съ контрапунктомъ, и никакая наука въ «музыкѣ не въ правѣ изгонять мелодическій элементъ, пѣніе — душу «музыки. Лучшіе квартеты тѣ, гдѣ одни и тѣ-же мотивы, однѣ и «тѣ-же мысли музыкальныя служатъ и для мелодіи и для развитія кон-«трапунктнаго» (стр. 7). Опредѣливъ затѣмъ подробно, чего должно избѣгать въ чисто-квартетномъ стилѣ, чтобъ не впасть или въ концерт-ный или оперно-драматическій или въ симфоническій, показавъ, что «настоящій» квартетъ болѣе всего приближается къ идеальному разго-вору, бесѣдѣ между четыремя лицами (стр. 8), вы, на стр. 9, такимъ-образомъ обозначаете идеальныя совершенства квартета: «никакой дру-«гой родъ музыки не требуетъ бо́льшей логической послѣдовательности «въ избранныхъ мотивахъ, бо́льшей строгости стиля въ ихъ развитіи, «не требуетъ столько богатаго изобрѣтенія (invention) со стороны «мелодическихъ и гармоническихъ формъ, чтобы замѣнить то, чего это-«му роду музыки недостаетъ съ одной стороны — въ матеріальномъ «эффектѣ, съ другой — въ отношеніи формъ сильныхъ и страстныхъ «(fortes et énérgiques), напоминающихъ музыку оперную, драматическую, «на которыя въ квартетѣ никогда не можетъ быть и притязанія». Идеа-лу вашему отвѣчаютъ вполнѣ — только моцартовы квартеты, какъ вы стараетесь доказать на тринадцати страницахъ (отъ 11 — 24). Я го-ворилъ уже, что гайдновы квартеты невозможно поставить ниже моцар-товыхъ ни въ какомъ отношеніи; всѣ выставленныя вами идеаль-ныя условія квартетнаго стиля соблюдены Гайдномъ, какъ нельзя стро-же — да и какъ-бы ему было не соблюдать ихъ, когда онъ самъ ихъ установилъ и теорія этого стиля выведена прямо изъ его квартетовъ, служившихъ единственнымъ образцомъ этого дѣла и Моцарту и Бетхо-вену! На стр. 12, вы приводите примѣръ искусства Моцарта сдѣлать изъ фразы какъ-будто фіоритурной, изъ «легонькаго украшеньица» (un simple trait mélismatique, une fioriture légère) — фигуру контра-пунктическую, «исполненную прелести, силы и раціональности»! Но

точно такихъ (а иногда еще лучшихъ) примѣровъ можно отыскать бездну въ любомъ квартетѣ Гайдна и Бетховена. Въ способѣ владѣть квартетнымъ стилемъ эти три генія равны (какъ и во многомъ другомъ), а сами-же вы говорите (на стр. 10, III тома), что «еще не выдумано вѣсовъ для опредѣленія удѣльной красоты музыкальныхъ произведеній по золотникамъ». То, что вы ставите въ упрекъ Гайдну — то-есть, допускаемая имъ иногда близость формъ квартетныхъ мелодій къ формамъ вокальныхъ кантиленъ — выведено вами нѣсколько произвольно. Тутъ именно все дѣло въ «самой тонкой» оцѣнкѣ, во взвѣшиваніи «удѣльной» красоты; притомъ-же, одинъ или два примѣра въ восемь или десять тактовъ изъ 84 квартетовъ Гайдна — не могутъ еще служить доказательствомъ погрѣшностей гайднова стиля. Въ искусствѣ, нѣтъ мѣста математически-регулярнымъ законамъ; все — въ непосредственной зависимости отъ идеи автора, отъ его взгляда на свое произведеніе въ его цѣломъ, а не въ отдѣльныхъ микроскопическихъ подробностяхъ. Наконецъ, ужъ если-бы пошло на то, и въ моцартовыхъ квартетахъ, какъ и во всей его инструментальной музыкѣ (сонатахъ, квартетахъ, симфоніяхъ) можно-бы указать на бездну случаевъ, гдѣ Моцартъ не призадумался употребить пріемы, паденія фразъ, бывшіе, въ его время, въ большомъ ходу въ вокальной музыкѣ, и цѣлые мелодическіе повороты, очень близко напоминающіе мотивы «Фигаро» или «Донъ-Жуана». Вообще, несмотря на всю геніальность Моцарта, нельзя не видѣть, что въ немъ доля рутины была гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Гайднѣ и Бетховенѣ. Что касается Бетховена, то въ наше время нѣтъ ни одного практическаго музыканта, нѣтъ ни одного музыкальнаго критика, серьозно понимающаго искусство, который-бы не призналъ что, напримѣръ, первые шесть квартетовъ Бетховена на счетъ фактуры, на счетъ собственно квартетнаго стиля, со всѣми его, вами выведенными, идеальными условіями, ни на волосъ не уступаютъ ни гайдновымъ, ни моцартовымъ квартетамъ. Которые изъ нихъ лучше — это дѣло уже чисто индивидуальной симпатіи музыкантовъ и критиковъ. Геніальность, равная во всѣхъ трехъ, и стиль гайдно-моцартовскій до того перешли въ стиль Бетховена (перваго періода его дѣятельности), что иногда въ отдѣльныхъ частицахъ квартетовъ, въ отдѣльныхъ развитіяхъ темъ и контрапунктическихъ сплетеніяхъ очень трудно распознать, которому изъ трехъ композиторовъ принадлежитъ такая-то фраза, такое-то фугато: единственное средство, чтобъ не ошибаться — помнить всѣ ихъ квартеты наизусть. Не упоминая объ исполинскихъ фугахъ 2-й мессы, изумительныхъ чудесахъ контрапункта въ финалѣ 9 симфоніи; не упоминая вовсе о произведеніяхъ третьяго стиля Бетховена, гдѣ онъ иногда

чрезвычайно близко подходилъ къ формамъ генделевымъ (а вѣдь вы согласны, что Гендель, какъ Бахъ, былъ воплощеннымъ контрапунктомъ), кто̀ можетъ отказать въ способности къ гайдно-моцартову контрапункту тому композитору, который написалъ, на-примѣръ, хоть Andante quasi Allegretto (C-dur изъ 4 квартета, op. 18), или фугу C-dur—финалъ 9 квартета, op. 59-? Мнѣ даже какъ-то странно приводить доказательства, что Бетховенъ владѣлъ контрапунктомъ вполнѣ, сколько ему было нужно! Въ геніальности вы, безъ сомнѣнія, Бетховену не откажете. Но кто̀-же можетъ назваться геніемъ въ искусствѣ, послѣ Моцарта безъ полнаго владычества надъ всѣми формами, изъ которыхъ составился современный намъ музыкальный языкъ?.. Хорошъ былъ-бы геній исторической живописи, который-бы не владѣлъ вполнѣ ракурсами, анатоміей и т. п.?—Что въ Бетховенѣ, быть можетъ, гораздо меньше явнаго контрапункта, меньше схоластическихъ формъ, чѣмъ въ Бахѣ, Генделѣ и Моцартѣ, это зависитъ прямо отъ его взгляда на искусство, отъ психологической основы каждаго его созданія. Никто больше Бетховена не имѣетъ права назваться художникомъ-мыслителемъ; слѣдовательно, его дѣло было знать, на сколько въ своихъ твореніяхъ дать мѣста контрапункту, на сколько свободно-мелодическимъ формамъ. Да и кто̀ можетъ предписать художнику законы въ выборѣ тѣхъ или другихъ формъ?— Въ одной и той-же области музыки — въ лирической трагедіи — у Глука, на-примѣръ, несравненно меньше контрапункта, чѣмъ у его геніальныхъ послѣдователей, Керубини и Мегюля; но развѣ изъ этого слѣдуетъ заключить, что Глукъ не владѣлъ контрапунктомъ, или что его творенія должны уступить первенство операмъ Керубини и Мегюля? Между-тѣмъ, вы говорите прямо (на стр. 16): «Бетховенъ, въ отношеніи контрапункта, «не достигаетъ равенства съ двумя своими великими предшественниками «(Гайдномъ и Моцартомъ). Фугированныя части его сочиненій — обы«кновенно самыя слабыя ихъ стороны (кто̀-же это порѣшилъ?); очень ча«сто въ этихъ мѣстахъ его стилю недостаетъ благозвучія (euphonie) и ясно«сти (clarté)». — Есть у Бетховена много фугъ и фугато (особенно въ третьемъ стилѣ), которыя дѣйствительно не отличаются ни благозвучіемъ, ни ясностью. Но, по самому свойству своего генія, онъ не всегда стремился къ благозвучію и ясности (преобладающими въ стилѣ Моцарта). Даетъ-ли это право запятнать всю контрапунктную сторону его творчества упрекомъ въ неясности и неблагозвучіи, упрекомъ въ недостаткѣ способности къ этимъ качествамъ? Я никакъ не вижу тутъ строго-логическаго вывода. Стремленіе къ одной ясности, къ одному благозвучію можетъ привести въ музыкѣ къ самымъ плоско-монотоннымъ сочиненіямъ, которыхъ очень много у подражателей Моцарта. Рѣзкій диссо-

нансъ — никакъ не благозвучіе, тѣмъ менѣе рядъ диссонирующихъ аккордовъ. Но часто самая благозвучная музыка можетъ обойтись безъ диссонансовъ? Самъ Моцартъ употреблялъ ихъ на каждомъ шагу. Отъ бетховенова взгляда на искусство зависѣло еще бо́льшее мѣсто, которое онъ далъ неблагозвучію и неясности въ своей музыкѣ. Ему чаще Моцарта встрѣчалась потребность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Опять все — въ зависимости отъ поэтической мысли. Вы продолжаете: «Но контрапунктъ, элементъ силы и долговѣчности музыкальныхъ произведеній (l'élément fort et durable) представитель въ нихъ интелекта, контрапунктъ — логика музыкальная. Оттого (?) и оказывается, что въ произведеніяхъ Бетховена нѣтъ, въ такой степени какъ въ моцартовыхъ, характера той эстетической необходимости (une necessité organique), въ силу которой работа контрапунктиста, кажется, будто улеглась сама собою, и не могла иначе улечься (ne pouvait s'arranger autrement)». Затронутое вами понятіе объ эстетической необходимости (я скорѣе-бы назвалъ эту необходимость — органическою) слишкомъ важно, чтобъ на немъ не остановиться побольше. Необходимое отношеніе всѣхъ частей къ цѣлому и частей между собою — одинъ изъ первѣйшихъ законовъ организма въ природѣ, и органическаго творчества — въ искусствѣ. Самую красоту — цѣль искусства — мы не постигаемъ иначе, какъ подъ этимъ условіемъ.

На этомъ условіи зиждется все искусство (и не въ одной музыкѣ, но и въ пластикѣ, въ зодчествѣ, въ поэзіи — вездѣ). Но опять: отношеніе это, эта органическая связь — очень ясная для истиннаго художника — можетъ быть болѣе или менѣе видима, осязательна въ его произведеніяхъ, смотря по степени глубины его мыслей, смотря по свойству его генія. Уловить внутреннюю связь идей, послѣдовательность волнующихъ душу поэта о́бразовъ несравненно легче, на-примѣръ въ Гёте, чѣмъ въ Байронѣ,—въ Моцартѣ, чѣмъ въ Бетховенѣ; но слѣдуетъ-ли за это отдавать преимущество Гёте передъ Байрономъ, Моцарту — передъ Бетховеномъ? Особенно въ сферѣ чисто инструментальной музыки, которой, быть можетъ, главная прелесть состоитъ въ неопредѣлительности ея языка — очень трудно ставить границы между «яснымъ» и «неяснымъ», «понятнымъ» и «непонятнымъ», «послѣдовательнымъ» и «безсвязнымъ». — Позвольте привести вамъ слова одного, очень извѣстнаго нѣмецкаго музыкальнаго критика, который въ мильонъ разъ лучше моего говорилъ объ этомъ самомъ предметѣ, и именно по случаю Бетховена: «Мудрые судьи и знатоки убѣждаютъ повѣрить имъ на слово, что у «Бетховена нѣтъ нисколько недостатка въ богатой и живой фантазіи, «но только онъ не умѣетъ ее обуздывать (er verstehe sie nicht zu

«zügeln)! Въ его произведеніяхъ будто-бы и рѣчи нѣтъ о выборѣ «(Auswahl), обработкѣ (Formung) музыкальныхъ мыслей; онъ, будто-«бы по такъ-называемой геніальной манерѣ, бросаетъ на бумагу все «какъ ни попало, какъ ему подсказываетъ его огненная фантазія въ «минуту вдохновенія. — Но что если только отъ вашего не довольно «проницательнаго взора *ускользаетъ внутренняя глубокая связь* въ «цѣломъ составѣ каждаго произведенія Бетховена? Что если только «ваша вина, что вамъ остается непонятенъ языкъ поэта, понятный для «посвященныхъ (dem Geweihten verständliche Sprache); если для васъ еще «не отверзлись врата внутренняго святилища (des innersten Heiligthums) «его музыки? На самомъ-то дѣлѣ, великій художникъ, въ *раціональ-«ности* рѣшительно равный Гайдну и Моцарту (an Besonnenheit Haydn «und Mozart ganz an die Seite zu stellen), совершенно отдѣляетъ свое «*я* отъ внутренняго, таинственнаго царства звуковъ и тѣмъ неограни-«ченнѣе въ немъ владычествуетъ. Эстетическіе оцѣнщики (ästetische «Messkünstler), разбирая Шекспира, очень часто жаловались на совер-«шенный недостатокъ въ немъ внутренней связи тамъ, гдѣ для болѣе «проницательнаго взгляда открывался организмъ растенія съ его листья-«ми, цвѣтами и плодами, вышедшаго изъ одного зерна: такъ и въ «бетховенской инструментальной музыкѣ, только при глубокомъ погру-«женіи въ ея поэзію (durch ein sehr tiefes Eingehen) открывается *вы-«сокая логичность раціональнаго сочиненія* (die hohe Besonnenheit), «которая *неразлучна* съ истинною *геніальностью* (die vom wahren «Genie unzertrennlich ist) и воспитывается изученіемъ искусства (und «von dem Studium der Kunst genährt wird)!» Вы, конечно, припомнили, что это говоритъ капельмейстеръ *Крейслеръ* (настоящій, *гофмановъ* Крейслеръ, весьма не похожій на своихъ нынѣшнихъ сонменниковъ) въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Beethoven's Instrumental-Musik» (T. Hoffmann. Kreisleriana, № 4). Замѣчательно, что такое сужденіе, вполнѣ согласное съ нашимъ нынѣшнимъ взглядомъ на Бетховена, высказано было, по случаю C-moll-ной симфоніи, въ 1813 году! Гофману истинная музыкальность всей его натуры помогла вполнѣ сочувствовать генію, который въ то время, и еще гораздо позже, возбуждалъ о себѣ столько кривыхъ толковъ именно потому, что онъ очень своеобразенъ, очень самобытенъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ и дѣлается такимъ болѣе и болѣе, что и заставило его, со временемъ, отступить почти совсѣмъ отъ формъ гайдно-моцартовыхъ. Въ первыхъ своихъ квартетахъ, Бетховенъ, строго держась рамокъ, установленныхъ Гайдномъ и всегда соблюдаемыхъ Моцартомъ, умѣлъ-же удержать, обуздать (!) свое вдохновеніе въ предписанныхъ предѣлахъ, и эти первые шесть квартетовъ, также какъ

очень многія сонаты, тріо и прочее перваго стиля Бетховена, его септетъ (op. 20), рѣшительно во всемъ служатъ *продолженіемъ* гайдно-моцартовой квартетной музыки. Но идеи Бетховена мало-по-малу приняли другое направленіе, сфера поэтическихъ представленій его расширилась, не могла болѣе помѣщаться въ рамкахъ гайдновскихъ образцовъ; Бетховенъ расширилъ и формы самой музыки, въ постоянной параллели съ ея внутреннимъ, поэтическимъ смысломъ. Вотъ въ чемъ, какъ я говорилъ въ разборѣ книги г. Ленца, единственная разгадка бетховенскихъ нововведеній, кажущихся произвольными, капризными — для тѣхъ, кто полагаетъ, что если Моцартъ держался гайдновыхъ образцовъ *безъ перемѣны*, то и на вѣки-вѣковъ слѣдуетъ ихъ держаться во всей ихъ ненарушимости; для тѣхъ, которые видятъ une crime de lèse-quatuor, если среди финальнаго presto появляется вдругъ коротенькое andante cantabile совсѣмъ въ другомъ тонѣ (Quintetto op. 29); если въ финалѣ какого-нибудь квартета является родъ интродукціи andante, а потомъ уже идетъ allegretto quasi allegro $^{3}/_{8}$, все ускоряясь, до prestissimo (op. 18. Quat. 6). Въ квартетахъ втораго стиля (op. 59 и op. 74), Бетховенъ еще чаще отступалъ отъ выкройки гайдно-моцартовской, а въ квартетахъ третьяго стиля (для многихъ и теперь еще остающихся какими-то страшными іероглифами!) уже не четыре регулярныя части квартета или большой сонаты, а иногда только три, и каждая еще состоитъ изъ многихъ чередующихся allegro, andante и adagio; среди adagio являются періодическія presto, и т. д. Все это, конечно, сбиваетъ принятой порядокъ; но кому-же было и измѣнять этотъ порядокъ, въ случаѣ надобности, какъ не Бетховену?! Если иногда ему случалось въ квартетѣ помѣстить мысли чисто-симфоническія, такъ и просящіяся въ оркестръ (о чемъ вы говорите на 16 и 17 стр. III тома, съ *упрекомъ* Бетховену), то не имѣлъ-ли онъ на то полнаго права, когда того *требовала* идея, родившаяся въ его головѣ? Вы скажете (какъ на стр. 21): «но это противорѣчитъ *правиламъ* идеальнаго квартета». А я васъ спрошу: откуда вывели вы свою *теорію* объ идеальномъ квартетѣ? — «Изъ квартетовъ Гайдна и Моцарта». Но Бетховенъ *такъ-же геніаленъ*, какъ и они, слѣдовательно вмѣсто того, чтобъ подводить бетховенскіе квартеты подъ прежній уровень, правильнѣе было-бы принять и его квартеты прямо за образцы и по нимъ (вмѣстѣ съ гайдно-моцартовскими) расширить теорію квартетнаго стиля. Въ этомъ меня убѣждаетъ весьма близкій квартетному стилю родъ музыки — фортепіанная соната. Сонаты для клавесина писали и Гайдъ и Моцартъ. Вы сами, въ вашей книгѣ, не разбирали сонатъ моцартовскихъ, какъ слишкомъ устарѣвшихъ, отжившихъ

свое время въ искусствѣ; если это такъ, то, конечно, еще болѣе относится къ гайдновымъ сонатамъ: ихъ теперь въ-самомъ-дѣлѣ рѣшительно нельзя ни играть, ни слушать. Но сонаты Бетховена имѣютъ право гражданства не только въ домашнемъ музыкальномъ кругу, но даже (хотя изрѣдка) въ публичныхъ концертахъ. А сонаты его послѣдняго стиля — остаются еще книгою за семью печатями для большинства музыкантовъ. Ихъ еще не начинали играть. Прогрессъ отъ Гайдна къ Бетховену въ дѣлѣ сонатъ (также дуэтовъ со скрипкой и віолончелемъ, тріо, квартетовъ фортепіанныхъ, и проч.) слишкомъ замѣтенъ; почему-же не допустить его и въ квартетномъ стилѣ, который до-сихъ-поръ всегда шелъ параллельно съ развитіемъ клавесинной музыки (или, правильнѣе, клавесинная развивалась параллельно съ квартетной)? Прогрессъ бетховенской музыки, по моему мнѣнію, не столько въ формѣ, сколько въ *идеяхъ поэтическихъ, выражаемыхъ музыкою,* въ *философически-поэтической концепціи* его сочиненій. Но тутъ мнѣ должно заговорить объ отношеніи инструментальной музыки къ ея программѣ, къ ея внутренней задачѣ — а это предметъ, требующій отдѣльнаго обсужденія. Между-тѣмъ письмо мое уже выросло до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что мнѣ стало крайне совѣстно, какъ я такъ долго испытываю ваше терпѣніе. Вы, Александръ Дмитріевичъ, извините, отчасти мое многословіе, если захотите припомнить, какъ вамъ самимъ трудно было остановить перо свое, когда рѣчь шла о предметѣ, наполнявшемъ всѣ ваши мысли. Притомъ, вы лучше другихъ можете знать, какъ трудно быть немногословнымъ въ матеріяхъ критики эстетической, гдѣ какъ разъ, совершенно неожиданно, придется затронуть чисто философскіе вопросы о красотѣ, о геніальности, и т. д., а съ этими вопросами — «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ».

Еще разъ ввѣряя себя вашему благосклонному вниманію, оставляю разборъ сужденій вашихъ о Бетховенѣ, какъ симфонистѣ — до слѣдующаго письма.

Спровъ.

ЖУКОВСКІЙ И РОМАНТИЗМЪ.

Есть писатели, для которыхъ еще при жизни настаетъ потомство. Путь пройденный ими лежитъ въ величавомъ уединеніи, вдали отъ новыхъ путей, пролагаемыхъ новыми дѣятелями: онъ служитъ прекраснымъ примѣромъ; онъ, какъ свѣтлый образъ, предстоитъ воспоминанію, но уже не манитъ послѣдователей. Онъ вполнѣ и со славой оконченъ. Самъ писатель, свершившій этотъ путь, можетъ только украшать его новыми прекрасными произведеніями, но не идти по немъ далѣе. Въ судѣ современниковъ онъ уже при жизни слышитъ судъ потомства, потому-что судъ этотъ трезвъ и безпристрастенъ, потому что въ немъ слышится примиреніе всѣхъ мнѣній. Нѣтъ въ немъ этой разноголосицы сужденій, этого пристрастія въ оцѣнкѣ, какими обыкновенно сопровождаются литературныя явленія, близкія къ намъ не по одному только времени, но и по своему духу, по своему возрѣнію на искусство, еще не установившемуся и, по тому уже самому, спорному. Искусство вступило въ новой фазисъ, подняло новые теоретическіе вопросы, но еще не разрѣшило ихъ; критика, не имѣя вѣрнаго, установленнаго мѣрила, ограничивается однимъ анализомъ; вмѣсто книги, всего чаще разбираетъ чужія мнѣнія, чужія критики на эту книгу и боится дѣлать заключеніе. Все это—этотъ споръ, доходящій часто до ожесточенія, эта шаткость сужденій, это дружеское и непріятельское пристрастіе — все это чуждо того писателя, который подъ конецъ своей трудолюбивой и славной жизни видитъ, что дѣло его кончено; что онъ уже свершилъ тотъ подвигъ, на который готовился съ молодости; что самый этотъ подвигъ стоитъ передъ глазами всѣхъ какъ-будто въ уединеніи, какъ-будто отрѣшенный отъ настоящаго и подлежащій не спорамъ и разноголоснымъ толкамъ, а спокойному и правильному заключенію.

Къ такимъ писателямъ принадлежалъ нашъ Жуковскій. Онъ самъ зналъ, что дѣло, предпринятое имъ, уже свершено, что онъ можетъ

только *украшать* его поздними, но все еще прекрасными и благоуханными цвѣтами своей фантазіи, но не продолжать, не додѣлывать. Онъ самъ зналъ, что его нежитейская муза стала чужда настоящей жизни со всѣми ея треволненіями, съ ея свѣтлою стороною и темною; онъ самъ затворился отъ нея, какъ человѣкъ, совершившій уже одинъ долгій и трудный путь и чуждающійся другихъ новыхъ, потому-ли что они не сродны его натурѣ, или въ слѣдствіе того глубокаго сознанія, по которому человѣкъ, совершившій одно достойное и полное заслугъ дѣло, не рѣшается приняться за другое, еще не вѣрное. Онъ самъ какъ-будто сознается въ этомъ въ слѣдующихъ строкахъ, писанныхъ имъ еще въ 1843 году:

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего;
Смотря какъ спитъ своимъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ, и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги.
«Да не смущается твоя душа»,
Онъ говоритъ мнѣ: «вѣруй въ Бога, вѣруй,
Въ меня.» Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ, тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь на вечерѣ моемъ
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.
И въ тихій мой пріютъ, *отъ всѣхъ заботъ*
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ *минувшихъ лѣтъ*,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее *очаровалъ*
Во время оно ... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ

Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ-будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, *какой-то областью воздушной*
Лежитъ вдали минувшее мое ...

(Пятое изд. томъ V, стр. 348 и 349).

Еще яснѣе высказался поэтъ въ небольшомъ посланіи къ издателю «Москвитянина».

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, мой другъ, теперь сталъ и Москвичъ
И Москвитянинъ. Въ добрый часъ, приняться
Давнымъ-давно пора тебѣ за дѣло.
Меня-жъ взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кипитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужь ладъ
Мнѣ не поется; лѣта измѣнили
Мою поэзію: она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ ..

(Пятое изд. томъ VI, стр. 302).

Итакъ, самъ поэтъ еще при жизни сознавалъ, что онъ какъ-будто отчужденъ отъ писателей новаго поколѣнія и что его безтѣлесная, заоблачная муза давно уже сказала свое послѣднее слово. Послѣднія стихотворенія Жуковскаго, при всей своей неподражаемой прелести, при всемъ превосходствѣ своемъ сравнительно съ стихотвореніями первыхъ годовъ его литературной дѣятельности, далеко не произвели на общество и на литературу того впечатлѣнія, какимъ сопровождались его баллады, посланія и пѣсни 1802—1812 годовъ. Всѣ мы прочли ихъ — и *Рустема и Зораба* и *сказку о Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ*, вмѣстѣ съ другими сказками и, наконецъ, *Одиссею*; всѣ мы восхищались простотою разсказа, гармоніей стиховъ, чудными описаніями. Но гдѣ эти безчисленныя тетрадки, въ которыхъ съ благоговѣніемъ и съ орграфическими ошибками записывалось каждое новое стихотвореніе любимаго поэта? Гдѣ этотъ безчисленный кругъ читателей и читательницъ, которые, за неимѣніемъ печатнаго, вырывали другъ у друга эти

тетрадки, сшивали множество другихъ и жадно переписывали и заучивали все, что только выходило изъ-подъ пера *Василія* Жуковскаго? Такъ обыкновенно называли они поэта. Гдѣ наконецъ, эти безпрестанные толки и слухи о немъ самомъ, о томъ, что онъ пишетъ, гдѣ живетъ и что собирается писать? И неужели только кончинѣ его суждено было оживить всеобщее участіе и заставить вспомнить о прославленномъ писателѣ.

Времена измѣнились, да и романтизмъ отжилъ вѣкъ свой. Мы только читаемъ, но уже не переписываемъ; наизусть мы учимъ въ школахъ; на луну мы совсѣмъ не смотримъ, а если и смотримъ, то украдкой, какъ-будто боясь, чтобъ насъ не заподозрили—избави Боже!—въ романтизмѣ. Нельзя сказать, чтобъ мы не любили и помечтать ... послѣ сытнаго обѣда, и понастроить воздушныхъ замковъ... на сонъ грядущій; но опять таки въ тихомолку, а въ-слухъ, на словахъ мы положительны отъ головы до пятокъ: положительность наше любимое слово, положительный человѣкъ нашъ идеалъ. Мы всѣ положительные люди, и авторъ статьи этой нисколько не намѣренъ возставать противъ положительности — этой прекрасной стороны человѣческой природы. Въ добромъ и благородномъ человѣкѣ она благородна. Но не мѣшаетъ замѣтить, что при всеобщемъ стремленіи быть положительными и не совсѣмъ доброму человѣку очень легко уживаться съ положительностію. Я не имѣю способности читать; меня клонитъ ко сну, лишь только я открою какую-нибудь книгу; я начинаю зѣвать съ перваго акта въ оперѣ; я ничего не смыслю ни въ литературѣ, ни въ музыкѣ, ни въ живописи, и потому презираю и литературу и музыку и живопись; но я имѣю на это полное право: я человѣкъ положительный; я прекрасно веду свои дѣла; я изъ ничего умѣлъ составить себѣ отличное состояніе, и потому имѣю полное право ничего не читать; у меня превосходный столъ, и потому мнѣ хочется спать отъ какой-бы то ни было музыки; я купилъ себѣ домъ, и потому пожимаю плечами, когда при мнѣ начинаютъ говорить о такихъ пустякахъ какъ искусство; я выгодно женился, и потому говорю только о дѣлахъ да о картахъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ я умѣлъ хорошо округлить дѣла свои, а тамъ я имѣю полное право взять положительность — этотъ прекрасный типъ человѣческой природы — и спрятать подъ ней, какъ подъ услужливою маской, всѣ свои недостатки и даже пороки. Тогда я имѣю полное право презирать романтизмъ въ жизни и романтиковъ, какъ-будто-бы романтизмъ былъ нѣчто прививное въ человѣкѣ, а не такой-же прекрасный типъ человѣческой природы. Я могу даже и не подозрѣвать, что всѣ люди, по своему темпераменту,

по качеству и количеству крови, наконецъ по мѣсту рожденія, непремѣнно дѣлятся на эти два главные вида: на романтиковъ и на положительныхъ людей, какъ мы ихъ привыкли называть, или на *идеалистовъ* и *реалистовъ*, какъ назвала ихъ наука; что не можетъ человѣкъ по произволу сдѣлаться положительнымъ человѣкомъ, еслибъ даже и хотѣлъ, или романтикомъ. Очень часто мы называемъ романтиками такихъ людей, которые вовсе недостойны этого названія, а подъ положительными разумѣемъ людей которыхъ — бы скорѣе слѣдовало назвать кулаками. Все что *необходимо* въ человѣческой природѣ, то-есть все, что прирожденно человѣку, а не усвоено и не подобрано имъ на пути жизни — все то уже прекрасно и почтенно, именно потому, что оно *необходимо*, что нельзя отъ него отрѣшиться по произволу, бросить какъ какую-нибудь привычку. И потому, оба эти типа: романтики и положительные люди (будемъ называть ихъ, какъ обыкновенно всѣ ихъ называютъ) прекрасны и почтенны, если только являются въ настоящемъ ихъ значеніи, а не въ искаженномъ, какъ это часто случается.

Вотъ какимъ образомъ опредѣляетъ Шиллеръ эти два человѣческіе типа. Онъ говоритъ:

«На пути цивилизаціи между людьми образовался странный, психологическій антагонизмъ: антагонизмъ радикальный, основанный на внутреннемъ проявленіи духа, и по тому самому производящій между людьми гораздо-вреднѣйшее раздѣленіе, чѣмъ случайная вражда интересовъ; антагонизмъ, отнимающій у художника и поэта всякую надежду *всѣмъ* нравиться, *всѣхъ* трогать, что однакожь, составляетъ ихъ задачу; антагонизмъ, лишающій философа, хотя-бы онъ дошелъ до крайняго совершенства, всякой возможности *всѣхъ* убѣждать, что, впрочемъ, заключается въ самомъ понятіи философіи; антагонизмъ, въ слѣдствіе котораго поступки человѣка въ дѣйствительной жизни никогда не могутъ быть *всѣми* одобрены — однимъ словомъ, такой антагонизмъ, по которому ни одно произведеніе человѣческаго духа, ни одинъ поступокъ сердца не могутъ имѣть рѣшительнаго успѣха въ одномъ классѣ общества безъ того, чтобъ не навлечь на себя порицанія въ другомъ...

»Чтобъ дойти до истиннаго уразумѣнія этого антагонизма, должно отъ наивнаго и сантиментальнаго характера (авторъ выше разсматриваетъ оба эти характера относительно поэзіи) отдѣлить ихъ поэтическое начало. Тогда у наивнаго характера останется относительно теоріи — только здравая наблюдательность и сильная привязанность къ однообразному свидѣтельству чувственности; относительно практики—безропотное подчиненіе необходимости (но не слѣпому понужденію) природы: слѣдовательно покорность тому, что есть и что должно быть. У сантимен-

тальнаго — же характера останется только: относительно теоріи — безпокойный спекулятивный духъ, домогающійся безусловнаго во всѣхъ знаніяхъ; относительно практики — моральный ригоризмъ, основанный на безусловномъ дѣйствіи воли. Причисляющій себя къ первому разряду можетъ быть названъ *реалистомъ*, ко второму — *идеалистомъ*.»

Объяснивъ, чѣмъ обусловливаются эти два типа, одинъ—природой, другой — разумомъ, поэтъ-мыслитель съ рѣдкимъ искусственно рисуетъ ихъ характеристики. Вотъ нѣсколько наиболѣе меткихъ его опредѣленій:

«Въ характерѣ реалиста есть высокая нравственность (Moralität), только она, *принимая ее въ ея чистѣйшемъ значеніи*, заключается не въ какомъ-нибудь отдѣльномъ его поступкѣ, но во всей суммѣ его жизни. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ управляется внѣшними причинами, внѣшнею цѣлью ... Изъ отдѣльнаго случая почерпаетъ онъ правила для своего образа мыслей; изъ внутреннихъ ощущеній—правила для своихъ поступковъ: только счастливымъ инстинктомъ умѣетъ онъ отдѣлять отъ этихъ правилъ все минутное и случайное. Съ такою методой онъ отлично ведетъ дѣла свои и едва-ли сдѣлаетъ какой-нибудь значительный промахъ.

»Совершенно-иначе поступаетъ идеалистъ, у котораго побужденія (Motive) и сознаніе вытекаютъ изъ него самого и изъ чистаго разума. Если природа въ ея отдѣльныхъ отправленіяхъ является зависимою и ограниченною, то разумъ всякому отдѣльному поступку сообщаетъ характеръ самостоятельности и законченности. Такимъ является и идеалистъ, если онъ только по праву носитъ это имя ...

«Чтобъ вѣрно судить реалиста, должно судить его по всей суммѣ его жизни; чтобъ отдать справедливость идеалисту, должно судить его по одному какому-нибудь поступку, да и то еще выбрать самый поступокъ. И потому, обыкновенный судъ, любящій останавливаться на частномъ, равнодушно умолчитъ о реалистѣ, потому-что его отдѣльные поступки представляютъ въ одинаковой мѣрѣ мало пищи похвалѣ или порицанію; напротивъ того, онъ остановится надъ идеалистомъ и раздѣлится на проклятія или на удивленіе, потому-что въ отдѣльныхъ поступкахъ всѣ его недостатки или вся его сила.

«Реалистъ спрашиваетъ, *на что полезна вещь*, и цѣнитъ вещи по тому, чего онѣ стоятъ; идеалистъ спрашиваетъ, *хороша-ли вещь*, и цѣнитъ вещи по тому, чего онѣ достойны. Ко всему, что имѣетъ цѣну и цѣль въ самомъ себѣ, реалистъ очень-равнодушенъ; въ дѣлѣ вкуса онъ ищетъ удовольствія, въ дѣлахъ нравственныхъ — счастія. Реалистъ старается *осчастливить* любимый предметъ, идеалистъ—*облагородить*.

Независимость *состоянія* есть величайшее благо реалиста; независимость *отъ состоянія* для идеалиста ... Оттого первый выказываетъ свое расположеніе тѣмъ, что *даетъ*; послѣдній тѣмъ, что *принимаетъ*».. (*)

И много еще другихъ вѣрныхъ характеристическихъ чертъ приводитъ Шиллеръ для обрисовки этихъ двухъ типовъ человѣческой природы. Мы нарочно выписали эти геніальныя опредѣленія, чтобъ показать, какъ мыслилъ о романтизмѣ и положительности въ жизни благороднѣйшій романтикъ своего времени; какъ вѣрно понялъ онъ причину того едва – ли когда–нибудь примиримаго антагонизма, который такъ рѣзко раздѣляетъ людскія мнѣнія. Мы всѣ стараемся, если не быть, то по-крайней–мѣрѣ казаться положительными, потому–что положительность теперь въ модѣ, точно такъ-же, какъ еще очень недавно былъ въ модѣ романтизмъ и всѣ прикидывались романтиками. Мы всѣ теперь смѣемся надъ романтизмомъ въ жизни, какъ – будто – бы отъ него можно было отвыкнуть или отстать. Мы даже пишемъ противъ романтизма и въ нашей литературѣ есть два–три романа очень талантливыхъ, въ которыхъ романтизмъ осмѣивается, какъ нѣчто недостойное нашего времени. Нѣтъ спора, что насмѣшки литературы и общества обращены на тѣхъ жалкихъ романтиковъ, которые ни сколько не отвѣчаютъ вышеприведеннымъ опредѣленіямъ германскаго поэта; но и эти романтики суть только жалкія уклоненія отъ типа прекраснаго и неизбѣжнаго въ человѣческой природѣ. Положительными людьми они уже никогда не будутъ. Недостатки и смѣшныя стороны зависятъ тутъ уже не отъ романтизма, а отъ самого человѣка. Онъ остался - бы такимъ - же пошлымъ, еслибы могъ сдѣлаться и положительнымъ.

Нѣтъ; онъ сталъ бы еще пошлѣе. Романтизмъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, есть все–таки хоть какая нибудь сила, есть все–таки хоть какое–нибудь стремленіе, порывъ къ чему–то высшему, есть все-таки слѣдствіе хоть какого–нибудь образованія, всего чаще неполнаго и отрывочнаго, но носящаго въ себѣ сѣмя, если и недальнѣйшаго развитія, то по-крайней-мѣрѣ возможности къ дальнѣйшему развитію. Романтизмъ хотя и пошлый, все-таки читаетъ; если и не чувствуетъ, то по-крайней-мѣрѣ выказываетъ симпатію ко всему изящному и прекрасному, если и не мыслитъ, то по–крайней-мѣрѣ задумывается. Увлеченія его, часто смѣшныя и жалкія, напоминаютъ о лучшемъ чистѣйшемъ источникѣ; изъ-за нихъ ничѣмъ не заслоненный, выглядываетъ прекрасный

(*) Ueber naive und santimentale Dichtung.

человѣческій образъ; смѣшной и часто жалкій въ отдѣльномъ лицѣ, романтизмъ поддерживаетъ въ обществѣ теплоту, и участіе ко всѣмъ высшимъ проявленіямъ человѣческаго разума. Въ эпоху, когда народы вступали на путь просвѣщенія и сосредоточивали всѣ свои сили на тѣ великіе подвиги, на тѣ великія окрытія и предпріятія, которыя принесли такія огромныя пользы не одному своему вѣку, и которымъ благоговѣйно удивляются позднѣйшіе вѣка,—въ ту эпоху романтизмъ, какъ начало, былъ главнымъ двигателемъ народовъ. Колумбъ, до своего великаго открытія, былъ въ глазахъ многихъ и очень многихъ пустымъ мечтателемъ; надъ Галилеемъ насмѣхались очень, умные люди своего вѣка.

Положительность въ модѣ. Какъ вѣчное проявленіе одной стороны человѣческаго образа, она всегда прекрасна и почтенна. Но многіе-ли изъ положительныхъ людей отвѣчаютъ своему благородному типу? И не ничтожнѣе–ли, не уродливѣе–ли его отклоненія сравнительно съ тѣми, какія представляетъ романтизмъ? Не выражаютъ–ли они совершеннаго равнодушія ко всему, что необходимо должно возбуждать участіе въ человѣкѣ? Не пролагаютъ ли они начала той старческой апатіи, которая такъ вредна для народа, прекраснаго своею молодостью и внутреннею силою? Не служатъ–ли они, наконецъ, покровомъ для многихъ нечистыхъ дѣлъ и поступковъ, которые всегда рады пріютиться подъ какой–нибудь оправдывающій принципъ?

Но если романтизмъ въ жизни есть нѣчто вѣчное и постоянно–присущее человѣческой природѣ, то совсѣмъ другое начало и другой характеръ имѣетъ романтизмъ литературный.

Характеръ поэзіи каждаго народа безспорно подлежитъ различнымъ измѣненіямъ, которыя условливаются возрастомъ народа и его успѣхами на пути просвѣщенія и гражданской жизни. Но изъ среды всѣхъ этихъ видоизмѣненій и различныхъ характеровъ, какіе принимаетъ въ себя литература, выдвигается одинъ характеръ, отъ котораго она часто отклонялась, но который и въ этихъ уклоненіяхъ служилъ для нея путеводною нитью. Часто, въ эпохи испорченнаго вкуса и ложныхъ понятій объ изящномъ, великіе дѣятели литературы напоминали ей объ этомъ характерѣ и, если не всегда увлекали за собою послѣдователей, если часто даже умирали непризнанные своими современниками, то все-таки завѣщали свое правое дѣло другимъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. Этотъ характеръ, который можно назвать *вѣчнымъ*, потому–что онъ всегда останется идеаломъ каждой литературы, имѣетъ девизомъ слѣдующее простое выраженіе: *художественное представленіе природы и дѣйствительной жизни.*

Всѣ другіе характеры: первобытно сказочный, чудесный въ средне-

вѣковыхъ поэмахъ, ложно классическій французскій, фантастическій и, наконецъ, самый романтизмъ суть только временные образы, какіе принимала литература для выраженія идей и вѣрованій своего вѣка и своего народа. Многіе изъ нихъ суть только виды того главнаго и вѣчнаго характера, о которомъ мы сейчасъ говорили, и могутъ входить въ него, какъ частные элементы. Выходя изъ своего тѣснаго круга, и становясь изъ частнаго характера общимъ, они составляли школы и давали направленіе всей литературѣ, но эти школы и направленія были всегда непродолжительны. Они возникали большею—частію или какъ подражанія минувшимъ литературнымъ эпохамъ, или какъ противудѣйствіе господствовавшему ложному направленію. Такъ ложно-классическое французское направленіе возникло изъ подражанія древнимъ. Явилась нужда въ драмѣ и поэмѣ. Французскіе поэты, воспитанные въ началахъ аристотелевой реторики и имѣя готовые образцы, по необходимости увлеклись ими. Составилась цѣлая школа, которой надо было дойти до послѣднихъ предѣловъ, чтобъ рѣзко бросилось въ глаза ея ложное основаніе. Реакція не замедлила явиться. Бросили древнихъ, обратились къ разработкѣ своихъ національныхъ сокровищъ, къ своей средневѣковой поэзіи, къ своимъ народнымъ пѣснямъ, миѳамъ, преданіямъ. И эта поэзія, незвязанная никакими правилами, не сжатая ни въ какія единства, дохнувшая чѣмъ-то роднымъ, давно знакомымъ, неминуемо должна была увлечь молодые умы, воспламенить воображенія. Во Франціи явилась цѣлая фаланга молодыхъ талантовъ, возставшихъ за новую форму искусства. Въ Германіи этотъ литературный переворотъ совершился ранѣе и безъ шума. Нѣмцы гораздо прежде оцѣнили Шекспира, и въ то время, когда французы еще называли его варваромъ, а Вольтеръ сравнивалъ его съ навозной кучей, въ которой зарыто нѣсколько жемчужинъ,—нѣмцы стали освобождаться изъ-подъ французскаго вліянія и уже переработывали свою драму по великимъ образцамъ англійскаго поэта. Лессингъ пишетъ свою драматургію и свои драмы. Настаетъ *золотой вѣкъ* нѣмецкой литературы. Являются два великіе поэта, совершенно-противуположные по натурѣ, если не по воззрѣнію на искусство, и оставляютъ образцовыя произведенія въ драмѣ и въ романѣ. Въ Германіи новое направленіе принимаетъ характеръ совершенно отличный отъ того, какимъ запечатлѣны произведенія французской новой школы. Если послѣдняя приняла названіе *романтической* и если мы, русскіе, подъ этимъ именемъ привыкли понимать произведенія извѣстной школы и съ извѣстнымъ колоритомъ; то произведенія германской поэзіи той эпохи отличаются такимъ разнообразіемъ, такъ совершенны и такъ близко подходятъ къ новѣйшему пониманію искусства, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лири-

ческихъ стихотвореній, какъ-то неловко обозначать ихъ этимъ названіемъ. Да и лиризмъ германскій такъ поэтически вѣрно воспроизводилъ старинныя преданія, рыцарскую жизнь, вѣялъ такою народностью, своимъ туманнымъ таинственнымъ колоритомъ такъ много говорилъ душѣ нѣмца, что только при переносѣ этого лиризма на чуждую ему, русскую почву, можно назвать его романтическимъ, если ужь съ этимъ названіемъ мы привыкли соединять особенное понятіе. Самые идеалы Шиллера — эти образы чистой красоты — далеко выше того понятія, какое мы привыкли соединять со словомъ романтизмъ. Они такъ художественно прекрасны; въ нихъ заключена такая свѣтлая идея! Это образы просвѣтленной человѣческой природы, образы столь совершенные по выполненію, что ихъ не разрушить никакой критикѣ, никакой теоріи, потому-что они всегда будутъ родственны сердцу.

Другое дѣло во Франціи. Тамъ составилась, въ-самомъ-дѣлѣ, школа, если подъ школою принимать извѣстное направленіе, которому подчиняются таланты и вліяніе котораго ясно обозначается на ихъ произведеніяхъ. Какъ сильно было это вліяніе, доказываютъ французскіе романы и драмы, которые почти всѣ чрезвычайно однообразны по формѣ и отличаются другъ отъ друга только мнѣніями, пріемами и тѣми легкими оттѣнками, которые заключаются въ самой природѣ таланта автора, а не въ его возрѣній на искусство. Тамъ, въ самомъ-дѣлѣ, была школа, плотно составленная, дружно скрѣпленная и, въ первое время, ознаменовавшая себя упорною, ожесточенною борьбою съ классиками за новое искусство.

Но въ западной Европѣ эта литературная реформа (въ смыслѣ искусства) и осталась только литературною реформою. Новая форма искусства увеличила жажду къ зрѣлищамъ, къ легкому чтенію, но не имѣла большаго вліянія на нравы и на самую жизнь. Во Франціи литература, какъ искусство, всегда была не болѣе какъ забавою. Классицизмъ мало забавлялъ простой смыслъ и безтребовательный вкусъ большинства публики. Онъ былъ скученъ. Онъ ограничивался небольшимъ кружкомъ почитателей. Новое искусство легкостью формъ, эффектами и, главное, занимательностью заговорило всѣмъ вкусамъ. Оно въ-самомъ-дѣлѣ забавляло. Большинство зрителей и читателей отъ него болѣе ничего и не требовало. Этою неразборчивостью наслажденія объясняется и настоящее положеніе французской литературы. Въ жизнь общественную проникали только произведенія, написанныя съ извѣстною цѣлью, подъ угломъ извѣстныхъ идей, и литература, какъ искусство, перестала быть сама себѣ цѣлью, и сдѣлалась средствомъ для выраженія идей различныхъ партій, на которыя раздѣлялось общество. Еслибъ классики отыскали

способъ быть занимательнѣе и эффектнѣе въ своей формѣ — ихъ вліяніе на общество было-бы тоже. Оно развивалось послѣдовательно, изъ самаго себя, исторически; оно было занято своею историческою жизнію; новое искусство застало его не среди покоя и бездѣйствія, и потому очень естественно, что оно должно было уступить мѣсто другимъ интересамъ. Въ Германіи, до поворота литературы на новый путь, французское вліяніе съ его ложнымъ классицизмомъ не пользовалось большимъ сочувствіемъ и вращалось въ ограниченномъ кружкѣ публики. Нѣмецъ, мечтательный по природѣ, всегда любилъ свои туманныя легенды. Всевозможныя Lieder (пѣсни) были его насущною потребностью. По вечерамъ, за кружкой пива или за рюмкой рейнвейна, въ небольшомъ кружкѣ пріятелей ужь непремѣнно раздавались цѣлые хоры. На улицахъ ватаги молодыхъ людей, выходя изъ Bierschenke, затягивали тѣ-же пѣсни. За холостыми столами пѣлись Tafellieder... Новая форма искусства явилась въ Германіи чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ, непадолго прерваннымъ чужеземнымъ вліяніемъ. Общество радо было возобновленію роднаго, но оно никогда и не выходило изъ-подъ его вліянія. При постоянно возбужденной фантазіи и при склонности нѣмца къ мечтательности, литературная реформа дала ей только болѣе обильную пищу, но не породила ее. Она давно уже жила въ народѣ.

Совершенно иными послѣдствіями сопровождается появленіе у насъ романтизма, цѣликомъ пересажденнаго на нашу русскую почву Жуковскимъ. Европейская цивилизація, въ началѣ настоящаго столѣтія, успѣла уже пустить у насъ крѣпкіе корни, но она распространялась тогда еще только на поверхности высшихъ слоевъ нашего молодаго общества; вмѣстѣ съ нею измѣнились только наши обычаи. Новаго занесеннаго матеріала достало только на внѣшнюю обстановку нашей жизни. Жили мы по новому, но мыслили еще по старому. Наслажденія наши рѣдко выходили изъ-за тѣсной черты чувственности. Литература, недавно освободившаяся отъ славянскихъ формъ, не могла дать имъ достаточной пищи. Державина читали, но онъ былъ слишкомъ серьезенъ для того, чтобъ *нравиться* большинству и быть *его* поэтомъ. Дмитріевъ писалъ басни и сатиры; но сатира можетъ увлекать общество только въ эпоху нѣкоторой возмужалости, сознанія, нѣкотораго опыта въ жизни, когда является потребность оглянуться вокругъ себя и на пройденный путь, а не тогда, когда этотъ путь только начатъ, когда по немъ спѣшатъ со всею энергіею молодости и свѣжихъ силъ. Одинъ Карамзинъ увлекалъ всѣхъ легкостью своей прозы; но его одного было недостаточно для общества, жаждавшаго чтенія, а подражатели его были немногочисленны. Высшій кругъ читалъ французскія книги, но большинство читателей, не зная иностран-

ныхъ языковъ, должно было ограничиваться тѣмъ, что давала ему тогдашняя наша литература. Сверхъ того, Карамзинъ не былъ поэтомъ; стихи его нравились, но не имѣли силы увлекать, не сосредоточивали на себѣ всеобщаго вниманія, не возбуждали всеобщаго удивленія, этого двигателя массъ. Обществу нуженъ былъ поэтъ, который-бы заговорилъ его бездѣйствію, далъ-бы мысль его уму, разбудилъ-бы его духовныя силы; который-бы въ чудныхъ картинахъ показалъ ему преданія и поэтическую исторію той цивилизаціи, которую оно съ такимъ жаромъ приняло изъ рукъ своего преобразователя. Обществу нужна была духовная связь со стариной его цивилизаціи, чтобъ въ глазахъ его приняли смыслъ и значеніе правила, обычаи и обряды его новой жизни.

И въ-самомъ-дѣлѣ, когда явился такой поэтъ, всеобщее сочувствіе привѣтствовало его первыя стихотворенія. Они читались, переписывались, заучивались. Каждая новая его баллада или пѣсня расходились по грамотной Россіи въ нѣсколькихъ тысячахъ рукописныхъ экземпляровъ. Ни кто до него не писалъ такими сладкими звучными стихами; ни кто не умѣлъ такъ говорить воображенію и сердцу. Услышали новый строй русской рѣчи; увидѣли простонародныя слова и выраженія въ поэтической формѣ; элегія Жуковскаго сладко зажурчала какъ серебристый ручей послѣ торжественной оды; его таинственная и задумчивая баллада показалась чѣмъ-то чуднымъ, небывалымъ. Нновый, роскошный міръ богатый картинами и видѣніями, полный жизни и значенія открылся передъ изумленными глазами читателей. Все въ немъ было ново, невидано, неслыхано. Все въ немъ давало пищу праздному уму, воображенію и сердцу. Все въ немъ пробуждало фантазію, развивало мечтательность. Иначе взглянули на жизнь, на все окружающее, на природу. Въ ней стали искать тѣхъ фантастическихъ существъ, которыми были полны произведенія любимаго поэта. Любовники обратились къ лунѣ и звѣздамъ. Уединеніе стало любимою мыслью. Любовь, скромная хижина и живописный ручей сдѣлались идеалами счастія. Разлука въ милымъ получила утѣшеніе, жертва насильственнаго брака— защиту съ любимомъ поэтѣ. Жуковскій научилъ свое поколѣніе любить, плакать и мечтать.

Остановимся на этомъ словѣ. Всѣ мы убѣждены теперь въ безполезности мечтаній, во вредѣ настроивать свою фантазію на превыспренній ладъ и жаждать того, что никогда не случится. Всѣ мы знаемъ теперь, какое недовольство дѣйствительностію и окружающею обстановкою возбуждаютъ эти безплодныя мечты и какъ иногда человѣкъ становится вовсе неспособнымъ къ практической жизни вслѣдствіе подобныхъ экзальтацій. Все это такъ, и въ этомъ не можетъ быть никакого

спора. Мы пережили романтическую эпоху и совершенно разстались съ нею. Но что безполезно и вредно въ одну минуту человѣческой жизни, то можетъ быть необходимо въ другую. Молодое, только-что развивающееся общество требуетъ сильныхъ побужденій. Матеріализмъ захватываетъ его часто въ самомъ началѣ пути и нужно сильное напоминаніе о всемъ высокомъ, благородномъ, чтобъ спасительно пробудить его чистѣйшіе инстинкты. Это благородное назначеніе выпало на долю Жуковскаго. Если сравнить теперешнее общество съ тѣмъ, которое встрѣтило первые стихи нашего поэта, то нельзя не подивиться тому, какіе успѣхи сдѣлало оно въ это полстолѣтіе, успѣхи какъ въ самой жизни, такъ и въ просвѣщеніи. Гдѣ вы встрѣтите теперь героевъ прежнихъ сатиръ? Вѣрные типы еще очень недавнихъ комедій почти исчезли, а если еще существуютъ, то уже въ другомъ совсѣмъ видѣ. Безстыдство уже не смѣетъ по-прежнему выказываться наружу и боязливо прячется отъ свѣта, страшась столько-же общественнаго мнѣнія, сколько и закона. Мы такъ далеко ушли отъ того времени, которое привѣтствовало первыя начинанія Жуковскаго, что о многомъ, случавшемся тогда, можемъ сказать:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Вотъ почему нельзя не согласиться, что благородные порывы, внесенные въ тогдашнее общество музой Жуковскаго, туманный, неземной строй поэзіи, самая эта мечтательность, самая эта тоска по чемъ-то неземномъ были благодѣтельны и, можетъ быть, необходимы въ его время. Если не на тогдашнихъ отцовъ, то на ихъ дѣтей дѣйствовала его поэзія — и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается нравственное значеніе поэзіи Жуковскаго.

Жуковскій началъ писать съ 1802 года. Кто не знаетъ его первой элегіи: *Сельское кладбище* (изъ Грея)? До 1806 года онъ почти не зналъ нѣмецкой литературы, изъ которой впослѣдствіи такъ много переводилъ. Этотъ годъ можно по справедливости считать началомъ романтическаго направленія нашей литературы. У насъ есть собственноручное письмо Жуковскаго, писанное имъ къ сосѣду его по деревнѣ, Ѳедору Григорьевичу Вендриху, человѣку, по-видимому очень образованному недурной классической библіотекой. Письмо писано отъ 19 декабря 1805 года, старинным почеркомъ. Вотъ изъ этого письма, одно мѣсто, которое, вѣроятно, покажется не лишеннымъ интереса для читателей:

«..... Въ благодарность за ваше подробное описаніе нутешествія въ Орелъ — пишетъ Жуковскій — скажу вамъ слово о своихъ собствен-

ныхъ занятіяхъ. Я переселился въ Бѣлевъ, въ свой домъ; вся наша фамилія теперь живетъ у меня, слѣдовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня было пусто; скучать могу еще меньше, потому-что принялся читать Виланда, вашего пріятеля. Читаю Агатона; удивительная книга! Я думаю, это лучшее его сочиненіе. Какой слогъ! Какое знаніе свѣта и человѣческаго сероца! Какъ все прекрасно описано: и аѳинскія народныя собранія, и уборная Динаи, и дворъ Діонисія! И какая философія! Я зачиналъ читать эту книгу прежде, давно, въ французскомъ переводѣ: признаюсь, тогда она мнѣ наскучила, первое, потому-что переводъ былъ дуренъ и что почти невозможно хорошо перевести книгу, написанную такимъ единственно прекраснымъ слогомъ какъ Агатонъ; второе, потому – что эта книга меньше романъ, нежели философическое изображеніе человѣка; а тогда я не могъ такъ любить *философическое* (курсивъ въ подлинникѣ) какъ люблю теперь и меньше могъ понимать философію Агатона. Трудно найдти книгу столько полезную, какъ эта, для молодаго человѣка съ нѣкоторою живостію въ воображеніи. Я прочелъ только два первые тома; теперь начинаю третій, но по оглавленію, кажется, понимаю планъ и цѣль Валанда. Онъ представляетъ молодаго энтузіаста добродѣтели во всѣхъ положеніяхъ жизни; онъ сличаетъ его *вдохновенную* философію съ *убійственною* философіею (слова эти подчеркнуты въ подлинникѣ) свѣтскихъ развратниковъ, эгоистовъ по правиламъ, однимъ словомъ, Гиппіасовъ. Это сличеніе имѣетъ великую пользу. Въ свѣтѣ обыкновенно смѣются мечтамъ и чувствамъ пылкихъ молодыхъ людей; называютъ ихъ понятія о добродѣтели химерами; въ самомъ-дѣлѣ, они химеры въ большомъ свѣтѣ, для котораго они существуютъ и который все привыкъ обращать въ смѣшное: но они не химеры для того человѣка, который заключаетъ свое счастіе меньше въ грубой чувственности, нежели въ наслажденіяхъ духовныхъ. Виландъ хотѣлъ согласить сіи двѣ противуположности: *мечтательность*, которая разлучаетъ человѣка съ людьми и переселяетъ его въ жилище духовъ, и грубую *тѣлесность, чувственность*, которая слишкомъ унижаетъ человѣка и лишаетъ его моральнаго и первѣйшаго достоинства, единственно отличающаго его отъ скотовъ. Жить одними идеалами негодится; но не имѣть совсѣмъ идеаловъ столь-же негодится: середина есть то, что всякій человѣкъ съ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ чувства избирать долженъ. Я еще не дочиталъ Агатона, ко мнѣ кажется, что Виландъ, при концѣ, въ видѣ Архитаса, представилъ настоящаго мудреца, истиннаго моральнаго человѣка. Я-бы желалъ, чтобы всякій молодой человѣкъ съ пылкою, платоническою душою, предъ своимъ вступленіемъ въ свѣтъ, бралъ въ руки

Агатона, прочитывалъ его нѣсколько разъ и приготовлялъ себя симъ чтеніемъ къ тѣмъ многочисленнымъ, иногда труднымъ опытамъ, которые для всѣхъ насъ, бѣдныхъ грѣшниковъ приготовлены. Онъ-бы научилъ не ввѣряться своей мечтательности (Schwärmerei), которая сама по себѣ вредна и опасна, но будучи обуздана здравою опытною философіею, можетъ быть источникомъ совершеннѣйшаго земнаго счастія; въ то-же время онъ-бы вооружился противъ обольстительной философіи свѣтскихъ эгоистовъ, которыхъ вся доктрина методически представлена Гиппіасомъ, и самымъ лучшимъ образомъ опровергнута въ продолженіи всей исторіи Агатона: я думаю, что Архитасъ долженъ быть противуположность Гиппіаса, и тѣмъ лучше, что его философія оставлена для конца послѣднее впечатлѣніе самое сильнѣйшее. Однимъ словомъ, Агатонъ прекраснѣйшая книга Виланда, не смотря на то, что онъ часто отдаляется отъ матеріи. Главное достоинство его состоитъ въ томъ, что онъ не даетъ уму заснуть и всегда возбуждаетъ много мыслей ... Но я вѣрно вамъ наскучилъ, говоря о такомъ предметѣ, который вы, конечно, знаете лучше меня. Что нужды! Любовникамъ пріятно говорить о своихъ любовницахъ, а охотникамъ до чтенія о тѣхъ книгахъ, которыя они читаютъ. Вы мнѣ сами должны сообщить свое мнѣніе о Агатонѣ. Я-бы желалъ, еслибы не боялся васъ отяготить, чтобы вы назначили мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги во всѣхъ родахъ литературы; нѣмецкая литература мнѣ мало знакома; но я, конечно, не имѣю нужды искать лучше васъ совѣтника въ выборѣ книгъ нѣмецкихъ. Между-тѣмъ простите ...»

Отъ этого письма такъ и вѣетъ юношескимъ возрастомъ. Жуковскій писалъ его двадцати-трехъ лѣтъ (онъ родился въ 1783 году). Въ немъ очень видно желаніе блеснуть постиженіемъ автора, даже на счетъ истины отыскать въ немъ тѣ стороны и красоты, о которыхъ самъ художникъ, можетъ быть, и не думалъ. Сверхъ того, въ этомъ письмѣ такъ искренно высказывается тогдашній взглядъ нашего поэта на жизнь, взглядъ, которому онъ, впрочемъ, остался вѣренъ до самой своей кончины. Онъ сознается, что мало знакомъ съ нѣмецкой литературой и проситъ своего сосѣда назначить всѣ лучшія нѣмецкія книги *во всѣхъ родахъ литературы*. Все это дѣлаетъ это письмо, само-по-себѣ не важное, очень важнымъ біографическимъ матеріаломъ, и вотъ почему мы почти цѣликомъ привели его на этихъ страницахъ.

Мы высказали наше мнѣніе о нравственномъ значеніи поэзіи Жуковскаго, какъ двигателя нашего общества. Онъ ввелъ новое, до него незнаемое начало въ русскую литературу — романтизмъ, преимущественно нѣмецкій. Поэзія Жуковскаго была полна идей, которыми проник-

лось наше тогдашнее образованное сословіе. Но при всемъ своемъ мистицизмѣ, при всей неопредѣленности стремленій отъ всего земнаго, матеріальнаго къ чему-то высшему и лучшему, при всемъ недовольствѣ земными благами, тщетою величія, славы и счастія, при постоянномъ оплакиваніи несовершенствъ сей жизни; въ поэзіи Жуковскаго вездѣ видна сильная любовь къ этой самой жизни, и еще сильнѣйшая любовь къ природѣ и ея многообразнымъ явленіямъ. Поэтъ говоритъ:

Сей мыслью высокой (о загробномъ свиданіи) украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю *благодарнымъ*
На землю, *гдѣ столько разсыпано благъ,*
На полное славы творенье.
Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры.
Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная *священна*;
При мысли великой, что я *человѣкъ* (курзивъ у автора)
Всегда возвышаюсь душою...
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость — все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу Зевесу!
(Теонъ и Эсхинъ, 1814 годъ. томъ II, стр, 59; изд. пятое)

Это возрѣніе на жизнь является и въ его переводахъ, такъ-какъ онъ переводилъ вещи, родственныя съ его философіею. Даже изъ древнихъ поэтовъ онъ выбиралъ сочиненія, близкія къ своему собственному взгляду на житейское. Вотъ на-примѣръ посланіе къ *Делію* изъ Горація, переведенное еще въ 1808 году:

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ.
Хотя-бъ заботы насъ томили,
Хотя-бъ токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили—
Умремъ: такъ Діемъ суждено
Неси-жъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій сплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ береговъ,
Вино и масти ароматны,
И розы, дышущія мигъ.
О Делій, годы невозвратны;
Играй — пока нить дней твоихъ
У черной парки подъ перстами;

Ударитъ часъ — всему конецъ;
Тогда прости и лугъ съ стадами
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла,
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье;
Играй — таковъ есть мой совѣтъ;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастья зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь-бы свѣтлымъ токомъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но нежданный другъ.

Сочувствіе къ природѣ выражается у Жуковскаго въ чудныхъ описаніяхъ ея явленій и мѣстностей. Это картины, проникнутыя самымъ теплымъ колоритомъ; краски, потраченныя на нихъ поэтомъ, живы и вѣрны; онѣ полно и ясно говорятъ воображенію читателя, оставляютъ въ немъ свѣтлый опредѣленный образъ, и свидѣтельствуютъ о любви самого поэта къ природѣ. Особенно въ послѣднее время своей поэтической дѣятельности, когда съ лѣтами, а можетъ быть, и по вліянію этого всеобщаго стремленія вѣка ко всему опредѣленному и ясному, поэтъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ своихъ прежнихъ, неясныхъ порывовъ,— особенно въ послѣднее время, эти чудныя картины природы возвышаются у него до той художественности созданія, которой мы удивляемся во всѣхъ великихъ поэтахъ. Вспомните нѣкоторыя мѣста изъ *Ундины*, изъ *Наля и Дамаянти*. Еще въ 1816 году онъ перевелъ нѣсколько лучшихъ стихотвореній Гебеля, дышащихъ обаятельною поэзіей деревни и крестьянскаго быта, обрисованнаго, впрочемъ съ одной только стороны, стороны поэтическаго покоя. Уже въ этихъ стихотвореніяхъ гекзаметръ, столь послушный подъ перомъ Жуковскаго, начинаетъ пріобрѣтать ту изумительную непринужденность разсказа, ту прозрачность колорита, которыя такъ плѣнительны въ *Ундинѣ*, въ *Налѣ и Дамаянти* и въ другихъ позднѣйшихъ его стихотвореніяхъ. Даже картины сказочнаго міра, въ которыхъ природа является фантастическою и разцвѣченною не свойственными ей красками, выходятъ у Жуковскаго такими законченными и полными прелести, что какъ-будто вѣришь имъ и невольно любуешься ими. Прочтите, напримѣръ, описаніе огненнаго лѣса изъ «Наля и Дамаянти»:

. . . . . вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ; озираюсь:
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя иглы, выходитъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованный къ камню,
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ, коимъ дышалъ я,
Мало-по-малу въ пронзительный жаръ обращалось: сначала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая травка; слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой, напослѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое дерево было
Все изъ огня: языками горящими листья шумѣли,
Вѣтви со всѣхъ сторонъ вились, какъ молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качалися вершины, и дымъ громовою
Тучей надъ ними клубился . . .» (Наль и Дамаянти).

Тутъ что ни слово, то новая краска. Вотъ еще описаніе фантастическаго царства, объятаго непробудимымъ сномъ, изъ его превосходной сказки о «Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ».

. . . . . И царство все отъ самыхъ
Его границъ до самаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они (Иванъ Царевичъ съ невѣстой) не проѣзжали, все
Тамъ спало; на полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близь нихъ
Съ своимъ бичемъ взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ; пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ и пыль
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ,
На деревахъ листы дремали, молча,
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
Въ селеньяхъ, городахъ все было тихо,
Какъ-будто въ гробѣ: люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все: собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ и дымъ въ трубкахъ,
Все спало...

Муза Жуковскаго, никогда почти невыходившая изъ избранной имъ самимъ сферы, не старѣлась съ его лѣтами. Напротивъ, она крѣпла и мужала. Самыя послѣднія его стихотворенія, извѣстныя русской публикѣ: «Отрывокъ изъ дѣтской сказки» и «Царскосельскій лебедь» также свѣжи и образны, также полны поэзіи, какъ произведенія лучшей поры его поэтической дѣятельности. Если Жуковскій, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, и утратилъ то нравственное вліяніе на нашу литературу, о которомъ мы упомянули выше, и мы только удивлялись его новымъ сочиненіямъ, какъ созданіямъ искусства, совершеннымъ и прекраснымъ,

но уже чуждымъ намъ по своимъ началамъ и по своему колориту: то другое его вліяніе, вліяніе *матеріальное*, вліяніе на языкъ нашъ не прекращалось до самой его кончины. Это не подлежитъ ни какимъ спорамъ, ни какимъ сомнѣніямъ. Сказаніе о незабвенныхъ заслугахъ Жуковскаго передъ русскимъ языкомъ давно уже вошло въ область историческимъ фактовъ русской литературы и говорить объ этихъ заслугахъ значитъ пересказывать то, что мы заучивали въ школахъ.

Жуковскій, по большей части своихъ произведеній, переводчикъ. Онъ переводилъ съ англійскаго, съ нѣмецкаго, рѣдко съ французскаго; но большинство русской публики считаетъ (и по справедливости) своего поэта оригинальнымъ писателемъ. Въ лучшую пору его славы, когда всѣ приходили въ восторгъ отъ каждой его новой баллады, твердили наизусть «Алину и Альсима» — рѣдко кому приходило въ голову справиться, откуда переведена эта новая баллада, эта «Алина и Альсимъ». Знали Жуковскаго, читали Жуковскаго говорили о Жуковскомъ. Почти всѣ его переводы (за очень немногими исключеніями) такъ поэтически вѣрны, такъ художественно окончены и отдѣланы, что совершенно сдѣлались нашею собственностію, нашимъ достояніемъ, которымъ въ правѣ гордиться русская литература. Когда вы читаете «Ундину», или «Наля и Дамаянти», или даже «Графа Габсбургскаго» и «Замокъ Смальгольмъ» и плѣняетесь неуловимою прелестью разсказа, чудными описаніями и цѣлою музыкой стиха, вибрирующаго, какъ звучная струна, въ вашемъ сердцѣ — вы читаете Жуковскаго, вы плѣняетесь Жуковскимъ и совершенно забываете справиться, вѣрно-ли все это съ подлиннымъ. Поэтъ самъ сознавалъ это, назвавъ общее собраніе своихъ произведеній *сочиненіями*. Когда переводъ становится вѣчнымъ достояніемъ литературы, онъ перестаетъ уже быть переводомъ. Таковы нѣкоторые переводы Пушкина и Лермонтова; таковы и переводы Жуковскаго. Пусть въ другихъ литературахъ есть свои «Ундина», свой «Наль и Дамаянти» свой «Графъ Габсбургскій» и «Замокъ Смальгольмъ» — русскіе никогда не забудутъ своихъ, русскихъ произведеній, и заглавленныхъ этими именами: они всегда останутся для насъ произведеніями чудно-прекрасными, какія только могла представить романтическая школа.

Сверхъ того, переводъ стихотворный никогда не можетъ быть поставленъ на ряду съ переводомъ прозаическимъ. Въ стихѣ, помимо содержанія и мысли, заключается уже та художественность, та музыка, та ему одному свойственная сила, тѣ качества, однимъ словомъ, по которымъ онъ насильно остается въ памяти, плѣняетъ читателя, и которыхъ лишена проза. И потому стихотворецъ, передавая намъ произ-

веденія чужихъ литературъ, не перестаетъ быть самостоятельнымъ художникомъ, если стихъ его силенъ и поэтиченъ. Зная наизусть подлинникъ, мы прочтемъ и переводъ, ради новой музыки на ту-же тему, радо новаго процесса поэтической обработки. Даже въ отступленіяхъ отъ подлинника и въ измѣненіяхъ его, за которыя мы-бы никогда не простили переводчику прозаическому, мы станемъ искать только равносильныхъ красотъ, замѣны одной силы другою, и даже признаемъ переводчика побѣдителемъ, если его отступленія отъ подлинника оставятъ въ насъ сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ самый подлинникъ. Такимъ переводчикомъ въ бо́льшей части своихъ переводовъ былъ Жуковскій. Одинъ изъ нашихъ критиковъ (г. Галаховъ) очень вѣрно опредѣлилъ эту сторону дѣятельности нашего поэта, сказавъ, что Жуковскій былъ переводчикомъ, не Шиллера или другихъ какихъ-нибудь поэтовъ Англіи и Германіи, но переводчикомъ романтизма, вошедшаго въ поэзію нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ.

Окончу этотъ бѣглый очеркъ поэтической дѣятельности Жуковскаго нѣкоторыми свѣдѣніями объ его послѣднихъ минутахъ.

Жуковскій скончался въ Баденѣ, $^{12}/_{24}$ апрѣля съ пятницы на субботу во второмъ часу по полуночи. Вотъ что пишетъ очевидецъ его послѣднихъ минутъ стутгарскій священникъ Іоаннъ Базаровъ, котораго просилъ къ себѣ покойный для совершенія надъ нимъ таинства причащенія:

«$^{7}/_{19}$ апрѣля, въ понедѣльникъ оминой недѣли, я прибылъ въ Баденъ-Баденъ, и нашелъ Василія Андреевича въ постели очень больнымъ. Домашніе его всѣ были погружены въ печаль; какое-то мрачное предчувствіе лежало безотчетно на сердцахъ всѣхъ. Супруга его напередъ предварила меня, что онъ раздумываетъ теперь принять Св. Тайны, надѣясь въ петровскій постъ исполнить это святое дѣло со всѣмъ благоговѣніемъ и разсчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу. Въ этотъ день, такъ какъ уже было довольно поздно, я не могъ его видѣть.

«На другой день, въ 11 часу утра я вошелъ къ нему въ спальню. Его первыя слова были: «Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложить. Вы видите, въ какомъ я положеніи ... совсѣмъ разбитый ... въ головѣ не клеится ни одна мысль... Какъ-же такимъ явиться передъ Нимъ?» Произнося эти слова, онъ постоянно хваталъ себя за голову, какъ будто дѣйствительно его мысли не клеились въ ней. Выслушавъ его, я отвѣчалъ: «Но что-бы вы сказали теперь, если-бы Самъ Господь захотѣлъ притти къ вамъ? Развѣ отвѣчали-бы Ему, что васъ нѣтъ дома»? Вмѣсто отвѣта онъ заплакалъ. «Такъ приведите мнѣ Его, этого Свя-

таго гостя», проговорилъ онъ сквозь слезы. Подошла его супруга. Онъ взялъ ее за руку и значительно, съ разстановкою говорилъ ей: «вотъ онъ (указывая на меня), какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа, ко мнѣ недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ!» Я обѣщалъ на другой день приготовить его дѣтей исповѣди и причастить ихъ вмѣстѣ съ нимъ у его кровати. Здѣсь онъ началъ мнѣ говорить, какъ онъ старался учить дѣтей своихъ по изобрѣтеннымъ имъ самимъ таблицамъ. Потребовалъ самыя таблицы; но руки его были слабы; напряженіе мысли затрудняло его. Я успѣлъ уговорить его оставить это до будущаго времени «Да» — говорилъ онъ — «вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣ–три». Въ это время вошла снова его супруга, и стала его упрашивать, чтобы онъ успокоился и не говорилъ такъ много. Но онъ съ примѣтною досадою отвѣчалъ: «Ахъ, мой другъ, что ты такъ заботишься объ этомъ (указывая на тѣло свое) бренномъ трупѣ? душа наша важнѣе всего». Однако я поспѣшилъ его оставить, и, освѣдомившись вечеромъ, узналъ, что онъ былъ потомъ въ бреду и забытьи.

«$^{9}/_{12}$ апрѣля, въ среду, послѣ исповѣди дѣтей, я являюсь къ нему, чтобы приготовить его къ принятію Св. Таинъ. Онъ встрѣтилъ меня словами: «Вчера меня мучила мысль; какъ чудовище, не хочетъ отойти отъ моей кровати; точно дубиной разбираетъ душу. Это — дьявольское искушеніе, idée fixe, которая насъ сводитъ съ ума, — мысль: что будетъ съ дѣтьми моими, съ женою моею»! Я напомнимъ ему вѣру въ промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги и отечеству. «Да» — отвѣчалъ онъ — «это убѣжденіе есть». — Слезы докончили его исповѣдь. «Жизнь, все жизнь» — продолжалъ онъ какъ–бы про себя — «исполненная пустоты». Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ молитву Господню и исповѣданіе предъ причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ причащеніе. Тотчасъ-же въ немъ замѣтна стала перемѣна. Онъ умилился, подозвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: «Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые»! Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; затѣмъ онъ уснулъ спокойно

«$^{10}/_{22}$ апрѣля, въ четвергъ, по утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи онъ отвѣчалъ: «Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ себѣ Бога, сдѣлаться членомъ бого–семейства ... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она должна оставаться, какъ сокровище,

въ насъ». Потомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ іюнѣ или даже маѣ. Я обѣщался пріѣхать, какъ можно скорѣе. Спустя нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. «Вы на пути» — сказалъ онъ мнѣ. — «Какое счастье итти, куда захочешь, ѣхать, куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. Мнѣ-бы хотѣлось (продолжалъ онъ), чтобы вы знали, что̀ послѣ меня останется. Я написалъ поэму; она еще не кончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій Жидъ» — въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я-бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ-было переводить ее, диктуя самъ, по-нѣмецки. Но Кернеръ берется перевести ее по-нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по-своему, пусть прибавляетъ, — но мысль онъ пойметъ... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его геѳсиманскую молитву. Но вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности.»

«Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ прислалъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ. «Я хочу писать къ Государю» говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ. — «Василій! (позвалъ онъ человѣка). Мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ»? — Три часа, отвѣчали ему. «Какъ идетъ время»! Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ началъ говорить: «Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь чувствовать одиночество — вотъ что̀ больно»! Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: «но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно оставить все женѣ привести въ порядокъ. Мнѣ ужъ нельзя; вы видите, въ какомъ я положеніи»! При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Прощайте!.. Богъ знаетъ, увидимся-ли еще». Я было возразилъ противъ этого надеждою; но онъ отвѣчалъ: «Ахъ! какъ часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!.. Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости». Я вышелъ.»

Въ понедѣльникъ $^{14}/_{26}$ апрѣля, въ четыре часа, совершено было отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа.

Въ шестомъ часу тронулся съ мѣста погребальный поѣздъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе; на пяти подушкахъ несли тридцать орденовъ и знаковъ отличій, русскихъ и иностранныхъ; за русскимъ священникомъ, слѣдовалъ римско-католическій деканъ города Бадена въ своей духовной формѣ — почесть исключительно оказанная памяти Жуковскаго, имя котораго давно уже стало извѣстно въ Германіи. Онъ похороненъ на загородномъ баденскомъ кладбищѣ.

Послѣ Жуковскаго осталось, какъ пишутъ нѣсколько начальныхъ сочиненій: поэма *Странствующій Жидъ*, одна (по другимъ извѣстіямъ три) пѣснь Иліады и много прозаическихъ мелкихъ статей. Отецъ Іоаннъ, изъ письма котораго мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, говоритъ, что о *Вѣчномъ Жидѣ* онъ разспрашивалъ у писца, которому поэтъ нашъ диктовалъ эту поэму, и узналъ, что въ ней изображена вся исторія еврейскаго народа со времени его отверженія, до послѣдней судьбы, открытой въ Апокалипсисѣ.

Вотъ что говорилъ самъ Жуковскій отцу Іоанну о своемъ переводѣ Иліады: «Для этого», говорилъ онъ, «я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ прочитаю то-же самое понѣмецки и затѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и Одиссею. Выходитъ иногда, что мой стихъ сходится отъ слова до слова съ стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ *мой*; а въ другой разъ я поправляю свой переводъ по Гнѣдичу и тогда тутъ-же дѣлаю выноску, что это не мой стихъ. Но вы пока не говорите объ этомъ никому». Эти слова говорены были имъ еще за полтора года до его кончины.

Отъ знакомыхъ и друзей нашего поэта русская литература имѣетъ право ожидать полной его біографіи, отъ русской критики — полной оцѣнки его произведеній.

I.

АЛЕКСАНДРЪ ЕВСТАФЬЕВИЧЪ МАРТЫНОВЪ.

Предметъ нашей статьи—любимецъ петербургской современной публики, лицо живое, лицо извѣстное всей Россіи, комикъ русскаго театра *Мартыновъ*. Статья эта не біографія, не полный приговоръ надъ человѣкомъ и художникомъ, приговоръ, который можетъ раздаваться только тогда, какъ уже для него настаетъ потомство; но одна канва для будущей біографіи, очеркъ характера и жизни артиста, котораго участь жить въ современности и не переходить всѣмъ существомъ своимъ, всѣми своими созданіями во времена будущія.

Всѣмъ извѣстно, что древніе вѣрили въ метампсихосъ, то-есть въ переселеніе душъ умершихъ въ другія существа: поэтому остроумный писатель Люціанъ, въ своемъ любопытномъ произведеніи «Сонъ Мициллы» говоритъ слѣдующее: «Когда Мициллъ спросилъ у пѣтуха, бывшаго нѣкогда Пиѳагоромъ, точно-ли дѣло подъ Троею было такъ, какъ описываетъ его пресловутый слѣпецъ Гомеръ, — пѣтухъ пришелъ въ негодованіе и съ великимъ гнѣвомъ вскричалъ: «какѐ рѣку, чтобъ этотъ, названный тобою, Гомеръ, могъ знать что-нибудь вѣрное о Троянскомъ дѣлѣ? Онъ тогда былъ *верблюдомъ, у одного бѣднаго продавца фигъ, въ Бактріи!*»

Вотъ именно такимъ-же тономъ отвѣчалъ-бы всякій изъ насъ, живя, положимъ, въ 1952 году, если-бы кто-нибудь предложилъ намъ прочесть жизнеописаніе Каратыгина, Самойлова, Щепкина, или кого-нибудь изъ современныхъ журналистовъ, составленное въ 1952 году. Мы безъ зазрѣнія совѣсти, на первомъ словѣ статьи, бросили-бы ее подъ столъ и сказали-бы съ Мицилловымъ пѣтухомъ: «Ну, можетъ-ли авторъ статьи сказать намъ что-нибудь вѣрное о такой отдаленной эпохѣ? Какъ-же бытьнамъ, какъ извергнуться въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ? Какъ пройти мимо тины мелкой зависти, несложившихся еще сужденій и

неоконченнаго соперничества? Какъ пройти мимо этой тины и не всполошить ее, не помутить ею чистой воды заслугъ современныхъ любимцевъ русскаго общества? Или, говоря слогомъ записныхъ критиковъ, какъ высказаться печатно о человѣкѣ, который еще живетъ между нами, и не сбиться на ласкательство, на этотъ двусмысленный панегирикъ, который такъ обыкновенно въ наше время! Нужна непоколебимая добросовѣстность для того, чтобъ голосъ критики слушали охотно, для того, чтобъ ея приговоры увлекли на свою сторону довѣріе общественнаго мнѣнія. Я день и ночь мечтаю объ одной книгѣ, еще невѣдомой для Руси... Я вижу этотъ красивый кипсекъ, отпечатанный на атласной бумагѣ, легкимъ, крупнымъ и тонкимъ шрифтомъ, кипсекъ, въ тисненой золотомъ и сухими красками шагреневой папкѣ. Портреты, перемѣшанные съ увлекательными страницами текста, гравированы на стали искуснымъ рѣзцомъ; подъ каждымъ изъ нихъ завивается капризное факсимиле... Этотъ кипсекъ полное собраніе біографій русскихъ знаменитостей и отошедшихъ въ иной міръ, въ страны неувядаемой поэзіи, — Пантеонъ милыхъ для насъ покойниковъ!

Милые покойники! Иначе назвать ихъ я не умѣю!.. Пушкинъ, Лермонтовъ, Губеръ, Жуковскій, Гоголь, Дюръ, Мочаловъ... На свѣжей могилѣ любимцевъ поэзіи и науки, мы можемъ писать благодарственные гимны! Ихъ портреты не омрачатъ современныхъ лицъ!

Но тамъ, гдѣ правда совпадаетъ съ насущной дѣйствительностію, и гдѣ художникъ не оставляетъ по себѣ даже и слѣдовъ своего творчества, кромѣ одного темнаго преданія, необходимо, чтобы современники сказали о немъ слово во-время и кстати и оставили-бы письменное свидѣтельство его труда и самосознанія. Обратимся-же къ нашему любимому критику, и отъ всего сердца скажемъ, между-тѣмъ, неумолимому времени — отцу смерти и забвенія, этому жнецу, не покидающему никогда своей губительной косы, какъ его представилъ древній миѳъ, скажемъ въ надеждѣ на его снисхожденіе:

«Не пугай насъ, милый другъ
Гроба близкимъ новосельемъ! и проч.

Мартыновъ безспорно замѣчательный современный русскій комикъ. Русская сцена можетъ смѣло поставить имя его на ряду съ именами Каратыгиныхъ, Щепкиныхъ, Сосницкихъ, Самойловыхъ. Мартыновъ еще молодъ и такъ далеко еще не прошелъ своего сценическаго поприща, что мысль о его біографіи можетъ запасть въ голову только жаркому поклоннику его таланта. Но, вѣроятно, всякій убѣжденъ, что у Мартынова столько-же поклонниковъ, сколько существуетъ на землѣ посѣтителей Александринскаго, Московскаго и многихъ провинціальныхъ теат-

ровъ. Вѣсть о немъ, какъ о человѣкѣ, порадуетъ столько-же столичныхъ, какъ иногородныхъ читателей, изъ которыхъ, быть можетъ, многіе не видѣли петербургской сцены, гдѣ каждый вечеръ является лицо, способное разсмѣшить самаго хладнокровнаго зрителя, лицо, которое изумляетъ своею игрою даже иностранцевъ, не понимающихъ ни слова по-русски.

Мартынову теперь тридцать пять лѣтъ. Онъ родился въ Петербургѣ, 12 іюля, 1816 года, значитъ въ тотъ самый годъ, когда, необыкновенный, по дарованіямъ своимъ, предшественникъ его Дюръ поступилъ въ театральное училище. Отецъ Мартынова былъ небогатый воронежскій дворянинъ, пріѣхавшій, съ мѣднымъ рублемъ въ карманѣ, отыскивать доказательства своего происхожденія. Жизнь въ Петербургѣ ему не посчастливилась и онъ съ маленькимъ сыномъ скоро переѣхалъ въ Польшу. Тамъ, будущій комикъ нашъ оставался до пятилѣтняго возраста. Бѣдная жизнь въ провинціи много легче бѣдной жизни въ столицахъ. Не смотря на то, маленькій блондинъ, робкій, щедушный и задумчивый, встрѣтя на первомъ шагу нужду, сталъ хирѣть, сосредоточивать свои мысли и, иронически вглядываясь въ окружающее, изподтишка трунить надъ своими сверстниками. Едва ему пошелъ шестой годъ, отецъ его снова возвратился въ Петербургъ. Какъ впечатлительна была его природа, видно изъ того, что, слушая въ Вильнѣ польскій языкъ, онъ выучился ему незамѣтно и прибылъ въ Петербургъ совершеннымъ полякомъ. Правильно по-русски онъ сталъ говорить уже на седьмомъ году, когда отецъ началъ посылать его въ пансіонъ, бывшій, въ то время, въ домѣ Лопатина, у Знаменскаго-моста. Идя въ классы, онъ часто останавливался передъ походными балаганчиками и кукольными театрами, и сходилъ съ ума отъ плясокъ и насвистываній савояровъ. Но между товарищами онъ былъ робокъ и застѣнчивъ до невѣроятности... Веселость посѣтила Мартынова и превратила его иронію въ юморъ уже тогда, какъ онъ сознялъ свои силы и сталъ развязнѣе и находчивѣе. Среди школьныхъ уроковъ, молчаливаго сидѣнія дома и изрѣдка прогулокъ по городу и на острова, гдѣ такъ занимала его комическая природа петербургскихъ нѣмцевъ — ремесленниковъ и колонистовъ, Мартыновъ прожилъ еще шесть лѣтъ. Ему пошелъ одинадцатый годъ, когда его отдали неожиданно въ Театральную Школу. Это случилось въ 1827 году...

Вернемся нѣсколько назадъ. Отецъ Мартынова въ началѣ двадцатыхъ годовъ завѣдывалъ дѣлами въ домѣ Е. А. Сухозанетъ. Е. А. Сухозанетъ цѣнила труды его и часто справлялась о его сынѣ, котораго очень любила, какъ забавнаго мальчика. Разъ у Е. А. Сухозанетъ

обѣдали многіе ея друзья и знакомые, между которыми былъ и князь А. С. Гагаринъ, одинъ изъ четырехъ членовъ комитета, завѣдывавшаго въ 1827 году театрами. За столомъ она разсказала гостямъ о своемъ маленькомъ protegé и князь А. С. Гагаринъ присовѣтовалъ опредѣлить Мартынова въ Театральную Школу. По совѣту его, Мартыновъ былъ представленъ отцомъ директору театровъ. Но, увы! мѣста вакантнаго въ училищѣ не оказалось. Мартыновъ не былъ принятъ.

Однакожъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, князь Гагаринъ, встрѣтивъ случайно мальчика, вспомнилъ объ немъ, приказалъ ему на слѣдующее утро явиться въ училище и, черезъ три дня послѣ этого происшествія, Мартыновъ надолго покинулъ свой домашній уголъ.

—

Въ театральной школѣ Мартыновъ, подобно Дюру, поступилъ въ ученіе къ балетмейстеру Дидло. Его назначили по хореграфической части! Дидло встрѣтилъ его съ огромною, классическою палкою, и, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, ощупавъ грудь его и ноги, глубокомысленно сказалъ: «изъ этого тощаго вѣтрогона, при тщательномъ стараніи, можетъ выйти второй Дидло»!

Не смотря на то, что Евгеній Онѣгинъ, еще въ 1825 году сказалъ:

... «Но и Дидло мнѣ надоѣлъ»!...

балетъ въ 1828 году былъ въ полномъ блескѣ. Пройдя сквозь миѳологію древности и романтизма рыцарскихъ временъ, балетъ въ то время, по манію волшебника Дидло, склонялся уже къ комическимъ началамъ. Характеръ тогдашнихъ балетовъ Дидло вполнѣ гармонировалъ съ направленіемъ Мартынова.

Дидло соединилъ педантическую и строгую школу Новерра со школою ловкаго танцора Вестриса, и, развивъ балетъ характерный и комическій, вознесъ ихъ до высоты совершенства. «Дидло, говоритъ одинъ умный писатель: былъ такимъ энтузіастомъ, что почти находился на той точкѣ, гдѣ геній переходитъ въ сумасшествіе! Сперва Парижъ, потомъ Лондонъ, и наконецъ Петербургъ рукоплескали ему и его произведеніямъ. Геній Дидло вызвалъ и геніальныхъ исполнителей его произведеній; онъ самъ былъ учителемъ ихъ неутомимымъ, ревностнымъ и въ высшей степени энергическимъ.»

Подъ руководствомъ этого геніальнаго художника, Мартыновъ скоро окрѣпъ, добился силы и упругости въ ногахъ. Пируэты, глисады, pas de zephyre, саботьерскіе и характерные танцы онъ уже смѣло побѣждалъ и выполнялъ довольно отчетливо. Ноги его стали чувствовать

вдохновеніе ... Но Дидло внезапно умеръ и Мартыновъ, оставшись безъ строгаго руководителя, охладѣлъ къ искусству ногъ и перешелъ въ другую область театральнаго образованія. Теперь представится вопросъ: «еслибы Дидло не умеръ, что-бы тогда было съ Мартыновымъ? Неужели мы его видѣли-бы въ роляхъ Перро и Птица?» Богъ вѣсть! Только, во всякомъ случаѣ, Дидло оказалъ не малыя услуги нашему любимцу. Танцы и гимнастика укрѣпили его грудь и все его слабое и хворое тѣло; движенія его получили легкость и быстроту. Чтобы удостовѣриться, какъ нашъ *буффо* успѣлъ у знаменитаго Дидло, стоитъ только взглянуть, какъ онъ превращается въ настоящую Фанни Эльслеръ въ роли «Мнимый Фанни Эльснеръ». Мартыновъ пробылъ въ ученіи *по балетной части* ровно *шесть лѣтъ*. Осиротѣвъ со смертію Дидло, онъ снова, и въ послѣдній уже разъ, былъ поставленъ судьбою не на свое мѣсто. Любя отъ природы живопись, къ которой онъ пристрастился еще въ домѣ Е. А. Сухозанетъ, онъ поступилъ въ ученіе къ *декоратору Канони!* Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ участь будущаго комика снова измѣнилась. Канони также умеръ и Мартыновъ, взглянувъ построже на себя и, быть можетъ, уже слыша въ себѣ голосъ, звавшій его къ другому поприщу, къ міру *человѣческаго слова*, оставилъ живопись ...

—

Мартыновъ сблизился съ театральнымъ міромъ тогда, какъ Шекспиръ, получившій у насъ народную извѣстность въ передѣлкѣ Полеваго, началъ собою затмѣвать романтическую драму и мелодраму, и когда высокая комедія, комедія художественная, открывала поприще другой сторонѣ сценическаго искусства, комедіи юмористической, сатирической. «Игра любви и случая» и «Свадьба Фигаро» замѣнились «Горемъ отъ ума» и «Ревизоромъ».

Наконецъ пришло время высказаться дарованію Мартынова. Между воспитанниками Школы былъ обычай въ свободные часы отъ классовъ, разыгрывать импровизованныя и заимствованныя изъ театральныщъ представленій сцены. Мартыновъ славился въ этихъ шуткахъ и очень ловко копировалъ своихъ товарищей и знакомыхъ. Въ 1831 году, во время одного изъ спектаклей въ Театральной Школѣ, назначаемыхъ Дирекціею, обыкновенно послѣ окончанія зимняго сезона, для дебютовъ молодыхъ талантовъ, Мартынову пришла мысль сыграть роль *лакея* въ пьесѣ «*Знакомые незнакомцы*». Балетчикъ и декораторъ *заговорилъ* на сценѣ комическимъ языкомъ ... Роль, сыгранная изъ шутки и почти безъ приготовленія, обратила неожиданно на Мартынова всеобщее вниманіе. Новый директоръ Театровъ, *А. М. Гедео-*

новъ тотчасъ разгадалъ въ немъ будущаго русскаго комика ... Случай рѣшилъ судьбу Мартынова! Оцѣненный зоркимъ глазомъ директора, онъ на другой-же день былъ опредѣленъ по драматической части и съ жаромъ предался изученію комическихъ ролей, мимики и декламаціи ... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новый комикъ уже явился передъ публикою и градъ рукоплесканій осыпалъ его первый дебютъ. Это случилось въ 1832 году, на сценѣ Большаго Театра, до его перестройки. Мартыновъ предсталъ впервые на судъ публики въ фарсѣ «*Филатка и Мирошка*». Кто не знаетъ, какъ уморительно смѣшонъ онъ въ этой народной шуткѣ?.. Вскорѣ за тѣмъ, все еще ученикомъ Театральной Школы, Мартыновъ дебютировалъ въ пьесѣ «*Глухой или полный трактиръ*». Въ *1835 году* онъ вышелъ изъ Театральной Школы, вмѣстѣ съ товарищами распѣвая школьную пѣсню: «Что-то будетъ, что-то будетъ, и кому судьба присудитъ — шестьсотъ девять получать?..»

Съ 1835 по 1839 годъ, то есть, до смерти Дюра, Мартыновъ игралъ второстепенныя роли; но постоянно знакомился съ образцами для своихъ опытовъ на сценѣ и сталъ пристально изучать «живыхъ людей», искать въ обществѣ ихъ красокъ для своихъ фантазій и скоро переросъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Грустно біографу чертить темныя стороны жизни художниковъ. Но еще грустнѣе ему думать, что почти ни одинъ изъ замѣчательныхъ талантовъ въ искусствѣ и наукѣ, не прожилъ своего вѣка безъ этихъ темныхъ сторонъ ... Скрѣпя сердце, рѣшаемся мы представить хотя одну изъ многочисленныхъ печальныхъ страницъ въ жизни Мартынова. Семейство молодаго комика жило, около 36 и 37 года, близъ Кокушкина моста. Оно состояло изъ отца, матери, трехъ дочерей, двухъ сыновей (въ томъ числѣ и нашъ артистъ) и тетки. Отецъ Мартынова трудился изо всѣхъ силъ; но труды его вознаграждались скудно. А жалованье молодаго комика состояло тогда изъ тысячи рублей ассигнаціями ... Этихъ денегъ могло стать для маленькихъ житейскихъ потребностей восторженнаго юноши; но ихъ было слишкомъ мало для поддержанія большаго семейства ... Однажды Мартыновъ, рано утромъ покинулъ свою сырую каморку и побѣжалъ, въ грязь и слякоть, на пробу новой какой-то пьесы, въ театръ. Онъ надѣлъ свой старенькій сюртучекъ ... Весь гардеробъ свой, цѣною рублей въ *четыреста* асс-игнаціями, онъ прикрылъ простынею и, за неимѣніемъ шкафа, уложилъ въ своей комнаткѣ на стулъ ... Въ театрѣ онъ такъ былъ занятъ, что не выходилъ оттуда почти весь день. Наступилъ часъ спектакля ... Онъ забылъ и усталость свою и то, что во весь день не съѣлъ крохи хлѣба, и блистательно сыгралъ въ нѣсколькихъ пьесахъ сряду! Оглу-

шенный рукоплесканіями, въ пылу восторга, онъ побѣжалъ домой. Была холодная осенняя ночь. Сюртукъ мало согрѣвалъ его тѣло и онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ ... Желудокъ также напоминалъ ему, что съ самаго утра онъ ничего не ѣлъ ... Онъ ускорилъ шаги ... Приходитъ домой; всѣ спятъ. Дѣлать нечего, надо ложиться съ пустымъ желудкомъ. Онъ отправляется въ свою коморку и что-же видитъ? Стулъ, на которомъ хранилось все его достояніе, опустѣлъ; окно было отворено. Воры украли весь его гардеробъ!.. Новый ударъ былъ нанесенъ бѣдному комику ... Онъ вздохнулъ, перекрестился, досталъ изъ-за дивана кипу бумагъ, выбралъ между ними роль «Жучка» въ пьесѣ «Дѣловой Человѣкъ», и при свѣтѣ мѣсяца, дрожа отъ холода и голода, сталъ вчитываться въ темныя строки ... И роль, полная глубокаго комизма, ожила, возсоздалась въ его умѣ ... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ весь Петербургъ уже кричалъ о чудномъ дарованіи *Мартынова*. Попечительное начальство также вошло въ положеніе бѣднаго комика и бытъ его сталъ быстро улучшаться. И теперь, когда даровитый любимецъ петербургской публики сидитъ въ своей теплой и уютной квартирѣ, въ кругу друзей и родныхъ, когда его лицо отражается въ венеціанскихъ зеркалахъ, когда послѣ спектакля онъ отдыхаетъ на мягкомъ диванѣ, передъ собраніемъ портретовъ своихъ любимыхъ артистовъ, и когда при свѣтѣ солнечной лампы въ глубокую почь онъ разучиваетъ свои роли, — онъ не безъ волненія переносится въ свою бѣдную комнатку близъ Кокушкина-моста, гдѣ онъ, усталый и голодный, при свѣтѣ тусклаго петербургскаго мѣсяца, училъ свои роли. И часто новое его положеніе кажется ему сномъ бѣднаго сапожника Ганса, шуткою игривой судьбы! Много было черныхъ дней въ жизни Мартынова, перейдемъ лучще къ веселой, свѣтлой сторонѣ его жизни.

Вслѣдъ за «*Жучкомъ*» извѣстность Мартынова упрочили «*Жена Кавалериста*», «*Левъ Гурьичъ Синичкинъ*», «*Ревизоръ*» и наконецъ — въ послѣднее время въ особенности — «*Кащей Безсмертный*» и «*Заколдованный Принцъ*». Любопытно взглянуть на разные отзывы о Мартыновѣ нашихъ театральныхъ рецензентовъ. О немъ писали почти всѣ лучшія наши повременныя изданія. Стѣсненныя краткостью плана этой статьи, обратимъ наше вниманіе на послѣдній отзывъ о немъ «Пантеона», гдѣ довольно вѣрно и полно обрисовано значеніе г. Мартынова на русской сценѣ. Но прежде сдѣлаемъ небольшую выписку изъ «Репертуара» за 1842 годъ. Въ статьѣ «Обзоръ дѣятельности русскихъ театровъ въ 1841 году» мы читаемъ: «Господинъ Мартыновъ, молодой артистъ, съ огромнымъ дарованіемъ, которому недостаетъ только образцовъ и простора для дѣятельности. Въ самую лучшую, въ

самую цвѣтущую пору жизни, когда артистъ только начинаетъ сознавать свое дарованіе, свои средства и силы, и тотъ главный пунктъ, куда онъ долженъ ихъ направить, на чемъ сосредоточить, г. Мартыновъ совершенно предоставленъ произволу случая, и долженъ, сидя у моря, ждать погоды! Для такого дарованія нуженъ просторъ шекспировской или мольеровской комедіи, а Мартыновъ принужденъ играть во всѣхъ бенефисныхъ водевиляхъ, большею частію, пустыя роли или нелѣпые фарсы! Едва три–четыре роли въ годъ выйдетъ ему такихъ, гдѣ онъ можетъ сколько–нибудь высказать свое дарованіе и ни одной такой, надъ которою онъ могъ-бы поработать отчетливо, сознательно, которая пробудила-бы въ немъ рядъ размышленій, вызвала-бы изъ души его цѣлую теорію сценическаго искусства. Что дѣлать? Мольеръ нынче забытъ и заброшенъ; мы промѣняли его на скороспѣлые французскіе водевили, мы ищемъ новости; будь хоть пошло, да ново, а объ искусствѣ у насъ и помину нѣтъ! Повторяемъ, г. Мартыновъ не созданъ для фарсовъ, не созданъ для амплуа простяковъ, глупцовъ, вычурныхъ франтовъ и тому подобнаго; его амплуа серьозное, амплуа комическихъ стариковъ, и вообще роли сосредоточенныхъ комическихъ характеровъ. Онъ играетъ часто и много; но что онъ играетъ?! Безъ него не обходится какой–нибудь водевиль въ родѣ «Французскій театръ въ провинціи» — «Обѣдъ въ тридцать двѣ копѣйки» — и тому подобные, пошлые фарсы. Изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ г. Мартыновымъ въ 1841 году, удалась одна только, гдѣ дарованіе его развернулось на просторѣ: это роль Буракова, въ комедіи г. *Ѳедорова* «Семнадцать и пятдесятъ лѣтъ». Въ другихъ онъ былъ только смѣшонъ, а въ иныхъ просто жаль было смотрѣть на него, какъ на прекраснаго арабскаго коня, запряженнаго въ тяжелую фуру. Нѣтъ! чтобы дать средство вполнѣ развиться дарованію г. Мартынова, надобно начать съ начала, надобно дать ему учителя всѣхъ великихъ комиковъ, *Мольера.*»

Послѣ этого отзыва Мартыновъ дѣйствительно игралъ роль «*Скупаго*» Мольера.

Комедія «Скупой» дана 1 января 1843 года и Мартыновъ былъ увѣнчанъ въ ней необычайнымъ успѣхомъ! Она раскрыла передъ нами всѣ сокровища, всѣ прекрасныя стороны сильнаго дарованія русскаго комика. хотя, въ тоже время показла еще недостаточность его постиженія.

Вотъ какъ, въ новѣйшее время, опредѣлилъ дарованіе г. Мартынова Ѳ. А. Кони, въ статьѣ своей о его бенефисѣ, въ 1848 году:*

«Сценическій артистъ есть художникъ второстепенный или, такъ

* Смотри Пантеонъ 1848 года, Театр. Лѣтопись.

сказать, *окончательный:* онъ олицетворяетъ въ себѣ чужое созданіе, образы уже готовые, чувства и мысли данныя, требующія только окончательнаго воплощенія въ видимыя формы. Стало быть, въ сценическомъ творчествѣ многое зависитъ отъ матеріяла, который данъ художнику. Разсмотримъ-же сперва направленіе литературно-драматическое, чтобы вѣрнѣе оцѣнить дарованіе и заслугу сценическаго художника.

Каждый вѣкъ, каждая эпоха, внося свои идеи въ искусство, подчиняли его извѣстнымъ условіямъ, и самое творчество дѣлили на степени, сообразныя съ понятіями тогдашняго общества, потому-что драматическая литература всегда была и будетъ самымъ ближайшимъ выраженіемъ современной ей жизни, ибо она черпаетъ свои образы и мысли изъ господствующаго вокругъ нея движенія.

Древніе имѣли только два подраздѣленія драматическаго творчества: *трагедію* и *комедію*. Значеніе ихъ Аристотель опредѣлилъ очень ясно: Comedia enim deteriores, tragoedia meliores quam nunc sunt, imitari conantur; то-есть, въ *комедіи* человѣкъ долженъ изображаться хуже, въ *трагедіи* лучше, чѣмъ онъ есть.

Въ XVII и XVIII вѣкѣ, Франція издавала законы эстетики, потому-что имѣла блистательныя имена на всѣхъ поприщахъ литературы. Подраздѣленія явленій драматическихъ мѣнялись, смотря по времени и по взгляду, часто бывали странны, и еще чаще въ высшей степени нелѣпы. Тамъ существовали: *героическая трагедія, мѣщанская драма, высокая* и *низкая комедія;* къ нимъ, впослѣдствіи, присоединились *мелодрама* и *водевиль*. У Аристотеля мы видимъ, по-крайней-мѣрѣ, что идея подраздѣленія основана на прямомъ и вѣрномъ началѣ, на *изображеніи человѣка,* хотя и ограниченномъ тѣсною рамою единства *мѣста, времени и дѣйствія.* У французовъ законъ подраздѣленія покоится просто на смѣшныхъ уставахъ общества: полубоги, цари и вельможи могли дѣйствовать только въ *трагедіи;* остальнымъ смертнымъ была отведена *мѣщанская драма,* но и тутъ строгій этикетъ напудреннаго и раскрахмаленнаго вѣка не терпѣлъ смѣси; лица высшаго круга съ своими выкрученными фразами и шитыми кафтанами являлись только въ *высокой комедіи;* низшему разряду была отведена *комедія низкая,* или грубый фарсъ. Аристократизмъ нравовъ отразился и въ литературѣ. Позднѣйшее основаніе подраздѣленій сценическихъ произведеній еще нелѣпѣе. Оно зависѣло отъ развязки пьесы и отъ поведенія дѣйствующихъ лицъ на сценѣ: если въ концѣ кто-нибудь умиралъ — это называлось просто *драмою,* если онъ умиралъ съ пѣснями и плясками — такъ *мелодрамою;* если люди, подъ конецъ, вступали въ законный

бракъ — это называлось *комедіею;* — если бракъ совершался съ куплетцами и пѣсенками — такъ это былъ *водевиль.*

Въ концѣ XVIII столѣтія, очистились нѣсколько и эстетическія понятія. Романтическая школа, нестѣсняемыя формами, заставила обратиться, и авторовъ и публику, отъ внѣшности къ внутренному содержанію произведеній, отъ правилъ изложенія къ осуществляемымъ идеямъ, отъ условленныхъ формулъ къ непредвидимымъ эффектамъ.

Въ Германіи, гдѣ Шиллеръ и Гёте придали драматической литературѣ нѣкоторый родъ самобытнаго развитія, главное вниманіе было обращено на трагедію, но уже на трагедію-романтическую, болѣе или менѣе шекспировскую, хотя еще носившую въ себѣ зародышъ древней трагедіи, то-есть, усиліе представить человѣка въ идеальномъ видѣ, *лучше, чѣмъ онъ есть.* Идеализмъ завлекъ нѣмцевъ слишкомъ далеко, даже изъ предѣловъ земной природы, къ идеямъ метафизическимъ, въ туманы умозрительной философіи, въ царство мистики. Всѣ лица въ трагедіяхъ Шиллера, воплощенныя идеи философіи, видимыя отраженія мечтательныхъ утопій; у Гете — то-же самое, хотя онъ похитрѣе прикрываетъ ихъ простотою языка и неизысканностью дѣйствія.

Одинъ Шекспиръ ранѣе и вѣрнѣе всѣхъ постигъ настоящее значеніе драмы: онъ выводилъ жизнь, какъ она есть, съ ея свѣтлою стороною и тѣнями, съ ея веселыми и печальными событіями, не наряжалъ человѣка въ пурпуръ идеальной красоты, но показывалъ сердце его съ изнанки, со всѣми его побужденіями и страстями, мечтами и заблужденіями. Но Шекспира въ Европѣ поняли и оцѣнили довольно поздно, а онъ, между-тѣмъ, можетъ по всѣмъ правамъ назваться отцемъ романтической школы.

Въ наше время старинныхъ и странныхъ подраздѣленій драматическаго творчества существовать не можетъ; понятія объ немъ установились; предметъ его какъ и прежде, *человѣкъ,* но не лучше и не хуже, какъ онъ есть, а въ томъ видѣ, какъ создала его природа, какъ образовали его обстоятельства, какимъ сдѣлала его общественная или семейная жизнь; строгая истина и натура — два главныя требованія современной намъ драматургіи; основная идея, взятая прямо изъ дѣйствительности, необходимое условіе каждаго драматическаго произведенія. Форма его произвольная. Стало быть, при такихъ требованіяхъ, всѣ виды творчества должны соединяться въ одинъ главный родъ — въ *драму,* которая, смотря по сферѣ, въ которой совершается ея дѣйствіе, можетъ быть политическою, историческою или общественною. Она историческая — если разрѣшаетъ вопросъ, оправдываемый событіями исторіи; и общественная — когда выводитъ условія жизни общественной или семей-

ной, ставящія человѣка въ ложное положеніе, оскорбляющія его чувства, унижающія достоинство, однимъ словомъ, нарушающія внутренній міръ его души. Но вездѣ и во всякомъ случаѣ должна быть борьба; гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ движенія, нѣтъ страстей, нѣтъ жизни, нѣтъ драмы. Разумѣется, что изображеніе человѣка въ ложномъ положеніи къ окружающему его обществу, если это положеніе основано только на господствующемъ предразсудкѣ или заблужденіи, имѣетъ свою забавную сторону; но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо все-таки остается пассивнымъ, и возбуждая смѣхъ, возбуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣніе. Всякое уклоненіе отъ природы, отъ здраваго разума, отъ истинныхъ условій быта гражданскаго, отъ обязанностей семейнаго человѣка, составляетъ комизмъ драмы.

Таковы всѣ комедіи лучшихъ современныхъ драматурговъ, Скриба и Гуцкова. «*Цѣпь,*» «*Кумовство*» (La Camaraderie), «*Семейство Рикебургъ,*» «*Гони любовь въ дверь, она войдетъ въ окно*»— Скриба, «*Сердце и свѣтъ,*» «*Первообразъ Тартюфа*» (*Das Urbild des Tartüffe*) «*Коса и мечъ*» — Гуцкова, высокія, потрасающія драмы, не смотря на свою комическую форму. Какъ ни забавно положеніе лицъ, какъ ни смѣшно сцѣпленіе обстоятельствъ, однако этотъ Рикебургъ, простой и честный купецъ, который цѣною богатства почитаетъ себя въ правѣ купить знатную жену и дѣлается жертвою несообразнаго брака, въ сущности вовсе не смѣшонъ. Этотъ молодой человѣкъ, который за одинъ юношескій порывъ налагаетъ на себя цѣпь связи, дѣлающей его несчастнымъ на всю жизнь, также болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ смѣха, хотя обстоятельства, въ которыя онъ поставленъ, дѣйствительно забавны. А эта теща, разрушающая семейное согласіе собственныхъ дѣтей, развѣ не тотъ-же общественный *фатумъ*, дающій начало, по-видимому, очень забавнымъ, по сущности, вовсе не утѣшительнымъ положеніямъ. Гуцковъ, олицетворившій въ двухъ комедіяхъ своихъ, честолюбца и сребролюбца, жертвующихъ душевной чистотою и покоемъ совѣсти своимъ страстямъ, нарисовалъ двѣ комическія фигуры, полныя драматической глубины, заставляющія зрителя смѣяться сквозь слезы. Такъ-же смѣшонъ *Чацкій* Грибоѣдова, среди окружающаго его общества, смѣшны въ свою очередь и *Фамусовы* и *Репетиловы* и *Загорецкіе* и *Скалозубы;* но вникните поглубже въ эти характеры, и улыбка невольно смѣнится у васъ думою, можетъ быть, совсѣмъ не утѣшительною.

Здѣсь уже не то, что составляло стихіи творчества Мольера, который бралъ общую человѣческую страсть въ широкомъ размѣрѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и влагалъ ее въ одно лицо, назвавъ его *скупымъ*,

мнимымъ больнымъ, лицемѣромъ, чванливымъ и т. д. Его лица идеалы выводимыхъ имъ страстей: вы найдете въ нихъ общія черты съ тысячами людей, и не отыщете человѣка, вполнѣ похожаго ни на одно изъ нихъ; его скупой, больной, лицемѣръ и проч. столько-же французы, какъ англичане, нѣмцы и русскіе, или, лучше сказать, они ни французы, ни нѣмцы, ни русскіе, ни англичане — они просто люди, безотносительно къ мѣсту и времени. Въ нихъ не отражается духъ, направленіе, потребности и нравы вѣка и страны; они вѣчны, какъ вѣчна природа человѣческаго сердца, и принадлежатъ всѣмъ народамъ, живущимъ обществами и имѣющимъ общіе интересы. Еще менѣе похожа современная комедія на произведенія французскихъ писателей конца XVIII вѣка, гдѣ всѣ завязки покоились на любовныхъ интригахъ, запутываемыхъ и разрѣшаемыхъ остроумными лакеями и ловкими служанками. Лакейская комедія существовала на французской сценѣ, какъ явное противорѣчіе обществу, ибо въ это время феодальные нравы Франціи доходили до гибельной своей апогеи и слуга почитался ни больше, ни меньше, какъ простою домашнею утварью.

И такъ, комедія въ наше время есть та-же драма, только съ интересомъ исключительнымъ или частнымъ. Заблужденія и предразсудки извѣстнаго общества или сословія, несогласія, неустройства семейной жизни, какъ слѣдствія неравенства характеровъ, ложныхъ понятій, небрежнаго воспитанія — составляютъ ея область. Въ то время, какъ драма историческая, основанная на непремѣнныхъ событіяхъ историческаго міра, требуетъ обще-человѣческихъ началъ, ибо имѣетъ предметомъ судьбу народовъ, драма общественная — или собственно такъ-называемая *комедія*, какъ зеркало нравовъ отдѣльнаго общества или сословія, болѣе всего способна принять на себя отпечатокъ извѣстной національности, и даже самобытныя черты того или другаго сословія, той или другой касты. Это очень просто и естественно: духъ времени, потребности вѣка одинаковы для цѣлаго міра; устройство гражданское, личная безопасность равно дороги для всѣхъ народовъ; но общественная и семейная жизнь каждаго народа зависитъ отъ развитія его понятій, характера и стремленій. Нравы народа воинственнаго не могутъ стать въ одинъ уровень съ нравами націи торговой; требованія американскаго поселенца не идутъ въ сравненіе съ потребностями утонченнаго француза; православная Русь не можетъ походить на пылкую и чувствительную Испанію и т. д.

Поэтому, комедія всегда имѣетъ болѣе или менѣе колоритъ мѣстности, не подходящій подъ общія формы, и если для актера трагическаго существуютъ общія мѣста для передачи той или другой страсти, выра-

женія общія цѣлому человѣчеству; то отъ комика, кромѣ того, требуется еще типъ той національности, въ которой совершается дѣйствіе драмы, отпечатокъ извѣстнаго слоя общества, къ которому принадлежитъ лицо, имъ представляемое. Въ этомъ отношеніи актеръ комическій всегда несравненно выше трагическаго: кромѣ воспріимчивости, глубокаго сознанія и чувства, мы должны видѣть въ немъ еще наблюдательность, наглядность, талантъ хорошаго копировщика. Подлинники лицъ, имъ создаваемыхъ, у насъ передъ глазами, сравненіе близко, и всякое отступленіе отъ натуры составляетъ въ немъ уже ощутительный недостатокъ.

Но элементы комизма весьма различны. Не все то, что заставляетъ насъ смѣяться — можетъ быть названо комизмомъ. Есть комизмъ внутренній, глубокій, сознательный, и есть комизмъ внѣшній, грубый и ничтожный. Первый соотвѣтствуетъ глубокому трагическому проникновенію, второй — трагической пластикѣ, то-есть общепринятымъ формамъ, подходящимъ ко всему и употребляемымъ вездѣ и всюду людьми бездарными. Комизмъ внутренній возбуждаетъ въ зрителѣ сочувствіе, онъ можетъ увлечь его, иногда глубоко тронуть, даже потрясти; комизмъ внѣшній только щекочетъ глазъ, какъ и все, что противуестественно, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей, что поразительно по своей уродливости. Истинный комизмъ выводитъ передъ вами живые образы, лица, которыя вамъ какъ-будто знакомы и родственны, хотя вы ихъ никогда не встрѣчали въ жизни; но они знакомы вамъ, потому-что въ личность ихъ замкнуты всѣ черты общества, въ которомъ вы живете, всѣ стихіи эпохи; они передъ вами движутся и живутъ именно тою жизнью, которая кипитъ около васъ каждый день, и вы сочувствуете невольно ихъ положенію, ихъ страданіямъ, привычкамъ и предубѣжденіямъ. Истинный комикъ, выходя на сцену, не имѣетъ намѣренія смѣшить васъ природною уродливостью или причудами костюма; онъ хочетъ быть только вѣренъ лицу и быту, которыя представляетъ, зная, что смѣшное заключается не въ его *внѣшности,* а въ *личности,* то-есть, въ нравственномъ устройствѣ его характера и въ положеніи, въ которое поставили его обстоятельства, противорѣчащія этому нравственному устройству. Быть вѣрнымъ истинѣ, правдоподобнымъ — вотъ вся его цѣль, и когда онъ ее достигаетъ—вы смѣетесь отъ всего сердца, но не тѣмъ грубымъ смѣхомъ, который нервически дѣйствуетъ на одни ваши мускулы, отъ котораго вы даже не можете удержаться при видѣ человѣка, падающаго на улицѣ, хотя въ нечаянномъ паденіи ближняго нѣтъ ничего достойнаго смѣха; но смѣхомъ задушевнымъ, имѣющимъ разумное начало. Истинный комикъ никогда не прибѣгнетъ къ фарсу, потому-что фарсъ есть насиліе; не станетъ придавать каждому слову осо-

бенную интонацію и сопровождать его дополнительнымъ жестомъ, потому-что въ этомъ видно сознаніе, а по сознанію никто смѣшенъ не бываетъ, кромѣ шута по ремеслу; онъ не присвоитъ себѣ физическаго порока, не станетъ заикаться, трясти головою, прихрамывать, ходить въ перевалку по-утиному, подергивать лицомъ, подмигивать глазомъ, потому-что знаетъ, что цѣль комедіи рисовать нравственное отступленіе человѣка отъ природы, а не физическіе недостатки, неизбѣжный законъ человѣческаго организма.

Вы видите часто комиковъ, которые свою тождественность прикрываютъ только разными париками: сегодня съ лысиной напереди, завтра съ лысиной назади, въ одной пьесѣ съ бакенбардами, подбѣгающими подъ носъ, въ другой съ бакенбардами, загнутыми за уши; сегодня парикъ черный, завтра рыжій, сегодня носъ насандаленъ румянами, завтра натертъ мѣломъ; пять-шесть уродливыхъ сюртуковъ и фраковъ довершаютъ разнообразіе этихъ непризванныхъ протеевъ; поскрипываніе табакеркою, нюханье табаку съ искаженьемъ лица, такъ или этакъ, размахиваніе носовымъ платкомъ, гримаса за гримасою — вотъ всѣ элементы ихъ комизма. Это ходячія каррикатуры — и больше ничего; они возбуждаютъ смѣхъ — уродливостью костюма и рожами, которыя корчатъ, а не развитіемъ характеровъ, не типическимъ сходствомъ съ дѣйствительностью. Но каррикатура — не натура: истинный комизмъ есть живопись, а это только пародія на живопись. Первый достается изученіемъ общества вообще и человѣка въ особенности; второй, какъ видите, пріобрѣтается на дешевыя и чисто внѣшнія средства. Талантъ грубаго комика часто гораздо болѣе зависитъ отъ костюма, чемъ отъ него самого. Всякое воспроизведеніе дѣйствительной жизни — есть высокій комизмъ; всякое передразниваніе — комизмъ грубый. Вы въ высокомъ комикѣ узнаете черты многихъ лицъ, которыя, можетъ быть, въ дѣйствительности никогда и не существовали, но они какъ-будто съ вами встрѣчались; грубый комикъ подрисуется подъ извѣстное лицо, поддѣлается подъ его пріемы, подъ голосъ, и при всемъ сходствѣ портрета, вы все-таки не узнаете въ этой копіи подлинника, потому-что схвачена одна только наружность безъ внутренняго выраженія, безъ характера, которыхъ низкій комикъ усвоить себѣ никогда не въ состояніи: иначе онъ не былъ-бы низкимъ комикомъ. У французовъ есть два слова, прекрасно характеризующія эти два различія комизма; высокаго комика они называютъ acteur—*актеромъ*, низкаго—comedien, *комедіантомъ*, то-есть скоморохомъ. Люди втораго разряда не должны вовсе принадлежать къ области искусства, они не художники, а просто забавники.

Г. Мартыновъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ къ разряду первокласс-

сныхъ комиковъ, потому–что онъ одаренъ всѣми стихіямивысоко-комическаго выраженія. Въ немъ есть качества, которыя рѣдко встрѣчаются въ сценическомъ артистѣ. Не говоря уже о томъ удивительномъ тактѣ, который заставляетъ его всегда вѣрно и мѣтко попасть именно на слабую или комическую сторону характера представляемаго лица; не говоря о простотѣ и естественности его игры, мы укажемъ на достоинство, которое рѣдко достается на долю актеру, именно, на умѣнье совершенно уничтожить свою личность, чтобы замѣнить ее чужою. Мы видимъ часто актеровъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, но которые ни въ одной роли не могутъ заставить забыть себя самихъ: при вѣрной передачѣ различныхъ характеровъ, у нихъ всегда одна и та–же оболочка, ихъ собственная личность, которая иногда и не совсѣмъ соотвѣтстствуетъ представляемому лицу. Мартыновъ въ каждой роли какъ–будто вновь перерождается. Вы видите его часто въ четырехъ пьесахъ, и видите какъ–будто четырехъ разныхъ актеровъ: до того велика въ немъ способность разнообразить свою игру и принаровлять все существо свое къ самымъ разнороднымъ характерамъ. Главное мастерство его состоитъ въ вѣрности изображенія людей, которыхъ онъ олицетворяетъ, и это мастерство тѣмъ выше, что онъ, по большей части, играетъ въ водевиляхъ, гдѣ тѣсная рама не даетъ авторамъ возможности вполнѣ развить характеры. Но для Мартынова довольно нѣсколькихъ намековъ, двухъ–трехъ чертъ, и онъ изъ этого создаетъ чудное цѣлое, дополняя все остальное своимъ талантомъ. Посмотрите на него, на–примѣръ, въ *Квартетѣ* Акселя, гдѣ онъ является глухимъ аматеромъ музыки и говоритъ пять–шесть словъ счетомъ: не есть–ли это превосходнѣйшій типъ всѣхъ возможныхъ меломановъ, нарисованный самыми яркими, самыми поразительными красками? Поглядите, наконецъ, на того–же Мартынова въ *Купеческой Горкѣ:* что это за натура, что за истина, какъ схвачены тончайшія черты этого класса людей, какъ ярко выраженъ весь характеръ въ интонаціи этихъ двухъ словъ, которыя онъ только и говоритъ всѣмъ и каждому: *молчи... мальчишка!* и въ возгласѣ: *помирилъ и въ гору!* когда онъ хочетъ перебить игру большими кушами денегъ. Здѣсь ярко выражено все уваженіе разбогатѣвшаго купца къ деньгамъ и все презрѣніе ко всему, что не можетъ тягаться съ нимъ казною. Мы съ умысломъ указываемъ здѣсь на самыя ничтожныя роли Мартынова, чтобы показать, какъ великъ въ немъ даръ наблюдательности, воспріимчивости и выраженія. Этихъ ролей, при чтеніи пьесъ, вы и не замѣтите; а между–тѣмъ, ими только эти пьесы и держатся на сценѣ. Въ подобныхъ роляхъ, Мартынова рѣшительно нельзя разбирать, какъ актера: на него надо смотрѣть, какъ на геніальнаго

живописца людей и общества; пототу–что авторъ не даетъ ему никакихъ матерьяловъ, но указываетъ только мѣсто и опредѣляетъ званіе, а онъ самъ уже создаетъ все остальное, черпая эти удивительные образы изъ неиссякаемаго источника своего таланта.

Но Мартыновъ не только отличный живописецъ, но еще и глубоко чувствующій человѣкъ, и есть роли, въ которыхъ онъ доходитъ до высоко – художественныхъ созданій. Къ сожалѣнію, такія пьесы рѣдко даются, потому–что для изученія артиста въ такихъ созданіяхъ требуется серьозное проникновеніе и вниманіе, а обычные посѣтители русскаго театра отъ этого давно отвыкли. Мы укажемъ на главнѣйшія изъ такихъ ролей. Въ комедіи *Кащей,* нарисованной довольно вѣрно, но бѣдной драматическимъ движеніемъ и театральными эффектами, Мартыновъ дивнымъ образомъ олицетворяетъ русскаго скупаго. Скажемъ по истинѣ, этотъ характеръ втрое труднѣе мольерова Гарпагона; въ немъ есть исключительная натура, требующая особеннаго колорита, а страсти выражены гораздо ярче. Здѣсь Мартыновъ показалъ, что онъ можетъ восвыситься до патетическаго начала: въ послѣднихъ сценахъ комедіи онъ заставлялъ зрителей содрогнуться, и все это безъ малѣйшей натяжки, безъ подготовленныхъ эфектовъ, безъ сценическихъ усилій! Онъ дѣйствовалъ одной натурой, но натурой поразительной по своей истинѣ и наготѣ.

Другая высоко-художественная роль Мартынова, семидесятилѣтній старикъ въ «*Что имѣемъ—не хранимъ*». Здѣсь онъ играетъ вашими чувствами по произволу: заставя сперва отъ души смѣяться надъ положеніемъ этого старца–ребенка, робкаго и нерѣшительнаго, привыкшаго сорокъ пять лѣтъ жить подъ башмакомъ своей жены, онъ производитъ общій хохотъ, когда, подъ вліяніемъ Бахуса, вдругъ возмущается противъ своей тиранки и разрываетъ супружескій союзъ: но еще минута — и вы плачете вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ высказываетъ чувства своего одиночества и сиротства. Это младенецъ, брошенный безъ призора и не знающій, куда ему обратиться. Сколько силы и правды въ этомъ выраженіи, сколько добродушія и искренности въ этихъ такъ просто высказываемыхъ чувствахъ, сколько, наконецъ, знанія сердца и типической истины во всемъ явленіи этого старика! Вотъ это настоящій комизмъ, высокое, обаятельное искусство. Не стану говорить о роли Жучка въ *Дѣловомъ человѣкѣ,* гдѣ Мартыновъ такъ мѣтко постигъ задачу и такъ мастерски ее выполнилъ, представя трудный характеръ человѣка безъ образованія, натершагося въ свѣтѣ и, по положенію своему, желающаго подойти подъ уровень хорошаго общества и подъ–стать своей женѣ, воспитанной по модѣ. Здѣсь онъ — сама натура, и все это безъ

малѣйшаго фарса, безъ всякаго усилія обратить на себя вниманіе чѣмъ нибудь особеннымъ, безъ претензіи на лишнее рукоплесканіе.

Но отдавая полную справедливость огромному таланту Мартынова, таланту, который имѣлъ весьма немного равныхъ себѣ на нашей сценѣ, съ-тѣхъ-поръ, какъ она существуетъ, мы должны, однакожъ, сказать, что онъ актеръ, по преимуществу *русскій*, что онъ великъ только въ народныхъ характерахъ, въ нравахъ, которые изучилъ, къ которымъ присмотрѣлся. Всякая чуждая національность видимо его связываетъ и игра его въ роляхъ иностранныхъ много теряетъ своей свѣжести, истины и оригинальности. Причину этого надо искать въ его первоначальномъ образованіи. Можно пожалѣть, что знакомство съ иностранными литературами не освоило его съ бытомъ, нравами и складомъ ума другихъ народовъ; съ другой стороны, можно сказать, что это незнаніе чужихъ національностей принесло ему большую пользу: оно заставило его больше углубиться въ русскую жизнь, въ ней искать элементовъ для своего таланта и придало его творчеству тотъ хавактеръ самобытности, которому мы такъ дивимся, который насъ восхищаетъ. Прибавимъ къ этому, что природа отказала Мартынову въ одной изъ главнѣйшихъ стихій комическаго таланта — въ *веселости*, этомъ обаятельномъ качествѣ, которое такъ заразительно и всегда имѣетъ такое сильное вліяніе на зрителя. Характеры, выводимые Мартыновымъ, какъ-бы они забавны ни были, всегда положительны, серьозны, иногда даже мрачны: въ нихъ всегда проглядываетъ какая-то задушевная мысль, что-то въ родѣ страданія. Онъ можетъ быть добродушнымъ, разсѣяннымъ на сценѣ, быть, что называется, въ духѣ, но рѣзвымъ и веселымъ — никогда. Отсутствіе этого качества, можетъ быть, и заставило его глубже проникать съ самого себя и отыскивать новыхъ пружинъ для возбужденія веселости въ зрителяхъ. Веселость подкупаетъ зрителя и онъ уже на-половину задобренъ въ пользу актера, который съ перваго шага умѣлъ быть веселъ. За то это свойство, какъ и хорошая память, заставляетъ иногда артиста дѣйствовать самонадѣянно, съ небрежностью, и мы видали даже примѣры, гдѣ это свойство губило великія дарованія и низводило истинныхъ художниковъ до степени забавниковъ.

Мартыновъ теперь еще въ полномъ развитіи; будущее представляетъ ему широкое поприще для совершенствованія и успѣховъ. Еще онъ не видалъ великихъ иностранныхъ комиковъ, Буффе, Арналя, Ашара, Гіасента, Сансона, Ренье, Дёринга, Бекмана, а при его проницательности и художественномъ тактѣ, знакомство съ ними принесло-бы обильные плоды. Жаль также, что упадокъ нашей драматической литературы не представляетъ для этого рѣдкаго дарованія довольно широкой арены; что

у насъ вовсе не появляется комедій, гдѣ-бы ему представились характеры полные, оконченные, хорошо развитые! Для такого актера, какъ Мартыновъ, за границей повсюду явились-бы авторы, чтобы обмѣняться съ нимъ обоюдными успѣхами!»

Это было написано въ 1848 году.

Какъ трудно поприще Мартынова, видно изъ слѣдующей выписки, взятой нами изъ Репертуара за 1842 годъ: «Во время масляной недѣли, съ 23 февраля по 1 марта, г. Каратыгинъ 1 игралъ 14 разъ, г. Брянскій 8, г. Сосницкій 12, г. Каратыгинъ 2—11, г. Максимовъ 7, г-жа Самойлова 15 разъ, а *Мартыновъ болѣе 18 разъ*».

Скажемъ нѣсколько словъ о дебютахъ Мартынова въ Москвѣ и въ провинціяхъ.

Въ 1838 году онъ дебютировалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Москвѣ. Посѣтители макарьевской ярмарки народъ очень не разборчивый. Поэтому, стяжавъ въ Нижнемъ-Новгородѣ блистательный успѣхъ, Мартыновъ не думалъ имъ гордиться. Его влекла къ себѣ сцена Щепкина и Садовскаго ... Въ 1846 онъ покинулъ Петербургъ и явился въ Москвѣ. Исполненіе роли Ганса въ «Заколдованномъ Принцѣ» упрочило его извѣстность передъ московскою публикою ... О «мартыновскихъ спектакляхъ» говорили, какъ о чемъ-то небываломъ. Разскажемъ по этому случаю достовѣрный анекдотъ.

Однажды, уставъ послѣ представленія, Мартыновъ сидѣлъ въ скромномъ нумерѣ своей гостинницы. Раздается звонокъ и въ комнату входитъ незнакомый человѣкъ.

— Простите мою смѣлость, г. Мартыновъ! Я пришелъ представиться вамъ и заслужить расположеніе настоящаго русскаго національнаго комика! Позвольте мнѣ пожать вашу руку и поблагодарить васъ за то высокое наслажденіе, которое вы мнѣ доставили вашею игрою.

Мартыновъ чрезвычайно сконфузился и не зналъ, что̀ отвѣчать ...

— Позвольте узнать ... съ кѣмъ я имѣю честь говорить?..

Незнакомецъ назвалъ себя. Незнакомецъ былъ таинственный и нѣкогда грозный въ журнальной литературѣ баронъ Брамбеусъ, человѣкъ, въ произведеніяхъ котораго Мартыновъ почерпалъ первую пищу для своихъ комическихъ наклонностей ...

Въ 1841 году Мартыновъ во второй разъ дебютировалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1843 году онъ игралъ въ Кіевѣ, Смоленскѣ и Кременчугѣ. Въ 1845 дебютировалъ въ третій разъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ первый разъ въ Казани, въ одно время съ музыкантомъ Сервé Слава Сервé не могла затмить дарованія русскаго комика на сценѣ провинціальнаго города, и дворянство Казани поднесло Мартынову

въ знакъ памяти богатые часы. Въ 1847 году онъ былъ въ четвертый разъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1850 году онъ игралъ въ пятый разъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и во второй разъ въ Казани. Изъ нашихъ губернскихъ городовъ, имѣющихъ право на имя «городовъ театральныхъ», Мартыновъ не былъ еще въ Харьковѣ, Одессѣ, Варшавѣ и Тифлисѣ. Въ Кіевѣ, во второй разъ, онъ былъ еще въ 1843 году, но объ этомъ мы скажемъ ниже ...

Вотъ краткій обзоръ сценической жизни Мартынова. Пятнадцать лѣтъ извѣстности и при всемъ томъ самый бѣдный и ничтожный репертуаръ!

—

Послѣднія строки нашей статьи мы займемъ нѣсколькими анекдотами изъ сценической жизни Мартынова.

Нѣтъ въ Петербургѣ человѣка, который-бы не зналъ его. Встрѣтьте перваго попавшагося купца или разнощика и спросите его, знаетъ-ли онъ «актера Мартынова»?

— Какъ не знать-съ? скажетъ вамъ, ухмыляясь, бородатый театралъ. Мартыновъ — истинный потѣшникъ! Хоть кого въ смѣхоту положитъ!

Въ слѣдствіе этой извѣстности, нашъ комикъ въ Петербургѣ подвергался иногда самымъ эксцентрическимъ выходкамъ своихъ поклонниковъ. Однажды, проискавъ безуспѣшно цѣлый день квартиры, увидѣлъ онъ на воротахъ небольшаго каменнаго дома объявленіе, соотвѣтствовавшее его желанію. Онъ вошелъ въ домъ, гдѣ его встрѣтилъ хозяинъ, сѣдой и краснолицый мѣщанинъ, съ которымъ онъ скоро и сошелся въ цѣнѣ за наемъ квартиры.

— Такъ по рукамъ? спросилъ его хозяинъ дома, шаря въ своихъ карманахъ, на днѣ которыхъ помѣщалась табакерка.

— По рукамъ!

— А какъ ваше отчество и фамилія?

— Такой-то.

— Мартыновъ?! спросилъ хозяинъ дома, измѣняясь въ лицѣ ... А не изволите-ли служить въ актерахъ?..

— Служу, это я самъ и есть.

— А-га! Такъ это ты, отецъ родной, скоморохъ Мартыновъ? Такъ это ты меня представлялъ въ прошлую масляную? Внучки видѣли, прибѣжали, говорятъ: «дѣдинька, Мартыновъ васъ представлялъ: и голосъ вашъ, и глаза ваши, и голова, и халатъ вашъ! Просто животики всѣ надорвали!..» Ну, ужъ какъ хочешь, братъ, представь меня теперь! Представь сейчасъ, вѣдь я не видалъ ... Покажи-ко прыть свою.

И дикій хохотъ исказилъ багровое лицо старика.

— Что-же, представляй меня, говорю тебѣ! Угощу рябиновкой или славянкой, коли хочешь!.. Ну ... ну-же, не ломайся! Выкидывай свои документы!

Но эти документы бросили въ ужасъ нашего комика ... Холодный потъ выступилъ на лбу его. Никакіе доводы не могли убѣдить сѣдаго богатыря. Онъ уже начиналъ кричать, сердиться ... Но судьба спасла Мартынова ... Скоро на лѣстницѣ послышались шаги и одному изъ внуковъ старика суждено было спасти Мартынова отъ этой импровизованной и очень незабавной сцены.

Въ другой разъ, послѣ шумнаго тріумфа на театрѣ, Мартыновъ сидѣлъ съ нѣсколькими пріятелями въ трактирѣ. Подъ ихъ шутки и хохотъ вошелъ въ комнату заѣзжій провинціалъ. Услышавъ имя Мартынова, произнесенное однимъ изъ собесѣдниковъ, онъ спросилъ у оффиціанта: «который тутъ Мартыновъ»?

— А вонъ! сказалъ сонный Ганимедъ и, зѣвая, указалъ пальцемъ на-обумъ на какого-то посторонняго толстяка.

Провинціалъ оправился, покрутилъ усы, улыбнулся, кашлянулъ и подошелъ къ толстяку. Онъ ударилъ его по плечу и, подмигивая, произнесъ:

— Такъ-то? «Домъ застраховали, а жены не застраховали»? (Такъ называется одна изъ пьесъ Александринскаго театра, которую въ то время давали.)

— Что-о-о? Что такое, милостивый государь? спросилъ толстякъ, приподнимаясь на мѣстѣ ...

— Да нѣтъ, повторилъ провинціалъ, лукаво улыбаясь: я говорю «домъ застраховали, а жены и не застраховали»?..

— Что это значитъ, милостивый государь? закричалъ, блѣднѣя и краснѣя, совсѣмъ посторонній посѣтитель. За кого вы меня принимаете?

— Ха, ха, ха! покатился со смѣху простодушный провинціалъ. Этакой забавникъ, вы, ей-Богу! И не узнаешь съ перваго разу! И еще сердится: «Что значитъ»?! Какъ будто ни въ чемъ не бывало... Ой, батюшки! . Ой! умру со смѣху!.. «Домъ застраховали, а жены... ха, ха, ха!

И провинціалъ хохоталъ до того, что его насилу отпоили водой. Говорятъ, что толстякъ подъ конецъ тоже послѣдовалъ его примѣру, то-есть, расхохотался, какъ сумасшедшій — и дѣло обошлось ничѣмъ.

Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ подобной-же продѣлки. Это случилось въ Москвѣ, въ 1846 году.

Я сидѣлъ въ гостинницѣ Печкина и со всѣмъ рвеніемъ усталаго

фланера уничтожалъ порцію плумпъ-пуддинга и баранью котлетку. Въ углу, на диванѣ, рядомъ со мною сидѣлъ какой-то весьма грузный и обширный господинъ въ усахъ и въ венгеркѣ. Я давно уже слышалъ около себя какіе-то дикіе и подавленные звуки. Наконецъ я не вытерпѣлъ и оглянулся. Господинъ въ венгеркѣ, весь посинѣлый отъ сдерживаемаго хохоту, изо всѣхъ силъ сосалъ янтарь пѣнковой трубки, кривился, ежился на диванѣ и хватался за бока. Увидѣвъ мой изумленный и вопрошающій взоръ, онъ, заливаясь внутреннимъ хохотомъ, почти въ отчаяніи протянулъ руку къ другой сторонѣ столовой ... Тамъ сидѣлъ въ углу, сгорбившись и задумавшись, Мартыновъ и машинально вертѣлъ въ рукахъ посовой платокъ ... Скоро онъ всталъ и, не замѣчая насъ, прошелъ въ другую комнату ...

— Хха, хххха, хха! закричалъ обезумѣвшій отъ смѣха сосѣдъ мой ... Это — Мартыновъ!

— Что-же такое, спросилъ я сердито, уронивъ при его крикѣ тарелку съ пирожнымъ: ну, хоть и Мартыновъ?!

— Какъ, что? Мартыновъ-то? Да вѣдь это—нашъ ... нашъ ... да это вѣдь *Мартыновъ!*

И отъ одной мысли «Мартыновъ» мой почтенный сосѣдъ просто умиралъ отъ хохоту.

Наконецъ вотъ еще анекдотъ. Въ 1843 году, Мартыновъ былъ въ *Кіевѣ.* Лѣто было сухое и знойное. Однажды Мартынову и его товарищамъ вздумалось покататься на пароходѣ по Днѣпру. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ за городъ, они вышли на берегъ. Жаръ томилъ ихъ...

— Я буду купаться, сказалъ Мартыновъ и началъ раздѣваться.

— Полно тебѣ шалить! Да и гдѣ тебѣ купаться въ такой глубинѣ? Смотри, какія волны между скалъ! Еще вчера двое утонули ... Но Мартыновъ не послушался и бросился въ воду. Нырнувъ молодецки, онъ всплеснулъ волнами и скрылся изъ глазъ товарищей. Всѣ ждутъ, скоро-ли появится онъ на водѣ... Проходитъ пять минутъ...десять... Мартынова не видно! Онъ пошелъ ко дну ... но его товарищи не вѣрятъ ему, думаютъ, что комикъ шутитъ ... Но, нѣтъ, Днѣпръ не свой братъ! Волны бѣгутъ одна за другой, а Мартынова не видно по-прежнему ...

Тутъ наконецъ терпѣніе актера Горева и машиниста Ефремова истощилось; они бросились въ воду, нашли его между песчанныхъ отмелей и вытащили полумертваго на берегъ. Промедли они еще немного, вода отнесла-бы тѣло въ самую глубину, и Мартыновъ исчезъ-бы для искусства и для своихъ поклонниковъ невозвратно ...

Г. Данилевскій.

МЕМУАРЫ

ЗАПИСКИ АВГУСТА ВИЛЬГЕЛЬМА ИФЛАНДА.

Вдова Бейля не имѣла никакого состоянія; всѣ ея надежды заключались въ будущемъ талантѣ сына, который только-что начиналъ показываться. Я рѣшился извлечь для нея пользу изъ собственнаго ея таланта, ея миловидности и участія, которое возбуждало къ ней имя ея мужа; уговорилъ ее поступить на сцену и написалъ для ея дебюта пьесу «*Бѣглецы*».

Публика великодушно встрѣтила вдову своего любимца, а баронъ фонъ-Дальбергъ прекрасно почтилъ память того, который столько времени былъ однимъ изъ первыхъ артистовъ Германіи и оказалъ отечественному театру столько великихъ и безкорыстныхъ услугъ. Не разбирая, могъ-ли талантъ г-жи Бейль принести какую-нибудь пользу театру, онъ воздвигъ Бейлю достойный его памятникъ, обезпечивъ судьбу его семейства. Онъ донынѣ печется о немъ и, безъ сомнѣнія, никогда его не оставитъ. Да будетъ память этого благороднаго, великодушнаго дѣла утѣшеніемъ ему во всѣхъ трудностяхъ его жизни! Впрочемъ, я могу сказать по совѣсти, что у г-жи Бейль есть талантъ. Правда, что чувствительность иногда вредитъ ея игрѣ, что ей предстоитъ еще побѣдить многія трудности, представляющіяся въ началѣ драматическаго поприща и что ей нужны совѣты и руководство опытнаго артиста. Но развѣ кто-нибудь откажетъ ей въ совѣтѣ и руководствѣ?

Въ этомъ году я получилъ изъ Вѣны, черезъ барона Брауна, приглашеніе принять редакцію драматическаго журнала для императорскихъ театровъ. Мнѣ предлагали хорошее жалованіе и даже пенсію, обѣщая притомъ считать мнѣ въ службу по редакціи все время моего пребываніе въ Мангеймѣ. Я благодарилъ за предложеніе, но отвѣчалъ, что привязанность моя къ барону фонъ-Дальбергу не позволяла мнѣ имъ воспользоваться. То-же самое подтвердилъ я лично барону Брауну, когда онъ пріѣхалъ въ Мангеймъ.

Лѣто 1795 года прошло довольно спокойно. Войска стояли въ своихъ позиціяхъ, не предпринимая, по-видимому, никакихъ дѣйствій. Это временное спокойствіе уже возбудило въ насъ надежду на скорое заключеніе мира, какъ вдругъ французы неожиданно переправились черезъ Рейнъ въ Дюссельдорфъ, и Мангейму, успокоенному до того времени одною статьею капитуляціи, снова стала грозить опасность. Всѣ жители были въ большомъ страхѣ, укладывали свое имущество и спѣшили выѣхать изъ города, потому-что приготовленія къ оборонѣ только усиливали ихъ опасенія. Я предложилъ уплатить актерамъ жалованіе за текущій мѣсяцъ и за два мѣсяца впередъ, и позволить имъ выѣхать, чтобы не подвергаться опасностямъ вторичной осады. Мое предложеніе было одобрено и исполнено. Въ слѣдствіе оказанныхъ интендентствомъ довѣрія и исправности въ отношеніи къ актерамъ, среди всѣхъ этихъ хлопотъ былъ сохраненъ нѣкоторый порядокъ. Всѣ разстались съ твердымъ намѣреніемъ опять съѣхаться, условились между собою, въ случаѣ еслибъ нѣкоторымъ и представились болѣе выгодныя и спокойныя мѣста, не соблазняться ими, а до послѣднихъ силъ переносить свою долю общихъ бѣдствій, чтобы тѣмъ доказать свою признательность правительству, въ трудныя минуты не забывавшему тѣхъ, которые содѣйствовали общему удовольствію въ спокойное время. Театръ былъ разобранъ во второй разъ, и всѣ принадлежности уложены въ ящики и перенесены въ погреба, безопасные отъ бомбъ.

Нѣкоторые актеры переселились въ подгородныя деревни, но я предпочелъ ѣхать въ Гейдельбергъ. На третью ночь меня разбудили вѣстію, что Мангеймъ сдался французамъ, что имперскія войска и пфальцскій гарнизонъ очищали городъ, что отъ Мангейма слышалась сильная пальба, что французы, по всѣмъ вѣроятностямъ, должны были переправиться черезъ Рейнъ и черезъ нѣсколько часовъ явиться передъ Гейдельбергомъ. Я отправился за восемь миль, въ Некаръ-Эльсъ. Тутъ узналъ я, что графъ Оберндорфъ сдалъ Мангеймъ французамъ для того, чтобы онъ не былъ обращенъ въ пепелъ, такъ-какъ армія Клѣрфайта отступала, а Вурмзеръ былъ слишкомъ далеко, чтобы подоспѣть на помощь. Пред-

положивъ даже, что французы не могли-бы долго выдерживать крѣпостной огонь, они могли сжечь городъ въ одинъ день, поставивъ батарею казаматъ рейнскаго редута. Но вскорѣ отдѣльные корпуса имперской арміи стали подходить къ Мангейму, а за ними и вся армія. Французы были разбиты подъ Гейдельбергомъ, имперцы окружили Мангеймъ по-сю-сторону Рейна, такъ-что никто изъ насъ не могъ возвратиться въ городъ. Въ это время я получилъ лестное приглашеніе дать нѣсколько представленій въ Веймарѣ; но уклонился отъ него, чтобы не нарушить даннаго слова.

Какая-бы участь ни постигла Мангеймъ, я хотѣлъ возвратиться туда немедленно по снятіи осады. Кромѣ того, что меня побуждало къ тому чувство долга, я не хотѣлъ также подвергнуться опасности лишиться предоставленныхъ мнѣ контрактомъ правъ, выѣхавъ за-границу когда успѣхи непріятеля меня къ тому еще не принуждали. Клерфайтъ разбилъ французовъ подъ Майнцомъ; Мангеймъ, уже обложенный по-сю-сторону Рейна арміею графа Вурмзера, былъ окруженъ имперскими войсками и съ другихъ сторонъ, и началось общее бомбардированіе. Никогда не забуду 14 ноября. Я находился въ лагерѣ передъ Мангеймомъ, на батареѣ № 1, когда было дано приказаніе бомбардировать городъ безъ милосердія. Сердце мое крѣпко забилось, грудь стѣснилась, колѣни подогнулись подо мной. Въ Мангеймѣ было у меня столько друзей и добрыхъ знакомыхъ! Жаль мнѣ было и самаго города, прекраснаго и милаго мнѣ! Вдругъ земля задрожала отъ залпа батарей, на который отвѣчали всѣ крѣпостныя пушки: огненные потоки и облака дыма разостлались по равнинѣ. Я не могъ долѣе оставаться въ лагерѣ, отправился немедленно въ Гейдельбергъ и возвратился оттуда только по подписаніи уже капитуляціи.

Какія горестныя минуты проводилъ я и въ Гейдельбергѣ, когда кто-нибудь изъ гостей, за общимъ столомъ, объявлялъ, что такая-то улица уже горѣла, что другая должна была загорѣться черезъ часъ или два, что на траншеяхъ слышались стоны несчастныхъ мангеймцевъ! Когда, въ темные вечера, горы отражали ослѣпительный свѣтъ пожара, съ унынiемъ въ сердцѣ скитался я день и ночь въ горахъ, въ дождь и въ бурю, и смотрѣлъ на это раздирающее зрѣлище! Да сохранитъ меня Небо въ другой разъ перечувствовать и перестрадать то, что я чувствовалъ и страдалъ въ это время. Въ началѣ осады, я часто ходилъ къ клингенторской заставѣ, смотрѣлъ на длинную кровлю театра и радовался, видя ее въ цѣлости. Но потомъ я сталъ такъ-же равнодушенъ къ театру, какъ къ жизни, и своей и всѣхъ своихъ товарищей. Бѣдствія города, друзей, занимали исключительно всѣ мои мысли.

Наконецъ, однажды, около шести часовъ вечера пальба умолкла. Надежда, столько разъ уже обманутая, надежда скорѣе видѣть конецъ всѣмъ бѣдствіямъ, снова овладѣла всѣми сердцами. До десяти часовъ ждали мы напрасно извѣстій; безпокойство, любопытство терзало насъ, и мы отправились въ темную ночь на гейдельбергскій мостъ, ждать утѣшительной вѣсти. Много всадниковъ выѣзжало въ городъ; но самая поступь лошадей показывала, что это были не вѣстники мира, а просто люди занятые собственными дѣлами и заботами. Мы собирались уже вернуться назадъ, какъ вдругъ черная точка показалась вдали и стали приближаться. Мы стали прислушиваться, не смѣя сказать слова, не смѣя почти перевести духъ. Это былъ простой мужикъ; онъ шелъ пѣшкомъ и тащилъ на поводу выбившуюся изъ силъ лошадь. «Куда?» спросили всѣ въ одинъ голосъ. «На почту.»—Зачѣмъ? —«Отдать депешу?» — Какую депешу? — «Мангеймъ взятъ.» Всѣ присутствующіе вскрикнули отъ радости, начали обниматься и щедро наградили мужика.

Слезы радости блистали почти на всѣхъ глазахъ. Наконецъ мы увидимъ своихъ друзей и знакомыхъ! Въ одно мгновеніе весь городъ былъ на ногахъ и въ сильномъ волненіи, никто не могъ сомкнуть глазъ. На зарѣ толпа народа отправилась въ лагерь. Тамъ повсюду была суматоха; на всѣхъ лицахъ отражалась восторженная радость; со всѣхъ сторонъ раздавался барабанный бой; побѣдоносная армія строилась, нѣмецкія знамена развѣвались передъ нею, готовясь вступить въ городъ; вотъ они двинулись, медленно, гордо и торжественно, подъ звуки военной музыки!

Я опередилъ армію и прискакалъ, черезъ рвы, траншеи и болота, къ городскимъ воротамъ. Они были еще заперты. Толпа нѣмцевъ стояла у воротъ, ожидая размѣна договора. Но графъ Вурмзеръ отдалъ приказаніе, чтобы никто не былъ впускаемъ въ этотъ день въ городъ, кромѣ инженера и трехъ другихъ лицъ, посланныхъ для принятія артиллеріи. Желѣзныя ворота едва пріотворились, чтобы пропустить инженера. Я слѣдовалъ за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ и смотрѣлъ на него умоляющимъ взоромъ; я думаю, онъ могъ прочесть всѣ мои чувства въ моемъ лицѣ. Онъ взглянулъ на меня съ участіемъ, и я повторилъ свою просьбу еще болѣе умоляющимъ взглядомъ; говорить я не смѣлъ. Въ эту минуту онъ въѣхалъ въ ворота, и ворота почти уже захлопнулись за нимъ; но онъ еще разъ обернулся ко мнѣ, и грубо сказалъ французу: «Это мой слуга, впустить его!» Ворота опять пріотворились, и я съ трудомъ и съ опасностію протерся въ нихъ, подъ любопытными и завидующими взорами окружавшей меня толпы.

Я переѣхалъ черезъ полуразрушенныя мѣста и вступилъ въ городъ,

въ которомъ еще царствовало безмолвіе могилы, потому-что жители еще не выходили изъ своихъ погребовъ. Среди развалинъ, кучъ камня, дыму, раздавленныхъ и разорванныхъ людей и разбросанныхъ человѣческихъ членовъ, задыхаясь отъ ужаса и безпокойства, пробрался я къ своему другу, Беку. Онъ былъ живъ и съ восторгомъ кинулся мнѣ на шею; жена его и дѣти не помнили себя отъ радости; дружба въ одно мгновеніе изгладила изъ ихъ памяти перенесенныя страданія. Никто изъ насъ не могъ говорить, мы только плакали и обнимались. Между-тѣмъ горожане, выходившіе одинъ за другимъ изъ своихъ погребовъ, подходили ко мнѣ и съ любовью и радостью жали мнѣ руки. Баронъ фонъ-Дальбергъ встрѣтилъ меня со слезами умиленія и нѣжно обнялъ меня. Повсюду обнаруживалась та-же безмолвная, но трогательная и неисчерпаемая радость. Этотъ день на-вѣки врѣзался въ памяти несчастныхъ страдальцевъ и свидѣтелей ихъ страданій. Семейство Бека и Мюллера укрылось въ подвалѣ подъ замкомъ, близъ самаго опернаго театра. Театръ былъ уже весь объятъ пламенемъ, а они ничего не подозрѣвали. Узнавъ наконецъ объ угрожавшей имъ опасности, они вышли изъ своего убѣжища и перебѣжали черезъ дворъ, подъ ядрами, къ другому подвалу. Тутъ только замѣтили они, что недоставало одного изъ дѣтей, воротились за нимъ, и къ счастію успѣли спасти его. Имущество ихъ погибло почти все. Но я не стану описывать всѣхъ горестныхъ сценъ, ознаменовавшихъ эти бѣдственные дни; имъ не было-бы конца.

Баронъ фонъ-Дальбергъ провелъ все время осады въ подвалѣ театра, и ни на минуту не потерялъ своего мужества и присутствія духа; онъ одинъ въ этомъ печальномъ убѣжищѣ водворялъ порядокъ между товарищами, заботился о ихъ здоровьи и поддерживалъ въ нихъ надежду. Мнѣ показалось, что онъ очень похудѣлъ и перемѣнился. Оправившись отъ перваго волненія, онъ сказалъ мнѣ: «теперь не можетъ быть и рѣчи о нашемъ театрѣ, надо отказаться отъ всякой надежды».

Въ радости своей видѣть живымъ и цѣлымъ, я не обдумалъ хорошенько его словъ и отвѣчалъ: «Почему знать?» — «Вѣдь всѣ наши декораціи сгорѣли съ опернымъ театромъ!» возразилъ онъ. Но я вспомнилъ, что многія декораціи изъ старой оперы были перевезены для безопасности въ Швецингенъ, и что онѣ могли намъ пригодиться. Я сказалъ ему это, и прибавилъ, что еще вовсе не терялъ надежды. — «Такъ вы еще надѣетесь? подхватилъ онъ, смѣясь.

На слѣдующій день я замѣтилъ ему, что главная квартира арміи будетъ расположена въ Мангеймѣ, и что войско, безъ сомнѣнія, скоро

потребуетъ театра. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что послѣ пересенныхъ жителями потерь ему казалось неприличнымъ и оскорбительнымъ для пострадавшихъ такъ скоро думать объ увеселеніяхъ.

Театръ пострадалъ очень мало. Имперскіе артиллеристы были страстные охотники до театра, и я думаю, какъ нѣкоторые изъ нихъ сами мнѣ говорили, что они съ намѣреніемъ щадили его во время осады. Но никому Мангеймъ не обязанъ такъ много, какъ храброму и великодушному старцу, Вурмзеру. Онъ щадилъ городъ сколько могъ, и былъ чрезвычайно огорченъ и сильно негодовалъ на другихъ полководцевъ, когда Мангеймъ загорѣлся. Когда другой полководецъ, стоявшій за Рейномъ, прислалъ сказать ему, что онъ долженъ-бы приказать жарче бомбардировать замокъ, потому-что граждане укрылись въ подвалахъ этого зданія и ихъ отчаяніе могло ускорить сдачу города, Вурмзеръ отвѣчалъ съ благороднымъ гнѣвомъ, что онъ ведетъ войну съ французами, а не съ мангеймцами. Чего не дѣлалъ онъ, чтобы облегчить страданія, которыя Мангеймъ долженъ былъ еще вытерпѣть послѣ осады? Честь и благодарность храброму защитнику Мантуи и великодушному покорителю Мангейма! Миръ его высокой и прекрасной душѣ!

Нѣсколько дней спустя по взятіи Мангейма, баронъ фонъ-Дальбергъ призвалъ меня и, объяснивъ, что онъ получилъ отъ курфирста предписаніе ѣхать немедленно въ Мюнхенъ, поручилъ мнѣ управленіе театра въ свое отсутствіе. Я окинулъ бѣглымъ, безпокойнымъ взглядомъ положеніе и средства страны послѣ ея покоренія, и попросилъ его снабдить меня полномочіемъ и инструкціями. «Не могу дать вамъ ни того ни другаго, отвѣчалъ онъ: дѣйствуйте какъ знаете, и какъ вамъ предпишутъ разумъ и совѣсть. Прощайте, я долженъ ѣхать нынче ночью.»

Положеніе, въ которомъ онъ оставилъ меня, было для меня совершенно ново и очень трудно. Имперскіе генералы, досадуя на сдачу Мангейма французамъ, разоряли страну тяжелыми налогами. Жители не знали, гдѣ искать защиты отъ ихъ притѣсненій, ибо вѣнскій дворъ, по-видимому, не хотѣлъ знать о злоупотребленіяхъ своихъ полководцевъ, отъ которыхъ никакія представленія не могли вынудить положительнаго отвѣта, дѣйствовали-ли они по приказаніямъ императора, или всѣ ихъ распоряженія были только временною военною мѣрой? Это тягостное положеніе дѣлъ и эта неизвѣстность продолжались довольно долго. На Мангеймъ наложена огромная контрибуція; всѣ курфирстшескія кассы захвачены. Ужасъ и уныніе овладѣли всѣми жителями. И въ этихъ-то критическихъ обстоятельствахъ долженъ былъ открыться

театръ. Армія требовала театра, и не смотря на то, что двадцать пять декорацій были истреблены пожаромъ, что почти всѣ актеры и актрисы захворали въ слѣдствіе долгаго пребыванія своего въ подвалахъ, и что Кохъ съ семействомъ былъ въ Гамбургѣ, театръ былъ открытъ на шестой день по взятіи города.

Имперская армія очевидно ожидала отъ меня при этомъ случаѣ новой пьесы, въ честь ея побѣдоноснаго вождя, но по-моему такая пьеса была-бы поруганіемъ надъ бѣдствіями всего города, и потому я не счелъ нужнымъ исполнить ожиданіе.

Театръ, полтора года уже не получая никакого пособія отъ правительства, вошелъ въ значительные долги, и находился въ очень неутѣшительномъ состояніи относительно финансовъ; большаго усердія со стороны разоренныхъ гражданъ онъ ожидать не могъ, и слѣдовательно долженъ былъ возлагать всѣ свои надежды на сборы, которые обѣщали ему армія и главная квартира. Каково-же послѣ этого было мое отчаяніе, когда мнѣ объявили отъ имени главнокомандующаго, что такъ-какъ имперскій гарнизонъ заступилъ мѣсто курфирстшескаго гарнизона, то онъ настоятельно требовалъ, себѣ той-же льготы, платить за входъ меньше обыкновенной цѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ требовались двѣ даровыя ложи, одна для командира другая для штаба. Тщетно я представлялъ, что дирекція могла сдѣлать сбавку для пфальцскаго гарнизона, потому-что его абонементъ представлялъ опредѣленный и постоянный годовой доходъ, тогда какъ австрійскій гарнизонъ долженъ былъ смѣниться въ началѣ кампаніи; что эта сбавка въ пользу его сопряжена была съ другимъ еще неудобствомъ, по причинѣ нахожденія въ городѣ множества офицеровъ, не принадлежавшихъ къ гарнизону, которыхъ трудно было отличать и которые могли обижаться дѣлаемыми для этого распросами; наконецъ, что герцогъ платилъ ежегодно за свою ложу восемнадцать тысячъ гульденовъ, и герцогъ и интендентъ также платили за свои ложи. Всѣ эти представленія привели только къ тому, что положено было платить за ложу для штаба. Хотя офицеры имперской арміи оказывали мангеймскому театру вниманіе и расположеніе, которыя я буду всегда помнить съ благодарностью, однако это притязаніе на сбавку для нихъ цѣны, которое многіе изъ нихъ поддерживали съ удивительнымъ упорствомъ и которому я долго противился всѣми силами, причинило мнѣ много непріятностей съ лицами, которымъ были поручены переговоры. Офицеры смотрѣли на этотъ абонементъ за полцѣны какъ на неотъемлемое право гарнизона, и очень обижались мнимымъ различіемъ, дѣлаемымъ между имперскимъ гарнизономъ и пфальцскимъ.

Наконецъ, послѣ долгаго безполезнаго сопротивленія, я согласился сбавить цѣны въ партерѣ на половину для военныхъ. Часть жилыхъ покоевъ въ театрѣ была отведена на постой нѣсколькимъ ротамъ артиллеристовъ. Споры, ссоры, недоразумѣнія и вообще всѣ дѣла, часто возникавшія по случаю этого отвода квартиры, должны-бы подлежать разбирательству курфиршескаго надворнаго суда; но какъ этотъ судъ уже не отстаивалъ по-прежнему своихъ правъ, все это было оставлено на мое рѣшеніе. Справедливость и обязательность коменданта крѣпости, генерала Бадера, не разъ выручала меня изъ большихъ затрудненій.

Не помню, чтобы я когда-нибудь въ жизни былъ такъ заваленъ работою, какъ въ это время. То я долженъ былъ присутствовать на репетиціяхъ; то былъ призываемъ по какимъ-нибудь требованіямъ военнаго начальства; то долженъ былъ возвращаться домой для распоряженій по постою солдатъ въ театрѣ; то къ себѣ въ садъ, гдѣ однажды вздумали-было устроить, подъ самыми моими окнами, лазаретное кладбище; то, наконецъ, учить роль какого-нибудь отлучившагося актера. Едва я думалъ, что все было улажено на нѣсколько дней, какъ являлись болѣзни и разстроивали всѣ мои планы. Эти болѣзни и съ каждымъ днемъ усиливавшійся ропотъ актеровъ, причиняли мнѣ на каждомъ шагу новыя непріятности и затрудненія. Между-тѣмъ баронъ фонъ-Дальбергъ писалъ мнѣ изъ Мюнхена, что для сохраненія театра не было никакой надежды, и что онъ не могъ долго существовать. Я самъ и мои товарищи принесли слишкомъ много жертвъ для этого театра, чтобы такъ легко отказаться отъ всякой надежды. Не унывая отъ печальнаго извѣстія, я, напротивъ, удвоилъ свои старанія, и рѣшился употребить всевозможныя средства для сохраненія мангеймскаго театра. Съ этою мыслью написалъ я къ барону фонъ-Дальбергу, умоляя его поддержать наши усилія; онъ обѣщалъ свое содѣйствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ повторилъ доводы, на которыхъ основывались его опасенія. Я думалъ, что онъ тѣмъ довольнѣе будетъ, по возвращеніи, ревностью, съ которою я поддерживалъ это колеблющееся зданіе, и моимъ мужественнымъ сопротивленіемъ притязаніямъ побѣдителей.

Въ это-же время генералъ Альвинци сталъ требовать для арміи новаго пониженія цѣнъ. Я возобновилъ свои возраженія, и подалъ генералу Вурмзеру записку, въ которой жаловался на завладѣніе курфирстшескою казною, назначенною на плату чиновникамъ и ангажированнымъ артистамъ, и на новыя мѣры, отнимавшія у нихъ послѣднія средства къ существованію. Эта записка была написана съ тою смѣлостью, на какую не рѣшился-бы, можетъ быть, ни одинъ пфальцскій чиновникъ. Я говорилъ прямо, что или комендантъ долженъ заплатить намъ

недоданныя пособія, обѣщанныя курфирстомъ, или мы не понизимъ цѣнъ. Графъ Вурмзеръ потребовалъ меня къ себѣ, сказалъ, что желаніе мое очень основательно и удобоисполнимо; но что онъ тѣмъ не менѣе долженъ настаивать на пониженіи цѣнъ. Убѣжденный этимъ объявленіемъ, очень похожимъ на приказаніе, и имѣя въ виду, сверхъ того, что сборы не только покрывали всѣ расходы, но даже представляли барышъ, почти равный доходамъ прежнихъ лѣтъ, и что генералъ въ это время имѣлъ безграничную власть въ Пфальцѣ, и что, слѣдовательно, дальнѣйшее сопротивленіе не могло принести никакой пользы, я согласился на требуемое пониженіе цѣнъ.

Впрочемъ я могу сказать, что рѣшился на мѣру столь невыгодную для интендентства не прежде, какъ истощивъ всѣ средства къ избѣжанію ея. Я всегда ставилъ себѣ въ обязанность отстаивать права и выгоды интендентства со всевозможною энергіею и не смотря на непріятности, въ которыя это могло вовлечь меня. Приведу одинъ только примѣръ. Издавна было заведено брать двойныя цѣны за мѣста во всѣ представленія оперы «*Волшебная флейта*». Я поступилъ точно такъ-же. Одинъ офицеръ штаба вздумалъ упрекать меня въ этомъ, и въ такихъ выраженіяхъ, какъ-будто былъ уполномоченъ на то графомъ Вурмзеромъ. Я немедленно подалъ главнокомандующему записку, объясняя, что во всемъ, касавшемся внутренняго управленія театра, я не могъ признавать ни чьихъ приказаній, кромѣ интендента и курфирста; при этомъ-же случаѣ я напомнилъ ему обѣщаніе выдать театру изъ схваченной курфиршеской казны недоплаченныя пособія. Генералъ Бадеръ отвѣчалъ мнѣ, отъ имени генерала Вурмзера, что онъ не одобрялъ сдѣланныхъ мнѣ замѣчаній, и запретилъ всякое вмѣшательство въ дѣла театра; на счетъ-же требуемой денежной выдачи, что я долженъ обратиться въ имперскую канцелярію. Въ слѣдствіе этого отвѣта, я немедленно подалъ энергическое представленіе въ имперскую канцелярію и ревностно слѣдилъ за ходомъ этого дѣла. Все это было предметомъ частой и сложной переписки и множества личныхъ объясненій, въ которыхъ требовалось отъ меня большой энергіи и осторожности; потому-что во всѣхъ своихъ требованіяхъ я долженъ былъ дѣйствовать такимъ-образомъ, чтобы не навлечь на себя отвѣтственности и не подвергнуться, со стороны курфирстшескаго правительства, обвиненіямъ въ упущеніи его правъ и выгодъ, или въ самовольныхъ уступкахъ.

Среди всѣхъ этихъ заботъ и занятій, получилъ я однажды вечеромъ извѣстіе о возвращеніи барона фонъ-Дальберга изъ Мюнхена. Я съ радостью побѣжалъ къ нему. Послѣ такого неусыпнаго и безкорыстнаго усердія, я твердо надѣялся на его одобреніе, и думалъ, что уваже-

ніе, которое онъ мнѣ всегда оказывалъ, еще усилится послѣ моего образа дѣйствій въ такое критическое время. Баронъ фонъ-Дальбергъ принялъ меня холодно и потребовалъ подробнаго отчета въ моихъ дѣйствіяхъ, хотя я посылалъ ему донесенія съ каждою почтой; нѣсколько разъ прерывалъ меня, чтобы осуждать мои распоряженія, и наконецъ изъявилъ чрезвычайное неудовольствіе на мои уступки, говоря, что я слишкомъ легкомысленно жертвовалъ выгодами театральной кассы. Никогда въ жизни не былъ я такъ жестоко обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ! Этотъ отвѣтъ такъ огорчилъ меня, что я не зналъ, что̀ говорить, и съ покорностью замѣтилъ только, что, уѣзжая, онъ не далъ мнѣ никакихъ инструкцій, а велѣлъ дѣйствовать по усмотрѣнію и по совѣсти, что̀ я и исполнилъ. Мое здоровье было разстроено на нѣсколько дней этимъ непріятнымъ объясненіемъ. Обстоятельствамъ-ли, людямъ, наговорамъ или горести видѣть бѣдствія своего отечества, долженъ я приписать эту внезапную перемѣну въ расположеніи барона фонъ-Дальберга — холодноеть, и даже суровость которыя онъ сталъ постоянно оказывать мнѣ съ этого времени? Или я долженъ обвинять себя самого за то, что ожидалъ, чтобы онъ оцѣнилъ меня въ такое время, когда душа его скорбѣла о горькой судьбѣ отечества? Не могу рѣшить этого; но убѣжденъ, что никто не поставитъ мнѣ въ укоръ мое желаніе видѣть свои дѣйствія справедливо оцѣненными человѣкомъ, котораго я искренно уважалъ.

Какъ-бы то ни было, моя привязанность къ барону фонъ-Дальбергу была слишкомъ сильна, чтобы я могъ преодолѣть ее. Курфирстъ возложилъ на него управленіе государства; многосложныя, важныя и трудныя дѣла, которыми онъ былъ заваленъ въ слѣдствіе этого порученія, еще болѣе устранили меня отъ него. Мало-по-малу мы стали чужды другъ другу. Такое положеніе было для меня невыносимо. Ничтожныя выгоды, предоставленныя мнѣ, не могли удерживать меня въ Пфальцѣ; если я оставался въ Мангеймѣ, то потому только, что уваженіе ко мнѣ интендентства, красота природы, дружба и любовь привязывали меня къ этой странѣ. Природа утратила для меня свою прелесть, какъ скоро исчезъ пріятный сонъ, въ которомъ я видѣлъ себя цѣнимымъ и уважаемымъ лично. Правда, что дружба и любовь могли вознаградить меня за равнодушіе барона, передъ которымъ я всегда дѣйствовалъ такъ прямо, открыто и безкорыстно, и который, какъ я послѣ убѣдился, никогда не дорожилъ моею преданностью, не вѣрилъ ея искренности, а теперь забылъ о ней.

Мое здоровье разстроивалось со дня на день; талантъ сталъ слабѣть, и мною овладѣло какое-то равнодушіе ко всему рѣшительно. Та-

кое состояніе духа тяготило меня, и я испросилъ позволенія съѣздить въ Веймаръ. Весною 1796 года получилъ я отпускъ и уѣхалъ. Съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаю я прекрасное время, проведенное мною въ этомъ городѣ, объ участіи и благосклонности, оказанныхъ мнѣ столь многимъ замѣчательными людьми. Въ томъ, что писалъ Беттингеръ о сдѣланномъ мнѣ пріемѣ и о свойствахъ моего драматическаго таланта, я боюсь, что дружба руководила его перомъ, и что желая представить публикѣ оцѣнку моей игры, онъ представилъ только свои собственныя идеи; что дружба заставляла его видѣть въ исполненіи ролей совершенство, съ которымъ онъ постигалъ ихъ самъ. Какъ-бы то ни было, никогда не игралъ я съ такимъ удовольствіемъ и такимъ стараніемъ, какъ въ Веймарѣ, и оно очень понятно. Такой лестный пріемъ отъ столькихъ замѣчательныхъ людей одушевлялъ меня, придавалъ новыя силы моимъ способностямъ. Я началъ опять чувствовать къ своему искусству то, что чувствовалъ къ нему прежде. Сравненіе этого спокойствія съ тревогами и съ безполезною борьбою, которыя я выдерживалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, должно было необходимо возбудить во мнѣ сильную потребность отдыха. Въ Веймарѣ въ первый разъ въ жизни пробудилась во мнѣ мысль о возможности моего выѣзда изъ Мангейма.

Весною должны были возобновиться военныя дѣйствія. Я написалъ по этому случаю къ барону фонъ-Дальбергу, и получилъ отъ него холодный, почти суровый отвѣтъ. Мало-по-малу я самъ становился равнодушенъ къ Мангейму. Эта пріятная связь, существовавшая шестнадцать лѣтъ, внезапно измѣнилась, почти прервалась. Равнодушіе барона фонъ-Дальберга было мнѣ невыносимо, а къ горести нарушенной дружбы присоединился голосъ разсудка, кричавшій мнѣ, что пора мнѣ одуматься, пора позаботиться о своей будущности, о своемъ спокойствіи. Я рѣшился забыть дружбу, и не жертвовать болѣе своимъ будущимъ благосостояніемъ; впрочемъ не иначе, какъ убѣдившись, при возобновленіи войны, что положеніе мое въ Мангеймѣ будетъ такъ-же неопредѣленно и непрочно какъ прежде. Я не хотѣлъ, чтобы совѣсть, разсудокъ или самая строгая справедливость могли упрекать меня въ послѣдствіяхъ моего рѣшенія, послѣ того какъ я такъ непоколебимо и безкорыстно исполнялъ свой долгъ въ самыхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Я объявилъ это въ Веймарѣ, прибавивъ, что желалъ тутъ поселиться на остальную жизнь. Предложеніе, которое я сдѣлалъ на случай, еслибъ мои опасенія оправдались, можетъ служить, мнѣ кажется, новымъ доказательствомъ моего безкорыстія, моего уваженія къ

барону фонъ-Дальбергу, моей привязанности къ Пфальцу и своимъ мангеймскимъ друзьямъ.

По возвращеніи моемъ изъ Веймара, баронъ фонъ-Дальбергъ былъ ко мнѣ очень привѣтливъ и обязателенъ; но эта вѣжливость не могла замѣнить въ моихъ глазахъ прежней дружеской короткости нашихъ сношеній.

19 мая пробилъ давно-желанный часъ, когда моя невѣста упрочила мое семейное счастіе, самое высокое блаженство дарованное мнѣ въ жизни. Нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы, мои товарищи устроили намъ восхитительный праздникъ на моей дачѣ. Никогда не забуду наслажденія, которое доставило мнѣ это трогательное изъявленіе ихъ дружбы. Вечеромъ вызвали насъ въ садъ; онъ былъ весь иллюминованъ, и оркестръ, поставленный за деревьями, наполнялъ его сладостными звуками. Я и моя молодая жена были глубоко тронуты искренними поздравленіями добрыхъ друзей, и на желанія ихъ намъ счастія могли отвѣчать только слезами благодарности и умиленія.

Между-тѣмъ перемиріе кончилось. Отзывъ значительной части войска въ Италію и бѣдственная война принудили австрійскую армію оставить лѣвый берегъ Рейна. При такомъ положеніи дѣлъ, я счелъ обязанностью возобновить свои предложенія, относительно мѣръ для предупрежденія новыхъ бѣдствій, которыя могли постичь насъ; но не получилъ никакого положительнаго отвѣта. Правый берегъ Рейна былъ угрожаемъ со стороны Дюссельдорфа и Брейзгау; все заставляло ожидать самыхъ горестныхъ послѣдствій. Я опять настоятельно представилъ необходимость принять мѣры для безопасности актеровъ и сохраненія театра. Собственная моя выгода требовала, чтобы я дѣйствовалъ рѣшительно; потому-что отъ отвѣта зависѣло исполненіе или составленіе плановъ, которые я задумалъ на случай неблагопріятнаго результата моего домогательства.

Трудныя и многосложныя занятія барона фонъ-Дальберга не позволили ему принять рѣшительныхъ мѣръ по этому предмету. Бо́льшая часть актеровъ, живо помня еще страданія и опасности, выдержанныя въ первую осаду, объявили мнѣ прямо, что они не намѣрены подвергаться въ другой разъ бомбардированію. Я сообщилъ это барону фонъ-Дальбергу, прибавивъ, что я и самъ не намѣренъ былъ по-прежнему ожидать послѣдней минуты, потому-что долженъ былъ позаботиться о женѣ. Во время большой опасности нельзя спасаться въ экипажѣ, потому-что дорогою экипажъ непремѣнно будетъ отнятъ арміею для багажа.

Пока я былъ одинъ, я могъ предпринять далекое путешествіе пѣшкомъ, но могъ-ли я требовать этого отъ жены? Баронъ фонъ-Даль-

бергъ, который самъ также не хотѣлъ оставаться въ Мангеймѣ во время бомбардированія, призналъ справедливость моего замѣчанія и одобрилъ мое намѣреніе.

Между-тѣмъ Французы овладѣли переправою черезъ Рейнъ, разбили корпусъ принца виртембергскаго, были въ свою очередь разбиты и прогнаны австрійскимъ героемъ, эрцгерцогомъ Карломъ, но вскорѣ опять переправились черезъ Рейнъ у Келя, и двинулись къ Фридбергу. Они миновали уже Раштадтъ, а я былъ еще въ Мангеймѣ. Наконецъ, 10 іюля, одинъ офицеръ имперской арміи, котораго я просилъ предупредить меня когда опасность будетъ неминуема, но когда еще будетъ возможность бѣжать, извѣстилъ меня, что пора думать о спасеніи. Я въ эту минуту отправлялся въ театръ: можно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ я игралъ старика барона въ «*Землякахъ*», послѣднюю мою роль въ Мангеймѣ. Въ половинѣ представленія, тотъ-же офицеръ пришелъ за кулисы и сказалъ мнѣ, что, по вновь полученнымъ извѣстіямъ, онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на слѣдующій-же день, или даже въ туже ночь, если можно, потому-что дорога изъ Марбурга въ Фульду была уже пересѣчена, и свободною оставалась одна только вюрцбургская дорога.

Послѣ представленія, я былъ позванъ къ барону фонъ-Дальбергу. «Все пропало, сказалъ онъ: что теперь дѣлать?« Я отвѣчалъ, что позабочусь о безопасности жены, и вернусь по окончаніи войны. Онъ убѣждалъ меня остаться, прибавляя, что самъ также остается. Я возразилъ, что приготовленія, дѣлавшіяся всю недѣлю, слишкомъ ясно показывали, чего намъ было ждать; что послѣ всего, что другіе актеры испытали въ предыдущее бомбардированіе, я не могъ согласиться на его желаніе и не считалъ себя въ правѣ подвергать опасности жену.— «Такъ поѣзжайте, отвѣчалъ онь съ досадою: поѣзжайте, но я знаю, что вы уже не вернетесь». Я увѣрялъ, что вернусь, хотя-бы на развалины Мангейма.

Затѣмъ, я получилъ и свое жалованье за два мѣсяца, подписалъ обѣщаніе возвратиться по минованіи опасности, и уѣхалъ на другое утро, съ трудомъ пріискавъ себѣ экипажъ и покинувъ бо́льшую часть своего имущества. Въ переѣздѣ изъ Мангейма въ Некаръ-Эльсъ, жена моя принуждена была, съ опасностью жизни, пройти между трехъ тысячъ запряженныхъ фургоновъ, которые стояли въ три ряда по дорогѣ и перегораживали ее во всю ширину. Была, правда, другая дорога, но до того испорченная и разбитая, что по ней нельзя было ни ѣхать, ни идти пѣшкомъ. Число обозовъ и бѣглецовъ увеличивалось на каждомъ шагу. Въ Вюрцбургѣ мы принуждены были два дня ждать лошадей,

потому-что всѣ спасавшіеся изъ Мангейма и другихъ ближайшихъ мѣстъ, направлялись сюда. Тутъ-же узнали мы, что Франкфуртъ горѣлъ.

Черезъ два дня по выѣздѣ нашемъ, французы явились передъ Вюрцбургомъ и обложили его. Актеръ Кохъ былъ запертъ въ городѣ съ семействомъ: очевидное доказательство, что я не могъ отложить свой выѣздъ изъ Мангейма. Мы отправились на Готу, но миновавъ Веймаръ, потому-что я боялся быть вовлеченъ въ какія-нибудь сдѣлки, противныя моимъ обязательствамъ въ отношеніи мангеймской дирекціи. До конца августа я жилъ спокойно въ Гановерѣ; въ это время поѣхалъ въ Гамбургъ, по приглашенію Шредера, дать нѣсколько представленій, и пробылъ тамъ до 9 октября.

Въ это время желаніе жить въ Мангеймѣ загорѣлось во мнѣ еще съ бо́льшею силою. Однако я хотѣлъ упрочить свою будущность и оградить себя отъ безпрестанныхъ тревогъ, которыхъ я долженъ былъ ожидать тамъ до окончанія войны. Я часто писалъ къ барону фонъ-Дальбергу, излагая свои желанія и намѣренія ясно и подробно. Я не требовалъ никакихъ новыхъ выгодъ, а просилъ только его мнѣнія на счетъ надежности сдѣланныхъ мнѣ обѣщаній, такъ-какъ онъ самъ первый возбудилъ во мнѣ недовѣріе къ нимъ. Я спрашивалъ его, до какой степени я могъ полагаться на увѣреніе, полученное отъ него въ 1794 году, и изъявлялъ свое искреннее сожалѣнія о томъ, что наши взаимныя отношенія такъ измѣнились. Еще изъ Гановера писалъ я ему, что намѣренъ дать нѣсколько представленій въ Берлинѣ. Должно полагать, что нѣкоторыя изъ моихъ писемъ затерялись; иначе я не могу объяснить себѣ его молчанія на нѣкоторыя важныя статьи. На другія статьи онъ отвѣчалъ мнѣ коротко, уклончиво, съ холодною вѣжливостью. Я очень хорошо понималъ, что баронъ фонъ-Дальбергъ на многое не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта и что былъ слишкомъ благороденъ, чтобы обнадеживать меня на будущее время, не будучи самъ увѣренъ. Но это еще увеличивало затруднительность моего положенія. Впрочемъ какъ я ни желалъ-бы поселиться въ Мангеймѣ, однако, послѣ всѣхъ принесенныхъ мною жертвъ, я долженъ былъ подумать о томъ, къ чему могли привести меня новыя пожертвованія.

Узнавъ въ Гамбургѣ, что прусскій король изъявлялъ желаніе ангажировать меня, я немедленно извѣстилъ объ этомъ барона фонъ-Дальберга, объяснивъ ему, какъ-бы мнѣ пріятно было возвратиться подъ его начальство, но что я желалъ сначала получить положительный отвѣтъ относительно нѣкоторыхъ статей, къ которымъ я по неволѣ долженъ былъ безпрестанно возвращаться, хотя оно было мнѣ такъ-же не-

пріятно, какъ и ему. Пріѣхавъ въ Берлинъ, я опять написалъ ему; наконецъ 18 октября послалъ третье письмо, сообщая ему, что мнѣ сдѣлано въ Берлинѣ очень выгодное предложеніе, на которое настоятельно требовался отвѣтъ. Я писалъ, что не желалъ лучшихъ условій противъ прежняго; что въ денежныхъ дѣлахъ, дѣйствія мои лучше всего показывали всегда мое безкорыстіе; но что, въ случаѣ неполученія яснаго и опредѣлительнаго отвѣта на мои представленія, разсудокъ не позволялъ мнѣ отвергнуть выгодныя предложенія изъ Берлина, и наконецъ, что я не могъ откладывать отвѣта далѣе 10 ноября. Около этого времени я получилъ, черезъ майнцскаго посланника, графа Гасфельда, письмо, въ которомъ не было отвѣта ни на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Зная, что графъ былъ однимъ изъ самыхъ короткихъ друзей барона фонъ-Дальберга, я спросилъ его, не имѣлъ-ли онъ другихъ порученій относительно меня, которыя долженъ былъ держать въ тайнѣ; я умолялъ его не скрывать отъ меня ничего, такъ-какъ я считалъ себя совершенно чистымъ передъ мангеймскою дирекціею и готовился принять предложеніе короля. Графъ Гасфельдъ увѣрилъ меня, что не имѣетъ никакого порученія, и даже показалъ мнѣ письмо барона фонъ-Дальберга, который только освѣдомлялся, имѣлъ-ли я успѣхъ въ Берлинѣ?

Послѣ всѣхъ этихъ объясненій, никто, я думаю, не обвинитъ меня въ легкомысленномъ и нечестномъ разрывѣ съ мангеймскою дирекціею. 14 ноября я написалъ къ каммергеру Ритцу, что съ благодарностью принималъ предложеніе, которое его величеству угодно было сдѣлать мнѣ, и готовъ ангажироваться въ Берлинѣ, и въ этотъ-же день, въ десять часовъ вечера, получилъ отъ королевскаго кабинета извѣщеніе о моемъ принятіи. 16 ноября, когда уже было поздно, получилъ я письмо отъ барона фонъ-Дальберга, заключавшее подробное объясненіе, котораго я такъ долго добивался, и извѣщавшее меня о прибавкѣ жалованья, которой я не просилъ. Еслибъ это письмо пришло тремя днями раньше, даже безъ прибавки жалованья, я остался-бы вѣренъ своему слову, возвратился-бы въ милый мнѣ Пфальцъ, въ свое прирейнское уединеніе, и отказался-бы безъ сожалѣніе отъ блестящихъ предложеній въ Берлинѣ. Кто знаетъ меня, тотъ знаетъ также, что я никогда не гонялся за деньгами, что спокойствіе единственный предметъ моихъ желаній, что я готовъ на всякое пожертвованіе, чтобы остаться вѣрнымъ слову. Но есть непреложная сила, управляющая судьбою людей; она рѣшила и мою судьбу. Я вспоминаю съ любовью о Пфальцѣ и о томъ времени, когда баронъ фонъ-Дальбергъ удостоивалъ меня своего довѣрія. Я никогда не причинялъ ему умышленно никакой непріятности, и

сколько мнѣ извѣстно, ничѣмъ не заслужилъ его неудовольствія, по мѣрѣ своихъ силъ помогалъ ему въ хлопотномъ управленіи театра; вмѣстѣ съ нимъ сопротивлялся духу монополіи въ драматическомъ искусствѣ и содѣйствовалъ развитію юныхъ талантовъ. Я убѣжденъ, что мангеймскіе артисты, не смотря на мое отсутствіе, вспоминаютъ обо мнѣ съ признательностью. Согласно уговору, я съ благодарностью выплатилъ барону фонъ-Дальбергу ссуду, которую онъ сдѣлалъ мнѣ въ 1794 году и два мѣсяца жалованія, забранные мною передъ отъѣздомъ.

Въ 1785 году, я добровольно вручилъ барону фонъ-Дальбергу записку, которою обязывался не ангажироваться безъ его вѣдома. Послѣ того, я совершенно не заботился объ этой запискѣ, тѣмъ болѣе, что самъ баронъ фонъ-Дальбергъ никогда не смотрѣлъ на нее какъ на оффиціальный документъ. И дѣйствительно, обѣщаніе мое было совершенно излишне; мои намѣренія и чувства нисколько не измѣнились съ того времени. Письма, которыя я писалъ къ барону фонъ-Дальбергу изъ Гамбурга и изъ Берлина, какъ скоро я узналъ о готовившемся мнѣ предложеніи, достаточно доказываютъ ему, что я не поступилъ необдуманно и безъ его вѣдома. А между-тѣмъ, по заключеніи моего контракта въ Берлинѣ, онъ возвратилъ мнѣ мою записку съ гнѣвомъ и съ жесткими словами: «ваши дѣйствія не согласуются съ вашими письменными обѣщаніями.»

Читая это обѣщаніе, данное въ пылу молодости, въ 1785 году, когда все вокругъ меня обѣщало счастіе и согласіе, и которое я сдержалъ ненарушимо въ самыя трудныя времена, я съ невольною грустью задумался надъ ненадежностью всего земнаго. Какъ внезапно исчезли тогдашнія мои отношенія къ барону фонъ-Дальбергу! Я припоминалъ 20 ноября 1785 года, день когда онъ со слезами обнималъ меня, и потомъ сравнивалъ это воспоминаніе съ теперешними его жестокими словами. Шестнадцать лѣтъ прожилъ я на глазахъ этого человѣка, въ увѣренности, что онъ понималъ меня, и послѣ столькихъ трудовъ и жертвъ вотъ какъ онъ меня цѣнилъ! Съ негодованіемъ бросилъ я это несправедливое письмо, въ которомъ меня корили моими обѣщаніями и забывали мои дѣйствія!

Въ это время рѣшился я раскрыть передъ публикою свое драматическое поприще, и рѣшился преимущественно потому, что замѣтилъ съ тѣхъ-поръ стараніе нѣкоторыхъ лицъ повредить мнѣ въ мнѣніи людей, которыхъ уваженіе мнѣ дорого. Въ вѣрности разсказаннаго я могу поручиться честью, и въ случаѣ нужды представить неоспоримыя доказательства; теперь-же прошу только читателей извинить нѣкоторыя

излишнія подробности, въ которыя я принужденъ былъ вдаться для оправданія себя отъ несправедливыхъ навѣтовъ и обвиненій.

Баронъ фонъ-Дальбергъ можетъ быть увѣренъ, что я всегда сохраню глубокую признательность ко всѣмъ услугамъ, которыя онъ оказалъ нѣмецкому театру. Онъ очистилъ его вкусъ, возбудилъ въ артистахъ любовь къ ученію, трудолюбіе и стремленіе къ совершенству. Я буду всегда вспоминать съ умиленіемъ тотъ день, въ которой я поступилъ подъ его благодѣтельное руководство; надѣюсь, что и онъ не забудетъ времени, когда молодой артистъ отдался ему отъ полноты своего сердца. Читая эти записки, онъ, можетъ быть, почувствуетъ то-же, что чувствую я въ эту минуту: скорбь о непрочности человѣческихъ желаній и предположеній. Два путника, долго странствовавшіе вмѣстѣ, расходясь, неразъ еще обернутся назадъ, чтобы взглянуть другъ на друга, и неразъ вспомянутъ дружескія бесѣды, оживлявшія ихъ общее странствіе!

Король Фридрихъ-Вильгельмъ II соизволилъ поручить мнѣ дирекцію берлинскаго театра. Ничто не можетъ быть возвышеннѣе инструкціи, которую онъ самъ далъ мнѣ въ Потсдамѣ: «Остерегайтесь пристрастія въ раздачѣ ролей; давайте ходъ каждому. Я желаю, чтобы даже послѣдній актеръ въ труппѣ имѣлъ случай отличаться, и чтобы дирекція заботилась о пользѣ каждаго.» Никогда не забуду этой инструкціи и бесѣды съ великодушнымъ королемъ. Справедливость и благосклонность, съ какими онъ занимается успѣхомъ и интересами національнаго театра, среди своихъ многотрудныхъ дѣлъ, должны возбуждать благодарность каждаго артиста.

Я обязанъ также благодарностью берлинской публикѣ. Съ самаго принятія дирекціи, я поставилъ себѣ за правило, по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать удовольствію публики, и стараться о возможномъ согласіи и единствѣ труппы, не прибѣгая однако къ насильственнымъ нововведеніямъ, ибо я убѣжденъ, что такія мѣры, вредъ артистамъ въ частности, тѣмъ самымъ вредятъ и единству ихъ исполненія. Между берлинскими актерами я нашелъ много рѣдкихъ и высокихъ талантовъ. Взаимное довѣріе и добрая воля каждаго еще скрѣпятъ ихъ дружескій союзъ, а это лучшее средство, чтобы достичь единства исполненія и торжества. Не могу также не отдать справедливости г. Флеку, въ которомъ, кромѣ первокласснаго артиста, полнаго истины и естественности, я нашелъ ревностнаго и надежнаго сотрудника и помощника. Его дружба и преданность опровергаютъ старинное повѣрье, будто два артиста, равно преданные своему искусству, не могутъ жить въ ладу подъ однимъ кровомъ.

Осматриваясь на пройденное мною поприще, не могу–ли я сказать съ самодовольствіемъ, что я всегда любилъ дѣйствовать по первому внушенію сердца? Или это только слабость? Не мнѣ рѣшать: знаю только, что этотъ способъ дѣйствія менѣе вовлекалъ меня въ ошибки и въ искушеніе, чѣмъ размышленіе.

Въ заключеніе, свидѣтельствую искреннюю свою благодарность всѣмъ моимъ друзьямъ и всѣмъ желающимъ мнѣ добра.

Берлинъ, 17 апрѣля 1798 года.

Ифландъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Нынѣшній лѣтній сезонъ нашего театра такъ не богатъ новостями, что намъ почти нечего заносить въ нашу лѣтопись. Было нѣсколько бенефисовъ; но они состояли, по большей части, изъ старыхъ пьесъ, о которыхъ давно пересказано все, и даже больше, чѣмъ слѣдовало. Единственная новость на нашей сценѣ было появленіе московскаго комика, Шумскаго, который, послѣ нѣсколькихъ дебютовъ, далъ бенефисъ, и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ, къ сожалѣнію всѣхъ видѣвшихъ его и къ еще бо́льшему тѣхъ, кому не удалось его видѣть.

Шумскій принадлежитъ къ разряду артистовъ по призванію. Съ раннихъ лѣтъ ознакомился онъ съ этими помостами, по нѣмецкому выраженію «означающихъ свѣтъ» (*Bretter, die die Welt bedeuten.*) Въ 1830 году, зимою, пишущій эти строки былъ приглашенъ на драматическій вечеръ къ бывшему директору московскаго театра, Ѳедору Ѳедоровичу Кокошкину, заслуженному драматургу и меценату искусства, которому столь многіе русскіе таланты, во всѣхъ родахъ, обязаны своимъ образованіемъ и воззваніемъ къ художнической жизни. Между разными увеселеніями, которыми роскошный и щедрый хозяинъ угощалъ своихъ гостей, былъ и спектакль изъ питомцевъ Театральнаго Училища. На прелестномъ, миніатюрномъ театрѣ, устроенномъ съ необыкновеннымъ вкусомъ въ одной изъ обширныхъ залъ дома Ѳедора Ѳедоровича (у Арбатскихъ воротъ), столь-же миніатюрные актеры играли водевиль Хмѣльницкаго «Первый дебютъ актрисы Троепольской». Старшему изъ нихъ было не болѣе лѣтъ тринадцати, младшему около девяти. Между тѣмъ пьеска шла превосходно. Роль *Попова* занималъ Лукьяновъ, роль *Шумскаго* — Чесноковъ. Оба восхищали зрителей непринужденностію, ловкостью и толковитостью своей игры. Особенно прелестенъ былъ маленькій, девятилѣтній, картавый Чесноковъ, котораго пѣсенку:

Жду красотку я мою
И ей пѣсенку пою!
Ай, душа-ль моя, душа!
Выйди къ молодцу скорѣй!

заставила повторить два раза. По окончаніи спектакля всѣ рвались за милаго ребенка, на-перерывъ осыпали его ласками и конфектами. И этотъ ребенокъ былъ будущій замѣчательный артистъ и любимецъ московской публики, С. В. Шумскій. Нѣкоторые друзья Кокошкина упросили его усвоить за даровитымъ ребенкомъ фамилію роли, въ которой онъ стяжалъ первый блистательный свой успѣхъ.

Теперь Шумскому тридцать два года и онъ съ перваго своего дебюта, на театрѣ Кокошкина, не переставалъ трудиться, образовываться, думать и совершенствовать природныя свои дарованія. Нѣсколько лѣтъ провелъ онъ на провинціальныхъ сценахъ, и преимущественно на Одесской, гдѣ имѣлъ время и случай испытать всѣ свои способности и развить сценическія средства. Послѣ этой трудной школы онъ явился на Московской сценѣ во все-оружіи своего таланта. Конечно, для Шумскаго еще многое впереди: онъ не имѣлъ случая ознакомиться съ великими образцами искусства, которыхъ можно встрѣтить только на иностранныхъ сценахъ столичныхъ театровъ; онъ не могъ еще усвоить себѣ значительнаго репертуара, но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь передъ нами является, можно уже судить его, какъ артиста созрѣлаго, которому могутъ представиться значительныя роли для созданія, но едва-ли — возможность къ еще бо́льшему развитію природныхъ данныхъ.

Г. Шумскій принадлежитъ къ школѣ М. С. Щепкина: это актеръ, по преимуществу, мыслящій и сознательный. Онъ вырабатываетъ свои характеры, онъ даетъ имъ типическій колоритъ, онъ тщательно выражаетъ оттѣнки, онъ взвѣшиваетъ и подготовляетъ переходы отъ одной страсти къ другой, отъ положенія покоя къ душевной тревогѣ, онъ заботится о томъ, чтобъ выдвинуть рельефно тѣ мѣста роли, которыя могутъ обрисовать цѣлый характеръ. Вотъ главныя достоинства его игры. Изъ этого видно, что г. Шумскій наиболѣе актеръ умный, чѣмъ вдохновенный, актеръ, которому строгое сознаніе того, что онъ дѣлаетъ и говоритъ на сценѣ, даетъ силы и могущество владѣть собою и устранять свою личность въ пользу представляемаго лица. Правда, у него не встрѣтишь тѣхъ сильныхъ, всепобѣждающихъ мгновеній, которыя даются природнымъ геніемъ и являются на помощь актера безсознательно, во время самаго представленія, какъ-бы по непосредственному наитію, мгновеній, которыя составили славу Мочалова, и нерѣдко восхищаютъ насъ въ Мартыновѣ; но за то, Шумскій вездѣ ровенъ, вѣренъ заданной темѣ, и если не поразительно натураленъ, то невѣроятно искренень

и правдоподобенъ. Это честная, художническая натура, все приносящая въ жертву полному, щепетильно совѣстливому труду, и ничѣмъ не жертвующая минутному успѣху, себялюбивому стяжанію рукоплесканій, безъ разбора средствъ, къ ихъ достиженію.

Шумскій, по лѣтамъ своимъ, пріобрѣлъ замѣчательную сценическую рутину. Видно, что онъ трудился много и неусыпно, что онъ поборолъ не только необходимыя условія сценическаго проявленія — жестъ и мимику, но даже и природныя свои недостатки: шепелянье, на-примѣръ, и теперь является съ дикціей, безукоризненно правильной, ясной и пріятной. Но главное, что приковываетъ зрителя невольно къ артисту, это его видимая любовь и уваженіе къ своему дѣлу, это — не ремесленное, цѣховное, а духовное участіе въ характерахъ, которое явно обнаруживается въ его созданіяхъ.

Признаемся откровенно, мы всегда охотнѣе отдаемъ пальму первенства сознательному труду, полному, отчетливому, со всѣхъ сторонъ округленному, чѣмъ этимъ вспышкамъ вдохновенія, этимъ минутнымъ обмолвкамъ внутренняго голоса, этимъ порывамъ природнаго дарованія, которыя такъ часто увлекаютъ зрителя своею неожиданностію и еще чаще подкупаютъ его въ пользу актера, заставляя снисходить къ его существеннымъ и вопіющимъ недостаткамъ. Что мнѣ въ прелестныхъ глазахъ Венеры, въ чрезвычайно натуральномъ ея мизинчикѣ, когда живописецъ помѣстилъ эти глаза на самой бездушной головѣ, а мизинчикъ придѣланъ къ рукамъ орангъ-утанга? Надо, чтобъ картина поражала въ цѣломъ, чтобъ мысль, выраженіе, колоритъ и подробности въ совокупной гармоніи увлекали душу. Тогда только за художникомъ можно признать неоспоримое первенство. Конечно, *актерство*, т. е. проявленіе на сценѣ, безъ всякаго внутренняго участія, а съ одними данными, пріобрѣтаемыми рутиною, придуманными ловкостью, также ровно ничего не стоитъ: это опять будетъ эффектная картина, труженически выработанная, но не согрѣтая огнемъ мысли и чувства: это канвейный узоръ, вышитый бисеромъ, взятымъ прямо съ фабрики. Въ сценическомъ творчествѣ необходимо соединеніе внутренней, сознательной стороны художнической натуры съ внѣшнимъ совершенствомъ самого искусства; нужно, такъ сказать, чтобъ артистъ чертилъ свой рисунокъ головою, а краски для него бралъ прямо изъ души. Конечно, это трудное соединеніе, оно не для всѣхъ доступно, въ немъ заключается важное условіе — именно, чтобъ голова и сердце были одинаково хорошо и сильно организованы, чтобъ не было перевѣса, а тѣмъ болѣе, исключительности ни на той, ни на другой сторонѣ. Это встрѣчается рѣдко и потому-то именно истинно великихъ артистовъ такъ мало. Во вся-

комъ случаѣ, если уже допустить перевѣсъ которой-нибудь стороны, то лучше допустить его головѣ: пусть по-крайней-мѣрѣ — умъ хозяйничаетъ, который постоянно дѣятеленъ и всегда находчивѣе, чѣмъ сердце, которое говоритъ иногда необузданно и прихотливо.

Игра г. Шумскаго не безъ внутренняго участія, но, по большей части, она руководится умомъ. Въ ней есть проникновеніе, есть огонь, на столько, на сколько характеры не глубоко-патетическіе въ томъ и другомъ нуждаются. Въ положеніяхъ сильно потрясающихъ, въ характерахъ, гдѣ чувство человѣчества играетъ первую роль, словомъ, въ тѣхъ роляхъ, гдѣ такъ неподражаемъ Самойловъ, мы его не видали; не видѣли мы его также въ характерахъ исключительно русскихъ, народно-типическихъ, въ которыхъ иногда Мартыновъ поражаетъ своимъ необычайно вѣрнымъ тактомъ, своею безыскуственной истиной. Г. Шумскій играетъ типы чисто-комическіе, въ которыхъ отразились общечеловѣческія страсти и черты, не исключительно принадлежащія какой-либо особенной національности или частной личности отдѣльнаго сословія. Его нельзя сравнивать ни съ Самойловымъ, ни съ Мартыновымъ, въ немъ нѣтъ ни глубины перваго, ни геніальности послѣдняго, но за то онъ соединилъ въ себѣ жаръ и ловкость, характеризующіе Самойлова, съ отчетливостію и обдуманностію, которыхъ недостаетъ у Мартынова, и является, даже рядомъ съ ними, артистомъ очень замѣчательнымъ. Геній вещь прекрасная, но она требуетъ непремѣнно строгаго руководителя, а не то—это дорогой брилліантъ безъ достойной оправы. Если врожденная геніальность можетъ творить новое въ искусствѣ; если она создаетъ для него неизвѣстные дотолѣ законы, то и искусство, въ свою очередь, напередъ обязано очистить, огранить и выполировать эту геніяльность, чтобы подготовить ей прочный фундаментъ для ея новыхъ созданій. Нѣтъ въ мірѣ вещи столь шаткой, столь способной сбиться съ истиннаго пути и броситься въ преувеличенія, какъ врожденная геніяльность, безъ прочной и сознательной опоры, о которой мы сейчасъ говорили. Какъ часто видимъ мы, что люди, въ которыхъ нельзя не признать этой искры высшаго огня, переходятъ въ рѣшительное ничтожество и оканчиваютъ самымъ жалкимъ образомъ то, что еще недавно начинали съ такимъ блескомъ, съ такими богатыми надеждами для всѣхъ! И такъ, геніальность превосходна — но только рука объ руку съ здравымъ мышленіемъ, съ образованіемъ и съ самосознаніемъ. Равномѣрно, здравое мышленіе и сознаніе собственныхъ силъ могутъ поставить и простой талантъ на степень геніальности и даже иногда выше ея. Въ этомъ отношеніи мы почти согласны съ французскимъ философомъ, который сказалъ: «Геній—есть трудъ и разумъ!» (Le génie c'est le travail et le raison!)

Трудомъ, постояннымъ, сознательнымъ, Шумскій пріобрѣлъ себѣ довольно видное мѣсто съ области сценическаго искусства. Мы видѣли его въ немногихъ роляхъ, не слишкомъ важныхъ, по своему содержанію, но каждой изъ нихъ онъ умѣлъ придать колоритъ и рѣзко выдвинулъ ее изъ среды окружающихъ ее характеровъ. Вездѣ видна у него строгая обдуманность, рисовка, вѣрная заданной авторомъ темѣ, видѣнъ вкусъ, приличіе и, что очень утѣшительно, рѣшительное отстуствіе фарса, исканія эффектовъ (*Effecthascherei*).

Значительнѣйшими ролями его на здѣшнемъ театрѣ были: роль глупца-поэта въ комедіи П. И. Григорьева «Житейская школа» и *Курочкина* въ комедіи «Невѣстѣ сорокъ лѣтъ, праданаго сто тысячъ», данной въ его бенефисъ.

Роль поэта *Звѣздкина*, до Шумскаго, проходила по нашей сценѣ не замѣченною, даже мѣшала дѣйствію, потому-что рѣзко поражала своей неестественностію и несообразностію; Шумскій нетолько умѣлъ придать ей правдоподобіе, но онъ создалъ изъ нея характеръ, въ высшей степени юмористическій, вмѣстѣ смѣшной и жалкой, въ которомъ живо отразилась превратность недозрѣлыхъ понятій о значеніи литературнаго призванія и о тѣхъ мечтательныхъ правахъ, которыя поэты нашего вѣка присвоиваютъ себѣ надъ, такъ-называемой ими, *толпою*. Авторъ въ этомъ лицѣ хотѣлъ просто выставить шута, литературнаго граціозо, для оживленія немножко длинныхъ сценъ перваго дѣйствія; Шумскій силою своего таланта создалъ изъ него лицо живое, въ высшей степени занимательное, лицо первоклассное въ пьесѣ, невольно наводящее на размышленіе.

Въ комедіи «Невѣстѣ сорокъ лѣтъ» сюжетъ довольно бѣдненькій. Невѣста, перешагнувшая годъ, когда

> . . . . плачется кокетка,
> Это грозный *бабій вѣкъ*:
> Та-жъ блондинка да брюнетка,
> Да не тотъ ужъ человѣкъ!

именно — сороковой, все еще желаетъ пріобрѣсти получше жениха. Сосѣдъ ея, старикъ Курочкинъ, давно за ней ухаживатъ и прощаетъ ей всѣ слабости и недостатки, потому-что у нея сто тысячъ приданаго. Онъ уже близокъ къ своей цѣли, когда видитъ себѣ соперника въ молодомъ Сицкомъ, передъ которымъ старушка преумильно щуритъ глазки и препышно взбиваетъ локоны. Послѣ многихъ колебаній, и сторонніхъ интригъ, Сицкій женится на молоденькой племянницѣ сорокалѣтней невѣсты, а сама невѣста достается вѣрному Курочкину. Въ пьесѣ есть очень удачныя сцены, хотя всѣ ея положенія вовсѣ не новы. Здѣсь-то Шумскій является окончательнымъ артистомъ. Роль Курочкина создана имъ пре-

восходно. Это типъ, въ высшей степени естественный и жизненный; каждый жестъ, каждое движеніе, каждый звукъ продуманы и вѣрны природѣ, до мельчайшаго оттѣнка. Сцена, гдѣ Курочкинъ остается одинъ и разсуждаетъ о невѣстѣ и о своемъ положеніи, ведена съ мастерствомъ неподражаемымъ. Монологъ этотъ длится четверть часа и Курочкинъ говоритъ вещи очень обыкновенныя. Въ устахъ другаго актера это пустословіе надоѣло-бы зрителямъ до нельзя: Шумскій тутъ постоянно заставляетъ апплодировать всю залу, а между-тѣмъ, онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, заложивъ руки за спину. Ни жеста, ни движенія—весь эффектъ производитъ онъ игрою физіономіи и мастерствомъ интонацій, не дозволяя себѣ притомъ ни малѣйшей утрировки. Вотъ это искусство, настоящее, чистое, добросовѣстное!

Вообще г. Шумскій на нашей сценѣ былъ явленіемъ чрезвычайно отраднымъ, и дѣйствительные знатоки и любители искусства не разъ позавидуютъ Москвѣ, которая владѣетъ талантомъ, который и здѣшней сценѣ могъ-бы служить украшеніемъ и очень назидательнымъ артистическимъ примѣромъ.

Остальныя пьесы бенефиса г. Шумскаго не заслуживаютъ особеннаго упоминовенія, кромѣ одной маленькой комедіи «Пансіонерка», прекрасно веденной, въ которой такъ наивно прекрасно выполнила главную роль г-жа Жулева. Чтоже касается до водевиля «Жутковъ и Км.» и пословицы «Споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся», такъ это тысячныя варіяціи на устарѣлыя темы невѣрныхъ мужей, которые попадаются въ-просакъ, проучены женами, просятъ у нихъ прощенія и мирятся съ ними... до ближайшей ссоры. Очень назидательно, только чрезмѣрно скучно.

Бенефисъ, данный въ пользу вдовы и сироты недавно умершаго актера Третьякова, принесъ намъ слѣдующія новыя пьесы:

ДВѢ КАМЕЛИ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Соч. кн. *Г. В. Кугушева.*

ВѢСТИ, или УБИТЫЙ ЖИВОЙ. Комедія графа *Ѳ. В. Растопчина.*

ДВУМУЖНИЦА. Водевиль, передѣланный съ французскаго г. *Аничковымъ.*

ДИЛЕТАНТЪ 5-ГО ЯРУСА. Шутка въ одномъ явленіи.

МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ. Поэма. Соч. *П. А. Катенина.*

Комедія «Вѣсти» напомнила намъ имя очень громкое въ русской исторіи и перенесла эпоху, незабвенную для русскаго сердца. Комедія эта видимо написана подъ вліяніемъ и вслѣдствіе вопіющей потребности этой эпохи. Она имѣетъ родственную связь со всѣми прокламаціями

и народными каррикатурами, выпущенными гр. Растопчинымъ для успокоенія жителей Москвы, во время приближенія Наполеона къ первопрестольной столицѣ. Въ ней показано, какъ нелѣпо давать вѣру каждому слуху, и откуда берутся глупыя вѣсти, распускаемыя въ народѣ. Господа Горюновъ, Развозовъ, Пустяковъ и г-жа Набатова, которые выставлены источниками подобныхъ сплетень, очерчены довольно комически, особливо Набатова — характеръ весьма выпукло отдѣланный. Основа комическая въ этой пьесѣ очень неважная: все дѣло въ томъ, что молодаго офицера, Побѣдина, обрученнаго съ дочерью г. Богатырева, въ сраженіи ранили въ мизинецъ. Вѣсть объ этомъ дошла до столицы и вѣстовщики и вѣстовщицы, передавая ее другъ другу, сперва отрѣзали у Побѣдина обѣ руки, потомъ обѣ ноги, наконецъ прорубили ему голову и приводятъ въ совершенное отчаяніе семейство Богатырева, докладывая ему, что Побѣдинъ рѣшительно изрубленъ въ мелкіе куски. По счастію, въ самую критическую минуту является самъ покойникъ — здравъ невредимъ, и обличаетъ ихъ въ лжи.

Пьеса эта вѣроятно предназначалась къ представленію въ 1812, но занятіе столицы непріятелемъ, помѣшало ее сыграть. Теперь она совершенный анахронизмъ на сценѣ, но имѣетъ то достоинство, что показываетъ, какъ знаменитый московскій генералъ-губернаторъ старался устранить всякое нравственное зло въ критическую народную эпоху. Языкъ комедіи тотъ-же мастерской, какъ и во всѣхъ его достопамятныхъ прокламаціяхъ, которыя еще надолго останутся образцомъ народнаго слога.

«Двѣ Камеліи» очень миленькая комедія, которая имѣла значительный успѣхъ на сценѣ. Дѣло въ томъ, что одинъ франтъ-Ловеласъ, пріѣхавшій погостить въ деревню г. Индюковскаго, хочетъ покорить себѣ сердца всѣхъ женщинъ. Условнымъ знакомъ взаимности съ ихъ стороны должны служить красныя камеліи, приколотыя къ груди. Дамы сходятся, видятъ другъ у дружки камеліи, узнаютъ лукавство своего поклонника — и Ловеласъ одураченъ. Положенія въ этой комедіи довольно новы и характеры не совсѣмъ обыкновенны. Есть сцены очень забавныя и даже нѣсколько патетическія. Благодаря игрѣ г-жъ Самойловой 2 и Орловой, г. г. Сосницкаго и Максимова — пьеса шла кругло и твердо и доставила публикѣ большое удовольствіе.

«*Двумужница*» также довольно забавный водевиль, но дѣйствіе его и характеры лицъ никакъ не укладываются въ русскіе нравы и переводчикъ совершенно напрасно перемѣнилъ французскія имена на русскія: пьеса оттого утратила всякое правдоподобіе.

«*Дилетантъ 5-го яруса*», возвратясь изъ итальянской оперы въ свою коморку, также въ пятомъ ярусѣ сильно населеннаго дома, раз-

сказываетъ публикѣ, какъ поютъ Гризи и Маріо, какъ имъ хлопаютъ въ разныхъ слояхъ ложъ и партера, какъ жарко сидѣть на верху и какъ удобно оттуда наблюдать за интересными сценами внѣ сцены... Словомъ, разсказываетъ всякую-всячину, все, что ему на умъ взбредетъ. Все это было бы отмѣнно скучно и даже чрезвычайно незамысловато, еслибъ этимъ дилетантомъ не былъ г. Шумскій, великій мастеръ говорить занимательно и естественно. Кстати, намъ показалось, что въ г. Шумскомъ есть какое-то особенное пристрастіе къ ролямъ молодыхъ людей, повѣсъ, франтовъ, словомъ, къ амплуа, называемому технически premier comique. Къ несчастію, взглядъ артиста въ этомъ отношеніи совершенно ошибочный! Не въ этихъ роляхъ, воздушныхъ и полукарикатурныхъ, его сила: онъ всегда будетъ выше въ роляхъ гримовъ, въ роляхъ характерныхъ, типическихъ, требующихъ отдѣлки, обдуманности, игры тонкой и благородной.

Г. Каратыгинъ прочелъ поэму «*Мстиславъ Мстиславичъ*». Поэма очень поучительная, хотя написана чрезвычайно тяжелыми и неправильными стихами, которые, въ настоящее время, когда звучный стихъ сдѣлался дѣтскою игрушкою, очень непріятно уязвляютъ ухо. Но будь поэма въ тысячу разъ лучше «Мстислава Мстаславича», будь она написана стихомъ Пушкина или Лермантова, она все-таки не произведетъ впечатлѣнія на сценѣ, потому-что ей тамъ совсѣмъ не мѣсто. Сцена требуетъ дѣйствія, а не разсказа; актеръ на ней долженъ являться лицедѣемъ, а не чтецомъ. Когда въ артистѣ отражаются страсти и волненія лица, которое онъ преставляетъ, на немъ невольно сосредоточивается участіе зрителя, но если онъ передаетъ мысли автора и героевъ, совершенно чуждыхъ общаго имтереса, то и его собственная личность, и даже мастерство передачи, остаются неинтересными. Это все равно, еслибъ васъ посадили за прекрасно сервированный столь, и вмѣсто того, чтобъ подавать кушанья, разсказали-бы только о томъ, какъ хорошо кормитъ Дюссо или какъ вкусно готовятся блюда au Rocher de Cancale. Въ театрѣ требуется, чтобъ жизнь была на сценѣ, въ виду зрителя, а не за кулисами или даже за предѣлами театра.

Бенефисы гг. Славина, Рославскаго, Радина мы проходимъ молчаніемъ, потому – что въ нихъ не было ничего новаго. Возобновлены нѣкоторыя пьесы стараго репертуара, но въ обновленномъ видѣ онѣ потеряли свою прежнюю прелесть и явились съ замѣщеніями и сокращеніями, которыя прямо ручаются за недолговѣчность ихъ новой жизни. Да почіютъ-же онѣ съ миромъ, до третьяго возобновленія, можетъ быть, для нихъ болѣе счастливаго.

Федоръ Кони.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ $^{1}/_{13}$-го іюня.

Балъ въ Парижѣ — Балъ у генерала д'Опу.— Спектакли въ Тюильрійскомъ дворцѣ. — Исторія Тюильрійскаго театра.— Госпожа Вольнисъ на сценѣ Драматической Гимназіи.— Піанистъ Габербиръ.— Эмиграція актеровъ.— Скрибъ.— Ясновидящій актеръ — Первый Французскій Театръ: Старикъ Жадисъ, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Генриха Мюрже*.— Театръ Большой Оперы: Странствующій Жидъ, опера въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ, слова *Скриба* и *Сен-Жоржа*, музыки *Галеви*.— Театръ Комической Оперы: Галатея, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова *Жюля Барбье* и *Мишеля Карре*, музыка *Виктора Массе*. Новая опера Мейербера и госпожа Вагнеръ.— Пьесы изъ исторіи Наполеона. – Театръ Водевиля: До полуночи, водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. *Ашиля Дортуа, Бессельевра* и *Ровиго* — Театръ Веселости: Нищая, драма въ пяти дѣйствіяхъ, гг. *Анисе Буржуа* и *Мишеля Массона*.— Пале-роялскій театръ: Подуйте мнѣ въ глаза, водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. *Лабиша* и *Марка Мишеля*. Бѣдовый братъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. *Дюпети* и *П. Вермона*. Семь женъ Синей бороды, траги-комическая легенда съ пѣніемъ, г. *Барбаруссы*.— Театръ Сен-Мартинскихъ Воротъ: Право осмотра, водевиль въ одномъ дѣйствіи гг. *Альбера Монье* и *Эдуарда Мартена*. — Ипподромъ: дебютъ госпожи Саки.— Некрологъ: Полина Кюзанъ, Евгенія Фоа, Феретти.

Парижъ въ нынѣшнемъ году шумнѣе и веселѣе, нежели въ предыдущіе годы; стеченіе иностранцевъ чрезвычайно велико и, не смотря на лѣтнее время, парижане не охотно выѣзжаютъ изъ городу. Даже балы и концерты продолжаются. Этому много способствуетъ присутствіе Президента, который не переѣхалъ еще, какъ намѣревался, въ Сенъ-Клу, а также и спокойствіе, водворившееся наконецъ послѣ долгихъ смутъ. Парижъ веселится до упаду, какъ-бы стараясь наверстать потерянное время. Президентъ и важнѣйшіе сановники подаютъ ему въ этомъ примѣръ. Почти всѣ министры давали въ теченіе прошедшаго мѣсяца великолѣпные балы, но самый блистательный изъ этихъ баловъ былъ у генерала д'Опу, который, въ качествѣ великаго референдарія Сената, живетъ въ Люксамбургскомъ дворцѣ, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ и изящнѣйшихъ зданій Парижа. Освѣщеніе, убранство комнатъ, однимъ

словомъ всѣ подробности этого праздника возбуждаютъ справедливый во сторгъ гостей, забывшихъ тѣсноту и нестерпимый жаръ, предупредить которые не было впрочемъ во власти хозяина. Особенное вниманіе обратила на себя одна комната, которая была сверху до низу убрана зеркалами и цвѣтами; въ серединѣ этой комнаты была бесѣдка изъ цвѣтовъ и зелени, на верху которой билъ фонтанъ воды, въ огромной чашѣ, служившей бесѣдкѣ крышею. Министръ публичныхъ работъ и самъ Президентъ дали также великолѣпные балы, но какъ они не спеціальность нашихъ писемъ, то мы умалчимъ о нихъ, а разскажемъ лучше о банкетѣ и спектаклѣ, данныхъ въ Тюильрійскомъ дворцѣ.

Банкетъ былъ, впрочемъ, какъ и всѣ банкеты, съ тою только разницею, что во время его игралъ хоръ музыкантовъ перваго инженернаго полка, считающійся однимъ изъ лучшихъ во Франціи.

Спектакль начался въ половинѣ десятаго. Президентъ, окруженный штабомъ своимъ и министрами, занялъ ложу, находящуюся въ серединѣ галлереи. Зала была наполнена военными и гражданскими сановниками и членами высшихъ правительственныхъ мѣстъ. Всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и потому самая зала представляла прекрасное зрѣлище.

Спектакль начался прекрасною пятиактною комедіею Жюля Сандо «Mademoiselle de la Seiglière». Актеры превзошли самихъ себя, стараясь понравиться блистательному ареопагу, и потому вы поймете, что пьеса была разыграна въ совершенствѣ.

Послѣ этой комедіи появилась на сценѣ г–жа Жюдитъ, въ костюмѣ музы исторіи и прочла стихотвореніе «Возвращеніе орла» (Le retour de l'Aigle), написанное въ честь Президента, извѣстнымъ поэтомъ Мери. Это стихотвореніе было заранѣе напечатано и роздано присутствующимъ; нѣкоторые экземпляры были оттиснуты на атласѣ золотыми буквами.

Затѣмъ г. Лафонъ, капитанъ республиканской гвардіи и сынъ извѣстнаго актера того-же имени, прочелъ стихи своего сочиненія.

Въ заключеніе играли старинную оперетку Никола Изуара «Le rendez–vous bourgeois». Спектакль кончился въ два часа по полуночи.

Послѣдняя пьеса подала поводъ къ довольно забавному случаю. Актеръ Карвало (Carvalho) игравшій роль лакея, подошелъ къ настоящему лакею, разносившему прохладительныя напитки и хотѣлъ взять у него стаканъ лимонаду или порцію мороженнаго; но тотъ, принявъ его за своего собрата, отвернулъ отъ него подносъ, и посовѣтовалъ идти наверхъ, гдѣ было приготовлено угощеніе для слугъ. Этотъ случай разсмѣшилъ всѣхъ актеровъ, не исключая и самого Карвало.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, исторія Тюильрійскаго театра, которая будетъ здѣсь кстати.

Зала для театральныхъ представленій въ Тюильрійскомъ-дворцѣ устроена при Людовикѣ XIV, въ 1661 году, по рисункамъ итальянца Вигарини, для представленія мольеровой «Психеи», и была сначала извѣстна подъ названіемъ grande salle des machines, *большая машинная зала*. Въ ней довольно часто давались спектакли и праздники, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь главнѣйшіе.

Въ 1720 году, Людовикъ XV, которому было тогда десять лѣтъ, танцовалъ на этомъ театрѣ, вмѣстѣ со многими придворными, въ комедіи «Неизвѣстный» (L'Inconnu).

Въ 1730 году, знаменитый архитекторъ Сервандони, бывшій также отличнымъ декораторомъ, выпросилъ у Людовика XV позволеніе, давать въ этой залѣ, въ собственную пользу, пантомимы и простыя декораціонныя представленія, для усовершенствованія учениковъ своихъ. Онъ продолжалъ эти представленія пятнадцать лѣтъ сряду, съ постояннымъ успѣхомъ.

Въ 1763 году, послѣ пожара, истребившаго часть зданій Поле-Рояля, въ тюильрійскую залу была переведена опера, и пока устроивали сцену для дѣйствія театральныхъ машинъ, въ залѣ давались три раза въ недѣлю концерты. 24 января 1764 года, была представлена первая опера «Касторъ и Поллуксъ», и съ-тѣхъ-поръ оперныя представленія давались тамъ постоянно, до-тѣхъ-поръ, пока не возобновили сгорѣвшихъ зданій Поле-Рояля.

Въ 1770 году, перешли въ тюильрійскую залу актеры нынѣшняго Перваго Французскаго Театра (Comédie Française), потому-что ихъ театръ былъ уже очень ветхъ; они играли тутъ до-тѣхъ-поръ, пока не построили театръ Одеонъ.

Въ 1778 году 30 марта, Вольтеръ, только-что возвратившійся изъ Фернея, присутствовалъ въ этой залѣ при послѣднемъ торжествѣ своемъ, послѣ котораго вскорѣ умеръ. Въ этотъ день дворъ тюильрійскаго замка былъ наполненъ восторженною толпою, собравшеюся привѣтствовать представителя литературы и философіи своего вѣка. Какъ скоро его экипажъ показался со стороны Каруселя, раздались восторженные клики, которые долго не утихали. Маркизъ де-Вильетъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ людей того времени, помогъ старику выдти изъ кареты и довелъ его до самой залы, гдѣ встрѣтилъ его новый восторженный пріемъ. Его засыпали цвѣтами, обнимали, чуть не задушили.

Вольтеръ сѣлъ въ ложу придворныхъ кавалеровъ, Едва успѣлъ онъ появиться, какъ вся публика закричала въ одинъ голосъ: «вѣнокъ! вѣнокъ!» Одинъ изъ актеровъ возложилъ ему вѣнокъ на голову. Рукоплесканія и возгласы неумолкали во все время представленія трагедіи его

«Ирена». По окончаніи пьесы, снова подняли занавѣсъ и зрители увидѣли на сценѣ бюстъ Вольтера, около котораго стояли полукругомъ всѣ актеры, держа въ рукахъ пальмы и гирлянды. Г-жа Вестрисъ возложила на бюстъ лавровый вѣнокъ. Въ залѣ раздался тогда громъ рукоплесканій, продолжавшійся десять минутъ. Г-жа Вестрисъ прочла стихи, въ которыхъ просила Вольтера принять вѣнокъ въ честь его литературныхъ заслугъ.

Въ 1792 году, тюильрійская зала была совершенно разрушена.

Послѣ 1793 года, засѣдалъ въ ней Конвентъ.

Во время Имперіи, тюильрійская зала была снова обращена въ театръ, по плану г. Персье. Она имѣетъ теперь форму продолговатаго эллипса и украшена колоннами іоническаго ордена. Ложа, которая была устроена для Наполеона, занимаетъ середину; къ ней примыкаютъ два амфитеатра, въ которыхъ помѣщались придворныя дамы. Для публики-же есть партеръ, галлерея, наравнѣ съ оркестромъ, бенуары съ рѣшетками и верхняя галлерея. Эта зала прекрасно расположена, украшена съ роскошью и вкусомъ.

Въ Парижѣ живетъ теперь артистка Императорскаго Санктпетербургскаго театра Леонтина Вольнисъ. Впрочемъ она пріѣхала сюда не надолго и къ осени опять вернется въ Петербургъ. Счастливцы вы, владѣющіе такою артисткой, какъ наша Леонтина, говорю наша, потому-что Леонтина посвятила намъ, парижанамъ, лучшую часть своей жизни: дѣтство и юность. Впрочемъ она и теперь молода, и будетъ вѣчно молода: она не можетъ состарѣться. Прочтите фельетонъ Жюль Жанена, въ которомъ онъ разсказываетъ о пріѣздѣ Леонтины Вольнисъ и о томъ, какъ удивились ея прежніе поклонники, видя ея молодою и бойкою, между–тѣмъ, какъ они уже посѣдѣли и оплешивѣли. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому–что Леонтина играетъ съ четырехлѣтняго возраста. Единственная, безпримѣрная каррьера! И еслибъ вы знали, какъ любятъ здѣсь Леонтину Вольнисъ, какъ досадуютъ на Петербургъ, ее похитившій! Надо было посмотрѣть на восторгъ публики, наполнявшей залу театра Gymnase, когда она недавно появилась на его сценѣ. Ее заставили цѣлые полчаса раскланиваться и даже довели до слезъ умиленія и благодарности. Позвольте впрочемъ, разсказать вамъ, какъ случилось, что госпожа Вольнисъ, пріѣхавшая изъ Петербурга на короткое время, чтобы выдать за-мужъ дочь свою, появилась на сценѣ Драматической Гимназіи.

Составлялся спектакль въ пользу нуждающихся и неимущихъ артистовъ; общество, распоряжавшееся устройствомъ этого спектакля, разочло, что имя госпожи Вольнисъ привлечетъ многочисленную публику,

и потому попросило ее принять участіе въ спектаклѣ. Госпожа Вольнисъ отличная актриса, но прежде всего добрая женщина, и потому съ радостью согласилась на доброе дѣло. Она сыграла роль еврейки Флоринды, въ драмѣ Казиміра Делавиня «Донъ-Жуанъ-австрійскій», и одинъ изъ лучшихъ водевилей Скриба «La Chanoinesse». Вы видѣли госпожу Вольнисъ въ этихъ двухъ роляхъ, знаете, съ какимъ совершенствомъ она ихъ играетъ, но въ этотъ разъ она превзошла себя. Восторженный пріемъ публики и мысль, что она снова на сценѣ, на которой провела лучшіе годы своей жизни, пожала лучшіе свои лавры, придали ея игрѣ что-то вдохновенное. Публика Драматической Гимназіи долго не забудетъ этого вечера, не забудутъ его и тѣ бѣдняки, которымъ госпожа Вольнисъ дала средство безбѣдно прожить цѣлый годъ. Всѣ парижскіе фельетонисты воспѣли ея игру и доброе сердце, а Жюль Жаненъ написалъ въ ея честь одинъ изъ блистательнѣйшихъ своихъ фельетоновъ. Сверхъ того, комитетъ для вспомоществованія драматическимъ артистамъ, устроившій этотъ спектакль, написалъ госпожѣ Вольнисъ самое лестное благодарственное письмо, которое было напечатано во всѣхъ здѣшнихъ журналахъ.

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ госпожею Вольнисъ въ Петербургѣ, начинали изглаживать изъ памяти вѣтреныхъ парижанъ воспоминаніе о ней, но теперь, когда они снова ее увидѣли, во всей силѣ и свѣжести ея дарованія, утрата ея стала имъ чувствительнѣе прежняго. Многіе, вѣроятно для утѣшенія себя, старались распустить слухъ, что она останется въ Парижѣ, а одинъ журналъ напечаталъ, что на *всѣхъ петербургскихъ улицахъ* было недавно прибито объявленіе о продажѣ ея мебели и прочаго домашняго скарба. Парижане мастера на подобныя выдумки и рѣдко заботятся о томъ, чтобъ выдумка ихъ имѣла правдоподобное основаніе. Они и на этотъ разъ не позаботились справиться о томъ, существуетъ-ли въ Петербургѣ обычай вывѣшивать объявленія на улицахъ.

Еще одинъ петербургскій артистъ живетъ теперь въ Парижѣ и производитъ *фуроръ*. Пьянистъ Эрнстъ Габербиръ, сколько мнѣ извѣстно, пользовался въ Петербургѣ славою отличнаго учителя, у насъ-же его возвели въ геніи. Вотъ что говоритъ о немъ одинъ журналъ:

«Съ нѣкотораго времени всѣ пьянисты въ волненіи; они предвидятъ совершенный переворотъ въ искусствѣ играть на фортепьяно. Недавно, у Плейеля, явился артистъ, которому предшествовала только свѣтская извѣстность. Журналы мало говорили о немъ, но называли его нововводителемъ; этого было достаточно, чтобъ возбудить любопытство, и мы можемъ засвидѣтельствовать, что никогда еще не случалось намъ

видѣть такого стеченія пьянистовъ, какъ въ тотъ день, когда игралъ, у Плейеля, Габербиръ. Онъ превзошелъ всѣ ожиданія и, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ, державъ подъ вліяніемъ своей игры толпу, привыкшую ничему не удивляться и болѣе склонную къ строгости, нежели къ энтузіазму. Скажемъ нѣсколько словъ о жизни этого исключительнаго музыканта, который сдѣлаетъ скоро переворотъ во всѣхъ методахъ и школахъ.

«Эрнстъ Габербиръ родился въ Кенигсбергѣ, въ Пруссіи, въ 1819 году. Онъ съ ранняго дѣтства чувствовалъ влеченіе къ ученой музыкѣ и обязанъ отцу своему, глубокому нѣмецкому музыканту, первымъ музыкальнымъ образованіемъ. Онъ получилъ въ то-же время литературное и ученое образованіе, но музыка взяла верхъ надъ наукой. Эрнстъ Габербиръ дошелъ, въ нѣсколько лѣтъ, до такого совершенства, что игралъ наизусть, и игралъ отлично, этюды Клементи, Крамера, фуги Баха и Генделя, однимъ словомъ, всѣ музыкальныя сочиненія, на которыхъ лежитъ печать классицизма. Семнадцати лѣтъ отъ роду онъ объѣздилъ часть своего отечества и вездѣ дарованіе его было оцѣнено по достоинству. Имя его быстро пріобрѣло извѣстность. Онъ посѣтилъ Курляндію, Лифляндію, Эстляндію, прибылъ, наконецъ, въ Санктпетербургъ, гдѣ и поселился. Репутація превосходнаго музыканта и отличнаго исполнителя скоро возбудила всеобщее уваженіе къ нему. Въ 1839 году, онъ женился на курляндкѣ. Въ 1849 году, печальныя семейныя обстоятельства заставили его ѣхать въ Лондонъ. Мы не будемъ разсказывать подробностей семейнаго несчастія, которое постигло артиста, скажемъ только, что онъ принужденъ былъ разстаться съ женой и удалился въ Норвегію, среди дикихъ красотъ которой написалъ свои лучшія произведенія. Тамъ онъ вполнѣ предался своему искусству, которое одно только могло утѣшить его разтерзанную душу. Онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи, старался найти въ своемъ искусствѣ новыя стороны и нашелъ ихъ. Вотъ онъ снова въ дорогѣ, его на этотъ разъ встрѣчаютъ на пути одни только успѣхи; потомъ, неожиданно, внезапно, лишается всего, что успѣлъ собрать во время путешествія по Швеціи, Норвегіи и Даніи, гдѣ далъ болѣе осьмидесяти концертовъ. О популярности, которою онъ пользовался въ Копенгагенѣ, можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Послѣ одного изъ концертовъ ему поднесли вѣнокъ и дали банкетъ за городомъ. По окончаніи обѣда явились странствующіе музыканты и помѣстились на одномъ изъ концевъ залы, которая была такъ обширна, что легко могла-бы вмѣстить полторы тысячи человѣкъ. Мало-по-малу, она наполнилась публикой, привыкшей приходить слушать подобные кон-

церты. Когда одна изъ арфистокъ начала прелюдировать на своемъ инструментѣ съ акомпаньеманомъ фортепьяно, нѣкоторые узнали Габербира, собиравшагося удалиться изъ залы. Его окружили, подняли на руки, принесли къ эстрадѣ и, такъ сказать, силою заставили играть. Хозяинъ залы былъ одинъ изъ членовъ мѣстнаго начальства, и подошедъ къ артисту, сказалъ ему: «играйте, а я пойду собирать въ пользу бѣдныхъ». Между-тѣмъ, толпа росла съ каждой минутой, такъ-что въ залу набралось около тысячи шестисотъ человѣкъ.

«Габербиръ никогда не отказывался отъ добраго дѣла. Онъ самъ зналъ бѣдность и голодъ, и потому никогда игра его не бывала такъ вдохновенна, какъ въ тѣ минуты, когда ему случалось играть въ пользу бѣдныхъ. И въ этотъ разъ онъ игралъ съ энергіей, съ одушевленіемъ почти лихорадочнымъ. Онъ до глубины души потрясъ своихъ слушателей. Между-тѣмъ, хозяинъ кофейни продолжалъ обходить присутствующихъ и наконецъ пришелъ объявить, что собралъ болѣе двухъ тысячъ франковъ. Вотъ черта, которая дѣлаетъ честь артисту!

«Нужно было имѣть все убѣжденіе, весь энтузіазмъ, можемъ сказать всю геніальность г. Габербира, чтобы осмѣлиться пріѣхать въ Парижъ, безъ имени, безъ покровителей. Онъ прожилъ въ этомъ городѣ цѣлые шесть мѣсяцевъ среди ужасныхъ лишеній, терпя холодъ, голодъ и нужду. Наконецъ, одинъ знатный и сильный человѣкъ постучался однажды въ дверь его и предложилъ ему свою помощь. У Габербира не было въ то время даже платья и онъ принужденъ былъ принять его отъ своего покровителя. Знаменитый фортепьянный фабрикантъ, Плейель, также предложилъ ему свою помощь. Габербиръ появился въ гостиныхъ, возбудивъ сначала участіе, потомъ удивленіе, наконецъ восторгъ, и, никому неизвѣстный вчера, онъ сталъ сегодня любимцемъ Парижа.

«Его концертъ былъ рядомъ овацій. Онъ сыгралъ увертюру изъ «Вильгельма Телля», которую его заставили повторить; сыгралъ *торжественную датскую арію* своего сочиненія, которую его также заставили повторить; затѣмъ онъ изложилъ свои «Воспоминанія о Норвегіи», превосходную этюду, подъ названіемъ «La Fontaine», наконецъ *пропѣлъ* на своемъ инструментѣ съ неподражаемою прелестью и страстью знаменитую фантазію Тальберга на темы изъ «Сонамбулы». Этимъ однако-же дѣло не кончилось: послѣ концерта піанисты и дамы окружили его и еще часъ продержали за инструментомъ, восторженно ему апплодируя.

«Габербиръ будетъ основателемъ новой школы. Замѣчательный ме-

ханизмъ его игры есть неоспоримый прогрессъ для искусства. Болѣе всего удивилъ онъ особеннымъ способомъ дѣлать гаммы, котораго не употребляютъ другіе пьянисты. Онъ ударяетъ прямо, никогда не склоняя руки своей въ правую или лѣвую сторону, и съ быстротою ласточки скользитъ по бѣлымъ клавишамъ, ударяя, въ то-же время, черныя. Это рѣшительное нововведеніе. Въ каденцахъ и треляхъ, исполняемыхъ, отъ pianissimo до forfissimo, съ необыкновенною ровностью, слышишь, кажется, то ропотъ вѣтерка, то пѣсню соловья, то перекаты барабана. Съ помощію его системы можно доходить до самыхъ незамѣтныхъ оттѣнковъ, не утомляя ни себя, ни слушателей. Что касается матеріальной силы, то онъ доводитъ ее до крайнихъ предѣловъ: въ его пальцахъ цѣлый оркестръ. Онъ едва подымаетъ руки, и это придаетъ его игрѣ необыкновенную силу и легкость.»

Послѣ концерта, подавшаго поводъ къ приведенному мною фельетону и ко множеству другихъ, болѣе или менѣе лестныхъ для г. Габербира статей, онъ далъ еще нѣсколько концертовъ и окончательно утвердилъ за собою титулъ одного изъ первыхъ современныхъ пьянистовъ. Одинъ критикъ ставитъ но наравнѣ съ Шопеномъ и Листомъ, а вы, въ Петербургѣ, и не подозрѣвали, что владѣете такимъ сокровищемъ? Впрочемъ, г. Габербиръ могъ усовершенствоваться со времени отъѣзда своего изъ Петербурга, тѣмъ болѣе, что горе и бѣдность превосходные наставники. Теперь онъ очень нездоровъ. Выходя отъ Плейеля онъ почувствовалъ дурноту, за которой послѣдовалъ ударъ; впрочемъ, доктора надѣятся, что онъ скоро оправится.

Но пора перейти къ театру.

Новыхъ пьесъ довольно, между ними есть хорошія, но хорошихъ актеровъ стало въ Парижѣ меньше. Не подумайте впрочемъ, что они совсѣмъ перевелись; нѣтъ, они только разъѣхались: кто въ провинцію, кто за границу. Г-жа Рашель уѣхала въ Бельгію и Пруссію; Арналь, Фехтеръ, Меленгъ, Сенвиль, Гіасентъ и нѣкоторые другіе комики также взяли отпуски; г–жа Дошъ улетѣла на провинціальныя сцены.

Заговоривъ о театрѣ, нельзя не вспомнить о Скрибѣ, и потому скажу кстати, что неутомимый академикъ теперь въ Римѣ, и это, безъ сомнѣнія, очень огорчаетъ его воспитанницу, г-жу Вольнисъ, которой не придется, можетъ быть, съ нимъ увидѣться. Римское филармоническое общество давало въ честь его спектакль: играли извѣстную его комедію «Стаканъ воды». Говорятъ, что онъ кончаетъ въ настоящее время новую драму.

Я сказалъ, что столичные актеры разлетѣлись по провинціямъ, но за то въ Парижъ наѣхало множество провинціальныхъ актеровъ. Лѣ-

томъ возобновляются обыкновенно контракты, и потому всѣ артисты, не имѣющіе занятій, съѣзжаются въ Парижъ. Вы, я думаю, знаете, что они имѣютъ обыкновеніе собираться подъ одной изъ липъ Пале-рояльскаго сада, куда и являются содержатели провинціальныхъ театровъ, нуждающіеся въ артистахъ, для пополненія своихъ труппъ.

Въ Парижѣ есть теперь одинъ необыкновенный актеръ, актеръ ясновидящій; это Алекси Дидье, знаменитѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ сонамбуловъ. Онъ очень любитъ театръ, владѣетъ замѣчательнымъ дарованіемъ и играетъ иногда на одномъ изъ маленькихъ театровъ. Мнѣ впрочемъ не случалось видѣть его игру, но за то я не разъ былъ свидѣтелемъ его ясновидѣнія. Вотъ очень недавній случай.

Г. Ферро, негоціантъ, живущій въ Антибахъ (Antibos), нашелъ въ своемъ помѣстьѣ римскую монету; онъ тотчасъ-же отослалъ ее въ Парижъ, къ одному изъ своихъ корреспондентовъ, чтобъ тотъ показалъ ее Дидье. Будучи усыпленъ магнетизеромъ Марсилье, Дидье перенесся мысленно въ помѣстье г. Ферро и объявилъ, что видитъ на значительной глубинѣ подъ землею небольшую урну, въ которой много монетъ, подобныхъ той, которую онъ держитъ въ рукахъ, но что для точнѣйшаго указанія мѣста, ему нуженъ планъ помѣстья. Въ слѣдующій разъ принесли Дидье планъ, и онъ указалъ мѣсто, гдѣ должно рыть. Г. Ферро поступилъ по его указанію и — дѣйствительно нашелъ урну съ монетами.

Но я все отвлекаюсь отъ главнаго предмета моего письма, отъ новыхъ пьесъ, игранныхъ въ послѣднее время на парижскихъ театрахъ. Виноватъ: приступаю къ дѣлу.

На Первомъ Французскомъ Театрѣ было мало новаго: одна только небольшая комедія, въ одномъ дѣйствіи, г. Генриха Мюржé «Le bonhomme Gadis (Старичекъ Жадисъ).* Если вы читали полное собраніе сочиненій г. Мюржѣ, то не забыли, вѣроятно, нѣсколькихъ страницъ подъ этимъ заглавіемъ. Онѣ читаются съ удовольствіемъ, хотя и не очень поучительны; характеръ старика Жадиса очерченъ мастерски. Сверхъ того, въ разсказѣ много чувства и много вѣрныхъ, можетъ быть, даже слишкомъ вѣрныхъ чертъ изъ жизни современной молодежи. Мюржѣ сдѣлалъ изъ него очень недурную пьесу. Впрочемъ, театры Драматической Гимназіи и Разнообразія, отказались принять ее; но авторъ ничего оттого не потерялъ, потому-что классическая сцена Перваго Французскаго Театра считается лучшею въ Парижѣ.

На театрѣ Одеона даютъ новую драму, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ «Игнатій Макіавелли», сочиненіе Леона Гильяра. Авторъ

* Gadis значитъ *«бывало»*.

выбралъ богатый сюжетъ и мастерски его обработалъ. Цѣль драмы его состояла въ томъ, чтобы выставить на сценѣ всю безнравственность правилъ, называющихся макіавелевскими, поселить къ нимъ отвращеніе, и показать вмѣстѣ съ тѣмъ, во сколько разъ лучше и даже выгоднѣе быть честнымъ и добродѣтельнымъ. Въ теченіе всѣхъ трехъ дѣйствій своей драмы авторъ ни разу не уклонился отъ предположенной задачи. Слогъ его заслуживаетъ также величайшей похвалы. Должно, сверхъ того, замѣтить, что авторъ очень хорошо сдѣлалъ, представивъ Макіавелли въ домашнемъ кругу, а не среди политической его дѣятельности, потому-что сдѣлалъ его болѣе понятнымъ для большинства публики; онъ ничего не отнялъ отъ его политическаго характера, но представилъ его среди обыкновенной жизни, чтобы разомъ показать въ немъ и дурнаго человѣка и недобросовѣстнаго политика.

Я уже сказалъ вамъ, что пьеса написана прекрасно; прибавлю, что она была отлично разыграна и имѣла вполнѣ заслуженный успѣхъ.

Вотъ мы добрались и до оперныхъ театровъ. Кромѣ двухъ разсказанныхъ нами пьесъ, на первыхъ драматическихъ сценахъ Парижа не было ничего новаго и это очень кстати, потому-что у насъ въ запасѣ двѣ новыя оперы, о которыхъ придется написать, вѣроятно, не одну страницу. Первая изъ новыхъ оперъ «Странствующій жидъ», принадлежитъ гг. Галеви, Скрибу и Сенъ-Жоржу, то-есть одному изъ первыхъ современныхъ композиторовъ и двумъ лучшимъ изъ современныхъ либретистовъ. О ней очень много толковали до ея появленія; для нея на цѣлые восемь дней закрывали театръ Большой Оперы, чтобы поставить ее съ надлежащею тщательностію и торжественностію; о ней до-сихъ-поръ толкуютъ безъ умолку, кто за нее, кто противъ. Вы видите, что новая опера произведеніе не дюжинное и что о ней стоитъ поговорить. Начнемъ съ содержанія.

При поднятіи занавѣса, мы въ Антверпенѣ, въ 1190 году, на фламандскомъ праздникѣ. Поютъ и пляшутъ. Хорошенькая перевощица, Ѳедора, пришла на этотъ праздникъ съ десятилѣтнимъ братомъ своимъ, Леономъ, которому она служила матерью. Не теряйте изъ виду этого ребенка, потому-что ему суждено играть важную роль въ драмѣ, дѣйствіе которой мы сейчасъ развернемъ передъ вами.

Наступила ночь, потухли огни, все затихло и успокоилось въ городѣ; но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, нагналъ на городъ бурю. Вотъ блеснула молнія, освѣтила городскую стѣну, и на ней страшную фигуру Агасвера, вѣчно странствующаго жида.

Между-тѣмъ шайка разбойниковъ, пользуясь темнотою, явилась на площадь, чтобъ раздѣлить награбленную добычу и рѣшить участь одной

дѣвочки, недавно ими похищенной. Эта дѣвочка Ирина, дочь графа фландрскаго Балдуина. Разбойники умертвили уже мать, а теперь собираются убить и дочь, но является Агасверъ и принимаетъ Ирину подъ свое покровительство. Разбойники нападаютъ на отверженнаго, но ихъ кинжалы и мечи ломаются о его неуязвимую грудь.

Надо вамъ сказать, что Ирина принадлежитъ къ числу потомковъ странствующаго жида, равно какъ и Ѳедора, которой онъ отдаетъ Ирину на воспитаніе.

Двѣнадцать лѣтъ спустя, мы снова встрѣчаемъ Ирину и Леона у Ѳедоры, которая воспитала ихъ какъ брата и сестру. Ирина, не зная тайны своего рожденія, любитъ Леона любовью родственною, Леонъ-же любитъ ее страстно, горячо и открываетъ ей, что она не сестра ему. Отецъ Ирины, Балдуинъ фландрскій, умираетъ. Приходитъ вѣсть, что Никифоръ овладѣлъ престоломъ, законнымъ наслѣдіемъ Ирины. Разбойники, которыхъ мы видѣли въ первомъ дѣйствіи, сдѣлались продавцами невольниковъ, снова похитили Ирину, и предлагаютъ ее Никифору. Ѳедора, не терявшая изъ виду своего пріемыша, пришла по слѣдамъ ея и объявила права ея на престолъ, похищенный Никифоромъ. Агасверъ является также, для подтвержденія словъ Ѳедоры. Его подвергаютъ испытанію посредствомъ огня, и такъ какъ пламя мгновенно потухаетъ при соприкосновеніи съ тѣломъ отверженнаго, то свидѣтельство его признаютъ истиннымъ и провозглашаютъ Ирину законной правительницей.

Сенатъ также признаетъ права ея, но требуетъ, чтобъ она вышла за-мужъ за Никифора. Ирина колеблется, потому-что любитъ Леона. Никифоръ узнаетъ о любви ея и рѣшается умертвить своего соперника. Онъ-бы и успѣлъ въ этомъ, еслибъ не явился во время Агасверъ, появленіе котораго останавливаетъ убійцъ. Но въ ту самую минуту, когда Агасверъ думаетъ, что спасъ дни своего любимца, раздается голосъ, повелѣвающій ему *идти*. *Иди! иди! иди!* говоритъ голосъ, и Агасверъ повинуется, но успѣваетъ однако-же еще разъ спасти Леона, котораго убійцы бросили въ море.

Между тѣмъ Никифора свергаютъ съ престола, а Ирину провозглашаютъ владѣтельницей страны. Ирина, Леонъ и Ѳедора возвращаются въ отечество, простившись съ Агасверомъ, который остается одинъ на песчаномъ и пустынномъ берегу. Онъ проситъ Небо, чтобъ оно положило конецъ его страданіямъ, позволило-бы ему успокоиться послѣ вѣковыхъ странствованій; онъ изнемогаетъ, падаетъ на влажный песокъ, думаетъ, что наступилъ конецъ его странствованія... Но снова раздается голосъ, говорящій *иди!*

иди! иди! не останавливаясь, не старѣя подъ бременемъ годовъ... отверженникъ снова пускается въ путь, которому не будетъ конца.

Послѣдняя сцена великолѣпна. Театръ представляетъ Іосафатову долину. На четырехъ концахъ ея раздаются торжественные звуки; все покрывается мглою, и когда мгла исчезаетъ, мы опять видимъ вѣчнаго странника, лежащимъ на безплодномъ берегѣ, а страшный голосъ опять кричитъ ему: *иди! иди! иди!*

Гг. Скрибъ и Сен-Жоржъ построили на этихъ данныхъ потрясающую драму, интересъ которой не слабѣетъ ни на минуту, а г. Галеви написалъ къ драмѣ превосходную музыку, которая можетъ стать на ряду съ лучшими изъ его серьозныхъ произведеній, рядомъ съ «Жидовкой» и «Кипрской Королевой». Многіе изъ парижскихъ критиковъ возстали противъ музыки г. Галеви и всячески стараются унизить ее; но такъ-какъ она постоянно даетъ полные сборы, то г. Галеви не очень огорчается этими нападками. Впрочемъ, Рокепланъ, директоръ Большой Оперы, вступился за него и, вспомнивъ, что самъ когда-то былъ литераторомъ и критикомъ, написалъ въ защиту «Странствующаго жида» весьма дѣльную статью, въ которой преимущественно отвѣчаетъ тѣмъ критикамъ, которые обвинили Галеви въ излишнемъ употребленіи мѣдныхъ инструментовъ Сакса. Признаться, мы сами не охотники до этихъ инструментовъ и терпѣли ихъ только въ операхъ Мейербера, великаго мастера распоряжать музыкальными массами; но нелюбовь къ мѣднымъ инструментамъ не мѣшаетъ намъ признавать достоинства новаго произведенія одного изъ даровитѣйшихъ современныхъ композиторовъ.

Рамки этого письма не позволятъ намъ входить въ подробную оцѣнку всей музыки, но мы укажемъ на лучшіе нумера. Увертюры вовсе нѣтъ; Галеви замѣнилъ ее коротенькой интродукціей въ la-mineur, послѣ которой прямо начинается первый хоръ перваго акта, въ la-majeur, очень живой и мастерски написанный. Въ этомъ-же актѣ заслуживаетъ вниманіе баллада Ѳедоры, замѣчательная по чрезвычайно искуснымъ переходамъ изъ минорнаго тона въ мажорный; она оканчивается хоромъ, чрезвычайно эффектнымъ и драматическимъ. Во второмъ актѣ есть прекрасное тріо и превосходный квартетъ разбойниковъ, разсказывающихъ о своихъ подвигахъ и о томъ, какимъ-образомъ они оставили свое прежнее ремесло и сдѣлались продавцами невольниковъ. Третій актъ начинается прекрасной аріей Ирины, въ которой есть чрезвычайно мелодическое andante въ mi-bemol съ аккомпаниментомъ віолончеля. Въ четвертомъ актѣ есть очень миленькій дуэтъ Ирины и Леона, въ пятомъ отличный романсъ. Что касается

до послѣдней сцены въ Іосафатовой-долинѣ, то мы до такой степени были ослѣплены великолѣпіемъ обстановки, что не обратили достаточнаго вниманія на музыку; но хоръ, въ послѣдней сценѣ поразилъ насъ своимъ величественнымъ характеромъ.

Рожѐ игралъ Леона, Массоль Агасвера, Обенъ Никифора, г-жа Тедеско Ѳедору, г-жа Эмма Ла-Грюа, молоденькая дебютантка, подающая самыя блистательныя надежды, Ирину.

Постановка оперы стоила 125,000 франковъ. Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о танцахъ, поставленныхъ Сен-Леономъ. Они называются *балетомъ пчелъ*, потому-что музыка ихъ подражаетъ жужжанію этихъ насѣкомыхъ. Что касается до ихъ сюжета, то онъ имѣлъ пастушескій характеръ и заимствованъ изъ виргиліевыхъ эклогъ и буколикъ. Изъ танцовщицъ особеннаго упоминовенія заслуживаютъ Тальони и, наша соотечественница, дѣвица Богданова.

На театрѣ Комической Оперы даютъ также новую пьесу, именно «Галатею», оперу въ двухъ дѣйствіяхъ, слова гг. Жюля Барбье и Мишеля Каррѐ, музыка Виктора Массѐ. Эта опера имѣла большой успѣхъ и мы предсказываемъ ей не менѣе ста представленій.

Басня о Галатеѣ и Пигмаліонѣ слишкомъ извѣстна, чтобъ ее разсказывать; должно однако-же упомянуть, что авторы либретто воспользовались ею очень искусно. Въ ихъ поэмѣ много игривости и нѣтъ ни на волосъ педантизма. Пигмаліонъ любитъ Галатею; Галатея, сдѣлавшись изъ статуи женщиной, дурачитъ Пигмаліона, какъ и въ наше время женщины безъ сердца дурачатъ довѣрчивыхъ мужчинъ; вся разница только въ томъ, что въ піесѣ гг. Барбье и Карре, Галатея, въ слѣдствіе просьбы Пигмаліона, снова превращается въ статую; а въ наше время, какъ ни проси Венеру, а женщины въ марморъ не обратишь.

Опера поставлена прекрасно; гг. Мокеръ (Ганимедъ), Сент-Фуа (Мидасъ), Вертенгеймеръ (Пигмаліонъ) и госпожи Угальдъ (Галатея) исполняютъ свое дѣло отлично. Статую Галатеи дѣлалъ извѣстный скульпторъ Кавелье.

Музыка Виктора Массе игрива, граціозна и легка.

Для заключенія нашего отчета о новыхъ операхъ упомянемъ, что опера Мейербера «Африканка» будетъ, какъ говорятъ, скоро поставлена на сцену, и что носится слухъ, будто-бы главную роль въ ней будетъ играть г-жа Вагнеръ, которая пріобрѣла своей тяжбой съ директорами двухъ лондонскихъ оперъ такую незавидную знаменитость. Но эта опера впереди, и потому возвратимся къ настоящему.

Намъ предстоитъ говорить о трехъ большихъ пьесахъ изъ исторіи

Наполеона, пьесахъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, но не имѣющихъ никакого литературнаго достоинства. Онѣ эффектны и написаны, такъ сказать, на случай: вотъ тайна изъ успѣха. Вліяніе, которое племянникъ Императора пріобрѣлъ надъ Франціей, отразилось и въ литературѣ: все, что хвалитъ Наполеона, или даже только напоминаетъ о немъ, имѣетъ успѣхъ. Позвольте-же не разсказывать вамъ содержанія этихъ пьесъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго: онѣ похожи на всѣ пьесы, заимствованныя изъ наполеоновской эпохи. Одна изъ этихъ драмъ называется «Дневникъ Наполеона» (Mémorial de St. Hélène), и состоитъ изъ восемнадцати картинъ (!!); написана гг. Жюлемъ Барбье и Мишелемъ Карре, авторами Галатеи, и играется на театрѣ Комической Смѣси; другая называется «Аустерлицкой знаменоносецъ», написана г. Генѣ и Маркомъ Лепрево, и дается на Національномъ театрѣ (въ бывшемъ Циркѣ); третья дается тамъ-же, называется «Взятіе Капреи или французы въ Неаполѣ», состоитъ изъ пяти актовъ и двѣнадцати картинъ, а написана г. Лабруссомъ. Не требуйте подробностей и повѣрьте, что я оказываю вамъ величайшую услугу, избавляя васъ отъ содержанія этихъ утомительныхъ, хотя и эффектныхъ на сценѣ драмъ. Вотъ вамъ, лучше, веселенькій и хорошенькій водевиль, гг. Ашиля Дартуа, Бессельевра и Ровиго.

Маркизъ де-Биранъ и кузина его Діана провели свое дѣтство беззаботно и весело въ старомъ родовомъ замкѣ; сама судьба, казалось, предназначала ихъ другъ для друга; но въ одно прекрасное утро Генрихъ уѣхалъ изъ замка и влюбился въ актрису, а оскорбленная и огорченная Діана вышла, съ досады, за стараго графа де-Водреля. Вы думаете, можетъ быть, что этимъ дѣло и кончилось? Успокойтесь, старый графъ скоро умеръ, какъ это всегда водится въ водевиляхъ, въ которыхъ героиня за-мужемъ за старикомъ, а молодая вдова его поѣхала путешествовать по Италіи. Путешествуя по Италіи, она попалась въ руки разбойниковъ, которые, по всей вѣроятности, поступили-бы съ нею безъ церемоніи, еслибъ не явился на помощь кавалеръ Монлуи. Онъ, разумѣется, тотчасъ-же влюбился въ Діану и предложилъ преповодить ее до бретальскаго замка. Генрихъ Биранъ также является въ замокъ, какъ-будто-бы нарочно для того, чтобы помѣшать вполнѣ законнымъ исканіямъ кавадера Монлуи. Генрихъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ своей старой тетки, вовсе не помышляя о прелестяхъ Діаны; но, увидѣвъ ее, вспомнилъ о дѣтствѣ, проведенномъ съ нею, о прежней дружбѣ, а отъ воспоминаній и дружбы очень недалеко до любви. Какъ ни старался Монлуи, а не могъ помѣшать сближенію, и они, какъ

водится во всѣхъ порядочныхъ водевиляхъ, снова полюбили другъ друга и преблагополучно обвѣнчались.

Пьеска эта называется «До полуночи», и дается на театрѣ Водевиля.

На театрѣ Драматическихъ Шутокъ были двѣ новыя пьесы: «Прядильщицы», драма въ трехъ дѣйствіяхъ г. Эдуара Плувье и «Капля вина» (Un doigt de vin), водевиль въ одномъ дѣйствіи гг. Рембо и Бурде.

Въ жизни семейства бываютъ печальные перевороты, изгоняющіе изъ нихъ спокойствіе и законныя чувства взаимной привязанности, замѣняя ихъ обманомъ, скрывающимся подъ личиною лести и лицемѣрія. Люди чужіе, чаще всего женщины, овладѣваютъ сердцемъ отца семейства, и хозяйками поселяются въ его домѣ; устраняютъ изъ него жену, дѣтей и забираютъ мало-по-малу въ свои руки всю волю и все имущество довѣрившагося имъ человѣка.

Вотъ мысль, на которой г. Эдуаръ Плувье построилъ драму свою.

Одинъ баронъ попался въ руки интригантки. Она всѣми повелѣваетъ въ домѣ барона, по своему благоусмотрѣнію тратитъ его доходы, чернитъ въ его глазахъ безукоризненное поведеніе баронессы и, въ заключеніе, выживаетъ ее изъ дому, вмѣстѣ съ сыномъ. Не удовлетворясь этимъ, она принимаетъ фамилію барона, находя, что ей неприлично называться просто Катериной.

Всѣ терпятъ эту тиранію злой женщины, только одна очень молоденькая и хорошенькая дѣвушка, сосѣдка барона, ремесломъ прядильщица, рѣшается возстать противъ нея. Баронъ любитъ ее какъ дочь свою, да и какъ не любить ее: когда онъ страждетъ — она утѣшаетъ его, поетъ ему свои лучшія пѣсенки; когда онъ грустенъ — она развеселяетъ его. Все это до такой степени привязало барона къ Розѣ, что онъ не отпускаетъ ея отъ себя и предпринялъ перевоспитать и образовать ее. Живя у барона, Роза полюбила сына его и возненавидѣла Катерину, которую рѣшилась выжить во что-бы ни стало. Она достаетъ письмо, доказывающее невинность баронессы, открываетъ всѣ плутни Катерины и кончаетъ тѣмъ, что миритъ барона съ семействомъ, выходитъ за-мужъ за его сына и изгоняетъ Катерину.

Въ этой пьесѣ много чувства, много истинно драматическихъ сценъ.

Что касается до водевиля «Капля вина», то онъ вовсе незамысловатъ. Какая-то старая герцогиня, маркиза или графиня временъ Людовика XV, проведшая молодость довольно весело, вздумала, однажды, тряхнуть стариной и выпила, съ этою цѣлію, *капельку вина*. Но эта капелька сильно подѣйствовала на голову старушки и привела ее, какъ говорится, въ лирическое настроеніе. Старушка принялась шутить, смѣяться, пѣть пѣсни Беранже.

Почти только въ этомъ и состоитъ весь водевиль. Есть въ немъ, разумѣется, и другія лица, но они на второмъ планѣ и придаютъ пьесѣ такъ мало, что безъ нихъ легко можно-бы обойтись.

На театрѣ Веселости играютъ скучную драму гг. Анисе Буржуа и Мишеля Массона «Нищая». Оба автора владѣютъ, какъ вамъ извѣстно, весьма замѣчательными дарованіями, превосходно знаютъ сцену и великіе мастера на драмы съ слезными и трескучими эффектами; но изобрѣтательность ихъ начинаетъ, по-видимому, истощаться, потому-что въ новой драмѣ есть заимствованія изъ старыхъ драмъ, между прочимъ изъ «Маріанны».

Вильгельмъ Венцель, богатый маріенбергскій кузнецъ, выдалъ дочь свою Маргариту за одного изъ своихъ работниковъ, Жанъ-Поля Бергера. Жанъ-Поль трудолюбивъ и добръ, Маргарита прекрасна и любитъ своего мужа. У нихъ есть уже дочь. Маргарита встрѣчаетъ на водахъ въ Спа, куда пріѣхала для здоровья, молодаго маркиза, Христіана Рендорфа, который волочится за нею и заставляетъ ее пококетничать. Мужъ узнаетъ объ этомъ и, когда она возвращается въ Маріенбергъ, выгоняетъ ее изъ дому, не позволивъ даже проститься съ дочерью, съ маленькой Маріей.

Жанъ-Поль возвращаетъ ей двадцать тысячъ флориновъ, которые получилъ за нею въ приданое. Жанъ Поль не хочетъ быть обязаннымъ той, которая запятнала его честное имя и навсегда отъ нея удаляется, унося съ собою малютку дочь. «Но дай мнѣ хоть взглянуть на нее», говоритъ уже раскаявающаяся Маргарита. Жанъ-Поль обѣщаетъ, что проѣдетъ мимо ея оконъ такъ, чтобъ она могла видѣть Марію. Между-тѣмъ, небо покрывается тучами, наступаетъ ночь... Увидитъ-ли Маргарита свою Марію? Она бѣжитъ къ окну, отворяетъ его, но въ ту самую минуту раздается ударъ грома, около самаго окна упадаетъ молнія и на-вѣки ослѣпляетъ несчастную мать, прежде, нежели она успѣла взглянуть на свою дочь.

Слѣдующее дѣйствіе происходитъ въ Дрезденѣ. Жанъ-Поль опять снялъ кузницу, которая процвѣтаетъ также какъ прежняя. Дочери его уже шесть лѣтъ. Работники Жанъ-Поля, любящіе своего добраго хозяина, хотятъ сдѣлать сюрпризъ маленькой Маріи и призываютъ въ день ея имянинъ труппу странствующихъ акробатовъ; но праздникъ, приготовленный усердными работниками, кончается очень худо. Пока Жанъ-Поль дерется на дуэли съ Рендорфомъ, цыгане похищаютъ дочь его. Можете представить себѣ отчаяніе несчастнаго отца!

Между-тѣмъ, слѣпая Маргарита, принятая сначала, изъ состраданія, женою одного лейпцигскаго трактирщика, а потомъ прогнанная ею, по

приказанію мужа, доходитъ до самой ужасной нищеты и видитъ себя въ необходимости просить милостыню. Въ тотъ самый день, когда она собирается покинуть трактиръ, гдѣ ее пригрѣвали, является туда толпа цыганъ, а вмѣстѣ съ ними и Марія, перлъ ихъ кочующей труппы. Пока цыгане завтракаютъ и пьютъ, Маргарита встрѣчается съ своей дочерью, узнаетъ ее, благодаря указанію одного добраго пастора, и уноситъ отъ похитителей. Добрый пасторъ принимаетъ бѣглянокъ къ себѣ.

По что̀ сдѣлалось съ Жанъ-Полемъ? Онъ отправился отыскивать дочь свою, и былъ арестованъ, какъ убійца маркиза Рендорфа. Заключенный въ тюрьму, онъ не могъ продолжать своихъ поисковъ. Получивъ свободу, Жанъ-Поль опять пустился искать Марію и пришелъ, по слѣдамъ ея, въ домъ пастора. Вы угадываете конецъ: Жанъ-Поль простилъ мать, возвратившую ему дочь.

Эта великолѣпная и чрезвычайно эффектная путаница имѣла огромный успѣхъ, которому много содѣйствовали Дезе (Deshayes), игравшій Жанъ-Поля, и госпожа Лакрессоньеръ, превосходно исполнившая роль Маргариты. Театру Веселости необходимъ былъ этотъ успѣхъ, потому-что дѣла его шли, съ нѣкотораго времени, довольно плохо.

Поле-роялькій театръ поставилъ разомъ три новыя пьесы, равно плохія и нелѣпыя, съ тою только разницею, что первыя двѣ, благодаря отличной игрѣ актеровъ, имѣли успѣхъ, а послѣдняя была освистана. Вотъ названія этихъ трехъ пьесъ:

«Подуйте мнѣ въ глазъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Лабиша и Марка Мишеля; «Бѣдовый братъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи гг. Дюпети и Вермона, и «Семь женъ синей бороды» траги-комическая легенда съ пѣніемъ, г. Барбаруссы.

«Подуйте мнѣ въ глазъ» принадлежитъ къ разряду пьесъ, называемыхъ *пошадами*. Въ ней дѣйствуютъ только два лица. Нѣкто г. Троникаль похитилъ своего соперника Мульсбуша, за то, что онъ женился на одной женщинѣ, къ которой онъ, то-есть, Троникаль, былъ очень неравнодушенъ. Похитивъ Мульсбуша, Троникаль заперся съ нимъ въ какомъ-то замкѣ, окруженномъ гибельными для здоровья болотами. «Я моложе и сильнѣе васъ, сказалъ онъ своему сопернику: слѣдовательно я переживу васъ, а когда вы умрете, я женюсь на вашей вдовѣ». Но дѣло не доходитъ до смерти, потому-что оказывается, что Мульсбушъ женился не на той, которую любитъ Троникаль, а на какой-то вдовѣ съ бородавкой на носу. Однакожъ, Троникаль не выпускаетъ Мульсбуша, потому-что Мульсбушъ опекунъ любимой Троникалемъ дѣвушки, и обѣщаетъ освободить его не иначе, какъ получивъ его согласіе на бракъ. Мульсбушъ пытается спастись бѣгствомъ, но,

перелѣзая черезъ заборъ, засоряетъ себѣ глаза. Тщетно просилъ онъ неумолимаго Троникаля, чтобъ онъ подулъ ему въ глаза; Троникаль объявляетъ, что не станетъ дуть до-тѣхъ-поръ, пока Мульсбушъ не отдастъ ему руку своей питомицы. Мульсбушъ сдается и тѣмъ кончается этотъ нелѣпый, но невѣроятно смѣшной водевиль, въ которомъ Сенвиль и Пеллеренъ неподражаемы.

Что касается до «Бѣдоваго братца», то вы давно уже его знаете, только подъ другимъ заглавіемъ. Это ничто иное, какъ исторія о томъ, какъ братъ шалунъ и негодяй, желая угодить брату скромному и порядочному, запутываетъ его дѣла, разстроиваетъ его свадьбу, а потомъ исправляетъ все чистосердечнымъ раскаяніемъ.

Третья пьеса, то-есть освистанная, продолжается только четверть часа, но я нахожу, что и этого слишкомъ много, потому-что въ ней нѣтъ здраваго смысла.

Эти три пьески были даны въ пользу Левассора.

Дирекція театра Сенъ-Мартенскихъ Воротъ хочетъ, по-видимому, соединить на сценѣ своей всѣ роды драматическихъ произведеній; досихъ-поръ она не обращала вниманія на водевили, а теперь принялась и за нихъ. Нѣсколько дней тому назадъ, она поставила водевиль гг. Альбера Монье и Эдуарда Мартена «Право осмотра».

Двѣ жены имѣютъ неосторожность вести дневникъ, въ которомъ записываютъ свои чувства, мысли, приключенія и тому подобное. Это, разумѣется, возбуждаетъ любопытство мужей, которые рѣшаются *осмотрѣть* дневники и узнаютъ, что одна изъ женъ вышла за того, кого не любила, а другая за того, кого любила ея подруга. Изъ всего этого могла-бы выдти пренепріятная исторія, но мужья удвоиваютъ свою любезность, дарятъ женамъ шали, и дѣло устроивается наилучшимъ образомъ.

Вотъ и всѣ новости парижскихъ театровъ за вторую половину апрѣля и первую половину мая. Виноватъ, чуть было не забылъ самой интересной!

Слыхали-ли вы о госпожѣ Саки? Вѣрно слыхали, потому-что госпожа Саки знаменитость въ своемъ родѣ. Она первая канатная плясунья нашего вѣка и, не смотря на свои семьдесятъ пять лѣтъ, досихъ-поръ не имѣетъ соперницъ.

Госпожа Саки *дебютировала* недавно въ Ипподромѣ и имѣла огромный успѣхъ. Я разскажу вамъ, въ короткихъ словахъ, ея не совсѣмъ обыкновенную исторію.

Г-жа Саки, въ дѣвушкахъ Маргарита-Антуанета Севера Лаланнъ, родилась въ 1767 году въ Агдѣ, въ Герольскомъ (Herault) департаментѣ,

во Франціи. Ея отецъ, канатный плясунъ, былъ представленъ королю Людовику XVI знаменитымъ Николе (Nicolet). Король, восхищенный силою и гибкостію акробата, позволилъ труппѣ «прекраснаго беарнца», (такъ называли Лаланна), принять титулъ короловскихъ плясуновъ (grand sauteur du roi) и отправиться въ провинціи извлекать пользу изъ столь почетнаго титула.

«Прекрасный беарнецъ» остановился въ Турѣ, съ намѣреніемъ дать тамъ нѣсколько представленій. Къ несчастію, Северу Лаланнъ опередила молодая плясунья на канатѣ, изъ Севильи, извѣстная подъ именемъ Белла Малага и очень любимая публикой.

Труппа такъ-называемыхъ «королевскихъ плясуновъ» имѣла въ Турѣ слабый успѣхъ, и прекрасный беарнецъ, рѣшился отправиться въ Нантъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, найдется публика, умѣющая лучше цѣнить таланты.

Между-тѣмъ, молоденькая Антуанета-Севера, которая была свидѣтельницею успѣха прекрасной испанской танцовщицы, рѣшилась также, во что-бы то ни стало, сдѣлаться извѣстной акробаткой. Скрываясь отъ родителей, она уговорила Малагу научить ее этому искусству. Малага, желая сдѣлать маленькую непріятность своему сопернику Лаланну, а можетъ быть, побуждаемая добрымъ сердцемъ, согласилась показать ей начальныя правила своего искусства.

Послѣ трехъ уроковъ, продолжавшихся по два часа, Антуанета ходила уже по натянутому канату съ шестомъ и безъ шеста. Увѣренная сама въ себѣ, она упросила директора сопернической труппы, г. Барбару, позволить ей танцовать въ тотъ-же вечеръ передъ жителями Тура, не предупреждая однакожъ ея родителей, которые воспротивились-бы этому.

Барбару согласился на просьбу смѣлаго ребенка и означилъ ее въ афишѣ подъ именемъ маленькой Нини.

Вскорѣ весь городъ заговорилъ объ интересной Нини.

— Жена, сказалъ прекрасный беарнецъ: я намѣренъ пойти сегодня въ балаганъ Малаги. Я хочу посмотрѣть, какъ свалится маленькая цыганка, о которой разсказываютъ чудеса, чтобы воспользоваться легковѣріемъ публики. Я слишкомъ хорошо знакомъ съ исторіею канатнаго искусства, чтобы не знать, что въ Бужіи не рождались канатные плясуны. Но я не хочу, чтобы маленькая Антуанета полюбила наше опасное искусство, увидѣвъ танцовщицу ея лѣтъ, и потому мы оставимъ ее дома.

Г-жа Лаланнъ, которая во всемъ слушала мужа, покорилась и въ этотъ разъ. Когда маленькая Нини явилась на сцену, въ залѣ раздался

крикъ: г-жа Лаланнъ упала въ обморокъ. Нисколько не смутившись, молодая Нини посылала поцѣлуи отцу своему, публикѣ и продолжала танцовать, оглушаемая рукоплесканіями. «Прекрасный беарнецъ», предвидя неминуемое паденіе своей дочери, взволнованный и удивленный, подбѣгаетъ къ канату, чтобы подхватить свою дочь; но Антуанетта, окончивъ свое па, соскакиваетъ сперва на плечо отца, потомъ на полъ и, граціозно поклонившись публикѣ, скрывается за кулисы. Съ тѣхъ-поръ Антуанетта со страстію предалась изученію своего искусства. Она такъ быстро подвигалась впередъ, что пятнадцати лѣтъ уже дѣлала сальтомортале черезъ двадцать четыре человѣка съ ружьями и поднятыми кверху штыками. Девятнадцати лѣтъ, Антуанетта вышла за-мужъ за Саки, директора труппы акробатовъ. Обогативъ своего отца, она доставила богатство мужу. Г-жи Саки, на своемъ артистическомъ поприщѣ заслужила расположеніе императора Наполеона, который шутя называлъ ее la petite enragée. Однажды принцъ Боргезе давалъ праздникъ въ замкѣ Нельи, въ честь бракосочетанія Наполеона съ Маріею-Луизою. Императоръ спросилъ программу праздника, и замѣтивъ, что въ немъ не будетъ участвовать г-жа Саки, велѣлъ привезти ее. За танцовщицей отправили нарочнаго. Когда настало время явиться передъ публикою, г-жа Саки, съ обыкновенною своею граціею и легкостію, очутилась на канатѣ, въ костюмѣ генія, держащаго въ рукахъ факелъ Любви и Гименея. Къ несчастію, всѣ такъ суетились, спѣша исполнить повелѣніе императора, что забыли принять нѣкоторыя необходимыя предосторожности, и одинъ изъ работниковъ, не дождавшись условнаго знака, зажегъ фейерверкъ прежде, чѣмъ канатная танцовщица окончила свои эволюціи. Г-жа Саки, окруженная огнемъ, осталась на мѣстѣ и продолжала исполнять свою роль; но когда все было кончено, она сошла съ каната и упала въ обморокъ. Наполеонъ, слѣдившій за этой сценой, снявъ шаль съ плечъ сестры своей, принцессы Боргезе, самъ обернулъ ею г-жу Саки, велѣлъ отнести ее въ замокъ и послалъ туда своего врача.

Нѣсколько лѣтъ позже, во время испанской войны, Наполеонъ давалъ въ садахъ Тиволи праздникъ своей гвардіи. Г-жа Саки была приглашена принять участіе въ этихъ увеселеніяхъ. Но, къ вечеру, погода испортилась; императоръ, опасаясь за жизнь знаменитой акробатки, послалъ ей сказать, черезъ маршала Ланна, что онъ отмѣняетъ восхожденіе по канату. Г-жа Саки, желая доказать офицерамъ, что и она тоже неустрашима, отвѣчала маршалу: «маршалъ, командуйте своими солдатами, а не женщинами». Затѣмъ акробатка вскочила на канатъ, совершила свое восхожденіе, несмотря на проливной дождь и со-

шла съ граціознымъ и улыбающимся лицомъ. На подмосткахъ она вст ѣтилась съ Наполеономъ, который смѣялся надъ ея отвѣтомъ, похвалилъ ея неустрашимость и подарилъ ей золотую табакерку и драгоцѣнный перстень.

Впрочемъ, императоръ нѣсколько разъ посылалъ ей подарки въ три и четыре тысячи франковъ; случилось даже, что онъ велѣлъ, по ея просьбѣ, выдать ей 10,000 франковъ на уплату долга. Послѣ 1815 г., г-жа Саки осталась въ Парижѣ, но не забыла своего знаменитаго благодѣтеля, о которомъ и теперь говоритъ съ живѣйшей благодарностью. Въ 1816 году, дочь «прекраснаго беарнца» купила на бульварѣ du Temple, Café d'Apollon, гдѣ давались маленькія пьесы. Она назвала бывшій кофейный домъ Театромъ Акробатовъ г-жи Саки (Spectacle des acrobates de madame Saqui). Въ этомъ маленькомъ театрѣ представлялись сперва маріонетки, но позже, въ 1774 году, на немъ играли актеры; тогда онъ сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Théâtre des Associés. Въ 1778 году гг. Вьеннъ и Саллѐ сдѣлались директорами этого театра, и только въ 1790 г., Саллѐ, оставаясь единственнымъ его владѣтелемъ, переименовалъ его въ Théâtre du sieur Sallé.

Въ 1797 году этотъ театръ принадлежалъ уже г. Прево, подъ фирмою: Théâtre sans prétention. Вслѣдствіе декрета, онъ былъ закрытъ въ 1807 году, а въ 1809 году зала эта преобразовалась въ Café d'Apollon. Въ 1830 году г-жа Саки продала свою привиллегію г. Ру. Послѣдній директоръ назвалъ его Théâtre du Temple, и этотъ театръ былъ снова закрытъ 30 Іюня 1841 года. Два новые директора перестроили залу и снова открыли ее 6 октября 1841 года подъ названіемъ: Délassements comiques; театръ этотъ существуетъ, какъ всѣмъ извѣстно, и въ настоящее время.

Желая сохранить честь своего имени, г-жа Саки поручилась за долги брата своего, Лаланна, директора театра въ Руанѣ, которому угрожало страшное банкротство: долгъ простирался до 600,000 фр! Для него-то и продала она свою привиллегію на театръ.

Это совершенно разорило ее и заставило снова обратиться къ жизни кочующей артистки. Все ея богатство состояло въ прежней извѣстности, въ сильной рукѣ и твердой ногѣ.

Другое несчастіе ожидало неустрашимую и честную артистку. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, г-жа Саки возвращалась изъ Испаніи. Она путешествовала не такъ, какъ во времена Имперіи, не въ богатомъ экипажѣ, запряженномъ двѣнадцатью лошадьми, и безъ гонцевъ въ прекрасныхъ ливреяхъ. Она везла 82,000 франковъ, собранныя ею съ трудомъ въ Мадритѣ, въ Валенціи и Барселонѣ; за нѣсколько миль

отъ послѣдняго города, разбойники, подъ предводительствомъ знаменитаго Педрильо, иначе «Карамба», который недавно казненъ въ Эстремадурѣ, напали на ея карету. Г–жа Саки храбро защищалась съ пистолетомъ въ рукахъ, но была принуждена уступить числу разбойниковъ, которые отобрали у нея только деньги. Изъ уваженія къ ея лѣтамъ и таланту, они согласились оставить ей поклажу. Съ трудомъ дотащившись до Парижа, семидесяти-лѣтняя г–жа Саки была ангажирована директоромъ Ипподрома, и съ нѣкотораго времени весь Парижъ удивлялся бодрости и ловкости почти осьмидесяти–лѣтней акробатки.

Кончаю письмо мое некрологомъ; конецъ не веселый, но неизбѣжный конецъ всего существующаго ... даже писемъ о парижскихъ театрахъ.

Умерла Полина Кюзанъ, отличная наѣздница, долго жившая у насъ въ Петербургѣ. На похороны ея, бывшіе въ послѣднихъ числахъ апрѣля, съѣхалось много почитателей ея дарованія: артистовъ, литераторовъ, журналистовъ. Въ числѣ шедшихъ за гробомъ мы замѣтили, между прочими, Тамбурини. Полинѣ было тридцать шесть лѣтъ отъ роду.

Скончалась г–жа Евгенія Фоа, одна изъ умнѣйшихъ писательницъ для дѣтей. За нѣсколько лѣтъ до смерти своей, она ослѣпла и потому послѣдніе годы ея жизни были очень печальны. Но, лишившись зрѣнія Евгенія Фоа не переставала трудиться и оставила, говорятъ, нѣсколько замѣчательныхъ произведеній.

Умеръ въ Римѣ поэтъ Джіакомо Феретти, сотрудникъ Россини и Доницетти, написавшій либретто «Ченерентолы», «Матильды ди-Собранъ», Торквато–Тассо» и «Il Fiorioso».

До слѣдующаго письма.

—

СМѢСЬ.

ИНДІЙСКОЕ ПРИТИРАНЬЕ.

Прошедшей осенью мы собрались въ замкѣ Бельфонъ, у графа П**. Хозяинъ долгое время служилъ во флотѣ; объѣхалъ всѣ моря и всѣ части свѣта. Къ нему часто являются люди, съ которыми онъ познакомился у антиподовъ. Общество гостей графа представляетъ странную смѣсь людей всѣхъ цвѣтовъ и племенъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ.

Друзья графа, посѣщавшіе его въ Бельфонѣ, бо̀льшею частію были такіе-же старые моряки, какъ онъ самъ, и разсказы о ихъ подвигахъ и приключеніяхъ были чрезвычайно интересны. Эти повѣствованія происходили обыкновенно по вечерамъ, и когда бывало кто-нибудь начнетъ разсказывать, то въ комнатѣ воцарялась глубокая тишина; игроки оставляли вистъ, дамы садились въ кружокъ; музыка прекращалась, и даже барышни переставали перешептываться.

Разъ вечеромъ, когда мы уже довольно пострaнствовали по морямъ съ офицеромъ, который разсказывалъ намъ свои приключенія, прелестная молоденькая дама обратилась къ хозяину дома съ улыбкой избалованнаго ребенка, которому обѣщали разсказать волшебную сказку.

— А вы, дядюшка, неужели ничего намъ не разскажете сегодня?

— Радъ-бы, милая, да право не знаю, что̀-бы такое припомнить, отвѣчалъ графъ. — Послѣ того, что мы теперь слышали, уже мудрено разсказать что-нибудь интересное: капитанъ Л* водилъ васъ съ собою на обѣдъ къ мандарину и оттуда на представленіе китайской комедіи. Аббатъ Д**. разсказалъ про сраженіе никабарскихъ дикарей. Старый другъ мой Б** показывалъ вамъ индійскія пагоды, потозскія ру-

докопни и вершину тенерифскаго пика. Такъ куда-же, послѣ этого, могу я перенести васъ?

— Э, дядюшка! Какъ куда? Да въ какой-нибудь уголокъ земнаго шара, въ которомъ кромѣ васъ никто не бывалъ. Подумайте-ка, хорошенько; пошарьте въ воспоминаніяхъ!

— Да что̀ тутъ думать, сказалъ графъ: я очень хорошо знаю, что видѣлъ только то, что и другіе видѣли, и чудеснаго со мной не случалось рѣшительно ничего. Впрочемъ позвольте... что я говорю, продолжалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: вѣдь я нашелъ источникъ живой воды!

— Какъ такъ! Можетъ-ли быть! Вотъ прекрасно, въ одинъ голосъ закричали дамы.

— Неужели вы говорите правду, графъ?

— Совершенную правду, отвѣчалъ онъ.

— А страна, гдѣ течетъ этотъ источникъ, обозначена-ли на картѣ? спросила его хорошенькая племянница.

— Разумѣется.

— Ахъ, графъ, разсказывайте поскорѣе, проговорили дамы.

— Съ удовольствіемъ, спокойно отвѣчалъ графъ: но, мнѣ кажется, спѣшить намъ не къ чему... Надобно вамъ сказать, однакожъ, что для бо̀льшей ясности дѣла я долженъ буду разсказать вамъ цѣлую исторію. Вы, господа, сказалъ графъ мужчинамъ: можете и не слушать, потому-что повѣствованіе мое будетъ интересно для однѣхъ только дамъ.

Несмотря на это вступленіе, мужчины все-таки прекратили вистъ и присоединились къ кружку дамъ, собравшихся около графа, который медленно усѣлся въ покойныя кресла, скромно обвелъ глазами все общество и началъ:

— Лѣтъ двадцать тому, пріѣхалъ я въ Брестъ, чтобы оттуда отправиться въ Батавію. Я былъ тогда еще не старъ и кое-какія чувства еще шевелились въ груди: но зная, что наклонность къ романтизму и сантиментальность рѣшительно не годятся во флотѣ, я вышеозначенныя чувства поудержалъ и далъ себѣ слово во всю свою жизнь, въ любовныхъ приключеніяхъ занимать только второстепенную роль — наперсника. Такимъ-образомъ я постоянно принималъ самое дѣятельное участіе въ сердечныхъ дѣлахъ моихъ пріятелей; былъ общимъ повѣреннымъ тайнъ этого рода. Скажу откровенно, что это меня очень радовало; я чрезвычайно терпѣливо выслушивалъ разсказы объ удачахъ и неудачахъ и подавалъ преполезные совѣты. Точно такимъ-же образомъ, я подружился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ мы видались въ Парижѣ и потомъ встрѣтились въ Брестѣ.

Этотъ прекрасный юноша назывался Леонъ Сольё. Родные его, умершіе когда онъ былъ еще ребенкомъ, не оставили ему почти ничего. По матери онъ принадлежалъ къ фамиліи, которая во время реставраціи пользовалась большой силой и, въ послѣдствіи, доставила Леону порядочное мѣсто. Кромѣ этого мѣста, онъ обладалъ пріятной наружностью, изящными манерами и потому былъ принятъ въ лучшихъ домахъ. Его приглашали на всѣ балы, вечера и собранія, но об-

ращаясь безпрестанно въ обществѣ, и, такъ сказать, находясь постоянно подъ перекрестнымъ огнемъ вздоховъ, улыбокъ и взглядовъ, Леонъ оставался твердъ какъ гранитъ и не растратилъ ни одного нѣжнаго чувства. Впрочемъ, это послужило къ худшему. Пріѣхавъ въ Брестъ, я нашелъ Леона влюбленнымъ до сумасшествія. Едва только успѣлъ я высвободиться изъ его объятій, какъ онъ началъ разсказывать мнѣ о своихъ несчастныхъ похожденіяхъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ: я люблю очаровательнѣйшую дѣвушку; ей только шестнадцать лѣтъ...

— Неужели? съ ужасомъ спросилъ я Леона: шестнадцать лѣтъ? Что-жъ, она за-мужемъ?

— Нѣтъ еще.

— Прекрасно, сказалъ я, и еще болѣе проникнулся ужасомъ. Но, скажи, сдѣлай одолженіе: выгодная-ли это, по-крайней-мѣрѣ, партія?

— Самая выгодная и разумная во всѣхъ отношеніяхъ и, къ моему счастію, не представляется никакихъ препятствій; притомъ-же я не теряю надежды понравиться *ей* и не думаю, чтобъ родные ея не согласились. Отецъ находится какъ-разъ въ такомъ-же положеніи, какъ я: безъ состоянія и занимаетъ хорошее мѣсто... Онъ назначилъ дочери ежегодную пенсію...

— Однакожъ, это не такъ вѣрно какъ приданое, замѣтилъ я Леону.

— Конечно, отвѣчалъ онъ: да что-же дѣлать? Впрочемъ у нихъ есть связи, знатное родство; это также что-нибудь да значитъ. Да, любезный; они происходятъ отъ древней фамиліи, о которой часто упоминается въ исторіи; предокъ ихъ былъ посланникомъ при Людовикѣ XVI, двое дядей адмиралами и ... да всего неупомнишь. Итакъ, ты видишь, что этотъ бракъ приличенъ какъ нельзя болѣе?.

— Все это такъ, отвѣчалъ я, улыбаясь: но изъ твоихъ словъ я заключаю, что невѣста твоя, должна быть красавица...

— Такая красавица, что и описать невозможно, съ восторгомъ сказалъ Леонъ: представь себѣ прелестную, стройную, граціозную блондинку, шестнадцати лѣтъ, съ маленькими ручками съ крошечными ножками, свѣжую, прозрачную ... и вотъ тебѣ портретъ Лукреціи Нантёль. Ты, впрочемъ, не подумай, чтобъ я преувеличивалъ ея красоту; спроси у кого хочешь, всѣ тебѣ скажутъ то-же самое. Она здѣсь всѣхъ съ ума свела и ее иначе не называютъ, какъ бенгальской розой.

На другой день Леонъ представилъ меня г-жѣ Нантёль. Въ прекрасной Лукреціи я дѣйствительно нашелъ много общаго съ бенгальской розой: такой-же блескъ, такую-же свѣжесть, нѣжность, и грацію. Въ тотъ вечеръ у г-жи Нантёль собралось много гостей, чему Леонъ ужасно радовался; ему представлялась возможность не слишкомъ замѣтно побесѣдовать съ своей Лукреціей. Онъ наотрѣзъ отказался отъ картъ и сѣлъ подальше отъ кружка пожилыхъ мужчинъ, толковавшихъ о политикѣ. Я увелъ его въ кабинетъ, примыкавшій къ залѣ, и въ которомъ помѣстились шахматные игроки.

Лукреція помогала своей матери занимать гостей. Мнѣ кажется, я

какъ теперь ее вижу: въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ широкими и длинными рукавами; къ корсету пришпиленъ свѣтло-розовый бантъ; два такихъ-же украшали ея роскошную косу, заплетенную съ изысканной простотою. Этотъ простой нарядъ сообщалъ ей какую-то особенную прелесть, и, право, отъ нея какъ-будто вѣяло чѣмъ-то неземнымъ...

Когда мы вошли въ залу, Леонъ почтительно поклонился Лукреціи и затѣмъ мы незамѣтно отошли къ сторонкѣ. Къ концу вечера Лукреція съ улыбкой проскользнула передъ нами и вошла въ кабинетъ, гдѣ шахматные игроки оканчивали партію. Этотъ кабинетъ, какъ я уже сказалъ, сообщался съ залой высокими дверями съ портьерами приподнятыми по сторонамъ. При входѣ Лукреціи игроки, какъ автоматы, встали, поклонились ей и вышли въ залу, продолжая соображать ходы послѣдней партіи.

Леонъ вошелъ въ кабинетъ вслѣдъ за нею, а я, остановившись на порогѣ, со шляпой въ рукахъ, съ необыкновеннымъ вниманіемъ принялся разсматривать какую-то картину фламандской школы, хоть, сказать правду, рѣшительно ничего не видѣлъ. Посторонній наблюдатель непремѣнно подумалъ-бы, что мы бесѣдуемъ втроемъ, между-тѣмъ, какъ на-самомъ-дѣлѣ я не принималъ ни малѣйшаго участія въ разговорѣ молодыхъ людей, и не только не слышалъ изъ него ни слова, но даже не могъ видѣть разговаривающихъ, потому-что былъ совершенно закрытъ отъ нихъ портьерой. Не смотря на то, мнѣ показалось, будто Леонъ сѣлъ возлѣ Лукреціи, что-то съ жаромъ ей разсказывалъ, и она отвѣчала ему такимъ голосомъ, въ которомъ было замѣтно сильное смущеніе. Они сидѣли въ глубинѣ кабинета, слабо освѣщеннаго лампой, стоявшей на столикѣ; между ними по временамъ по потолку проскользали двѣ тѣни и даже одинъ разъ—впрочемъ, очень легко можетъ-статься что это мнѣ просто показалось—я видѣлъ, что тѣни это сблизились .. Впрочемъ, это продолжалось не больше одной секунды.

Черезъ четверть часа Лукреція встала, подошла къ шахматной доскѣ и сдѣлала мнѣ знакъ, приглашая сыграть съ ней партію. Она улыбалась и въ то-же время дрожала всѣмъ тѣломъ. Я сѣлъ противъ нея, но г-жа Нантёль, которая уже давно искала Лукрецію глазами, позвала ее. Она встала и вышла, слегка кивнувъ головкой и бросивъ на меня взоръ полный благодарности; я понялъ, что она благодарила меня за то, что я доставилъ ей случай поговорить съ Леономъ.

Когда она ушла, я подошелъ къ Леону; онъ сидѣлъ все на томъ-же мѣстѣ; лицо его было блѣдно, глаза смотрѣли какъ-то дико...

— Судьба моя рѣшена, сказалъ онъ: невыразимая радость переполнила мнѣ сердце и душу ... я, рѣшительно не понимаю, что со мной дѣлается ... Не сонъ-ли все это? Боже мой! Теперь я припоминаю все ... Нынче утромъ Лукреція отказа очень выгодному жениху, отказала ... потому-что любитъ меня ... Да, меня; она сама сказала мнѣ это и позволила просить ея руки ... Еще мѣсяцъ и Лукреція будетъ моей женой!

— Поздравляю отъ всего сердца, сказалъ я, крѣпко пожавъ руку:

невѣста твоя въ-самомъ-дѣлѣ прелестная дѣвушка ... Когда же ты намѣренъ сдѣлать предложеніе?

— Какъ можно скорѣе, отвѣчалъ онъ: завтра-же ... Кчему откладывать?

— То-есть, сегодня, прибавилъ я, указывая на часы: стрѣлка перешла за полночь.

Вышедши отъ г-жи Нантёль, я рѣшился проводить Леона; онъ жилъ недалеко отъ брестскаго публичнаго сада. Было уже два часа, когда мы съ нимъ бродили по боковой аллеѣ. Во всю дорогу онъ, то и дѣло, разсказывалъ мнѣ о своемъ счастіи, дѣлалъ разныя предположенія, строилъ планы. Я молча слушалъ его, засунувъ руки въ карманы и глубокомысленно покуривая сигару. Юношескій жаръ и восторгъ Леона почему-то заставляли трепетать и мое сердце. Наговорившись вдоволь, мы разстались. Я проводилъ Леона до его квартиры, обѣщавъ побывать у него въ тотъ-же день.

Воротившись домой, я нашелъ на столѣ письмо, которое обязывало меня, не теряя ни минуты, отправиться на нѣсколько дней въ Нантъ. Покуда пошли за лошадьми, я написалъ Леону нѣсколько строкъ. Съ восходомъ солнца я уже скакалъ по нантской дорогѣ.

Сколько припомню, все это происходило въ концѣ іюля 1830 года. Въ Нантѣ я услышалъ плачевную новость о смутныхъ дѣлахъ въ Парижѣ. Это извѣстіе чрезвычайно огорчило меня ... я боялся, но не за себя ... а за Леона ... Какое-то предчувствіе шептало мнѣ, что политическая буря должна грянуть и надъ его головой и разсѣять въ прахъ всѣ его надежды.

Недѣлю спустя, я воротился въ Брестъ и прежде всего бросился къ Леону.

— Что, мой милый, вѣдь мы съ тобой и не подозрѣвали этого несчастія, сказалъ онъ, протянувъ мнѣ руку: нынѣшнее положеніе дѣлъ лишило меня послѣдняго достоянія.

— Неужели ты потерялъ мѣсто? спросилъ я съ сожалѣніемъ.

— Потерялъ.

— Однакожъ, вѣрно у тебя хоть что-нибудь да осталось?..

— Около тридцати тысячъ франковъ, и то еще если мой банкиръ, пользуясь обстоятельствами, не объявить себя несостоятельнымъ. Признаюсь тебѣ, что извѣстіе это сначала поразило меня, но теперь уже я не отчаяваюсь!.. Мнѣ кажется, я могу быть счастливъ и безъ денегъ.

— А свадьба твоя? спросилъ я нерѣшительно.

— Слава Богу, на этотъ счетъ мнѣ безпокоиться нечего; отношенія мои къ семейству г-жи Нантёль тѣ-же самыя, какія были въ день твоего отъѣзда. Понятно, что я еще не объявилъ имъ своего намѣренія, потому-что Нантёль пострадалъ не меньше моего; онъ потерялъ и мѣсто и состояніе. Мы оба разорены, слѣдственно онъ мнѣ не откажетъ. Я бываю у нихъ каждый день; старикъ очень огорченъ; г-жа Нантёль не меньше его упала духомъ. Въ Лукреціи-же оказалось мужества больше, чѣмъ можно было ожидать ... Что до меня, то ...

я рѣшился работать, трудиться ... Для истиннаго счастія, право не много нужно человѣку . .

Между-тѣмъ раздался звонъ колокольчика. Вошелъ лакей Леона и доложилъ, что пришла какая-то дама и спрашиваетъ его, но не говоритъ своего имени ...

Я взялся за шляпу.

— Нѣтъ, нѣтъ; останься ... подожди тамъ въ спальнѣ, сказалъ Леонъ, въ сильномъ смущеніи: у меня есть предчувствіе, что эта дама—г-жа Нантёль. Но, зачѣмъ она сюда явилась?..

Я вошелъ въ спальню и притворилъ за собою дверь; комнатка эта была очень мала и мнѣ по неволѣ пришлось слышать все, что говорилось въ кабинетѣ.

Дама, не хотѣвшая объявить своего имени, была дѣйствительно мать Лукреціи. Войдя въ комнату, она сѣла, глубоко вздохнула и нвчала перерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Приходъ мой, вѣроятно, васъ удивилъ ... Вѣрьте мнѣ, что еслибъ я не знала васъ, то никогда-бы не рѣшилась сюда явиться ... Мнѣ непремѣнно нужно объясниться съ вами и то, что вы отъ меня услышите, должно растерзать ваше сердце ... Но, Бога ради, пощадите меня ...

— Сдѣлайте одолженіе, говорите прямо; я теряюсь въ догадкахъ ...

— Я знаю, что вы любите мою дочь, продолжала Нантёль: и что она также васъ любитъ ... Я имѣю на это несомнѣнныя доказательства .., Мѣсяцъ назадъ — я и мужъ мой съ радостью назвали-бы васъ сыномъ, но теперь обстоятельства перемѣнились ...

— Только чувства и намѣренія мои остались прежніе, перервалъ Леонъ ...

— И это еще болѣе увеличиваетъ наше общее несчастіе. Я знаю, вы слишкомъ великодушны и не поколеблетесь жениться на бѣдной дѣвушкѣ, породниться съ разореннымъ семействомъ ... Мнѣ извѣстно также, что вы намѣрены просить руки Лукреціи ... и вотъ ... я пришла ... просить васъ отказаться отъ этого намѣренія ... Притворствовать съ вами я не хочу, да и не умѣю, и потому скажу вамъ всю истину. Мужъ мой утратилъ всякую способность разсуждать, дѣйствуетъ машинально и ... если вы будете просить руки Лукреціи, онъ отдастъ ее вамъ ... и это увеличитъ мѣру вашего горя ...

— Но неужели вы полагаете, что посвятивъ Лукреціи всю свою жизнь, я не успѣю сдѣлать ее счастливою? съ живостью сказалъ Леонъ. Прежде всего я позабочусь объ ея счастіи ...

— Ея счастіи! Да въ состояніи ли вы его составить? съ горькой улыбкой сказала Нантёль. Нѣтъ, Леонъ, вы еще молоды и не сообразили, что очутившись въ нуждѣ, горѣ и безпрестанныхъ лишеніяхъ, вы, можетъ-быть, первый упадете духомъ ... ваша бодрость исчезнетъ ... а что же она-то, бѣдная!.. Послушайте: вы оба увлечены страстью, живете настоящимъ, а до будущаго вамъ нѣтъ никакого дѣла ... Когда-то оно еще настанетъ, думаете вы ... Точно также и она, бѣдняжка, представляетъ себѣ бѣдность съ поэтической стороны ... Но

что-то скажете вы оба послѣ, когда придется проводить дни и ночи въ нетопленной комнатѣ, среди плача голодныхъ дѣтей, за тяжкимъ механическимъ трудомъ, къ которому ни вы, ни она не привыкли? Печальная участь, Леонъ, не правда-ли? Но васъ именно это и ожидаетъ ... Мы съ мужемъ, какъ я уже сказала вамъ, разорены; у насъ осталось около тысячи двухъ сотъ франковъ въ годъ ... Изъ этого мудрено будетъ удѣлять что-нибудь зятю ... Притомъ-же мы рѣшили переселиться въ какой-нибудь отдаленный городокъ; я сама буду служить своему мужу, ходить за нимъ, трудиться день и ночь ... Но дочь моя, дочь! Нѣтъ; я не могу допустить и мысли, что она погубитъ лучшіе свои годы въ нищетѣ и горѣ.

— Повторяю вамъ, я стану работать; всѣмъ пожертвую для ея блага ... Я постараюсь составить себѣ состояніе ...

— Состояніе! можете-ли вы сказать, что навѣрное пріобрѣтете его?

— Но для чего-же предполагать одно дурное? проговорилъ Леонъ.

Г-жа Нантёль снова вздохнула и помолчавъ продолжала:

— Но я еще не все сказала, Леонъ ... Я пришла объявить вамъ, что Лукреціи представляется другая партія ...

— Другая?

— Да, продолжала г-жа Нантёль: я говорю вамъ это, потому-что увѣрена, что вы, какъ благородный человѣкъ, не употребите во зло моей довѣренности ... Недѣли три назадъ, за дочь мою сватался одинъ весьма почтенный и богатый человѣкъ; она не пошла за него единственно потому, что чувствовала склонность къ вамъ. Тогда мы еще не имѣли надобности надѣяться на помощь своего зятя, и не принуждали Лукрецію. Теперь-же, повторяю вамъ, обстоятельства перемѣнились; дочь моя должна выдти за человѣка, который-бы обезпечилъ ея будущность ...

— Боже мой! простоналъ Леонъ, схвативъ себя за голову. Неужели все это правда?

— Къ несчастію, да! отвѣчала г-жа Нантёль. Все теперь зависитъ отъ васъ. Или вы, можетъ быть, полагаете, что дочь моя будетъ счастлива только съ вами? (Она горько улыбнулась). Настало время продолжала она: доказать, что вы дѣйствительно ее любили ...

— Но согласится-ли Лукреція, выдти за другаго?

— Вѣроятно, нѣтъ, если *вы* не докажете ей необходимости этого брака, для ея-же блага. Неужели вы не примете на себя этой обязанности?.. О, убѣдите ее!.. Скажите, что собственныя ваши чувства къ ней измѣнились ... обманите Лукрецію ... Ваше мужество укрѣпитъ ее. Она не поймetъ вашей жертвы, но за то будетъ наслаждаться всѣми ея благотворными слѣдствіями.

— Но неужели вы полагаете, спросилъ Леонъ задыхающимся голосомъ: что она рѣшится выдти за кого-нибудь, кромѣ меня?

— Хоть не теперь, отвѣчала она и послѣ нѣкотораго молчанія продолжала: но, вы видите, что я не принуждаю ее; самый приходъ мой сюда уже доказываетъ, что я не хочу употреблять своей власти и дѣй-

ствовать противъ ея склонности. Напротивъ, я даю вамъ честное слово, предоставить ей полную свободу:

— Стало быть, вы имѣете основаніе думать, что она черезъ нѣсколько времени согласится? съ выраженіемъ глубочайшей грусти спросилъ Леонъ.

— Да, твердо и рѣшительно отвѣчала Нантёль.

Послѣдовало молчаніе и затѣмъ Леонъ уже съ бо́льшимъ спокойствіемъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ сообразить ... собраться съ мыслями ... Я такъ люблю ... (Онъ снова закрылъ лицо руками). Я извѣщу васъ о своемъ рѣшеніи и ... вѣрьте мнѣ: каково-бы оно ни было, цѣль его останется всегда одна и та-же: счастіе милой Лукреціи

— Я вѣрю вамъ, дрожащимъ голосомъ проговорила г-жа Нантёль и встала.

— Я надѣюсь на васъ, Леонъ, сказала она: и угадываю, ка̀къ вы будете дѣйствовать. Чтобъ доказать свою довѣренность къ вамъ, я позволяю вамъ написать къ моей дочери и объяснить ей свои намѣренія и рѣшенія: даю вамъ слово, что не буду читать этого письма!

Сказавъ это, она вышла. Леонъ медленно, какъ автоматъ, проводилъ ее до дверей, и потомъ, съ громкимъ воплемъ кинулся въ кресла. Онъ былъ блѣденъ и страшенъ, какъ приговоренный къ смерти, и я вмѣстѣ съ г-жею Нантёль, угадывалъ, ка̀къ онъ будетъ дѣйствовать.

Я не трогалъ его, потому-что наперсники въ подобныхъ случаяхъ никуда не годятся, и ждалъ, когда пройдетъ первый порывъ его отчаянія. Долго сидѣлъ онъ, какъ безумный, безсмысленно устремивъ глаза въ землю. Я видѣлъ ясно, что̀ въ немъ происходило. Сердце его обливалось кровью и рвалось на части. Наконецъ, мало-по-малу онъ началъ приходить въ себя и, медленно оборотивъ ко мнѣ голову, простоналъ.

— Ну, всему конецъ!

Зная по собственному опыту, какъ часто бываютъ глупы иные утѣшители и утѣшенія, я просто взялъ его за руку и сказалъ:

— Любезный другъ, нынче 15-ое августа, и черезъ двѣ недѣли «Дорида» выдетъ въ море; поѣдемъ со мной въ Батавію!

— Поѣдемъ! сказалъ онъ, быстро вставъ и какъ-будто сбросивъ съ плечъ тяготившее его горе: благодарю тебя, другъ мой ... Да и что я стану тенерь дѣлать во Франціи? Все здѣсь будетъ напоминать мнѣ ... И я умру съ горя и отчаянія...

Я сталъ совѣтовать ему теперь-же заняться приготовленіемъ къ отъѣзду. Путь лежалъ далекій, но я не давалъ Леону времени опомниться и всячески побуждалъ его снарядиться, какъ можно скорѣе. Онъ хотѣлъ писать къ Лукреціи и, перепортивъ нѣсколько листовъ бумаги, составилъ наконецъ письмо въ нѣсколько строкъ. Оно было проникнуто глубокой скорбью и сожалѣніемъ. Наизусть я его не помню, но знаю только, что оно было очень трогательно, какъ вообще

бываютъ подобныя письма. Я взялся передать его Лукреціи, передалъ, и оно, какъ водится, осталось безъ отвѣта.

Бѣдный другъ мой былъ истинно жалокъ; рѣшимость его была непоколебима, но все-таки, по временамъ, мужество оставляло его и онъ дѣлался слабъ, какъ ребенокъ плакалъ, рыдалъ. Мнѣ кажется, что еслибъ это положеніе продлилось еще нѣсколько времени, такъ онъ или сошелъ-бы съ ума, или даже-бы умеръ.

Къ крайнему моему удивленію, онъ очень старательно избѣгалъ случаевъ встрѣчаться съ Лукреціей. Какъ-будто условившись заранѣе, мы съ нимъ не говорили о ней ни слова, даже имени ея не произносили.

Почти въ самый день нашего отъѣзда, зашелъ я утромъ къ Леону. Онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Я ждалъ тебя, чтобы вмѣстѣ отправиться на бульваръ. Нынче воскресенье: Лукреція пойдетъ отъ обѣдни черезъ бульваръ; мнѣ-бы хотѣлось взглянуть на нее, хоть издали, въ послѣдній разъ.

Я даже не старался отговаривать его, зная, что это будетъ напрасно.

Мы вышли.

Восемь часовъ только-что пробило и на бульварѣ не было ни души. Леонъ въ безсиліи опустился на скамью и принялся ждать, не спуская глазъ съ конца аллеи. Черезъ полчаса показалаеь Лукреція. Съ нею шла старуха, ея компаньонка. Черты лица бѣдной дѣвушки носили на себѣ отпечатокъ тихой грусти; прекрасные волосы ея небрежно падали по блѣднымъ щекамъ. На ней была темная шаль, закрывавшая весь станъ, только спереди на корсетѣ виднѣлась живая бенгальская роза. Она шла тихо, грустно, опустивъ глаза и замѣтила Леона только въ ту минуту, когда поровнялась съ нами. Малютка задрожала; лицо поблѣднѣло еще болѣе; она продолжала итти, потомъ быстро повернулась и сѣла на ближайшую скамью, какъ-будто за тѣмъ, чтобы полюбоваться на море. Старушка также остановилась возлѣ нея.

Оттуда открывался видъ на рейдъ, и вдали, въ полумилѣ разстоянія тихо покачивался на волнахъ фрегатъ «Дорида», стоявшій на якорѣ. Лукреція пристально смотрѣла въ ту сторону.

— Она молча прощается со мною, она сдерживаетъ рыданія, прошепталъ Леонъ. Она плачетъ!.. Какое положеніе! Нѣтъ! Мнѣ слѣдовало-бы увезти ее съ собою... туда, въ другую часть свѣта!...

— Она не поѣхала-бы, сказалъ я, испугавшись его горячности.

Черезъ минуту Лукреція встала и медленно пошла дальше, ни разу не посмотрѣвъ на насъ и какъ-будто вовсе насъ не замѣчала.

Леонъ издали слѣдовалъ за нею до конца бульвара, потомъ воротился и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Вотъ, вскричалъ онъ, съ какой-то дикой радостью: она оставила мнѣ воспоминаніе!..

То была роза, которую я замѣтилъ на корсажѣ Лукреціи. Леонъ

цѣловалъ ее, прижималъ къ сердцу, обливалъ слезами, такъ-что я все еще опасался за его разсудокъ.

— Это она сама, говорилъ онъ: это она, моя *бенгальская роза*! Нѣтъ; съ этой минуты я не сомнѣваюсь больше ни въ любви ея, ни въ постоянствѣ ... Она не выйдетъ за-мужъ... она будетъ ждать меня!..

— Да, да, сказалъ я Леону, стараясь увести его поскорѣе домой: все это очень можетъ быть, и я отъ души этому вѣрю, но намъ пора. Видишь-ли? «Дорида» готовится выступить въ море... Вѣтеръ попутный... скорѣе, скорѣе!..

Черезъ два часа мы были уже на «Доридѣ» и въ тотъ-же день вечеромъ оставили за собою французскіе берега.

Такимъ-образомъ, другъ мой, Леонъ Сольё, отправился въ Батавію.

Здѣсь графъ прервалъ свой разсказъ, посмотрѣвъ на часы. Стрѣлка какъ-разъ показывала полночь. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Извините, сдѣлайте одолженіе. Разсказывать я совсѣмъ не умѣю и потому забрался очень далеко, такъ-что нынче намъ рѣшительно уже не добраться до источника вѣчной молодости ... и я прошу позволенія отложить повѣствованіе до завтра ...

II.

На другой день вечеромъ, когда дамы усѣлись съ работой за столъ, хорошенькая племянница графа сказала:

— Что-же, дядюшка! Прикажете-ли собираться съ вами въ дорогу? Вчера мы отправились въ Батавію.

— Да, да, сказалъ графъ: помню; но для бо̀льшей краткости, я попрошу позволенія пропустить изъ разсказа десять лѣтъ. Итакъ, десять лѣтъ спустя послѣ описанныхъ событій, я во второй разъ отправился въ Батавію...

Кажется, я вамъ уже говорилъ, что когда я оставилъ Леона, то сердце его было полно мужества, любви и надежды, но кошелекъ очень и очень неполонъ. Леонъ какъ-разъ походилъ на одного изъ тѣхъ удальцовъ, которые въ старину стекались въ Индію, искать приключеній, вооруженные огромнымъ мечемъ, огромнымъ запасомъ мужества и съ огромною пустотой во всѣхъ карманахъ.

Десять лѣтъ не имѣлъ я о немъ никакого извѣстія, и потому едва только мы пріѣхали, я отправился разузнать, гдѣ онъ. Прежде всего я обратился къ одному провансальцу, который тамъ служилъ переводчикомъ. Едва только произнесъ я «Сольё», какъ переводчикъ, снявъ почтительно шляпу, отвѣчалъ:

— Какъ не знать! Онъ здѣсь отлично ведетъ дѣла, богатъ, какъ набабъ! Всѣ здѣшніе малайцы иначе не называютъ его, какъ *туанъ* Леономъ, прекраснымъ человѣкомъ. Надобно вамъ доложить, господинъ капитанъ, продолжалъ онъ: что здѣшніе, желтокожіе, всякаго

господина называютъ *туанъ*; это ужъ у нихъ такъ заведено. По-ихнему, и вы то-же *туанъ*.

Я немедленно нанялъ коляску и отправился къ Леону. Домъ его былъ въ верхнемъ городѣ, по срединѣ обширнаго сада. Выйдя изъ коляски, я нѣсколько минутъ колебался, спрашивая себя: туда-ли я пріѣхалъ? Не можетъ быть, чтобъ Леонъ жилъ здѣсь!

Представьте себѣ дворецъ, то-есть, огромныя палаты, окруженныя галереей съ колоннами, съ дверями украшенными рѣзьбой и живописью — и вы поймете мое удивленіе. Этотъ домъ совершенно походилъ на индійскую пагоду. Окна нижняго этажа выходили на галерею и изъ-за приподнятыхъ сторъ видны были обширныя залы, убранныя съ неслыханнымъ великолѣпіемъ, въ восточномъ вкусѣ. Стулья и диваны покрыты были изящнѣйшими цыновками. Садъ, окружавшій домъ, казалось мнѣ, былъ разведенъ самими граціями: никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такого многочисленнаго собранія самыхъ рѣдкихъ, дорогихъ, красивыхъ и благоуханныхъ растеній.

Покуда я любовался всѣми этими чудесами, ко мнѣ подошло нѣсколько слугъ, явонцевъ, и между ихъ желтыми лицами я увидѣлъ старуху Чандру, которая, десять лѣтъ назадъ одна составляла прислугу Леона. Она сейчасъ узнала меня и поспѣшила доложить своему господину. Черезъ минуту явился и Леонъ; онъ обрадовался мнѣ болѣе, нежели сколько позволено человѣку радоваться: обнималъ меня, цѣловалъ, опять обнималъ. Я тоже былъ очень радъ увидѣться съ нимъ послѣ такой долгой разлуки.

Я нашелъ его почти такимъ-же, какъ и оставилъ. Десять лѣтъ мало сдѣлали въ немъ перемѣны; онъ также былъ строенъ и красивъ, только кожа его немного пожелтѣла отъ вліянія климата.

— Боже мой, какъ я радъ, что тебя вижу, любезный другъ, сказалъ онъ, вводя меня въ обширную залу и усаживая на диванъ. И теперь, какъ ты мнѣ попался, извини, братъ, не отпущу. Ты долженъ переселиться ко мнѣ.

— Очень радъ, очень радъ!..

— Сколько разскажу тебѣ новаго! продолжалъ онъ. Да притомъ-же и мнѣ хотѣлось-бы услышать кое-что о старой Франціи, о прежнихъ друзьяхъ о... Да! Они тамъ далеко! Гдѣ помнить обо мнѣ, бѣдномъ изгнанникѣ!

— Хорошъ бѣдный изгнанникъ, затѣтилъ я, помирая со смѣху. Нѣтъ, любезный; тебѣ, я вижу, здѣсь очень повезло.

— Да, я разбогатѣлъ, сказалъ онъ совершенно равнодушно. Мнѣ посчастливилось; я обогатился въ короткое время, и на второй годъ думалъ забастовать и воротиться во Францію ... но самолюбіе ...

— Самолюбіе заглушило въ тебѣ любовь, прервалъ я Леона.

Леонъ глубоко вздохнулъ и, перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:

— Да, самолюбіе, и удовольствіе, и здѣшняя пышная жизнь — все это завлекло меня своею новостью, но не надолго. Мнѣ ужъ скучно становится. Право, въ настоящую минуту, я отдалъ-бы, и очень охотно отдалъ-бы весь Индустанъ, со всѣми его сокровищами, набабами

и баядерами, за то только, чтобы опять хоть на минуту очутиться въ той буковой аллеѣ, и чтобы передо мной опять прошла та блѣдная, прекрасная дѣвушка съ бенгальской розой на корсажѣ.

— Такъ ты все еще любишь Лукрецію? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да, люблю, съ нѣкотораго времени. Очень недавно я увидѣлъ, что любовь моя не проходила, а только умолкла на-время. Въ первые годы я безпрестанно вспоминалъ о Лукреціи, и когда, бывало, представлялъ себѣ, что она за-мужемъ, сердце мое рвалось на части, потомъ я уже смотрѣлъ на это гораздо хладнокровнѣе. Такимъ-образомъ проходили цѣлые годы. Нѣсколько дней назадъ, любезный другъ, страсть моя вспыхнула снова и воспламенилась, какъ въ то самое счастливое время...

— Вотъ какъ, воскликнулъ я · черезъ десять-то лѣтъ и за четыре тысячи миль отъ Лукреціи? Прекрасно!..

— Значитъ она угасла во мнѣ не совсѣмъ. Вотъ какъ это было. Разъ вечеромъ отправился я въ театръ, и взялъ мѣсто въ партерѣ. Подлѣ меня сидѣлъ какой-то незнакомый пожилой человѣкъ, принимавшій живѣйшее участіе въ представленіи. Онъ былъ одѣтъ довольно плохо, худъ и тонокъ, какъ мумія, съ жесткими руками и почернѣвшими отъ табаку зубами. Словомъ, онъ, какъ нельзя больше, походилъ на торговца неграми; рядомъ съ нимъ сидѣлъ другой, казавшійся мнѣ также морякомъ; онъ часто обращался къ первому съ замѣчаніями, на малайскомъ языкѣ, и называлъ его капитаномъ, а тотъ его штурманомъ. Когда опустился занавѣсъ послѣ первой пьесы, штурманъ обратился къ сосѣду и сказалъ ему на чистомъ французскомъ языкѣ:

— Что капитанъ Нантёль, думали-ль вы видѣть въ Батавіи «парижскаго мальчишку»?

Услышавъ «Нантёль», я невольно вздрогнулъ. Я сейчасъ вспомнилъ, что г-жа Нантёль часто говорила мнѣ, что у нихъ въ Индіи есть двоюродный братъ, который тамъ нѣсколько разъ наживалъ себѣ состояніе и снова разорялся. Обратившись къ сосѣду, я спросилъ его, не родственникъ-ли онъ семейству Нантёль, которое живетъ въ Брестѣ?

— Какъ же-съ, отвѣчалъ онъ: Людовикъ Нантёль мнѣ двоюродный братъ! бѣдняга!

— Что такое? Не умеръ-ли?

— Умеръ, два мѣсяца назадъ. То-есть, умеръ-то онъ уже давно, только я не больше двухъ мѣсяцевъ, какъ получилъ объ этомъ извѣстіе.

— А что его дочь? спросилъ я съ невольнымъ трепетомъ. Вы получаете отъ нея извѣстіе? Она за-мужемъ?

— Ахъ, Лукреція, сказалъ онъ, тряхнувъ головой: прекрасная дѣвушка; да кто нынче женится безъ приданаго? Сумасшедшій какой-нибудь! Еслибъ дѣла мои хоть крошечку поправились, я-бы непремѣнно устроилъ ее.

Я вздохнулъ свободнѣе, услышавъ, что Лукреція была еще не замужемъ; старинная страсть снова зашевелилась въ груди и я съ величайшимъ волненіемъ сталъ разспрашивать капитана о Лукреціи. Вѣдь я любилъ ее когда-то, думалъ на ней жениться. Въ памяти моей вос-

кресло воспоминаніе объ этихъ лучшихъ дняхъ моей жизни; на меня повѣяло минувшимъ счастьемъ, любовью... Да, что ни говори, я былъ очень радъ, что встрѣтился съ этимъ морякомъ, пропитаннымъ табакомъ и ромомъ. Онъ разсказывалъ мнѣ про Лукрецію, говорилъ какъ зналъ ее дитятей...

Съ первой встрѣчи я подружился съ капитаномъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что лишился почти всего состоянія, живетъ въ нижнемъ городѣ, на берегу канала, и едва-едва перебивается со дня на день. Я уговорилъ его переселиться ко мнѣ, въ тотъ большой павильонъ, который, я думаю, видѣлъ въ саду. Каждый вечеръ мы ужинаемъ вмѣстѣ и толкуемъ о предметахъ близкихъ моему сердцу. Я разсказалъ ему всю свою исторію; не умолчалъ и о томъ, что принужденъ былъ отказаться отъ руки Лукреціи и ѣхать сюда; сообщилъ свои будущіе планы и надежды... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, любезный другъ, я отправлюсь во Францію, просить руки Лукреціи...

— Бѣдная дѣвушка, воскликнулъ я: она и не воображаетъ!..

— А ты вѣрно что-нибудь о ней знаешь? спросилъ онъ, полнымъ смущенія голосомъ: ты видѣлъ ее?

— Да, какъ-же, мой милый! два мѣсяца назадъ. Я могу отличнѣйшимъ образомъ дополнить свѣдѣнія, которыя ты получилъ о ней отъ своего капитана.

— Такъ ты ее видѣлъ? спросилъ Леонъ такимъ восторженнымъ тономъ, изъ котораго я окончательно убѣдился, что его любовная лихорадка еще не прошла.

— Я остался вѣренъ своей роли наперсника, отвѣчалъ я: и сейчасъ передамъ тебѣ подробности нашего свиданія. Нынѣшній разъ, какъ и въ первый, отплыли мы сюда изъ Бреста. Въ теченіе десяти лѣтъ антракта, мнѣ ни разу не приводилось тамъ быть, и такимъ-образомъ, я со всѣми раззнакомился. Явившись теперь, прежде всего принялся развѣдывать о семействѣ Нантёль и узналъ печальныя новости: старикъ умеръ, сынъ, служившій въ Африкѣ, убитъ; мать съ дочерью поселились за городомъ въ маленькомъ, дрянномъ домишкѣ. На другой день отправился я къ нимъ съ визитомъ; мнѣ отворила дверь — Лукреція. Ахъ, Леонъ, она все такъ-же хороша, какъ и была; тотъ-же блескъ въ глазахъ, та-же свѣжесть и бѣлизна въ лицѣ. Словомъ, передо мной стояла прежняя бенгальская роза. Она смутилась, да и не мудрено. Въ старину, бывало, она привыкла всегда видѣть насъ вмѣстѣ съ тобой, и теперь какъ-будто кого-то искала глазами. Послѣ первыхъ привѣтствій, она привела меня къ своей матери.

Г-жа Нантёль почти не постарѣла; только горе провело нѣсколько едва замѣтныхъ морщинъ по ея лицу; но она сохранила прежнія свои манеры и держала себя, какъ свѣтская дама у себя въ гостиной. Она очень извинялась, что я засталъ ихъ по-домашнему. Представь себѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, какъ мнѣ странно было видѣть ее — послѣ того, какъ я зналъ въ лучшія времена—въ синемъ холстинковомъ платьѣ, шерстяномъ передникѣ; руки ея были красны, вѣроятно, отъ грубыхъ работъ. Я сейчасъ представилъ себѣ, что она, щадя нѣжность Лукреціи, сама

исправляетъ всѣ работы по дому. Дочь была одѣта точно также просто: въ ситцевомъ платьѣ, коленкоровой косынкѣ; но мнѣ она въ этомъ нарядѣ казалась еще прекраснѣе.

Убранство комнатъ соотвѣтствовало одеждѣ хозяекъ. Меня особенно поразили необыкновенная чистота и порядокъ во всемъ домѣ; правда, все было очень бѣдно, но тѣмъ не менѣе дышало какимъ-то, можно сказать, изяществомъ. Домикъ состоялъ изъ двухъ комнатъ; онѣ выходили окнами въ садикъ; изъ-за бѣлыхъ, какъ снѣгъ, занавѣсокъ, цвѣтовъ и зелени, вдали виднѣлось море.

— Благодарю васъ, что хоть вы насъ вспомнили, сказала г-жа Нантёль. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, всѣ наши прежніе друзья, или разъѣхались отсюда, или забыли насъ. Мы съ Лукреціей живемъ въ совершенномъ уединеніи и такъ мало занимаемъ мѣста на этой планетѣ, что, вѣроятно, о насъ и думать позабыли.

Она стала разспрашивать меня о путешествіяхъ и услышавъ, что я былъ въ Индіи, сказала:

— А у насъ, родственникъ живетъ въ англійской Индіи, только мы, ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ, не имѣемъ о немъ никакихъ извѣстій. Живъ-ли онъ еще? Едва-ли, впрочемъ...

— Это тотъ самый капитанъ Нантёль, сказалъ Леонъ, который съ лихорадочнымъ вниманіемъ ловилъ каждое мое слово. Продолжай, мой другъ, продолжай, только ничего не пропускай.

— Не безпокойся, отвѣчалъ я.—Потомъ стала она вспоминать о разныхъ лицахъ, которыя, бывало, ѣзжали къ нимъ. О тебѣ не было сказано ни слова, только, по нѣкоторымъ намекамъ и недомолвкамъ, можно было вывести ясное заключеніе, что Лукреція не забыла тебя, да и г-жа Нантёль какъ-будто считала себя въ чемъ-то передъ тобой виноватою.

Потомъ я сталъ говорить, какъ мало радости и истиннаго счастія доставляетъ людямъ богатство...

— Да, сказала г-жа Нантёль: многіе совершенно ошибочно полагаютъ, что богатство дѣлаетъ людей счастливыми; это предразсудокъ родившихся въ изобиліи; когда-то и я такъ думалъ, но теперь, благодаря Бога, взглядъ мой перемѣнился совершенно.

Потомъ Лукреція съ спокойной улыбкой сказала:

— Такъ-называемыя превратности судьбы причиняютъ только временное горе, а пріучиться можно даже къ самой крайней бѣдности. Бѣдные люди, право, не такъ несчастны. Дай Богъ, чтобъ только хуже этого не было на свѣтѣ несчастій. Бѣдность переносить можно безъ большаго горя.

Въ первый разъ я пробылъ у нихъ не долго; но далъ себѣ слово посѣщать ихъ какъ можно чаще. Но вѣдь ты знаешь, что такое жизнь морскаго офицера? Когда онъ сбирается ѣхать — велятъ оставаться; приготовился, расположился — приказываютъ ѣхать. На другой день телеграфъ передалъ мнѣ приказаніе немедленно выступить въ море. Впрочемъ, я удосужился побывать еще разъ у г-жи Нантёль; она

была очень занята, извинялась, просила меня минутку подождать и если угодно, пройтись съ Лукреціей по саду.

Когда она ушла, Лукреція повела меня въ садикъ показывать свои анемоны и жонкили.

Полюбовавшись цвѣтами, я взялъ ее за руку и сказалъ:

— Я ѣду въ Батавію; нѣтъ-ли тамъ у васъ кого-нибудь изъ близкихъ людей?

— Не знаю, отвѣчала она, съ видимымъ смущеніемъ: я никогда не получала извѣстій отъ того, кто уѣхалъ тогда съ вами.

— Я также ничего не знаю о Леонѣ, отвѣчалъ я нерѣшительно: что-же до васъ, такъ молчаніе его очень понятно. Послѣ того, что произошло здѣсь, когда онъ уѣхалъ, онъ, по всей вѣроятности, думалъ, что вы за-мужемъ.

— За-мужемъ? сказала она съ удивленіемъ: неужели онъ думалъ, что я могла выдти за-мужъ? У меня въ то время точно былъ женихъ, но я отказала ему.

— Противъ воли вашей матушки?

— Матушки? Да она даже и не уговаривала меня; она просто сказала: «вотъ, Лукреція, тебѣ снова представляется выгодная партія. Подумай, сообрази, каково наше нынѣшнее положеніе и потомъ рѣшайся». Рѣшаться мнѣ было недолго: выборъ мой уже былъ сдѣланъ, и я отказала.

— Но вѣдь вы Леону не давали никакихъ обѣщаній?

— Никакихъ, графъ, отвѣчала она. Мы оба были свободны; я не пошла за-мужъ *такъ*, былъ всякой затаенной мысли... Я думала, что г. Сольё уѣхалъ навсегда, и вотъ, вы видите—не ошиблась. Если онъ еще тамъ, если вы его увидите, графъ, такъ скажите, что здѣсь есть дѣвушка, которая каждый день молится о его счастіи; скажите, что мы живемъ вдвоемъ съ матушкой, спокойно, почти счастливо... и что я все помню его...

Насъ перервала г-жа Нантёль, и я только успѣлъ шепнуть Лукреціи:

— Будьте покойны; останусь живъ — передамъ ваше порученіе.

Черезъ пять минутъ, я раскланялся и уѣхалъ, глубоко растроганный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Вотъ тебѣ, любезный и все. Доволенъ-ли?

— Благодарю, благодарю тебя, лучшій мой другъ, вскричалъ Леонъ, въ порывѣ величайшей радости. Теперь я уже не сомнѣваюсь въ своемъ счастіи. Поѣду во Францію... Постучусь тихонько въ дверь того домика, гдѣ ты оставилъ мою Лукрецію... Сколько будетъ радости! Нѣтъ, мнѣ не надо прежде времени думать объ этомъ; я боюсь лишиться разсудка отъ нетерпѣнія... Надѣюсь, что на этотъ разъ г-жа Нантёль отдастъ за меня Лукрецію. Боже мой! Скоро-ли наступитъ блаженный день, когда я скажу ей»: — Когда я былъ бѣденъ, вы опасались вручить мнѣ счастіе вашей дочери; вы полагали, что она со мной будетъ жить въ горѣ, трудѣ и нуждахъ и—разлучили насъ, разлучили для ея-же несчастія... потому-что и бѣдность, и нужды, и трудъ, все это она испытала оставшись съ вами... Но теперь я разбогатѣлъ

и еще разъ прошу руки Лукреціи. Сульба ваша перемѣнится и только останется у насъ грустное воспоминаніе о потерянныхъ десяти годахъ счастья.»

Въ тотъ-же день мы съ капитаномъ обѣдали у Леона. Нѣтъ, рѣшительно отказываюсь описывать вамъ, съ какой неслыханной, утонченной роскошью устроенъ былъ этотъ обѣдъ и какъ были убраны залы. Угощеніе, которое, я здѣсь имѣю честь предложить вамъ, довольно порядочно, но еслибъ вы видѣли, что происходило у *туана* Леона! Просто, Шахеразада! Всѣ приборы были изъ чистаго серебра. Столъ былъ установленъ страшнымъ множествомъ шампанскаго, венгерскаго и всѣмъ, что только существуетъ лучшаго и рѣдкаго по гастрономической части, во всѣхъ странахъ свѣта. Что тамъ были за неслыханные фрукты! Да что и разсказывать. За каждымъ изъ насъ стояло по двое слугъ, въ великолѣпныхъ восточныхъ платьяхъ. Словомъ я думалъ, что все это мнѣ грезится, или, что я лежу у себя въ постели и читаю «Тысячу и одну Ночь».

Леонъ былъ влюбленъ безъ памяти: считалъ, разсчитывалъ и наконецъ объявилъ, что черезъ полгода сыграетъ свадьбу, а черезъ годъ воротится назадъ.

Капитанъ сомнительно покачалъ головою и сказалъ:

— Все это прекрасно, *туанъ* Леонъ, только ѣхать-то вамъ теперь негодится; наступаетъ время противнаго муссона. Раньше трехъ мѣсяцевъ вамъ нельзя и думать сбираться въ дорогу.

— Это вздоръ, сказалъ Леонъ: каждый день отправляются отсюда корабли. Я не боюсь непогоды!

— Но вѣдь удастся-ли проѣхать благополучно? продолжалъ капитанъ. Эй, послушайтесь, *туанъ* Леонъ; не ѣздите; подождите попутнаго муссона!

Потомъ, обернувшись ко мнѣ, онъ значительно подмигнулъ и сказалъ:

— Уговорите его, графъ. Право, онъ не будетъ сожалѣть, если послушается меня старика.

На другое утро пошелъ я сдѣлать визитъ капитану Нантёлю. Старикъ принялъ меня съ отверстыми объятіями, усадилъ возлѣ себя подъ навѣсомъ, гдѣ онъ въ это время, покуривая, наслаждался созерцаніемъ природы и сказалъ:

— Очень радъ, что вы одни, графъ? Мнѣ многое нужно вамъ разсказать. Вы знакомы съ моей кузиной и съ ея дочкой, вы другъ Леона и я могу сообщить вамъ по секрету...

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, стараясь себѣ представить: что-бы такое могъ онъ мнѣ разсказать. Капитанъ наклонился ко мнѣ и шопотомъ сказалъ:

— *Туанъ* Леону незачѣмъ ѣздить во Францію; по моему расчету, кузина съ дочкой недѣли черезъ три будутъ здѣсь...

— Какъ! Неужели?

— Г-жа Нантёль съ Лукреціей должна быть сюда не позже, какъ черезъмѣсяцъ, повторилъ капитанъ.—Я писалъ имъ, чтобъ онѣ пріѣхали. *Туанъ* Леонъ ничего не знаетъ объ этомъ.

— И вы думаете, что онѣ рѣшатся ѣхать сюда въ такую даль, моремъ, къ вамъ... Да вѣдь онѣ васъ очень мало знаютъ?..

— Пріѣдутъ, пріѣдутъ, съ увѣренностью сказалъ капитанъ: я знаю свою кузину; она очень мужественная, рѣшительная женщина, и уважитъ просьбу стараго родственника и друга, который, не имѣя никого, желаетъ раздѣлить съ ними свое небольшое состояніе. Я долженъ вамъ сказать, что недавно въ дѣлахъ моихъ совершился благопріятный оборотъ и мнѣ очистилась очень порядочная сумма. Конечно, я не такъ богатъ, какъ *туанъ* Леонъ, однако съ насъ будетъ и того, что у меня есть. У меня тогда-же явилась мысль выписать сюда кузину, когда я узналъ о смерти ея мужа; только обстоятельства не позволяли. Теперь-же, узнавъ чувства вашего друга къ Лукреціи, я написалъ кузинѣ вскорѣ послѣ того, какъ познакомился съ Леономъ. Вотъ скоро будетъ годъ... отвѣтъ я велѣлъ привести сюда неиначе, какъ самой. Я даже впередъ заплатилъ за ихъ проѣздъ.

— Зачѣмъ-же вы скрываете все это отъ Леона?

— А затѣмъ, что человѣкъ, становясь старше — дѣлается умнѣе. Въ наши годы, графъ, люди перестаютъ слишкомъ полагаться на постоянство романическихъ чувствъ... *Туанъ* Леонъ влюбленъ въ Лукрецію; все это прекрасно; но кто поручится, что страсть его продлится до ея пріѣзда?.. Право, мнѣ самому хочется ихъ повѣнчать, только не знаю, удастся-ли. Вы говорите, что Лукреція также хороша?

— Она мнѣ показалась еще лучше прежняго.

— Вотъ и отлично! Больше будетъ радости, *туанъ* Леонъ. Сдѣлайте одолженіе, графъ, не говорите ему покуда ничего...

Я отъ всего сердца далъ капитану слово, что сохраню его тайну, даже обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы удержать Леона въ Батавіи.

Я, кажется, уже вамъ сказалъ, что капитанъ жилъ въ саду Леона, въ отдѣльномъ павильонѣ; въ немъ очень удобно можно было помѣститься и г–жѣ Нантель съ дочерью, и капитанъ приготовилъ тамъ для нихъ двѣ комнаты. Мнѣ все казалось почему-то, что онъ хлопочетъ понапрасну, и я втайнѣ улыбался, видя, какъ капитанъ каждый день ходитъ справляться, не пріѣхали-ли онѣ?

Нѣсколько недѣль спустя, я увѣрился, что одинъ изъ насъ дѣйствительно ошибался, только не капитанъ, и что на свѣтѣ совершаются иногда самыя неправдоподобныя вещи.

Разъ отправились мы съ Леономъ кататься верхомъ Капитанъ въ тотъ день пропадалъ съ самаго утра. Леонъ былъ приглашенъ вечеромъ на балъ, звалъ и меня съ собою, но мнѣ что-то нездоровилось; я остался дома, легъ подъ навѣсъ и, покуривая превосходнѣйшую сигару, принялся считать звѣзды...

Мое сладостное бездѣйствіе было нарушено приходомъ капитана. Онъ былъ взволнованъ, взялъ меня за руку, таинственно осмотрѣлся и тихо сказалъ:

— Ну что, графъ, вѣдь я говорилъ вамъ, что онѣ пріѣдутъ ... вотъ и пріѣхали.

— Какъ пріѣхали? Можетъ-ли быть?

— Въ двѣнадцать часовъ утра вышли на берегъ... Я съ утра дожидался ихъ, потому-что здѣсь получено было извѣстіе, что идетъ французскій корабль... Я узналъ ихъ въ ту-же минуту, то-есть, я узналъ мать...

— И не сказали намъ ни слова, сказалъ я почти съ досадой. — Леонъ ничего не знаетъ, и вы вѣрно ждали его отъѣзда, чтобы сказать мнѣ? Для чего-же? Кчему скрываться? Нѣтъ; вы, вѣрно, не очень заботитесь, капитанъ, о счастіи нашего друга ...

Капитанъ со слезами возвелъ глаза къ небу, какъ-будто призывая его въ свидѣтели, и тономъ комической укоризны сказалъ:

— И хорошо я сдѣлалъ, что не удержалъ его! Нѣтъ, графъ, что ни говорите, а Лукреція теперь далеко не красавица. Я въ ней не нашелъ рѣшительно ничего подобнаго тому, что вы и *туанъ* Леонъ мнѣ говорили ...

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на бѣднаго капитана, думая, не бредитъ-ли онъ.

— Подите, посмотрите сами, сказалъ онъ съ неудовольствіемъ ... Это, просто; старая дѣва. Не ожидалъ я найти такою мою бѣдную Лукрецію, которая двѣнадцать лѣтъ назадъ была такая свѣженькая, розовая дѣвочка!

— Спрашивала-ли она васъ о Леонѣ? Знаетъ-ли, что онъ такъ близко отъ нея?

— Нѣтъ, нѣтъ еще, съ живостью сказалъ капитанъ: по счастію она меня объ этомъ еще не спрашивала. Ну, а вы, графъ, что вы скажете *туану* Леону?

— Не знаю; надобно подумать, сообразить ...

Капитанъ между-тѣмъ провелъ меня къ павильону и пошелъ сказать дамамъ о моемъ приходѣ. Черезъ минуту я представился имъ.

Совѣтую вамъ, mes dames остерегаться терпѣливаго и неумолимаго врага, который называется — *время*. Онъ наноситъ красотѣ вашей жесточайшіе удары. Обыкновенно, онъ совершаетъ актъ разрушенія тихо, медленно, такъ-что жертва и не замѣчаетъ его дѣйствія; иногда-же онъ почти мгновенно избороздитъ острыми когтями прекрасное чело и знойнымъ, палящимъ дуновеніемъ развѣетъ всю вашу прелесть и красоту. Послѣднее совершилось надъ героиней нашей, Лукреціей. Боже мой, какъ она страшно перемѣнилась! Куда дѣвались прежній румянецъ и нѣжная прозрачность кожи, свѣжесть, которою я когда-то такъ любовался, и бѣлизна? Увы! вмѣсто всего этого, явилась зловѣщая матовая блѣдность; на вискахъ и на лбу появились легкія морщинки. Прости юность, прости красота! Бенгальская роза увяла совершенно!

Прискорбнѣе всего было то, что Лукреція какъ нельзя лучше понимала, что она уже отцвѣла; она тихо и робко подошла ко мнѣ,

какъ-бы стыдясь моего взгляда. Признаюсь, еслибъ капитанъ не предупредилъ, такъ мнѣ трудно было-бы скрыть свое удивленіе ...

— Какъ, я думаю, вы изумились, графъ, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, сказала она, протянувъ мнѣ руку. Думали-ль вы, когда пріѣзжали прощаться съ нами въ Брестѣ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, что мы почти въ одно и то-же время пріѣдемъ въ Батавію?

— Дѣйствительно, ни какъ не ожидалъ, отвѣчалъ я. Я только сейчасъ узналъ отъ капитана о вашемъ пріѣздѣ, и вотъ явился засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

Я раскланялся съ г-жею Нантель; она была все также полна, свѣжа и цвѣла здоровьемъ. Право, она даже показалась мнѣ моложе своей дочери.

Онѣ разсказывали мнѣ о своемъ путешествіи, которое совершилось благополучнѣйшимъ образомъ, безо всякихъ приключеній. Изъ Бреста онѣ выѣхали черезъ полтора мѣсяца послѣ меня, и такъ-какъ я еще заходилъ на островъ Бурбонъ, то и неудивительно, что мы прибыли въ Батавію почти въ одно и то-же время. Я постарался оставить ихъ какъ можно скорѣе, чтобы дать имъ время отдохнуть съ дороги. Капитанъ вышелъ вмѣстѣ со мной.

— Нечего и думать, сказалъ онъ: *туанъ* Леонъ въ ту-же минуту разочаруется, какъ только увидитъ Лукрецію. О свадьбѣ также нужно отложить попеченія. Впрочемъ, тутъ еще нѣтъ большаго несчастія; потеря красоты Лукреціи не уменьшитъ моей любви къ ней и къ ея матери ... А вѣдь право, Нантель еще очень красивая женщина, графъ?

— Что вы, капитанъ, сказалъ я, ударивъ его по плечу: ужъ не думаете-ли жениться?

— Хе, хе, хе! Сказать правду, въ старину я былъ въ нее очень влюбленъ, но жениться ... Нѣтъ, графъ: я слишкомъ старъ и безобразенъ, чтобы думать о женитьбѣ?

Леонъ воротился домой поздно ночью, и я увидѣлся съ нимъ только на другое утро, за завтракомъ.

— На балу было много хорошенькихъ женщинъ, сказалъ онъ. — Эти голландочки, пересаженныя сюда изъ своего сыраго и влажнаго отечества, цвѣтутъ на славу; кожица у нихъ такая прозрачная, румянецъ такой здоровый; впрочемъ, въ свѣжести и блескѣ онѣ далеко уступаютъ моей *бенгальской розѣ*. Ахъ, другъ мой, не правда-ли, что Лукреція въ тысячу разъ лучше всѣхъ здѣшнихъ женщинъ, взятыхъ вмѣстѣ?

Я отрицательно покачалъ головой, но по счастію, Леонъ этого не замѣтилъ и, перемѣнивъ разговоръ объявилъ, что важное, нетерпящее отлагательства дѣло заставляетъ его въ тотъ-же вечеръ отправиться на свою плантацію, миль за пятнадцать отъ Батавіи.

— Я разсчитывалъ, что ты поѣдешь со мною, продолжалъ онъ. Мы занялись-бы охотой, стали-бы ловить рыбу, и еслибъ ты не соскучился, такъ мы прожили бы тамъ подолѣе.

— Очень радъ, очень радъ, отвѣчалъ я. — Только нынче вечеромъ ѣхать мнѣ нельзя; я пріѣду послѣ.

— И прекрасно! Привози-же съ собой и капитана; станемъ пировать и охотиться на-славу ... Ты не повѣришь, какъ теперь для меня медленно тянется время, какъ мнѣ хочется, чтобы поскорѣй подулъ попутный муссонъ!.. Ты сомнѣваешься? Ну вотъ и видно, что ты не влюбленъ до безумія въ женщину, за которой нужно ѣхать во Францію!

III.

Леонъ вышелъ изъ дому, какъ только миновалъ сильный жаръ; ему вздумалось прогуляться по верхнему городу пѣшкомъ, и онъ приказалъ кучеру дожидаться съ каретой на берегу канала. Часъ спустя послѣ его ухода, отправился я въ таинственный павильонъ, съ визитомъ къ дамамъ. Проходя по саду, я между деревьями увидѣлъ вдали женщину въ бѣломъ платьѣ; она шла вдоль самой отдаленной аллеи, закрывъ лицо руками: то была Лукреція; я узналъ ее и пошелъ навстрѣчу. По-видимому, она только-что воротилась съ прогулки; когда я подошелъ къ ней ближе, она уже сидѣла на скамьѣ; соломенная шляпка лежала возлѣ; бѣдная дѣвушка заливалась слезами. Увидѣвъ меня, она вскрикнула, но уйти не спѣшила и сдѣлала знакъ, чтобъ я сѣлъ рядомъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, она сказала:

— Ахъ, еслибъ вы знали, графъ, что сейчасъ со мною было!

— Что такое? Гдѣ вы были? спросилъ я съ участіемъ.

Она видимо старалась оправиться и подавить свои страданія.

— Нынче утромъ, сказала она: пришла къ намъ одна дама, которая пріѣхала вмѣстѣ съ нами, и пригласила отправиться съ ней гулять. Мы долго ходили по городу и уже возвращались домой, какъ вдругъ, при поворотѣ въ улицу, я встрѣтилась лицомъ къ лицу съ г. Солье ... Онъ взглянулъ на меня, но не останавливаясь, прошелъ далѣе, и скоро пропалъ изъ виду ... Онъ не узналъ меня, графъ! прибавила она печально.

— Помилуйте! Да это ровно ничего не значитъ; онъ, просто, былъ занятъ. Мнѣ самому часто случается смотрѣть во всѣ глаза и не видѣть ничего, когда мысли мои далеко, сказалъ я, стараясь успокоить бѣдную дѣвушку.

Лукреція поникла головою и со слезами отвѣчала:

— Но онъ видѣлъ меня; я въ этомъ увѣрена, только совсѣмъ не узналъ. Нѣтъ; я уже не та Лукреція, которую онъ когда-то любилъ ... Теперь я подурнѣла ... Ахъ, пусть онъ хоть мысленно представляетъ себѣ меня такою, какъ я была прежде; сама я уже не покажусь ему больше. Ни за что на свѣтѣ не желала-бы я теперь встрѣтиться съ

нимъ еще разъ! Ахъ, графъ, не говорите ему обо мнѣ; ради Бога, не говорите! Пусть онъ не знаетъ, что я здѣсь. Я не буду выходить, просижу дома до самой минуты отъѣзда изъ Батавіи.

— Успокойтесь и выслушайте меня. Леонъ не знаетъ еще, что вы здѣсь; нынче вечеромъ онъ уѣдетъ отсюда за пятнадцать миль и воротится не раньше, какъ черезъ нѣсколько недѣль ...

— Когда меня уже здѣсь не будетъ, грустно сказала Лукреція. — Неожиданная встрѣча съ г. Солье, продолжала она, нѣсколько спокойнѣе: чрезвычайно поразила меня. Я поблѣднѣла, задрожала и, еслибъ спутница моя меня не поддержала, то я готова была упасть на землю... Я сказала ей, что это отъ жара, отъ усталости, и она уговорила меня воротиться домой и проводила до дверей. По счастію, матушка не замѣтила моего разстройства и я тотчасъ-же ушла сюда, въ садъ, чтобы на свободѣ поплакать и облегчить свое горе слезами. Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ матушка объ этомъ знала ... Она, сколько я могла замѣтить, забыла, что г. Солье уѣхалъ въ Батавію; она не знаетъ, что я рѣшилась отправиться сюда только въ надеждѣ встрѣтить его. Ахъ, графъ, хорошо я сдѣлала, что не говорила ей объ этотъ ... Бѣдная матушка! Я избавила ее отъ новаго горя; еслибъ она знала, что вмѣстѣ съ красотой я утратила счастіе остальной своей жизни!

Покуда она говорила, въ кустахъ послышался шорохъ. Лукреція мгновенно перемѣнилась въ лицѣ и съ испугомъ прошептала:

— Мы здѣсь не одни!

— Не безпокойтесь, сказалъ я: это старуха Чандра; за нее ручаюсь я, только не нужно показывать, что мы ея остерегаемся.

Движеніемъ руки я подозвалъ къ себѣ Чандру. Эта старуха чрезвычайно походила на колдунью, чтобы не сказать на вѣдьму. Она было худая, смуглая, зубы ея были черны какъ уголь отъ безпрестаннаго жеванья беттеля, волосы висѣли по спинѣ и по плечамъ; въ ушахъ болтались какія-то фантастическіе серьги, въ видѣ роговъ, и вся эта фигура была завернута въ длинный, широкій плащъ, оливковаго цвѣта. Въ-самомъ-дѣлѣ она очень какъ некрасива; въ ней было даже что-то зловѣщее. При всемъ своемъ безобразіи, эта Чандра была предобрѣйшее существо, съ самой нѣжной и чувствительной душой, какую я только когда-либо встрѣчалъ.

Увидѣвъ Лукрецію, разстроенную, въ слезахъ, Чандра съ участіемъ подошла къ ней и спросила меня по-малайски:

— Могу-ли я ей быть полезна?

— И очень, отвѣчалъ я: затѣмъ-то я тебя и позвалъ. Теперь она хочетъ остаться одна. Не отлучайся отъ нея и смотри, чтобы ни кто не подходилъ сюда, покуда она будетъ здѣсь. Я скоро ворочусь, Понимаешь?

Я вошелъ въ павильонъ; г-жа Нантель играла съ капитаномъ въ шашки, и увидѣвъ меня сказала:

— Лукреція пошла въ садъ; она ходила давича гулять въ городъ и очень устала ...

— Съ нынѣшняго дня мы никуда не пустимъ ее пѣшкомъ, прибавилъ капитанъ.

Леонъ уѣхалъ въ тотъ-же вечеръ, и признаюсь, я этому очень радовался: только его отъѣздъ могъ нѣсколько успокоить Лукрецію. Капитанъ радовался не меньше моего Онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы занять и развлечь своихъ дамъ; каждый день возилъ ихъ кататься по городу, или по окрестностямъ. Лукреція по-видимому успокоилась, но въ-самомъ-дѣлѣ она только и думала о томъ, какъ-бы поскорѣе оставить Батавію. Она очень боялась еще разъ встрѣтиться съ Леономъ. Я могъ говорить съ нею только украдкой. Впрочемъ, разъ вечеромъ, когда мы всѣ вышли гулять въ садъ и капитанъ ушелъ съ г-жей Нантёль довольно далеко, я успѣлъ сказать ей:

— Неужели вы до-сихъ-поръ еще не успокоились?

— Вы сами знаете, графъ, могу-ли я быть покойна. Я видѣла очень ясно, какое произвела на него впечатлѣніе — и теперь мнѣ остается только уѣхать отсюда, какъ можно скорѣе!..

— Что ты говоришь, Лукреція? спросила подошедшая въ это время г-жа Нантёль.

— Я говорю съ графомъ о томъ, какъ пріятно путешествовать, и что я готова хоть опять пуститься въ дорогу, отвѣчала она и пошла навстрѣчу Чандрѣ, стоявшей въ концѣ кокосовой аллеи, которая примыкала къ павильону.

Чандра, какъ большая часть батавскихъ слугъ, знала немного по-французски и Лукреція во время прогулокъ своихъ по саду часто разговаривала съ ней. Старая яванка была любопытна и проницательна; изъ моихъ разговоровъ съ Леономъ и съ капитаномъ, частію-же посредствомъ собственныхъ наблюденій, она разгадала нашу тайну. Разъ вечеромъ, я расположился отдохнуть подъ навѣсомъ; Чандра пришла съ опахаломъ отгонять отъ меня мускатовъ.

— *Туанъ* Леонъ, какъ ракъ, пятится назадъ; хочетъ ѣхать на родину, чтобы жениться на своей любезной... А она здѣсь, и *туанъ* Леонъ въ тотъ день, какъ она пріѣхала, отправился отсюда, не видавшись съ ней.

— Не правда; онъ видѣлъ ее.

— А! произнесла Чандра, и подумавъ немного продолжала: осень приближается; розовый цвѣтокъ нелумбо уже завялъ...

— И тотъ, кто видѣлъ его свѣжимъ и блестящимъ, не узнаетъ его теперь ... прервалъ я со вздохомъ: да, Чандра, правда, правда!..

— Только-то? пробормотала она, сдѣлавъ какую-то гримасу, на подобіе улыбки, и замахавъ опахаломъ. — Это не большая бѣда.

Я пожалъ плечами и съ досадой повернулся къ ней спиною. Вечерняя прохлада навѣяла на меня дремоту и я скоро заснулъ.

Во весь слѣдующій день я не видалъ Чандры; люди сказали мнѣ, что она вышла куда-то на разсвѣтѣ и съ-тѣхъ-поръ еще не бывала. Она явилась ко мнѣ вечеромъ, когда я, по своему обычаю, считалъ звѣзды, лежа подъ навѣсомъ.

— *Табе туанъ*, сказала она, ставъ на одно колѣно: *табе туанъ*, я пришла показать вамъ вещь, которая дороже золота и бриллiянтовъ.

— Не талисманъ-ли какой? спросилъ я съ улыбкой.

Чандра замотала головой.

— Да встаньте-же, *туанъ*, если хотите видѣть.

Я закурилъ сигару и сѣлъ въ бамбуковое кресло, которое она ко мнѣ придвинула.

Старая яванка подняла кверху сжатый кулакъ и таинственно спросила:

— Вы не догадываетесь, *туанъ*, что у меня тутъ, въ рукѣ?

— Нѣтъ, не догадываюсь. Ну, покажи-же!

Она раскрыла свои желтые, украшенные перстнями пальцы и я увидѣлъ стеклянную баночку, наполненную, какъ мнѣ показалось розовыми и бѣлыми лепешечками.

— Конфеты! сказалъ я: вотъ большая рѣдкость!

Она сжала кулакъ и важно сказала:

— Не конфеты, а ... порошокъ, который хоть съ виду и не красивъ, а дороже всѣхъ сокровищъ ... онъ возвращаетъ красоту, молодость.

Я пожалъ плечами.

— Не вѣрите, *туанъ*? Ну, такъ увидите сами.

— Очень-бы радъ. Отъ тебя зависитъ доказать: попробуй на самой себѣ.

— Мнѣ нельзя, отвѣчала она, не смутившись: мои годы прошли. Послушайте, *туанъ:* когда вы сорвете цвѣтокъ нелумбо, въ то время какъ онъ только начинаетъ вянуть и опустите его въ воду, то онъ еще воскреснетъ; но если онъ уже высохъ, такъ ужъ ни чѣмъ не возвратите прежней свѣжести.

— Ну что-жъ! Попробуй на комъ-нибудь другомъ.

— Я это и сдѣлаю, и если хотите, *туанъ*, то завтра утромъ, можете видѣть своими глазами дѣйствіе этого порошка, торжественно сказала Чандра.

На утро я и забылъ обо всемъ этомъ и съ самыми спокойными чувствами отправился въ павильонъ. Дамы сидѣли на галлереѣ. При первомъ взглядѣ на Лукрецію, я остолбенѣлъ отъ изумленія; мнѣ сейчасъ пришелъ на память волшебный порошокъ; я искалъ глазами старую Чандру; она стояла у дверей и наслаждалась моимъ удивленіемъ. Надобно признаться, что ея порошокъ дѣйствительно произвелъ чудо. Лукреція стояла передо мной въ полномъ блескѣ свѣжести и красоты, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ Брестѣ; кожица ея по-прежнему сдѣлалась нѣжна и прозрачна, такъ-что почти можно было видѣть обращеніе крови, и щеки, при малѣйшемъ волненіи, покрывались легкимъ румянцемъ. Глаза исполнились прежняго блеска и — о чудо изъ чудесъ! — морщинокъ не оставалось и слѣда! Сознаніе чудеснаго превращенія отражалось во взорахъ Лукреціи; каждая черта ея лица дышала невыразимымъ блаженствомъ и глаза безпрестанно обращалась къ зеркалу, висѣвшему надъ столомъ. Капитанъ безпрестанно подмигивалъ мнѣ, потиралъ руками, и улыбался. Г-жа Нантёль не обратила

особеннаго вниманія на превращеніе Лукреціи, которая въ ея глазахъ и не переставала быть красавицей.

Впрочемъ, когда я ей поклонился, она сказала:

— Не правда-ли, графъ, что батавскій воздухъ, отлично дѣйствуетъ на Лукрецію? Посмотрите, какъ она здѣсь поправилась. А еще говорятъ, что островъ Ява самое нездоровое мѣсто въ цѣломъ свѣтѣ!

Достойный капитанъ рѣшительно не могъ справиться съ своими ощущеніями и, значительно подмигнувъ мнѣ, сказалъ:

— Ахъ, графъ, я не помню себя отъ восхищенія!

Я и самъ былъ радъ не меньше его.

Чандра по-прежнему стояла у дверей и я, сдѣлавъ знакъ, чтобъ она шла въ садъ, отправился вслѣдъ за нею.

— Послушай, старая, сказалъ я отведя ее подальше: ты вѣрно нашла источникъ живой воды?

— Не знаю, отвѣчала она: у насъ на всемъ островѣ не слыхать о такомъ источникѣ.

— Но вѣдь знаешь, откуда взяла этотъ порошокъ, который творитъ такія чудеса? Теперь я вѣрю тому, что̀ ты мнѣ вчера говорила; вѣрю отъ всей души, и съ-этихъ-поръ обѣщаю вѣрить всему, что̀ ни скажешь; только ты растолкуй мнѣ, что̀ это за порошокъ?..

— Извольте, *туанъ;* скажу, но только не сегодня.

— А когда-же?

— Наканунѣ вашего отъѣзда. Раньше не могу.

Я зналъ, что упрашивать ее значило-бы напрасно терять слова.

— Такъ скажи, по-крайней-мѣрѣ, ка́къ онъ употребляется?

— Это можно и теперь: нужно развести порошокъ въ водѣ и натерѣть лобъ и щеки.

— И только?

— Только. Если повторять это черезъ два, три дня, такъ молодость сохранится очень, очень долго.

— Да это неслыханное чудо! Да здравствуетъ колдунья, которая выдумала это чудесное притиранье!

— Наканунѣ вашего отъѣзда, я скажу вамъ ея имя, важно сказала Чандра.

Все, что говорила мнѣ эта старуха, исполнилось отъ слова до слова; Лукреція становилась все лучше и лучше. Увѣрившись, что красота ея утвердилась на прочныхъ основаніяхъ, я рѣшился написать къ Леону. Впрочемъ, надобно признаться, что эта мысль принадлежала не мнѣ, а капитану. Чужаго я присвоивать себѣ не намѣренъ и разсказываю такъ, какъ дѣло было. Но прежде нежели написать, я счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ Лукреціей. Къ великой радости моей, она была отъ этого совсѣмъ не прочь и застѣнчиво сказала: «разумѣется!», покраснѣвъ при этомъ до ушей.

— Да, графъ; мнѣ кажется, теперь у меня достанетъ смѣлости показаться г-ну Солье. А между-тѣмъ, мнѣ все-таки не хотѣлось-бы, чтобъ онъ зналъ, что я здѣсь. Напишите ему глухо, что вамъ нужно видѣться съ нимъ.

Въ тотъ-же день я написалъ Леону, что, по дѣламъ службы, не могу явиться къ нему и просилъ, какъ можно скорѣе пріѣхать въ Батавію.

Онъ пріѣхалъ дня черезъ два и тутъ произошла претрогательная сцена.

Я свято хранилъ тайну Лукреціи и Леонъ не зналъ рѣшительно ничего. Послѣ обѣда, я взялъ его подъ руку и повелъ къ кокосовой аллеѣ, проходившей по серединѣ сада. Солнце приближалось къ западу и косвенные лучи его обливали багровымъ свѣтомъ всю аллею. Жаръ замѣтно ослабѣвалъ; въ саду все было тихо и безмолвно; только вѣтерокъ шелестилъ широкими листьями кокосовъ.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ Леонъ, жадно впивая въ себя свѣжій благовонный воздухъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, что остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ впередъ.

— Что̀ это за дама сидитъ тамъ, на концѣ аллеи? спросилъ онъ, съ недоумѣніемъ посматривая на меня.

Я не отвѣчалъ ни слова, но сердце мое такъ сильно билось въ груди, какъ-будто готово было выпрыгнуть.

Онъ продолжалъ идти.

— Неужели ты не видишь? спросилъ Леонъ.— Она въ бѣломъ платьѣ, только лица не могу разглядѣть... Какая талія! Какіе превосходные волосы! говорилъ онъ и подвигался ближе, да ближе.

— Подойдемъ, можетъ быть, и узнаемъ, сказалъ я, таща его впередъ.

Вдругъ онъ остановился, страшно поблѣднѣлъ, губы его задрожали и колѣни стали подгибаться...

— Что̀ это, какъ-будто Лукреція? сказалъ онъ, продолжая всматриваться и вдругъ какъ безумный бросился къ ней съ крикомъ:

— Она! она!

Дальше ужъ я не помню, что̀ происходило; знаю только, что я долго послѣ того не отнималъ платка отъ глазъ. Да, я плакалъ, плакалъ отъ умиленія, какъ школьникъ какой-нибудь ... Право, въ жизни наперсника немного бываетъ такихъ минутъ!.. Когда я немножко оправился, смотрю — Леонъ сидитъ съ Лукреціей на скамьѣ и страстно цѣлуетъ ея руки.

Ну, подумалъ я, теперь мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Пусть ихъ наговорятся, бѣдняжки. И затѣмъ я пошелъ на встрѣчу капитану, котораго завидѣлъ въ концѣ аллеи.

Черезъ четверть часа, къ намъ подошелъ Леонъ, держа подъ руку Лукрецію. Ахъ, какъ она была хороша въ эту минуту! Право, тутъ въ первый разъ я позавидовалъ Леону. Она взяла меня за руку и съ выраженіемъ величайшаго счастія сказала:

— А вѣдь онъ узналъ меня, графъ!

Нужно-ли вамъ разсказывать, что̀ было потомъ? Вѣроятно, вы и сами догадываетесь? А еслибъ начать описывать, какъ они сыграли свадьбу и прочее, такъ я–бы до-завтра не кончилъ. Ужъ я теперь и

не помню, сколько именно времени продолжались у нихъ праздненства. Но мы оставимъ супруговъ наслаждаться блаженствомъ медоваго мѣсяца и возвратимся къ Чандрѣ, которая, какъ вы, я думаю, помните, обѣщала открыть мнѣ наканунѣ отъѣзда составъ своего чудеснаго притиранья.

Едва только отпраздновали свадьбу, какъ я получилъ предписаніе отправиться въ Китай. Разъ утромъ, встрѣтивъ въ саду Чандру и подавъ ей полновѣсный кошелекъ, я сказалъ:

— Ну, что, милая; завтра мы выступаемъ въ море ... Помнишь-ли ты свое обѣщаніе?

— Какъ-же, *туанъ*, отвѣчала она: и нынче вечеромъ разскажу все.

Потомъ, внимательно осмотрѣвшись кругомъ, шопотомъ сказала:

— Послѣ заката, я буду тамъ, на берегу рѣки, гдѣ два кокосовыя дерева.

— Приду, отвѣчалъ: я приду непремѣнно.

Солнце уже садилось, когда я вышелъ изъ города. Черезъ минуту оно вдругъ исчезло и наступила совершенная темнота. Тамъ, подъ тропиками, люди и понятія не имѣютъ о томъ, что такое сумерки, и день смѣняется ночью мгновенно.

Я оставилъ коляску на дорогѣ, пошелъ къ назначенному мѣсту черезъ поля, чуть не сбился съ дороги, но, по счастію, Чандра явилась раньше и, завидѣвъ меня издали, пошла ко мнѣ на встрѣчу. Подойдя, она взяла меня за руку и провела нѣсколько сотъ шаговъ, къ двумъ кокосамъ, подъ которыми лежалъ огромный, безобразный обломокъ камня. Мы были совершенно одни. Вдали, со стороны города, раздавался стукъ экипажей и по временамъ долетали звуки музыки. Надобно сказать, что тамъ каждый вечеръ публичныя танцовщицы даютъ на открытомъ воздухѣ безденежныя представленія для бѣдныхъ.

Старуха Чандра прервала, наконецъ, свое молчаніе и торжественно сказала:

— Я сдержу свое обѣщаніе, *туанъ:* слушайте-же внимательно, что я вамъ буду разсказывать; вы узнаете, какимъ неслыханнымъ чудомъ явонскія женщины получили драгоцѣнное вещество, которое производитъ такія изумительныя превращенія ...

Заключивъ изъ этого вступленія, что повѣствованіе будетъ очень длинно, я терпѣливо закурилъ сигару, усѣлся на камнѣ и сказалъ:

— Говори, милая; я готовъ тебя слушать хоть до завтра.

Старуха сѣла предо мной, скрестивъ ноги и, завернувшись въ свой плащъ, начала:

— Вы знаете нашу страну, *туанъ*, и всѣ ея обычаи. Вы знаете, что за существа наши плясуньи, эти смуглыя, черноокія дѣвы съ длинными, какъ змѣи, волосами и румяными губками, всегда полуоткрытыми, какъ созрѣвшій плодъ граната. Всѣмъ онѣ красавицы — стройны и гибки, какъ тростникъ, и глаза у нихъ блестятъ, какъ звѣзды ... Одного только не дала имъ мать-природа, того, что вы европейцы называете свѣжестью, да блескомъ. Кожа ихъ, какъ матовое

золото, а глаза обведены темными кругами, такъ-что онѣ походятъ на чудесныя желтыя розы съ черными листьями.

Нѣкогда — это было давно — между всѣми батавскими плясуньями, какъ свѣтлая звѣзда сіяла одна — красавица Рамаяна. Вотъ ужъ, подлинно, настоящая была красавица! А какъ плясала-то!.. Здѣсь безъ нея не обходилось ни одного праздника. Бывало, явонскія князья то-и-дѣло спорятъ за нее съ голландцами .. И домой она иначе не возвращалась, какъ съ огромной ношей піастровъ и разныхъ драгоцѣнностей.

Долго, долго сводила она съ ума здѣшнюю молодежь; пѣла, плясала да веселилась. Только вдругъ, неизвѣстно почему, стала она призадумываться. Надоѣла, должно быть, вѣчно–веселая жизнь. Перестала Рамаяна показываться на праздникахъ, на піастры и смотрѣть не хочетъ, а плясать даже передъ князьями нельзя было ее уговорить. По цѣлымъ днямъ просиживала запершись дома; на улицу и не взглянетъ. Только по вечерамъ выходила она погулять по берегу канала, противъ голландскихъ домовъ, часто ночи тамъ проводила и домой возвращалась только по утру. Всѣ дивились на Рамаяну, ума не могли приложить, что̀ такое съ нею сдѣлалось. Многіе думали, что она помѣшалась, но прежнія подруги ея догадывались, что Рамаяна влюблена — но въ кого? никто этого не зналъ.

Разъ утромъ, моряки, спавшіе на берегу этого канала, очень удивились, когда, проснувшись, замѣтили на порогѣ одного изъ домиковъ разбросанные цвѣты и разныя драгоцѣнныя запястья и ожерелья. Они тотчасъ-же узнали эти украшенія, ибо видѣли ихъ на Рамаянѣ. Принялись искать и звать Рамаяну.

На шумъ ихъ отворилось окно голландскаго домика и высулась старуха въ полотняномъ чепцѣ.

— Что такое? спросила она: кого вы ищете? Не ту-ли дѣвушку въ красномъ плащѣ, которая часто тутъ гуляетъ?

— Ее, отвѣчали они.

— Да она нынче ночью опять приходила. Я еще не ложилась и слышала, какъ она плакала и вздыхала. Подойдя къ окну, я видѣла, какъ она бросилась на землю, раскидавъ вокругъ себя цвѣты и запястья. Потомъ она встала и пустилась бѣжать вдоль канала. Я думаю, она утопилась.

Народъ снова принялся искать Рамаяну; лазили и въ воду — нѣтъ, какъ нѣтъ. Тутъ всѣ рѣшили, что пропасть Рамаяна не могла, а вѣрнѣе всего, ее съѣли акулы. Но акулы ея не съѣли, да она и не думала топиться. Покуда искали ее подъ водою, Рамаяна сѣла въ батавскую лодку и отправилась въ пагоду могущественной Лара-Джонъ-Граны ...

— А что̀ это за Лара-Джонъ-Грана? спросилъ я Чандру.

— Богиня, которой, нѣкогда, поклонялся народъ на здѣшнемъ островѣ, отвѣчала она. Гдѣ ступитъ она, такъ земля подъ ней дрожитъ и стонетъ; она опоясана змѣемъ, сама съ восемью руками и на головѣ у нея золотая пирамида ...

— Да, по твоему описанію, это совершенное чудовище!.. Но продолжай, продолжай!..

— Лара-Джонъ-Грана великая богиня, съ одушевленіемъ сказала Чандра. Я также, *туанъ*, была въ ея пагодѣ. Она далеко отсюда, на морскомъ берегу, и много дней надобно къ ней ѣхать. Теперь эта пагода вполовину ужъ разрушилась, а все-таки, она такъ огромна, что издали кажется горой съ окошками и дверями. Крыльцо заросло высокою травой и въ ней гнѣздятся змѣи; на стѣнахъ растутъ деревья и кустарникъ, но входъ еще уцѣлѣлъ и понынѣ его охраняютъ два каменные великана.

Красавица Рамаяна одна одинешенька явилась въ это завѣтное мѣсто; она принесла въ даръ Лара-Джонъ-Гранѣ цвѣтовъ нелумбо и свои запястья изъ литаго золота. При солнечномъ закатѣ, она поднялась по двадцати каменнымъ ступенямъ въ пагоду, и съ трепетомъ вступила въ обширную залу, гдѣ среди мрака и безмолвія одиноко возвышается изваяніе Лара-Джонъ-Граны.

— Ты видѣла этотъ кумиръ, Чандра?

— Видѣла, *туанъ:* Лара-Джонъ-Грана представлена стоящею на спинѣ вола, съ поднятой головой, и простертыми въ воздухѣ восемью руками. Рамаяна, простершись у ногъ богини, предложила ей свои жертвы. Лара-Джонъ-Грана, благосклонно наклонивъ къ ней каменную голову, сказала кроткимъ голосомъ:

— Принимаю дары твои, дѣва; ты принадлежишь къ тому племени, которое я всегда особенно любила, и шестая рука моя постоянно простерта надъ тобой. Причина скорби твоей мнѣ извѣстна: ты любишь, прекрасная дѣва, любишь юношу, прибывшаго къ вамъ изъ далекой страны, которая называется Голландіей; но жестокій юноша не любитъ тебя, хоть ты и прекрасна. Онъ не любитъ тебя, потому-что чело твое, цвѣтомъ, какъ амбра, и ланиты твои болѣзненно-блѣдны. Но ты получишь отъ меня Рамаяна, даръ, который, дастъ тебѣ красоту, и эта красота помрачитъ всѣхъ голландскихъ женъ и дѣвъ, которыхъ Корнелій Фанъ-Клусъ, предпочитаетъ вашимъ яванскимъ дѣвамъ и женамъ.

При этихъ словахъ она протянула Рамаянѣ шестую руку и подала сосудъ съ порошкомъ, который теперь извѣстенъ у насъ подъ именемъ *рамаянина притиранья*. Дѣйствіе его вы, *туанъ*, видѣли сами. Вскорѣ послѣ того Рамаяна воротилась въ Батавію, съ лицомъ нѣжнымъ и розовымъ какъ цвѣтокъ нелумбо; Корнелій Фанъ-Клусъ влюбился въ нее, какъ сумашедшій; но подивитесь дѣвичьему капризу: она и глядѣть на него не захотѣла. Жила она, говорятъ, очень долго; всегда была одинаково хороша, и до самой смерти пѣла и плясала на праздникахъ вельможъ и богачей. Домъ ея стоялъ на самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь сидимъ; кокосы посадила она своими руками и камень этотъ до-сихъ-поръ называется въ народѣ *камнемъ плясуньи*... Исторія эта теперь уже мало кому извѣстна; мы хранимъ ее въ тайнѣ и разсказываемъ только тѣмъ, кого особенно полюбимъ. Такъ вотъ, *туанъ*, откуда происходитъ это чудесное притиранье. Я обѣщала разсказать вамъ его начало, и сдержала слово.

— Какъ! закричалъ я въ бѣшенствѣ: и все тутъ?.. Такъ ты затѣмъ затащила меня сюда, чтобы сказки разсказывать? Да я ничего этого и знать не хочу!.. Ну, полно-же, полно, милая Чандра, сказалъ я, понизивъ голосъ на два тона, и ласкаясь къ ней... Будь умницей; оставь свою восмирукую богиню, и разскажи мнѣ просто, изъ чего состоитъ это притиранье?

— Не знаю, *туанъ*, отвѣчала она съ невозмутимымъ хладнокровіеме: да и никто изъ нашихъ женщинъ этого не знаетъ.

— Что за дичь! Да не сама-же твоя Лара–Джонъ–Грана дѣлаетъ его, и не съ неба–же оно падаетъ!

— Когда кому–нибудь изъ женщинъ понадобится это вещество, такъ она получаетъ его не иначе какъ изъ рукъ Лара–Джонъ–Граны.

— Долго-ли тебѣ меня морочить, старая колдунья? сказалъ я взбѣшенный тѣмъ, что она заставила меня по пустому потерять время и выслушать глупую сказку; но одумавшись, я сообразилъ, что бранью и угрозами ничего не сдѣлаешь и опять перемѣнилъ тонъ:

— Отдай мнѣ, Чандра, по-крайней-мѣрѣ, хоть то, что у тебя осталось въ баночкѣ...

Она достала изъ–за пояса баночку и подала мнѣ, сказавъ:

— Возмите, *туанъ*.

На утро мы отплыли изъ Батавіи; я везъ съ собой, какъ величайшую драгоцѣнность, нѣсколько щепотокъ волшебнаго порошка... Потомъ я не разъ сожалѣлъ, что не нагрузилъ имъ цѣлаго корабля...

— Ну, а баночка, графъ: гдѣ-же эта баночка? почти въ одинъ голосъ спросили дамы: у васъ есть еще этотъ порошокъ?

При этомъ вопросѣ, графъ стыдливо опустилъ глаза и старался уклониться отъ отвѣта.

— Что-же, дядюшка, нетерпѣливо спросила племянница: гдѣ-же у васъ эта баночка? Куда вы дѣвали порошокъ?

— Издержалъ на собственную персону, нѣсколько лѣтъ назадъ, когда ухаживалъ за...

При этомъ признаніи раздался взрывъ общаго, единодушнаго хохота, а хорошенькая племянница графа сказала:

— Ну, дядюшка, не знала я этого за вами. Но, скажите, получали-ли вы съ-тѣхъ-поръ извѣстіе о *туанѣ* Леонѣ и *бенгальской розѣ?*

— Какъ-же, милая; они живутъ очень счастливо; у нихъ множество дѣтокъ.

— А что подѣлываетъ пріятель вашъ, капитанъ?

— Представь себѣ: подружился съ Чандрой, и та его такъ отдѣлала, что онъ сталъ молодцомъ во всѣхъ статьяхъ...

Скоро послѣ моего возвращенія въ Европу, получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ приглашалъ меня къ себѣ на свадьбу, извѣщая, что женится на г–жѣ Нантель...

Племянница графа усѣлась у него въ ногахъ и съ обворожительной наивностью сказала:

— Нѣтъ, какъ хотите, дядюшка, а вамъ непремѣнно нужно еще разъ

съѣздить въ Батавію, и во что-бы ни стало, взять отъ старой Чандры рецептъ этого притиранья.

— Непремѣнно, непремѣнно поѣду, моя милая, сказалъ графъ, смѣясь и ухвативъ ее концами пальцевъ за розовую щечку. — Даю тебѣ слово, что какъ только твое личико начнетъ покрываться морщинами, и кожица утратитъ свою свѣжесть и прозрачность, я тотчасъ-же отправлюсь въ Батавію, къ Чандрѣ, за ея чудеснымъ притираньемъ.

Перевелъ А. Николаевъ.

Г. Суджа.

НАСЛАЖДЕНІЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

Изъ записокъ путешественника.

Солнце катилось къ западу; пароходъ нашъ летѣлъ стрѣлою. Передъ нами, во всемъ величіи, разстилался Неаполитанскій-заливъ. Всѣ пассажиры вышли на палубу. Уже съ недѣлю находились мы подъ итальянскимъ небомъ, но при видѣ берега, оно показалось намъ еще прекраснѣе. Не описываю нашихъ радостныхъ кликовъ, восторга и одушевленія: это надо испытать на самомъ себѣ.

Паръ, долго заключенный въ котлѣ, какъ-бы негодуя на свою неволю, шипя, рвался изъ клапана. Колеса остановились. Тысячи лодокъ окружили насъ. Путешествуя безъ слуги, я поднялъ свой маленькій чемоданъ и спрыгнулъ въ лодку.

— Alle crocelle, a Santa Lucia! сказалъ я гребцу, поискавъ въ моемъ *Путеводителѣ за границею*, которая гостинница обойдется мнѣ дешевле.

— Si, Signore, отвѣчалъ гондольеръ и началъ грести изъ всѣхъ силъ.

Добравшись до гостиницы, я спросилъ комнату получше, сбросилъ свою ношу, отдалъ хозяину мой видъ, и поспѣшилъ на улицу, со всѣмъ нетерпѣніемъ сѣверянина, чтобы насладиться пышною итальянскою ночью и открывавшимся предо мною зрѣлищемъ. Долго бродилъ я по улицамъ и незамѣтно дошелъ до Вилла-реале, на берегу моря. Все изумляло меня, все приковывало мое вниманіе: архитектура домовъ, новые костюмы, загорѣлыя лица. Я слушалъ пѣсни рыбаковъ и сказки ихъ, заглядывался на каждый домъ, словомъ, наслаждался, какъ можетъ наслаждаться человѣкъ, который съ дальняго сѣвера вдругъ

перенесенъ за море, въ поэтическую родину Тасса. За удовольствіями, не замѣчалъ я, какъ время шло. Вдругъ небо затмилось. Я вспомнилъ, что на югѣ не бываетъ сумерекъ и что я легко могу заблудиться; но о другой опасности я не помышлялъ. Времена романтическихъ приключеній минули и для Италіи; грозныхъ поэтическихъ разбойниковъ уже нѣтъ со мною; притомъ, я былъ одѣтъ совсѣмъ небогато, наличныхъ денегъ у меня было немного, слѣдовательно, я не могъ сдѣлаться предметомъ корыстнаго вниманія. Подумавъ нѣсколько, я рѣшился испытать свою память — и отыскать мою квартиру, ни у кого не спрашивая. Признаться, мнѣ почти не хотѣлось найти ее, чтобы имѣть поводъ провести ночь подъ открытымъ небомъ. Но едва прошелъ я нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ сзади схватили меня двѣ дюжія руки; въ тотъ-же мигъ двѣ другія руки накинули мнѣ на лицо платокъ, и затянули его такъ крѣпко, что я не могъ даже закричать, а тѣмъ болѣе видѣть, кто такъ мило шутилъ надо мною.

Но мнѣ было вовсе не до шутокъ, когда я почувствовалъ, что мнѣ связываютъ руки и ноги, и несутъ меня, Богъ вѣсть куда, съ необыкновенной скоростью. Сопротивленіе было-бы напрасно. Я далъ съ собою дѣлать все, что̀ угодно было моимъ носильщикамъ и нетерпѣливо ждалъ развязки этого страннаго похищенія. Наконецъ, они остановились. Послышался всплескъ веселъ, и я очутился въ лодкѣ. Это нѣсколько успокоило меня. »Если-бъ это были разбойники, подумалъ я: они не стали-бы такъ церемониться со мною». Однако, тутъ мнѣ пришли на умъ исторіи людей, которые были похищаемы воровскими шайками и освобождались только за большіе выкупы, прежде чего, впрочемъ, брави нерѣдко рѣзали имъ носы и уши.

При этой мысли, дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. Понятіе, господствующее въ Италіи о богатствѣ иностранцевъ—чему виноваты преимущественно англичане и русскіе—мое весьма ограниченное состояніе, увѣренность, что я не такъ легко отдѣлаюсь, что меня ожидаетъ даже весьма горькая участь — все это вдругъ представилось моему воображенію и нарисовало самую непріятную картину. Впрочемъ, я разсудилъ также, что никогда не слыхивалъ о подобныхъ продѣлкахъ въ Неаполѣ, и терялся въ новыхъ догадкахъ. Напрасно старался я услышать что-нибудь отъ моихъ провожатыхъ; они хранили строгое молчаніе.

Наконецъ, лодка причалила къ берегу. Меня приподняли на руки и отнесли на нѣсколько шаговъ; я услышалъ, что скрипнула дверь, и почувствовалъ, что меня взносятъ на лѣстницу. Послышались голоса, все ближе и ближе; наконецъ, чья-то сильная рука схватила меня за воротъ и грубый, задыхавшійся отъ гнѣва, голосъ вскричалъ: Scelerato! Негодяй!

Между-тѣмъ, развязали мнѣ ноги и отнесли еще шага на два. Раздался женскій крикъ. Въ то-же мгновеніе сорвали повязку съ моего лица, и я увидѣлъ себя въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ; передо мною стояла молодая, прекрасная женщина, въ черномъ платьѣ; она кинулась-было ко мнѣ на шею, но вдругъ отскочила, упала на ко-

лѣни и съ радостнымъ крикомъ произнесла: «слава Богу!» Подлѣ меня, стоялъ смуглый человѣкъ, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, и еще другой, уже сѣдовласый.

— Напрасно ты стараешся обмануть насъ, сказалъ первый, обратясь къ молодой женщинѣ. — Чѣмъ играть комедію, лучше торопись проститься съ нимъ: часъ его пробилъ.

Молодая женщина не отвѣчала ни слова; она глядѣла на меня и, казалось, была въ нерѣшимости. Наконецъ, она превозмогла себя и воскликнула: «случай обманулъ васъ; это не онъ!»

Между-тѣмъ, я старался припомнить себѣ всѣ фразы, которыя слышалъ въ итальянскихъ операхъ, и, запинаясь на каждомъ словѣ, проговорилъ нѣчто въ такомъ родѣ:

— Вижу, господа, что я жертва недоразумѣнія и что вы приняли меня за другого. Нечего говорить, что противно чести нападать на беззащитнаго...

— Дѣло идетъ не о чести! вскричалъ старикъ съ раздраженіемъ.

Однакожъ мой иностранный выговоръ, по-видимому, поразилъ ихъ: замѣтно было, что они пришли въ недоумѣніе.

— Я иностранецъ, господа, продолжалъ я.

— Неправда! вскричали они оба.

— Я только-что съ парохода.

— Знаемъ, знаемъ.

— Я офицеръ *** службы.

— И это знаемъ; мы знаемъ тебя, какъ свои пять пальцевъ.

— Если такъ, господа, то рѣшительно не понимаю, что вамъ отъ меня нужно? Я отъ роду не бывалъ въ Италіи, не имѣю здѣсь никого знакомыхъ. Я иностранецъ, повторяю вамъ, и прибавлю еще, что нашъ посланникъ не допуститъ оскорбить меня.

Мой странный способъ выраженія, мой иноземный выговоръ видимо изумилъ ихъ: нерѣшительно поглядывали они то другъ на друга, то на молодую женщину, которая, спокойно сидя въ креслахъ, ожидала конца нашего разговора.

— Покажи намъ твой паспортъ, сказалъ одинъ изъ незнакомцевъ.

Я вспомнилъ, какую сдѣлалъ несмотрительность, оставивъ мои бумаги у трактирщика, не заявя ихъ сперва у нашего посланника. И вотъ я какъ съ неба свалился въ среду какихъ-то дикарей, въ чужой сторонѣ, незнаемый ни кѣмъ изъ моихъ земляковъ, совершенно во власти моихъ притѣснителей.

— Бумаги мои остались въ гостинницѣ, отвѣчалъ я. Можете освѣдомиться тамъ

— Славная выдумка! Ты очень хорошо знаешь, что мы не пойдемъ освѣдомляться.

Съ этими словами, незнакомецъ разстегнулъ на мнѣ фракъ, безъ церемоніи запустилъ руку въ мой боковой карманъ, и вынулъ случайно бывшее тамъ нѣмецкое письмо отъ одного изъ моихъ пріятелей.

— Языкъ этого письма, сказалъ я: можетъ доказать вамъ, что я не тотъ, за кого вы меня принимаете.

— Письмо намъ ничего не доказываетъ. Повторяю, мы знаемъ, что ты пріѣхалъ изъ ***. Если ты точно иностранецъ, скажи, что̀ побудило тебя поселиться въ такой гостинницѣ, гдѣ никогда не останавливаются порядочные иностранцы? По какой причинѣ ты такъ проворно сошелъ съ парохода? Зачѣмъ бѣгалъ по улицамъ? На что заглядывалъ въ окна?

Кровь закипѣла во мнѣ отъ негодованія, но я принудилъ себя и, сколько могъ, скрылъ свою досаду...

— На эти вопросы, возразилъ я: можетъ быть, мнѣ слѣдовало-бы отвѣчать также вопросомъ: какое вы имѣете право требовать отъ меня отчета? Но въ моемъ теперешнемъ положеніи, скажу вамъ только, что всѣ эти по-видимому странныя обстоятельства легко можно объяснить нетерпѣніемъ путешественника, который впервые изъ дальней стороны пріѣхалъ въ Неаполь, гдѣ, признаюсь, не ожидалъ себѣ такого пріема.

— Все это ложь! вскричали незнакомцы. Мы не дѣти; насъ не такъ легко обмануть; сейчасъ ты это увидишь.

Сказавъ это, старикъ вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ прошли въ совершенномъ безмолвіи. Руки мои все еще были связаны, и младшій изъ двухъ незнакомцевъ все еще стоялъ подлѣ меня, съ обнаженнымъ кинжаломъ. Онъ слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ. Для меня, это была настоящая пытка; разныя ощущенія терзали мнѣ сердце. Продлись такое состояніе еще немного, я-бы не выдержалъ, и, не взирая на неравенство силъ, отважился-бы на все, чтобы вырваться изъ моего загадочнаго положенія, хотя-бы это стояло мнѣ жизни. Но дверь растворилась, и въ нее выглянуло завѣшанное платкомъ лицо, какъ мнѣ показалось, какой-то старухи.

— Это не онъ! сказала старуха, поглядѣвъ на меня, и скрылась.

Крикъ досады вылетѣлъ изъ груди обоихъ мужчинъ; они отошли въ сторону и тихо заговорили между собою. Постепенно голосъ ихъ становился громче, и изъ словъ, отдаваемыхъ сводомъ залы, могъ я заключить, что я зналъ слишкомъ много для ихъ безопасности. Негодяи спорили о томъ, что̀ лучше: оставить меня въ живыхъ, или кинуть въ море.

Мгновеніе было рѣшительное, и я сказалъ имъ:

— Кажется, господа, теперь вы убѣдились, что я не тотъ, кого вамъ нужно. Ка́къ ни оскорбило меня состояніе, въ которое вы меня привели, ка́къ ни желалъ-бы я потребовать отъ васъ отчета въ поступкѣ со мною, но я вхожу въ ваше положеніе. Даю, пожалуй, вамъ слово: если вы отпустите меня, все случившееся здѣсь останется вѣчной тайною, которая пойдетъ со мною въ могилу.

Они поглядѣли на меня, опять отошли къ сторонѣ и снова заспорили.

— Обращаю ваше вниманіе на то, продолжалъ я: что, въ собственныхъ вашихъ видахъ, гораздо надежнѣе положиться на слово честнаго человѣка, чѣмъ загладить неловкую ошибку рѣшительнымъ преступленіемъ. Я не имѣю никакого интереса узнавать вашу тайну и черезъ нѣсколько дней навсегда оставляю Неаполь. Смерть-же моя, рано или

поздно, можетъ повлечь за собою открытіе вашей тайны. Бумаги мои, вѣроятно, уже заявлены въ полиціи; земляки, пріѣхавшіе со мною на пароходѣ, и наше посольство, ручаюсь вамъ, употребятъ всѣ средства, чтобы доискаться истины. Предоставляю вамъ самимъ разсудить, что̀ для васъ выгоднѣе.

Слова мои, по-видимому, нѣсколько подѣйствовали на нихъ; они еще разъ отошли, но разговоръ ихъ былъ гораздо спокойнѣе. Наконецъ, молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, милостивый государь, сказалъ онъ: мы ошиблись. Странный случай открылъ вамъ, въ извѣстной мѣрѣ, нашу семейную тайну. Безопасность наша, конечно, указывала намъ самое надежное средство къ сохраненію этой тайны. Со всѣмъ тѣмъ, мы предпочитаемъ положиться на ваше честное слово. Мы отпустимъ васъ: но знайте, съ этимъ случаемъ связана участь очень важной фамиліи Италіи, и малѣйшая нескромность съ вашей стороны будетъ наказана смертью. Что мы имѣемъ въ рукахъ всѣ потребныя на то средства, доказываетъ вамъ уже сегодняшнее приключеніе. Поклянитесь намъ всѣмъ священнымъ, вашей честью, что нигдѣ, никогда, ни въ какомъ случаѣ, ни словомъ, ни жестомъ вы не измѣните тому, что̀ здѣсь происходило; что не будете стараться ни объяснить этого случая самому себѣ, ни выдать кого-нибудь изъ насъ.

Нечего было дѣлать, я поклялся.

— Теперь вы свободны, сказалъ молодой человѣкъ: васъ доставятъ на вашу квартиру; но извините, мы принуждены, изъ предосторожности, завязать вамъ глаза и на этотъ разъ. Руки ваши останутся свободны; мы довѣряемъ вашей чести, и надѣемся, что вы не сдѣлаете ни малѣйшаго движенія, чтобы снять съ себя повязку.

Я позволилъ имъ дѣлать съ собою все, что̀ имъ было угодно.

— Съ этой минуты, сказалъ молодой человѣкъ: мы не существуемъ другъ для друга. Для вашей-же пользы, совѣтую вамъ даже изгладить изъ памяти наши черты. Мы съ своей стороны, приносимъ вамъ большую жертву; умѣйте оцѣнить ее.

Двѣ здоровыя руки схватили меня; мы опять спустились нѣсколько ступенекъ, снова скрипнула дверь; вскорѣ я услышалъ плескъ веселъ и почувствовалъ колыханье лодки. Проводники мои, по-прежнему, молчали, какъ убитые.

Плаваніе наше продолжалось довольно долго; я думалъ, что минута моего освобожденія уже близка, какъ вдругъ услышалъ нѣкоторое движеніе между моими провожатыми.

— Здѣсь кто-то есть, прошепталъ одинъ.

— Это скатанный парусъ, отвѣчалъ другой.

— Нѣтъ, что-то живое, возразилъ первый.

Послѣ минутнаго молчанія, услышалъ я крикъ, шелестъ скользящаго кинжала, слабый стонъ умирающаго.

— Стой! стой! раздались около насъ голоса.

Я не выдержалъ, и сорвалъ повязку. Блеснулъ мѣсяцъ, у ногъ моихъ лежалъ окровавленный трупъ. Не успѣлъ я еще опомниться,

какъ лодку, въ которой я находился, притянули багромъ къ другой лодкѣ; въ тотъ-же мигъ оттуда перескочили ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, которыхъ я не зналъ. По мундирамъ я угадалъ, что это были полицейскіе. Проводниковъ моихъ уже не было въ лодкѣ; солдаты послали имъ вслѣдъ нѣсколько выстрѣловъ, изъ чего я заключилъ, что они побросались въ море.

Новые знакомые не дали мнѣ ни минуты образумиться; прежде, чѣмъ я успѣлъ промолвить слово, они безъ околичностей связали мнѣ руки и перетащили меня въ полицейскую лодку. Я спросилъ куда меня везутъ. «Туда, отвѣчалъ одинъ изъ сбировъ: куда обыкновенно отправляютъ такихъ удальцовъ, какъ ты.»

Отвѣтъ не заключалъ въ себѣ ничего утѣшительнаго. На всѣ мои доводы и увѣренія, что я ничего не понимаю изъ случившагося, они возражали, что не ихъ дѣло разбирать; что утромъ все разсудятъ, какъ слѣдуетъ.

Лодка причалила; мы вышли, миновали неподалеку отъ берега нѣсколько переулковъ и остановились у большаго зданія; при входѣ стояли часовые. Предо мною заскрипѣли на петляхъ желѣзныя ворота; но прежде еще, чѣмъ я вошелъ въ нихъ, кто-то сунулъ мнѣ въ руку записочку. Я механически зажалъ ее въ рукѣ и послѣдовалъ за моими провожатыми, въ надеждѣ встрѣтить наконецъ кого-нибудь, передъ кѣмъ-бы могъ объясниться; но надежда моя не сбылась. Проводники повернули въ тѣсный корридоръ, отворили маленькую, низкую дверь и втолкнули меня въ нее. Дверь захлопнулась, и потомъ я услышалъ, какъ затворилось еще нѣсколько дверей. Напрасны были всѣ мои крики: я рѣшился терпѣливо ожидать моей участи. Я оглядѣлся кругомъ: помѣщеніе мое—была маленькая, четвероугольная комнатка, безъ кровати, безъ стула, даже безъ окна; небольшое отверзтіе въ потолкѣ пропускало въ комнатку свѣтъ висѣвшаго снаружи фонаря. Вкругъ меня воцарилась совершенная тишина, прерываемая только иногда шагами часоваго, или вздохами, раздававшимися, казалось, изъ сосѣднихъ отдѣленій. Я вышелъ на свѣтлый кругъ, образуемый отблескомъ тусклаго фонаря, развернулъ записку, и съ трудомъ разобралъ слѣдующія слова: «не забывайте того, что̀ обѣщали намъ, и будьте спокойны.»

Признаюсь, записка мало ободрила меня. Я видѣлъ въ ней странную цѣпь, приковывавшую меня къ кровавой тайнѣ; успокоительной развязкѣ я плохо вѣрилъ.

Мнѣ было душно, тяжело, холодно. Даже ходить взадъ и впередъ по моему итальянскому палаццо я не могъ: полъ былъ выстланъ каменными плитами и сыръ до того, что я безпрестанно поскользался. Спертый воздухъ захватывалъ мнѣ дыханіе; сырость пробирала меня до костей и холодный потъ каплями проступалъ на лбу. Вся твердость моя рушилась. Въ отчаяніи, я прислонился къ заплесневѣлой стѣнѣ и предался горестнымъ размышленіямъ.

— Вотъ человѣческій жребій! думалъ я. Сколько препятствій долженъ я былъ превозмочь для этого путешествія; нѣсколько лѣтъ сряду

работалъ, копилъ деньги, отказывалъ себѣ, въ чемъ только могъ, чтобы собрать небольшую сумму, и все затѣмъ, чтобъ увидѣть Италію. Съ этой мыслію засыпалъ я и пробуждался. Наконецъ, достигъ желанной цѣли, покинулъ родину, ближнихъ, друзей, все, что̀ дорого моему сердцу ... И для чего? Для того, чтобъ едва не пожертвовать жизнью, потерпѣть всякое униженіе отъ презрѣнныхъ злодѣевъ, увидѣть у ногъ своихъ плавающаго въ крови человѣка, тогда, какъ я не могъ равнодушно взглянуть на порѣзанный палецъ, и въ заключеніе, быть почти обвинену въ убійствѣ, попасть въ тюрьму, провести первую ночь въ Италіи на голомъ каменномъ полу, подъ гнилымъ сводомъ ... и какъ знать, что̀ еще ожидаетъ меня впереди!

Думы мои часъ отъ часу становились мрачнѣе. Ни что̀ такъ не погружаетъ человѣка внутрь самого себя, ни что̀ такъ не переноситъ его въ отвлеченный міръ, какъ уединеніе, тьма и тишина. Я, веселый, беззаботный столичный житель, который не зналъ мысли отвлеченнѣе какого-нибудь новаго найма квартиры, вдругъ превратился въ философа, и невольно дошелъ до важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, которые разбирать мнѣ прежде казалось педантизмомъ или ни къ чему не ведущимъ фантазерствомъ.

Скоро усталость одолѣла меня и однозвучные шаги часовыхъ навели дремоту. Мысли мои все больше и больше превращались въ разныя грезы. Мнѣ снилось, то будто холодныя руки хватали меня за плеча, то будто по лицу моему катились льдины, то будто вижу мертвыя свинцовыя лица съ синими морщинами, по которымъ текутъ кровавыя слезы; они вытягивали меня и оплетали, какъ паутина; то казалось, будто я привѣшанъ къ маятнику громадныхъ часовъ, и тщетно стараюсь при каждомъ размахѣ ухватиться за скользкую стѣну. Безпрестанно я пробуждался и опять засыпалъ. Не знаю, долго-ли пробылъ я въ такомъ состояніи. Опомнившись, я очень удивился, что больше не слышу шаговъ часоваго, единственнаго признака жизни въ этомъ страшномъ склѣпѣ. Вѣроятно, именно оттого я и проснулся. Удивленіе мое еще усилилось, когда я почувствовалъ, что стѣна за мною движется. Сначала, я принялъ это за бредъ разстроенной фантазіи, но привставъ, увидѣлъ ясно, что камни въ стѣнѣ дѣйствительно шевелились. Невольное чувство побудило меня схватиться за нихъ. Почти безъ труда вынулъ я одинъ камень, и едва сдѣлалъ это, какъ въ отверстіе ко мнѣ просунули желѣзный ломъ. Незнакомый голосъ шепталъ мнѣ по-итальянски: «эй, любезный, скорѣе!» Съ просонокъ, не отдавая себѣ строгаго отчета въ собственныхъ мысляхъ, но по невольному порыву, схватилъ я ломъ и началъ отбивать другіе камни. Но въ ту-же минуту, дверь моей тюрьмы съ шумомъ отворилась, а за взломанной стѣною послышалъ я крикъ, выстрѣлы, тревогу. Меня окружили сторожа. Оправдываться было нечего. Въ рукахъ моихъ былъ ломъ... очевидная попытка бѣжать!..

Въ совершенномъ изнеможеніи далъ я себя связать, не говоря ни слова. Меня тотчасъ перевели въ другую, гораздо ужаснѣйшую темницу. Въ ней едва было два шага длины и столько-же ширины. Бро-

сили меня на вязанку гнилой соломы и приковали на цѣпь, ввинченную въ стѣну. Склѣпъ мой не имѣлъ другаго отверзтія, кромѣ окошечка въ двери, въ которое поминутно поглядывало лицо сторожа. Нѣсколько часовъ провелъ я въ такомъ страшномъ состояніи. Мысль, что я, покушеніемъ на побѣгъ, придалъ себѣ видъ преступника и неизъяснимое безпокойство, въ какомъ я находился, не позволяли мнѣ сомкнуть глазъ. Наконецъ, увидѣлъ я бѣловатый свѣтъ въ скважинѣ двери, и заключилъ, что настало утро. Свѣтъ этотъ обрадовалъ меня чрезвычайно. Чѣмъ-бы ни кончилось, подумалъ я, во всякомъ случаѣ я выйду изъ мучительнаго положенія! Въ-самомъ-дѣлѣ, спустя нѣсколько минутъ, послышался шумъ; дверь отворилась, вошли сбиры, развязали меня, окружили, съ обнаженными саблями въ рукахъ, и такимъ-образомъ, посреди ихъ, я покинулъ мой тѣсный ночлегъ.

Пройдя нѣсколько корридоровъ, мы очутились на тѣсномъ дворѣ тюрьмы. Солнце взошло, легкій вѣтерокъ тепло вѣялъ на меня, и я испыталъ то ощущеніе, съ которымъ давнишніе заключенники выходятъ на вольный воздухъ. Скоро привели меня въ комнату, гдѣ нѣсколько писцовъ сидѣли за столомъ. Когда мы проходили мимо ихъ, они едва взглянули на насъ: такъ привыкли они къ подобнымъ явленіямъ. Наконецъ я вступилъ въ комнату, гдѣ у большаго стола сидѣлъ какой – то дородный господинъ во фракѣ. Сверкая узкими глазами, онъ спросилъ, какъ меня зовутъ. Я сказалъ мое имя и прибавилъ, что я нахожусь въ чрезвычайно странномъ положеніи, о которомъ объясненіе могу дать только своему посланнику. Немедленно послано было за моими бумагами, и допрашиватель обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Ваше желаніе объясниться съ посланникомъ будетъ исполнено, если, разумѣется, посланникъ на это согласится. Но я долженъ замѣтить вамъ, что хотя-бы вы были дѣйствительно тотъ, за кого себя выдаете, посланникъ вашъ все-таки не имѣетъ права, да вѣрно и не захочетъ, вмѣшиваться въ уголовное дѣло. Во всякомъ случаѣ, васъ будутъ судить по законамъ страны, въ которой вы находитесь, и никто не властенъ спасти васъ отъ наказанія, которое у насъ опредѣлено за смертоубійство. Только ваше добровольное признаніе и указаніе сообщниковъ можетъ нѣсколько смягчить строгость законовъ.

— Смертоубійство? сообщники? воскликнулъ я. Но скажите, ради Бога, кого-же я убилъ?

— Вы знаете, что васъ нашли у трупа полицейскаго служителя, который былъ посланъ для наблюденія за предумышленнымъ преступленіемъ.

— Милостивый государь, возразилъ я: я не могъ никого убить, потому-что самъ находился плѣнникомъ въ той лодкѣ, гдѣ застала меня полиція.

— Плѣнникомъ? Чѣмъ вы можете это доказать?

— Тѣмъ, что я сидѣлъ въ лодкѣ съ завязанными глазами.

Слѣдователь взялъ со стола гусокъ полотна — это была моя повязка. Стараясь по возможности сохранить на ней примѣтный еще оттискъ

лица, онъ снова наложилъ ее на меня, и убѣдился, что она мнѣ пришлась какъ-разъ въ пору.

— Конечно, это доказательство придаетъ нѣкоторую вѣроятность вашему показанію. Но какъ и зачѣмъ вы попали въ лодку?

— Этого я не могу сказать. У меня вынудили страшную клятву, что я никому не открою этой тайны.

— Но вѣдь сами вы видите, сказалъ слѣдователь: что это обстоятельство только усиливаетъ подозрѣніе суда, тѣмъ болѣе, что нынѣшнюю ночь было покушеніе освободить васъ. Это не могло случиться безъ согласія съ вами, что впрочемъ, довольно ясно доказываютъ обстоятельства, среди которыхъ васъ поймали.

Тутъ, я постарался, какъ умѣлъ, доказать, что не имѣю ни малѣйшаго понятія о людяхъ, которые хотѣли освободить меня; старался объяснить то невольное чувство, которое въ просонкахъ неожиданно овладѣло мною и побудило помогать незнакомымъ освободителямъ. Но самъ я внутренно сознавалъ, что показанія мои довольно неясны — и вовсе не убѣдительны.

Между-тѣмъ, принесли мой паспортъ. Разсмотрѣвъ его, слѣдователь сказалъ:

— По бумагамъ вашимъ, дѣйствительно, видно, что вы иностранецъ и только вчера прибыли въ Неаполь. Совершенно невѣроятно также, чтобъ вы были убійцею незнакомаго намъ полицейскаго служителя. Но согласитесь сами, что ваше дѣло связано съ самыми загадочными обстоятельствами. Судъ не въ состояніи оправдать васъ, если вы не представите потребныхъ объясненій. Напишите къ вашему посланнику письмо: можетъ быть, онъ убѣдитъ васъ быть откровеннѣе.

Я поблагодарилъ слѣдователя за участіе, и поспѣшилъ написать письмо. Когда я окончилъ, слѣдователь сказалъ мнѣ:

— Письмо ваше сейчасъ будетъ отослано. Пока придетъ отвѣтъ, извините, мы должны принять мѣры предосторожности, которыя обыкновенно соблюдаются въ такихъ случаяхъ.

Меня отвели въ прежнюю мою кануру, только уже не сажали на цѣпь. Черезъ цѣсколько минутъ, получилъ я позволеніе отправиться къ посланнику, но въ сопровожденіи жандармовъ. Посланникъ принялъ меня, какъ нельзя лучше. Имѣя уже отъ моихъ товарищей путешествія письменныя и изустныя свѣдѣнія обо мнѣ, онъ совершенно вошелъ въ мое положеніе. Онъ понялъ долгъ чести, который воспрещалъ мнѣ открыть чужую тайну; но, замѣтилъ, что онъ можетъ сдѣлать въ мою пользу только одно: засвидѣтельствовать предъ неаполитанскимъ правительствомъ мое званіе и мое доброе поведеніе, а все остальное предоставить на благоусмотрѣніе мѣстнаго начальства.

Изъ этого, конечно, я почерпнулъ весьма мало утѣшенія, особенно, когда, по выходѣ отъ посланника, жандармскій офицеръ снова пригласилъ меня въ карету.

— Чортъ возьми! подумалъ я. За дѣломъ-же пріѣхалъ я въ Ита-

лію! Чудесное леченье! Прогуливаться, для здоровья, между обнаженными саблями и дышать затхлымъ воздухомъ тюрьмы.

Возвратясь въ мое печальное жилище, я получилъ комнату немного получше. На этотъ разъ, всѣ мѣры предосторожности ограничились немногимъ: съ меня взяли честное слово, что я, до рѣшенія моей участи, не предприму ничего непозволительнаго.

Такъ провелъ я цѣлый день, и только солнечный закатъ напомнилъ мнѣ, что уже двадцать четыре часа я не имѣлъ ничего въ желудкѣ: до такой степени могутъ сильныя душевныя волненія заглушать физическія потребности въ человѣкѣ. Но въ ту самую ммнуту, какъ я вздумалъ объ этомъ, были принесены засаленнымъ служителемъ тощія макарони, показавшіяся мнѣ вкуснѣйшимъ блюдомъ въ свѣтѣ. Таковъ-то былъ мой первый обѣдъ въ Неаполѣ. Еще не окончилъ я моей скудной трапезы, какъ снова вошелъ ко мнѣ полицейскій офицеръ.

— Вашъ посланникъ, сказалъ онъ: представилъ ручательство за васъ; вы свободны. Но напередъ, не угодно-ли давишнее словесное ваше показаніе при допросѣ скрѣпить вашей подписью, и вмѣстѣ дать подписку, что вы будете являться въ судъ, по первому зову.

Я подписалъ все, чего отъ меня требовали, и не помня себя отъ радости, почти бѣгомъ кинулся изъ тюрьмы. Мнѣ не хотѣлось долѣе оставаться въ той гостинницѣ, которая была виною моего несчастнаго приключенія, и въ тотъ-же день я перебрался оттуда со всѣмъ добромъ моимъ, то-есть съ чемоданомъ, въ гостинницу alla Vittoria, подлѣ самой Вилла-реале. Едва я присѣлъ отдохнуть, какъ мнѣ подалъ хозяинъ небольшой свертокъ.

— Отъ кого это? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

Я раскрылъ свертокъ съ крайнимъ неудовольствіемъ: до того меня теперь пугало все таинственное.

Свертокъ заключалъ старинный перстень, на которомъ изображены были какія-то, какъ мнѣ показалось, египетскія фигуры: змѣя со львиной головой, какой-то сосудъ, гіероглифическіе знаки. Къ перстню приложена была записка:

«Вы, сами того не зная, спасли жизнь человѣка. Люди, обязанные вамъ благодарностію, побоялись оскорбить васъ денежной наградою; но надѣятся, что вы примете на память прилагаемое кольцо. Можетъ быть, оно со временемъ пригодится вамъ: сверхъ того, кольцо, какъ сами можете видѣть, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкостей, которыми дорожатъ всѣ любители старины, и которыя не всегда удается пріобрѣсти за деньги. Покуда, вы хорошо сдѣлаете, если не будете показывать его никому. Мы не желали-бы, чтобы ваше спокойствіе снова было нарушено.»

Не будучи знатокомъ древностей, я почти не обратилъ вниманія на драгоцѣнный перстень, даже чуть не выбросилъ его въ окошко: такъ возмущала меня одна мысль о томъ, чего стоило мое приключеніе. Одумавшись однако, я спряталъ кольцо въ мою дорожную шкатулку.

Нѣсколько дней провелъ я въ совершенномъ уединеніи, ожидая новаго посѣщенія полицейскаго чиновника; но онъ не являлся. Не знаю, кому я былъ обязанъ тѣмъ, что меня не тревожили. Наконецъ, я ожилъ духомъ. Газеты, доставленныя мнѣ моимъ хозяиномъ, толковали о новой пѣвицѣ, восхищавшей весь Неаполь. Я рѣшился пойти въ театръ Санъ-Карло. Спускаясь съ лѣстницы, увидѣлъ я сходившаго съ самаго верхняго этажа низенькаго старичка, напудреннаго, въ черномъ фракѣ Вся наружность его изобличала странное безпокойство; пока онъ шелъ съ лѣстницы, все въ немъ двигалось: руки, ноги, носъ, глаза. Можно было подумать, что онъ когда-то въ жизни былъ чѣмъ-нибудь изумленъ и остался на-вѣкъ съ такимъ выраженіемъ. Конечно, всѣ эти разсужденія составилъ я впослѣдствіи; а въ ту минуту просто только глядѣлъ на него съ равнодушнымъ любопытствомъ, какъ на сосѣда; потому-что изъ разговора его, съ попавшимся на встрѣчу прислужникомъ, узналъ я, что старикъ жилъ также въ нашей гостинницѣ. Не желая заводить никакихъ новыхъ знакомствъ, я пошелъ своей дорогою.

Прошедши нѣсколько улицъ, я оглянулся, и, къ чрезвычайному моему удивленію, замѣтилъ, что старикъ идетъ за мною слѣдомъ. Въ раздражительномъ расположеніи духа, въ какое привело меня все испытанное до-тѣхъ-поръ, я съ неудовольствіемъ взглянулъ на это преслѣдованіе. Чтобъ отдѣлаться отъ своего провожатаго, я остановилъ перваго встрѣчнаго, прося указать мнѣ ближайшую дорогу къ Санъ-Карло. Въ то-же мгновеніе, старикъ поровнялся со мною, и услыша мой вопросъ, проговорилъ мнѣ съ чрезвычайной скоростью:

— Вамъ надо въ театръ Санъ-Карло? Видно вы иностранецъ? Не знаете дороги? Я туда-же иду ... Неугодно-ли идти вмѣстѣ?

Отказаться было невозможно. Во всю дорогу, мой старикъ болталъ безъ умолка. Онъ закидывалъ меня вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ. Скоро сообщилъ онъ мнѣ, что онъ большой любитель антиковъ и владѣетъ богатымъ собраніемъ медалей; что живетъ въ одной со мною гостинницѣ; что сегодня играетъ пѣвица, давно не являвшаяся на сценѣ; что въ нашей ресторацiи не всегда хорошо кормятъ; что въ голосѣ синьоры Грандини есть двѣ-три фальшивыя ноты; что самъ онъ мастеръ приготовлять отличныя макарони ...

Все это синьоръ Амброзіо Беневоло—такъ звали моего новаго знакомца—громоздилъ въ своей рѣчи какъ-попало, самымъ страннымъ образомъ.

Мы пришли въ театръ и сѣли рядомъ. Давали оперу Доницетти «Анна Болейнъ». Дивясь роскоши исполненія, я слѣдилъ за нимъ съ живѣйшимъ вниманіемъ. Вообразите-же мое изумленіе, когда въ примадоннѣ узналъ я ту молодую женщину, которую вилѣлъ въ черной комнатѣ! Я не зналъ, что дѣлать. Уйти было во всякомъ случаѣ смѣшно, и могло только возбудить подозрѣніе въ моихъ гонителяхъ. Между-тѣмъ, сосѣдъ мой выходилъ изъ себя отъ восхищенія; всѣ рулады пѣвицы сопровождалъ онъ кривляньями всего тѣла, предъ кадансомъ складывалъ руки, не смѣлъ дышать, дро-

жалъ, какъ въ лихорадкѣ, а въ заключеніе трели вскакивалъ, какъ безумный съ мѣста, восклицалъ нѣсколько междометій и рукоплескалъ изъ всѣхъ силъ. Во время речитатива, онъ притихалъ, и опять совершенно хладнокровно забрасывалъ меня вопросами: много-ли шубъ у насъ носятъ? есть-ли у меня коллекція медалей? какъ мнѣ понравились frutti di mare? и тому подобное. Но едва примадонна начинала новую арію, Беневоло снова приходилъ въ изступленіе, снова кричалъ и рукоплескалъ. Во всякую другую пору, меня, холоднаго сѣверянина, крайне смѣшило-бы подобное превращеніе, тѣмъ болѣе, что такія-же судорожныя движенія видѣлъ я во многихъ другихъ мѣстахъ залы. Но въ этотъ разъ, меня слишкомъ занимала моя странная встрѣча съ примадонною; желаніе распросить объ ней моего новаго знакомаго боролось во мнѣ съ опасеніемъ, не будетъ-ли это нарушеніемъ моей клятвы. Мнѣ даже показалось, что примадонна узнала меня и невольно устремляла глаза въ ту сторону, гдѣ я сидѣлъ. Я едва рѣшался глядѣть на нее. Сцена суда, съ глухой печальной музыкою, такъ живо напоминала мнѣ мое приключеніе, что у меня почти занималось дыханіе.

Беневоло бросалъ на меня испытующіе взгляды, не говоря однако ни слова. Я не могъ хорошенько отгадать, замѣтилъ-ли онъ мое смущеніе. Во всякомъ случаѣ, непроизвольное чувство влекло меня къ синьорѣ Грандини; она была прелестна на сценѣ; нѣкоторыя рѣзкія черты ея лица сглаживались разстояніемъ; голосъ ея заключалъ что-то симпатическое, поражающее; не будучи совершенно чистымъ и яснымъ, онъ былъ однако мелодиченъ и чрезвычайно нѣженъ. Не смотря на то, признаюсь, я очень радъ былъ, когда занавѣсъ опустили.

На другой день, проснувшись, увидѣлъ я на столѣ у себя письмо, незнакомаго мнѣ почерка. Въ немъ писали:

«Люди, желающіе вамъ добра, совѣтуютъ вамъ не ходить въ театръ Санъ-Карло.»

Это меня взбѣсило. Я увидѣлъ себя прикованнымъ къ интригѣ, которая связывала всѣ мои поступки, и отъ которой я никакъ не могъ отдѣлаться. Въ тотъ-же день, рѣшился я оставить Неаполь. Пока еще обдумывалъ я свое намѣреніе, за дверьми у меня кто-то запѣлъ дрожащимъ голосомъ: Cerca un lido, dove sicuro ... дверь отворилась, вошелъ Беневоло. Онъ накинулся на меня съ вопросами: каково я спалъ? понравился-ли мнѣ театръ Санъ-Карло? пилъ-ли я шоколадъ? что я думаю о Доницетти, о Беллини? и между всѣми вопросами, повторялъ восклицаніе: stupendo, stupenda! ... Нельзя было ясно выразумѣть, къ кому или къ чему относилось это хвалебное восклицаніе: къ музыкѣ, къ Доницетти, къ Беллини или къ шоколаду?

Едва поспѣвалъ я отвѣчать на его вопросы, да Амброзіо и не дожидался моихъ отвѣтовъ. Онъ принесъ мнѣ цѣлую кучу монетъ и медалей, показывалъ ихъ порознь, восхищался каждою, и наконецъ, предложилъ промѣнять ихъ на мои отечественныя. Это было ловкое предложеніе купить у него нѣкоторыя изъ его рѣдкостей. Чтобъ отвязаться отъ докучливаго старика, я купилъ у него нѣсколько его ди-

ковинокъ за какой-нибудь десятокъ-другой прусскихъ талеровъ, которые имѣлъ при себѣ, а потомъ поспѣшилъ къ посланнику, взять мой паспортъ и бумаги. Въ посольствѣ, мнѣ объявили, что поспортъ не можетъ быть мнѣ выданъ до-тѣхъ-поръ, пока посольство не войдетъ въ сношеніе съ неаполитанскимъ правительствомъ. Такимъ-образомъ, отъѣздъ мой отсрочился на нѣсколько дней.

Съ-тѣхъ-поръ я уже не выходилъ со двора. Беневоло не замедлялъ посѣщать меня. Ежедневно приносилъ онъ съ обычной ловкостью медали и оттискивалъ ихъ на воскѣ. Иногда показывалъ онъ мнѣ монеты съ неразборчивымъ клеймомъ, и старался доказать ихъ древность; но при этомъ я имѣлъ случай ставить его въ тупикъ указаніемъ на очевидные анахронизмы. Въ другой разъ, онъ приносилъ нѣсколько мѣшечковъ съ разными монетами, и просилъ меня поберечь ихъ нѣкоторое время въ моей комнатѣ, потому-что онъ подозрѣвалъ, что какіе-то любители древностей хотятъ похитить у него это сокровище; а въ моей комнатѣ имъ это не удастся тѣмъ болѣе, что я вовсе не выхожу со двора. Я исполнялъ его желанія, чтобы только отвязаться отъ него.

Наконецъ, къ величайшей моей радости, получилъ я извѣстіе отъ одного пріятеля, служившаго при посольствѣ, что на слѣдующій день мнѣ выдадутъ мой поспортъ. Я не хотѣлъ мѣшкать ни минуты, нанялъ ветурино, и принялся укладывать свой гардеробъ. За такимъ занятіемъ засталъ меня Беневоло.

— Вы уже укладываетесь, куда-жъ это вы ѣдете? Вѣрно въ Римъ? Не забудьте въ Миланѣ посмотрѣть Амвросіанскую-библіотеку ... Тамъ много примѣчательнаго ... На театрѣ, первая пѣвица ... Въ гостинницѣ Альберго-реале отличный столъ. и т. д., и т. д.

Я не прерывалъ своего дѣла и отвѣчалъ старику отрывисто. Осматривая дорожную шкатулку, не знаю какъ, уронилъ я мое таинственное кольцо. Оно покатилось по полу, я наклонился, чтобъ поднять его и столкнулся съ Беневоло. Онъ также уже протянулъ руку къ кольцу. Когда-же я зажалъ мою рѣдкость въ рукѣ, не показывая ея, Беневоло поблѣднѣлъ. Никогда въ жизни не забуду я, какъ онъ кривлялся въ эту минуту. Онъ уперся локтями въ бока, крутилъ обѣими руками, поднималъ кверху то одну ногу, то другую, разѣвалъ ротъ, щурилъ глаза, вытягивалъ шею.

— Продайте мнѣ это кольцо, проговорилъ онъ, едва переводя духъ.

— Нѣтъ, оно непродажное, отвѣчалъ я.

— Дайте хоть снять слѣпокъ съ него.

— Нельзя.

— Такъ хоть покажите мнѣ его.

— И этого не могу. Пріѣзжайте ко мнѣ въ мое отечество, тамъ я подарю его вамъ.

— Въ ваше отечество! воскликнулъ Беневоло: это невозможно. Но отчего вы не хотите показать мнѣ его? Развѣ съ этимъ кольцомъ связана какая тайна?

— Разумѣется, отвѣчалъ я.

— Хороша тайна! вскричалъ Беневоло. Хотите, я вамъ скажу, что̀ вырѣзано на вашемъ кольцѣ: сосудъ, съ львиной головою, мумія съ птичьимъ клювомъ, а вокругъ буквы I. O. A. Такъ-ли?

— Можетъ быть, но все-таки не могу показать вамъ кольцо

— Странно, говорилъ Беневоло, прыгая по комнатѣ: чрезвычайно удивительно!.. непомѣрно странно!.. Такъ не хотите дать мнѣ кольцо? сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Не могу, отвѣчалъ я съ видомъ неудовольствія.

— Рѣшительно не хотите?

— Не хочу.

— Хорошо. И даже показать кольцо мнѣ не можете?

Я молча отвернулся отъ него.

Неотвязчивый старикъ принялъ это за знакъ нерѣшимости; забѣжалъ ко мнѣ съ другой стороны и сказалъ съ видомъ самой рабской вкрадчивости:

— Мнѣ кажется, вы могли-бы хоть показать мнѣ кольцо!

— Милостивый государь, вы выводите меня изъ терпѣнія! сказалъ я, наконецъ, строгимъ голосомъ, притопнувъ ногою.

Беневоло сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ по комнатѣ, ушелъ и уже болѣе ко мнѣ не заглядывалъ. Въ отрадной надеждѣ выѣхать наконецъ изъ этого несчастливаго для меня города, легъ я вечеромъ въ постель; вдругъ опять является служитель съ письмомъ въ рукѣ.

— Что̀ еще такое? спросилъ я съ гнѣвомъ. Кто̀ далъ тебѣ письмо!

— Какой-то незнакомый человѣкъ, отвѣчалъ онъ.

Содержаніе письма должно было взбѣсить меня; въ немъ заключались только слѣдующія слова:

«Друзья ваши совѣтуютъ вамъ, если вы дорожите жизнію, не выѣзжать изъ Неаполя.»

Я проклиналъ этихъ друзей отъ всего сердца. Сперва я подумалъ, что письмо отъ Беневоло, но оно было писано той-же самой рукою, какъ то, которое пришло мнѣ еще до знакомства съ старикомъ. Не смотря ни на что̀, я рѣшился однако, во что̀-бы ни стало, покинуть Италію, которая мнѣ теперь опротивѣла.

На другой день я поспѣшилъ въ канцелярію посольства, за паспортомъ. Едва явился я въ кабинетъ посланника, какъ онъ встрѣтилъ меня съ такой миною, что я не на шутку испугался.

— Очень сожалѣю, сказалъ онъ мнѣ: что не могу выдать вамъ паспортъ. Я долженъ даже попросить васъ явиться въ судъ. Новыя обстоятельства еще болѣе запутали ваше дѣло. Все это такъ странно и необыкновенно, что я не могу васъ подозрѣвать въ соучастіи съ злоумышленниками, но, по обязанности, долженъ васъ выдать здѣшнему правительству. Вы вѣрно уже знаете, что одна изъ пѣвицъ здѣшняго театра, Эйлалія Грандини, вдругъ неизвѣстно куда исчезла. Она была любимицей публики и общее къ ней участіе заставляетъ полицію принять самыя строгія мѣры къ ея отысканію.

— Я почти не выходилъ изъ дому и слышу объ этомъ въ первый разъ.

— Однакожъ, сказываютъ, будто у васъ видѣли кольцо, которое принадлежало пѣвицѣ, сказалъ посланникъ, бросивъ на меня проницательный взглядъ.

Я невольно смѣшался. Но вскорѣ опять собрался съ духомъ.

— Правда, сказалъ я: мнѣ прислали кольцо, но чье оно, я не знаю.

— На немъ есть мистическіе знаки и буквы I. A. O. Не такъ-ли? спросилъ посланникъ.

— Совершенно такъ.

— Странно! Изъ дѣла я вижу, что кольцо это принадлежало какой-то шайкѣ, которую правительство теперь отыскиваетъ.

Я разсказалъ посланнику, какъ это кольцо мнѣ досталось.

— Вѣроятно, сказалъ онъ: подозрѣваютъ какую-нибудь связь между этимъ кольцомъ, похищеніемъ пѣвицы и убійствомъ полицейскаго. Васъ обвиняютъ въ связи съ какимъ-то Амбросіо Беневоло, подозрѣваемомъ въ дѣланіи фальшивой монеты.

Это открытіе поразило меня, какъ громъ.

— Я не сомнѣваюсь, продолжалъ посланникъ: что вы оправдаетесь, но пока вамъ надо подчиниться требованіямъ мѣстныхъ властей. Очень сожалѣю объ васъ, но что-же дѣлать ...

Я поблагодарилъ посланника за его участіе, но тутъ-же объявилъ, что я скорѣе готовъ вынести всѣ возможныя пытки, чѣмъ нарушить данную мною клятву. Онъ меня понялъ, одобрилъ мое благородное рѣшеніе и обѣщалъ, съ своей стороны, употребить всѣ средства, чтобъ вырвать меня изъ этого непріятнаго положенія. При выходѣ отъ него, меня опять окружила стража, и мы отправились въ судъ. Новый допросъ мой былъ совершеннымъ повтореніемъ прежняго, но и теперь—не только судьи, но и я самъ не могъ извлечь изъ него ни малѣйшаго объясненія всей этой тайны. Весь допросъ этотъ казался какимъ-то приготовленіемъ къ чему-то болѣе важному. У меня распрашивали о самыхъ ничтожныхъ случайностяхъ моей жизни, на примѣръ, въ которомъ часу я встаю, чѣмъ занимаюсь по вечерамъ, знаю-ли древніе языки, люблю-ли рисовать, и т. д.

Такъ прошли три недѣли. Ежедневно ждалъ я чего-нибудь рѣшительнаго и наконецъ, въ одно прекрасное утро, къ неизобразимому моему восторгу, мнѣ объявили, что я признанъ невиннымъ и совершенно свободенъ. Мнѣ отдали вещи, которыя у меня было-отобрали, кромѣ однакожъ кольца, о которомъ, признаться, я и не жалѣлъ. Въ ту-же минуту я побѣжалъ въ посольство и получилъ паспортъ на выѣздъ изъ Неаполя. Само собою разумѣется, что тотъ-же вечеръ не засталъ уже меня въ зловѣщемъ городѣ. Послѣ того, въ теченіе года, я объѣздилъ, безъ помѣхи, всю Италію и въ развлеченіяхъ странической жизни наконецъ позабылъ совершенно о непріятностяхъ въ Неаполѣ.

Разъ, въ Венеціи на балѣ у графини Граціани, я увидѣлъ даму, въ голубомъ платьѣ, которая прямо противъ меня танцовало въ французской кадрилѣ. Лицо ея показалось мнѣ знакомо. Я спросилъ ея фамилію у своей дамы.

— Неужели вы не знаете? Это знаменитая графиня Лукензини.

— Знаменитая? Чѣмъ-же?

— Тѣмъ, что это женщина съ необыкновеннымъ характеромъ. Берегитесь, не попадите къ ней въ силки. Шестнадцати лѣтъ она тайкомъ обвѣнчалась съ своимъ учителемъ музыки, между-тѣмъ какъ рука ея была обѣщана другому. Шесть лѣтъ сряду умѣла она скрывать свой бракъ и проводила своего опекуна. Наконецъ, она развелась съ мужемъ и вышла за другаго, но все еще носитъ имя перваго мужа.

— Какъ! развѣ графъ Лукензини былъ ея учителемъ?

— Да. Это сынъ того Лукензини, который погибъ во время итальянскихъ смутъ. Все имѣніе его было конфисковано и сынъ его принужденъ былъ доставать себѣ пропитаніе уроками.

— Надо, однакожъ, прибавить въ оправданіе графини, сказала другая дама, слышавшая нашъ разговоръ: что она, со смерти своей матери, жила въ совершенномъ отчужденіи отъ свѣта и никого не видѣла, кромѣ своихъ учителей. Что-жъ мудренаго, что она влюбилась въ того изъ нихъ, который былъ моложе, красивѣе и образованнѣе другихъ? Зная, что фамилія ея никакъ не согласится на этотъ бракъ, она рѣшилась обвѣнчаться съ нимъ тайно.

Кадриль кончился. Я отблагодарилъ свою даму и невольно сталъ всматриваться въ графиню, чтобы вспомнить, кого она мнѣ напоминаетъ. Кромѣ того, женщина рѣшительная и смѣлая невольно возбуждаетъ наше участіе: въ умѣ тотчасъ рождается мысль о борьбѣ, которую она должна была вынести съ собою и съ окружающими препятствіями и о томъ, что она выстрадала, чтобы добыть себѣ короткое счастіе. То-же было и со мною. Графиня, казалось, замѣтила мой пристальный взглядъ, и когда я поравнялся съ нею, она мнѣ сказала: «Синьоръ!» — Я остановился. Голосъ ея поразилъ меня.

— Вы, кажется, меня не узнаете? продолжала она.

Я отступилъ на шагъ и мнѣ показалось, что предо мною стоитъ синьора Грандини.

— Я не знаю, смѣю-ли я васъ узнать, отвѣчалъ я.

— О, будьте спокойны! возразила графиня съ улыбкою. Тѣ, которые вынудили у васъ страшную клятву, уже не существуютъ. Я имѣю полное право разрѣшить васъ отъ клятвы. Если хотите узнать больше, то пріѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ... A-propos, скажите: сберегли-ли вы мое кольцо?

— Ваше кольцо? Оно отобрано у меня въ Неаполѣ.

— Вѣрно имъ воспользовался негодяй Беневоло.

— Развѣ вы знали Беневоло?

— Я? спросила она со смѣхомъ: пріѣзжайте ко мнѣ и я разрѣшу вамъ завтра всю загадку.

На другой день, въ назначенный часъ, я поспѣшилъ къ графинѣ. Щвейцаръ, къ удивленію моему, объявилъ, что графиня сегодня никого не принимаетъ. Но когда я подалъ свою карточку, онъ распахнулъ предо мною двери и позвонилъ. Я прошелъ рядъ роскошныхъ комнатъ; гра-

Финя ожидала меня въ павильонѣ, находившемся на самомъ концѣ дома, и выходившемъ съ одной стороны на каналъ Гранде, съ другой на площадь. Среди зелени тропическихъ растеній, она сидѣла на небольшой козеткѣ и, дружески протянувъ мнѣ руку, указала на мягкое кресло, противъ себя.

— Вы, можетъ быть, не знаете, сказала она: что я обязана вамъ жизнью.

— Вы?

— Да, вы спасли меня. Вы развязали узелъ моей судьбы, сами того не подозрѣвая. Здѣсь языки словоохотные: я увѣрена, вамъ уже разсказали мою исторію, и вѣроятно, съ разными нелѣпыми прибавленіями. Я не стану передъ вами оправдываться, скажу только я должна была выдти за Лукензини, потому–что меня преслѣдовалъ извѣстный вамъ Беневоло. Онъ умѣлъ поддѣлаться къ моей матери, исправлялъ всѣ ея порученія, жилъ у насъ въ домѣ, управлялъ имѣніями и дѣлами, и до того сдѣлался ей необходимъ, что успѣлъ у нея выманить мою руку, какъ–бы для большаго скрѣпленія общихъ интересовъ. Я его знала въ Неаполѣ: онъ и тогда былъ точно такой–же, какъ теперь. Лукензини былъ молодъ, хорошъ собой, любилъ меня страстно ... мнѣ тогда пошелъ шестнадцатый годъ; разумѣется, голова моя вскружилась и я рѣшилась соединить съ нимъ мою судьбу. Не стану разсказывать вамъ всѣ подробности моей жизни. Вскорѣ мужъ мой подвергся преслѣдованіямъ и принужденъ былъ бѣжать изъ отечества. Не успѣлъ онъ уѣхать, какъ за меня началъ свататься новый обожатель, дальній мой родственникъ, Леонардо Амати. Вамъ, вѣрно, сказывали, что я обѣщала ему свою руку? Это правда; но вотъ какъ дѣло было. Отецъ его имѣлъ право на часть нашего имѣнія, по смерти матушки. Чтобъ не дѣлить его, онъ уговорилъ умирающую соединить меня съ его сыномъ. Истощенная болѣзнью, едва владѣя разсудкомъ и боясь за мою участь — матушка согласилась, и я принуждена была у одра ея дать слово исполнить ея волю. Судите сами: могла–ли я огорчить моимъ признаніемъ умирающую, нѣжно любимую и даже въ послѣднія минуты заботящуюся обо мнѣ — мать? Матушка скончалась. Въ духовномъ завѣщаніи она назначила мнѣ опекуномъ Винченцо Амати, отца моего мнимаго жениха. Едва прошло время траура, какъ Амати сталъ требовать исполненія даннаго мною слова. Я рѣшительно объявила, что я уже за-мужемъ. Это открытіе привело отца и сына въ бѣшенство. Женитьбой этой они надѣялись пріобрѣсть все огромное мое состояніе – и вдругъ всѣ ихъ корыстныя надежды должны были лопнуть. Но это два характера, которые не отказываются безъ боя отъ предначертаннаго однажды плана. Они начали принуждать меня просить разводной съ моимъ мужемъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ изгнаніи и жилъ за границею. Выведенная изъ терпѣнія ихъ притѣсненіями, я тайкомъ бѣжала изъ Венеціи, приняла другую фамилію ... и такимъ–образомъ на разныхъ сценахъ Италіи появилась синьора Грандини, окруженная поклонниками и рукоплесканіями. Огромныя деньги, которыя я пріобрѣтала талантомъ, давали мнѣ средство скрываться отъ коз-

ней Амати. Новое поприще мнѣ очень нравилось и я уже совершенно было-успокоилась, какъ вдругъ мой опекунъ отыскалъ меня въ Неаполѣ. Я еще не достигла совершеннолѣтія, стало быть, онъ имѣлъ всѣ права надо мною. Онъ явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что мужъ мой утонулъ, принесъ мнѣ даже свидѣтельство о его смерти и настоятельно требовалъ исполненія даннаго слова. Но я знала, что все это была выдумка, потому-что почти въ то-же самое время получила письмо отъ моего мужа, который извѣщалъ меня, что онъ оправданъ и получилъ оффиціальное разрѣшеніе возвратиться въ Италію. Я притворилась, что повѣрила моимъ преслѣдователямъ, надѣла трауръ, велѣла обить свою комнату чернымъ сукномъ, чтобъ только этимъ выиграть время, потому – что черезъ мѣсяцъ наступалъ срокъ моего совершеннолѣтія. Но хитрый Амати разгадалъ мою уловку и въ то-же время чрезъ своихъ шпіоновъ узналъ, что Лукензини долженъ прибыть въ Неаполь на первомъ пароходѣ. Минута была рѣшительная: онъ видѣлъ, что жертва ускользаетъ у него изъ рукъ но не хотѣлъ оставить своего пораженія не отмщеннымъ. Можетъ быть, онъ думалъ, что по смерти мужа я не стану отказываться отъ его сына; статься можетъ также что онъ хотѣлъ насъ обоихъ напугать и предоставить мнѣ на выборъ—или смерть моего мужа или союзъ съ Леонардо; а можетъ быть, это былъ просто порывъ его дикаго, звѣрскаго характера, изобличающаго въ немъ калабрскую кровь. Вамъ извѣстно, какое средство онъ употребилъ для достиженія своей цѣли. Наше уединенное жилище, подкупленные слуги — все, казалось, благопріятствовало его замыслу; но Промыслу угодно было назначить васъ орудіемъ къ разрушенію злодѣйства. Когда онъ васъ отпустилъ, послѣ нашей первой, довольно странной встрѣчи, я рѣшилась отдѣлаться отъ своихъ гонителей во что-бы ни стало. Такъ-какъ имѣніе мое было главною причиною ихъ гоненій, то я тутъ-же, пользуясь минутой пораженія стараго Амати, предложила ему за себя, въ видѣ выкупа, всѣ мои земли. Онъ тотчасъ согласился и самъ приготовилъ актъ, по которому все имѣніе должно было перейти въ его руки. Пока онъ писалъ, воротился Леонардо, провожавшій васъ, весь въ лохмотьяхъ и мокрый; лицо его было блѣдно и показывало необыкновенное волненіе. Онъ едва переводилъ духъ. Переглянувшись съ отцомъ и шепнувъ ему пару словъ, онъ выслушалъ мое предложеніе и ни минуты не задумался на счетъ своего согласія; напротивъ, онъ даже торопилъ меня подписать бумагу на его имя и потомъ немедленно досталъ мнѣ карету и самъ спѣшилъ выпроводить меня изъ ненавистнаго мнѣ дома. Въ торопливости своей и волненіи, они даже не замѣтили, что я подписала число и день, въ которые еще не имѣла права распоряжаться имѣніемъ, какъ несовершеннолѣтняя. Что сдѣлалось вдругъ съ моими гонителями, какое облако затмѣнія набѣжало на нихъ—я тогда не могла понять. На третій день только, когда въ городѣ разнесся слухъ объ убійствѣ полицейскаго, я изъ подробностей разсказовъ догадалась, кто былъ виновникомъ этого злодѣянія и отчего Леонардо вдругъ сталъ такъ сговорчивъ и даже торопился разстаться со мною.

Несчастный полицейскій офицеръ случайно попался въ эту исторію и сдѣлался ея жертвою.

Въ нашемъ кварталѣ, за день до того, была сдѣлана значительная покража и этотъ офицеръ взялся во что-бы ни стало открыть мошенниковъ. Замѣтя въ лодкѣ Леонардо что-то подозрительное, онъ, чтобы подстеречь его, спрятался за парусъ, но былъ имъ замѣченъ и пораженъ прежде, чѣмъ могъ позвать людей своихъ. Леонардо былъ взятъ черезъ двѣ недѣли, потому-что слуга его, попавшійся прежде въ руки правосудія, во всемъ признался и указалъ на убійцу.

Мѣсяцъ спустя, оба были казнены, а старикъ Амати, при извѣстіи о приговорѣ сына, умеръ отъ апоплексіи. Пока длилось это дѣло, и я въ простотѣ души думала, что лишена всѣхъ средствъ къ жизни, я опять выступила на неаполитанскую сцену подъ именемъ синьоры Грандини. Чрезъ недѣлю я получила извѣстіе, что мой мужъ прибылъ въ Салерно. Чтобъ не имѣть споровъ съ директоромъ театра, я тихонько ночью уѣхала изъ Неаполя и поспѣшила на встрѣчу къ мужу. Вотъ все, что васъ могло интересовать въ моей исторіи. Добавлю, что имѣніе мое было мнѣ все возвращено законнымъ порядкомъ, и что мужъ мой теперь отправился ко двору, искать себѣ приличнаго мѣста ... Злые языки утверждаютъ, что онъ меня бросилъ ... и я не сержусь на нихъ: они сами-же доставляютъ мнѣ надъ собою торжество, окружая меня поклонниками и искателями.

— Въ числѣ которыхъ, отнынѣ позвольте быть и мнѣ, графиня! Однако вы мнѣ ничего не сказали о человѣкѣ, который меня наиболѣе интересуетъ, объ Амбросіо Беневоло?

— А, такъ онъ васъ интересуетъ ... и даже болѣе меня! О, за это вы достойны наказанія. Вы не иначе узнаете о Беневоло, какъ давъ слово исполнить все, что я потребую.

— Наперед согласенъ, если только требованіе не будетъ превышать мои силы.

— О, нѣтъ! Итакъ вы отправляетесь отъ меня черезъ всѣ комнаты, выходите въ переулокъ, пробираетесь до канала Гранде, нанимаете гондолу, велите подвести себя подъ самый мой балконъ, съ него будетъ спущена веревочная лѣстница, вы по ней взберетесь сюда...

— Но, графиня ..,

— Безъ возраженій! Я хочу этимъ дать новую пищу трудолюбивымъ языкамъ: меня развели съ мужемъ, теперь мнѣ навяжутъ любовника.

Спорить было невозможно, я неосмотрительно далъ слово, хотя это романическое путешествіе вовсе не казалось мнѣ привлекательнымъ Я отправился — и черезъ полчаса влѣзалъ уже черезъ балконъ въ будуаръ графини, которая, сидя на томъ-же мѣстѣ, помирала со смѣху. Она указала мнѣ на маленькій, смежный кабинетъ и просила надѣть приготовленный тамъ костюмъ: я нашелъ роскошный турецкій сюртукъ и богато-вышитую ермолку. Я нарядился шутомъ и вышелъ. Графиня пригласила меня сѣсть рядомъ съ собою, положила на столъ пару терцеролей и потомъ позвонила.

— Что все это значитъ? спросилъ я, не безъ внутренняго волненія, потому–что итальянскій романтизмъ надоѣлъ мнѣ до смерти.

— Это необходимо: вы увидите.

Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ.

Вдругъ растворилась дверь и въ комнату вбѣжалъ Беневоло.

— Амбросіо! сказала ему графиня: знакомъ–ли тебѣ этотъ господинъ?

Беневоло затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Видишь–ли, Амбросіо, я имѣла мужа и развелась съ нимъ, отказалась отъ другаго и вотъ теперь у меня третій — а все не ты, бѣдный Амбросіо! Но теперь не о томъ рѣчь: ты знаешь, какъ ты виноватъ передъ этимъ господиномъ? Онъ требуетъ мщенія: твой часъ пробилъ — признавайся во всемъ, если хочешь пощады. Распросите его сами, графъ! сказала она, обратясь ко мнѣ.

Беневоло дергали судороги, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, лицо его искривилось, колѣни дрожали, на лбу выступали крупныя капли пота. Онъ былъ и жалокъ и смѣшенъ въ одно время. Графиня замѣтила, что мнѣ трудно выдержать серьозную роль и сказала:

— О, вы слишкомъ добры, графъ! Вы, кажется, его жалѣете. Но вы не знаете, что это за человѣкъ. Мало того, что онъ смѣлъ въ меня влюбиться, онъ возстановлялъ противъ меня мать и угрозами хотѣлъ принудить меня принадлежать ему; потомъ онъ перешелъ на сторону Амати и помогалъ имъ меня мучить, былъ ими подосланъ къ вамъ шпіономъ, писалъ къ вамъ подложныя письма и мѣшалъ мнѣ съ вами увидѣться, чтобъ я не могла вамъ открыть ихъ гнусную тайну. Этого мало: когда онъ узналъ, что у васъ мое кольцо, изъ–за котораго онъ хлопоталъ нѣсколько лѣтъ, и котораго не успѣлъ ни выманить у матушки, ни украсть у меня, онъ рѣшился сдѣлать на васъ доносъ; онъ обвинилъ васъ въ томъ, что вы меня похитили и основалъ свое обвиненіе именно на этомъ кольцѣ, чтобъ, во время дѣлопроизводства, воспользоваться имъ. Вы вѣдь знаете, онъ любитель антиковъ — и монетъ.

— Мнѣ кажется, что онъ больше любитъ деньги, чѣмъ монеты! возразилъ я: не даромъ–же его взяли за дѣланіе фальшивыхъ денегъ.

— О, это вздоръ, замѣтила графиня, на это у него не хватило–бы духу. Правда, онъ дѣлалъ фальшивыя монеты, но не новыя, а старинныя. Онъ избралъ себѣ ремесло обманывать англичанъ: сочинялъ небывалыхъ владѣтелей, изображалъ ихъ портреты, подражая стариннымъ медалямъ и приводилъ этими продѣлками всѣхъ антикваріевъ въ совершенное отчаяніе.

Амбросіо стоялъ, какъ приговоренный къ смерти, и только изрѣдка восклицалъ: «Pegitissima signora!.. signore Conte! И когда графиня умолкла, онъ осмѣлился произнесть умоляющимъ голосомъ: — Все это правда ... каюсь, я злодѣй, я негодяй ... но вѣдь я спасъ графу жизнь!

— И это правда, подхватила графиня, видя на лицѣ моемъ недоумѣніе. Помните–ли вы, во время нашей первой встрѣчи, закутанное лицо, которое на минуту выглянуло въ дверь...

— Лицо старухи, которая сказала: это не онъ?

— Старуха былъ синьоръ Амбросіо, рекомендую. Ну, за это умное слово, пожалуй, можно-бы простить его. Какъ вы думаете, графъ?

Мнѣ до того было жаль этого несчастнаго страдальца, что я наконецъ попросилъ графиню кончить нашу траги-комедію.

— Благодари графа и ступай! сказала она повелительно. Беневоло бросился цѣловать мою руку и полу сюртука. — Кстати, добавила она: не забудь завтра утромъ, когда я буду завивать локоны, подать мнѣ сонетъ на этотъ случай.

— О, сонетъ будетъ, эчеленца! воскликнулъ обрадованный Амбросію и бросился опрометью изъ комнаты.

— Въ сущности онъ не дурной старикъ, сказала графиня, обращаясь ко мнѣ. Его надо только держать въ уздѣ. Онъ корыстолюбивъ — по природѣ, подлъ, завистливъ и мстителенъ — по слабодушію. Вообразите, онъ до-сихъ-поръ еще влюбленъ въ меня безъ ума, и вѣрно предпринялъ-бы противъ меня какія-нибудь козни, еслибъ тайна его сообщества съ Амати не была въ моихъ рукахъ и не напоминала ему о петлѣ. Теперь онъ мнѣ вѣренъ, какъ собака, и я сама привыкла къ нему, какъ къ комнатной собаченкѣ.

Вы видите, что вамъ теперь меня бояться нечего: я надѣюсь, что мы будемъ видѣться часто, очень часто и когда пріѣдетъ мой мужъ, я васъ ему представлю. Теперь — прощайте, уже поздно! До свиданія, не такъ-ли?

Я обѣщалъ графинѣ явиться, какъ можно скорѣе и въ ту-же ночь выѣхалъ изъ Венеціи: знакомство ея казалось мнѣ слишкомъ опаснымъ и я былъ уже сытъ отъ всѣхъ итальянскихъ удовольствій.

МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИППЛИНА.

Статья шестая.

ТОЛЕДО. — ГРЕНАДА.

Исторія и описаніе Толедо. — Соборъ Virgen del Sagrario. — Королевскій дворецъ. — Мостъ на рѣкѣ Таго. — Госпиталь. — Гренада. — Горы. — Сьера-Аренасъ. — Сьера Навада. — Сьера Эльвира. — Проводникъ Вашингтона Ирвинга.

Читатель, можетъ быть, удивится, что я дѣлаю такіе огромные скачки: изъ Кордовы въ Толедо, въ Гренаду, разстоянія во сто миль, и вѣроятно не одинъ изъ читателей скажетъ про себя: a beau mentir, qui vient de loin; но я покорнѣйше прошу припомнить, что я путешествую не въ дилижансѣ и даже не по желѣзной дорогѣ, а лечу на пегасѣ!

Цѣль путешествія моего уже извѣстна изъ прежнихъ статей: я желаю открыть слѣды существованія мавровъ въ Испаніи, и по этимъ памятникамъ прошедшаго судить о ея будущности.

Толедо называютъ лицомъ или казовымъ концомъ Испаніи, потому-что ни одинъ городъ полуострова не имѣетъ такого грустнаго и вмѣстѣ величественнаго вида, какъ Толедо. Это очень древній городъ, основанный евреями, еще за-долго до пришествія въ Испанію гòтовъ.

Городъ этотъ выстроенъ такъ, какъ-будто не долженъ былъ и не могъ никогда упасть: домы въ немъ похожи на укрѣпленные зàмки, и весь онъ сооруженъ на скалѣ, возвышающейся надъ моремъ на двѣ тысячи пять сотъ футовъ. Въ каждомъ домѣ живетъ только одно семейство. Рѣка Таго опоясываетъ Толедо съ трехъ сторонъ; ворота, охраняемыя башнями, ведутъ въ него со стороны суши; вездѣ множество древнихъ фонтановъ, но большая часть изъ нихъ изсякли. Надъ всемъ городомъ возвышается древній зàмокъ мавровъ, украшенный великолѣпно Карломъ V. Церквей здѣсь, кромѣ каѳедральнаго собора, всего двадцать шесть; изъ нихъ шесть называются *мозарабскими*, то-есть, христіанскими церквями, основанными и существовавшими неприкосновенно во времена владычества мавровъ въ Испаніи. Сверхъ того есть еще девять часовень (передъ эдиктомъ Мендизабала считалось здѣсь четырнадцать мужскихъ и двадцать три женскихъ монастыря), госпиталей десять и Духовныя Академіи. Въ Толедо собирались первые соборы, извѣстные подъ названіемъ *толедскихъ*, которыхъ было семнадцать; первый изъ нихъ былъ въ 399 году по Р. Х.

Толедскій соборъ во имя Пречистой Дѣвы (Virgen del Sagrario) знаменитъ и какъ зданіе и въ историческомъ значеніи. Здѣсь нѣкогда раздавались могущественные голоса святыхъ: Исидора кастильскаго и Ильдефонса въ защиту христіанской религіи. Въ 1086 году, здѣсь отслужена первая обѣдня георгіанская, то-есть, въ этомъ году впервые установленъ былъ римско-католическій требникъ и введено безбрачіе католическаго духовенства. Фундаментъ толедскаго собора положенъ былъ уже во времена гòтовъ. Каждая эпоха одарила его разными украшеніями, соотвѣтственно вкусу своего времени. Короли, богомольцы и рыцари приносили свои вклады для построенія и украшенія этого храма, въ продолженіе многихъ вѣковъ, а потому, въ цѣломъ соборъ этотъ не такъ красивъ, какъ севильскій, но въ частностяхъ представляетъ множество красотъ, которыхъ нѣтъ въ послѣднемъ. Разнообразные придѣлы, памятники, хоры, портики, трапезныя, келіи представляютъ неоцѣненную хронику для археолога. Нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ ничего величественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ красивѣе толедской башни. Это, безъ сомнѣнія, древнѣйшее произведеніе христіанской архитектуры. Колоколовъ въ ней тридцать; самый большой вѣситъ пять тысячъ пудовъ, но онъ немного треснулъ.

Внутренность собора раздѣлена на пять отдѣленій и покоится на семьмидесяти четырехъ колоннахъ. Средняя галлерея имѣетъ сто шестдесятъ футовъ вышины. Цвѣтныя стекла въ окнахъ разливаютъ какой-

то магическій свѣтъ на фантастическія украшенія, во множествѣ разсѣянныя по всему храму маврами. Часовня, посвященная Пресвятой Дѣвѣ, вся составлена изъ алаго, чернаго и бѣлаго мрамора. Изображеніе Пресвятой Дѣвы, изваянное изъ темнаго дерева еще въ VII вѣкѣ христіанской эры, покрыто ризою, сотканою изъ крупнаго жемчуга. Покровъ этотъ оцѣниваютъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Есть еще въ этомъ соборѣ такъ-называемая королевская часовня (Capilla de los reges), въ которой покоится прахъ пяти королей XIV столѣтія.

На самомъ берегу Таго красуется королевскій дворецъ съ высокимъ бельведеромъ, называемымъ *мирадоромъ*. Дворецъ этотъ построенъ тѣмъ самымъ королемъ Родригомъ, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ велѣлъ похоронить себя живымъ вмѣстѣ съ ядовитою змѣею. Прежде ко дворцу примыкали обширныя залы замка, отъ котораго нынѣ остались однѣ только развалины. Замокъ этотъ принадлежалъ графу Юліану, котораго прекрасная дочь была причиною погибели Родрига.

Изъ мирадора представляется превосходный видъ на гранитныя скалы, противулежащія толедскимъ горамъ; эти скалы усѣяны пропастями и пещерами, въ которыхъ весьма часто находятъ убѣжище хищные звѣри и бандиты.

Далѣе открываются глазамъ богатыя нивы королевства Манхи, классической земли знаменитаго Донъ-Кихота: можно видѣть даже въ трубу тѣ вѣтряныя мельницы, которыя добродушный рыцарь принялъ за великановъ.

Рѣка Таго при Толедо широка и быстра: ведущій черезъ нее мостъ великолѣпенъ. Онъ утвержденъ на пяти огромныхъ аркахъ и стоитъ ненарушимо уже болѣе шести вѣковъ, хотя бурная рѣка силится поколебать его основаніе. Двѣсти пятдесять лѣтъ тому назадъ, толедскій архіепископъ *Педро де-Теноріо*, родственникъ извѣстнаго вертопраха Донъ-Жуана де-Теноріо, который похороненъ въ монастырѣ de la Caridad, въ Севильѣ, приказалъ на свой счетъ обновить этотъ мостъ и украсить статуями.

Толедскій госпиталь, основанный еще маврами, поражаетъ своею огромностью и великолѣпіемъ. Марморная лѣстница, неуступающая красотою и богатствомъ луврской, ведетъ въ палаты больныхъ. Вездѣ надъ воротами и дверями видны арабскія надписи, множество разныхъ отдѣленій доказываетъ, что мавры имѣли ясное понятіе о различіи болѣзней. При каждой залѣ находится корридоръ съ ваннами, столь чистыми и бѣлыми, какъ-будто онѣ только въ этомъ году поставлены. Все это сдѣлано изъ сѣроватаго мрамора, неподчиняющагося вліянію воздуха и огня. Вездѣ множество фонтановъ, но, къ сожалѣнію, немногіе изъ нихъ содержатъ въ себѣ воду. Прежде они наполнялись водою проведенною посредствомъ герметически устроенныхъ трубъ изъ противулежащихъ горъ, на разстояніи трехъ миль. Содержаніе этихъ трубъ въ исправности стоило очень дорого, а потому испанцы оставили ихъ въ бездѣйствіи. Нынѣ Толедскій госпиталь непохожъ даже на тѣнь того, чѣмъ онъ былъ при маврахъ.

Должно согласиться, что народъ, который питалъ такое высокое, а

вмѣстѣ съ тѣмъ деликатное попеченіе о своихъ обязанностяхъ относительно ближнихъ, убогихъ и страдающихъ, долженъ былъ имѣть очень ясное понятіе о достоинствѣ человѣка.

На главныхъ воротахъ, ведущихъ въ госпиталь, есть надпись, говорящая, что обязанность каждаго здороваго человѣка заботиться объ несчастныхъ страждущихъ, и какъ видно, мавры выполняли это правило свято.

Нынѣшніе жители Толедо много мечтаютъ, и мало дѣлаютъ. Погруженные въ восточныя грезы, они всею душою прониклись вѣрою въ предопредѣленіе, а тѣло свое предоставили внушеніямъ страстей. Сложа руки, они безпечно смотрятъ на явный упадокъ роднаго города. Но надменность ихъ однако отъ этого нисколько не упадаетъ. Они проходятъ по пустымъ улицамъ, какъ тѣни тѣхъ богатырей, которыхъ подвигами нѣкогда славилась Толедо, въ которой считалось болѣе двухъ сотъ тысячъ жителей; нынѣ едва-ли осталось и пятнадцать тысячъ.

Но оставимъ Толедо... Вотъ уже видны въ отдаленіи зубчатыя вершины горъ Сьеры Аренасъ; уже долетаетъ къ намъ ароматическій воздухъ съ вершинъ горъ *Ярана;* уже показывается на далекомъ небосклонѣ снѣжная пирамида, называемая Picacho de Velete; далѣе открывается величественная цѣпь горъ Сьера-Невады, которая представляется взору въ видѣ исполинскихъ кристалловъ, плавающихъ въ воздухѣ и играющихъ съ тучами; вотъ заблистала молнія и покрыла пурпуромъ всю цѣпь горъ: перекаты грома оглушили воздухъ Кажется, вся земля должна поколебаться, но величественныя горы, вознесенныя какъ-бы рукою титановъ, стоятъ неподнижно и издѣваются надъ гнѣвомъ стихій.

Невысокая цѣпь горъ Сьеры-Эльвиры отдѣляетъ насъ отъ Гренады, красующейся въ видѣ роскошнаго сада на уступахъ горъ Невады; но вотъ уже въ вечернемъ сумракѣ блестятъ бѣлоснѣжные ряды дворцовъ и домовъ королевскаго города Гренады, блестятъ, какъ призраки временъ прошедшихъ.

Гренада одно изъ тѣхъ привилегированыхъ мѣстъ, которыя огненными чертами врѣзываются въ памяти путешественника. Кто при видѣ этого земнаго рая не придетъ въ восторгъ, кто останется холоднымъ зрителемъ этого счастливаго оазиса, соединяющаго въ себѣ всѣ прелести сѣвера и юга; тотъ, вѣроятно, не въ состояніи наслаждаться лучшими дарами природы и не зналъ фантастическихъ сновъ молодости.

Я несусь мимо рощь, парковъ и садовъ, окружающихъ Гренаду самою благовонною атмосферою; вотъ уже въѣзжаю на предмѣстье Эльвиры, въ то мѣсто, гдѣ послѣдній мавританскій король, Боабдилъ, получилъ денесеніе о взятіи Альгамбры; вотъ та огромная площадь, называемая *тріумфальнымъ плацомъ*, на которой Изабелла, королева Арагоніи и Кастиліи, приносила 6 января 1492 года благодареніе Всевышнему за взятіе Гренады.

Лишь только я ступилъ на землю, меня начали приглашать остановиться въ гостинницѣ *Минервы,* самой лучшей во всемъ городѣ.

— Нѣтъ, я вовсе не желаю поселиться въ гостинницѣ, чтобы жить

въ обществѣ французскихъ коми-вояжеровъ, или англійнскихъ туристовъ; я хочу остановиться въ самой Альгамбрѣ, если нельзя въ замкѣ, то хотя на дворѣ замка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были убиты Абенсераги! закричалъ я нетерпѣливо.

— И вы можете исполнить свое желаніе! сказалъ мнѣ какой-то человѣкъ пожилыхъ лѣтъ.

— Но кто вы, Sennor? спросилъ я.

— Я Матео Ксименесъ, el hijo de la Alhambra (сынъ Альгамбры).

— Какъ! неужели вы тотъ самый Матео Ксименесъ, который, шестнадцать лѣтъ тому, служилъ проводникомъ Вашингтону Ирвингу, и котораго имя знаменитый поэтъ обезсмертилъ въ своихъ повѣстяхъ объ Альгамбрѣ? Дайте мнѣ руку, донъ Матео Ксименесъ, вѣрный сынъ Альгамбры, потомокъ знаменитыхъ предковъ, которые болѣе четырехъ столѣтій живутъ въ этомъ древнемъ замкѣ мавровъ: я съ радостью принимаю ваше приглашеніе и охотно поселюсь у васъ.

Ахъ, что за неоцѣненный человѣкъ этотъ Матео Ксименесъ! Онъ знаетъ всю исторію Гренады, какъ свои пять пальцевъ и съ необыкновеннымъ искуствомъ умѣетъ расказывать ее. Кажется, что духи Зегрисовъ и Абенсерраговъ повѣрили ему всѣ свои тайны. Но я передамъ вамъ разсказанное имъ въ слѣдующей главѣ.

III.

БЛАДЫЧЕСТВО МАВРОВЪ ВЪ ГРЕНАДѢ.

Утро въ Гренадѣ. — Исторія донъ-Ксаверія Бургосъ. — Начало Гренады. — Марокскій султанъ Юсуфъ-Ибнъ-Тешфинъ, изъ рода Альморавидовъ. — Династія Альмогадовъ. — Магомедъ-Абу-Альгамаръ. — Начало Альгамбры. — Юсуфъ-Абулъ-Хагигъ. — Паденіе владычества мавровъ въ Гренадѣ. — Послѣдній король ея, Боабдилъ. — Карлъ V, преслѣдованія мавровъ. — Донъ-Фердинандъ де-Валоръ. — Изгнаніе мавровъ изъ Испаніи. — Библіотека Гренады.

Свѣтъ брежжетъ надъ Альгамброй; утренняя заря показывается изъ за горъ Алпухарасскихъ и разливаетъ багряное зарево на прежнее царство мавровъ; снѣжныя вершины грозной Невады озаряются пурпуромъ, и дикая скалистая арена разбиваетъ своими зубцами солнечные лучи и разбрасываетъ ихъ на веселыя долины Веги. Все, что покоилось, возвращается къ жизни; ничто уже не припоминаетъ ночи, кромѣ тебя, голосистый соловей Альгамбры. Ты тоскуешь и жалобами своими прерываешь спокойствіе ночи; но и днемъ ты не перестаешь тосковать, бѣдная, поэтическая душа! Тебѣ позволено тосковать, потому-что не каждый понимаетъ твои жалобы! Пробудились и цвѣты, они возносятъ къ небу свои головки и разливаютъ по атмосферѣ тысячи благовоній. Величивое алоэ играетъ съ лучами солнца, горделивая граната своими яркими красками соперничаетъ съ утреннею денницей; акаціи, жасмины, сирень, каприфоліи, разноцвѣтныя розы, распускаютъ свои лепестки, а діонея (dyonea) медленно раскрываетъ свои пышныя, бѣлыя чашеч

ки — и изъ нихъ вылетаетъ обезсиленный мотылекъ, находившійся цѣлую ночь въ заключеніи.

Вотъ и изумрудныя ящерицы Альгамбры вышли изъ своихъ норокъ и смотрятъ на меня безъ боязни красивыми глазками; выползъ также и хамелеонъ на вѣтвь терновника и, въ ожиданіи добычи, окружилъ его своимъ хвостомъ, безпрестанно измѣняя свой цвѣтъ: то дѣлается онъ синимъ, то зеленымъ — иногда бываетъ даже весь красный. Онъ съ угрозою открываетъ свою огромную пасть, кажется, будто хочетъ тебя проглотить, но опасаться нечего: хотя у него много злости, но большая пасть его лишена зубовъ и силы.

Въ Европѣ есть одно только мѣсто, наслаждающееся весною, достойною самого пламеннаго воображенія поэта, такою весною, какая могла быть только въ первобытномъ обиталищѣ человѣка. И это мѣсто – Гренада, и мнѣ довелось наслаждаться ею! Вы, можетъ быть, думаете, что я преувеличиваю, но я ссылаюсь въ этомъ на свидѣтельства Байрона и Вашингтона Ирвинга, извѣстныхъ знатоковъ въ этомъ дѣлѣ. Они не находили ни въ Италіи, ни въ Греціи ни одного мѣста, которое могло бы въ этомъ отношеніи сравниться съ Гренадою; и дѣйствительно, нигдѣ нельзя видѣть такой роскошной растительности, такого богатства и разнообразія розъ и ерани, лавровыхъ и гранатныхъ деревъ! Здѣсь всѣ вообще дворы, крыльца, балконы, террасы покрыты самыми роскошными цвѣтами; вездѣ каменныя стѣны обросли цвѣтами; можно сказать, что вся Гренада въ цвѣтахъ. И, посреди этого ложа розъ красуется, какъ осуществленіе фантастическаго сна, *Альгамбра!*

Я-бы желалъ дать вамъ, въ нѣсколькихъ словахъ, истинное понятіе о красотѣ этого зданія, описанію котораго посвящено безчисленное множество томовъ; но, къ сожалѣнію, перо мое, одушевленное самыми добрыми желаніями, не чувствуетъ въ себѣ довольно силъ для этого. Впрочемъ, стремясь постоянно и неуклонно къ достиженію предположенной цѣли, оно не страшится никакихъ препятствій и, надѣясь на вдохновеніе, употребитъ всѣ усилія для передачи вамъ своихъ впечатлѣній.

Для достиженія этой цѣли, я буду черпать въ прошедшемъ мои данныя, обращусь къ историческимъ источникамъ и возьму въ путеводители краснорѣчиваго дона Ксаверія Бургоса, бывшаго испанскаго министра, который въ 1850 г. издалъ исторію Испаніи. Въ этой исторіи я открылъ новые источники, незнакомые даже Ирвингу, источники заслуживающіе полной вѣры.

Почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Гренада, стоялъ, въ сумракѣ до-историческихъ временъ, городъ, называемый Илиберисъ, основанный, кажется, еще Финикіянами. Объ этомъ городѣ историки почти ничего не говорятъ; но онъ, должно быть, славился своимъ могуществомъ, когда успѣлъ, въ 711 году, противустоять нападеніямъ арабовъ, проникшихъ во внутренность этого края. За такое сопротивленіе онъ былъ разоренъ побѣдителями и долго однѣ развалины свидѣтельствовали о его могуществѣ. Только въ X столѣтіи, мавры, завла-

дѣвъ большею частію Перенейскаго полуострова и сѣверной Африки и утвердивъ свое владычество надъ этими землями, подъ мудрымъ правленіемъ королей своихъ изъ династіи Омеядовъ, основали на этомъ мѣстѣ новый городъ и назвали его Гренадой, по сходству его формы съ гранатой. Короли гренадскіе имѣли въ своемъ гербѣ изображеніе этого плода въ лазуревомъ полѣ, съ надписью: *ля галибъ иль Алахъ*, что значитъ: «одинъ Богъ всемогущъ!»

Гренада, до самого паденія знаменитаго рода Омеядовъ, принадлежали къ Кордуанскому халифату; но когда, въ 1031 г., государство это распалось на нѣсколько небольшихъ владѣній, Гренада сдѣлалась столицею независимаго эмира.

Несогласія начали вкрадываться между маврами. Альфонсъ VI, король кастильскій, воспользовавшись этими несогласіями, объявилъ всѣмъ эмирамъ войну. Не чувствуя себя довольно сильными, чтобы противустоять ему, эмиры призвали въ помощь марокскаго султана, Юсуфъ–Ибнъ–Тешфина, изъ рода Альморавидовъ, царствовавшаго въ Мороккѣ послѣ паденія династіи Омеядовъ. Юсуфъ пришелъ съ своею арміею въ Испанію и уничтожилъ войска короля Альфонса, въ сраженіи подъ Залярой, недалеко отъ Бадаіоза: но, пользуясь своимъ положеніемъ, какъ побѣдитель, напалъ нечаянно въ 1090 г. на Гренаду, захватилъ гренадскаго эмира, отослалъ его въ Марокъ плѣнникомъ и, дѣйствуя съ оружіемъ въ рукахъ, въ 1103 г. овладѣлъ постепенно всею магометанскою Испаніею. Такимъ-образомъ Гренада лишилась своей независимости.

Альморавиды хотя были хорошіе воины, но не умѣли пріобрѣсти любви мавританскихъ жителей, привыкшихъ къ кроткому правленію и къ высшей образованности. Уже мавры обращали свои взоры на христіанъ, надѣясь получить отъ нихъ помощь, какъ вдругъ неожиданно династія Альморавидовъ пала въ Африкѣ, подъ ударами Альмогадовъ (1146). Тогда вся мавританская Испанія взялась за оружіе противъ правителей Альморавидовъ и призвала въ помощь войска Альмогадовъ. Въ 1170 г., всѣ мавры признали надъ собою власть Юсуфъ–Ибнъ-Якуба, изъ рода Альмогадовъ. Но возмущенія и войны не на долго прекратились. Короли новой династіи почитали новыя свои владѣнія простою военною добычею, угнетали и истощали жителей и причинили совершенный упадокъ наукъ и искусствъ, нѣкогда процвѣтавшихъ въ Кордовѣ, Толедѣ, Севильѣ и Гренадѣ. Наконецъ, по вступленіи на испанскій престолъ Фердинанда III, названнаго святымъ, и по возведеніи съ его помощью въ званіе мавританскаго султана Могамеда–Ибнъ-Гоада, изъ рода знаменитыхъ эмировъ Саррагосы, династія Альмогадовъ пала на поляхъ Тарифы, подъ ударами мавровъ. Тогда Андалузія была раздѣлена на три отдѣльныя государства: во–первыхъ на государство, коего столицею была Севилья и которое заключала въ себѣ три королевства Севилью, Алгарвію и Эстрамадуру, во–вторыхъ на государство, состоявшее изъ королевствъ Мурціи, Альмеріи, Гренады, Малаги и Кордовы, и въ–третьихъ на государство, заключавшее въ себѣ княжества Аріону, Гвадиксъ и Базу.

Съ 1238 г. властвовалъ въ Гренадѣ Магометъ–Абу–Альгаморъ, пер-

вый изъ знаменитаго рода Бенъ-Нассаровъ. Онъ достигъ престола собственными заслугами и былъ украшеніемъ его въ продолженіе всей своей жизни; онъ ввѣрилъ управленіе городами людямъ извѣстнымъ по своимъ нравственнымъ качествамъ; устроилъ самую дѣятельную полицію, администрацію ввелъ дѣятельную и энергическую. Всякій нуждающійся и преслѣдуемый имѣлъ къ нему свободный доступъ; онъ основалъ госпитали, не только для больныхъ, но и для изувѣченныхъ и престарѣлыхъ; самъ часто навѣщалъ ихъ безъ свиты и конвоя и неожиданно, для удостовѣренія въ точности–ли исполняются его распоряженія. Онъ приказалъ устроить общественныя бойни скота на мѣстахъ возвышенныхъ, гдѣ ежедневно, въ глазахъ всего населенія, закупался скотъ посредствомъ *публичныхъ торговъ* у крестьянъ и торговцевъ и мясо также продавалось съ *публичнаго торга*.

Всѣ училища, академіи, консерваторіи, музеи и гимнастика пользовались осебымъ покровительствомъ султана. Ему-же обязана Гренада своею системой ирригаціи, составившей самый обильный источникъ богатства и благосостояніе всего края. Поселянинъ былъ счастливъ, торговля была дѣятельная и честная, науки и искусства процвѣтали въ Гренадѣ.

Но въ то время, когда Магометъ-Абу-Альгамаръ такъ мудро управлялъ своими владѣніями, прочіе мавританскіе князья безпрестанно ссорились между собою, а христіанскія владѣтели воспользовались этими ссорами и отняли у нихъ владѣнія. Іаковъ, названный *воинетвеннымъ*, овладѣлъ Валенціей, а Фердинандъ - святой занялъ Андалузію. Магометъ, видя, что войско его не въ силахъ охранить его государство, отправился тайно къ королю Фердинанду. «Ты видишь передъ собою короля Гренады, сказалъ онъ христіанскому монарху: я прибѣгаю подъ твое покровительство, я знаю, что ты справедливъ; возьми все, чѣмъ я владѣю, пріими меня своимъ данникомъ, но спаси государство мое отъ ужасовъ войны.»

Король Фердинандъ, побѣжденный такими знаками довѣренности, не хотѣлъ уступить въ благородствѣ чувствъ мавританскому султану. Онъ заключилъ въ объятія своего соперника, отказался принять его сокровища, но принялъ его въ число своихъ данниковъ, и сдѣлалъ его засѣдающимъ въ кортесахъ, въ качествѣ гранда Кастиліи.

Лѣтописецъ прибавляетъ, что Магометъ, возвращаясь въ Гренаду, часто павторялъ эти многозначущія слова:

«О! какъ–бы жалка была и въ какихъ-бы тѣсныхъ границахъ заключалась жизнь наша, еслибы надежды наши не были такъ возвышены и блестящи!»

Въ грустномъ расположеніи возвращался онъ въ Гренаду; но народъ его выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и привѣтствовалъ его, какъ избавителя края и отца, и лицо Магомета просіяло радостью. Онъ не только не переставалъ ревностно заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, онъ укрѣпилъ свои замки, наполнилъ арсеналы оружіемъ и покровительствовалъ всѣмъ полезнымъ искусствамъ и ремесламъ. Онъ установилъ награды для сельскихъ хозяевъ, занимавшихся улучшені-

емъ породы лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Шелковыя издѣлія Гренады скоро превзошли своею выдѣлкою произведенія Сиріи и Дамаска. Добываніе золота и серебра въ рудникахъ, открытыхъ въ горахъ Гренадскаго королевства, приносило огромные доходы. Онъ первый изъ мавританскихъ королей началъ чеканить золотую и серебряную монету съ своимъ изображеніемъ. Еще и нынѣ нумизматики удивляются красотѣ чеканки на гренадскихъ унціяхъ и піастрахъ.

Этотъ славный государь былъ необыкновенно скроменъ въ своихъ собственныхъ потребностяхъ и своимъ нарядомъ не отличался отъ подданныхъ. Въ гаремѣ содержалъ небольшое число женщинъ, рѣдко ихъ навѣщалъ, но окружалъ ихъ всѣми пріятностями богатства. Жены его принадлежали къ первымъ фамиліямъ государства; Магометъ обходился съ ними, какъ съ существами разумными, какъ съ подругами и заботился, чтобы онѣ жили между собою въ согласіи и дружбѣ. «Видно, что онъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный, когда умѣлъ побороть даже женскую натуру», прибавляетъ наивный лѣтописецъ.

Онъ никогда не измѣнялъ, признанному имъ самимъ добровольно властителемъ, кастильскому королю Фердинанду, и когда этотъ король умеръ, въ 1284 г. въ Севильѣ, мавританскій князь былъ неутѣшенъ: онъ послалъ въ Севилью сто самыхъ благородныхъ рыцарей Гренады и приказалъ имъ, въ знакъ почести, окружать во время похоронъ гробъ покойника съ зажженными факелами въ рукахъ, и послѣ, ежегодно высылалъ въ Севилью, въ день смерти короля, сто рыцарей мавританскихъ для принесенія почести его праху, покоющемуся въ знаменитой севильской соборной церкви.

На семьдесятъ девятомъ году отъ роду, Абу-Альгамаръ сѣлъ на коня, чтобы вести войска свои противъ вторгнувшагося въ его землю непріятеля. Выѣзжая изъ города въ ворота, начальникъ королевской гвардіи сломалъ по неосторожности свое копье; придворный астрологъ принялъ это за дурное предвѣщаніе и отклонялъ короля отъ его намѣренія, но Магомедъ не согласился. Черезъ часъ послѣ этого происшествія, король Гренады внезапно заболѣлъ и едва неупалъ съ лошади. Болѣзнь его быстро усилилась и мавританскій государь умеръ посреди воплей своихъ придворныхъ. Тѣло его было набальзамировано, положено въ серебряный гробъ и погребено въ пышномъ мавзолеѣ, сооруженомъ въ Альгамбрѣ.

Этотъ-то славный государь положилъ основаніе знаменитой Альгамбрѣ; онъ наблюдалъ за работами двухъ тысячь работниковъ, самъ выбиралъ матеріалы для постройки, привозимые изъ далекихъ странъ. Имя основателя, написанное арабскими буквами, можно до-сихъ-поръ прочитать на стѣнахъ замка: мавританскій монархъ XII вѣка отличался своимъ вкусомъ, своею вѣротерпимостію и человѣколюбіемъ.

Такъ возрастала Гренада, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ своихъ государей, и въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ противустояла покушеніямъ христіанъ, силившихся овладѣть ею. Можно даже сказать, что Гренада возрастала по мѣрѣ того, какъ могущество королей Кастиліи распространялось на сосѣднія государства.

Въ 1259 г. одинъ городъ считалъ у себя двѣсти тысячъ жителей. Въ этомъ году царствовалъ тамъ Юсуфъ-Асулъ-Хагигъ, государь мудрый, который окончилъ сооруженіе Альгамбры и своими добрыми качествами и способностями заслужилъ славу, равную почти славѣ знаменитаго основателя Гренады. Не малое для меня удовольствіе составляетъ то, что я могу извлечь изъ забвенія имя другого государя, почти совершенно забытаго, который царствовалъ въ Испаніи съ такою славою и достигъ такой высокой степени образованія въ то время, когда остальная часть Европы погружена еще была въ грубое невѣжество.

Юсуфъ-Абулъ-Хагигъ вступилъ на тронъ Гренады въ 1533 году. Физическія и нравственныя качества его предвѣщали продолжительное и блестящее царствованіе. Съ необыкновенной тѣлесной красотой онъ соединялъ поразительную силу. Арабскіе лѣтописцы говорятъ, что онъ одаренъ былъ необыкновенною памятію и притомъ любилъ поэзію и импровизовалъ прекрасные стихи. Не взирая на свою силу и отважность, онъ избѣгалъ войны, и всегда былъ несчастливъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ; не терпѣлъ жестокостей возбуждалъ въ другихъ милосердіе, даже въ отношеніи непріятелей, и покровительствовалъ вдовамъ, сиротамъ, старцамъ и духовнымъ.

Походъ его противъ королей Кастиліи и Португаліи былъ для него неудаченъ; Юсуфъ былъ разбитъ въ славномъ сраженіи при Саладо, которое нанесло чувствительный ударъ могуществу мусульманъ въ Испаніи. Впрочемъ, послѣ этого несчастнаго сраженія, Юсуфъ пріобрѣлъ миръ на довольно выгодныхъ условіяхъ и умѣлъ воспользоваться имъ для блага своихъ подданныхъ. Онъ учредилъ въ каждой деревнѣ школу и платилъ жалованье учителямъ, почти въ каждой деревнѣ построилъ мечеть, установилъ ночные патрули въ городахъ и деревняхъ и устроилъ нѣчто въ родѣ нынѣшней національной гвардіи.

Юсуфъ окончилъ постройку Альгамбры соотвѣтственно мыслямъ основателя ея, и на главныхъ воротахъ, названныхъ *воротами справедливости*, приказалъ начертать слова, произнесенныя Магомедъ-Абулъ Альмаромъ, когда, при возвращеніи его съ побѣды, народъ встрѣчалъ его радостными криками: Одинъ Богъ всемогущъ!»

Онъ построилъ также Alcazar или цитадель въ Малагѣ, отъ которой нынѣ остались однѣ только развалины.

Гренадское дворянство, слѣдуя примѣру своего государя, построило для себя великолѣпныя палаццо, позолоченныя, украшенныя мозаикою и рѣзьбою, съ башнями и бельведерами. Арабскій лѣтописецъ говоритъ, «что въ царствованіе Юсуфа, Гренада была похожа на золотой сосудъ, наполненный цвѣтами и изумрудами».

Слѣдующее обстоятельство лучше всего можетъ служить доказательствомъ благородства души этого государя. Смертельный врагъ его, король Альфонсъ XI, вторгнулся съ многочисленнымъ войскомъ въ гренадское королевство и осадилъ Гибралтаръ. Юсуфъ, былъ въ большой тревогѣ, когда вдругъ получаетъ извѣстіе, что Альфонсъ внезапно умеръ отъ заразы. Вмѣсто того, чтобы торжествовать, Юсуфъ съ

искреннимъ сожалѣніемъ сказалъ своимъ придворнымъ: «Это былъ великій государь, хотя онъ былъ моимъ врагомъ; онъ умѣлъ цѣнить въ каждомъ заслуги, а потому намъ слѣдуетъ не торжествовать, но покрыться печальною одеждою!»

Даже испанскіе историки отдаютъ полную справедливость рыцарскому благородству мавританскаго короля и его офицеровъ. «Осажденные въ Гибралтарѣ, узнавъ о смерти короля Альфонса, они повѣсили на высокой башнѣ огромное черное знамя; въ знакъ своей печали, и выслали къ намъ парламентеровъ, одѣтыхъ въ трауръ, съ трубачами и герольдами, объявляя, что они прекратятъ всѣ военныя дѣйствія на время погребальной церемоніи; прсдлагали намъ конвойныхъ для сопровожденія тѣла умершаго короля въ Севилью кратчайшимъ путемъ, занятымъ въ то время мавританскими войсками». Такъ говоритъ Фра-Бортоломео, монахъ августинскаго ордена и секретарь короля Альфонса XI.

Въ Гренаду стекались въ то время со всѣхъ близкихъ и дальнихъ странъ на рыцарскія игры, охоту и турниры. Тамъ бывали не только испанскіе принцы, но и французскіе, англійскіе, курфирсты, герцоги и бургграфы нѣмецкіе; арабскій языкъ сдѣлался тогда моднымъ языкомъ въ свѣтѣ ученомъ и рыцарскомъ и гренадскіе принцы отличались передъ всѣми европейскимъ своимъ образованіемъ. Каждая изъ придворныхъ дамъ должна была знать по-испански, а танцовать, пѣть и вышивать, какъ русалки.

Но Юсуфъ не надолго пережилъ своего врага, котораго потерю онъ такъ искренно оплакивалъ. Юсуфъ, какъ просвѣщенный государь, дозволялъ въ своемъ царствѣ полную свободу вѣроисповѣданій, даже при дворѣ своемъ имѣлъ мавровъ христіанъ, что очень не нравилось правовѣрнымъ мусульманамъ. Тѣло Юсуфа погребено въ пышномъ мавзолеѣ изъ бѣлаго мармора, и на лазуревомъ полѣ, начертана слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится король, потомокъ славнаго рода, пріятный въ обхожденіи, ученый, добродѣтельный, прекрасный наружностью, король, котораго милосердіе и благочестіе извѣстны были цѣлому свѣту.»

Зала, въ который испустилъ духъ этотъ великій король Гренады, доселѣ сохраняется въ первобытномъ состояніи.

И въ позднѣйшія времена государи этого края, слѣдуя по стопамъ своего предшественника, призывали благословеніе Божіе на своихъ подданныхъ. Гренада имѣла въ началѣ XV вѣка четыреста тысячъ жителей, а цѣлое государство заключало въ себѣ болѣе шести милліоновъ душъ. Сосѣдніе государи, видя этотъ край въ такой силѣ и могуществѣ, не смѣли нападать на него. Но совсѣмъ иная участь постигла прекрасную Гренаду по вступленіи на кастильскій тронъ Изабеллы-католической въ 1474 году. Тогда царствовалъ надъ маврами Мулей-Гассанъ, государь воинственный. Когда прибылъ въ Альгамбру посланецъ Изабеллы, въ 1478 году, съ требованіемъ неуплаченнаго гарача, Мулей отвѣчалъ ему гордо: «мой монетный дворъ не бьетъ уже

золота, а только копья и сабли.» Королева Кастиліи, услышавъ это, сказала: grano por grano se come la granada, то-есть, «граната уничтожается съѣденіемъ одного зерна за другимъ,» и начала разными интригами нарушать спокойствіе Гренады. Мулей-Гассанъ, видя къ чему это клонится и не желая ожидать развязки, ударилъ ночной порой, безъ объявленія войны, на крѣпость Захара, лежащую на границѣ королевства Севильи, истребилъ въ ней гарнизонъ и всѣхъ жителей забралъ съ собою, какъ военноплѣнныхъ. Отомстилъ за это безславіе храбрый губернаторъ Кадикса донъ-Родриго Понсе де-Леонъ, взятіемъ Алгамы, города лежащаго въ семи только миляхъ отъ Гренады.

Напрасно Мулей-Гассанъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы возвратить это преддверіе своего королевства. Отсюда началась упорная война, рыцарскія подвиги которой воспѣты разными поэтами въ безчисленномъ множествѣ балладъ. Эта кровавая война окончилась-бы со выгодою для мавровъ, еслибы внутренніе раздоры не ослабили ихъ. Вина всего несчастія падаетъ на Мулей-Гассана. Влюбившись въ свою плѣнницу, донну-Изабеллу де-Солисъ, онъ сдѣлалъ ее султаншей, вмѣсто прежней своей первой жены, извѣстной въ исторіи подъ именемъ Фатимы Зорайя, то-есть, *свѣтъ денницы*. Мулей до того влюбился въ новую султаншу, что велѣлъ отрубить головы тремъ сыновьямъ своимъ, прижитымъ съ султаншею Зорайя, которая была княжна королевской крови. Одинъ только остался сынъ отъ этого брака, Могамедъ – Абдала – Абу – Абдилегъ. Астрологи предсказали, при самомъ рожденіи его, что онъ будетъ послѣднимъ королемъ Гренады. По этому народъ, вѣря предсказаніямъ астрологовъ, назвалъ молодаго принца «несчастнымъ», и названіе вполнѣ оправдалось впослѣдствіи. Испанцы-же назвали его Боабдиломъ и различали его отъ дяди, носящаго то-же имя, прибавляя къ имени его прозваніе «малый» или «молодой». Отъ этого множества именъ и прозваній произошла такая запутанность въ исторіи Гренады (чему не мало содѣйствовали также писатели романовъ *), что даже опытные историки съ трудомъ могутъ открыть истину.

Мулей-Гассанъ содержалъ въ тяжкомъ заключеніи сына своего, Боабдила, вмѣстѣ съ матерью его, Фатимою Зорайя: онъ не хотѣлъ допустить, чтобы этотъ достигъ когда-нибудь трона, но убить его не рѣшался. Но во время похода короля подъ Альгаму, королевичъ, съ помощью матери своей, успѣлъ убѣжать изъ заключенія въ Альгамбрѣ. По возвращеніи изъ похода, Мулей-Гассана нашелъ городскія ворота замкнутыми. Народъ объявилъ королемъ своимъ Боабдила. Мнѣнія жителей

---

* При этомъ случаѣ я долженъ замѣтить, что извѣстный романъ Флоріана, въ которомъ прежніе путешественники черпали всѣ свои историческіе свѣдѣнія, относящіяся до Гренады, содержитъ въ себѣ очень мало правды, и что то, что въ немъ есть правдиваго, совершенно перепачено по способу историческихъ повѣствованій Александра Дюма. По этой-то причинѣ я такъ распространился объ исторіи Гренады, будучи увѣренъ, что мое повѣствованіе, основанное на самыхъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, можетъ противустоять самой строгой критикѣ. *Прим. Соч.*

раздѣлились между отцомъ и сыномъ. Сынъ обратился Фердинанду — католику, прося его помощи. Храбрый комендантъ Кадикса прибылъ съ многочисленнымъ войскомъ, предводительствуя отборными андалузскими рыцарями; но дядя молодаго Боабдила, Боабдилъ-старшій разбилъ ихъ на голову, 21 марта 1483 года.

Король Боабдилъ увидѣлъ, что онъ потерялъ любовь народа призваніемъ чуземной помощи и понялъ, что можетъ возвратить эту любовь только счастливою войною противъ христіанъ. Поэтому онъ повелъ войска свои противъ испанцевъ, вскорѣ потомъ попалъ въ плѣнъ, и выкупилъ себѣ свободу обѣщаніемъ отказаться на шесть лѣтъ отъ трона Гренады, въ пользу кастильскаго государя, и довольствоваться титуломъ князя Гвадикса. Между-тѣмъ, Мулей-Гассанъ овладѣлъ Гренадой. Боабдилъ возвращается къ столицѣ; ужасная рѣзня начинается на улицахъ, кровь льется потоками. Побѣжденный и разбитый Боабдилъ бѣжитъ вмѣстѣ съ матерью своею въ Альмерію. Войска Фердинанда и Изабеллы вторгаются въ Гренадское королевство; одна крѣпость за другой достаются въ руки христіанъ. Мулей-Гассанъ, удрученный лѣтами, ввѣряетъ команду войсками своими брату своему. Боабдилъ-старшій провозглашенъ королемъ. Мулей-Гассанъ принужденъ бѣжать, лишается зрѣнія, признаетъ младшаго брата своего королемъ Гренады и вскорѣ затѣмъ умираетъ (1485). Боабдилъ-старшій отдаетъ добровольно часть государства племяннику; но вскорѣ возникаетъ война между двумя Боабдилами на улицахъ самой Гренады. Бой продолжается пятьдесятъ дней и заливаетъ кровью весь городъ.

Фердинандъ посылаетъ молодому королю въ помощь войска свои, подъ начальствомъ дона Фадрика толедскаго, того самаго, который впослѣдствіи, подъ именемъ герцога Альбы начерталъ имя свое въ исторіи кровавыми буквами. Старый Боабдилъ разбитъ подъ Велезъ-Малагой; молодой снова возведенъ торжественно на тронъ въ Альгамбрѣ. Видя, что не возможно бороться съ судьбою, старый Боабдилъ подчинился королю Фердинанду и, получивъ отъ него значительную сумму денегъ, отправился въ Африку къ родственнику своему, султану Феца, который лишилъ его зрѣнія, денегъ и свободы.

Боабдилъ младшій, утвердился съ-этихъ-поръ на тронѣ Гренады, но большая часть государства его была въ рукахъ Фердинанда.

«Боабдилъ, уже назначенныя тебѣ шесть лѣтъ проходятъ», говорилъ Фердинандъ; а народъ между-тѣмъ держалъ короля своего въ осадѣ, въ Альгамбрѣ, и не позволялъ ему отказываться отъ короны, говоря: «лучше погибай вмѣстѣ съ нами подъ развалинами Гренады, нежели измѣни своему народу!»

Посему Боабдилъ рѣшился биться до послѣдней капли крови назначилъ главнокомандующимъ кавалеріей храбраго Муза-Бенъ-Абиль-Гассана и выступилъ противъ Фердинанда, стоявшаго съ пятидесяти-тысячною арміею въ двухъ миляхъ отъ Гренады, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится городъ Санта-Фе.

Во власти Боабдила находились только Гренада и Альпухара, изъ

которой приходило продовольствіе для войны. Король Фердинандъ умѣлъ пресѣчь этотъ источникъ продовольствія. Снова ослабла въ сердцѣ Боабдила отвага, не смотря на блистательныя побѣды храбраго главнокомандующаго его войсками, который безпрестанно поражалъ испанцевъ. 25 Ноября 1491 года король Боабдилъ подписалъ обязательство подчинить свое королевство испанцамъ 31 января слѣдующаго года. Въ тотъ самый день, храбрый Муза окончилъ богатырскую жизнь свою въ волнахъ. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ паденія своей отчизны. Когда въ Гренаду пришло извѣстіе о постыдномъ договорѣ, писанномъ Боабдиломъ, тамъ возникъ общій ропотъ. Но торжественная прокламація короля Фердинанда, въ которой онъ обѣщалъ жителямъ Гренады полную свободу вѣроисповѣданія, расправы и народности, вскорѣ усмирила умы жителей.

Боабдилъ, опасаясь новыхъ волненій, отдаетъ Гренаду испанцамъ прежде условленнаго срока, именно 2 января. Въ 10 часу утра низвергся серебряный полумѣсяцъ съ вершины башни Веля. Фердинандъ и Изабелла ожидали съ своимъ войскомъ этого условленнаго знака и, при видѣ его пали на колѣни и возблагодарили Бога. По окончаніи молитвы они торжественно въѣхали въ городъ, а въ это-же самое время Боабдилъ выѣзжалъ изъ него. Выѣхавъ изъ воротъ, онъ поспѣшно возвращается, стремится, къ христіанскимъ королямъ, и хочетъ броситься къ ногамъ монарховъ Кастиліи и Аррагоніи. Фердинандъ, тронутый этимъ, удерживаетъ его и заключаетъ въ свои объятія; даже у Изабеллы навернулись слезы. «Смотрите, ваше величество: этотъ рай принадлежитъ отнынѣ вамъ», говоритъ, рыдая, бѣдный Боабдилъ: » да позволитъ Аллахъ, чтобы вы были въ немъ счастливѣе меня. »

Сказавъ это, Боабдилъ повернулъ коня своего къ горамъ Альпухарры, гдѣ ему назначено было мѣсто жительства.

Такимъ-образомъ Гренада подчинилась власти христіанъ. Овладѣніе этимъ городомъ произошло въ торжественной и гробовой тишинѣ. Ни одинъ мавръ не показался на улицахъ города; даже проживавшіе издавна въ Гренадѣ христіане не привѣтствовали своихъ собратій. Этимъ кончилось владычество арабовъ въ Испаніи, которое продолжалось 780 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 2 дни.. Боабдилъ пять лѣтъ просидѣлъ въ горахъ Альпухарры, но предпріимчивый духъ его не могъ далѣе оставаться бездѣйствіи. Въ Альмеріи, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ прежнихъ подданныхъ, пришедшихъ туда издалека, чтобы проститься съ нимъ, Боабдилъ разстался съ Испаніею. Добрый народъ простилъ ему всѣ ошибки, потому-что онъ былъ «несчастнымъ» отъ самаго рожденія королемъ: Боабдилъ удалился въ Африку, гдѣ и проживалъ у родственника своего, фецкаго короля Мулей-Ахмета. Доживъ до глубокой старости, онъ палъ въ 1536 году въ сраженіи противъ возмутившихся братьевъ короля, на берегахъ рѣки Гвадисведъ.

Благодаря просвѣщенному уму и добродѣтелямъ архіепископа Таливера и графа Тенделля, Гренада наслаждалась спокойствіемъ подъ властію испанцевъ. Архіепископъ этотъ умѣлъ внушить къ себѣ любовь мавровъ; многіе изъ нихъ добровольно приняли христіанскую вѣ-

ру. Можно было предсказывать этому народу счастливую будущность. Онъ былъ кротокъ и трудолюбивъ, но корыстолюбіе ниспровергло эти прекрасныя надежды. Мавры начали терпѣть разнаго рода преслѣдованія и долго переносили ихъ. Но въ 1498 году кардиналъ Хименесъ пріѣхалъ въ Гренаду и самовольно началъ обращать мавровъ въ христіанство; мавры вооружились и окружили домъ кардинала; однако графъ Тенделло успѣлъ усмирить ихъ разными обѣщаніями. Кардиналъ положилъ отомстить маврамъ и многихъ изъ нихъ велѣлъ заключить въ темницы; прочіе скрылись въ горы Невады, образовали тамъ сильныя разбойничьи шайки и, въ соединеніи съ африканскими корсарами, наводили ужасъ на цѣлое королевство.

Королева Изабелла умерла въ 1504 году. По смерти ея, Фердинандъ, обремененный дѣлами собственнаго королевства, не могъ самъ заниматься Гренадой и поручилъ ее людямъ жестокимъ и корыстолюбивымъ. Бѣдные мавры съ каждымъ годомъ терпѣли болѣе и болѣе; по смерти архіепископа Талаверы и графа Тенделлы, они остались безъ всякаго покровительства и вынуждены были принять христіанскую вѣру. Въ 1516 году умеръ и Фердинандъ. Мстительный кардиналъ Хименесъ принялъ бразды правленія въ отсутствіе Карла V, сына Филиппа и Іоанны. Мавры терпѣли неслыханныя преслѣдованія: ихъ жгли цѣлыми сотнями за ересь. Карлъ пріѣхалъ въ Гренаду, и приказалъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ мавры оставили свой языкъ, если не хотятъ лишиться своихъ имуществъ и быть выгнанными изъ края. Онъ учредилъ также особую полицію, для наблюденія надъ новообращенными въ христіанство маврами. Инквизиціи приказано было строго наказывать неискреннихъ перекрещенцовъ. Это было въ 1527 году. Мавры собрали сто шестдесятъ тысячъ червонцевъ и этою, огромною въ то время, суммою выкупили себѣ право говорить на родномъ языкѣ. Послѣ этого безпрестанно вымышляли новыя преслѣдованія, для того, чтобы получать новые гарачи. Такъ продолжалось до 1566 года. Въ этомъ году Филиппъ II возобновилъ эдиктъ Карла V. Никакія просьбы, пожертвованія не могли уже помочь маврамъ. Послѣднимъ срокомъ оставленія своей народности назначенъ былъ день 14 апрѣля 1568 года.

Доведенные до крайности, мавры наканунѣ того дня, который назначенъ имъ былъ срокомъ, провозгласили своимъ королемъ молодаго дворянина, дона Фердинанда де-Валоръ, потомка кордуанскихъ калифовъ, изъ поколѣнія Омеядовъ. Этотъ молодой человѣкъ, не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду, отличался прекрасною наружностью и образованіемъ, и пользовался общимъ уваженіемъ. Онъ считался хорошимъ христіаниномъ и сохранилъ свою вѣру даже по возведеніи его на тронъ Гренады, подъ названіемъ Мулея-Абдалы. Фаракъ, послѣдній изъ Абенсерраговъ пришелъ съ толпою альпухарраскихъ бродягъ и совершилъ кровавую рѣзню надъ тремя тысячами христіанъ, за что лишенъ былъ должности Мулеемъ-Абдулой. Этотъ самозванецъ съ невѣроятною скоростью и искусствомъ произвелъ возстаніе въ горахъ Альпухарры. На усмиреніе мятежниковъ послано было много-

численное войско, въ самомъ началѣ и оно одержало блистательную побѣду надъ мятежниками. Не трудно было-бы успокоить тогда все государство, но корыстолюбіе и жестокость начальниковъ королевскихъ войскъ повредили дѣлу; испанцы выгнаны изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ Мулеемъ-Абдалой. Молва объ этихъ побѣдахъ разнеслась по всему краю; провинціи Малага и Алмерія пристали къ побѣдителямъ. Молодой король сдѣлался ужасомъ для всѣхъ испанцевъ. Король Филиппъ выслалъ противъ него своего побочнаго брата, Донъ-Жуана австрійскаго, извѣстнаго своею побѣдою при Лепандо, одержанною въ 1571 году надъ турками. Этотъ молодой герой взялъ приступомъ крѣпость Галеру и истребилъ всѣхъ находившихся въ ней мавровъ, не различая ни пола, ни возраста. Пользуясь наведеннымъ имъ ужасомъ, обѣщалъ всѣмъ прощеніе, если они добровольно покорятся; употребилъ даже подкупъ и нашелъ въ одномъ изъ военноначальниковъ Абдалы, Эль, Фабанимѣ, готовность принять извѣстную сумму денегъ. Такимъ-образомъ, онъ овладѣлъ нѣсколькими важными крѣпостями, составлявшими ключъ къ Альпухаррѣ. Три сильные корпуса окружили Альпухарру и овладѣли всѣми пунктами, въ коихъ укрывались мятежники. Кровь мавровъ лилась рѣкою. Кто еще могъ сопротивляться уходилъ на самыя вершины горы. Абенъ-Абдала-Омея палъ жертвою ревности своей жены: онъ былъ зарѣзанъ. Донъ-Жуанъ австрійскій приказалъ похоронить тѣло этого храбраго рыцаря со всѣми почестями, но не переставъ истреблять мавровъ огнемъ и мечемъ.

Наконецъ, въ 1609 году, король Филиппъ III подписалъ по совѣту герцога Лермы декретъ изгнанія всѣхъ потомковъ мавританскихъ со всего полуострова. Одни только дѣти, родившіяся въ тюрьмахъ, исключены были изъ общаго правила. Всѣхъ прочихъ отвезли на корабляхъ на берега Африки.

Такимъ-образомъ Испанія добровольно лишилась самыхъ трудолюбивыхъ подданныхъ; отъ этого самыя плодоносныя области ея пришли въ упадокъ! Изъ шести милліоновъ жителей Гренады едва осталось шестьдесятъ тысячъ въ Андалузіи; изъ четырнадцати отличавшихся своею зажиточностью деревень едва одна еще существуетъ.

Даже плоды умственныхъ занятій мавровъ не нашли пощады. Кардиналъ Ксименесъ приказалъ сжечь на публичномъ auto-da-fé восемдесятъ тысячъ арабскихъ книгъ, найденныхъ въ гренадскихъ библіотекахъ; сохранены отъ огня только триста тамовъ медицинскаго содержанія и посвященныхъ естественной исторіи. Эти сочиненія занимаютъ нынѣ въ восточной библіотекѣ Эскуріала весьма важное мѣсто.

Такимъ-образомъ исчезъ, въ волнахъ забвенія, этотъ бурный потокъ, заливший нѣкогда Европу, съ необузданною силой!

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ.

Теперь, когда всѣ спѣшатъ въ деревню или на дачу, подышать чистымъ благоуханнымъ воздухомъ полей и отдохнуть отъ городской жизни, не мѣшаетъ, можетъ быть, разсказать нашимъ читателямъ, какъ живутъ въ деревнѣ англичане, любящіе сельскую жизнь болѣе, нежели другіе народы. И въ этомъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, они могутъ служить образцами. Сверхъ того, сельская жизнь англичанъ имѣетъ для иностранца и другое важное значеніе: она даетъ ему объ этомъ народѣ болѣе полное понятіе, нежели его городская жизнь. «Иностранецъ», говоритъ Ирвингъ, «желающій пріобрѣсть вѣрное понятіе объ англичанахъ, не долженъ ограничивать свои наблюденія однимъ Лондономъ. Ему надобно заглянуть далѣе: побывать въ деревняхъ и селеніяхъ; осмотрѣть замки, дачи, хутора, хижинки; прогуляться по паркамъ и садамъ, вдоль живыхъ изгородей и заборовъ; зайти въ сельскіе храмы и присутствовать при церковныхъ празднествахъ; посмотрѣть на ярмарки и другія сельскія торжества. Онъ долженъ познакомиться съ народомъ во всѣхъ его состояніяхъ, изучить его нравы и обычаи.»

Въ нѣкоторыхъ странахъ, столицы привлекаютъ къ себѣ всю богатую и образованную часть населенія, служатъ мѣстопребываніемъ высшаго, просвѣщеннаго общества, а внѣ столицъ живутъ почти одни только поселяне. Въ Англіи, напротивъ того, столица есть гульбище, сборное мѣсто образованнаго общества. Здѣсь оно посвящаетъ нѣсколько мѣсяцевъ веселію и разсѣянію, а отпраздновавъ эту гульбивую пору, возвращается къ обычной сельской жизни. Разныя части общества размѣщаются тогда по пространству всего государства, и различныя по состоянію лица живутъ сосѣдями.

Англичане очень склонны къ сельской жизни. Они живо сочувствуютъ прелестямъ природы и устраиваютъ свои деревенскія развлеченія и занятія съ тонкимъ вкусомъ. Эти свойства кажутся въ нихъ врожденными. Даже горожане, родившіеся и выросшіе среди каменныхъ стѣнъ и шумныхъ улицъ, легко привыкаютъ къ сельскимъ нравамъ и занятіямъ. У купцовъ есть загородныя дачи, гдѣ они съ такою-же ревностью и важностью занимаются разведеніемъ цвѣтниковъ

и воспитаніемъ плодовыхъ деревъ, какъ и устройствомъ торговыхъ дѣлъ и предпріятій. Даже менѣе счастливые люди, жизнь которыхъ обречена на мелочныя хлопоты и заботы, стараются окружать себя предметами, напоминающими веселый видъ природы. Въ самыхъ туманныхъ и мрачныхъ частяхъ города, окна главныхъ комнатъ всегда уставлены цвѣтами; каждый уголокъ земли, если только возможно, устланъ дерномъ или усаженъ цвѣтами; каждый палисадникъ похожъ на-маленькій паркъ, съ густою, свѣжею зеленью, и расположенъ жи вописнои со вкусомъ.

Кто видѣлъ англичанъ только въ городахъ, тому они могутъ показаться необщежительными. Городской житель занятъ своими дѣлами, или развлеченъ множествомъ предметовъ, которые въ большомъ городѣ поглощаютъ время, мысли и чувства. Притомъ-же всегда кажется, что онъ куда-то спѣшитъ и чѣмъ-то озабоченъ. Гдѣ-бы онъ ни былъ, онъ какъ будто готовится уйти; говоритъ объ одномъ предметѣ, а умъ его занятъ уже другимъ; придетъ онъ въ гости къ пріятелю — и ужъ расчитываетъ, какъ-бы успѣть сдѣлать еще визитъ, который прежде отложилъ-бы до другаго дня.

Въ такомъ огромномъ городѣ какъ Лондонъ, люди дѣлаются себялюбивыми и равнодушными.

Въ случайныхъ, непостоянныхъ встрѣчахъ они успѣваютъ только обмѣниваться нѣсколькими общими мыслями и словами. Тамъ во всемъ выражается одна только холодная внѣшность ихъ характера, а высокія и лучшія способности не достигаютъ полнаго развитія.

Внѣ города англичанинъ отвыкаетъ отъ принужденія и чисто внѣшней вѣжливости городской жизни, снимаетъ личину холодности и равнодушія, становится веселымъ и откровеннымъ, старается окружить себя всѣми удобствами и прелестями общественной жизни, устранивъ, по возможности, всѣ ея дрязги. На дачѣ своей, англичанинъ предается умственнымъ занятіямъ, наслажденіямъ вкуса и сельскимъ трудамъ Книги, картины, музыка, лошади, собаки и всѣ принадлежности охоты у него подъ рукою. Онъ ни налагаетъ оковъ ни на себя, ни на гостей, но въ духѣ истиннаго гостепріимства старается всѣхъ веселить и занимать, ни кого не стѣсняя.

Вкусъ англичанъ въ земледѣліи и садоводствѣ — неподражаемъ. Они внимательно изучили природу и открыли значеніе ея стройныхъ и прекрасныхъ формъ. Тѣ красоты ея, которыя въ другихъ странахъ разбросаны по дикимъ пустынямъ — у нихъ собраны вокругъ жилищъ. Они какъ-будто похитили у природы ея скромныя и нѣжныя прелести и словно волшебствомъ разбросали ихъ вокругъ своихъ сельскихъ усадьбъ.

Ничто не можетъ быть величественнѣе и поразительнѣе англійскаго парка. Обширный лугъ стелется ярко-зеленымъ ковромъ и на немъ кое-гдѣ, купами, растутъ огромныя вѣтвистыя деревья. Торжественно хороша роща съ своими просѣками, гдѣ гуляютъ стада оленей, скачутъ зайцы, расправляютъ свои крылья фазаны. Тамъ ручей пробирается извилинами, или разливается зеркальною зыбью; тамъ прудъ отражаетъ

въ себѣ колеблющіяся деревья, а на немъ лежатъ желтые листья водяныхъ растеній и подъ ними смѣло рѣютъ форели; тамъ бесѣдка или статуя, позеленѣвшая и почернѣвшая отъ времени, придаютъ классическій видъ пустынному мѣстоположенію.

Вотъ въ нѣсколькихъ чертахъ видъ парка. Мнѣ особенно нравится творческая способность, съ которою англичане украшаютъ простыя и невидныя мѣста. Самое бѣдное жилище, самое малообѣщающее, узенькое мѣстечко, получаютъ подъ руками искуснаго англичанина очаровательный видъ. Онъ разомъ схватываетъ, вѣрнымъ и дальнозоркимъ взглядомъ, особенности и свойства мѣста, и уже рисуетъ въ воображеніи будущій видъ его. Дикій пустырь дѣлается, подъ его руками, миловиднымъ мѣстомъ и притомъ такъ, что искусственныя средства, съ помощію которыхъ производится это превращеніе, едва замѣтны. Иныя деревья онъ подыметъ и пуститъ въ ростъ, другія бережно подстрижетъ; изящно размѣститъ цвѣты и растенія, раздѣливъ ихъ нѣжною красивою зеленью; настелетъ бархатный дернъ по скату земли; кой-гдѣ откроетъ видъ вдаль или на блестящее зеркало водъ, и все это будетъ сдѣлано съ тонкою разборчивостью, съ твердымъ и спокойнымъ постоянствомъ, съ тою тщательностью, съ какою художникъ отдѣлываетъ свою любимую картину.

Пребываніе богатыхъ и образованныхъ людей въ провинціи распространили въ извѣстной мѣрѣ вкусъ и изящество въ сельской жизни и передали ихъ даже низшимъ слоямъ общества. Даже земледѣлецъ, живущій въ ветхой избенкѣ и владѣющій небольшимъ клочкомъ земли, старается объ украшеніи своего жилища. Красивая изгородь, лужайка передъ крыльцомъ, небольшая грядка съ цвѣтами, плющъ ползущій по забору и свѣшивающій цвѣтки свои съ крыши, горшки съ растеніями по окнамъ, елка возлѣ дома, защищающая зимою отъ непогодъ, и напоминающая постоянною зеленью своею лѣто—все это свидѣтельствуетъ о господствующемъ вліяніи вкуса, переданнаго высшимъ обществомъ людямъ низшаго круга. Если любовь, какъ увѣряютъ поэты, охотно заглядываетъ въ хижины, то это вѣрно въ хижины англійскихъ поселянъ.

Расположеніе высшихъ классовъ къ сельской жизни имѣетъ благотворное вліяніе на народные нравы. Я не знаю людей благороднѣе англійскихъ джентльменовъ. Изнѣженность и женственность, отличающія людей высшихъ сословій въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, у благородныхъ англичанъ замѣняются твердостью и вмѣстѣ нѣжностью въ движеніяхъ, сильнымъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ.

По моему мнѣнію, это происходитъ оттого, что они бо́льшею частью живутъ внѣ городовъ и пріучаются къ живительнымъ сельскимъ занятіямъ. Тѣлесныя упражненія придаютъ имъ здоровый видъ и развязность, твердость и простоту въ обращеніи; вихрь городскихъ увеселеній не можетъ истребить эти свойства.

Въ сельскихъ трудахъ нѣтъ ничего низкаго, неблагороднаго; они ставятъ человѣка среди прелестныхъ, величественныхъ картинъ при-

роды, не мѣшаютъ свободному развитію его ума и даютъ ему самыя чистыя, возвышенныя впечатлѣнія.

Такой человѣкъ можетъ быть грубъ и простъ, но не можетъ быть подлъ. Человѣкъ благовоспитанный въ Англіи найдетъ менѣе предосудительнымъ сойтись съ самымъ послѣднимъ изъ поселянъ, чѣмъ мѣшаться, даже случайно, съ городскою чернью. Онъ забываетъ свое состояніе, условныя приличія и радъ сбросить оковы чинности, чтобы насладиться чистыми, искренними удовольствіями простой жизни.

Сельскія удовольствія какъ-то болѣе сближаютъ людей.

Этому общенію образованнаго и земледѣльческаго класса должно приписать господство сочувствія къ природѣ, выраженное въ англійской литературѣ. Частыя изображенія картинъ сельской жизни и неподражаемыя описанія природы, которыми изобилуетъ англійская поэзія и которыя начались еще чаусеровымъ «Цвѣткомъ и листкомъ», внесли въ наши жилища всю живость и роскошь живописнаго ландшафта.

Идиллическіе поэты другихъ народовъ какъ-будто случайно узнали природу и схватили общія ея красоты, а англійскіе поэты съ нею сжились и сроднились; они слѣдили за нею въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ ея, подмѣтили ея малѣйшія особенности. Былинка-ли шелохнетъ, колеблемая вѣтеркомъ, листокъ-ли зашумитъ въ зеленой чащѣ деревъ, упадетъ-ли серебристая капля въ потокъ, пахнётъ-ли благоуханіемъ скромной фіалки — все это замѣтитъ страстный и нѣжный наблюдатель, изъ всего извлечетъ прекрасную мысль.

Дѣйствіе этой склонности избранныхъ умовъ къ сельскому быту выказалось во всей странѣ. Большая часть острова плоска и казалась-бы однообразною, еслибы не была всюду прекрасно воздѣлана. Англія вся усѣяна замками и дачами, вся украшена парками и садами. Она не богата величественными, открытыми видами; но повсюду встрѣчаются въ ней картины домашняго, сельскаго быта, дышащія безмятежнымъ покоемъ и тишиною; каждая старая ферма, или мохомъ обросшая хижинка, образуютъ ландшафтъ. Такъ-какъ дороги безпрестанно извиваются, и замыкаются зелеными рощами и изгородями, то взоръ безпрестанно встрѣчаетъ новые виды, полные очаровательной прелести.

Красота англійской природы усиливается ея нравственнымъ значеніемъ; видъ ея пробуждаетъ въ умѣ мысли о порядкѣ, покоѣ, чистотѣ, твердо установленныхъ правилахъ съ стародавними обычаями и почтенными нравами. Каждый предметъ кажется произведеніемъ многихъ лѣтъ правильной и спокойной жизни. Церковь старинной архитектуры съ низкими, тяжелыми воротами, съ готическою башнею, окнами, роскошно изукрашеннымъ рѣзьбой и разписанными стеклами, съ красивыми памятниками героямъ былыхъ временъ, предкамъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, и могилами говорящими о нѣсколькихъ поколѣніяхъ, которыхъ потомки воздѣлываютъ все ту-же землю и преклоняютъ колѣна предъ тѣмъ-же алтаремъ; колокольня неправильная и красивая, частью старая, частью поновленная во вкусѣ нѣсколькихъ эпохъ и нѣсколькихъ владѣльцевъ; дорожка, давнымъ-давно протоптаная, иду-

щая отъ кладбища по красивымъ полямъ и подъ тѣнистыми кустами, сосѣдняя деревенька, съ почтенными избушками, съ лужайками, осѣненными тѣнью деревъ, подъ которыми играли прадѣды; старинный родовой замокъ, отдѣльно стоящій посреди сосѣднихъ построекъ и смотрящій вокругъ съ какимъ-то видомъ покровительства—всѣ эти общія черты англійскаго ландшафта выражаютъ тишину, безмятежность спокойной жизни и наслѣдственное преемство семейныхъ доблестей и привязанности къ мѣсту, глубоко вкоренившихся въ нравахъ народныхъ.

Весело становится на душѣ, когда, въ воскресный день, простые звуки колокола раздаются по окрестнымъ полямъ, а поселяне, въ лучшихъ нарядахъ своихъ, идутъ въ храмъ. Отрадно видѣть ихъ по вечерамъ, когда они сидятъ у воротъ своихъ избушекъ и наслаждаются видомъ удобства и убранства, которыми окружили свои жилища.

Эти сладостныя чувства привязанности къ дому, къ семейному довольству и покою, неразлучны съ твердыми добродѣтелями и чистѣйшими наслажденіями души.

ТОМАСЪ ГЕЙВУДЪ, АНГЛІЙСКІЙ ДРАМАТУРГЪ. Англичане перепечатали новыми изданіями, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, почти всѣхъ своихъ авторовъ елизаветинской эпохи; но произведенія Томаса Гейвуда, одного изъ современниковъ и непосредственныхъ послѣдователей Шекспира, не были до-сихъ-поръ изданы. Англійскіе журналы извѣщаютъ, что г. Пайнъ Колльеръ, ученый археологъ и библіографъ, извѣстный изданіемъ исправленнаго текста шекспировыхъ драмъ, издаетъ теперь и драмы Гейвуда. До-сихъ-поръ вышло только два тома, заключающіе въ себѣ двѣнадцать піесъ; но скоро появятся еще два.

Томасъ Гейвудъ былъ необыкновенно плодовитъ и, по всей справедливости, можетъ быть позванъ англійскимъ Лопесомъ де-Вегою: онъ написалъ *двѣсти двадцать* театральныхъ піесъ. Впрочемъ большую часть ихъ знаютъ по однимъ заглавіямъ, и только двадцать двѣ пользуются извѣстностью. Эти-то двадцать двѣ піесы и будутъ напечатаны. Всѣ расходы по изданію приняло себя извѣстное *Шекспирово общество*. Г. Колльеръ написалъ къ каждой піесѣ краткое историческое вступленіе и много замѣчаній, а къ послѣднему тому приложитъ біографію Гейвуда. Въ типографскомъ отношеніи, изданіе будетъ великолѣпно, какъ всѣ изданія, предпринимаемыя *Шекспировымъ обществомъ*.

Томасъ Гейвудъ, родившійся въ 1572 году, былъ, также какъ и Шекспиръ, не только драматическимъ писателемъ, но и актеромъ. Онъ вступилъ, въ 1598 году, въ театральную труппу Генслова, а въ 1603 г., при восшествіи на престолъ Якова I, былъ въ числѣ *театральныхъ служителей* (theatrical servants) графа Соммерстскаго, который уступилъ его впослѣдствіи, вмѣстѣ со всею своею труппою, королевѣ. Онъ служилъ ей до самой ея смерти, то-есть, до 1619 года, а потомъ перешелъ въ число *театральныхъ служителей* графа Ворчестерскаго.

Гейвудъ пользовался на Red-Bull театрѣ точно такою-же извѣстностію, какою Шекспиръ пользовался на театрѣ Globe, а Бенъ-Джонсонъ на Блекфріарскомъ (Blackfriars Theatre). Публика Ридъ-Буллъскаго театра (Red-Bull значитъ «красный быкъ») состояла преимущественно изъ мастеровыхъ, въ слѣдствіе чего и драмы Гейвуда взяты большею частію изъ жизни мѣщанъ и ремесленниковъ. Къ лучшимъ его піесамъ въ этомъ родѣ принадлежитъ «The four prentices of London» (Четыре лондонскіе подмастерья), піеса чрезвычайно поучительная и въ то-же время поэтическая Впрочемъ Гейвудъ писалъ и историческія трагедіи, какъ напримѣръ «Эдуардъ IV». Онъ вполнѣ достоинъ чести, которую дѣлаетъ ему *Шекспирово общество*, и англійскіе критики удивляются, что его произведенія не были до-сихъ-поръ изданы, между-тѣмъ какъ сочиненія Грина, Пиля, Миддльтона и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе талантливыхъ современниковъ его давно уже напечатаны.

—

СКРИПАЧЪ ФРАНКЕНШТЕЙНЪ ВО ДВОРЦѢ ТУРЕЦКАГО СУЛТАНА.

Въ настоящее время развелось столько виртуозовъ на всѣхъ извѣстныхъ инструментахъ, что имъ становится тѣсно въ старой, прислушавшейся къ музыкѣ Европѣ, и приходится искать себѣ слушателей въ другихъ частяхъ свѣта. Всего охотнѣе ѣздятъ музыканты въ Америку, имѣющую возможность, благодаря Калифорніи, выражать свой восторгъ, самымъ выгоднымъ для артистовъ образомъ, а именно—въ видѣ полновѣсныхъ доллеровъ. Женни Линдъ (нынѣ госпожа Гольсмитъ), піанистъ Генрихъ Герцъ, нашъ старый знакомецъ Леопольдъ Мейеръ и нѣкоторые другіе артисты, собрали, не бывши на плацерахъ, много калифорнскаго золота. Нѣтъ момвѣнія, что и Австралія, въ которой открыты недавно рудники золота и драгоцѣнныхъ камней, сдѣлается скоро цѣлію артистическихъ поѣздокъ. Музыканты такой народъ, что поѣдутъ за славою и деньгами на другой конецъ свѣта, и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить віолончелистка Христіани, которая ѣздила давать концерты въ Камчатку.

Турція сдѣлалась также, съ нѣкотораго времени, цѣлью поѣздокъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ виртуозовъ. Нашъ соотечественникъ, даровитый скрипачъ Дмитріевъ-Свѣчинъ, имѣлъ въ Константинополѣ огромный успѣхъ и удостоился получить отъ Султана значительный денежный подарокъ и орденъ. Теперь журналы извѣщаютъ объ успѣхахъ въ Константинополѣ другаго соотечественника нашего, Эдуарда Франкенштейна, родомъ изъ Польши. Вотъ что говоритъ по этому поводу одна газета:

... 12 января, рано утромъ, явился къ Франкенштейну Серафинъ-Эфенди, первый драгоманъ Высокой-Порты, имѣвшій порученіе представить артиста Султану; онъ повезъ его въ зимній дворецъ, Чираганъ, одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ Стамбулѣ. Прибывъ туда, Франкенштейнъ былъ введенъ въ великолѣпную залу, гдѣ ему немедленно

подали кофе и трубку, съ мундштукомъ украшеннымъ, драгоцѣнными каменьями. Тутъ прождалъ онъ довольно долгое время, но не видалъ Султана, который прислалъ ему сказать, что не можетъ принять его раньше вечера; директоръ придворной музыки, г. Гуателло пригласилъ его тогда къ полковнику, подъ вѣденіемъ котораго находится вся военная музыка. Франкенштейнъ охотно принялъ это приглашеніе, тѣмъ болѣе, что ему не нужно было для этого удаляться изъ дворца, потому-что полковникъ жилъ въ самомъ дворцѣ. Онъ нашелъ у него около ста человѣкъ различнаго возраста (даже осьмилѣтнихъ мальчиковъ), принадлежавшихъ къ придворному оркестру. Послѣ настоятельныхъ просьбъ всего общества, молодой виртуозъ рѣшился взять скрипку и привелъ своихъ слушателей въ такое удивленіе, что они стали ощупывать его руки, платье, волосы, говоря, что никогда еще не видали такого молодаго *марафета* (профессора). Въ пять часовъ, Франкенштейну доложили, что во дворцѣ готовъ для него обѣдъ; но онъ, по просьбѣ полковника, остался обѣдать у него. Послѣ обѣда его проводили въ комнаты, гдѣ назначено было представить его Султану. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, одна другой великолѣпнѣе, и достигъ наконецъ обширной залы, въ которой было нѣсколько каммергеровъ, и троихъ придворныхъ. *Буюкъ-адамъ!* (великій человѣкъ!) разлалось въ толпѣ, при его появленіи. Полъ залы былъ покрытъ богатымъ бархатнымъ ковромъ, а стѣны блистали тысячью огней. Огромные канделабры, жирандоли странной формы, и тишина, прерываемая однимъ только чуть слышнымъ шопотомъ присутствующихъ — все это придавало сценѣ что-то волшебное, напоминало «Тысячу и одну ночь» и возбуждало любопытство молодаго артиста, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго появленія владѣльца всей этой роскоши и повелителя столькихъ милліоновъ людей.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, Франкенштейнъ замѣтилъ нѣкоторое волненіе въ безмолвной до-тѣхъ-поръ толпѣ присутствующихъ; каммергеры поспѣшили въ сосѣднюю комнату, чтобы подать, находившемуся уже тамъ султану, кофе и неизбѣжную трубку. Секунду спустя, снова воцарилась торжественная тишина, отворились боковыя двери и повелитель правовѣрныхъ вступилъ въ залу. Его лицо и видъ были столько разъ описаны, что мы не станемъ повторять здѣсь всѣмъ извѣстнаго; скажемъ однакоже, что его молодое, блѣдное, обрамленное черною какъ смоль бородою лицо произвело на польскаго виртуоза самое пріятное впечатлѣніе. Абдулъ-Меджидъ, всегда благосклонный къ иностранцамъ, въ особенности-же къ художникамъ, принимавшій съ большимъ почетомъ Листа, Вьётана, Мейера и многихъ другихъ, подошелъ къ Франкенштейну, ласково поклонился и сталъ такъ близко къ нему, что артистъ, боясь задѣть его, не могъ свободно дѣйствовать смычкомъ. Султанъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и былъ, по-видимому, особенно доволенъ флажолетными пассажами Когда Франкенштейнъ кончилъ играть, Султанъ спросилъ его, чрезъ посредство своего драгомана, изъ какой онъ земли, у кого учился, когда началъ играть и какъ могъ онъ, въ такія молодыя лѣта, дойти до такого искусства? Пробывъ въ залѣ около часу, Султанъ пошелъ къ выходу, но еще разъ обратился

къ Франкенштейну, и сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ подождалъ. Нѣсколько мину спустя, онъ явился снова, но уже въ простой одеждѣ, безъ всякихъ украшеній, подошелъ къ музыканту и далъ знать, чтобъ онъ начиналъ. Франкенштейнъ сыгралъ всего шестнадцать піесъ, частью чужихъ, частью своего сочиненія; потомъ, около получаса, импровизировалъ, и когда почувствовалъ, наконецъ, что руки устали и лишились силы, то почтительно преклонилъ передъ Султаномъ смычекъ. Султанъ приказалъ сказать ему, что очень довоненъ, и что никто еще не доставлялъ ему такого удовольствія; затѣмъ прибавилъ самъ: «Bien, très bien; je suis entièrement satisfait!» Выходя изъ залы, онъ дружелюбно кивнулъ артисту, который, въ свою очередь, оставилъ дворецъ, сопровождаемый общими похвалами и пожеланіями счастья.

—

ПРАВНУЧКА КОРНЕЛЯ. — Во Франціи отыскали недавно правнучку автора «Сида» и «Цинны», жившую въ совершенной бѣдности. Луиза Корнель родственница знаменитому Петру Корнелю въ шестомъ колѣнѣ. Она жила до-сихъ-поръ, съ своей бѣдной семьей, въ небольшомъ городкѣ, откуда общество парижскихъ адвокатовъ, имѣвшее въ своемъ распоряженіи четырнадцать тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, для употребленія съ благотворительною цѣлью, перевезло ее, вмѣстѣ съ семьею, въ Парижъ. Въ настоящее время, Луиза Корнель, владѣющая прекраснымъ голосомъ, находится у Евгеніи Гарціи, жены извѣстнаго преподавателя музыки, Мануэля Гарціи. Слышавшіе ея голосъ говорятъ, то изъ нея выйдетъ, со временемъ, первоклассная пѣвица.

—

ССОРА ИЗЪ-ЗА ПУСТЯКОВЪ. Мы упомянули выше, что извѣстный пьянистъ Гейнрихъ Герцъ путешествовалъ по Америкѣ; предлагаемъ теперь отрывокъ изъ его письма, въ которомъ онъ разсказываетъ довольно забавный случай.

«Въ самый день моего прибытія въ Балтимору, говоритъ Герцъ, одинъ знаменитый европейскій пьянистъ, Мейеръ, давалъ концертъ въ кальвертовой залѣ; слѣдовательно, зала эта принадлежала ему на цѣлый день. Шелъ проливной дождь и инструментъ мой, стоявшій на дворѣ, былъ подверженъ ужасной сырости. Я не рѣшился попросить у моего собрата позволенія поставить инструментъ въ залу; но его *повѣренный въ дѣлахъ* рѣшительно отказалъ мнѣ, увѣряя, что въ концертѣ будетъ множество народу, такъ-что едва останется мѣсто для концертиста и для его двухъ фортепіянъ. Бѣдный мой инструментъ провелъ ночь на дворѣ, подъ дождемъ и страшнымъ вѣтромъ, которые порядочно его испортили и заставили меня сдѣлать въ немъ, на другой день, нѣкоторыя исправленія. Вечеромъ, я купилъ билетъ и былъ въ концертѣ моего собрата. Публики, дѣйствительно, собралось много,

но мнѣ кажется, что при доброй волѣ можно было-бы дать мѣсто моему инструменту, безъ малѣйшаго вреда для сбора.

Считаю долгомъ прибавить, что знаменитый мой собратъ имѣлъ большой успѣхъ и я самъ апплодировалъ ему не менѣе другихъ, хотя и не нашелъ въ немъ столь общаго артистамъ чувства товарищества и братства, которое могло-бы, въ этомъ случаѣ, быть мнѣ очень полезно.

Я не упомянулъ-бы объ этомъ происшествіи, еслибъ не сознавалъ теперь, что былъ, можетъ быть, самъ виноватъ, не обратившись лично къ моему собрату. Я думаю, что мы избавили-бы другъ друга отъ ссоры, которая, какъ вы сейчасъ увидите, приняла видъ важнаго дѣла.

На слѣдующій день былъ мой чередъ *эксибироваться*, какъ говорятъ въ Америкѣ, въ той-же самой залѣ. Не смотря на очень дурную погоду, публика разобрала всѣ билеты. Мнѣ пришли сказать, что музыкантъ, дававшій концертъ наканунѣ, оставилъ оба свои инструмента въ залѣ, а я приказалъ сказать ему, чтобы онъ немедленно велѣлъ ихъ вынесть. Отвѣтъ его, принесъ его *повѣренный въ дѣлахъ*. Онъ объявилъ моему другу, г. Ульману, что не вынесетъ фортепьянъ, потому-что идетъ очень сильный дождь, который можетъ ихъ испортить.

Въ слѣдствіе происшедшаго наканунѣ, я не былъ расположенъ дѣлать уступки моему собрату и рѣшился отплатить ему тою-же монетою. Я поручилъ сказать ему, что къ извѣстному часу зала должна быть свободна, а это значило, что если я найду въ залѣ, въ назначенный часъ, его инструменты, то прикажу вынести ихъ на дворъ.

Я не могу разсказать, что произошло послѣ того между моимъ секретаремъ и его повѣреннымъ, потому-что долженъ-бы назвать нѣсколькихъ почтенныхъ особъ, участіе которыхъ ко мнѣ дошло до крайности. Къ несчастію, дѣло это сдѣлалось публичнымъ. Между обоими повѣренными завязалась въ журналахъ длинная переписка, и я полагаю, что она многимъ казалась очень забавною, потому-что ее перепечатали во всѣхъ американскихъ журналахъ и я видѣлъ нѣкоторыя изъ писемъ даже въ журналахъ англійскихъ. Секретарь мой былъ принужденъ, для окончанія этой безконечной ссоры, явиться въ судъ и, представивъ установленные закономъ пять доллеровъ, поклясться, и даже присягнуть, что все, заключавшееся въ его письмахъ, истинная правда. Я увѣренъ, что знаменитый пьянистъ, подавшій первый поводъ къ этому дѣлу, никакъ-бы не началъ борьбы, если-бъ могъ предвидѣть ея послѣдствія.»

Этотъ пьянистъ былъ Леопольдъ Мейеръ, извѣстный Петербургу, особенно-же извѣстный Москвѣ, гдѣ онъ долго жилъ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ КОМЕДІИ. Первый Французскій театръ въ Парижѣ принялъ и готовитъ къ представленію новую комедію, исторія которой такъ интересна, что мы считаемъ долгомъ разсказать ее.

Мѣсяца два тому назадъ былъ большой обѣдъ у одной изъ первыхъ артистокъ Французскаго-театра, на которомъ было много лите-

раторовъ и другихъ почетныхъ гостей. Рядомъ съ извѣстными писателемъ, Леономъ Гозланомъ, сидѣлъ г. Алларъ, служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ должности директора телеграфовъ, человѣкъ свѣтскій, большаго ума и очень уважаемый своими начальниками. Г. Алларъ хвалилъ драматическія произведенія Леона Гозлана, находилъ въ нихъ много естественнаго, мѣткаго, восхищался слогомъ, которымъ они написаны.

— Я самъ, сказалъ онъ, наблюдаю свѣтъ, его смѣшную сторону, его недостатки, пороки, добродѣтели, и нѣсколько разъ пытался описывать подмѣченное мною ...

— Вы писали? спросилъ Леонъ Гозланъ.

— Да, я изобразилъ въ нѣсколькихъ драматическихъ сценахъ кое-что изъ подмѣченнаго мною въ свѣтѣ.

— Вы человѣкъ умный, человѣкъ съ тактомъ, сказалъ Леонъ Гозланъ: и потому я увѣренъ, что ваши попытки должны быть хороши. Покажите мнѣ ихъ.

Алларъ охотно согласился на просьбу своего собесѣдника и, нѣсколько дней спустя, Леонъ Гозланъ получилъ отъ него рукопись комедіи изъ свѣтской жизни. Увлеченный вѣчно кипящимъ водоворотомъ литературной и театральной жизни, Леонъ Гозланъ долго не могъ приняться за чтеніе комедіи и все откладывалъ; наконецъ Арсенъ Гуссѐ, теперешній директоръ перваго Французскаго-театра, напомнилъ ему о ней и уговорилъ прочесть ее. Леонъ Гозланъ прочелъ комедію, нашелъ ее, вообще, очень хорошей, но слабой въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Понимая, что немногіе недостатки комедіи произошли отъ неопытности автора въ литературномъ дѣлѣ, онъ поспѣшилъ къ г. Аллару, чтобъ поздравить его съ прекраснымъ произведеніемъ и присовѣтовать нѣкоторыя исправленія.

— Г. Алларъ здѣсь? спросилъ онъ, пришедъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

— Онъ въ церкви, отвѣчалъ одинъ изъ сторожей.

— Въ церкви? Вѣрно на чьей нибудь свадьбѣ, или на крестинахъ? Когда онъ воротится?

— Онъ ужъ не воротится ... Онъ на похоронахъ ... на своихъ собственныхъ ...

Леонъ Гозланъ оставилъ комедію у себя, но считая ее достояніемъ наслѣдниковъ покойнаго автора, сдѣлалъ въ ней необходимыя исправленія и сталъ хлопотать о принятіи ея на Первый Французскій театръ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и французскіе журналы извѣщаютъ, что она скоро будетъ представлена, подъ названіемъ «les Lundis de Madame».

Говорятъ, что Эмиль Ожье исправляетъ другую комедію Аллара, которая также будетъ, со временемъ, представлена.

—

СОПЕРНИКЪ ГЕРМАННА. Въ Парижѣ явился новый фокусникъ, который, если вѣрить журналамъ, далеко оставилъ за собою, не только нашего Германна, но даже и самого Боско. Этого новаго чародѣя зовутъ Линскимъ. Парижъ въ восторгѣ отъ его представленій, которыя онъ называетъ *хамелеоновскими вечерами,* soirées caméleoniennes.

Недавно, собралось на одинъ изъ этихъ вечеровъ самое блистательное общество; было, по словамъ, одной газеты, много англійскихъ лордовъ и русскихъ князей. Линскій, показавъ нѣсколько фокусовъ, возбудившихъ самыя восторженныя рукоплесканія, сталъ, по обычаю всѣхъ собратьевъ по искусству, раздавать присутствующимъ букеты цвѣтовъ. Одной дамѣ не досталось букета. Она обидѣлась, а Линскій смутился и не зналъ, какъ поправить дѣло. Къ счастію, у него оставались еще часы обиженной дамы, которыми онъ и рѣшился воспользоваться, чтобъ выйдти изъ затруднительнаго положенія.

— Не прикажете-ли, сударыня, сказалъ онъ: чтобы эти часы обратились въ кустъ розановъ, на которомъ будетъ столько цвѣтковъ, сколько на часахъ бриліантовъ?

Дама изъявила согласіе, и часы мгновенно превратились въ великолѣпную бѣлую розу.

— Но вѣль вы обѣщали столько розъ сколько брилліантовъ, сказала дама.

— Потрудитесь приподнять вашу шаль, отвѣчалъ Линскій.

И едва успѣла дама исполнить требуемое, какъ изъ подъ ея шали посыпался дождь цвѣтовъ ...

Журналъ, изъ котораго мы почерпнули этотъ разсказъ, увѣряетъ, что дама была русская, но называетъ нашу соотечественницу такой чудовищной фамиліей, что мы ему не вѣримъ и усомнились-бы даже въ справедливости самого происшествія, еслибъ не видали фокусовъ Германна, Боско и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ веселой науки.

—

ПУТЕВОДНЫЯ ЗВѢЗДЫ ПРОВИНЦІАЛОВЪ. Между множествомъ всякихъ промышленниковъ, въ Парижѣ есть классъ людей, которые придумали самую невинную индустрію: они показываютъ пріѣзжимъ разныя знаменитости.

Провинціалъ пріѣзжаетъ въ Парижъ искать развлеченій. Почти у самыхъ дверей гостинницы, ему встрѣчается человѣкъ, высокаго роста, неглупый на взглядъ, развязный, который, какъ-будто, выжидалъ его выхода на улицу Въ-самомъ-дѣлѣ, незнакомецъ очень вѣжливо подходитъ къ пріѣзжему, кланяется, улыбается, и въ ту-же минуту пріобрѣтаетъ расположеніе къ себѣ. Вообще, плуты чрезвычайно обходительны.

— Вѣроятно, м. г., вы желаете ознакомиться со всѣми рѣдкостями нашего обширнаго города?

Этими словами всегда начинаются такія встрѣчи.

Пріѣзжій отвѣчаетъ утвердительно, предполагая, что дѣло идетъ о монументахъ, музеяхъ, театрахъ, новыхъ изобрѣтеніяхъ или модныхъ чудесахъ, которыя услужливый незнакомецъ хочетъ показать ему для пользы и удовольствія.

— Не угодно-ли будетъ вамъ взять меня въ проводники? Я весь къ вашимъ услугамъ.

Какъ отказать такому предложенію? И хоть оно стоитъ денегъ, однакожъ провинціалъ рѣшается итти по слѣдамъ двуногаго компаса. *Образованный человѣкъ* ведетъ пріѣзжаго прямо въ Тюильри. «Хорошо, посмотримъ!» думаетъ пріѣзжій. Тщетная надежда! Чичероне идетъ впередъ да впередъ, останавливается на терассѣ Feuillants; лицо его проясняется; онъ хватаетъ путешественника за руку, и восклицаетъ, какъ вдохновенный: «Смотрите!» Провинціалъ выпучилъ глаза. Нѣсколько гуляющихъ, няньки и кормилицы составляютъ обстановку сцены. Очень трогательная семейная картина, но не представляющая ничего новаго любопытству.

— Что-же?

— Это Викторъ Гюго, или Дюма, или Тьеръ—кто первый на умъ взбредетъ.

Затѣмъ, чичероне почтительно снимаетъ шляпу, сгибается въ дугу и униженно протягиваетъ руку.

Эта пантомима сопровождается словами:

— Если вы довольны, м. г., то осмѣлюсь попросить у васъ маленькаго вознагражденія: я отецъ семейства.

Провинціалъ даетъ пять су. Путеводитель присовокупляетъ:

— Мнѣ весьма тягостно, м. г., обращаться къ вамъ съ подобною просьбой, но ... что̀ дѣлать? Я непонятый артистъ.

Этотъ титулъ удерживаетъ скромную дань, и въ руку просителя скользитъ серебряная монета. Отцу семейства можно-бы предложить двадцать пять сантимовъ; непонятому таланту провинціалъ далъ цѣлый франкъ.

Умный чичероне не принадлежитъ ни къ какой партіи, политической или литературной. Восторгъ его не измѣняется; онъ почитаетъ всѣ мнѣнія. Если подъ-вечеръ онъ возвращается домой, измученный, въ пыли, въ грязи, то можете быть увѣрены, что онъ показывалъ какому-нибудь любознательному туристу весь свой звѣринецъ. Послѣ 2 декабря, указатели рѣдкостей пріуныли. Звѣринецъ ихъ разбѣжался, и увѣряютъ, что они поѣхали промышлять въ Брюссель, Лондонъ и Кайенну.

Россини доставлялъ кусокъ хлѣба не одному проводнику.

Имя знаменитаго маэстро напоминаетъ двѣ черты, дающія вѣрное понятіе объ его характерѣ.

Кто-то спросилъ у Россини:

— Скажите, маэстро: кто ваши лучшіе друзья?

— Ротшильдъ и Агуадо, отвѣчалъ итальянецъ: я выбралъ ихъ, предпочтительно передъ прочими.

— Два величайшіе капиталиста въ Европѣ! Не хотите-ли вы занять у нихъ при случаѣ?

— Нѣтъ, съ пренебреженіемъ отвѣчалъ Россини: я выбралъ ихъ, чтобъ они у меня не просили.

Разъ вечеромъ, композиторъ «Севильскаго Цирюльника» слушалъ, на маленькомъ неаполитанскомъ театрѣ, партитуру бездарнаго кропателя музыки; потомъ ѣдко улыбнулся, вынулъ изъ кармана бумажникъ, и записалъ нѣсколько нотъ.

— Что вы это дѣлаете? спросилъ у маэстро слушатель, сидѣвшій съ нимъ рядомъ.

— Записываю этотъ мотивъ. Прелесть! Онъ слишкомъ хорошъ для такого болвана. Я вставлю его куда-нибудь въ свою оперу.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

О выходѣ втораго тома *Исторіи Россіи*, г. Соловьева. *Русская поэзія въ XVII вѣкѣ*. г. Буслаева, и другія статьи «Московскихъ Вѣдомостей».—Новыя книги спеціальнаго содержанія и бельлетрическаго. — Первая майская книжка «Москвитянина.» — Вторая майская книжка того-же журнала. Статьи той и другой книжекъ. — Новости театральныя.— Гулянья городскія и загородныя. Тиволи г-на Раппо. — Новый фабрикантъ панировокъ. — Просьба къ читателю.

Второй томъ *Исторіи Россіи съ древнихъ временъ*, г. профессора С. Соловьева, есть, выражаясь принятою фразою, лучшій подарокъ, который май принесъ московской, и всей русской литературѣ. Нынѣ вышедшая часть труда извѣстнаго ученаго заключаетъ въ себѣ сто семидесяти-четырехъ-лѣтній періодъ древней русской исторіи, начиная отъ смерти Ярослава I и кончая смертью Мстислава Мстиславича Торопецкаго, пространство времени отъ 1054 до 1228 года. Событія этого періода раздѣлены авторомъ на пять главъ: въ первой разсматриваются имъ «княжескія отношенія вообще», во второй — «событія при жизни сыновей Ярослава I (1054 — 1093)», въ третьей — «событія при внукахъ Ярослава I (1093 — 1125)», въ четвертой — «событія при правнукахъ Ярослава I, борьба дядей съ племянниками въ родѣ Мономаха, и борьба Святославичей съ Мономаховичами, до смерти Юрія Владиміровича Долгорукаго (1125 — 1157», въ пятой періодъ — «отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго (1169 — 1228)».

Главное достоинство втораго тома *Исторіи Россіи*, также какъ и перваго, возвышающее подвигъ г. Соловьева надъ другими историческими есть трудами, именно — его постоянно очевидная метода: представлять историческія событія въ неразрывной связи и объяснять причины явленій изъ исторической ихъ необходимости. Понятно, что только та-

кой взглядъ на исторію и возможенъ въ настоящее время. Кому не извѣстно, что голое исчисленіе фактовъ, выбранныхъ изъ первыхъ источниковъ и нанизываемыхъ одинъ за другимъ на хронологическую нитту, теперь предоставлено первоначальнымъ учебникамъ. Но иные господа, занимающіеся у насъ отечественною исторіею, возглашающіе на каждомъ перекресткѣ, что они только и дышутъ въ атмосферѣ древнихъ лѣтописей; что знаютъ лѣтописцевъ, какъ свои пять пальцевъ, и смѣло претендующіе на диктатуру въ наукѣ русской исторіи, какъ-будто и не догадываются о существованіи вышеприведенной истины, безъ сомнѣнія, чрезвычайно грустной для нихъ; ибо нельзя повѣрить, чтобъ въ душѣ они ея не сознавали, чтобъ они не понимали, что хронологическая таблица не есть исторія ... Такіе господа, разумѣется, не признаютъ заслуги г. Соловьева. «Отъ моихъ историческихъ афоризмовъ въ восторгѣ Шеллингъ», писалъ въ одномъ покойномъ московскомъ журналѣ, одинъ хорошій истолкователь, нѣкогда слывшій московскимъ историкомъ. Что-же оказалось по справкѣ? Бѣдный Шеллингъ не только не имѣлъ понятія объ «Историческихъ афоризмахъ», но даже никогда и не слыхалъ имени ихъ автора. Не похоже-ли это на анекдотъ, разсказываемый Пушкинымъ по поводу его бѣглой замѣтки о характерѣ Фальстафа: «Четырехъ-лѣтній сынокъ моего почтеннаго друга, говоритъ Пушкинъ: вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды въ его отсутствіе повторялъ про себя: «Какой папенька хлаблій! Какъ папеньку генеалъ любитъ!». Мальчика подслушали и кликнули. «Кто это тебѣ сказалъ, Володя?» — «Папенька», отвѣчалъ Володя»...*

Не дивитесь, что насъ привела къ анекдоту книга г. Соловьева. Намъ пришли на память нѣкоторыя изъ забавныхъ возраженій, сдѣланныхъ г-ну Соловьеву за первый томъ его сочиненія ... Можно безошибочно предсказать, что и на этотъ разъ дѣло не обойдется безъ сильныхъ возгласовъ со стороны подобныхъ критиковъ. Но, впрочемъ, что до этого? ... Ученая критика, преимущественно въ лицѣ гг. Кавелина и Калачева, конечно, не замедлитъ сказать свое слово о нововышедшей части *Исторіи Россіи*, чего, вѣроятно и самъ авторъ ждетъ съ такимъ-же нетерпѣніемъ, какъ и всѣ просвѣщенные читатели. Что касается до литературнаго достоинства труда, не знаешь, которой главѣ отдать предпочтеніе. Вслѣдъ за фактическимъ изложеніемъ заключающагося во второй части періода, насъ ждетъ описаніе подро-

---

* «Современникъ», 1837 т. № 4, стр. 236.

бностей внутренняго быта русскаго общества за то время. Обѣщаніемъ этого описанія г. Соловьевъ кончаетъ свою пятую главу.

Ко второму тому *Исторіи Россіи* приложены: «примѣчанія», богатыя содержаніемъ, чрезвычайно важныя и интересныя, — «дополненіе» отъ автора, состоящее изъ возраженій г. Кавелину на нѣкоторыя его мнѣнія о родовомъ началѣ и доказательства неосновательности *математическаго* взгляда г. Погодина на междоусобныя войны, — «дополненіе къ первому тому», то-есть, письмо г. профессора Буслаева къ автору *Исторіи Россіи*, заключающее преимущественно лингвистическія указанія, служащія къ разъясненію темной стороны вопроса о русской старинѣ и о началѣ русской исторіи, и «четыре генеалогическія таблицы князей разсматриваемаго періода». Понятно, что эти приложенія увеличиваютъ достоинство и важность втораго тома *Исторіи Россіи*.

Я произнесъ имя г. Буслаева. Это лишаетъ меня возможности не упомянуть о его превосходныхъ статьяхъ: *О русской поэзіи въ двѣнадцатомъ вѣкѣ*, явившихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Не говоря о заслугахъ г. Буслаева, какъ профессора, болѣе или менѣе извѣстныхъ, нельзя не смотрѣть на него безъ особеннаго уваженія за тѣ труды, которыми онъ неутомимо обогащаетъ русскую литературу. Статьи «объ эпической поэзіи», разборъ сочиненія г. Срезневскаго (напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ») и «разборъ филологическихъ изслѣдованій г. Павскаго» (печатающійся тамъ-же), въ своемъ родѣ немного имѣютъ себѣ подобныхъ въ настоящемъ русской литературы, а въ прошломъ и подавно ... Заграничная корреспонденція «Московскихъ Вѣдомостей» представляетъ нѣсколько весьма интересныхъ писемъ изъ Италіи и Греціи. Любители искусства и музыки въ особенности, вѣроятно, отдадутъ полную справедливость *Біографіи и характеристикѣ Паганини*, напечатанной въ той-же газетѣ, которая, позвольте повторить замѣченное прежде, все болѣе и болѣе протестуетъ серьозностію и разнообразіемъ своего содержанія противъ давно установившагося между многими понятія, что газета, русская, французская, нѣмецкая, англійская все равно, есть нѣчто, предназначенное для приправы завтрака или послѣобѣденнаго кейфа ... Вспомните, далеко-ли то время, когда каждый сочинитель русскихъ повѣстей, чтобъ обозначить человѣка, ничего не читающаго, или темное, необразованное лицо, говорилъ: «N. N. если когда читалъ, такъ развѣ одни газеты. Теперь – же вы можете смѣло быть увѣрены, что эти «Вѣдомости» найдутся на столѣ у каждаго ученаго ... А о томъ, какова была масса ихъ подписчиковъ уже въ началѣ года, я ска-

залъ еще въ моемъ первомъ письмѣ. Все это факты трижды утѣшительные, не правда–ли?..

Притомъ «Московскія Вѣдомости» серьознѣе смотрятъ на статьи переводныя и политическія; въ нихъ не встрѣтишь наивностей и промаховъ, какіе попадаются въ другихъ газетахъ, какъ на-примѣръ: *Э* или *Эксъ* вмѣсто *Ахенъ*, *Анверъ* вмѣсто *Антверпенъ*, и другія ошибки противъ смысла и географіи, которыхъ не сдѣлаетъ и ученикъ, и которыя происходятъ, по–видимому, отъ двухъ всесильныхъ русскихъ двигателей, *авось* и *какъ-нибудь*.

При одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» находится *XXII годовой отчетъ Московскаго заведенія для приготовленія минеральныхъ водъ*, изъ котораго, между прочимъ, видно, что число лицъ, пользующихся водами въ этомъ заведеніи съ каждымъ годомъ уменьшается. «Причиною этому можно полагать удобство, съ которымъ, при настоящихъ сообщеніяхъ, можно безъ большой потери времени и безъ большихъ издержекъ посѣщать естественные источники» утверждаетъ *Отчетъ* ... Такъ–ли это, пусть рѣшаютъ медики. *Отчетъ*–же утѣшаетъ себя тѣмъ, что все-таки въ продолженіе 1851 года разослано заведеніемъ по русскому царству до 282,000 бутылокъ разныхъ минеральныхъ водъ. Да утѣшатся-же всѣ тѣ, кого это утѣшить можетъ и да принесутъ эти бутылки пользу тѣмъ, кто ее отъ нихъ ожидаетъ...

Наши новости неперіодической прессы слѣдующія: «Уроскопія, руководство къ изслѣдованію почечнаго отдѣленія, помощію химіи и микроскопа, въ приложеніи къ распознаванію болѣзней», соч. доктора Смирнова. — «Сельское счетоводство, настольная книга для сельскихъ хозяевъ», соч. г. Преображенскаго. — «Начертательная Гномоника, или легкое и простое указаніе устроивать солнечные часы на всѣхъ плоскостяхъ, равно и на кривыхъ поверхностяхъ или окружностяхъ шара и прямаго цилиндра, безъ всякихъ вычисленій», съ 12-ью чертежами. — «О разведеніи и фабрикаціи табака». — «Усовершенствованный способъ хлѣбное вино и спиртъ очищать отъ сивушнаго запаха», и т. д., соч. г–на Ж... Вижу отсюда вашу улыбку: вы въ недоумѣніи отъ моего упрямства списывать съ книгопродавческихъ объявленій заглавія книгъ, ни какимъ образомъ не подлежащихъ вѣдѣнію «Пантеона»; но что–же дѣлать мнѣ, когда бельлетристика не представляетъ ничего новаго, кромѣ «Овернскаго замка», соч. Эли Бертѣ, «Хозяина-пчеловода», и третьяго тома пятаго выпуска «Библіотеки романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ», издаваемой книгопродавцемъ Улитинымъ. «Хозяинъ–пчеловодъ» трактуетъ о пчелахъ, начавъ свою

диссертацію ab ovo: «при заведеніи пчельника нужно сообразить, чтобы климатъ и мѣстность не слишкомъ были пчеламъ противны и онѣ могли-бы въ окрестности находить себѣ пищу» и т. д., въ томъ-же родѣ; а переводчикъ «Овернскаго замка» и переводчики произведеній Жоржа Санда, графини Дашъ, г-жи Ребо и Роже де-Бовуара, изъ которыхъ состоитъ настоящій выпускъ «Библіотеки» г-на Улитина, переводятъ французскихъ авторовъ до непозволительности дурно. Жаль — относительно «Marre au Diable», но совсѣмъ не жаль относительно прочихъ повѣстей и романовъ ... Будь въ нашей литературѣ замѣтна бо́льшая разница между переводами капитальныхъ иностранныхъ произведеній и пустыхъ, то-есть, если-бы первыя переводились всегда хорошо, а послѣднія всегда дурно, то слѣдовало-бы отъ всей души поздравить русскую литературу; но покуда на это возможности не представляется, ибо и тѣ и другія у насъ переводятся одинаково дурно и это, кажется, будетъ продолжаться до—тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не переведутся ... И вотъ вамъ наша майская бельлетристика...

А «Москвитянинъ» – то? Вообразите, чуть-чуть не забылъ его.

9 мая была здѣсь первая гроза, большая гроза, какія бываютъ у насъ обыкновенно въ іюнѣ и іюлѣ, гроза съ страшнымъ громомъ, ослѣпительною молніею и проливнымъ дождемъ. На этотъ разъ, лишь только стихіи унялись, изъ земли пошла трава, листья на деревьяхъ вдругъ раскрылись, птички зачирикали на всѣ голоса, Само-собою разумѣется, что, благодаря прекрасной картинѣ, которую послѣ первой грозы представляетъ даже городская природа — ежели есть у васъ передъ глазами хоть двѣ квадратныя сажени земли и три куста акаціи — благодаря благорастворенію удивительнаго воздуха, который несказанно пріятно вѣялъ въ отворенное окно, я взялъ въ руки принесенную мнѣ девятую книжку «Москвитянина», съ какимъ-то нѣжнымъ расположеніемъ въ ея пользу ... Я находился въ самомъ счастливомъ настроеніи. Но мало-по-малу это настроеніе миновалось, я хочу сказать, что мнѣ все становилось скучнѣе и грустнѣе по волѣ «Москвитянина», который долженъ-же я былъ читать, не смотря на красоты природы и упоительный воздухъ. Вы такъ и ждете элегіи; успокойтесь: я не буду надоѣдать вамъ подробностями всѣхъ ощущеній, которыя возбудила во мнѣ книжка журнала, и только въ немногихъ словахъ скажу о ея содержаніи самое главное.

Повѣсть г. Ковалевскаго — «Натурщица» — читается;—«Папы и Востокъ въ тринадцатомъ вѣкѣ (Иннокентій III, крестоносцы и Константинополь)», статья г. Волкова, читается съ большимъ трудомъ; статья — «Торфъ, его разработка и употребленіе въ Москвѣ», тоже

помѣщенная подъ рубрикою «Науки», можетъ быть, прочтется тѣми, кому о томъ вѣдать надлежитъ. О «Критикѣ и Библіографіи» говорить серьозно нельзя. Судите. Въ этомъ отдѣлѣ есть, между прочимъ, разборъ перевода «Эдипа-царя», г. Шестакова, помѣщеннаго во второй книгѣ «Пропилеевъ», яко-бы присланный изъ провинціи. Критикъ, сдѣлавъ, впрочемъ, нѣсколько справедливыхъ замѣчаній переводчику за погрѣшности его противъ языка и неясность выраженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, заключаетъ приговоръ свой объявленіемъ, что главнымъ условіемъ хорошаго перевода онъ считаетъ *чистоту* и *правильность языка*. Не странно-ли? Я, на-примѣръ, плохо знаю греческій языкъ; такъ мнѣ, когда я читаю Эдипа, хочется видѣть Софокла, а не г. Шестакова; а критику «Москвитянина» тревожитъ только то, что г. Шестаковъ допустилъ нѣсколько ошибокъ противъ русскаго языка, тогда какъ еще подвержено большому сомнѣнію, можно-ли переводить Софокла и *вѣрно* — что главное для всѣхъ, не имѣющихъ возможности читать его въ подлинникѣ — и *гладко* въ одно и то-же время ... Неугодно-ли кому-нибудь взяться перевести Шекспира вѣрно, совершенно-правильно и красно по-русски? Два-три удобочитаемые перевода изъ Шекспира есть у насъ, а вѣрныхъ — ни одного. Да не только у насъ, но гдѣ они есть? Лучшіе и извѣстнѣйшіе нѣмецкіе переводы — смѣю увѣрить, ибо говорю объ этомъ дѣлѣ en connaissance de cause — не только не достигаютъ красоты подлинника, но и не раскрываютъ передъ читающимъ настоящаго Шекспира: букетъ всегда и вездѣ потерянъ, именно потому, что переводчики, кто-бъ они ни были, всего болѣе заботились о томъ, чтобы каждый читатель похвалилъ изъ трудъ, а отнюдь не о томъ, чтобъ передать Шекспира какъ-можно ближе и вѣрнѣе, то-есть, просто буквально. А не полезнѣе-ли во всѣхъ отношеніяхъ былъ-бы переводъ втораго рода? Ибо совмѣстить въ переводѣ Шекспира безусловную вѣрность подлиннику съ художественностію выполненія, повторяю, рѣшительно невозможно, что доказать передъ всѣми было-бы не трудно, но потребовалось-бы слишкомъ много мѣста, а на это я здѣсь не имѣю права ... Кто изъ насъ не зачитывался «Одиссеи» Жуковскаго; но можно-ли не желать другаго перевода «Одиссеи», съ-тѣхъ-поръ, какъ доказано знатоками греческой литературы, на сколько переводъ русскаго барда далекъ отъ Гомера? .. По всему этому, хулить трудъ г. Шестакова за то, что онъ не строго удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ русскаго языка, не должно, пока не будетъ доказано, что онъ не вѣренъ ... Нельзя-же смотрѣть на подобный трудъ какъ на упражненіе въ отечественной словесности, исполненное ученикомъ. Разборъ «Раута», г. Сушкова и журналовъ: «Отечественныя

Записки», «Библіотека для Чтенія» и «Пантеонъ» сдѣланы въ «Москвитянинѣ», вѣроятно, ради потѣхи рецензентовъ: какъ иначе объяснить, на-примѣръ, выписки на четырнадцати страницахъ, изъ «Мизогина», и перепечатываніе, будто-бы за ихъ нравственное направленіе, такихъ стиховъ, какъ

Увлекшись обаяньемъ пластики,
Въ угарѣ славы міровой
Поэты вѣка — головастики —
Живутъ и пишутъ головой!..

Не понимаемъ, какимъ образомъ подобные водевильные куплетцы могутъ имѣть нравственное направленіе? Любопытно-бы узнать это. Если-же «Москвитянинъ» думалъ относиться объ «Раутѣ» иронически, такъ необходимо, чтобы иронія была хоть сколько-нибудь чувствительна: кажется, читатель журнальной статьи имѣетъ право требовать, чтобъ настоящій смыслъ ея былъ понятенъ, безъ комментаріевъ. Въ «Журналистикѣ», кромѣ сказанной цѣли, имѣется въ виду и другая, которая стоитъ у «Москвитянина» всегда на первомъ планѣ: доказать, что всѣ его сотрудники и вкладчики — совершенство. На этотъ разъ, разборы «Отечественныхъ Записокъ» и «Библіотеки» суть не иное что, какъ чернильный походъ во имя г. Островскаго: рецензенты ратуютъ противъ замѣчаній тѣхъ журналовъ и даже противъ критики «Современника», о которой прежде было говорено въ совершенно-иномъ тонѣ, съ ожесточеніемъ и самоотверженіемъ, достойнымъ средневѣковаго рыцарства ... Ни клочка земли, ни словечка не хотятъ они уступить невѣрнымъ, и для этого готовы разсказать вамъ не только то, что думалъ критикъ такого-то журнала, когда говорилъ о г-нѣ Островскомъ, но и то, въ какомъ онъ былъ халатѣ, когда писалъ о его комедіи, чѣмъ закусывалъ водку на-канунѣ и что онъ скажетъ своей сосѣдкѣ, если встрѣтится съ нею на лѣстницѣ! Каково-же автору и публикѣ присутствовать при подобныхъ экзерциціяхъ московской *юной литературы*! ... О разборѣ «Пантеона» не для чего-бы и упоминать: читатели «Пантеона»—лучшіе его судьи, и его редакція, не имѣя безмѣрно выпятившихся (слогъ юнаго «Москвитянина»!) претензій Москвитянина, который называетъ себя сокровищницею всего русскаго, рѣдкаго, замѣчательнаго—предоставляетъ своимъ читателямъ самимъ оцѣнивать то, что даетъ она имъ по мѣрѣ силъ и средствъ. Слѣдовательно на какой-же конецъ спорить въ «Пантеонѣ» о томъ, что, по поводу его, говоритъ тотъ или другой журналъ, если не имѣется въ предметѣ, для наполненія собственной книжки, заводить журнальную полемику?.. Возражать на отзывъ «Москви-

тяна» я, по этому, не стану—теперь, какъ прежде и какъ на будущее время. Но есть, въ заключеніи разбора второй и третьей книжки «Пантеона» три строчки, которыя, не то, чтобы требовали объясненія, а до-того поражаютъ *искренностію*, что на нихъ, право, курьозно остановиться. Это мы сдѣлаемъ, попросивъ напередъ извиненія у читателей. Вотъ эти строчки:

«Что-же касается до двухъ «Вѣстниковъ», петербургскаго и московскаго, то они, какъ кажется, замѣнили уничтоженный *ради приличія* отдѣлъ »Балагуръ», но въ сущности ничѣмъ отъ него не отличаются *».

Не нужно быть ни Талейраномъ, ни Макіавелемъ, ни даже самымъ недостойнымъ адептомъ котораго-нибудь изъ этихъ свѣтилъ человѣческой тонкости, чтобы понять, что такимъ заключеніемъ «Москвитянина» «Пантеонъ» обязанъ «Московскому Вѣстнику» за его отчетъ о «Москвитянинѣ». Итакъ, вы знаете теперь, читатель, что какой-бы то ни было отзывъ о журналѣ, основанный на данныхъ, взятыхъ изъ него самого, подкрѣпленный выписками съ указаніемъ даже страницъ и строчекъ и прибавленіемъ такого факта, какъ напримѣръ, *равнодушіе къ единственному въ городѣ учено-литературному журналу всего ученаго сословія того города*, — сословія, въ то-же время извѣстнаго своего литературною дѣятельностію и не только принимающаго живое участіе въ одной газетѣ своего города, но и постоянно вкладывающаго свои труды въ журналы, издаваемые въ другомъ городѣ, все это, изволите видѣть, по опредѣленію «Москвитянина» — балагурство. Исполать!.. Исполать «Москвитянину», тѣмъ болѣе, что заводить преніе изъ-за выписанныхъ строкъ невозможно: у каждаго человѣка, говорятъ, свой обычай и свой взглядъ на вещи; почему-же у «Москвитянина» не быть своего лексикона? Слышно стороной, что этотъ образъ дѣйствія одного изъ критиковъ «Москвитянина» удостоился названія «политическая находчивость въ критическихъ случаяхъ»... Находчивость тутъ есть, дѣйствительно, и находчивость огромная; жаль только, что она совсѣмъ не нова: бывали не разъ въ исторіи человѣческихъ заблужденій, (которую, если вы помните, еще все сбирался издать въ

---

* «The Caxtons», послѣдній романъ Бульвера.

свѣтъ, а издалъ только отчасти — мистръ Какстонъ *), подобные случаи.

25 Мая была здѣсь вторая гроза. Но эта гроза была не такая, какъ первая, была гораздо меньше первой, и врядъ-ли даже дождь, ее сопровождавшій, захватилъ нѣкоторыя окраины бѣлокаменной. Оттого, конечно, двадцать-седьмаго числа зелень Тверскаго-бульвара оказалась несравненно пышнѣе зелени Дѣвичьяго-поля. Въ тотъ-же день, вышла десятая книжка «Москвитянина»

По долгу корреспондента «Пантеона», я, разумѣется, прочелъ и эту книжку и долженъ сказать, что въ ней, кромѣ статьи г. Рамазанова «Нѣчто о художественномъ въ Москвѣ», читать рѣшительно нечего, и право не зачѣмъ было печатать девять-десятыхъ того, что въ ней есть: не зачѣмъ было продолжать процессъ искаженія Вильгельма-Мейстера въ такомъ духѣ:

«Когда онъ подъѣхалъ къ гостинницѣ на рынкѣ, тамъ, казалось, было очень весело, по-крайней-мѣрѣ очень живо. Большая труппа канатныхъ плясуновъ, скакуновъ и скомороховъ, съ какимъ-то крѣпкосложеннымъ человѣкомъ посреди ихъ, расположилась тамъ съ женою и дѣтьми, и готовясь къ публичному представленію, дѣлала покамѣсть всякія безчинства **.»

Видно, переводить Гёте труднѣе, нежели критиковать г. Шестакова!..

Незачѣмъ было переводить изъ «Revue des Deux Mondes» статью Гюстава Планша «О Гизо и его сочиненіяхъ, ибо во-первыхъ Планшъ давно прославился своей претензіей все осуждать, въ то-же время только ходя кругомъ своего предмета и не касаясь его сущности, — подобно школьнику, вынувшему на экзаменѣ билетъ, на который онъ не приготовился. Не кчему было печатать подобныя описанія, какъ-будто цѣликомъ взятыя изъ дѣтской книжки, онѣ называются «Подмосковная охота»? Солнце только-что сѣло. Полумракъ ложится на землю, въ лѣсу онъ еще ощутительнѣе. Разогрѣтый солнечными лучами воздухъ, мѣшаясь съ прохладными испареніями еще не вполнѣ оттаявшей земли и съ ароматами распускивающихся деревьевъ, невыразимо - прекрасенъ. На чистомъ весеннемъ небѣ блеснула ранняя звѣзда; собирающіяся на ночлегъ птички перепархиваютъ около охотника, избравшаго уже мѣсто стоянки. Мѣсто это избирается обыкновенно на перелѣскѣ, или между крупнымъ и мелкимъ лѣсомъ, или на опушкѣ лѣса, если онъ окруженъ болотомъ. Голосъ лѣсной кана-

---

* «Москвитянинъ». N 9, отд. V, с. 56.

** «Москвитянинъ», № 10, отд. II, стр 1.

рейки становится рѣже и рѣже, только неугомонный дроздъ все еще покрикиваетъ и посвистываетъ, съ шумомъ садится на дерево, подъ которымъ стоитъ стрѣлокъ, и заставляетъ невольно вздрагивать послѣдняго. Мало-по-малу все въ лѣсу затихаетъ. Если близко болото, раздается голосъ бекаса. Тамъ вверху шумно рѣжетъ онъ воздухъ своими крыльями, промчится иногда такъ близко, что охотникъ схватится за ружье, чтобъ стрѣлять его; но это акустическій обманъ: бекасъ далеко, да и не разглядишь его.

«Болотная курочка тоже начинаетъ насвистывать свою однообразную пѣсенку и пріятно щекотать слухъ охотника; но все это для него только хоры, онъ нетерпѣливо ждетъ солистовъ.

«Раздалось что-то похожее на цыканье вальдшнепа; ружье уже въ рукахъ охотника; сердце замерло, біеніе его можетъ помѣшать прислушиваться къ голосу пріятнаго гостя. Лежащая подъ кустомъ собака тоже подняла голову и тревожно смотритъ вверхъ. Цыканье явственнѣе, оно уже сопровождается обычнымъ хрипѣніемъ вальдшнепа, — указательный палецъ стрѣлка безсознательно очутился на замочной собачкѣ. Голосъ все ближе и ближе; глаза охотника быстро окидываютъ верхи окружающихъ его деревьевъ, и вотъ увидѣли они этого лѣснаго красавца, беззаботно летящаго надъ лѣсомъ и вызывающаго подругу на нѣжное свиданіе.

«Вандалъ!.. Охотникъ не слышитъ этой пѣсни любви, онъ забылъ даже свою собственную любовь, если она нѣжитъ или мучитъ свое сердце, всю душу переливаетъ онъ въ зарядъ, готовый вылетѣть изъ ружья его, и нажимаетъ собачку. Раздался выстрѣлъ, и птица гаснетъ въ воздухѣ, или раненая падаетъ умирать къ ногамъ охотника».

Авторъ называетъ это «картиною поэтической обстановки тяги или поры любви лучшей породы лѣсной дичи»; въ одной школѣ подобныя картины назывались «шоколадъ». Вышеприведенная статья самое безцвѣтное подражаніе «Запискамъ охотника».

Далѣе. Не къ чему было печатать *мнѣніе одного неизвѣстнаго читателя объ одномъ неизвѣстномъ сочиненіи*, потому-что никто ровно не пойметъ изъ этой статьи ни полслова, о чемъ, впрочемъ, и жалѣть не стоитъ...

На русскомъ театрѣ, какъ и всегда въ теперешнюю пору года, новостей мало. Вотъ онѣ: «Женихъ на парѣ» — комедія (?!) въ двухъ дѣйствіяхъ; «Московскій купецъ и купеческій сынокъ», вод. въ 1 д. (сюжетъ взятъ съ «французскаго NB»). — «Шалуны», вод. 1 д. — «А ларчикъ просто открывался», ком.-вод. въ 1 д., перед. съ франц. г-жею Тальцевою. Избавляю васъ и себя отъ всѣхъ *или*, безъ которыхъ, къ великому

утѣшенію моему, не обошлось ни одно изъ выписанныхъ заглавій, кромѣ самаго послѣдняго; увольняю себя также отъ разбора всѣхъ этихъ достопримѣчательностей ... Не остановлюсь и на бенефисѣ г-жи Васильевой, къ которому относятся три послѣднія пьесы, по той простой причинѣ, что ничего интереснаго о немъ сказать не имѣется. Г. Самойловъ кончилъ свои представленія и — долженъ былъ увезти съ собою весьма невысокое понятіе о нашемъ взглядѣ на оцѣнку добросовѣстнаго и умнаго артиста. Искусство, настоящее искусство, честное изученіе сцены и игра безъ колящихъ глаза выпуклостей — многими у насъ не понято!.. На Французскомъ театрѣ поставлено нѣсколько новыхъ пьесъ, изъ которыхъ заслуживаютъ не быть забытыми: «Le mariage de Victorine», пьеса Жоржа Санда, извѣстная читателямъ «Пантеона», и «Emma et Ferdinand», драма въ 2 д. съ куплетами, г. Баяра. Бенефисъ г. Вернѐ подарилъ насъ присутствіемъ его брата, Вернѐ петербургскаго, благодаря чему театръ былъ набитъ биткомъ. Были въ обоихъ нашихъ театрахъ, Большомъ и Маломъ, представленія гг. Германна и Раппо, привлекавшія большія толпы зрителей — съ чѣмъ можно-бъ было поздравить и профессора бѣлой магіи и новаго Геркулеса, еслибъ въ восторгахъ публики передъ подобнаго свойства зрѣлищами было что-нибудь новое. Начались представленія въ театрѣ Петровскаго-парка, хорошенькомъ театрѣ, настоящемъ дачномъ театрѣ — весьма и весьма мало посѣщаемомъ.

Въ настоящее время, это происходитъ всего болѣе оттого, что самый Паркъ все больше выходитъ изъ моды. Лѣтъ пять-шесть тому, воксалъ, занимаемый лѣтомъ Нѣмецкимъ-клубомъ, въ опредѣленные дни недѣли бывалъ постоянно полонъ; въ тѣ-же дни происходили гулянія въ экипажахъ, блестящихъ и многочисленныхъ. Кромѣ того, дачи Парка бывали населены цвѣтомъ Москвы, здѣшнею fashion ... Теперь перевѣсъ на сторонѣ Сокольниковъ, которымъ близость желѣзной дороги съ каждымъ днемъ даетъ все бо́льшую цѣну, во всѣхъ отношеніяхъ

Первое мая въ Сокольникахъ было нынче подъ Новинскимъ, затѣмъ что 1-го мая въ Сокольникахъ была еще зима. За то настоящее 1-е мая было 19-го мая, въ Духовъ-день, и въ-этотъ день, часовъ съ двухъ по-полудни и до поздняго вечера, если не до ночи, Сокольники представляли зрѣлище болѣе великолѣпное, чѣмъ когда-либо. Не знаю, можно-ли вообразить себѣ гулянье многолюднѣе, картину—пестрѣе, и подобной величины мѣстность — оживленнѣе? И дачи въ Сокольникахъ строятся все дальше и дальше — къ Яузѣ, и самое гулянье перваго мая съ каждымъ годомъ распространяется... Второе мѣсто, по своей извѣстности, занимаетъ гулянье семика въ Марьиной-рощѣ. Въ нынѣшнемъ году, и это

гуляньe было чрезвычайно-удачно, благодаря великолѣпной погодѣ, съ первой грозы у насъ, совершенно лѣтней. Вы, я полагаю, знаете, что семикъ отличается отъ перваго мая тѣмъ, что на немъ бываетъ гораздо менѣе экипажей, нежели пѣшей публики, между-тѣмъ какъ перваго мая, если въ Сокольники много стекается пѣшеходовъ, такъ и экипажей и лошадей собирается столько сколько конечно не собирается ихъ никогда, ни на одномъ заграничномъ гуляньѣ, разумѣется, ежели хорошая погода.

Коснувшись загородныхъ гуляній, нельзя не замѣтить о томъ, какъ вообще всѣ лѣтнія удовольствія въ пренебреженіи у Москвы, или до какой степени она мало наслаждается ими. Это, просто, невѣроятно. Десятка печатныхъ строкъ не стало-бы на одинъ перечень ближайшихъ ея окрестностей, одна другой лучше, а онѣ какъ — будто не существуютъ для нея. Не вѣрьте-же, иногородный читатель, похваламъ, которыя, не знаю ужъ ради чего, расточаютъ «великолѣпнымъ и блистательнымъ» загороднымъ гуляньямъ и разнаго рода публикаціямъ: кромѣ Парка и Сокольниковъ въ опредѣленные дни, и Марьиной-рощи въ семикъ, все и всегда постоянно пусто, такъ пусто, что и не смотрѣлъ-бы. И это не со вчерашняго дня. Теперь еще сноснѣе, и въ особенности въ нынѣшнемъ году видно больше охоты ко всѣмъ лѣтнимъ удовольствіямъ, чѣмъ прежде. Въ нынѣшнемъ году — чего не бывало очень давно — въ назначенные дни, Тверской-бульваръ и Кремлевскій-садъ полны народа — до-сихъ-поръ, по-крайней мѣрѣ: и тамъ и здѣсь, вы имѣете кофейни на весьма національную ногу, гдѣ изъ «прохладительныхъ, горячительныхъ и всякого рода кушанья и мороженаго», можете смѣло спросить стаканъ воды, или шипучаго лимонада и даже папиросу. Воду и лимонадъ вамъ подадутъ разогрѣтые до 25° Р., а сверхъ того вы имѣете право безвозмездно читать «Полицейскую газету», которая у насъ повсемѣстно замѣняетъ «Пчелку», и слушать или не слушать болѣе или менѣе дурную музыку. Тѣ-же привиллегіи предоставлены всѣмъ и каждому — съ небольшими развѣ варіянтами — на Прѣсненскихъ-прудахъ, въ Студенцѣ и въ такъ-называемомъ до-сихъ-поръ Корсаковомъ-саду, гдѣ, не въ счетъ абонемента, есть еще огромный прудъ, который, чуть-ли не съ двѣнадцатаго года, покрытъ плѣснью и къ которому подходить близко нельзя посовѣтовать никому. Сокольники, какъ уже сказано, съ каждымъ годомъ оживаютъ все болѣе и болѣе: въ прошломъ году, возлѣ самой заставы въ двѣ недѣли воздвигнута дача г-жи Буркиной, гдѣ тотчасъ-же поселился Морель съ прекраснымъ рестораномъ, а въ принадлежащемъ къ балагану небольшомъ садикѣ расположился Зейденштекеръ съ прекраснымъ оркестромъ.

Дача Буркиной мгновенно вошла въ большую моду: нѣгдѣ, бывало, повернуться въ саду, не доберешься до буфета, не допросишься ничего — столько съѣзжалось народа. Въ-самомъ-дѣлѣ, Зейденштехеръ славно игралъ, Морель — славно кормилъ. Нынче, мѣсто Зейденштехера занялъ Максимиліанъ Саксъ, котораго оркестръ, кромѣ семи-сотъ-семидесяти-семи полекъ съ приправою колокольчиковъ, бубенчиковъ, тарелокъ, треугольниковъ, пробокъ, вилокъ и ножей, исполняетъ, иногда очень мило, нѣкоторыя увертюры и варіаціи на темы изъ оперъ; но какъ все на бѣломъ свѣтѣ уравновѣшивается, то рядомъ съ Саксомъ, которымъ-бы можно быть довольнымъ, помѣстился, вмѣсто Мореля, какой-то русскій Ватель, способный отравить вамъ самый пріятный вечеръ. Спрòсите-ли вы рюмку коньяку, вамъ подадутъ французской водки и возмутъ 30 к. сер.; хотите-ли вы съѣсть бутербротъ ... но вы знаете стиль, о которомъ я веду рѣчь — а веду я ее къ тому, чтобы сказать вамъ, что въ нынѣшнемъ году Сокольники не стоятъ прошлогоднихъ.

Лучшее лѣтнее увеселеніе нынѣшняго года — Тиволи, устроенное г. Раппо въ саду князя Голицына, на Бутыркахъ, противъ Острога. Въ опредѣленные дни, три раза въ недѣлю, вы, съ четырехъ часовъ по-полудни до одинадцати, не знаете, какъ разорвать зрительныя и слуховыя способности. Путешествіе по воздуху на туго-натянутомъ канатѣ, представленія въ циркѣ — разумѣется, олимпійскомъ — представленія восточной магіи, исполняемыя, понимается, профессоромъ, — живыя картины самаго миѳологическаго содержанія, — олимпійскій стадій или «здѣсь, тамъ, вверху, внизу, на землѣ, въ воздухѣ, на стеклѣ и хрусталѣ», — театръ маріонетокъ, — панорама Рейна, — качели, — карусель, — слоновый самокатъ овальнаго хода, — четыре оркестра и хоръ пѣсенниковъ, — вотъ въ самыхъ короткихъ словахъ программа удовольствій, которыя даетъ г. Раппо, за 1 р. сер. Все это относительно болѣе или менѣе недурно, кромѣ живыхъ картинъ, которыя безусловно ни на что не похожи, и маріонетокъ, которыя чрезвычайно хороши. Не удивитъ васъ, я думаю, если я прибавлю, что все это понимается обычными посѣтителями совершенно на выворотъ. Они неистово апплодируютъ «Психеѣ,» «Спартанцамъ,» «Троянскимъ войнамъ» и «Путешествію Бахуса въ Индію», требуетъ непремѣнно повторенія несообразностей, показываемыхъ подъ этими заглавіями, и весьма равнодушно смотрятъ на марьонетки, доведенныя до совершенства невѣроятнаго, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что мы до-сихъ-поръ видали въ Россіи въ этомъ родѣ. Въ минуту досуга, читатель, запаситесь прекрасною книгою Шарля Маньеня «Histoire des marionettes», или пробѣгите въ «Revue des Deux Mondes» №№ отъ 15-го іюня, 1-го августа, 15-го сентября

1850 г., 1-го іюня 1851 года и 15-го марта нынѣшняго года (сочиненіе Маньеня печаталось сначала отдѣльными статьями) — и вы увидите, какое серьозное значеніе имѣли маріонетки въ Европѣ и какъ древне ихъ происхожденіе. Въ Италіи, онѣ и по нынѣшній день одно изъ любимыхъ зрѣлищъ, наиболѣе интересующія всѣхъ, всѣмъ извѣстныя и до всѣхъ касающіяся; на каждый особенный случай сочиняются новыя сцены, непремѣнно отражающія ближайшія къ зрителямъ событія.

Возвращаясь къ московскому Тиволи, должно отдать полную справедливость г. Раппо: ничего подобнаго до него въ Москвѣ не бывало. Садъ князя Голицына отдѣланъ очень чисто; домъ, гдѣ устроенъ ресторанъ, который содержитъ Морель, довольно помѣстителенъ — и у Раппо, вѣроятно, все лѣто будетъ многочисленная публика, а если не будетъ, такъ я ужъ и не знаю, чего ей нужно. На-дняхъ присоединился къ нему еще петербургскій клаунъ Віоль: еще зрѣлищемъ больше. Только-бы вмѣсто четырехъ дурныхъ оркестровъ — хоть одинъ сносный.

Но дачею князя Голицына едва-ли не ограничиваются всѣ тѣ загородныя удовольствія, о которыхъ говоритъ не стыдно.

Одинъ мой почтенный собратъ по фельетону жалуется въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что въ Кунцовѣ съ него взяли 1 рубль серебромъ за то, чтобы поставить самоваръ. Фактъ — неопровержимо истинный! Но для кого-же, позвольте спросить, прикажете устроивать удобства, рестораны и кофейни, когда за городомъ, не ударьте вы въ колоколъ, не бываетъ почти никто?..

О Химкахъ и предполагавшемся воксалѣ ничего сказать нельзя, потому-что все это пока остается на степени предположенія.

Позвольте мнѣ, въ заключеніе, рекомендовать вниманію читателей «Пантеона» новаго фабриканта папиросовъ, который въ каждой продаваемой имъ пачкѣ рекомендуетъ себя слѣдующимъ образомъ: «*Господа мой Покупатели, надеюсь что вы неоставите моей прозьбы, что мой Магазинь и Фабрика* Георгія Вретто *которая состоящая на Никольской улицѣ, въ домѣ Греческаго монастыря после 15 Майя переведена будетъ тожъ на Никольской улицѣ, въ Домъ Графа Шереметева на углу Черкасскаго переулка.*»

Затѣмъ, пожелавъ читателямъ добраго здоровья и всякаго благополучія, молю, да пошлетъ имъ небо веселое и беззаботное лѣто, гдѣ-нибудь подальше отъ Петербурга и Москвы,

Въ тѣни орѣшниковъ иль фигъ —
Подальше отъ заботъ и книгъ.

А если бы пришлось мнѣ разстаться съ читателями мѣсяца на два, на три, да не помянутъ они меня лихомъ и разрѣшатъ мнѣ, впослѣдствіи, продолжать мою болтовню — если только она и теперь уже имъ не наскучила....

Корреспондентъ «Пантеона».

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРА.

Послѣдніе нумера «Отечественныхъ Записокъ. — Г. Вонлярлярскій и его «Ночь на 28-е сентября». — Романы въ письмахъ. — Чудесное и естественное. — Науки и Библіографія. — Статья о Н. В. Гоголѣ и сказка г. Данилевскаго. — «Библіотека для Чтенія». — Иногородный Подписчикъ уѣзжаетъ. — Пріятное и тяжелое чувство, остающееся послѣ его письма. — Критика въ новомъ родѣ. — Г. Арбузовъ, поэтъ «Сына Отечества». — Г-жа Тальцова и ея повѣсть. — Эпиграфы, посвященія и ошибки противъ русскаго языка. — Цитата Демутье. — Странное сходство двухъ произведеній двухъ разныхъ авторовъ, въ двухъ разныхъ журналахъ. — «Село Михайловское – Прискухино», «Львы въ провинціи» и «Евгеній Онѣгинъ». — Ничто не ново подъ луною. — «Кружевница», г. Михайлова. — «Энеида» Котляревскаго – Шершеневича. — Кто она? любопытный вопросъ, въ которомъ можно раскаяться. — Новый Поэтъ не выдержалъ. — Отчего мы не разбираемъ газетъ? — Отвѣтъ г. Ф. — Нѣсколько словъ о «Музыкальномъ Свѣтѣ».

Въ послѣдней книжкѣ «Пантеона» мы не кончили обзора нашихъ журналовъ за май мѣсяцъ, увлекшись удивительнымъ разсказомъ «Біографія Лукьянатова». Чѣмъ болѣе вчитываемся мы въ это образцовое произведеніе, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся въ томъ, что ничего подобнаго не производила русская словесность, начиная съ двадцатыхъ годовъ. Болѣе всего мы рады, что разсказъ этотъ напечатанъ въ журналѣ, расходящемся по Россіи въ такомъ значительномъ количествѣ.

Обратимся однако-же къ журналу, сдѣлавшему намъ такой неожиданный сюрпризъ. Мы должны поговорить еще о повѣсти г. Вонлярлярскаго «Ночь на 28-е сентября», помѣщенной въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ». Съ октября прошлаго года, то-есть въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, имя г. Вонлярлярскаго являлось въ шести книгахъ къ удовольствію читателей, еще недавно познакомившихся съ этимъ новымъ бельлетристомъ. Изъ трехъ произведеній,

напечатанныхъ въ это время въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Ночь на 28-е сентября»—лучшій разсказъ. Хорошая сторона въ повѣстяхъ г. Вонлярлярскаго—легкость и живость языка, въ соединеніи съ завязкою, довольно интересною, хотя и невсегда правдоподобною. Послѣднее качество, соединенное съ неестественными характерами, невозможными событіями и неловкость развязки разсказа—принадлежатъ къ дурной сторонѣ этихъ повѣстей. Непріятнѣе всего дѣйствуетъ на читателя послѣднее свойство. Многое прощается писателю, умѣющему поддержать до конца интересъ своего разсказа; но когда вмѣсто того, чтобы идти въ возрастающей прогрессіи, интересъ этотъ постепенно ослабѣваетъ и конецъ повѣсти обманываетъ надежды читателя, — ни повѣсть, ни авторъ ея не будутъ пользоваться снисходительностью публики. Мы всегда благосклоннѣе къ тому, отъ кого не ждемъ многаго, но обманутая надежда не скоро забывается. А г. Вонлярлярскій какъ-будто съ умысломъ старается, и въ новомъ произведеніи, уничтожить тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя производитъ начало его повѣсти.

Самое первое впечатлѣніе, впрочемъ, не совсѣмъ пріятно: повѣсть — въ письмахъ, а извѣстно, сколько надо дарованія, чтобы писать повѣсти въ письмахъ. Этотъ родъ былъ нѣкогда модный и любимый; но съ тѣхъ-поръ, какъ изъ повѣсти изгнаны всѣ ненужныя отступленія, обращенія къ самому себѣ и къ природѣ, всѣ такъ-называемыя общія мѣста — повѣсть въ письмахъ вышла по неволѣ изъ моды и теперь за нее берутся или слишкомъ опытные писатели, или на оборотъ — уже слишкомъ неопытные. Въ письмахъ, дѣйствительно, по необходимости встрѣчается много лишняго, вовсе не относящагося къ разсказу, много повтореній, безъ всякой нужды растягивающихъ разсказъ и дробящихъ его на слишкомъ мелкія части.

Первыя письма въ «Ночи на 28-е сентября» впрочемъ очень мило написаны. Графиня Наталія С. пріѣзжаетъ въ свою деревню, на Днѣпрѣ, и пишетъ своей подругѣ, Софьѣ Р., о томъ, что въ деревнѣ очень скучно. Что дѣлать отъ скуки? Разумѣется, читать старинныя легенды «въ книгѣ, переплетенной въ позолоченную кожу съ мѣдными украшеніями». Такія книги всегда отыскиваются писателями повѣстей въ деревняхъ и старыхъ домахъ. Легенда деревни графини С. состоитъ въ томъ, что въ сосѣднемъ имѣніи, въ древнія времена, молодой панъ убилъ однажды, въ лѣсу, благочестиваго пустынника, и убійцу въ ту-же минуту растерзали его собственныя собаки, а самъ онъ захохоталъ такъ, что вся окрестность дрогнула. Отчего вздумалось засмѣяться пану, котораго рвали собаки за икры — неизвѣстно. Для довершенія эффектной картины, во всѣхъ сосѣднихъ де-

ревняхъ колокола загудѣли сами собою, разумѣется, «протяжно и заунывно». Эта страшная исторія случилась въ ночь на 28-е сентября и повторяется каждый годъ въ это число. Вотъ и мистическая, таинственная завязка повѣсти. Далѣе слѣдуютъ очень недурныя описанія деревенскаго быта и семейства одной дальней родственницы графини С.; особенно удачно очерчена кузина Антонина. Кузенъ Куприанъ, прозванный Куперомъ, былъ-бы тоже хорошъ, если-бы не выражался черезъчуръ напыщеннымъ языкомъ, какимъ не говоритъ никто и нигдѣ. Странно, что бо̀льшей части нашихъ писателей не удаются лица, которыя, кажется, всего легче рисовать, именно комическія. Вамъ скорѣе и лучше изобразятъ человѣка съ сильнымъ, серьознымъ, романическимъ, трагическимъ, даже слабымъ характеромъ; но чуть придется сдѣлать вѣрный очеркъ комическаго типа, — писатель впадаетъ въ преувеличеніе, въ аффектацію, въ каррикатуру. Въ этомъ случаѣ не избѣгаетъ упрека даже и Гоголь. Всѣ лица, въ которыхъ комическій элементъ соединенъ съ низкою или какою-нибудь другою стороною характера — у Гоголя неподражаемы; но нѣкоторыя изъ чисто-комическихъ лицъ, какъ на-примѣръ Бобчинскій и Добчинскій въ «Ревизорѣ», Жевакинъ въ «Женитьбѣ» и другіе — не выдержатъ въ этомъ отношеніи строгой критики.

Куперъ, разумѣется, влюбляется въ героиню романа, пишущую письма къ подругѣ, но у него отыскивается соперникъ, господинъ Старославскій, владѣлецъ помѣстья «Грустный Станъ», въ которомъ пана разорвали собаки, и гдѣ этотъ панъ продолжаетъ хохотать всякій годъ 28-го сентября. Этотъ Старославскій вышелъ также очень неудаченъ у автора повѣсти. Самая неловкая роль выпадаетъ всегда на долю любовниковъ. Взгляните на любовника любаго водевиля, даже драмы, прочтите сцену любовнаго объясненія господина Старославскаго и графини С. въ Грустномъ-Станѣ — и вамъ станетъ грустно или скорѣе смѣшно. Г. Вонлярлярскій понималъ, впрочемъ, всю трудность созданія характера своего героя и, чтобы избѣжать приторности, сдѣлалъ его оригиналомъ; но и это ему не совсѣмъ удалось. Старославскій вышелъ неправдоподобенъ. Такъ съ самой первой встрѣчи съ героинею, онъ отказывается крестить вмѣстѣ съ нею ребенка и приводитъ слѣдующую причину своему отказу: «мнѣ кажется, что поступкомъ этимъ я отстранилъ первое препятствіе и сдѣлалъ первый шагъ къ моему счастію. Дозволеніе видѣть васъ часто — я почту за право имѣть эту надежду». Кузина Антонина отвѣчаетъ, что это настоящая декларація, и могла-бы прибавить: весьма темная и сказанная не совсѣмъ по-русски.

Старославскій продолжаетъ поступать и объясняться такъ оригинально

во все продолженіе романа. Онъ въ первый-же пріѣздъ къ графинѣ поправляетъ ея рисунокъ, безъ церемоніи вычисляя всѣ его неправильности, и тотчасъ-же начинаетъ, два часа сряду, читать ей книгу; потомъ увозитъ героиню въ свой Грустный-Станъ, показать свое имѣніе и тамъ предлагаетъ ей выдти за него за-мужъ; а при этомъ удобномъ случаѣ разсказываетъ свою исторію. Въ этой исторіи также очень много таинственнаго. Кому-то изъ его предковъ было предсказано, «что бракъ всѣхъ старшихъ членовъ его поколѣнія будетъ *сопряженъ* съ явленіемъ болѣе или менѣе чрезвычайнымъ». Такъ дѣдъ, дядя, отецъ, мать Старославскаго умерли въ слѣдствіе предсказанія цыганки. (Безъ цыганокъ не обходится ни одна таинственная повѣсть.) За одно ужъ, чтобы разсказъ его показался короткимъ, Старославскій разсказываетъ исторію своей первой любви, которую графиня слушаетъ съ волненіемъ. По счастью, героя обманули въ первой любви и въ слѣдствіе этого онъ считаетъ возможнымъ предложить свою руку и сердце настоящей героинѣ романа, и говоритъ ей, что дѣлаетъ это также въ слѣдствіе преданія, что страшное явленіе сентябрьской ночи прекратится по соединеніи двухъ враждебныхъ поколѣній. Къ одному изъ нихъ принадлежитъ графиня С., которая даетъ обѣщаніе Старославскому выдти за него за-мужъ, если 28-го сентября явленіе дѣйствительно повторится. Этимъ неестественнымъ и натянутымъ разговоромъ и условіемъ оканчивается первая часть повѣсти. Въ этой-же части разсказывается сверхъ того, какъ отецъ графини, повѣривъ какому-то машинисту, началъ строить на Днѣпрѣ фабрику, для чего долженъ былъ запрудить или перегородить рѣку (графиня пишетъ, что не понимаетъ для чего и какъ все это дѣлается — и мы скажемъ то-же самое). Надъ этой постройкой смѣется французъ Жозефъ, котораго отецъ графини, встрѣтивъ разъ на большой дорогѣ, взялъ къ себѣ въ домъ, и который введенъ въ повѣсть безъ всякой нужды.

Вторая часть начинается мало-интересными подробностями любви Купера къ графинѣ. Героиня съ своей стороны оказывается черезъ-чуръ довѣрчивою и совсѣмъ не размышляющею, если могла повѣрить слухамъ, которые Куперъ распускаетъ о Старославскомъ; она начинаетъ презирать Старославскаго, даже и не подумавъ распросить, на чемъ основаны эти слухи. Герой на это время уѣзжаетъ куда-то изъ своей деревни, для вящшей таинственности, и возвращается 27-го сентября, наканунѣ знаменитой ночи. Любовники мирятся, и на балконѣ, въ двѣнадцать часовъ ночи, ожидаютъ страшнаго явленія. Героиня дѣйствительно слышитъ трескъ, хохотъ, лай собакъ и звонъ колоколовъ, отчего, разумѣется, падаетъ въ обморокъ и, очнувшись, узнаетъ,

что трескъ произошелъ отъ прорванія плотины и паденія мельницы или фабрики, при этомъ очень натурально лаяли собаки и звонили въ набатъ, а хохоталъ, французъ Жозефъ надъ машинистомъ, устраивавшимъ фабрику. Слабую развязку повѣсти, которая оканчивается, разумѣется, бракомъ героя и героини, выкупаетъ въ этой части исторія любви Антонины къ Старославскому и смѣшное лицо Авдѣя Афанасьевича, хотя послѣднее вовсе ненужно для хода дѣйствія.

Изъ подробнаго разбора новаго произведенія г. Вонлярлярскаго, читатели наши видятъ на какомъ шаткомъ основаніи построена вся эта исторія, какъ неестественны въ ней большая часть лицъ и событій, и несмотря на то, повѣсть все-таки читается не безъ удовольствія.

Изъ другихъ статей мы уже упоминали съ похвалою о «Мірѣ римскомъ и мірѣ варварскомъ» И. А. и объ «Алхиміи и Алхиминикахъ» г. Перевощикова. Первая статья написана прекраснымъ языкомъ, и мы замѣтили въ ней очень мало неправильныхъ или малоупотребительныхъ выраженій, къ которымъ отнесемъ: *ловитву*, вмѣсто охоты; богатство, *вращавшееся въ ростовщичествѣ*, которое *глодало* народъ; «огромныя *маетности*», мелкій владѣлецъ *стерся*, и нѣкоторыя другія. Въ прекрасной статьѣ Д. М. Перевощикова, къ сожалѣнію, корректура собственныхъ именъ очень небрежна: Арнольдъ де-Вильневъ—названъ Апрольдомъ, Николай Фламмель—Флесмелемъ, а извѣстный Василій Валентинъ вездѣ называется Базилемъ, какъ-будто онъ французъ!

Въ «Современной Хроникѣ Россіи» помѣщаются по-прежнему выписки и извлеченія изъ всѣхъ оффиціальныхъ газетъ и журналовъ о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ въ отечествѣ, перенесенныя въ этотъ отдѣлъ изъ «Смѣси», о чемъ мы уже говорили и чего не можемъ не похвалить. Въ этихъ-же книгахъ, въ отдѣлѣ «Критики» мы встрѣтились со старыми знакомыми: четвертой и послѣдней статьей о Русской Литературѣ въ 1851 году» и третьей и самой послѣдней статьей о книгѣ г. Тенгоборскаго.

Въ отдѣлѣ «Библіографической Хроники» хорошъ разборъ «Раута на 1852 годъ», въ которомъ мы встрѣтились съ г. Долинымъ, поэтомъ, подарившимъ «Библіотеку для Чтенія» превосходнымъ стихотвореніемъ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія: «Амуръ-Игрокъ». Рецензентъ однако-же очень строгъ къ стихотворенію Ѳ. Глинки; рѣмы у него изысканныя, это правда, но мысль все-таки выражена сильно и картинно, и мы никакъ не можемъ найти дурными слѣдующія строфы:

Весь міръ становится машиною.
Гдѣ люди — гайки, да винты;

У чувствъ, давно заплывшихъ тиною,
Восторгъ и слезы отняты.

Спѣша къ находкѣ за находкою
Души бездушный опекунъ,
Смѣется надъ своей сироткою
Умъ — старый демонъ и хвастунъ.

Всѣ остальныя рецензіи въ апрѣльской и майской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» написаны на книги ученыя и серьозныя, кромѣ однако-же нѣсколькихъ словъ о «Сочиненіяхъ Жуковскаго». Рецензія обѣщаетъ поговорить въ скоромъ времени въ отдѣлѣ «Наукъ» объ этомъ писателѣ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ исполненія этого обѣщанія и надѣемся, что этотъ разборъ будетъ написанъ языкомъ общепонятнымъ, и что мы не встрѣтимъ фразъ въ родѣ слѣдующей: «Изъ литературныхъ произведеній цѣлаго полстолѣтія многія ужъ противополагаются произведеніямъ таланта, всегда вѣрнаго самому себѣ. Одновременныя по явленію, они разнородны по сферамъ. Тѣ и другіе образуютъ два паралельные ряда. Тамъ историкъ видитъ внутреннее различіе, здѣсь — сходство внутреннихъ признаковъ.» Любопытно было-бы узнать, что̀ означаютъ въ переводѣ на русскій языкъ всѣ эти фразы? Странно также въ этой рецензіи стихотвореній Жуковскаго выраженіе: «онъ сдѣлалъ это *въ послѣдній разъ своей жизни*».

Рецензіи по отдѣлу «Журналистики» также очень коротки и неполны, какъ и прежде. Подробно разобрана одна «Бѣдная Невѣста». Въ майской книжкѣ, на четырехъ страничкахъ говорится о «Библіотекѣ для Чтенія», «Пантеонѣ», «Сынѣ Отечества», двухъ книгахъ «Современника,» двухъ «Москвитянина», о пер ыхъ трехъ мѣсяцахъ «Московскихъ Вѣдомостей», всего о семи книгахъ, кромѣ вѣдомостей.

«Смѣсь» обѣихъ книгъ очень интересна. Кромѣ уже названныхъ нами въ прошломъ Вѣстникѣ статей, упомянемъ о «Нѣсколькихъ чертахъ для біографіи Николая Васильевича Гоголя.» Здѣсь собрано много любопытныхъ фактовъ о первой молодости писателя, хотя мы и не можемъ раздѣлять восхищенія автора этой статьи по поводу одного мѣста изъ «Мертвыхъ душъ», гдѣ Гоголь описываетъ положеніе школьника, которому товарищи засунули въ носъ *гусара*, то-есть, бумажку наполненную табакомъ. Сознаемся, что мы не находимъ ничего *чуднаго* въ этой картинѣ и во всѣхъ *загогулинахъ*, которыми она наполнена. Можно искренно любить и уважать писателя, но за чѣмъ же приходить въ восторгъ отъ каждаго его слова, иногда даже сказаннаго не совсѣмъ удачно. Въ этой-же статьѣ о Гоголѣ попадаются мѣстами темныя и странныя выраженія, въ родѣ: «Гоголь никому не

сдѣлалъ зла, ни противъ кого *не ощетинивался жесткою стороною своей души*»; или «можетъ быть его (покойнаго брата) прекраснаго и въ безжизненномъ видѣ, оставилъ намъ Гоголь памятникомъ братской любви своей и долгихъ сожалѣній.»

Четвертая статья нескончаемыхъ «Шхеръ» сначала довольно интересна, а потомъ идетъ въ ней опять описаніе всякихъ острововъ, скучное и незанимательное. Очень недурна также сказка г. Данилевскаго въ стихахъ «Пѣсня Бандуриста», хотя въ ней попадаются мѣстами риторическія и странныя выраженія, на-примѣръ:

... казакъ беретъ
И ятаганъ, *звѣзду казацкой славы,*
Наточенный о вражескія *главы.*

Неговоря уже о словянскомъ словѣ *главы*, неумѣстномъ въ простонародной пѣснѣ, замѣтимъ автору, что объ эти главы можно, пожалуй, притупить ятаганъ, но ужъ никакъ не наточить. Изысканностью и натянутостью выраженія отличается также стихъ:

... пора мнѣ погулять,
Кудрявымъ чубомъ съ вѣтромъ поиграть.

Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что вѣтеръ поиграетъ съ чубомъ, а не чубъ съ вѣтромъ. Не понимаемъ также къ чему, оканчивая пѣсню, бандуристъ говоритъ, что земля сторожитъ

Въ чужомъ краю кормило корабля.

Что это за корабль и кормило? Для риѳмъ можно жертвовать многимъ, но не смысломъ. Не смотря однако-же на эти небольшіе недостатки, въ стихотвореніи много хорошихъ мѣстъ. «Новости наукъ, искусствъ и литературы» также довольно интересны и разнообразны. Очень хороши статьи ученыя «Исправленный текстъ драмъ Шекспира»; недурны также «Разныя Разности» въ майской книгѣ, подписанныя буквами: М. М. Но опять въ этомъ отдѣлѣ мы встрѣтили статью, вовсе сюда не принадлежащую и которой настоящее мѣсто въ «Библіографіи» или въ «Современной Хроникѣ Россіи»: мы говоримъ о разборѣ «Отчета Императорской Академіи Наукъ, по отдѣленію Русскаго языка.»

О майской книгѣ «Библіотеки для Чтенія» мы можемъ сказать, что она толще другихъ, но очень много мѣста занимаетъ въ ней «Пенденнисъ», все еще не оконченный, тогда какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ уже кончился, хотя, тамъ начали позднѣе его печатать. Началась тамъ также одна грузинская идиллія и напечатанъ переводъ «Свадьбы Викторины», появившійся у насъ еще въ апрѣльской книгѣ. Только отдѣлъ «Наукъ» замѣчателенъ въ

этой книгѣ. Въ немъ помѣщено окончаніе статьи о современномъ состояніи сравнительной филологіи и начало статьи извѣстнаго путешественника П. Небольсина «Очерки быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса». Въ послѣдней статьѣ очень много замѣчательныхъ фактовъ и наблюденій, хотя въ то-же время есть нѣсколько мало-занимательныхъ, слишкомъ спеціальныхъ и даже утомительныхъ подробностей о раздѣленіи калмыковъ на роды и званія, и о мѣстахъ, занимаемыхъ ихъ кочевьями. То, что любопытно встрѣтить въ ученой книгѣ, не всегда идетъ къ журналу, не имѣющему спеціально-ученаго назначенія. Непонимаемъ также, для чего въ этой статьѣ, по окончаніи каждой главы оставляется мѣстами пробѣлъ чуть не на цѣлую страницу. Этотъ новый способъ увеличивать число листовъ въ журналѣ, какъ намъ кажется, въ первый разъ является въ «Библіотекѣ для Чтенія». Не думаемъ однако-же, чтобы это изобрѣтеніе было принято другими журналами.

«Литературная Лѣтопись» этого нумера очень бѣдна. Въ «Смѣси» появились наконецъ статьи о новѣйшихъ открытіяхъ и наблюденіяхъ въ наукѣ и помѣщенъ очень любопытный разсказъ о «Генеральной репетиціи Ифигеніи въ Тавридѣ», уже напечатанный въ «Пантеонѣ» въ 1850 году. Замѣтимъ кстати переводчику, что въ этомъ случаѣ слова répétition générale никакъ нельзя перевести: *общая репетиція*. Это знаетъ всякій, кто мало-мальски знакомъ съ театральнымъ дѣломъ.

Письмо Иногороднаго Подписчика мы принялись читать съ тяжелымъ чувствомъ и въ началѣ чтенія сохраняли долго то-же самое расположеніе. Бывшій фельетонистъ «Современника» начинаетъ по обыкновенію свою статью ни съ того ни съ другого — похвалами старымъ книгамъ, выражаясь по поводу ихъ такъ: «вотъ тебѣ, о человѣкъ, мелкая монета жизненнаго счастья и *глупъ* будешь ты, если *отворотишь свою физіономію* отъ благъ, которыя у тебя подъ рукою». Не правда-ли, какъ краснорѣчиво выражается Иногородный Подписчикъ? Мы до-сихъ-поръ еще не можемъ забыть справедливаго и меткаго замѣчанія, высказаннаго имъ въ прошлой книгѣ, о томъ, какъ многіе люди начинаютъ гладью, а оканчиваетъ гадью. Господинъ *** остается вѣренъ своему способу любезничанья съ читателями, и въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «Ученый человѣкъ, прочитавъ печатную противъ себя шутку и ноетъ, и тоскуетъ, какъ рыба, проглотившая удочку», или на-примѣръ: «какъ ни плохи писатели, когда сойдутся другъ съ другомъ, а все-таки въ цѣломъ не хуже другихъ людей, только не видать ихъ вкупѣ». Кого *ихъ*? что значатъ слова: *въ цѣломъ* и потомъ *вкупѣ?* Подобныхъ рѣдкостей у *подписчика* не оберешься. О чемъ-же собственно говоритъ Подписчикъ въ своемъ письмѣ о русской жур-

налистикѣ? По обыкновенію обо всемъ — кромѣ журналистики: дѣлаетъ сначала выписку въ четыре страницы изъ какого-то англійскаго писателя — и непремѣнно англійскаго, — и предлагаетъ читателямъ поломать голову, чтобъ узнать, изъ какой книги сдѣлана эта выписка. Очень нужно читателямъ знать это и станутъ они заботиться о пустой выпискѣ, наполненной общими мѣстами. Потомъ идутъ толки о «Старомъ Литераторѣ» г. Меншикова (единственное дѣльное мѣсто въ письмѣ, относящееся къ русской журналистикѣ), разсуждается о литературныхъ вечерахъ, по поводу ихъ, разумѣется, разсказывается анекдотъ. Наконецъ новое обращеніе къ старымъ книгамъ и разсказъ о «Перепискѣ Кальо Дюваля» и его мистификаціяхъ. Лично мы не питаемъ къ г. Иногородному Подписчику никакой непріязни и даже вовсе не знаемъ его; о журналѣ нашемъ онъ не говорилъ, и не дѣлалъ по поводу его никакихъ выписокъ изъ англійскихъ авторовъ; мы даже признаемъ въ немъ дарованіе писать легко и занимательно; но виноваты-ли мы въ то-же время, если дарованіе это Подписчикъ тратитъ на письма въ родѣ тѣхъ, которыя мы разбирали въ нашемъ Вѣстникѣ, и если онъ самъ заставляетъ насъ дѣлать ему, можетъ быть, строгія, но во всякомъ случаѣ справедливыя замѣчанія. Даже и въ этомъ письмѣ, прощаясь съ читателями, Подписчикъ предлагаетъ *воздвигнуть ему монументъ за услуги*, которыя онъ оказалъ нашимъ журналамъ, и въ особенности за то, что онъ щадитъ другіе журналы, не выставляя ихъ промаховъ, о которыхъ сообщаетъ ему какой-то пріятель — В. М. М.

Но еще болѣе письма Иногороднаго Подписчика поразила насъ своею странностью статья въ отдѣлѣ «Критики» о полномъ собраніи сочиненій г. Кукольника. На двѣнадцати страницахъ крупной печати не разобрано ни одно сочиненіе Кукольника, но насказано множество самыхъ удивительныхъ вещей. Статья начинается похвалами смирдинскому изданію русскихъ авторовъ, и критикъ называетъ мысль этого изданія *великою* и *чудною*. Потомъ слѣдуетъ не менѣе чудная мысль, что всѣ исторіи литературъ вѣчно неполны и никуда не годны, что никакая литературная оцѣнка не можетъ быть непогрѣшна, безъ полнаго и вѣрнаго жизнеописанія автора (какъ-будто мы знаемъ въ подробности біографію Гомера). Далѣе говорится, что г. Кукольникъ, хотя и *геніальный* писатель, но *не составилъ эпохи* въ русской литературѣ, по какимъ-то причинамъ, которыхъ критикъ не объясняетъ, хотя и намекаетъ на то, что г. Кукольникъ не получилъ блистательнаго образованія, и что вокругъ него была избитая *обыкновенность*. «Имя г. Кукольника прогремѣло изъ конца въ конецъ Россіи, *обокъ* имени Пушкина; при чтеніи произведеній г. Кукольника испытывается живое наслажденіе, сердце бьется отъ страху, надежды, любви и умиленія». Въ

особенности интересны толки критика о современной литературѣ, которая, по мнѣнію критика, занимается только художественнымъ воспроизведеніемъ уродливыхъ лицъ, покрытыхъ сотнями бородавокъ и прыщей, и что читать подобныя произведенія — *абиссинская* скука. У г. Кукольника великія дарованія, громадный талантъ, геніальная фантазія и даже поспѣшныя произведенія его—великаны въ сравненіи съ *белиндрясами* натуралистовъ. «Было время когда самъ Пушкинъ завидовалъ успѣху Кукольника». «Г. Кукольникъ умнѣе, ученѣе, основательнѣе Пушкина и дѣльнѣе его смотритъ на вещи». «Какъ беллетристъ Гоголь гораздо ниже Кукольника».

Останавливаемся на этихъ фразахъ. Не думаемъ, чтобы кто-нибудь изъ многочисленныхъ почитателей дарованія г. Кукольника раздѣлилъ мнѣніе восторженнаго и эксцентрическаго критика и всѣ эти преувеличенныя и странныя похвалы. Мы также уважаемъ заслуги его на поприщѣ русской литературы и отдаемъ должную справедливость его дарованіямъ, но признаемся, что намъ было странно читать такіе неумѣренные апанегирики. Мы даже удивляемся этой страсти къ крайностямъ со стороны критика «Библіотеки для Чтенія. Въ прошломъ нумерѣ она порицала безъ мѣры одно произведеніе; въ нынѣшнемъ — превозноситъ выше облака ходячаго другія. Неужели такъ трудно держаться середины? Крайности, конечно сходятся, и «Библіотекѣ для Чтенія» странно было-бы совѣтовать соблюдать умѣренность, какъ въ похвалахъ, такъ и въ охужденіи. Мы увѣрены, что журналъ этотъ, одинъ изъ старѣйшихъ въ нашей литературѣ, самъ очень хорошо знаетъ до какихъ границъ должна простираться критика, которая не можетъ быть ни филиппикою, ни панегирикомъ.

Апрѣльская книга «Сына Отечества» (майская еще не показывалась); нѣсколько интереснѣе и разнообразнѣе прежнихъ. Политика занимаетъ въ ней всего одну треть книги. За политикой слѣдуетъ баллада г. Арбузова «Рыбакъ». Жилъ-былъ старикъ, у котораго

И время, и опытъ и *лютое зло*
Высокое скрыли въ морщины *чело;*

у этого старика былъ сынъ, который не плѣнился

Ни чьей *изъ красавицъ еще красотой.*

Разъ рыбакъ плылъ по рѣкѣ;

Зефиръ ему вѣетъ на встрѣчу въ *чело;*

вдругъ рыбакъ видитъ, что съ нимъ вмѣстѣ по волнамъ плыветъ женщина.

Не выскажутъ *вѣкомъ того племена,*
Что словомъ «люблю» говорила она.

«Отдайся ты мнѣ!» приглашаетъ его эта женщина, обѣщая за то разныя диковинки и, между прочимъ, говоритъ:

Ты гордо возвысишь *чело*, и *стопы*
Поставишь на головы низкой толпы.

Рыбакъ, пожалуй, и не прочь попробовать, ловко–ли стоять на головахъ толпы, но думаетъ, а какъ–же папенька? Дама отвѣчаетъ:

Хотя ты жить будешь какъ прежде съ отцомъ,
Но не для него уже, вѣрь ты мнѣ въ томъ,
Въ тотъ мигъ полюбилъ ты какъ только меня...

и такъ далѣе все такими–же стихами, изъ которыхъ въ особенности хорошъ второй: въ десяти словахъ семь односложныхъ! Исторія о рыбакѣ оканчивается однакоже плачевнымъ образомъ. Испугавшись чего–то, можетъ быть, даже приведенныхъ нами стиховъ, рыбакъ бросается въ воду, потомъ прибѣгаетъ къ отцу и умираетъ. Жалостная баллада!

За балладою слѣдуетъ окончаніе повѣсти г-жи Тальцевой, о которомъ мы сейчасъ поговоримъ; потомъ стихи къ неизвѣстной особѣ женскаго пола, которые впрочемъ гораздо лучше баллады, хотя и въ нихъ попадаются выраженія въ родѣ слѣдующаго:

Сквозь мятель и *зимню* вьюгу
Взяли къ родинѣ полетъ.

Не говоря уже о странности встрѣтить въ наше время усѣченное окончаніе, послѣдній стихъ составленъ совершенно не по–русски. Разсказъ г. Корбутовскаго «Темная ночь» не богатъ содержаніемъ, но онъ написанъ очень хорошо. Г. Корбутовскій писатель не безъ дарованія. За «Темной ночью» слѣдуютъ опять стихи г. Арбузова, тоже не совсѣмъ ясные. Вотъ ихъ начало:

Посмотри, какъ младенецъ прижался *къ грудямъ*,
Что его благотворно питаютъ;
Онъ *въ нихъ жадно впился*, будто *вѣдаетъ* самъ,
Что онѣ ему жизнь *изливаютъ*.

Очень любопытно было–бы видѣть, какъ этотъ младенецъ жадно впился вдругъ въ обѣ груди ... А вотъ конецъ стихотворенія:

И тогда онъ отъ *матерней тѣсной* груди
Оторвется въ объятія жизни.

Очень хорошо; даже еще лучше начала.

Повѣсть г. Калашникова «Жукъ» была–бы не безъ интереса,

если-бы дѣйствующія въ ней лица не были ужъ черезъ-чуръ неестественны. Впрочемъ и теперь въ безыскуственномъ сюжетѣ повѣсти есть своего рода занимательность; языкъ повѣсти легокъ и хорошъ.

Въ отдѣлѣ «Наукъ» помѣщено начало статьи г-на Лакіера «Общія основанія системы договоровъ и обязательствъ по началамъ русскаго законодательства». Сочиненіе хорошее, но черезъ-чуръ спеціальное. Слѣдующая за тѣмъ статья «Орлы» переведена изъ Revue britannique. Во второй статьѣ г. Стоюнина о Кольцовѣ больше стиховъ Кольцова, чѣмъ сужденій объ немъ въ прозѣ; впрочемъ, авторъ высказываетъ по поводу русскихъ пѣсенъ много дѣльныхъ замѣчаній. «Путевыя замѣтки по Финляндіи» г. Войта написаны легко и довольно занимательны.

Въ отдѣлѣ «Критики и Библіографіи» мы встрѣтили двѣ очень дѣльныя и добросовѣстныя рецензіи «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи» и книги «Есть-ли гдѣ конецъ свѣту?» Въ обѣихъ рецензіяхъ выведены справедливыя погрѣшности и промахи этихъ книгъ.

Въ «Смѣси» любопытна статья «Поѣздка въ Башкирію на кумызъ». Напрасно только авторъ статьи растянулъ ее плохими стихами и отступленіями, вовсе не идущими къ дѣлу. Статья А. Грена, «Отреченіе шведской королевы Христины отъ престола» очень коротка. «Мысль и улыбка» въ этой книгѣ также интересны какъ и прежнія произведенія этого отдѣла.

«Что́ молодость тому, кто не любитъ? Росписка на счастіе, по которой сердце не производитъ платежа».

Жаль, что авторъ не прибавляетъ, можно-ли сердце принудить платить по этой роспискѣ, какъ поступаютъ съ неисправными должниками?

А вотъ и еще «мысль и улыбка:»

«О вы, *плетущіеся* лѣниво, холодно *черезъ* жизнь, вы не любящіе ни кого, закройте лицо предъ наступленіемъ весны, *ибо* она заключаетъ въ себѣ упрекъ для васъ, *нашъ приговоръ*».

Есть еще въ этомъ отдѣлѣ у автора и стихи о Музѣ, продовавшейся на рынкѣ. Вотъ стихи замѣчательные по богатымъ риѳмамъ и звучному размѣру:

Въ ея устахъ нѣмѣли звуки:
Блѣдна, въ испугѣ, какъ дитя;
Полунагая, какъ рабыня
Восточныхъ странъ; но юный ликъ
У ней былъ свѣтелъ.
Поэту тяжко грустно стало, и т. д.

далѣе пойдутъ впрочемъ настоящіе стихи.

Намъ остается говорить еще о повѣсти въ двухъ частяхъ: «Сельцо

Михайловское–Прискухино» г-жи Тальцовой, которую, какъ мы уже говорили, издатель «Сына Отечества» расхвалилъ заблаговременно. Признаемся, очень невыгодное впечатлѣніе произвели на насъ эпиграфы, въ изобиліи наклеенные въ началѣ всякой главы и на всѣхъ языкахъ, какъ ярлыки на бутылкахъ, содержащихъ въ себѣ часто вовсе не то, о чемъ они гласятъ. Наконецъ, самое тяжелое впечатлѣніе оставилъ въ насъ огромный періодъ въ шестнадцать съ половиною строкъ, на второй-же страницѣ повѣсти, и нѣсколько неправильныхъ и неловкихъ выраженій на слѣдующихъ страницахъ, какъ на-примѣръ: «Ее не удивило-*бы, еслибъ* всѣ богатые женихи прискакали-*бы,* сломя голову, *и особенно бока,* въ село Дубовинское.» — «Улыбка ея была такъ привлекательна, что она невольно раскрывала сокровища доброты и кротости, которыя наполняли душу молодой дѣвушки». — «Она была такъ сильна своею теплою *обильною* любовью». — *Модный міръ*, вмѣсто «модный свѣтъ»; анбаръ, склоняющій къ землѣ дряхлое *чело*» и другія, вовсе не поэтическія сравненія погреба: — со щеголемъ, и конюшни— съ молоденькой дѣвушкой; частыя отступленія и обращенія къ разнымъ предметамъ, какъ на-примѣръ: «вѣчно прекрасное, вѣчно юное, звѣздное небо!.. безчисленны міры твои! *неизрѣчимо* твое великолѣпіе!!..» Или тяжелыя фразы, въ родѣ слѣдующей: «совѣты князя подстрекали *его* не менѣе *его* самолюбія, къ исполненію плана, предначертаннаго *ему его* свѣтскимъ сосѣдомъ». Пробѣжавъ всѣ эти и подобныя имъ фразы, мы готовы были даже совершенно согласиться съ однимъ изъ эпиграфовъ XII главы, взятымъ изъ Демутье и измѣненнымъ нѣсколько авторомъ:

Il vaut mieux tricoter qu'écrire:
On fait des bas de plus et des péchés de moins.

Не смотря однако-же на все это, на обмолвки и промахи противъ языка, отступленія, ярлыки и прочее, мы все-таки не безъ удовольствія прочли эту повѣсть, немножко растянутую, немножко риторическую, но все-таки недурную и разскажемъ ея содержаніе читателямъ:

Къ помѣщицѣ села Дубовинскаго, Пульхеріи Семеновнѣ, у которой дочь Машенька, пріѣзжаетъ въ гости помѣщица села Прискухина, Михайловское то–жъ, Прасковья Ѳедоровна Березина также съ дочкой, Варенькой. У обѣихъ помѣщицъ есть сосѣдъ, богатый и знатный князь, пріѣхавшій на-время въ свою деревню. Пульхерія Семеновна прочитъ за него свою Машеньку и боясь, чтобы ему не понравилась Варенька, уговариваетъ старуху Березину отдать свою дочь за другого сосѣда, бѣдняка Рѣшеткина, влюбленнаго между–тѣмъ въ Машеньку, и сдѣлавшаго

даже предложеніе ей и ея матери. Рѣшеткину отказываютъ и князь совѣтуетъ ему влюбиться въ другую дѣвушку, чтобы отмстить Машенькѣ. Сама-же Пульхерія Семеновна наводитъ бѣднаго помѣщика на мысль, что въ него влюблена Варенька и онъ начинаетъ ухаживать за нею и сватается. Варенька соглашается сначала, чтобы не огорчить родителей, потомъ видитъ, что выйдя за-мужъ за человѣка, котораго не любитъ, и который, сверхъ того, любитъ другую, она сдѣлаетъ несчастными ихъ обоихъ, признается въ этомъ матери, и Рѣшеткину отказываютъ. Онъ очень доволенъ этимъ, но еще болѣе доволенъ князь Велинъ, другъ Рѣшеткина, ѣздившій все это время вмѣстѣ съ женихомъ къ Березинымъ, и которому очень понравилась Варенька. Чтобы еще болѣе сблизиться съ молодою дѣвушкою, князь придумываетъ всѣ средства. Отецъ Вареньки большой охотникъ лечить домашними лекарствами и Велинъ начинаетъ брать у него разные порошки и домашнія снадобья, увѣряя, что онъ опасно болѣнъ. Эти посѣщенія оканчиваются, разумѣется, тѣмъ, что дѣвушка влюбляется въ князя, а онъ, не смотря на разницу ихъ званій и образованія, не на шутку привязывается къ дочери бѣднаго помѣщика. Въ это время къ Березинымъ пріѣзжаетъ въ отпускъ ихъ сынъ съ своимъ пріятелемъ, Елашинымъ. Князь ревнуетъ Вареньку къ Елашину, даже къ ея брату, и объявляетъ наконецъ, что уѣзжаетъ изъ Прискухина. Дѣвушку поражаютъ эти слова. Остаться мнѣ или нѣтъ? спрашиваетъ князь. Останьтесь, говоритъ Варенька, и послѣ нѣжной сцены, князь увлекается до того, что предлагаетъ Варенькѣ быть его женою; потомъ однако же разсудокъ беретъ верхъ надъ увлеченіемъ и князь пишетъ довольно длинное и темное письмо къ Варенькѣ, въ которомъ говоритъ, что съ его характеромъ и слабостями онъ не можетъ составить ея счастья; что холодъ опытности и разочарованія рано *настигъ* его усталую душу и онъ рано сдѣлался эгоистомъ; онъ увѣряетъ ее даже, что она сама ошибается и любитъ его только потому, что молодому сердцу нельзя не любить и что она точно также полюбила-бы, всякаго, кто былъ-бы съ нею въ такихъ-же близкихъ сношеніяхъ. Въ заключеніе, князь проситъ, чтобы Варенька сама рѣшила его судьбу и отвѣчала, какъ ему поступить. Варенька, увлеченная своею любовью, хочетъ сначала увѣрить князя, что опасенія его напрасны, что она искренно любитъ его, что они будутъ счастливы. Но потомъ, перечитавъ хорошенько письмо, она видитъ въ немъ ясно высказывающееся желаніе князя, чтобы она сама отъ него отказалась — и она отказывается, а князь уѣзжаетъ въ Петербургъ, довольный тѣмъ, что освободился отъ тяжелаго и затруднительнаго положенія. Варенька, послѣ нѣсколькихъ

лѣтъ тоски и отчаянія, также утѣшается и выходитъ за-мужъ за Елашина.

Вотъ содержаніе повѣсти г-жи Тальцовой. Въ разсказѣ ея нѣтъ ничего новаго, сильно поражающаго, удивляющаго читателя; напротивъ, въ повѣсти много лишнихъ сценъ и лицъ, и все обличаетъ въ авторѣ неопытность на литературномъ поприщѣ; но не смотря на это, разсказъ, какъ мы уже сказали, читается съ удовольствіемъ, потому-что всякая естественная и непреувеличенная завязка повѣсти всегда будетъ занимательна для читателя. Князь, Варенька, ея отецъ и мать, Пульхерія Степановна очень вѣрны человѣческой натурѣ. Изъ этой галлереи живыхъ лицъ выдается рѣзко только портретъ Елашина, котораго г-жа Тальцова хотѣла представить образцемъ всѣхъ совершенствъ и добродѣтелей и который вышелъ все-таки автоматомъ, упитаннымъ тельцомъ, пустымъ, румянымъ и нисколько не интереснымъ созданіемъ. Мы убѣждены, что со временемъ г-жа Тальцова напишетъ что-нибудь гораздо лучше «Села Михайловскаго-Прискухина». Ей надо только забыть риторику и обращать больше вниманія на чистоту языка.

Теперь мы должны разсказать читателямъ содержаніе другой повѣсти, также довольно замѣчательной:

Въ деревнѣ Березовкѣ живетъ очень мирно бѣдная помѣщица, Вѣра Ивановна Бѣлова, со своею дочерью, Катенькой. По сосѣдству ихъ, въ богатую деревню Покровское пріѣзжаетъ на лѣто графъ Сергѣй Григорьевичъ. Отъ скуки, или оттого, что Катенька была дѣйствительно хороша, онъ начинаетъ за ней ухаживать, учитъ ее ѣздить верхомъ и дѣвушка, разумѣется, влюбляется въ него безъ памяти. На одномъ балѣ графъ признается, что любитъ ее, и спрашиваетъ: остаться ему въ деревнѣ или вернуться въ Петербургъ? Остаться! говоритъ Катенька, и графъ остается. Они вмѣстѣ ѣздятъ гулять верхомъ и видятся каждый день. Графъ очень привязывается къ Катенькѣ, но осень призываетъ его наконецъ въ Петербургъ, и онъ объявляетъ объ этомъ Катенькѣ. Она пишетъ къ нему длинное, но очень ясное письмо...

Позвольте однако-же, скажутъ намъ, что вы тутъ разсказываете? Ту-же самую повѣсть, только съ другими именами, и нѣсколько измѣненными обстоятельствами.—Извините, мы разсказываемъ содержаніе новаго романа г. Панаева «Львы въ Провинціи», романа въ трехъ частяхъ и пяти книгахъ журнала... покамѣсть, потому-что романъ еще не конченъ. Наша-ли вина, что оба эти произведенія такъ похожи одно на другое? Многіе могутъ даже найти очень страннымъ это сходство въ содержаніи двухъ романовъ, являющихся въ одно и то-же время. Оно, пожалуй, дѣйствительно странно; но гдѣ-же взять въ наше

время новыхъ сюжетовъ для повѣстей? Не всѣ-ли мы повторяемъ всю свою жизнь, только другими словами, то, что говорили до насъ прежніе писатели? Развѣ вы сами не читали, лѣтъ двадцать тому, и «Село Прискухино» и «Львовъ въ Провинціи», только въ другой формѣ, въ звучныхъ стихахъ Евгенія Онѣгина? Развѣ князь г-жи Тальцовой и графъ г-на Панаева не одно и то-же лицо, которое, съ легкой руки Пушкина, вотъ уже столько лѣтъ является почти въ каждомъ романѣ, каждой повѣсти современныхъ литераторовъ? Въ наше время, слѣдовательно, нельзя быть строгимъ къ выбору содержанія въ разсказѣ. Великій поэтъ нашъ говорилъ давно:

О чемъ писать? Востокъ и Югъ
Давно описаны, воспѣты.
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ,
Всѣ въ небеса неслись душею,
Взывали съ пламенной мечтою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,
И страшно надоѣли всѣ.

Послѣдняго стиха, конечно, не примутъ на себя современные писатели, и сказать правду, они не могутъ даже надоѣсть, потому-что человѣкъ, привыкшій къ чтенію, все-таки будетъ читать новое, что-бы ни писали новые авторы, а для того, кто читаетъ рѣдко или вовсе не читаетъ — все будетъ новостью.

Странно однако-же, что въ этомъ случаѣ романъ писателя опытнаго, даровитаго и давно извѣстнаго публикѣ, если сравнить его съ повѣстью молодой и только-что выступающей на литературное поприще писательницы, будетъ ... не то, чтобы слабѣе, но менѣе интересенъ и правдоподобенъ. Если лица г-жи Тальцовой похожи нѣсколько на лица того романа, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ въ «Графѣ Нулинѣ», говоря, что это романъ

Нравоучительный, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,

то лица г. Панаева напоминаютъ тысячи лицъ современныхъ разсказовъ, лицъ, всегда возбуждающихъ невольную улыбку, но рѣдко правдоподобныхъ и вѣрныхъ дѣйствительности. И отставнаго штабсъ-ротмистра Кобелякова, впрочемъ превосходно очерченнаго, и Захара Лаврентьича, Александра Ивановича и Илью Семеновича и Надежду

Контратьевну и Вѣру Ивановну и господина Вихляева — мы всѣхъ уже не разъ видѣли и встрѣчали въ другихъ романахъ; послѣдній на-примѣръ цѣликомъ взятъ изъ повѣсти господина-же Панаева «Онагръ». Все это не мѣшаетъ намъ еще разъ, даже не безъ удовольствія, встрѣтиться съ этими лицами, не смотря на то, что изъ нихъ вѣрны дѣйствительности только Кобеляковъ и Надежда Кондратьевна, да мать Катеньки, типъ впрочемъ весьма обыкновенный; Захаръ Лаврентичъ, молчаливый и неловкій, влюбленный въ Катеньку безъ надежды на взаимность—избитый типъ провинціальныхъ страдальцевъ. Не думаемъ, чтобы кому-нибудь случалось слышать лицъ, объясняющихся какъ провинціальный поэтъ Илья Семенычъ и помѣщикъ Александръ Иванычъ. Послѣдній хвастаетъ даже такъ, что перещеголялъ г-на Вихляева, черезъ - чуръ утрированнаго и позволяющаго поступать съ собою, какъ не позволилъ-бы человѣкъ, въ которомъ есть хоть искра человѣческаго достоинства. Есть еще въ романѣ г. Панаева угреватый поэтъ, тоже преувеличенный до крайности, и господинъ съ неуловимыми глазками, лицо до крайности темное и безцвѣтное, но по-крайней-мѣрѣ не бросающееся въ глаза яркимъ преувеличеніемъ характера и поступковъ. Даже провинція въ повѣсти г-жи Тальцовой изображена гораздо правдоподобнѣе, нежели въ романѣ г. Панаева, который вообще большой охотникъ до каррикатуръ. Главный герой его романа похожъ на всѣхъ героевъ, о которыхъ мы говорили выше, и въ особенности, на князя г-жи Тальцовой. Что-же касается до героини г. Панаева, то она гораздо менѣе натуральна, нежели Варенька, хотя романическій характеръ Кати, вѣроятно, больше понравится разнымъ барышнямъ. Въ майской книгѣ «Современника» Катя бросаетъ свою мать и уѣзжаетъ съ графомъ въ Петербургъ; въ слѣдующихъ частяхъ графъ, вѣроятно, въ свою очередь броситъ Катю и она или умретъ или выдетъ за-мужъ за Захара Лаврентьича, о чемъ мы впрочемъ не преминемъ въ свое время доложить нашимъ читателямъ. Не можемъ также не замѣтить, что романъ этотъ очень растянутъ и въ немъ много лишнихъ и утомительныхъ сценъ, къ числу которыхъ въ особенности относятся тѣ, гдѣ появляется Илья Семенычъ съ своими поэтическими произведеніями Языкъ г. Панаева вездѣ гладокъ и хорошъ, кромѣ двухъ-трехъ неточныхъ выраженій, и страннаго употребленія слова: *порываніе*, вмѣсто *порывъ*.

Кромѣ романа г. Панаева и тринадцати страничекъ романа г. Писемскаго «Богатый Женихъ», наконецъ уже окончившагося, въ майской

книгѣ «Современника» помѣщенъ очень хорошенькій разсказъ г. Михайлова «Кружевница».

Г. Шершеневичь продолжаетъ точно также и въ этой книжкѣ переводить свою «Энеиду» на изнанку. Вотъ, для образца красоты и легкости перевода, четыре первые стиха:

> Ты, о Каста, кормилица прежде Энея, ты также
> Смертью своей *обезсмертила* вѣчно прибрежія наши:
> Честь и понынѣ твоя пребываетъ въ странѣ той, гдѣ прахъ твой
> Именемъ (если въ томъ слава) въ Великой Гесперіи славенъ.

Подобные стихи немного чѣмъ уступятъ стихамъ Котляревскаго, который также хорошо перелицовалъ Энеиду и съ которымъ г. Шершеневичь старается сравниться изо всѣхъ силъ. Любопытно было-бы узнать, сколько изъ читателей «Современника» прочтутъ весь этотъ переводъ отъ перваго стиха до послѣдняго? Мы, съ своей стороны, сознаемся въ слабости нашихъ силъ и въ томъ, что, нѣсколько разъ принимаясь за этотъ подвигъ, не могли никогда одолѣть больше половины пѣсни.

Далѣе, въ отдѣлѣ Словесности помѣщено въ переводѣ еще семь очерковъ изъ новаго журнала, издаваемаго Диккенсомъ; всѣ они читаются съ большимъ удовольствіемъ.

Въ отдѣлѣ «Наукъ» помѣщена біографія Николая Николаевича Муравьева. Статья о немъ очень суха и спеціальна. Вторая статья «Объ успѣхахъ геологическаго описанія Россіи» не такъ интересна, какъ первая, и также наполнена черезъ-чуръ сухими и спеціальными геологическими подробностями, съ которыми знакомы весьма не многіе. Всѣ эти названія окаменѣлостей могутъ интересовать только записныхъ ученыхъ. Не понимаемъ также, какъ попала въ «Науки» статья Гюстава Планша изъ «Revue des deux Mondes: *Гизо* — и чему можно изъ нея научиться? Настоящее мѣсто ея въ «Смѣси.» Переведена эта статья также не совсѣмъ по-русски. Что̀ значитъ, на-примѣръ: «Гизо искусился и въ философіи» и далѣе: «хотя и искушенный разрѣшеніемъ самыхъ трудныхъ задачъ» и проч.? Статья г. Перевощикова «О падающихъ звѣздахъ» также была напечатана въ «Revue des deux Mondes» но значительно исправлена и пополнена нашимъ ученымъ прибавкою наблюденій Ольмстеда о зодіакальномъ свѣтѣ, предположенія котораго опровергаются однако-же наблюденіями Гравье и Сеге.

Въ «Библіографіи» этого нумера не нашли мы ничего замѣчательнаго.

«Критики» въ немъ нѣтъ вовсе, за то, есть въ «Смѣси» на первомъ мѣстѣ великолѣпный разсказъ г-жи Е. Вороновой «Кто она?» написанный до того тяжелымъ слогомъ, такъ скучно и такъ утомительно, что трудно однимъ духомъ прочесть его. Вотъ начало этого разсказа. Читатели по первымъ строкамъ могутъ видѣть, что мы еще очень снисходительно выразились объ авторѣ и самомъ разсказѣ:

«Многимъ изъ васъ случалось встрѣчать, можетъ быть, героиню разсказа, который поручаю теперь вниманію публики; случалось спросить, хотя и мимоходомъ, почему тихая задумчивость оставалась на ея челѣ (на челѣ публики?) среди общей радости? Что значила она: (кто *она?* радость?) воспоминаніе-ли грустнаго прошедшаго, предчувствіе-ль будущихъ страданій, отрава настоящихъ благъ? Гдѣ брало оно начало: (кто *оно?* предчувствіе, прошедшее или воспоминаніе?) въ жизни-ли или въ самомъ характерѣ моей героини, въ настоящемъ или прошломъ ея? Была-ли и прежде такою, какою представилась тогда она вамъ?» И такъ далѣе, все въ такомъ-же родѣ. «Предъ нравомъ отца ея трепетало все зависимое и *независимое* отъ него. Его боялись всѣ безъ разбора и не находилось никого, отъ котораго-бы захотѣлъ онъ выслушать правду, или который, лучше сказать, рѣшился-бы высказать *ему ее.*» Дочь этого господина Ольга, была, разумѣется, удивительное созданіе: «въ *памяти ея протекли всѣ рѣки земнаго шара*», но это нисколько не помѣшало родителямъ ея разсориться и выдать Ольгу за человѣка, который былъ ей не пара. Ольга начинаетъ страдать невыносимо. Въ нее влюбляется одинъ идеальный мужчина. Ольга любила его, но осталася, конечно, вѣрною своему долгу. Не смотря на это, клевета распустила о ней разные непріятные слухи и мужъ отвергъ Ольгу. О, какъ тогда начала она невыносимо страдать! Она даже сбиралась умереть, но, по счастью, мужъ убѣдился въ ея невинности (жаль, что не сказано: какъ и черезъ сколько времени) и *простилъ ее.* Отъ этого она выздоровѣла и разсказъ кончился. Желали-бы мы узнать: для чего онъ начинался, съ какой цѣлью писался и печатался?

Далѣе въ «Смѣси» слѣдуютъ еще двѣ статьи изъ журнала Диккенса «Household Words»; очень интересная повѣсть Сувестра изъ Revue des deux Mondes и двѣ статьи изъ Revue britannique. Ни подъ одной изъ этихъ статей не сказано, откуда онѣ переведены.

Новый Поэтъ говоритъ сначала въ своихъ замѣткахъ шесть строкъ о Жуковскомъ, потомъ выписываетъ шесть страницъ изъ повѣсти *Красильникова,* помѣщенной въ Москвитянинѣ, потомъ четыре страницы изъ драмы *Дареджана* г. Полонскаго, — послѣднія въ доказательство того, что драма плоха. Замѣчательно, что въ началѣ статьи, пораженъ-

ный смертью В. А. Жуковскаго, Новый Поэтъ обѣщаетъ говорить только о лучшихъ статьяхъ въ нашихъ журналахъ, но не сдерживаетъ обѣщанія и, побранивъ Дареджану, оканчиваетъ свою статью, не сказавъ почти ровно ничего.

Въ этомъ же нумерѣ помѣщена вторая статья «о петербургскихъ новостяхъ и увеселеніяхъ», подписанная буквою М. Въ этой статьѣ опять является на сцену провинціалъ, и самъ авторъ говоритъ отъ своего лица не совсѣмъ удачныя остроты, въ родѣ той, которая относится къ ресторану Rocher de Cancale. «Это утесъ, говоритъ г. М.: о который можно такъ удариться, что всѣ деньги вылетятъ изъ кармана.»

«Новости парижскихъ театровъ» ограничиваются переводомъ предисловія Жоржа-Санда изъ ея новой комедіи «Les vacances de Pandolphe»; «Музыкальныя извѣстія» — разсказомъ содержанія новой оперы Галеви «Вѣчный Жидъ». Все это не очень разнообразно и богато. Ученыя новости, хотя также не велики, но составлены и выбраны хорошо.

Насъ спрашивали многіе: отчего мы не говоримъ ничего о нашихъ газетахъ и спеціальныхъ журналахъ? Отвѣчаемъ: оттого, что чисто спеціальныя изданія относятся болѣе къ наукѣ, чѣмъ къ литературѣ и разборъ ихъ былъ-бы неинтересенъ для большинства читателей. Что же касается до газетъ, то невозможно слѣдить за появляющимися каждый день отдѣльными листками этихъ изданій, да и несправедливо было-бы судить по отдѣльнымъ нумерамъ о степени значенія газетъ. Чисто литературныя произведенія, то-есть, повѣсти и разсказы, появляются къ тому-же очень рѣдко въ газетахъ. «Сѣверная Пчела» почти вовсе не печатаетъ ихъ, а въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы прочли въ нынѣшнемъ году только два небольшіе разсказа: одинъ очень слабый — «Шеншировая муфта», другой — очень миленькій, «Деревенскій визитъ» г. Авдѣева. О фельетонахъ Сѣверной Пчелы мы считаемъ излишнимъ говорить, потому-что фельетоны Ѳ. В. Булгарина всѣмъ извѣстны; но должны замѣтить, что въ фельетонахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» мало единодушія, если можно такъ выразиться. Тамъ пишутъ нѣсколько фельетонистовъ, которые часто не сходятся во взглядахъ на предметы. Это въ особенности замѣтно въ статьяхъ о театрахъ. Иногда въ фельетонахъ встрѣчаются довольно странныя вещи, какъ напримѣръ въ 105 нумерѣ господину *Ф.* ужасно не понравился портретъ Е. И. Жулевой, приложенной къ нашему журналу, и по этому случаю фельетонистъ входитъ въ нѣкоторыя сужденія о г-жѣ Жулевой. Прежде всего онъ говоритъ, что «талантливая артистка нравится въ роляхъ самыхъ молодыхъ дѣвушекъ, роляхъ, которыя, какъ нельзя болѣе идутъ къ ея веселой,

улыбающейся физіономіи.» Неужели, по мнѣнію г. Ф., г–жа Жулева нравится только въ этихъ роляхъ? Развѣ онъ не видалъ ее серьозныхъ драматическихъ характерахъ? Скажемъ болѣе: развѣ онъ видѣлъ когда-нибудь, послѣ смерти Асенковой, Офелію лучше г-жи Жулевой? И почему–же въ фольетонѣ тѣхъ–же С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, въ разборѣ бенефиса г. Славина, сказано, что г-жа Жулева въ *Офеліи* прекрасна и была три раза вызвана публикою? Г. Ф. находитъ, что дагерротипный портретъ артистки непохожъ, что она похожа на даму среднихъ лѣтъ. Мы знаемъ, что не только вкусы, но и взгляды людей бываютъ различны — и въ утѣшеніе фельетониста можемъ сказать только одно, что сама г–жа Жулева очень довольна своимъ портретомъ и находитъ его чрезвычайно схожимъ. Фельетонистъ, вѣроятно, видѣлъ г–жу Жулеву только на сценѣ, видѣлъ какъ актрису, а не какъ женщину, въ ея домашнемъ кругу—а это большая разница. Въ натурѣ свѣтъ на лицо падаетъ прямо или сверху, а на сценѣ всегда снизу, отъ рампы, отчего ложатся совсѣмъ другія тѣни, нерѣдко очень рѣзко измѣняющія лица. Похвалы наши г–жѣ Жулевой въ ея біографическомъ силуэтѣ г. Ф. находитъ преувеличенными; противъ этого мы не возражаемъ. Г–жа Жулева не книга, и мы не можемъ приводить примѣры и доказательства нашего мнѣнія, такъ, чтобы каждый читатель могъ сдѣлаться судьею между нами и г. Ф. Но намъ пріятно былобы, еслибъ г. Ф. не ограничивался одними фельетонными фразами, а потрудился посмотрѣть г–жу Жулеву въ «*Офеліи*,» въ «*Каролинѣ*» (Порывъ и Страсть), въ «*Амаліи*» (Жизнь Игрока) въ «*Эсмеральдѣ*,» въ «*Викторинѣ*,» въ операхъ «Андорская долина,» и тогда, показавъ намъ свой образъ воззрѣнія на искусство, опровергъ-бы наше мнѣніе, основанное на положительныхъ данныхъ, достаточными доводами.

Въ заключеніе статьи мы должны обратить вниманіе нашихъ читателей на одно литературно-музыкальное изданіе, въ нынѣшнемъ году возобновившееся и принявшее великолѣпный видъ. Мы говоримъ о «Музыкальномъ Свѣтѣ», издаваемомъ г. Бауманомъ, который извѣстенъ самъ какъ хорошій композиторъ *. Изданіе это, выходящее всякій

---

* Контора «Музыкальнаго Свѣта» въ Гороховой, въ домѣ Таля. Цѣна 12 р. за пересилку 1 р. 50 к.

мѣсяцъ, даетъ множество прекрасныхъ музыкальныхъ произведеній новѣйшихъ композиторовъ: пьесы блистательныя и трудныя; пьесы легкія, музыку для танцевъ и романсы, Кромѣ того каждый мѣсяцъ при нотахъ выходитъ тридцать два столбца текста на французскомъ и русскомъ языкахъ. Въ этомъ текстѣ заключаются статьи не ученыя и серьозныя, а легкіе разсказы изъ жизни композиторовъ, біографіи пѣвцовъ, музыкантовъ, музыкальная хроника, анекдоты и т. п. Такъ въ пяти доселѣ вышедшихъ нумерахъ мы нашли очень много недурныхъ статей, къ которымъ отнесемъ большой разсказъ «Первое представленіе Донъ-Жуана». «Приключеніе изъ жизни Спонтини», біографіи Фредерика Риччи, Фредерика Пернсгейма, Николо Паганини и проч. и проч. Словомъ «Музыкальный свѣтъ» — одно изъ лучшихъ музыкальныхъ изданій, и шестой годъ его существованія лучше всего доказываетъ вниманіе къ нему нашей публики.

МОДЫ. Вотъ новѣйшіе костюмы дамъ и дѣтей, которые въ большомъ ходу въ Петербургѣ, разумѣется, на основаніи парижскихъ модъ.

Первый нарядъ. Сборчатая шляпка изъ гроденапля и сквозной соломки, съ широкими завязками; платье и кофта изъ одноцвѣтной легкой шелковой матеріи. Курточка оторочена широкой, сборчатой лентою подъ цвѣтъ. Жилетка изъ бѣлаго пике, съ висячими пуговками изъ бусъ, застегнутая въ таліи только на двѣ изъ нихъ. Фишю и подрукавники изъ широкихъ кружевъ. Сонтикъ гладкій, одноцвѣтный, безъ подкладки и бахромы.

Второй нарядъ. Шляпка изъ тафты съ очень короткими полями, отдѣленная кружевомъ. Платье изъ брильянтина, съ высокимъ воротомъ и широкими открытыми рукавами, подъ которыя надѣваются закрытые тюлевые подрукавники. Мантилья изъ чернаго гласе, безъ подкладки. Она сдѣлана въ родѣ канзу, сверхъ которой какъ-будто накинутъ воротничекъ съ концами на-переди. Вся мантилья отдѣлана широкой полосою тисненаго бархата и обшита широкой шелковой бахрамою.

Третій нарядъ. Шляпка изъ бѣлаго гласе, отдѣланная блондою, поля ея чрезвычайно широки и подъ ними, съ одной стороны букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ, съ другой, букетъ изъ ленточныхъ бантиковъ. Платье изъ синяго марселина, съ однимъ воланомъ въ палюбки шириною. Воланъ богато вышитъ шелкомъ и внизу отороченъ, въ видѣ гирлянды, гроденаплевой лентою. Надъ воланомъ, кругомъ всей юбки оторочка изъ такой-же сборчатой ленты. Короткая и узкая курточка, спереди совершенно открытая и стянутая только въ корсажѣ двумя петлицами. Кругомъ всей курточки шитье шелкомъ въ томъ-же родѣ, какъ на юбкѣ. Рукова короткія, почти по локоть; подрукавники длинные и широкіе изъ кружевъ.

Четвертый костюмъ. Шляпка бѣлая, съ плетушками изъ лентъ и кружевами. Платье изъ двуличневаго гласе, съ тремя воланами, обшитыми буффами. Корсажъ открытый, съ гофренной бертою. Мантилья въ родѣ платка изъ той-же матеріи, какъ платье, безъ подкладки, обшитая фалбалою, вырѣзанной фестонами, отороченными также буффами.

Дѣтей одѣваютъ: *мальчиковъ* — въ широкіе, открытые внизу шальвары, вышитые гладью, фестонами; въ шотландскую полосатую рубашечку, очень короткую, съ узкимъ, шелковымъ пояскомъ, и въ саломенную шляпку, съ широкими полями, обшитыми бархатной лентою; — *дѣвочекъ* — въ такіе-же панталончики, прикрываемые почти совершен-

но короткою юбкою; въ бѣлую курточку, обшитую въ таліи и на отворотахъ, также и на рукавчикахъ англійскимъ шитьемъ; въ шляпку простенькую, гроденаплевую.

Вообще дамы носятъ свѣтлыя ботинки, съ боковъ застегнутыя на перламутровыя пуговки. Браслетокъ и золотыхъ украшеній лѣтомъ вовсе не надѣваютъ. Вуали рѣшительно не въ модѣ. Платки носятъ только кружевные — бѣлые или черные, цвѣтные — mauvais genre.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

БОГАТЫЙ ХОЛОСТЯКЪ

и

ДВОЕ ЖЕНАТЫХЪ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

П. Н. Григорьева.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ МЯМЛИНЪ, пожилой зажиточный холостякъ	*Г. Сосницкій.*
АННА ИВАНОВНА ПРИБИРОХИНА, старая вдова	*Г-жа Сосницкая.*
НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА ЦВѢТКОВА, молодая вдова, ея родственница.	*Г-жа Читау.*
ЕРМОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЧУХЛОМСКІЙ, старинный пріятель Мямлина, недавно женатый	*Г. Григорьевъ 1.*
АВВАКУМЪ НИКИТИЧЪ МОРОШКА, пожилой стряпчій, родственникъ Мямлина, также недавно женатый	*Г. Мартыновъ*
СЛУЖАНКА Прибирохиной	*Г-жа Волкова.*
АЛЕКСѢЙ, лакей Мямлина	*Г. Фальевъ*
МАЛЬЧИКЪ Прибирохиной	*Г. Рупини.*

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Прибирохиной, близъ Петербурга.

Небольшой садъ, окруженный съ трехъ сторонъ красивыми дачными домиками; между ними насажены разные цвѣты. На правой сторонѣ одноэтажный домикъ Прибирохиной, выходящій окнами и дверями въ общій садъ. По срединѣ сцены, прямо противъ зрителя, домъ въ три окна, занимаемый Мямлинымъ. Налѣво, домикъ точно такой-же постройки, какъ домъ занимаемый хозяйкою: въ немъ живетъ вдова Цвѣткова Начало дѣйствія послѣ обѣда.

I.

СЛУЖАНКА, ПРИБИРОХИНОЙ, приготовляетъ столъ, на который ставитъ чашки, сахаръ и кофейникъ.

СЛУЖАНКА (*сама съ собою*). Ну, вотъ ... что она тамъ кричитъ, да безпокоится? ... вотъ кофій поданъ, пусть выходятъ изъ-за стола... (*подходя къ окну*) Анисимъ! а Анисимъ! что? встали? а?

МАЛЬЧИКЪ (*высунувшись въ окно*). Нѣтъ еще ... доѣдаютъ сахарное мороженое. (*Скрывается*).

СЛУЖАНКА (*отходя отъ окна*). Ну вотъ, я такъ и знала. А сама выбѣжала изъ-за стола, разскричалась на меня, что кофій не готовъ!.. (*Посматривая на окно средняго дома*). Только срамитъ передъ жильцами, ни какой амбиціи знать не хочетъ ... а я такъ, право, боюсь, чтобъ обо мнѣ не заключили какого дурнаго мнѣнія, особливо въ этомъ домѣ ... Дворецкій г. Мямлина такое мнѣ оказываетъ вниманіе, обходится со мною на такихъ вѣжливостяхъ, что я навѣрно полагаю, что онъ имѣетъ меня въ своемъ предметѣ ... Ахъ! какъ-бы хорошо было, если-бъ онъ оставилъ свои скромныя рѣчи и прямо-бы посватался, а то ужъ слишкомъ всегда благородно церемонится, только душу томитъ. (*Въ мезонинѣ средняго дома отворяется окно и въ немъ показывается молодой лакей съ усами, дѣлающій ручки служанкѣ*). Ахъ, вотъ онъ, въ своемъ мезонинѣ... какой интересный! какого завлекательнаго характера человѣкъ!.. (*присѣдаетъ передъ нимъ очень стыдливо*).

ЛАКЕЙ (*изъ окна*). Все-ли вы въ добромъ-съ находитесь, Матрена Селиверстовна?

СЛУЖАНКА. Славо Богу-съ! Благополучно-ли вы изволите препровождаться, Алексѣй Абрамычъ?..

ЛАКЕЙ (*раскланиваясь*). Оченно пріятно-съ ... Пожалуйте-съ... много одолжаете вашимъ драгоцѣннымъ сожалѣніемъ ... при случаѣ, постараюсь взаимно отблагодарить тѣмъ-же самымъ...

СЛУЖАНКА (*присѣдая*). Большое доставите удовольствіе!.. Ну, что теперь, каково въ городѣ? что тамъ дѣлается?

ЛАКЕЙ (*очень серьозно*). Ахъ, не спрашивайте! въ городѣ теперь такая совершенная непріятность быть ... во всѣхъ улицахъ, знаете, мостовую перестилаютъ, а по Фонтанкѣ все барки съ дровами ходятъ; такая, знаете, першпектива непріятная тамъ, что совсѣмъ существовать порядочнымъ людямъ невозможно; а вотъ какъ пріѣдешь на дачу, чувствуешь совершенно другую здоровую атмосферу ...

СЛУЖАНКА. Да-съ, ужъ на дачѣ, извѣстно, чрезвычайно здоровая жизнь, особливо когда хорошіе сосѣди, имѣютъ наружность ... притомъ и погулять, и посидѣть на музыкѣ — все это такое услажденіе производитъ.

ЛАКЕЙ. Безъ сумленія ... А что это вы, Матрена Селиверстовна, изволите тутъ приготовлять?

СЛУЖАНКА. Кофій-съ, сейчасъ моя барыня будетъ здѣсь, на чистомъ воздухѣ, угощать вашего барина-съ...

ЛАКЕЙ (*удивясь*). Какъ-съ? развѣ мой баринъ у васъ?

СЛУЖАНКА. Какъ-же-съ ... наконецъ-таки барыня моя уговорила его нынче обѣдать у насъ...

ЛАКЕЙ. Скажите, въ какую-неожиданную дружбу соединились! Пріятно слушать-съ! Изъ этого знакомства хорошее можетъ произойти, резонабельныя удовольствія.

СЛУЖАНКА. Да-съ ... барынѣ моей оченно желательно, чтобъ вашъ Иванъ Семеновичъ женился на нашей молодой вдовушкѣ.

ЛАКЕЙ. То-есть, на Настасьѣ Петровнѣ-съ. Да-съ, и я-бы желалъ-съ .. препрезентабельная особа! Баринъ ее очень хвалитъ, и я ни въ чемъ похулить не могу - съ ... Особливо, какъ вечеркомъ заиграетъ да запоетъ, такъ, просто, въ равнодушномъ положеніи средствія нѣтъ слушать!

СЛУЖАНКА. Да, хорошо, кабы у нихъ дѣльцо-то уладилось! Вѣдь вашъ Иванъ Семеновичъ, какъ слышно, очень богатъ?

ЛАКЕЙ. О, и домовъ и денегъ весьма достаточно нажилъ!

СЛУЖАНКА. Какъ-же это онъ такъ много всего умѣлъ нажить?

ЛАКЕЙ. Неусыпными трудами онъ обезпечилъ себя; былъ, знаете, у многихъ богатыхъ опекуномъ, попечителемъ, ну, и весьма натуральное дѣло, получалъ вознагражденіе за труды.

СЛУЖАНКА. А! вотъ какъ-съ! Ну-съ, а если вашъ баринъ женится, вы тогда на счетъ себя какъ намѣрены расположиться?

ЛАКЕЙ (*вздохнувъ*). Охъ, Матрена Селиверстовна, вашъ вопросъ, имѣетъ самое щекотливое происхожденіе! Если вы не откажетесь осчастливить мое существованіе, то баринъ мнѣ, вѣрно, позволитъ принять ваши узы ...

СЛУЖАНКА (*конфузясь*). Ахъ, помилуйте ... я ... съ моимъ удовольствіемъ ... если ваше расположеніе ... имѣетъ такія мысли...

ЛАКЕЙ (*громко и съ чувствомъ*). О! душечка, Матрена Сильверстовна, въ доказательство прошу принять сей искренней залогъ души моей (*спускаетъ въ окно на тесемкѣ небольшую корзиночку*). Только поскорѣй, чтобъ кто не запримѣтилъ...

СЛУЖАНКА (*подбѣгая къ дому, принимаетъ корзинку*). Ахъ, покорно васъ благодарю, Алексѣй Абрамычъ ... А что это такое?

ЛАКЕЙ. Разные леденцы и конфекты изъ пряничной лавки отъ Чернышева моста.

СЛУЖАНКА (*встороиу*). Ахъ! какой чувствительный и благопріятный супризъ! (*обращаясь къ нему*) Можно попробовать?

ЛАКЕЙ. Услаждайтесь, сколько душѣ вашей угодно; тутъ цѣлые полфунта, первый сортъ, тридцать пять копѣекъ серебромъ нарочно бросилъ для вашего удовольствія.

СЛУЖАНКА. Неужели-съ? Какой вы добрѣйшей души человѣкъ!

ЛАКЕЙ. Такимъ ужъ уродился съ природы. Пожалуйста, замѣтьте: тутъ есть стишки на билетикахъ, очень чувствительнаго сочиненія ... Вы умѣете читать-съ?

СЛУЖАНКА. Ахъ, признаться ... очень туго разбираю...

ЛАКЕЙ. Такъ позвольте, ужо вечеркомъ, я вамъ самъ произведу чтеніе на кухнѣ, или гдѣ назначите...

СЛУЖАНКА. Съ моимъ удовольствіемъ-съ!

ЛАКЕЙ (*посылая рукою поцѣлуи*). И съ моимъ также готовъ буду...

МАЛЬЧИКЪ (*высовываясь изъ окна Прибирохиной*). Матрена, господа идутъ; что ты тамъ лясы-то точишь?

СЛУЖАНКА (*прячетъ корзинку въ кусты*). Ай! ай! прощайте Алексѣй Абрамычъ! Спрячу тутъ ... а то барыня увидитъ, бѣда! (*подходитъ къ своему дому*).

II.

ТѢ-ЖЕ, ПРИБИРОХИНА, ЦВѢТКОВА, за ними **ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ МЯМЛИНЪ,** одѣтъ изящно, въ лѣтнемъ костюмѣ и замѣтно молодится.

ПРИБИРОХИНА (*вышедъ впередъ, Матренѣ*). Ну, что? готовъ кофій?

СЛУЖАНКА. Пожалуйте-съ, все готово...

ПРИБИРОХИНА (*въ двери*). Милости просимъ, милый Иванъ Семеновичъ ... Настенька, ведите дорогаго гостя; на чистомъ-то воздухѣ кофій пить гораздо пріятнѣе ... пожалуйте, безъ церемоніи...

МЯМЛИНЪ (*ведя подъ руку Цвѣткову*). Уфъ! Ну, матушка, Анна Ивановна, вы насъ избалуете вашимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Благодаренъ, вполнѣ благодаренъ, и за пріятную бесѣду и за прекрасное угощеніе...

ПРИБИРОХИНА. Полно-те подшучивать; я старуха, мое дѣло вдовье, дѣло небогатое, намъ ужъ за вами не утягаться.

МЯМЛИНЪ. Эхъ, матушка, Анна Ивановна, тутъ не въ богатствѣ важность, а въ умѣньѣ угостить, принять радушно ... по достоинству ... Такъ-ли, Настасья Петровна?

ЦВѢТКОВА. Конечно. И добрая Анна Ивановна на этотъ счетъ всегда въ нашемъ кругу слыла истинно радушной и обязательной хозяйкой...

ПРИБИРОХИНА (*разливая кофе, подаетъ Мямлину и Цвѣтковой*). Полно те, пожалуйста; вы меня заставляете краснѣть ... Я, хоть старуха бѣдная, простая, но рада душу отдать, чтобъ только заслужить доброе слово! Кушайте, батюшка, Иванъ Семеновичъ ... кофеекъ сваренъ изрядно, сливочками также похвастать могу. Вотъ тутъ есть и коньячекъ, коли имѣете расположеніе; все къ вашимъ услугамъ ... (*садится, обмахиваясь платкомъ*). Фу, какая жара сегодня! (*вспомнивъ*). Ахти! Матрена, подай-ко скорѣй сюда, тамъ есть ящикъ съ папиросами. (*Матрена убѣгаетъ*). Вы вѣдь курите, Иванъ Семеновичъ?

МЯМЛИНЪ (*вынимая бумажникъ*). Благодарю васъ, Анна Ивановна ... у меня есть свои, не безпокойтесь...

ПРИБИРОХИНА. Нѣтъ ужъ, батюшка, не обижайте меня ... я нарочно заранѣе узнала отъ вашего лакея, до какихъ вы охотникъ, тѣхъ самыхъ и припасла для вашего удовольствія. (*Матрена приноситъ коробку съ папиросами*). Вотъ-съ... прошу быть безъ церемоніи, какъ дома.

МЯМЛИНЪ. Благодарю, душевно благодарю! (*обращаясь къ Цвѣтковой*) Настасья Петровна, вы позволите?

ЦВѢТКОВА. Сдѣлайте милость...

ПРИБИРОХИНА (*пьетъ кофе*). Вотъ! еще-бы она вздумала вамъ запрещать! Нѣтъ, батюшка, вы только узнайте ее покороче, такъ просто придете въ умиленіе отъ ея ангельскаго характера!

МЯМЛИНЪ. Помилуйте, вѣрно никто болѣе меня не отдаетъ справедливости прекраснымъ качествамъ Настасьи Петровны...

ЦВѢТКОВА. Иванъ Семенычъ, я ужъ, кажется, давича просила васъ не прибѣгать къ этой приторной лести, которой, признаюсь, я не привыкла слышать...

МЯМЛИНЪ. Ахъ, Боже мой! могу васъ увѣрить, что тутъ на волосъ нѣтъ лести! Анна Ивановна, засвидѣтельствуйте, защитите меня, оправдайте во мнѣніи Настасьи Петровны.

ПРИБИРОХИНА. О, со всѣмъ моимъ удовольствіемъ! Нѣтъ, Настенька, ты худо понимаешь Ивана Семеныча: онъ человѣкъ самой возвышенной души, онъ не льститъ тебѣ. (*Мямлину*). Такъ и вамъ, Иванъ Семенычъ, совѣтую не стѣсняться! А чтобъ вы вполнѣ могли узнать достоинства моей Настеньки, такъ я вамъ объ ней выскажу всю подноготную ... я хоть конечно простая, глупая старуха, но вы съ меня не взыщете...

ЦВѢТКОВА (*вставая*). Благодарю васъ, добрая Анна Ивановна, за ваши хлопоты обо мнѣ ... въ такомъ случаѣ, позвольте оставить васъ (*ему*). До свиданія Иванъ Семенычъ!

МЯМЛИНЪ (*вскочивъ*). Вы насъ оставляете?

ЦВѢТКОВА. Да ... во-первыхъ затѣмъ, чтобъ отнять у васъ предлогъ къ лести, а во-вторыхъ—я не люблю, когда даже и Анна Ивановна слишкомъ много занимается моею участью... До пріятнаго свиданія. (*Уходитъ въ свой домъ, бросивъ нѣжный взглядъ на Мямлина.*)

III.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **ЦВѢТКОВОЙ**.

МЯМЛИНЪ (*смотря ей вслѣдъ*). Прелесть, очаровательная фигурка! Анна Ивановна!..

ПРИБИРОХИНА. Что, батюшка мой?

МЯМЛИНЪ. Замѣтили-ль вы, какой она бросила взглядъ на меня?

ПРИБИРОХИНА (*притворяясь простодушно*). Гдѣ мнѣ замѣчать такія тонкости! я старуха глупая, недальновидная.

МЯМЛИНЪ. Анна Ивановна, знаете-ли что? А я замѣчаю, что вы черезъ-чуръ себя унижаете ... Зачѣмъ вы безпрестанно какъ-будто желаете выказать себя передо мной какою-то простодушною, глупою старухою, когда я вижу, что вы чуть-ли не умнѣе всѣхъ насъ? Зачѣмъ такъ притворяться? Теперь я въ такомъ положеніи, что стараюсь окружать себя людьми откровенными, прямыми, а иначе я нерѣшусь жениться на Настасьѣ Петровнѣ.

ПРИБИРОХИНА (*нѣсколько обиженная*). Ну, батюшка, ужъ коли я не откровенно поступаю съ вами, такъ Богъ вамъ судья! Да съ чего это вамъ кажется, что я, сватая Настеньку, унижаю себя? А что у меня рѣчь такая, которая вамъ почему-то кажется подозрительною, такъ я тутъ, Иванъ Семенычъ, ужъ невиновата: ужъ какою я уродилась, такою я и останусь! Конечно, я старуха съ недостатками, да вѣдь и вы не совершенство, Иванъ Семенычъ. Разбери-ко васъ поближе, да заставь покаяться, то, я чай, добродѣтельныхъ-то качествъ тоже очень поумалится. Э-эхъ, Иванъ Семенычъ, не хорошо! въ чужомъ глазу соломенку замѣчаешь, а въ своемъ..

МЯМЛИНЪ (*сконфуженный*). Позвольте, позвольте, Анна Ивановна: что вы этимъ хотите сказать, то-есть, какъ вы это понимаете?..

ПРИБИРОХИНА. Да ужъ, какъ умѣю, такъ и понимаю; впрочемъ, что объ этомъ толковать; займемся-ко настоящимъ-то дѣломъ. Не угодно-ли представить намъ формуляръ своихъ житейскихъ похожденій? . Вы говорите, что я не умѣю съ вами быть откровенной? Увидите, батюшка, стану-ли я съ вами церемониться.

МЯМЛИНЪ. Гмъ! такъ что-жъ! это прекрасно!.. откровенность для меня теперь дороже всего; но... чортъ возьми! неужели меня можно браковать?.. Ха! ха, ха!

ПРИБИРОХИНА. Э-эхъ, Иванъ Семенычъ; да мы и вдвое васъ помоложе забраковать умѣемъ: я вамъ живой примѣръ. Какъ въ свое время я сбиралась за-мужъ, такъ ровнехонько семерыхъ молодцовъ забраковала—двухъ военныхъ, одного купца и четырехъ благородныхъ чиновниковъ. Вотъ какъ-съ! Я вѣдь теперь только сморчкомъ выгляжу, а съ-молоду была—чудо: словно пальма американская! Какъ, бывало, взгляну на кого, окину этакъ проницательнымъ взглядомъ, такъ сейчасъ рѣшу, благонадеженъ или нѣтъ? то-есть, всякаго разберу по косточкамъ!

МЯМЛИНЪ (*насмѣшливо*). Ну, и разбирая такимъ-образомъ, вы наконецъ избрали себѣ покойнаго г. Прибирохина?

ПРИБИРОХИНА (*съ гордостью*). Да, сударь мой; избрала Прибирохина и никогда не раскаявалась! Царство ему небесное! Такъ онъ,

бывало, берегъ, лелѣялъ, утѣшалъ меня (*вздыхая, говоритъ сквозь слезы*). Голубчикъ мой! вѣчно буду вспоминать о его высокихъ доблестяхъ! Дай Богъ, чтобъ теперь моя Настенька нашла себѣ такого-же друга, какъ былъ мой Игнатій Еремѣичъ!

МЯМЛИНЪ (*охорашиваясь*). Ха! ха! ха! мнѣ кажется, она нашла во мнѣ ни чѣмъ не хуже вашего покойнаго?..

ПРИБИРОХИНА (*смотря на него пристально*). Ну, не знаю, Иванъ Семенычъ ... вы живете у меня на дачѣ еще первое лѣто ... подробныхъ справокъ объ васъ я еще не наводила ... конечно, вы съ хорошимъ состояніемъ, лѣтъ въ пятокъ, какъ слышно, умѣли себя обезпечить значительно; все это дѣлаетъ вамъ большую честь, но...

МЯМЛИНЪ. Но ... но ... такъ чего-же больше вамъ нужно?

ПРИБИРОХИНА. Э-эхъ, Иванъ Семенычъ! а кто намъ поручится, что вы будете хорошимъ мужемъ? Вѣдь наружность обманчива.

МЯМЛИНЪ (*обидясь*). Анна Ивановна, вы меня просто обижаете; еще ни одна дама такъ обо мнѣ не отзывалась.

ПРИБИРОХИНА. Да тѣ и не станутъ, которыя зарятся на ваше состояніе, а я, какъ старуха откровенная, говорю вамъ, все безъ церемоніи...

МЯМЛИНЪ. Вотъ прекрасно! этакъ вы, пожалуй, и Настасьѣ Петровнѣ описываете меня такими дурными красками? Боже васъ сохрани! Вы испортите все дѣло!

ПРИБИРОХИНА. Да вѣдь вы хоть и пожилой мужчина, а видно, что большой злодѣй на любовныя похожденія! Итакъ, лучше заранѣе скажите мнѣ по чистой совѣсти: вы точно влюблены въ Настеньку?

МЯМЛИНЪ. О! обвороженъ! очарованъ! она такъ мила, умна, снисходительна..

ПРИБИРОХИНА. Если вы желаете непремѣнно жениться, говорите откровенно, безъ церемоніи, все, что̀ есть у васъ на душѣ!

МЯМЛИНЪ. Желаю, душевно желаю; пора мнѣ себя пристроить, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Жизнь холостяка мнѣ страшно наскучила, да и многіе изъ друзей моихъ почти ежедневно толкуютъ: «Да скоро-ли ты, Иванъ Семенычъ, женишься? не грѣхъ-ли, съ твоими средствами, жить вѣчно холостякомъ? пока еще время не ушло, вѣрно всякая женщина рада будетъ принять твое предложеніе; она будетъ тебя любить, нѣжить, покоить, и прочее, и прочее...» Ну, вотъ я, наконецъ, живя здѣсь на дачѣ, и обратилъ вниманіе на вашу обворожительную Настасью Петровну ... Ея таланты, скромность прелестная наружность, все мнѣ чрезвычайно нравится, даже то, что она

вдовушка, имѣетъ свою привлекательную сторону: словомъ, мнѣ-бы страхъ какъ хотѣлось, чтобъ она...

ПРИБИРОХИНА *(впадая въ рѣчь).* Объявила вамъ и свои требованія? Извольте, Иванъ Семенычъ! Она, по скромности, сама ничего не скажетъ, но я, какъ ея другъ и ходатай, скажу вамъ самое главное: чтобъ ваша родня не могла ее обидѣть въ случаѣ вашей смерти, такъ вы, до женитьбы, обезпечте ея участь. Нынче, батюшка, свѣтъ такой, что безъ законныхъ документовъ вѣрить нельзя! Честное слово — хорошо, не спорю; но тогда только, когда оно обезпечено и занесено въ шнуровую книгу. Извините ... ужъ нынче въ житейскомъ быту порядокъ такой...

МЯМЛИНЪ (*нерѣшительно*). Гмъ... конечно.. порядокъ... законность... соблюденіе всѣхъ необходимыхъ формъ... все это мы обязаны наблюдать свято... Однакожъ, какъ вы думаете: неужели я дамъ обидѣть любимую жену? неужели измѣню данному слову?...

ПРИБИРОХИНА (*съ чувствомъ*). О, вѣрно нѣтъ! Вы преблагороднѣйшей души человѣкъ, потому-то я и прошу у васъ, на случай, обезпеченія.

МЯМЛИНЪ (*улыбаясь*). Ай-да, Анна Ивановна! Отъ кого вы заимствовали эту премудрую опытность?

ПРИБИРОХИНА. Отъ покойнаго мужа, батюшка. Онъ мнѣ твердилъ всегда: «смотри, старуха! нынче люди пускаются на тонкости, обманутъ — какъ пить дадутъ. (*вздохнувъ*) Доблестный былъ человѣкъ, покойникъ.

МЯМЛИНЪ. Вѣрю, матушка, вѣрю. Итакъ, какого-же рода вамъ нужно обезпеченіе?

ПРИБИРОХИНА. Да самое простое: передъ свадьбой, положите въ ломбардъ, на имя Настеньки, тысячъ пятдесятъ серебромъ; оно и ей-то будетъ пріятно, и вамъ-то спокойнѣе.

МЯМЛИНЪ (*пораженный*). Гмъ! пятдесятъ тысячъ серебромъ! Да развѣ я могу?

ПРИБИРОХИНА *(самоувѣренно).* Можете, батюшка, можете и больше. Ну, да мы не прихотливы, и малымъ довольны.

МЯМЛИНЪ. Анна Ивановна!

ПРИБИРОХИНА. Что, Иванъ Семенычъ?

МЯМЛИНЪ. Неужели Настасья Петровна такъ предусмотрительна, такъ разсчетлива, что мнѣ не вѣритъ?

ПРИБИРОХИНА. О, нисколько; она и не думаетъ ни о какихъ разсчетахъ! Это я, я забочусь объ ея участи. Впрочемъ, не лучше-ли для васъ, чтобы деньги лежали на имя вашей жены, которая будетъ васъ

любить, лелѣять, покоить вашу наступающую старость?... (*Изъ дома Цвѣтковой раздаются громкіе аккорды и потомъ нѣжное пѣніе, на мотивъ:*)

«Ненаглядный ты мой!
Какъ люблю я тебя;
Взоръ плѣнительной твой», и пр.

Слышите? Это вѣдь она поетъ на вашъ счетъ.

МЯМЛИНЪ (*прислушиваясь, приходитъ въ восторгъ*). О, разумѣется... я надѣюсь... Мило, очень мило, невольно трогаетъ за сердце! (*рѣшительнымъ тономъ*) Кончено! ничего не пожалѣю, чтобъ только обладать этою очаровательной пташкой! (*Напѣваетъ, стоя у ея окна, на тотъ-же мотивъ:*)

Ненаглядный другъ мой!
Соединися со мной:
Восхищаясь тобой,
Я теперь самъ не свой!

ПРИБИРОХИНА. Ай-да, Иванъ Семенычъ! какъ тряхнулъ стариной! Ну, батюшка, такъ вы рѣшаетесь положить на ея имя?

МЯМЛИНЪ. О, готовъ положить мою голову изъ любви къ ней!

ПРИБИРОХИНА. Нѣтъ, батюшка, хоть голова съ умомъ вещь тоже капитальная, но ломбардный билетецъ вѣрнѣе обезпечиваетъ.

МЯМЛИНЪ. Извольте, извольте, Анна Ивановна; только вотъ что я скажу: я нынче посылалъ звать къ себѣ искреннихъ моихъ друзей, чтобъ попросить ихъ совѣта, узнать ихъ мнѣніе.... Ну, однимъ словомъ, окончательно рѣшить свою судьбу общимъ совѣтомъ.

ПРИБИРОХИНА. А! такъ вы все еще боитесь?

МЯМЛИНЪ. Нѣтъ, я влюбленъ положительно; но, согласитесь, что въ мои солидныя лѣта глупо-же вдругъ жениться, не посовѣтовавшись съ добрыми друзьями .

ПРИБИРОХИНА. Конечно .. Но кто-же эти добрые друзья?

МЯМЛИНЪ. Люди препочтенные и оба недавно женатые... Я нарочно посылалъ за ними въ городъ человѣка. (*Обращаясь къ своему дому*) Эй! кто тамъ? Андрюшка! узнай, воротился-ли Алексѣй изъ города?

ЛАКЕЙ (*выбѣгая изъ дому*). Я здѣсь, сударь! ужъ съ полчаса дома....

МЯМЛИНЪ. А! тѣмъ лучше. Ну, что? какой отвѣтъ? Оба письма доставилъ лично?

ЛАКЕЙ Доставилъ-съ.

МЯМЛИНЪ. Что-же тебѣ отвѣчали?

ЛАКЕЙ. Господинъ Чухломскій хотѣли вслѣдъ за мной отправиться, а Аввакумъ Никитичъ Морошка сказали, что какъ только супруга ихъ возвратится домой, они постараются пріѣхать.

МЯМЛИНЪ. Хорошо, ступай; вели приготовить чай.

(Лакей уходитъ).

ПРИБИРОХИНА (*вспоминая*). Ав-ва-кумъ Никитичъ Морошка?... Кажется, и я когда-то была съ нимъ знакома!

МЯМЛИНЪ. Неужто? Тѣмъ лучше! предобрѣйшая душа!

ПРИБИРОХИНА. Онъ такой худенькій, лѣтъ сорока-восьми, и годъ тому, какъ женился?

МЯМЛИНЪ. Да, да; немножко страннаго характера — желченъ, ревнивъ, но честнѣйшій человѣкъ!

ПРИБИРОХИНА (*про себя*). Какъ досадно, что пріѣдетъ! Я бы не хотѣла съ нимъ встрѣчаться....

МЯМЛИНЪ. Но за то мой пріятель, Ермолай Алексѣичъ Чухломскій, прелюбезный добрякъ! Не знаю я характера счастливѣе! Вѣчно доволенъ собою, веселъ, а съ-тѣхъ-поръ, какъ женился, превозноситъ свой жребій до небесъ. Пожалуйста, познакомтесь съ нимъ также...

ПРИБИРОХИНА. Очень буду рада... но теперь мнѣ надо повидаться съ Настасьей Петровной: она ждетъ меня... До свиданія!

МЯМЛИНЪ. Прощайте, Анна Ивановна! Скажите ей отъ меня, что она очаровательница, душка, прелесть, что я съ ума схожу отъ ея нѣжнаго голосочка.

ПРИБИРОХИНА. Хорошо, хорошо, и что вы готовы ей, передъ свадьбой, сдѣлать солидный подарокъ? да?

МЯМЛИНЪ (*провожая ее*). Такъ и быть! На все, на все готовъ!

ПРИБИРОХИНА (*про себя*). Попался въ наши сѣти, старый селадонъ? (*Уходитъ въ домикъ Цвѣтковой*).

IV.

МЯМЛИНЪ, одинъ.

Прехитрая баба, эта Анна Ивановна; кажется, прошла огонь и воду... Женитьба на молодой вдовушкѣ мнѣ не дешево обойдется... Да! эта госпожа Прибирохина, видно, вполнѣ постигла свое ремесло: по ея понятіямъ, честное, благородное слово — просто гроша не стоитъ!

Впрочемъ, нынче на каждомъ шагу встрѣчаешь обманы да происки во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; такъ мудрено-ли, что и женщины научились быть осторожными. Мы жалуемся на нихъ, а мнѣ кажется, что мы сами-же виноваты, что онѣ не вѣрятъ намъ на слово. Да, да! И если Настасья Петровна мнѣ нравится, отчего-же не обезпечить свою будущую жену? Чтобъ доказать ей свою привязанность, я даже обязанъ это сдѣлать.... этимъ я ее заставлю любить, уважать себя... (*Внутри дома Мямлина раздается громкій хохотъ.*) Ба! это, кажется, мой любезный Чухломскій прикатилъ... очень радъ! Его откровенный, добродушный совѣтъ мнѣ теперь необходимъ.... (*Посматривая въ окна Цвѣтковой.*) Что-то подѣлываетъ моя прелесть?... Нѣтъ... никого не видать... вѣрно, она въ той сторонѣ дома, гдѣ ея кабинетъ.. .

V.

МЯМЛИНЪ у окна и **ЧУХЛОМСКІЙ** съ узелкомъ въ рукахъ и съ зонтикомъ, одѣтъ по-лѣтнему.

ЧУХЛОМСКІЙ (*обращаясь внутрь дома, хохочетъ громко*). Ха! ха! ха! ай-да Алексѣй! молодецъ! ха! ха! ха! смѣлость города беретъ! ха! ха! ха! (*входитъ въ садъ и видитъ Мямлина у окна*). Вотъ и баринъ-то заглядываетъ куда-то... Браво! ха! ха! ха! по барину слуга! ха! ха! ха! здравствуй, Иванъ!

МЯМЛИНЪ (*отходя отъ окна Цвѣтковой*). Здравствуй, мой добрый Ермолай Алексѣичъ! Отчего ты такъ расхохотался? чему радъ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Да какъ-же братецъ не радоваться? Нынче, кажется, во всѣхъ сословіяхъ чувствительныя сердца появились. Ха! ха! ха! Иду я мимо большой-то аллеи, а тамъ твой лакей, Алексѣй, знай выражаетъ чувства свои какой-то смазливой горничной: «повѣрьте, Матрена Селиверстовна, для васъ, говоритъ, не только корзинку конфетъ—жизнь мою отдамъ за двугривенный»... Ха! ха! ха! а я ему: «славно, Алексѣй, славно, хорошее заведеніе: баринъ задумалъ жениться и ты за нимъ, разбойникъ!» Ну, здоровъ-ли ты? Жена моя тебѣ кланяется и спрашиваетъ, скоро-ли ты позовешь ее на свадьбу?

МЯМЛИНЪ. Охъ, кажется, скоро, Ермолай Алексѣичъ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, и чудесно! страхъ хочется скорѣй тебѣ запѣть: «нашего полку прибыло, прибыло».

МЯМЛИНЪ. Эхъ! правда твоя ... хорошо-бы! Надоѣла ужъ мнѣ эта бездомная холостая жизнь, ни что не веселитъ, не радуетъ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Да, да! чортъ знаетъ, я теперь ничего не знаю глупѣе и хуже холостой жизни, я бы теперь, кажется, всѣхъ переженилъ! Толи дѣло, какъ этакъ ведешь подъ руку хорошенькую женку, она любуется тобою, ты любуешься ею, а всѣ прочіе обоими любуются ... или этакъ до́ма, подъ вечерокъ, сойдутся пріятели, а женушка, сидя за самоваромъ, съ любезностью угощаетъ всѣхъ. Прелесть! картина, живая картина! съ какимъ тутъ удовольствіемъ выпьешь стаканчиковъ пять-шесть маюконъ-дзи, или вдругъ, за ужиномъ, когда она скажетъ тебѣ: «что-жъ ты ничего не кушаешь и не пьешь, дружечикъ?», — о, послѣ этого такой звѣрскій является аппетитъ, что наѣшься досыта и напьешся, какъ губка! За то, такъ послѣ сдѣлаешься любезенъ, разговорчивъ, съ женою ... А? вѣдь это наслажденіе! чтобъ испытать все это, пожалуйста, женись, братъ, поскорѣй! Бывши холостякомъ, я жилъ безалаберно, какъ пошлый дуракъ; теперь, съ милой женой, я сталъ другой человѣкъ, я живу вполнѣ, я дѣйствую, я понимаю жизнь, а какъ еще пойдутъ дѣти ... сколько тутъ интересныхъ хлопотъ, заботъ, какая смѣшная возня съ женою, съ ребенкомъ, съ кармилицами, умора! Ха! ха! ха! Да, я вѣдь тебѣ принесъ подарокъ, какъ будущему отцу семейства ... Угадай, что̀ это? (*показывая узелокъ*); пари держу, что не угадаешь ...

МЯМЛИНЪ. Право, не знаю ... что̀-бы такое? какъ будущему отцу семейства? ... колпакъ, что-ли? ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Нѣтъ! въ колпакъ тебя ужъ нарядитъ, вѣрно, жена, а это лучше ... Чтобъ потѣшить тебя, чтобъ польстить твоему самолюбію, я заранѣе дѣлаю тебѣ самый оригинальный подарокъ ... (*развязавъ, показываетъ ему дѣтскую фуфайку и шапочку*). Иванъ Семенычъ, честь имѣю поздравить съ новорожденнымъ! Ха! ха! ха!

МЯМЛИНЪ (*также смѣясь*). Ха! ха! ха! да ты никакъ съ ума сошелъ. Я еще только сватаюсь, а ужъ ты ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Иванъ Семеновичъ, признавайся: сынъ или дочь будетъ? Впрочемъ, все равно: спрячь эту невинную одежду и на другой день свадьбы, ради курьозу, покажи своей женѣ мой подарокъ. (*Отдаетъ ему обѣ вещи*).

МЯМЛИНЪ (*прячетъ въ боковой карманъ*). Ты, чудакъ, только шутишь, да дурачишься; пойдемъ лучше ко мнѣ, потолкуемъ о моей женитьбѣ, какъ слѣдуетъ, серьозно ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Во-первыхъ, я въ домъ не пойду, тамъ душно и

жарко ... во-вторыхъ, я хочу скорѣй видѣть твою вдовушку. И что тутъ долго толковать? Вѣдь невѣста тебѣ нравится?

МЯМЛИНЪ. Да, очень нравится!

ЧУХЛОМСКІЙ. Ты ей не противенъ? не гадокъ?

МЯМЛИНЪ. Нисколько ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Впрочемъ, что-жъ я спрашиваю? Извѣстно, если мужчина немножко получше урода, такъ все красавецъ. Она не говорила тебѣ, что ты для нея старъ?

МЯМЛИНЪ. Кажется, нѣтъ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Глядя на тебя, она не дѣлаетъ кислой гримасы? вотъ такъ? ... (*дѣлаетъ гримасу*).

МЯМЛИНЪ. Никогда.

ЧУХЛОМСКІЙ. И ты точно жениться хочешь?

МЯМЛИНЪ. Хочу!

ЧУХЛОМСКІЙ. И она согласна?

МЯМЛИНЪ. Кажется.

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошее заведеніе! Такъ что-жъ ты зѣваешь, что-жъ тебѣ еще надо?

МЯМЛИНЪ. Эхъ, мнѣ-то больше ничего не надо, но ей, видишь, надо передъ свадьбой сдѣлать подарочекъ....

ЧУХЛОМСКІЙ. А, это хорошо! сдѣлай два, три, десять подарковъ! Куда тебѣ деньги дѣвать? въ проценты пускать, что-ли? это ужъ подло будетъ! ремесло процентщика дѣлаетъ человѣка животнымъ!

МЯМЛИНЪ. Это все такъ ... но вѣдь подарокъ нуженъ, знаешь-ли какой?

ЧУХЛОМСКІЙ. Разумѣется, хорошій: чтобъ одолжить ее, чтобъ, такъ сказать, вполнѣ расположить ее къ себѣ.

МЯМЛИНЪ. То-то и есть: хотятъ, чтобъ я до свадьбы положилъ на имя невѣсты пятдесятъ тысячь серебромъ!

ЧУХЛОМСКІЙ (*удивясь*). А, хорошо! значитъ, вдовушка-то знаетъ себѣ цѣну; очень хорошо!

МЯМЛИНЪ. Впрочемъ, не сама невѣста этого требуетъ, а ея родственница, Анна Ивановна, хлопочетъ обезпечить участь молодой вдовушки.

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошо, видно, что и эта Анна Ивановна—баба съ толкомъ?

МЯМЛИНЪ. Ну, какъ ты думаешь? что мнѣ дѣлать?

ЧУХЛОМСКІЙ. Да коли невѣста тебѣ нравится и вдвое тебя моложе, такъ съ тебя дешевле и взять нельзя. Зачѣмъ раньше не женился? двадцать пять лѣтъ назадъ, ты имѣлъ право самъ требовать приданнаго, а теперь такъ съ тебя требуютъ — и совершенно справедли-

во! Плати, дари, дѣлай, что прикажутъ; самъ виноватъ: зачѣмъ тебѣ пятый десятокъ? (*ударивъ его по плечу*). Э, да брось ты всѣ эти счеты и расчеты. Денегъ много, такъ давай ихъ сюда, Иванъ Семенычъ! Постой-ко, мы тебя откупоримъ.

МЯМЛИНЪ. Да ... видно нечего дѣлать ... впрочемъ, посмотрю, что посовѣтуетъ мнѣ на этотъ счетъ Аввакумъ Никитичъ Морошка? ...

ЧУХЛОМСКІЙ. А эта желчная лихорадка еще не была у тебя? Вотъ нашелъ совѣтника! Ха! ха! ха! да онъ тебя только собьетъ съ толку. Нѣтъ, пожалуйста, не слушай его: во-первыхъ, этотъ человѣкъ никогда и ничѣмъ недоволенъ; во-вторыхъ, если онъ недоволенъ своей женитьбой, такъ станетъ-ли тебѣ хорошо отзываться о женщинахъ? Полно, братъ, плюнь на него и пойдемъ знакомиться съ твоей вдовушкой ... Гдѣ она?

МЯМЛИНА. Она живетъ вотъ здѣсь... (*указывая на домъ Цвѣтковой*).

ЧУХЛОМСКІЙ. А, хорошо! Она вотъ здѣсь, а ты вотъ тутъ: близехонько!... Ха! ха! ха! экой разбойникъ! на какую близкую дистанцію подъѣхалъ! ... Бѣдненькая! я думаю, какъ ты иногда начнешь вздыхать, такъ ей ночью и уснуть не даешь?

МЯМЛИНЪ. Да, случается ... но она такъ мила, такъ снисходительна, что готова простить всѣ мои глупости!

ЧУХЛОМСКІЙ. Это умно; вѣрно, она знаетъ, что богатые холостяки должны имѣть привиллегію на всевозможныя глупости! Смерть хочется поскорѣй отпустить ей мое нижайшее почтеніе!

МЯМЛИНЪ. А вотъ погоди ... я сейчасъ пойду, пріодѣнусь получше и поведу рекомендовать тебя ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошо, съ Богомъ! пригладь, причеши свои растрепанныя чувства, а главное, займись своей головой, чтобъ до свадьбы всякій сѣдой волосокъ былъ запрятанъ подальше!

МЯМЛИНЪ. Да ужъ я на этотъ счетъ распорядился; Алешку нарочно посылалъ въ городъ.

ЧУХЛОМСКІЙ. За молодостью и красотой? Молодись, молодись — тебѣ это простительно; да вели мнѣ подать чего-нибудь напиться, смерть жарко.

МЯМЛИНЪ. Сейчасъ. Чего-же тебѣ? воды? лимонаду?

ЧУХЛОМСКІЙ. Все равно, чего-нибудь, хоть вина стаканчикъ.

МЯМЛИНЪ. Изволь, дружище! Впрочемъ, я велѣлъ ужъ и чай готовить ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, хорошо, вели дать стаканчикъ тепленькаго хорошенькаго лафиту.

МЯМЛИНЪ. Сію-минуту. (*Уходитъ въ свой домъ*).

VI.

ЧУХЛОМСКІЙ одинъ, потомъ **ЛАКЕЙ** Мямлина.

Ха! ха! ха! Иванъ Семенычъ влюбленъ! Иванъ Семенычъ женится! Чудеса нынче дѣлаютъ эти женщины! Самую холодную, черствую душу размягчатъ, разнѣжатъ такъ, что держись душа въ тѣлѣ! Да еще, въ ожиданіи будущихъ благъ, съ этой души и денежное взысканіе предъявляютъ! Ха! ха! ха! Ай–да вдовушка! Видно у нея въ глазахъ есть магнитная стрѣлка ... Вѣдь онъ, говорятъ, деньги–то нажилъ не совершенно невиннымъ образомъ ... Стало быть, вдовушка хочетъ молодца наказать по заслугамъ! Умно! Пятдесятъ тысячъ серебромъ—задатокъ солидный! Заведеніе хорошее! За пятдесятъ тысячъ, онъ ей на первый случай, пожалуй, и понравится! А ужъ тамъ послѣ, будетъ–ли она любить его, это она, вѣроятно, предоставитъ своему благоусмотрѣнію! Ха! ха! ха!

ЛАКЕЙ (*подаетъ ему на подносѣ стаканъ лафиту*). Вы, сударь, изволили спрашивать вина?..

ЧУХЛОМСКІЙ Давай братъ, Алексѣй, давай ... ужасно какъ жажда мучитъ, жарко сегодня ... (*Пьетъ не вдругъ*).

ЛАКЕЙ (*серьозно*). Да–съ, нонче въ атмосферѣ, должно быть, много градусовъ – съ.

ЧУХЛОМСКІЙ (*улыбаясь смотритъ на него*). Да, да, должно быть. (*Про себя*). Смерть люблю я съ образованными лакеями разговаривать. (*Ему*). Да вотъ, Алексѣй: ты, какъ грамотный, вѣрно знаешь, отчего бываетъ такая жаркая атмосфера? Ты вѣдь, вѣрно, читаешь многое?

ЛАКЕЙ. Какъ–же–съ, всякой день занимаюсь, то съ Пчелкой, то съ Полицейскими сижу ... особливо–съ когда баринъ спитъ, сапоги и платье вычищены, такъ и дѣлать больше нечего–съ ... вѣдомости и проглядываю–съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Хорошее у тебя заведеніе. Ну, да чай, проглядываешь также и туда, гдѣ твоя Матрена сидитъ? А? давича я видѣлъ ...

ЛАКЕЙ (*съ застѣнчивостію*). Да–съ ... но это ужъ совсѣмъ особая статья–съ ... Отъ Матрены–съ, хошь меня въ жаръ бросаетъ иногда–съ, но все–таки она принадлежитъ не къ атмосферѣ–съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Разумѣется ... ну, а къ чему-же она по твоему принадлежитъ?

ЛАКЕЙ. Да, какъ вамъ сказать-съ ... Матрена, по моему-съ, хошъ и горничная, все-таки относится болѣе къ природѣ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, да! Я тоже думаю ... то-есть, къ природѣ человѣческой?

ЛАКЕЙ. Точно такъ-съ. Все равно, какъ и я-съ, отношусь совершенно къ той-же природѣ, какъ и Матрена-съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Справедливо! Ты братъ, Алексѣй, видно малый съ головой?

ЛАКЕЙ. Да иначе никакъ нельзя-съ ... служу при такомъ баринѣ-съ, который нашего брата, глупаго человѣка, терпѣть не станетъ-съ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Вотъ что! Ну, такъ отчего-же нынче такая жаркая атмосфера?

ЛАКЕЙ. Да нынче это оттого-съ, что недавно происходило затмѣніе въ солнечныхъ лучахъ-съ.

ЧУХЛОМСКІЙ (*едва удерживаясь отъ смѣха*). А что ты думаешь? Именно оттого вѣрно и жарко стало, что было солнечное затмѣніе.

ЛАКЕЙ. По-крайней-мѣрѣ-съ, я такъ прочиталъ въ газетахъ-съ; заранѣе было устроено такъ.

ЧУХЛОМСКІЙ Неужто? умница ты, братъ.

(*Голосъ Мямлина*). Алешка! гдѣ ты? Алексѣй!

ЛАКЕЙ. Сейчасъ! извините сударь, что долженъ оставить столь умную бесѣду ... баринъ требуетъ одѣваться ... (*убѣгаетъ*).

VII.

ЧУХЛОМСКІЙ одинъ.

Очень жаль, братъ ... Ха! ха! ха! Съ этимъ Алешкой очень полезно побесѣдовать, особенно когда желудокъ не варитъ: онъ, право, поможетъ ... (*замѣчая выходящую изъ дому Цвѣткову*). А! вотъ, кажется, обворожительная невѣста Ивана Семеныча выходитъ въ садъ; надо покороче познакомиться ... (*высматриваетъ*). Съ нею вмѣстѣ какая-то толстуха выползаетъ ... вѣрно, сама оберъ-сваха, Анна Ивановна? Хорошо, надо и съ ней сойтись, какъ водится.

VIII.

ЧУХЛОМСКІЙ встороне, **ЦВѢТКОВА** и **ПРИБЫРОХИНА.**

ЦВѢТКОВА (*ей вполголоса*). Нѣтъ, нѣтъ, Анна Ивановна! Я вовсе не хочу ему навязываться и притомъ еще требовать съ него до свадьбы... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! ни за что на свѣтѣ...

ПРИБИРОХИНА. Ахъ, какая, право! Да вспомни, вѣдь ты, другъ мой, жертвуешь собою! Для чего-же? По-моему, ужъ если выходить за пожилаго человѣка, такъ надо имѣть основательную причину, то-есть, надо обезпечить себя на всю жизнь. Я взялась пристроить тебя, такъ молчи и не мѣшай мнѣ, я поставлю на своемъ...

ЦВѢТКОВА (*увидя подходящаго Чухломскаго*). Перестаньте... вотъ кажется, одинъ изъ друзей Ивана Семеныча.

ПРИБИРОХИНА (*Чухломскому*). А! милости просимъ... мы рады добрымъ друзьямъ... позвольте...

ЧУХЛОМСКІЙ (*впадая въ тонъ*). Узнать, какъ меня зовутъ? Я — Ермолай Алексѣичъ Чухломскій, и точно, изо всей породы двуногихъ, самое добрѣйшее созданіе. Прошу любить и жаловать, то-есть, обходиться со мною безъ чиновъ, откровенно, въ чемъ, надѣюсь, никогда не будете раскаяваться.

ЦВѢТКОВА. Намъ очень пріятно будетъ.

ПРИБИРОХИНА. Чрезвычайно лестно... Садитесь, батюшка... Мы ужъ про васъ слышали и, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, добрый другъ намъ большая помога... а ваша физіономія доказываетъ..

ЧУХЛОМСКІЙ. Моя физіономія очень можетъ вамъ соврать, матушка Анна Ивановна... Такъ, кажется?

ПРИБИРОХИНА. Точно такъ-съ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Стало-быть, физіономія ничего еще не доказываетъ. Вы, вѣрно, встрѣчали въ жизни, по виду, очень, добрыя, простодушныя физіономіи, водой не замутятъ, а на повѣрку послѣ выходило, что эти добрые оказывались первѣйшими разбойниками! Не такъ-ли?

ПРИБИРОХИНА. Правда, батюшка, случалось иногда встрѣчать и такихъ... но, вы, какъ мнѣ кажется...

ЧУХЛОМСКІЙ. Не похожъ на разбойника? Точно, не имѣю нужды принадлежать къ людямъ такого достоинства. Итакъ прошу видѣть во мнѣ самаго прямаго друга Ивана Семеныча, который отъ души же-

лаетъ поплясать скорѣй на его свадьбѣ; и жена моя очень любитъ, при случаѣ, задать выпляску ... Она у меня тоже веселая и добрая баба, и вообразите, какое чудо: съ-тѣхъ-поръ, какъ вышла за меня, ни разу еще горько не плакала, право, такъ какъ-то у насъ сошлись кстати характеры ... я хохочу—и ей весело, мнѣ смѣшно—и ей что-то любо, право! Ну, и такимъ вотъ образомъ, Богъ намъ далъ также пресмѣшнаго, здороваго мальчишку, знаете, такой бѣленькій, курносый, голова вся голая...много обѣщаетъ! Два глазныхъ зубка прорѣзались и онъ—ничего, смѣется да ѣсть проситъ! (*Прибирохиной*). У васъ, Анна Ивановна, нѣтъ рябитишекъ?

ПРИБИРОХИНА (*со вздохомъ*). Ахъ, батюшка, не далъ Богъ такой радости въ жизни!..

ЧУХЛОМСКІЙ. Жалъ! А ребятишки иногда очень хорошее заведеніе; съ ними такъ самъ ребячишься, что забудешь въ жизни всякое горе. Вашъ супругъ гдѣ служилъ, Анна Ивановна?

ПРИБИРОХИНА. Онъ, батюшка мой, видите, служилъ коммисаромъ... въ одномъ...

ЧУХЛОМСКІЙ (*осматривая кругомъ*). Такъ, такъ ... славную онъ вамъ дачу оставилъ ... очень хорошее заведеніе ... есть чѣмъ вспомянуть покойнаго...

ПРИБИРОХИНА (*съ чувствомъ*). Да, батюшка, благороднѣйшей души былъ человѣкъ; но какъ всѣ смертные, онъ...

ЧУХЛОМСКІЙ (*перебивая*). Разумѣется, преждевременно, къ прискорбію всѣхъ знавшихъ его, перемѣнилъ сію скудельную жизнь на вѣчную, и оставилъ безутѣшную вдову оплакивать его высокія добродѣтели? Такъ, такъ; это сплошь и рядомъ такъ бываетъ. Много у васъ доходу съ этой дачи?

ПРИБИРОХИНА. Какіе доходы, батюшка... (*Показывая на Цвѣткову*). Вотъ съ Настасьи Петровны, по сродственному чувству, почти ничего не беру, потому-что она, послѣ смерти своего муженька, осталась ни съ чѣмъ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Неужели? ахъ, это жаль! (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна! вы меня извините ... еслибъ мнѣ пришлось оставить васъ преждевременно, я-бы долгомъ счелъ оставить вамъ вмѣсто себя, покрайней-мѣрѣ, полмилліончика въ утѣшеніе!

ЦВѢТКОВА. Покорно васъ благодарю...

ЧУХЛОМСКІЙ. Не за что! Впрочемъ, у насъ есть надежда, не унывайте, матушка... У Ивана Семеныча, я знаю, есть хорошее заведеніе.

ЦВѢТКОВА. Ахъ, что́ вы! Боже сохрани! Я вовсе и не думаю объ этомъ. Напротивъ, если обѣщала выдти за Ивана Семеныча, то потому-что онъ добрый, скромный, солидный человѣкъ, который мнѣ нравится, и если онъ расположенъ ко мнѣ, то я надѣюсь, что вѣрно не заставитъ меня страдать, какъ иной вѣтренникъ... А признаюсь, съ моимъ молодымъ мужемъ, я таки въ два года довольно наплакалась!

ЧУХЛОМСКІЙ. Возможно-ли! Такъ вы были несчастливы?..

ПРИБИРОХИНА. Да, батюшка, такой былъ игрокъ—не тѣмъ будь помянутъ — что совсѣмъ и дома не жилъ!..

ЧУХЛОМСКІЙ. Скажите, пожалуйста! Да, есть, есть много изъ нашей братьи такіе пролетаріи, что изъ рукъ вонъ: изъ дома въ домъ рыщутъ всю жизнь, и ужъ не знаютъ ничего святаго; жена, дѣти, служба, домъ, совѣсть, все это для нихъ — пустяки! (*Цвѣтковой*). Значитъ, сударыня, теперь выходите вы за-мужъ чисто по здравому разсудку? Доброе дѣло! пожилой мужъ съ большимъ достаткомъ, тоже очень хорошее заведеніе. За-чѣмъ-же дѣло стало? Пожалуйста, не мѣшкайте; онъ, какъ я вижу, готовъ на все; Анна Ивановна тоже; я съ женой моей тоже, и если вы тоже, такъ веселымъ пиркомъ-бы и за свадебку?

ЦВѢТКОВА. Конечно, если Иванъ Семенычъ дѣйствительно расположенъ, то съ моей стороны...

ПРИБИРОХИНА (*отводя его всторону*). Да, вотъ видите, батюшка, я только требую, чтобъ Иванъ Семенычъ прежде свадьбы, въ видѣ подарка, обезпечилъ мою Настеньку.

ЧУХЛОМСКІЙ. Что-жъ? это очень умно; я ужъ ему совѣтовалъ...

ПРИБИРОХИНА. Слышишь, Настенька? Согласитесь, батюшка, что вѣдь его не раззоритъ, если онъ положитъ на ея имя тысячъ пятдесятъ серебромъ; вѣдь это будетъ благоразумно и хорошо?

ЧУХЛОМСКІЙ. Очень хорошее заведеніе!

ПРИБИРОХИНА. Ну, а вотъ она стыдится этого, церемонится.

ЧУХЛОМСКІЙ (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна! Ивану Семенычу пятый десятокъ, стало быть, покорнѣйше васъ прошу, обходитесь съ нимъ безо всякой церемоніи. Да вотъ постойте, я это дѣло разомъ подвину впередъ. Видите, Анна Ивановна, намъ только надо выиграть время, пока не явился сюда одинъ лапчатый гусь, который можетъ все испортить...

ПРИБИРОХИНА. Да, батюшка, я и сама этого трушу; вы вѣрно говорите про...

ЧУХЛОМСКІЙ. Про Аввакума Никитича Морошку. Вы знаете его?

ПРИБИРОХИНА (*сконфузясь*). Да ... такъ ... когда-то видала...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, такъ этого-то гуся ждетъ Иванъ Семенычъ, въ надеждѣ получить отъ него самый благоразумный совѣтъ, тогда какъ, ей-ей, у него на грошъ нѣтъ никакого благоразумія. Стало быть, намъ надо всячески стараться отвлекать Ивана Семеныча отъ Морошки, мѣшать ихъ бесѣдѣ и прочая... (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна, чтобъ рѣшить скорѣе вашу участь, пожалуйста, войдите хорошенько въ роль невѣсты, а мы, съ Анной Ивановной, займемся другимъ субъектомъ.

ЦВѢТКОВА. Хорошо, но только, пожалуйста, не прибѣгайте ни къ какимъ крайностямъ; я скорѣй возьму свое слово назадъ, чтобъ только не заслужить названія навязчивой невѣсты.

ЧУХЛОМСКІЙ. Э, какъ вы церемонны, матушка! Теперь намъ всѣ средства позволительны, а особливо, когда они ведутъ къ доброй цѣли ..

ПРИБИРОХИНА. Конечно, конечно ... только батюшка, я-бы не хотѣла даже видѣть этого Морошку...

ЧУХЛОМСКІЙ. Отчего? Посмотрите, онъ съ-тѣхъ-поръ, какъ женился, сталъ преуморительный старичишка!

ПРИБИРОХИНА. Да онъ, говорятъ, такого тяжелаго характера, пожалуй, наговоритъ какихъ-нибудь глупостей, а я, знаете, такъ слабонервна...

ЧУХЛОМСКІЙ. Э, да вѣдь мы его не станемъ гладить по лысой головкѣ; я безъ церемоніи зажму ему ротъ, если онъ чуть вздумаетъ забыть приличіе. (*Увидя входящаго Мямлина*). А, вотъ кстати Иванъ Семенычъ, и въ полномъ порядкѣ. Смотрите, какой еще онъ молодецъ, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Милости просимъ, добрый женихъ; мы давно васъ ждемъ...

IX

ТѢ-ЖЕ и **МЯМЛИНЪ** одѣтъ франтомъ, въ парикѣ à la Russe.

МЯМЛИНЪ. А! вы, друзья мои, ужъ кажется совершенно познакомились? Очень радъ. (*Цвѣтковой*). Ну, Настасья Петровна, вашъ обворожительный голосокъ просто съ ума меня сводитъ.

ЦВѢТКОВА (*продолжая работу*). Полноте, пожалуйста, я ужъ сколько разъ просила васъ, чтобъ вы никогда...

ЧУХЛОМСКІЙ (*перебивая ее*). Нѣтъ, нѣтъ, Настасья Петровна, онъ совершенно правъ; ваши дарованія невольно заставляютъ обожать васъ. Пожалуйста, оставьте излишнюю скромность, между женихомъ и невѣ-

вѣстою всѣ добрыя чувства должны изливаться наружу. (*Ему тихо*). У тебя ужъ билетъ готовъ? въ карманѣ?

МЯМЛИНЪ. Какой билетъ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, обѣщанный ей подарокъ; предложи ей сейчасъ-же, и чрезъ три дня сыграешь свадьбу.

МЯМЛИНЪ. Изволь, изволь, я готовъ, но ... надо вѣдь съѣздить въ ломбардъ, положить на ея имя, а сегодня ужъ невозможно...

ЧУХЛОМСКІЙ. Эхъ, какой ты, братъ, жалкій любовникъ: обѣщаешь, а самъ все откладываешь. Вотъ что: сейчасъ возьми на пятдесятъ тысячъ разныхъ билетовъ и попроси, чтобъ она сама завтра-же положила всю эту сумму на свое имя: это будетъ съ твоей стороны такой деликатный сюрпризъ, что она тебя невольно поцѣлуетъ!

МЯМЛИНЪ. Возможно-ли? О, другъ мой!.. Я ... тогда ужъ окончательно помѣшаюсь отъ нея.

ЦВѢТКОВА. Что́ у васъ за секреты, господа? Иванъ Семенычъ, это немножко неучтиво...

ЧУХЛОМСКІЙ. Ничего, Настасья Петровна... Иванъ Семенычъ рѣшился скорѣй назначить день свадьбы, а чтобъ вы совершенно вѣрили чувствамъ, онъ хочетъ сейчасъ-же поступить съ вами, какъ самый деликатный женихъ...

МЯМЛИНЪ. Да, да, прелестная Настасья Петровна, я чувствую, вижу, что надо намъ поскорѣе кончить чѣмъ-нибудь. Я ждалъ-было еще кой-кого къ себѣ для совѣщанія, однако, кажется, что всѣ совѣты теперь будутъ напрасны ... я ... я съ каждой минутой убѣждаюсь, что безъ васъ просто жить не могу. Назначьте-же день нашей свадьбы, а чтобъ вамъ ни въ чемъ не стѣснять себя, я надѣюсь, что вы примете отъ меня, въ знакъ истинной любви, небольшой подарочекъ?..

ЧУХЛОМСКІЙ (*тихо Прибирохиной*). Браво! слышите, Анна Ивановна?

ЦВѢТКОВА (*вставая изъ-за работы*). Иванъ Семенычъ, благодарю васъ отъ души за вашу любезность; повѣрите, что я съумѣю оцѣнить всегда вашу ко мнѣ привязанность ... но знаете, что̀: какъ я ни бѣдна, однако ничего не прошу у васъ, не желаю никакихъ пожертвованій, именно потому...

ПРИБИРОХИНА (*перебивая ее*). Настенька, не перебивай-же ты Ивана Семеныча.

ЧУХЛОМСКІЙ (*дѣлая ей знаки*). Настасья Петровна, не мѣшайте Ивану Семенычу; у него теперь на умѣ самое хорошее заведеніе! (*Ему*). Бѣги сейчасъ въ кабинетъ, возьми свой подарокъ, и какъ истинный джентльменъ, предложи Настасьѣ Петровнѣ.

МЯМЛИНЪ (*рѣшительнымъ тономъ*). Именно, такъ-таки сдѣлаю; всѣмъ, всѣмъ готовъ жертвовать для обожаемой Настасьи Петровны. (*Ей*). Подождите, моя прелесть; я сію-минуту ворочусь. (*Чухломскому и Прибирохиной*). Друзья мои, Ермолай Алексѣичъ, Анна Ивановна, вы увидите, какъ я умѣю любить и жертвовать всѣмъ для этой несравненной женщины! (*Ей*) Сію-минуту, мое сокровище, бутончикъ несравненный! Все отдамъ! (*Хочетъ идти*).

X.

ТѢ-ЖЕ и АВВАКУМЪ НИКИТИЧЪ МОРОШКА, уродливая сухая фигура съ лысой головой.

МОРОШКА (*лакею*). Вздоръ, пустяки! Если Иванъ Семенычъ хочетъ жениться, онъ будетъ такой-же пошлый дуракъ, какимъ былъ я, во время оно. (*Увидя Мямлина*). А, вотъ онъ! Ваня, здравствуй!

ЧУХЛОМСКІЙ (*тихо Прибирохиной*). Ну, Анна Ивановна, теперь намъ надо смотрѣть въ оба! (*Она отходитъ къ сторонѣ*).

МЯМЛИНЪ. Здравствуй, добрый другъ; какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Здорова-ли твоя жена?

МОРОШКА (*сильно вздохнувъ, и почти съ крикомъ*). Моя жена! Не знаю; ея никогда нѣтъ дома.

МЯМЛИНЪ. Фи, мой другъ, можно-ли такъ выражаться?

МОРОШКА (*со злобою*). Объ моей женѣ можно выражаться еще хуже и все-таки будетъ слабо, чтобъ обрисовать этотъ адскій характеръ!

ЧУХЛОМСКІЙ. А, здравствуй несчастный Аввакумъ.

МАРОШКА (*опять вздрогнувъ*). А, счастливый Ермолай; я видѣлъ твою милую жену, какъ ѣхалъ сюда; она гуляетъ подъ ручку съ какимъ-то огромнымъ усачемъ! (*Хохочетъ злобно*).

ЧУХЛОМСКІЙ. Неужели? Ха! ха! ха! Ну, я радъ; теперь ей безъ меня не будетъ скучно...

МОРОШКА. Да, да, радуйся... ха! ха!.. имъ безъ тебя будетъ очень весело.

ЧУХЛОМСКІЙ. Тѣмъ лучше, вѣдь это ея родной братъ, превеселый малый.

МЯМЛИНЪ. Аввакумъ Никитичъ, позволь рекомендовать тебѣ мою милую невѣсту, Настасью Петровну... (*Ей*) А вамъ рекомендую моего стараго и почтеннаго друга, Аввакума Никитича...

ЦВѢТКОВА. Мнѣ чрезвычайне пріятно ... прошу покорно садиться... Очень сожалѣю, что вы не привезли къ намъ вашей супруги.

МОРОШКА (*опять сильно вздрогнувъ*). Моей жены?.. (*Про себя*). Ужъ меня такъ вотъ и коробитъ, какъ только заговорятъ о женѣ...

ЦВѢТКОВА. Позвольте узнать, какъ зовутъ вашу милую супругу?

МОРОШКА. Мою жену-съ?.. Во-первыхъ, сударыня, моя жена, никогда не имѣла чести быть милою; во-вторыхъ, ее зовутъ Соломонидой Вифантьевной-съ: имя самое неблагозвучное, непріятное, точно такъ, какъ ея лицо и характеръ; а потому, извините меня ... Я пріѣхалъ къ моему другу, котораго хочу спасти на краю пропасти... извините-съ. (*Беретъ подъ руку Мямлина, и отводитъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ Анна Ивановна*). Несчастный другъ, поди сюда. Бѣги отъ женщинъ, бѣги дальше! Та, которая сватаетъ, тебя на старости въ дураки сажаетъ; берегись, поди, поди сюда... (*Вдругъ видитъ Анну Ивановну и вскрикиваетъ въ ужасѣ*). Ай, моя сваха, Прибирохина! Ужасъ! куда я попалъ? Батюшки .. ноги не держутъ... лихорадка бьетъ ... зубы стучатъ ... ой! ой! (*Вполголоса Мямлину*). Мямлинъ!.. Мямлинъ ... Мямлинъ ... эта женщина—демонъ; она меня .. сосватала и, въ слѣдствіе этой адской операціи — смотри — у меня въ полгода вся голова обнажилась, какъ тыква; полгода назадъ, я еще былъ красавецъ въ своемъ родѣ, а теперь, видишь ты, что я за отвратительный моржъ? Это все я ей обязанъ; это вѣдьма, а не старуха: кого только сосватала, женила — баста! Тотъ человѣкъ — или умирай или будь похожъ на меня: вотъ какой результатъ!

ЧУХЛОМСКІЙ (*перешелъ въ это время къ Цвѣтковой*). — Ха! ха! ха! Аввакумъ Никитичъ! что съ тобой? (*Ей*) Извините его, Настасья Петровна, онъ у насъ немножко того.. (*Прибирохиной*). Анна Ивановна, если вы знакомы съ нимъ, такъ, конечно, не удивитесь; онъ, послѣ женитьбы, постоянно то дичь несетъ, то горячку поритъ. Ха! ха! ха!

МЯМЛИНЪ. Въ самомъ-дѣлѣ, дружище, успокойся, ты своими выходками конфузишь и меня и всѣхъ... (*Цвѣтковой*). Настасья Петровна, извините, я уже говорилъ вамъ, что ждалъ къ себѣ Аввакума Никитича, посовѣтоваться, такъ надѣюсь, что вы не разсердитесь, если я на нѣсколько времени оставлю васъ!..

ЦВѢТКОВА. Какъ вамъ угодно ... бесѣдуйте, разсуждайте, я вамъ не помѣшаю, я пойду погулять съ Анной Ивановной, стало-быть, вы можете свободно бесѣдовать и здѣсь... (*Беретъ съ окна вуаль и зонтикъ.*)

МЯМЛИНЪ. Очень вамъ благодаренъ...

ПРИБИРОХИНА (*проходя мимо Морошки*). Аввакумъ Никитичъ, надо признаться, что нынче вы стали очень странный человѣкъ.

МОРОШКА (*отскочивъ отъ нея*). Бррр!.. каждое слово этого демона въ юбкѣ такъ и царапаетъ по сердцу! (*Гладитъ себя по головѣ*).— Даже всѣ волосы дыбомъ становятся... Когда-нибудь у меня съ ней выйдетъ страшная катастрофа.

ЧУХЛОМСКІЙ. Такъ до радостнаго свиданья, Настасья Петровна; только, пожалуйста, не долго гуляйте; мы всѣ вмѣстѣ будемъ пить чай въ саду. Вы вѣдь сдѣлаете намъ это удовольствіе, не откажетесь?

ЦВѢТКОВА. Отчего-же? очень буду рада, если Аввакумъ Никитичъ не будетъ на это въ претензіи...

МЯМЛИНЪ. О, не безпокойтесь, онъ вѣрно не захочетъ разстроить нашу компанію.

МОРОШКА (*про себя, злобно*). Все разстрою—и свадьбу, и компанію, а эту Анну Ивановну ... можетъ быть, найду случай убить до смерти!

ЧУХЛОМСКІЙ. Смотрите-же, мы васъ будемъ ждать... (*Имъ тихо*). Я долженъ остаться, чтобъ дѣйствовать противъ Морошки.

ПРИБИРОХИНА. Хорошо, пожалуйста, постарайтесь... (*Морошкѣ*). До свиданія господа ... до свиданія, Аввакумъ Никитичъ .. (*Обѣ уходятъ*).

МОРОШКА (*вздрогнувъ, про себя*). Бррр!.. у этой женщины не голосъ, а какая-то змѣиная шипучка!

XI.

ТѢ-ЖЕ кромѣ **ЦВѢТКОВОЙ** и **ПРИБИРОХИНОЙ.**

МЯМЛИНЪ (*проводивъ женщинъ*). Ну, друзья мои, теперь, вы оба, какъ женатые люди, должны по совѣсти рѣшить мою судьбу; говорите, совѣтуйте, я вполнѣ полагаюсь на ваше благоразумное рѣшеніе, но только ради Бога, говорите по совѣсти, по-пріятельски, откровенно. Признаюсь, хоть я влюбленъ не на шутку въ эту женщину, а все еще не убѣжденъ, не знаю, хорошо-ли дѣлаю, что хочу жениться?

ЧУХЛОМСКІЙ. Да ужъ я тебѣ говорю, что хорошо, прекрасно, умно дѣлаешь, что хочешь жениться! (*кличетъ изъ дому*) Алексѣй! (*Лакей входитъ; онъ ему приказываетъ тихо:* распорядись живѣе).

ЛАКЕЙ. Слушаю-съ! (*Уходитъ опять въ домъ*).

МЯМЛИНЪ. Ну, а ты что скажешь, Аввакумъ Никитичъ?

МОРОШКА. Я?.. гмъ! дурно, скверно, глупо, гадко, что ты хочешь жениться.

ЧУХЛОМСКІЙ (*перебивая его*). Вздоръ! ты будешь, право, очень уменъ, если женишься!

МОРОШКА (*также*). Нѣтъ, нѣтъ, ты будешь очень глупъ, если женишься!

ЧУХЛОМСКІЙ. Ты будешь счастливъ, какъ я!

МОРОШКА. Ты будешь несчастливѣе, меня!

ЧУХЛОМСКІЙ. Жена будетъ тебя любить, уважать.

МОРОШКА. Вретъ: жена будетъ тебя за носъ водить, въ дураки сажать.

ЧУХЛОМСКІЙ. Будетъ ухаживать за тобою.

МОРОШКА. Нѣтъ, будетъ бѣгать отъ тебя: я тебѣ живой примѣръ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Ты сдѣлаешься почтеннымъ, настоящимъ отцомъ семейства ... Женившись, ты узнаешь полное, настоящее назначеніе человѣка въ этой жизни ...

МОРОШКА. Пустяки! ты ничего не узнаешь, если жена захочетъ тебѣ носъ наклеить.

ЧУХЛОМСКІЙ. Ты не можешь себѣ вообразить, сколько ожидаетъ тебя истинно отрадныхъ минутъ съ доброю женою.

МОРОШКА. Ты не воображаешь, какихъ тебѣ жена надѣлаетъ непріятностей!

ЧУХЛОМСКІЙ. Ты будешь благословлять тотъ день, въ который тебѣ пришла идея жениться.

МОРОШКА. Ты будешь проклинать тотъ часъ.

ЧУХЛОМСКІЙ (*вскрикнувъ*). Аввакумъ, перестань-же, дай мнѣ говорить!

МОРОШКА. Говори, я тебѣ не мѣшаю.

ЧУХЛОМСКІЙ. Какъ-же не мѣшаешь? Ты мелешь вздоръ, а я ему говорю дѣло, откровенно, совѣтую по совѣсти ...

МОРОШКА. А я ему не совѣтую по опыту!

ЧУХЛОМСКІЙ. Не слушай его, Иванъ: онъ судитъ по своимъ только отношеніямъ съ женою, но онъ самъ виноватъ, потому-что не умѣлъ заставить полюбить себя; этотъ человѣкъ даже никогда и не долженъ былъ жениться: его характеръ, фигура, его лицо, посмотри— можетъ-ли все это нравиться женщинѣ? Ха! ха! ха!..

МОРОШКА (*обидясь*). Очень можетъ! Неправда! До женитьбы я былъ чрезвычайно интересный мужчина, а какъ проклятая Анна Ивановна меня сосватала, я чувствую, что упалъ вдругъ по-крайней-мѣрѣ

на сорокъ процентовъ. Бѣгая вездѣ за женою, я потерялъ много по службѣ, я похудѣлъ, сморщился, оплѣшивѣлъ, словомъ: сдѣлался хуже всякаго худаго, и все это черезъ жену. Но, она отвѣтитъ за все!..

ЧУХЛОМСКІЙ (*серьозно*). Хорошъ-же тотъ мужчина, который жалуется на свою жену. Еслибъ ты былъ уменъ, въ твоей волѣ было-бы повести жену такъ, какъ должно, потому-что ты былъ старше и опытнѣе; узнавши ея характеръ, ты обязанъ былъ благоразумными средствами исправить ее, осторожно пріучить къ должному повиновенію, съ любовью пріохотить ее ко всѣмъ ея обязанностямъ, такъ-что она, наконецъ, невольно отдалась-бы тебѣ во власть, поняла-бы свое назначеніе, и еслибъ не могла любить такого мужа, какъ ты, все-таки стала-бы непремѣнно уважать тебя! (*разгорячась*). Да, и если ты не умѣлъ ничего этого сдѣлать, такъ ты не мужъ — а дуракъ, и если ты жалуешься на жену, ты поступаешь несправедливо, неблагородно, безчестно; ты послѣ этого, не мужчина — ты хуже бабы; еслибъ даже жена стала теперь бить тебя, такъ тебѣ и надо, старый сморчекъ: ты этого стоишь, не женись, не вини другихъ, когда самъ виноватъ! Терпи — казнись, плѣшивая тыква: по дѣломъ тебѣ!..

МЯМЛИНЪ. Ермолай Алексѣичъ, полно!

ЧУХЛОМСКІЙ (*также горячо*). Не могу, Иванъ Семенычъ; ты пригласилъ его на совѣтъ, а зачѣмъ? Ну, его-ли пустой головѣ имѣть право совѣтовать?

МОРОШКА (*сильно обидясь*). Ермолай Алексѣичъ!

ЧУХЛОМСКІЙ. Что, Аввакумъ Никитичъ?

МОРОШКА. Ты меня такъ оскорбилъ ... такъ унизилъ ... что я чувствую колотье въ печенкѣ.

ЧУХЛОМСКІЙ. Самъ виноватъ: терпи!

МОРОШКА (*морщится*). Нѣтъ ... не могу ... когда я очень разобиженъ, у меня ... дѣлается икота ... видите ... это не даромъ ... вѣрно, моя жена ... опять что напраказила ... дайте мнѣ съ горя выпить чего-нибудь?..

(*Во время этой сцены, лакей приготовилъ все для чаю, и бутылку шампанскаго*).

МЯМЛИНЪ. Сейчасъ ... Алексѣй, дай скорѣе чаю ...

МОРОШКА (*продолжая икать*). Нѣтъ ... горячее мнѣ теперь вредно ...

МЯМЛИНЪ. Ну, подай стаканъ холодной воды!

МОРОШКА. Нѣтъ ... я разгорячень, я простужусь ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Такъ вотъ, лучше всего, я велѣлъ подать шампанское ...

МОРОШКА. Нѣтъ,... это для меня слабо. (*Показывая на графинъ*) Вотъ это что̀ у васъ?

ЛАКЕЙ. Это-съ самый лучшій коньякъ-съ.

МОРОШКА. Ну, это мнѣ иногда хорошо ... дай рюмочку ... (*пьетъ*).

МЯМЛИНЪ. Ну, что̀? легче тебѣ?

МОРОШКА (*продолжая*). Не могу еще ничего сказать ... (*Чухломскому*). Ну, Ермолай Алексѣичъ, ты меня когда-нибудь въ гробъ положишь ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Почему-же!.. Если ты прежде умрешь, за долгъ почту сдѣлать все, что слѣдуетъ. Ха! ха! ха!

МОРОШКА. Какъ это утѣшительно. (*пьетъ*) Мнѣ и безъ того горько ... а ты еще, какъ на смѣхъ, подбавляешь мнѣ ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Не правда Аввакумъ; ты самъ себѣ подбавляешь горечи ...

МЯМЛИНЪ. Однакожъ, друзья мои, вы все еще ничего не рѣшили. По-крайней-мѣрѣ, нравится-ли вамъ моя невѣста?

ЧУХЛОМСКІЙ. Очень. Прелесть, что за женщина! Я отъ нея въ восхищеніи!

МОРОШКА. Нѣтъ, препротивная бабенка; какъ-то этакъ ... ломается, финтитъ — гримасничаетъ ... (*Передразнивая Цвѣткову*).

МЯМЛИНЪ (*обидясь*). Ну, вотъ ужъ это неправда; это, можетъ быть, твоя жена, увидя тебя, гримасничаетъ, а Настасья Петровна, вообще, держитъ себя превосходно; я слѣжу за нею цѣлое лѣто, и кромѣ хорошаго, ничего другаго не знаю ...

ЧУХЛОМСКІЙ. Именно, манеры, тонъ разговора — очаровательны.

МОРОШКА. Да да, хорошо очарованіе; я думаю изъ косметическаго магазина куплены и бѣлизна и румянецъ ...

МЯМЛИНЪ (*горячо*). Аввакумъ Никитичъ, ты безсовѣстно клевещешь! Это скверно! можетъ быть, твоя жена прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ, а Настасья Петровна на это не способна; она не нуждается, въ этомъ.

МОРОШКА. Моя жена, его жена, и твоя вдовушка, всѣ онѣ способны на разныя продѣлки! (*садится у стола и еще выпиваетъ рюмку*). Женщины нѣ-хотя тянутъ насъ въ погибель!..

ЧУХЛОМСКІЙ. Да что̀ ты его слушаешь? Ты имѣешь свой взглядъ,

свой разсудокъ, знаешь невѣсту свою лучше всѣхъ насъ, такъ не стыдно-ли спрашивать мнѣнія у этого погибшаго сморчка? Онъ, изъ зависти къ намъ, всегда радъ клеветать на женщинъ. Лучше всего выпьемъ братъ, Иванъ Семенычъ, за здоровье Настасьи Петровны — и баста! Алексѣй, давай шампанскаго!

ЛАКЕЙ (*наливаетъ*). Сейчасъ, сударь.

МЯМЛИНЪ (*рѣшительно*). Именно; глупо я сдѣлалъ, что пригласилъ его на совѣтъ! Ты, братъ, Аввакумъ, именно погибшая овца: у тебя нѣтъ ни логики, ни здраваго смысла, ни справедливаго сужденія, ничего, кромѣ пошлой зависти, да лысой головы! (*Чухломскому*). Въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь онъ въ первый разъ ее видитъ и смѣетъ говорить про нее такъ дурно. Чортъ возьми! Что онъ несчастливъ съ своей женой, такъ думаетъ и мнѣ то-же напророчить! (*Морошкѣ*). Такъ вотъ на зло-же тебѣ — я женюсь и буду счастливъ совершенно! (*Чухломскому*). Не правда-ли?

ЧУХЛОМСКІЙ. Ну, право, будешь. (*пьетъ*) За здоровье жениха и невѣсты! ура! (*лакею*) Алексѣй, подноси барину скорѣе!..

МЯМЛИНЪ (*беретъ бокалъ*). Спасибо ... да по-моему ужъ лучше у Алексѣя мнѣ спросить совѣта, чѣмъ у этого Морошки. Алексѣй, говори правду: хорошо я дѣлаю, что хочу жениться?

ЧУХЛОМСКІЙ. Говори, хорошее заведеніе, или нѣтъ?

ЛАКЕЙ (*барину*). То-есть, наипрекраснѣйшее дѣло изволите дѣлать, баринъ! Въ холостомъ пребываніи вы уже изволили довольно пожуирствовать, такъ ужъ пора вамъ успокоиться въ бракѣ.

МЯМЛИНЪ. Ай-да Алексѣй, спасибо за совѣтъ! Да здравствуетъ Настасья Петровна! (*пьетъ бокалъ*).

ЧУХЛОМСКІЙ (*также*). Да здравствуетъ! Алексѣй, бѣги звать къ чаю будущую свою барыню!

ЛАКЕЙ. Съ наивеличайшимъ одолженіемъ (*убѣгаетъ*).

ЧУХЛОМСКІЙ. А ты, Иванъ Семенычъ, бѣги пока въ свой кабинетъ, за обѣщаннымъ подаркомъ...

МЯМЛИНЪ. Ахъ, да! да! Сейчасъ-же рѣшу мою участь и дамъ ей, такъ сказать, задатокъ будущаго нашего счастія! Лечу на крыльяхъ любви и надежды! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

ЧУХЛОМСКІЙ. Ай-да, Иванъ! давно-бы такъ; молодецъ!

XII.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ **МЯМЛИНА** и **ЛАКЕЯ**.

МОРОШКА (*выпивъ шампанскаго начинаетъ немножко хмѣлѣть*). Друзья мои, вы меня ... такъ оскорбили ... такъ осмѣяли, что я, отъ душевной слабости ... (*начинаетъ горько плакать*) заливаюсь горькими слезами.. Охъ, грустно мнѣ жить на свѣтѣ! зачѣмъ я женился, старый болванъ? Жена моя ... о! вы еще ея не знаете: это пантера въ шелковомъ капотѣ! Оттого-то я не совѣтую и Мямлину заводиться такимъ звѣремъ!

ЧУХЛОМСКІЙ. Цвѣткова другое дѣло, а ты самъ виноватъ: зачѣмъ-же ты женился на пантерѣ?

МОРОШКА. Да, я-бы и не женился ... но ... меня Анна Ивановна женила. (*Рыдаетъ*) Когда я увидалъ здѣсь эту Прибирохину ... такъ у меня даже пульсъ остановился! О-о-охъ! охъ! Зачѣмъ я связался съ бабою? Ты еще не знаешь: на прошедшей недѣлѣ жена меня такъ съѣздила зонтикомъ по головѣ, что я чуть не скончался!

ЧУХЛОМСКІЙ. Неужели? Вотъ какое заведеніе!

МОРОШКА. Увѣряю васъ! Въ слѣдствіе этого, мнѣ-бы страхъ хотѣлось этой Аннѣ Ивановнѣ нанести какое-нибудь самое чувствительное оскорбленіе; я-бы убилъ ее... да не смѣю! Пожалуй, подумаютъ, что это съ умысломъ ... я-бы, пожалуй, поджегъ ея дачу, да она застрахована. Ермолай Алексѣичъ, научи хоть ты, какъ-бы мнѣ наказать Прибирохину?..

ЧУХЛОМСКІЙ. Ха! ха! ха! Ахъ ты чудакъ! Да развѣ благородно, чтобъ мужчина мстилъ слабому, нѣжному полу? Развѣ это хорошее заведеніе?

МОРОШКА (*вскочивъ съ досадою*). Да тебя вѣдь жена не бьетъ зонтикомъ по головѣ?

ЧУХЛОМСКІЙ. Нѣтъ.

МОРОШКА. Видишь, какъ ты счастливъ! Твоя жена не бѣгаетъ безпрестанно изъ дому.

ЧУХЛОМСКІЙ. Нѣтъ.

МОРОШКА. Видишь, какая тебѣ доля вышла! А я ... ой! ой!

(*Закрываетъ лицо, садится у стола и снова гро́мко плачетъ. Въ эту минуту* **Мямлинъ**, *вышедъ изъ дому, ищетъ глазами* **Цвѣткову** *и снова скрывается въ глубинѣ сада, пересматривая ламбардные билеты*).

ЧУХЛОМСКІЙ (*утѣшая его*). Полно, Аввакумъ Никитичъ ... грѣшно упадать духомъ; терпи, утѣшься...

МОРОШКА (*выпивая бокалъ*). Да, я и такъ стараюсь утѣшиться... но, несчастіе-то мое такъ велико, что ... (*наливаетъ еще*) это все слабо ... не помогаетъ мнѣ ... ужъ сколько разъ говорю: «Морошка! дуракъ ты, что на старости женился; прежде ты былъ исправный человѣкъ ... а теперь, такая дрянь, что тебѣ ничего поручить нельзя!» Ну, я и отправлюсь къ женѣ ... и говорю ей о столь лестныхъ отзывахъ, а она меня зонтикомъ! (*Рыдаетъ*) Нѣтъ! это ... это слишкомъ больно! надо имѣть только мой крѣпкій черепъ, чтобъ не сойти съ ума! я ... я увѣренъ, что это Анна Ивановна научила мою жену всѣмъ этимъ боевымъ эволюціямъ. Она, говорятъ, и своего мужа коммисара, урезонила лечь въ могилу тоже какимъ-то деревяннымъ инструментомъ ... Коммисаръ, разумѣется, не вынесъ операціи, протянулъ ноги, а она что̀? Гуляетъ по бѣлу свѣту, какъ ни въ чемъ не бывало!

XIII.

ТѢ-ЖЕ и **ПРИБИРОХИНА**, входя весело.

ПРИБИРОХИНА. Ермолай Алексѣичъ, все кончено! Иванъ Семенычъ подарилъ Настенькѣ, и черезъ три дня свадьба!

ЧУХЛОМСКІЙ. Браво, хорошее заведеніе!

МОРОШКА (*вскочивъ съ мѣста, трясется всѣми членами*). Еще свадьба? Еще одна душа погибла? (*подходитъ грозно къ Прибирохиной и произноситъ громко*). Анна...

ЧУХЛОМСКІЙ. Что̀ ты, Аввакумъ?..

МОРОШКА. Молчи Ермолай! (*ей*) Анна, кого ты навязала на шею Ивану? Анна, ты Аввакуму ужъ навязала Саламониду — и дерзаешь еще ... нѣтъ! ты должна умереть не своею смертью!

ПРИБИРОХИНА. Что вы! что вы! вы забываетесь! я благородная женщина!

ЧУХЛОМСКІЙ (*сажая его*). Аввакумъ! забываешься передъ благородной женщиной; это, братъ, дурное заведеніе! Садись и пей чай...

МОРОШКА. Бррр! она благородная? у ней благородства столько-же, какъ у меня ... волосъ на головѣ! (*грозитъ ей*). Анна! счастье твое, стоя слабый мужъ, а то-бы я ... (*пьетъ шампанское*) высосалъ всю рѣчь твою!..

XIV.

ТѢ-ЖЕ и **МЯМЛИНЪ**, подъ руку ведетъ **ЦВѢТКОВУ**, за ними **ЛАКЕЙ**.

МЯМЛИНЪ. Друзья мои, поздравьте насъ! черезъ три дня наша свадьба!

ЧУХЛОМСКІЙ и **ПРИБИРОХИНА** (*вмѣстѣ*). Поздравляемъ, поздравляемъ! дай Богъ совѣтъ да любовь!

МОРОШКА (*про себя*). Да, чтобъ у твоей жены не было зонтиковъ!

МЯМЛИНЪ. Да, друзья мои, я увѣренъ, что буду счастливъ въ полной мѣрѣ! (*ей*) Неправда-ли, мой дружокъ?

ЦВѢТКОВА. Добрый Иванъ Семенычъ, вы столько сдѣлали для меня, что я теперь обязана доказать вамъ и всѣмъ вашимъ роднымъ, какъ я умѣю быть благодарной.

МЯМЛИНЪ (*цѣлуя ея руку*). О, прелесть моя! Зная ваши правила, я увѣренъ, что нашелъ въ васъ подъ старость истинную и добрую подругу. (*всѣмъ*) Не правда-ли, друзья?

ЧУХЛОМСКІЙ. Разумѣется: женись только, и ты увидишь какое это хорошее заведеніе.

МОРОШКА (*самъ съ собою*). А по-моему, плохое заведеніе.

МЯМЛИНЪ. Алексѣй, подавай чай. (*дамамъ*) Прошу покорно садиться, будьте, какъ дома, хозяйничайте ... (*всѣ усаживаются*). Ну любезный Морошка, отойди немножко, дай мѣсто моей милой очаровательной хозяюшкѣ! Ахъ, какъ я радъ! какъ я теперь счастливъ!

ЧУХЛОМСКІЙ. Да, да, и, глядишь, черезъ годъ, Богъ дастъ, у тебя будетъ прехорошее заведеніе!

МОРОШКА (*встороиъ*). Да, вотъ такъ-то всегда въ жизни: одни радуются, другой чуть не плачетъ; одного мужа — жена любитъ, другаго зонтикомъ бьетъ; одного автора пьесу ошшикаютъ, другому — аплодируютъ! (*публикѣ*) И такъ если сегодня вамъ нашъ авторъ не наскучилъ, такъ ужъ сдѣлайте милость, при отношеніи представьте въ общее собраніе его трудъ, чтобъ поскорѣе рѣшить его участь...

9834
~~18166~~.

Лен... ...ателей
БИБЛИ... ...А
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО